

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

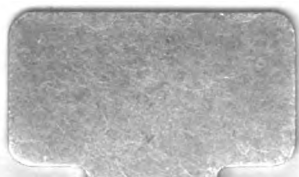
About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

P. Har 236.4

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

Волга и Дунай

ОКТАБРЬ.

1872.

ДѢЛО

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

СОДЕРЖАНІЕ.

- I. ОШИВКА. Повѣсть П. ЛЬТНЕВА.
- II. НА ПАРХОДѢ. (Изъ пѣсень о сѣверѣ.) Стихотвореніе В. И. СЛАВЯНСАГО.
- III. ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЬ — ВУРЯ. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. Книга пятая ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.
- IV. НА ДАЛЕКИХЪ ОКРАИНАХЪ. Романъ. Часть вторая Н. Н. КАРАЗИНА.
- V. ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ АНГЛІИ. (Ст. первая) А. МИХАЙЛОВА.
- VI. ВОРОНЫ. Стихотвореніе В. И. СЛАВЯНСАГО.
- VII. О ЧЕМЪ ПѢЛА ЛАСТОЧКА? Романъ. (Гл. XI — XIX) ФР. ШПИЛЬГАГЕНА.
- VIII. СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЕФИ. (Послѣдніе друзья. — Равнодушіе. — Перемиѣна. — Живой мертвецъ. — На перекресткѣ. — Шиннокъ. — Друзьямъ. — Тоска. — Въ памятную книжку.) А. МИХАЙЛОВА.
- IX. «ЗОВЕТЬ»... (Записки Семена Долгаго.) Тетрадь вторая Н. Ф. БАЖИНА.
- X. МОНОЛОГИ. Стихотвореніе В. И. СЛАВЯНСАГО.
- XI. АЛЕКСАНДРЪ ГУМВОЛЬДТЪ ВЪ РОССІИ. Б. П. ОНГИРСАГО.

См. на оборотѣ.

57-16

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

XII. ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ. Спасенные и спасающіеся П. Н.

(«Солидные добродѣтели», романъ въ 4-хъ книгахъ. П. Д. Боборыкина. Изд. И. П. Печаткина. 1871. — «Повѣсти и рассказы» П. Д. Боборыкина. Спб. 1872.)

XIII. НОВЫЯ КНИГИ.

Материнское воспитаніе, основанное на законахъ природы. Соч. Ж. Рамбоссона, члена французской академіи наукъ. Перев. съ французск. А. И. Вестенриксъ. Спб. 1872. — **Дикая Африка.** Второе путешествіе дю-Шалью. Съ картой и рисунками. Изд. журнала «Всемирный Путешественникъ». Спб. 1872. — **Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ.** Публичныя лекціи, читанныя въ Орлѣ, въ мартѣ 1871 г. А. Н. Чудиновымъ. Воронежъ, 1872. — **Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи, общественной гигиенѣ, эпидемиологіи, медицинской географіи и медицинской статистикѣ.** Изд. медицинскаго департамента. Т. I. Спб. 1872.

XIV. БАДНЯКЪ. («Les pauvres Gens: Noel Rambert», par Jules Claretie.)

XV. ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА

Пророчество поэта Гейбеля. — Темныя пятна на свѣтомъ горизонтѣ германской имперіи. — Искренность увлеченія нѣмцевъ. — Оптимизмъ князя Бисмарка. — Мѣры, принятыя съ цѣлю германизациі Эльзаса и Лотарингіи. — Оппозиція духовенства. — Страсбургскій епископъ Ресъ. — Причины популярности іезуитовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Говеніе на французскій языкъ. — Обязательное обученіе. — Уменьшеніе числа учениковъ въ гимназіяхъ и лицейхъ. — Преувеличенныя надежды, возлагаемыя нѣмцами на страсбургскій университетъ. — Торжественное открытіе этого университета. — Коммерсъ. — Смерть барона Ауфсеса и генерала Французскаго. — Появленіе феноменовъ въ Баденѣ, Вюртембергѣ и Эльзасѣ. — Объясненіе ихъ мѣстными жителями. — Неудавшіяся опыты сближенія нѣмецкой администраціи съ населеніемъ завоеванныхъ провинцій. — Пассивная оппозиція эльзасцевъ и лотарингцевъ. — Новая система управленія Эльзасомъ и Лотарингіей. — Дѣло Абу. — Сильное впечатлѣніе, произведенное на завоеванныя провинціи усихомъ французскаго займа. — Эльзасская лига. — Дѣятельность эльзасскихъ и лотарингскихъ женщинъ въ подпискѣ на покрытіе контрибуціи. — Переселеніе молодыхъ людей и дѣтей изъ Эльзаса и Лотарингіи. — Выборъ національности.

XVI. ОБЩЕСТВЕННЫЕ СКОМОРОХИ. Драматическій фельетонъ въ стихахъ и прозѣ, въ пяти актахъ. **ЛИТЕРАТУРНОЕ ДОМИНО.**

**ОБЪЯВЛЕНИЕ ОБЪ ИЗДАНИИ
ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКАГО ЖУРНАЛА**

„Д Ф Л Р“

въ 1873 году.

Журналъ «ДЪЛО» будетъ выходить въ 1873 г. на прежнихъ основаніяхъ, по прежней программѣ и въ тѣмъ-же направленіи, какъ и въ прежнія шесть лѣтъ.

Подписная цѣна журналу на годъ:

безъ пересылки и доставки . . . 14 р. 50 к.
съ пересылкой 16 р.
съ доставкой въ Петербургъ . . 15 р. 50 к.

Подписку просятъ адресовать исключительно въ С.-Петербургъ, въ Кантору Редакціи журнала „ДЪЛО“, по Надеждинской ул. д. № 39; въ Москву, въ книжный магазинъ Н. Г. Сольвьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева.

Книжки журнала отправляются иногороднымъ запакованными въ плотную бумагу, подъ бандеролями съ печатными адресами.

Въ случаѣ жалобъ на несвоевременное полученіе книжекъ „Дѣла“ Редакція проситъ покорнѣе гг. подписчиковъ заявлять таковыя жалобы не позже, какъ по полученіи слѣдующей книжки. Въ противномъ случаѣ, на основаніи объявленныхъ правилъ отъ Почтоваго вѣдомства, Газетная Экспедиція жалобъ не принимаетъ.

СОДЕРЖАНИЕ ДЕСЯТОЙ КНИГИ.

Ошиба. Повѣсть	<i>П. Лютнева.</i>
На пароходѣ. Стихотвореніе	<i>В. Н. Славянскаго.</i>
Въ тихомъ омутѣ—буря. (Очерки англійской провинціальной жизни). Романъ. (Книга пятая)	<i>Джоржа Эліота.</i>
На далекихъ окраинахъ. Романъ. Часть вторая	<i>Н. Н. Каразина.</i>
Первоначальное образованіе въ Англии. (Ст. первая)	<i>А. Михайлова.</i>
Вѣроны. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянскаго.</i>
О чемъ пѣла ласточка? Романъ. (Гл. XI—XIX)	<i>Фр. Шпиллгана.</i>
Стихотворенія Александра Петефи. (Послѣдніе друзья.—Равнодушіе.—Пере мѣна.—Живой мертвецъ.—На перекресткѣ.—Шинокъ.—Друзьямъ.—Тоска.—Въ памятную внижку.)	<i>А. Михайлова.</i>
«Зоветь...» (Записки Семена Долгаго.) Тетрадь вторая	<i>Н. Ф. Бажина.</i>
Монологи. Стихотвореніе	<i>В. И. Славянскаго.</i>
Александръ Гумбольдтъ въ Россіи	<i>Б. П. Отирскаго.</i>

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Литературныя этюды. Спасенные и спасающіеся	<i>П. Н.</i>
Новыя книги	
Бяднякъ. (Романъ Жюля Кларетт: «Les raucres Gens: Noel Rambert») (Гл. I—II)	
Политическая и общественная хроника	
Общественные скоморохи. Драматическій фельетонъ въ стихахъ и прозѣ, въ пяти актахъ	<i>Литературное домино.</i>
Внутреннее обозрѣніе	<i>Н. Ч.</i>

050
ДѢЛО

ЖУРНАЛЬ

ЛИТЕРАТУРНО-ПОЛИТИЧЕСКІЙ.

ГОДЪ ШЕСТОЙ.

Шлв. 421

№ 10.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ, 1872.

ТИПОГРАФИЯ А. КОРИТКОВСКАГО, ПО НАДЕЖДИНСКОЙ УЛИЦѢ, ДОМЪ № 39.

121

(342)

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 7 ноября, 1872 года.

1872

О Ш И Б К А.

П О В Ъ С Т Ъ.

ГЛАВА I.

Въ одномъ изъ тѣхъ обширныхъ сель степныхъ губерній, которыя служатъ мирнымъ пріютомъ для множества крупныхъ и мелкихъ владѣльцевъ, стоялъ довольно ветхій старинный домъ. Прямо передъ нимъ вилась широкой лентою большая дорога; въ нѣсколькихъ саженьяхъ зеленѣла березовая роща.

Солнце склонялось въ закату. На терасѣ съ навѣсомъ, очевидно, только-что пристроенной въ дому, сидѣла на старинномъ кожаномъ диванѣ хозяйка—помѣщица Путивлева, уже пожилая, очень полная дама. Мягкія, круглыя черты ея лица до того расплылись, что слились почти въ одну неопредѣленную форму и выражали полную безмятежность, переходящую въ апатію; каждое ея движеніе дышало лѣнью; одежда состояла изъ свѣтлой, холстинковой блузы; русые волосы, еще безъ просѣди, были напомажены и гладко спущены на уши; а коса, по старомодному, свернута на гребнѣ. Хотя жесткій и высокій диванъ былъ не слишкомъ удобенъ для сидѣнія, но Путивлева обложила себя столькими подушками, что могла расположиться съ совершеннымъ комфортомъ, поджавши ноги. Передъ ней стоялъ деревянный столъ съ подносомъ, уставленнымъ домашней яблочной постилкой, орѣхами и красной смородиной. Надъ всѣмъ этимъ возвышался графинъ квасу и бутылка меду.

Рядомъ съ Путивлевой, на соломенномъ стулѣ сидѣла, въ противоположность ей, другая дама, хотя немногимъ помоложе ея,

но обличенная такими искусными атрибутами молодости и красоты, что действительно—съ перваго взгляда—могла показаться и молода, и хороша, хотя, въ сущности, не было ни того, ни другого. Съ конца ея шагренёвой ботинки и до корня волосъ, все въ ней изобличало жительницу столицы, не доморощенной матушки-Москвы, а иностраннаго элегантнаго Петербурга. Изыщно-простое сѣрое платье, сшитое лучшей модисткой, придавало ей ту условную грацію и стройность, которыя покупаются и измѣряются количествомъ рублей, заплаченныхъ за фасонъ. Одна только причёска придавала ея безукоризненному туалету нѣкоторый видъ игривости: бѣлокурные волосы были острижены и завиты въ мелкія, воздушныя буэли, стоявшія надъ лбомъ; посреди ихъ граціозно сидѣлъ черныи бархатный бантикъ, съ концами, падавшими на шею. На груди ея висѣлъ лорнетъ, въ который она, по временамъ, разсматривала окружающую мѣстность, отрываясь отъ нѣмецкой книги, которую читала. Увѣренное выраженіе лица ея говорило, что, во-первыхъ, она знаетъ себѣ цѣну, а во-вторыхъ, что она можетъ, не колеблясь, разрѣшить всякій вопросъ, какой-бы ей ни предложили, будь онъ ученый, психологическій, или просто обыденный. Вообще ея личность рѣзко отличалась и представляла что-то чуждое, посреди этой обстановки лѣнивой и привольной деревенской распущенности, двора, заросшаго травой, гусей, утокъ и поросятъ, пытавшихся, по временамъ взойдти на ступени терассы и прогоняемыхъ босоногимъ мальчишкой въ грязной рубашкѣ.

Эту даму звали Алевтина Михайловна Строева. По зимамъ она жила въ Петербургѣ, писала фельетонъ въ какой-то газетѣ и была постоянной переводчицей одного журнала. На это лѣто финансовыя соображенія побудили ее принять радушное приглашеніе Путивлевыхъ, погостить у нихъ. Они были ей дальніе родственники и считали за честь принимать у себя такую важную петербургскую гостью.

Скука и нетерпѣніе ясно выражались въ эту минуту въ ея чертахъ. Видно было, что книга не занимаетъ ее нисколько и имѣется въ рукахъ только для вида.

— Завтра престольный праздникъ у васъ? обратилась она, наконецъ, съ вопросомъ къ своей молчаливой и безмятежной со-

— Да, односложно отвѣчала Путивлева, выбирая крупную кисть красной смородины.

— Вы ждете гостей?

— Гостей? повторила та задумчиво, какъ-будто ей стоило большого труда сообразить этотъ вопросъ:— какихъ гостей? кому у насъ быть?

— Ну, сосѣди ваши,— ихъ тутъ много, нетерпѣливо сказала Алевтина.

— У сосѣдей тоже праздникъ, — не знаю: врядъ-ли придутъ!

Сказавъ эти слова, Путивлева снова погрузилась въ безмолвную безмятежность и жеваніе постилы, стоявшей передъ нею.

Въ эту минуту, опушка рощи огласилась пронзительнымъ ауканьемъ и смѣхомъ молодыхъ, женскихъ голосовъ.

— Это все моя Маруся проказничаетъ, замѣтила Путивлева, съ довольнымъ видомъ и апатичное лицо ея оживилось добрымъ и теплымъ выраженіемъ.— Съ самаго послѣ-обѣда ходить съ дѣвками за грибами.

— Другихъ развлеченій нѣтъ, замѣтила Алевтина, слегка пожимая плечами:— вы ее отпускаете иногда въ гости?

— Какъ-же; посылаю къ сосѣдямъ, да она не любитъ, сама отговаривается; молода еще— дичится.

— Сколько ей лѣтъ?

— Семнадцать; восемнадцатый пошелъ, зѣвая, отвѣтила Путивлева.

Алевтина лѣниво развернула опять книгу; но, прочтя пол-страницы, обратилась съ новымъ вопросомъ:

— А что этотъ Туманскій, который живетъ у васъ...

Она не договорила, потому-что на ступени террасы быстро взбѣжалъ молодой человекъ и, поправляя влажные отъ пота волосы, упавшіе ему на лобъ, сказалъ Путивлевой:

— Марья Кирилловна проситъ у васъ плетеную корзинку.

— Она у меня въ спальнѣ. Да на что ей?

— Грибы некуда положить. Можно взять?

— Возьмите. Вы развѣ также грибы собираете?

— Да. Такъ корзинка стоитъ у васъ въ спальнѣ?..

— Вы-бы медку выпили, сказала Путивлева, не отвѣчая на

вопросъ: — вишь, какъ устали!.. Должно быть, отъ самой рощи бѣжали бѣгомъ!

Онъ выпилъ поспѣшно стаканъ меда и ушелъ въ домъ.

— Не найдетъ онъ корзинку, задумчиво прошептала Путьлева, — и дѣвокъ-то нѣтъ, чтобъ ему указать... Всѣ съ Марусей ушли.

— Я пойду помогу ему, сказала Алевтина, вставая.

Мѣрно, стуча коблукками петербургскихъ ботинокъ и заложивъ книгу пальцемъ, Алевтина Михайловна пошла въ спальню и встрѣтилась съ Туманскимъ, уже отыскавшимъ корзинку.

— Погодите, Туманскій, мнѣ нужно съ вами поговорить, сказала она, — бросьте вы этотъ вздоръ.

— Какой вздоръ?

— Вотъ эту корзинку: Неужели я, въ самомъ дѣлѣ, повѣрю, что васъ занимаетъ собираніе грибовъ?

Она ждала отвѣта, но Туманскій молчалъ. Спустя нѣсколько секундъ, онъ спросилъ:

— Что-же вы хотѣли мнѣ сказать?

— Прочли вы въ послѣднемъ номерѣ газеты критику на мой переводъ?

— Да, прочелъ, какъ только вы мнѣ сказали. Я, кажется, говорилъ уже вамъ объ этомъ.

— Можетъ быть; но дѣло не въ томъ. Я нахожу, что мнѣ нельзя оставить безъ отвѣта эту критику, тѣмъ болѣе, что авторъ ея... Но вы меня не слушаете? вдругъ прервала она, вся покраснѣвъ отъ досады. — Я васъ задерживаю идти собирать грибы?..

— Я общался Марьѣ Кирилловнѣ принести сейчасъ корзинку, и потому спѣшу, отвѣчалъ Туманскій.

— Такъ что-же вы не идете? Не стѣсняйтесь, пожалуйста; я не помѣха вашимъ забавамъ. Хотя, по правдѣ сказать, прибавила она, слегка пожимая плечами, — мнѣ трудно понять въ васъ этотъ индефферентизмъ ко всему, кромѣ грибовъ...

— Что вы хотите этимъ сказать? возразилъ Туманскій, остановившись у двери.

— То, что вы даже не замѣчаете, что можете быть нужны другимъ, кромѣ Марьи Кирилловны, и для болѣе серьезнаго дѣла!

— Что-же вамъ отъ меня нужно? спросилъ онъ, возвращаясь и садясь возлѣ нея.

Алевтина посмотрѣла на него испытующимъ взглядомъ, соображая въ умѣ, что-бы сказать ему довольно интересное, чтобъ задержать его подольше и не пустить въ рощу.

— Какую пользу вы приносите, напримѣръ, здѣсь?

— Таковую, какую приносилъ-бы и въ другомъ мѣстѣ. Хотя я живу здѣсь не по своей волѣ и моя свобода до нѣкоторой степени связана, но, по крайней мѣрѣ, то, что отъ нея оставлено я стараюсь употребить такъ, какъ считаю лучшимъ.

— Странно! прервала Алевтина, пожимая плечами:—я никогда не думала, что вы миритесь съ этой средой! Неужели вы не задыхаетесь посреди этого непроходимого невѣжества, посреди этого грубаго непониманія самыхъ простыхъ вещей?

— А вы развѣ задыхаетесь? въ такомъ случаѣ, что-же васъ здѣсь привязываетъ? спросилъ Туманскій, улыбнувшись.

— О! я совсѣмъ другое дѣло, прервала она съ жаромъ:—я пріѣхала сюда именно съ цѣлью разузнать здѣшнюю жизнь и интересы, и расшевелить, если возможно, всѣхъ этихъ спящихъ... Но оказывается, что это невозможно...

— Отчего-же невозможно? А я, напротивъ, никакъ не ожидалъ такого успѣха во всѣхъ моихъ начинаніяхъ. Вы видите, съ какой охотой Путивлевъ согласился на разныя хозяйственныя нововведенія; крестьяне также послушались моихъ совѣтовъ, и вообще оказываютъ желаніе пріобрѣсти новыя знанія. Я и стараюсь передавать имъ все, что могу...

— Мнѣ кажется, что все это одна мечта съ вашей стороны, замѣтила, засмѣявшись Алевтина, — для такого результата не стоитъ жить между стариками, стоящими одной ногой въ гробу, и молодыми, изъ которыхъ ничего путнаго нельзя сдѣлать.

Послѣднія слова она произнесла съ особеннымъ удареніемъ, бросивъ пронизательный взглядъ на Туманскаго, который молчалъ.

— А скажите по правдѣ, продолжала Алевтина, дружески шутливо наклоняясь къ нему, — вѣдь вы фантазеръ?.. Ужь не надѣетесь-ли вы, въ самомъ дѣлѣ, пересоздать это хорошенькое, но Богомъ обиженное, созданіе?..

— Про кого это вы говорите? про Марусю? спросилъ Туман-

скій, слегка сдвинувъ брови, и щеки его чуть-чуть заалѣли.— Почему-же она обиженное Богомъ созданіе?

— Такъ я смотрю на нее. Можно-ли предположить присутствіе ума въ дѣвочѣ, которая никогда ничего не анализируетъ, которая вполне довольна всѣмъ окружающимъ: глупостью и невѣжествомъ отца, непростительной лѣнью матери и собственнымъ своимъ безцѣльнымъ препровожденіемъ времени?

— Въ родѣ собиранія грибовъ, замѣтилъ Туманскій съ насмѣшливой улыбкой, въ которой Алевтина ясно прочла, что ей не удастся вызвать его на откровенность и заставить высказаться на счетъ Маруси. Однако, она не сочла себя побѣжденною и продолжала нападеніе.

— Я-бы желала найти въ ней хоть что-нибудь, что отозвалось-бы на разумное чувство. Но напрасно я старалась заглянуть ей въ душу, пробудить ее, развить... Въ ней нѣтъ ни малѣйшаго желанія выйти изъ этой позорной спячки, стать выше окружающей обстановки! Весь ея умственный кодексъ заключается, кажется, въ этихъ несложныхъ словахъ: ѣсть, пить и спать! Однимъ словомъ, въ семнадцать лѣтъ, она уже повторяетъ свою мать! Это ужасно!

— Не совсѣмъ, холодно замѣтилъ Туманскій. Алевтина впиалась въ него глазами, въ ожиданіи того, что онъ еще скажетъ.

— Я не знаю, продолжалъ онъ,—почему вы не видите, виѣстѣ съ недостатками, и достоинства тѣхъ людей, съ которыми живете такъ близко. По моему, и Кирилль Андреевичъ, и его жена заслуживаютъ нѣкоторыми своими сторонами и уваженіе, и симпатію.

— Оставьте ихъ: они отжили! перебила Алевтина, горя нетерпѣніемъ перейти къ занимавшему ее предмету:—но Маруса! я спрашиваю васъ про Марусю? Вы ее знаете съ дѣтства,—и между вами и теперь осталась прежняя короткость; вы ее учите, развиваете, ходите съ нею по больнымъ... Скажите мнѣ, что она такое?..

— Вопросъ не легкій! сказалъ Туманскій. Лицо его было оживленнѣе обыкновеннаго, глаза блестя и едва замѣтное волненіе слышалось въ голосѣ. — Маруса — субъектъ, о которомъ можно говорить только или слишкомъ много, или вовсе ничего.

Это натура многосложная и богатая, которую не такъ легко опредѣлить однимъ словомъ, какъ вы думаете.

— Такъ я очень рада, если я ошиблась, сказала Алевтина, съ грудомъ скрывая неприятное смущеніе и видя съ досадою, что Туманскій всталъ и посматриваетъ на дверь.

— Не хотите-ли идти со мной въ рошу? прервалъ Туманскій.

— Нѣтъ, ужъ увольте, отвѣчала она съ нѣскольکو горькимъ смѣхомъ, — мнѣ нужно писать письма. Желаю вамъ набрать много, много грибовъ!

Туманскій вышелъ. Алевтина, нахмуривъ брови, подошла къ окну, изъ котораго виднѣлся сельскій ландшафтъ, березовая роща, оглашаемая дѣвическимъ смѣхомъ и Туманскій, поспѣшно идущій туда.

— Это смѣшно! разсуждала про себя Алевтина, возвращаясь на террасу. — Я, кажется, скоро совсѣмъ разочаруюсь въ этомъ Туманскомъ. Сообразно-ли съ чѣмъ-нибудь — бѣгать за глупой деревенской дѣвчонкой, потому только, что этой дѣвчонкѣ семнадцать лѣтъ и она свѣжа! бросать дѣло, избѣгать серьезнаго разговора для собиранія грибовъ!.. Нѣтъ; я должна разъяснить себѣ вопросъ: что такое этотъ молодой человѣкъ, и какія у него отношенія къ Марусѣ, чтобъ мнѣ попусту не терять съ нимъ время. Если онъ окажется ниже того мнѣнія, которое я было о немъ составила, я совсѣмъ отложу понеченіе о его дальнѣйшемъ развитіи и перестану обращать на него вниманіе!

Алевтина Михайловна нѣсколько кривила душой въ этомъ случаѣ. Она не хотѣла сознаться самой себѣ, что болѣе всего заботилась о *развитіи* молодого человѣка въ смыслѣ любви: это было-бы для нея большимъ подспорьемъ отъ скуки, начинавшей сильно томить ее въ непривычной ей деревенской жизни. Хотя она неизмѣнно выставляла себя дѣльной и гуманной женщиной, заботящейся только о томъ, чтобъ cadaго вывести на дорогу и сдѣлать полезнымъ членомъ общества, но, въ глубинѣ души, ей болѣе всего нравилась роль прекрасной принцессы, у ногъ которой лежалъ-бы влюбленный пажъ, умирая или воскресая отъ одного ея взгляда...

На терасѣ, въ отсутствіе Алевтины, появились двѣ гости — бѣдныя сосѣдки Путивлевыхъ, мать и дочь. Обѣ одѣты были

очень дурно и бѣдно, но съ претензіями на моду и у обѣихъ было на лицахъ выраженіе подобострастія. Путивлева сидѣла между ними также безмятежно, по временамъ пила квась и молча слушала новости, которыя онѣ наперерывъ сообщали ей.

— Къ Соболевымъ дочка вчера пріѣхала, торопливо говорила Булаткина-мать: — вотъ эта, что замужемъ за важнымъ та-кимъ...

— За барономъ Вейсъ, подсказала жеманно дочь, стараясь выговорить фамилію на иностранный ладъ.

— И сыночка съ собой привезла, лѣтъ четырехъ; мудря-вый такой, сказываютъ. На бабушку похожъ, на Авдотью Ефимовну.

— Кушай смородину, Вѣрочка, кушай, лѣниво сказала Пу-тивлева, замѣтивъ въ молодой Булаткиной поползновеніе протя-нуть руку къ подносу.

— Говорять, завтра на праздникъ гостей къ себѣ ждуть, продолжала мать, боязливо поглядывая на Алевтину, усѣвшуюся опять съ книгой у периль террасы, — самъ Илья Тимофеевичъ ѣздили въ городъ за провизіей; однихъ селедокъ закупили на пять рублей!

— Петровы тоже къ нимъ завтра собираются, сладко улы-баясь, замѣтила Вѣрочка, — я потому это знаю, что онѣ заказывали платья шить нашей попадѣ... голубыя кисейныя, крапич-ками по бѣлому полю... А Марья Кирилловна, какое надѣнуть платье?

— Кто, Маруся? возразила Путивлева: — развѣ и ей туда ѣхать?..

Тутъ появленіе новыхъ лицъ прервало разговоръ.

ГЛАВА II.

Изъ лѣсу вышло нѣсколько женщинъ съ корзинками и узлами и всѣ разсыпались въ разные стороны: одна только шла прямо къ террасѣ; не замѣчая гостей, она только-что хотѣла было взойти по ступенямъ, какъ, завидѣвши ее, со всѣхъ сторонъ прибѣжали собаки, большія и маленькія, двѣ лягавыхъ и два водолаза. Всѣ онѣ съ восторженнымъ визгомъ ринулись на дѣ-

вушку, стараясь лизнуть ее въ лицо, такъ что она должна была высоко поднять надъ головою правую руку съ большимъ букетомъ спѣлой ежевики, между тѣмъ какъ лѣвою гладила и ласкала поочередно собакъ.

— Поди сюда, Маруся! закричала ей мать, — будетъ тебѣ съ ними!..

— Погодите, маменька! отвѣчала она смѣясь и усаживаясь на первой ступенькѣ, чтобъ лучше собрать вокругъ себя собакъ.

Лицо этой дѣвушки было идеальной прелести; и несмотря на то, что въ немъ было не столько истинной красоты, сколько невыразимой миловидности, оно невольно поражало каждого удивительной гармоніей всѣхъ своихъ частей, начиная съ большихъ темныхъ глазъ, обведенныхъ длинными черными рѣсницами, до полного, алаго ротика, носившаго отпечатокъ доброты и привѣтливости. Во всемъ существѣ ея разлита была какая-то чистая безмятежность; только иногда, когда она улыбалась, въ ея улыбкѣ было такъ много лукавства, а во взглядѣ такъ много осмысленности, что тотчасъ-же, подъ этой оболочкой дѣтства, сказывалась женщина. Деревенская барышня, выросшая въ глуши, откуда взяла она эти тонкія, изящныя формы, эти мягкія, непринужденныя движенія... Вотъ чему втайнѣ дивилась и завидовала Алевтина, рассматривая ситцевую, голубую блузу Маруси, просто стянутую на талии чернымъ кожанымъ поясомъ. Ея свѣтло-каштановые волосы такъ вились отъ природы, что образовали на лбу ея нѣсколько крупныхъ городковъ; густая, растрепанная коса выбивалась изъ-подъ гребня и спускалась низко на шею. Дѣвушка, наконецъ, освободилась отъ собакъ и взбѣжала на террасу, но, при видѣ гостей, какъ-будто удивилась и даже смутилась. Съ поклономъ, который могъ-бы быть неловкимъ, если-бы вся она не была такъ восхитительно граціозна, она прошла мимо нихъ прямо къ матери, подала ей букетъ ежевики и начала цѣловать ее.

— Полно ласкаться-то, говорила Путивлева, — поздоровайся прежде съ гостями.

Маруся оглянулась и тутъ-же очутилась въ объятіяхъ двухъ приживалокъ. Онѣ начали расхваливать ее, рассказывать, какъ онѣ ее любятъ и какъ онѣ объ ней все вспоминали; но она по-

чти не слушала ихъ и прервала эти рѣчи вопросомъ, обращеннымъ къ матеря:

— Приходилъ къ вамъ Митя за корзинкой?

— Приходилъ.

— Ахъ, какой несносный! Я вѣдь кричала ему, что ужъ не нужно... Гдѣ онъ?..

— Я не знаю!.. Да сядь, посиди. Не хочешь-ли меду?

— Меду? ну, давайте.

Она поспѣшно выпила стаканъ и бросилась бѣжать въ домъ.

— Погоди, погоди! Возьми орѣшковъ...

— Не хочу. Вонъ папенька идетъ, отвѣчала Маруся уже за дверью.

Булаткины встали и посмотрѣли въ ту сторону, куда указала Маруся,

— И точно Кирилль Андреевичъ идутъ! сказали онѣ въ одинъ голосъ,—и гость съ ними: Илья Тимофеевичъ Соболевъ.

Немного погодя, двое мужчинъ вошли на террасу: одинъ худощавый, маленькій, съ добрымъ лицомъ и суетливыми движеніями; другой очень представительный, плотный, съ широкими плечами и высоко поднятой головой, и съ густыми бакенбардами.

Этотъ послѣдній подошелъ прямо къ Принцѣ Матвѣевнѣ и потрясъ ее за руку, говоря:

— Каково поживаете, сосѣдка? Что подѣлываете? А я вотъ встрѣтилъ вашего благовѣрнаго на границѣ нашихъ владѣній и зашелъ къ вамъ на чашку чая.

— Милости просимъ садиться, отвѣчала Путивлева, — всѣ-ли у васъ здоровы?

Но Соболевъ, не слушая ее, франтовскимъ движеніемъ повернулся къ Алевтинѣ и заговорилъ, наклоняясь къ ней.

— А вы еще не умерли отъ скуки въ нашей трущобѣ?

— Я всегда занята и не вижу, какъ идетъ время, съ важностью отвѣчала та, закрывая книгу и кладя ее на перила балкона, — по вечерамъ гуляю, знакомясь съ здѣшнимъ бытомъ: все это очень занимательно.

— Помилуйте, чего тутъ занимательнаго? здѣсь невозможно найти никакихъ развлеченій. А впрочемъ, завтра, если удостоите мой домъ вашимъ присутствіемъ, то будете имѣть случай

видѣть нашъ сельскій праздникъ!.. Ирина Матвѣевна! прибавилъ Соболевъ, возвышая голосъ, — милости просимъ завтра къ намъ кушать, со всѣми чадами и домочадцами. Гдѣ ваша миленькая дочка? Я хочу лично передать ей приглашеніе.

Въ эту минуту въ домѣ послышался голосъ Маруси, громко звавшей:

— Митя! скоро-ли ты? ступай-же.

Кирилль Андреевичъ, услышавъ это, покачалъ головой и суетливо побѣжалъ въ домъ.

— Помилуй, Маруся! заговорилъ онъ шепотомъ, поймавъ за платье пробѣгавшую мимо дочь: — что это такое? Долго-ли мнѣ тебя останавливать? У насъ сидятъ гости, а ты кричишь: Митя, Митя! и ты!..

Маруся съ какимъ-то недоумѣніемъ пожала плечами. — Какъ-же мнѣ иначе звать его? возразила она: — неужели Дмитрій Львовичъ и вы?

— Вѣдь ты ужь не маленькая!... Что о тебѣ подумаютъ? Хоть-бы ты постыдилась чужихъ людей!

— Чего-же тутъ стыдиться?

— Ты глупа и не понимаешь! Ну, пойдемъ пить чай; Илья Тимофеевичъ про тебя спрашиваетъ.

Маруся пошла за отцомъ на терассу.

— А, Марья Кирилловна, мое почтеніе! воскликнулъ Соболевъ, взявъ ее за руку и усердно пожимая, — мои обѣ дочери вамъ кланяются, и Нимфа, и Поликсена. Зовутъ васъ завтра къ намъ на цѣлый день; у насъ будетъ музыка и плясъ... Приѣдете?

— Не знаю, отвѣчала Маруся.

— Развѣ можно такъ отвѣчать? укорительно прервалъ ее Кирилль Андреевичъ: — вы ее извините, она у насъ дикарка. Я ее привезу непременно.

Въ это время вошелъ Туманскій и обмѣнялся съ Соболевымъ вѣжливымъ, но сухимъ поклономъ. Съ самаго начала ихъ знакомства, Соболевъ любезно приглашалъ къ себѣ молодого человека, но такъ-какъ тотъ постоянно отелоялся отъ этихъ приглашеній подъ предлогомъ недосуга, то Соболевъ вошелъ въ амбицію и началъ выказывать ему почти явную вражду. Онъ не могъ снести мысли, что Туманскій не ищетъ его покровительства,

и рѣшился, чтобъ его унизить, не пригласить его, въ этотъ разъ, къ себѣ на праздникъ. Поэтому онъ сталъ приставать опять ко всѣмъ остальнымъ, чтобъ непременно пріѣзжали завтра.

— У меня будетъ много гостей, говорилъ онъ.—Вотъ князь Арбеняиъ, родственникъ моего зятя барона Вейсъ, пріѣдетъ ко мнѣ; предводитель, исправникъ...

— Скажите, прервала Алевтина,—эти обѣды бывають у васъ только по престольнымъ праздникамъ?

Ничѣмъ она не могла такъ оскорбить Соболева, какъ этимъ предположеніемъ.

— Какъ! вскричалъ онъ,—у меня постоянно гости! Я всегда жилъ открыто; у меня, бывало, въ прежнее время, меньше со-рога человѣкъ за столъ не садилось!

— Каждый день? спросила Алевтина, — что-же они у васъ дѣлали?

— Кушали, пили, разговаривали, танцовали, играли въ карты. Я не могу быть безъ общества и вся моя семья также привыкла къ обществу. Когда у меня подросли дочери — дня не проходило, чтобъ я ихъ чѣмъ-нибудь не веселилъ! Бывало только-что мы останемся одни, сейчасъ онѣ обѣ кричатъ: „Папаша, намъ скучно; посылайте за гостями!“ Ну, я тотчасъ велю приготовить нѣсколько троекъ и посылаю въ городъ, въ уѣздъ, повсюду!.. Домъ мой, конечно, былъ извѣстенъ по всему округу: всѣ считали за честь у меня бывать!.. А потомъ—я поднимаюсь со всей семьей и поѣдемъ визиты отдавать!

Соболевъ, захлебываясь отъ удовольствія, остановился перевести духъ.

— Это все было да сплыло, вставила тутъ Ирина Матвѣевна съ видимымъ удовольствіемъ,—нѣтъ, теперь ужъ троекъ достать-то не откуда, крестьяне даромъ не дадутъ. Да и слава Богу: хоть на старости лѣтъ отдохнуть! а то мыкаешься, бывало, недѣли двѣ сряду все по гостямъ—и въ жаръ, и въ грязь, и въ морозъ и по ухабамъ-то... Не накажи Господи!

— Зачѣмъ-же вы ѣздили, если не желали!—Какъ-же я одна-то буду? Ужъ это такъ за честь считалось, кто больше ѣздить и къ себѣ принимаетъ.

— Ну да, такое время было, пробормоталъ Кирилль Андреевичъ.

— Какое-же это такое время? перебил Соболевъ, пренебрежительно прищуривая глаза, — я не знаю, почему-то у многихъ явилось дикое понятіе, что послѣ отмѣненія крѣпостного права жизнь помѣщиковъ должна перемѣниться. Если это съ нѣкоторыми случилось, такъ они-же сами виноваты—не умѣли устроить хозяйства, упали духомъ! А для людей порядочныхъ, ровно ничего не перемѣнилось. Вотъ я, на примѣръ, никогда не мѣняю своихъ привычекъ; какъ прежде жилъ, такъ живу и теперь. Точно также обѣдъ готовить каждый день на двадцать персонъ, такіе-же у меня официанты въ бѣлыхъ перчаткахъ и за гостями я также посылаю лошадей, когда захочу...

— И ѣдутъ? съ искреннимъ удивленіемъ спросила Путивлева.

— Еще-бы! высокомерно отвѣчалъ Соболевъ и, при этомъ, не могъ удержаться, чтобъ не взглянуть на Туманскаго, который сидѣлъ немного поодаль, поставивъ стаканъ чаю на перила террасы. Хотя на блѣдномъ и серьезномъ лицѣ молодого чловѣка не выразалось ни малѣйшаго вниманія къ происходившему разговору, но Соболеву все-таки показалось, что на немъ мелькаетъ злая насмѣшка и онъ продолжалъ раздражительно:

— Я считаю, что, приглашая въ свой домъ, я дѣлаю честь тѣмъ, кого приглашаю, и всякій порядочный чловѣкъ это понимаетъ; если-же кто такъ невѣжественъ, что самъ глазъ ко мнѣ не кажетъ, того я не пушу на порогъ моего дома.

Сказавъ эти слова рѣзкимъ тономъ, Соболевъ приготовился къ отвѣту Туманскаго, считая, что такой камень, пущенный въ его огородъ, долженъ непременно задѣть его, но молодой чловѣкъ продолжалъ хравить то-же равнодушное молчаніе и на лицѣ его было ясно написано, что ни Соболевъ, ни слова его для него не существуютъ. Безмятежное лицо Ирины Матвѣевны сохранило свою лѣнливую улыбку; Маруся продолжала съ апетитомъ ѣсть бѣлый хлѣбъ со сливками, а Кириллъ Андреевичъ въ это время приказывалъ что-то подошедшему мастеровому и не слышалъ разговора.

Соболева въ потъ бросило. Эта общая неузъявимость казалась ему смертельнымъ оскорбленіемъ. Ему вдругъ стало чрезвычайно неловко, даже жутко въ обществѣ этихъ людей, которыхъ онъ пытался унижить передъ собой.

— Такъ до свиданія, сказалъ онъ, вставая, — завтра я васъ жду.

— Приѣдемъ, приѣдемъ, отвѣчалъ хозяинъ и пошелъ провожать его до калитки. — Когда они отошли отъ террасы, Соболевъ небрежно спросилъ, поглядывая на большое неоконченное строеніе внутри двора.

— Что это у васъ такое строится? Сарай для дровъ, вѣроятно?

— Нѣтъ, это не сарай для дровъ, сказалъ оскорбленный этимъ предположеніемъ Путивлевъ, — подойдите поближе и вы увидите.

Соболевъ и безъ того отлично видѣлъ, что это строился скотный дворъ, такой правильной и изящной архитектуры, какой не было ни у кого въ окрестности, и именно поэтому готовъ былъ назвать его сараемъ, курятникомъ, голубятней, какъ будто надѣясь, звукомъ этихъ словъ, уменьшить и понизить размѣры строенія. Онъ зналъ, что съ тѣхъ поръ, какъ годъ тому назадъ, явился въ домъ Путивлева, Туманскій, все хозяйство Путивлевыхъ подверглось радикальному преобразованію и улучшеніямъ, которые мозолили глаза самолюбивому Соболеву. До сихъ поръ онъ старался игнорировать о постройкѣ скотнаго двора, никакъ не допуская мысли, чтобъ Путивлевъ, бывшій вдвое бѣднѣе, могъ выстроить образцовый скотный дворъ на англійскій манеръ. Но, наконецъ, любопытство одержало верхъ: онъ согласился осмотрѣть постройку и, прищуривъ глаза, съ приторнымъ равнодушіемъ, слушалъ объясненія Кириллы Андреевича, который, въ пылу разсказа, все порывался позвать Туманскаго, какъ болѣе свѣдущаго по этой части.

— Нѣтъ, поспѣшно остановилъ его Соболевъ, — не надо; я вѣдь самъ все это знаю. У меня въ старомъ имѣніи былъ такой дворъ и никуда не годился. Скажите, кто этотъ Туманскій? гдѣ онъ учился?

— Онъ былъ въ университетѣ.

— Такъ-съ; и теперь онъ пробуетъ свои силы на вашемъ имѣніи? и вы это позволяете?

— Онъ мнѣ доставилъ такіа выгоды, какія мнѣ и не снились, съ жаромъ повторилъ Путивлевъ, — онъ мнѣ доказалъ, что я вдвое, втрое больше могу получить дохода съ моей земли.

Знаете это большое болото за оврагомъ? Я его теперь осушаю новымъ способомъ, и черезъ два-три года тамъ будетъ богатый покосъ. Потомъ у меня лежала безъ пользы земля возлѣ лѣса: я думалъ, что на ней ничего расти не можетъ, а Туманскій выучилъ меня, какъ ее удобрить, и теперь посмотрите...

Соболевъ долго крѣпился, наконецъ, не выдержалъ.

— Позвольте, почтеннѣйшій Кириллъ Андреевичъ, возразилъ онъ, едва сдерживаясь: — вѣдь земля у насъ съ вами одного качества: почему-же это вамъ однимъ золотой дождь посыпется съ неба?

— Попробуйте сдѣлать съ землей то-же, что я, и вы увидите...

Соболевъ прервалъ его величественнымъ движеніемъ руки.

— Что касается до этого, то никто лучше меня не знаетъ, что можно сдѣлать изъ моей земли и чего нельзя. Я выписываю агрономическихъ журналовъ на сто рублей въ годъ и смыслу въ этомъ дѣлѣ не хуже всякаго другого. Могу васъ увѣрить, что болота вы не осушите и скота здѣсь не заведете!

Съ этими словами Соболевъ сухо раскланялся и повторилъ приглашеніе на завтрашній праздникъ. Потомъ, какъ-бы спохватившись, сказалъ:

— Ахъ да, я все хотѣлъ у васъ спросить... На какихъ правахъ живетъ у васъ этотъ Туманскій?

— Какъ на какихъ правахъ? изумился Путивлевъ.

— Есть у него видъ?

— Какъ-же не быть, когда онъ высланъ сюда на жительство!

— Гм!.. Да, вѣдь я, какъ мировой судья, тоже нѣкоторымъ образомъ принадлежу къ властямъ... и, поэтому, считаю долгомъ освѣдомиться о томъ, гдѣ онъ живетъ и чѣмъ занимается?

— Онъ живетъ у меня, обиженно отвѣчалъ Путивлевъ, — потому что мы съ его отцомъ друзьями были; дѣти наши вмѣстѣ росли! Занимается онъ у меня, какъ видите, стройкой, полнымъ хозяйствомъ... Что-жь тутъ дурного? противъ закона ничего такого нѣтъ!

— И мужичковъ полевываетъ, я слышалъ? замѣтилъ Соболевъ.

— Да вѣдь мы тутъ всѣ лекаря, возразилъ Путивлевъ, испугавшись, самъ не зная чего, — невинными средствами, конечно... Липовымъ цвѣтомъ.

— Да; но видите-ли, завтра ко мнѣ пріѣдетъ князь Арбеинъ. Онъ человѣкъ высшаго круга... дядя его служитъ въ министерствѣ... Ну, и неловко какъ-то, что тутъ проживаетъ такая странная личность, какъ этотъ Туманскій.

Соболевъ сдѣлалъ значительную мину, затѣмъ съ улыбкой поклонился и удалился шагомъ, осанисто поднимая голову.

Между тѣмъ Маруся спрашивала у матери, неужели, въ самомъ дѣлѣ, ей надо завтра ѣхать къ Соболевымъ.

— А то какъ-же, отвѣчала мать, охая и вздыхая,—вѣдь ты ужъ невѣста, нельзя тебѣ отъ людей прятаться.

— Ка-бы женишка хорошаго Марья Кирилловнѣ! замѣтила Булаткина, съ заискивающей улыбкой. Ея дочь, Вѣра, тоже при этомъ улыбнулась и вся вспыхнула. Маруся молчала.

— А васъ, Дмитрій Львовичъ, туда не звали? спросила Путивлева.

— Нѣтъ, не звали, отвѣчалъ Туманскій.

— Вы, стало быть, не поѣдете?

— Не поѣду.

— А по моему, можно-бы ѣхать, возразила Путивлева,—что молодому человѣку съ стариками считаться!

— Я и не считаюсь, улыбнувшись, замѣтилъ Туманскій.

— Все равно, если-бы его и звали, онъ-бы не поѣхалъ, сказала Маруся.

— Почему ты знаешь? спросилъ Туманскій, повернувшись къ ней.

— Такъ; тебѣ не можетъ быть тамъ весело.

Въ эту минуту воротился Кириллъ Андреичъ и, въ волненіи, зашагалъ по террасѣ.

— Тамъ князь какой-то къ нимъ, говорятъ, пріѣдетъ, сказалъ онъ, вдругъ останавливаясь передъ Туманскимъ и вопросительно смотря на него.

— Такъ что-же? возразилъ тотъ.

— То-то!.. Ничего, конечно, а все-таки надо... какъ-нибудь поосторожнѣе...

— Кому поосторожнѣе? что такое? начала приставать Маруся, между тѣмъ, какъ Туманскій смотрѣлъ на него съ удивленіемъ.

— Нѣтъ, это я такъ, сказалъ сконфуженно Кирилль Андреевичъ, — ну, такъ вотъ вамъ новость: князь прїѣдетъ!

— И вретъ онъ все; никакихъ князей у него не будетъ, прервала, зѣвая, Ирина Матвѣвна.

— Да, пожалуй, что и привралъ, согласился, развеселившись, Кирилль Андреевичъ. — Ну, такъ какъ-же мы завтра поѣдемъ?

— Охъ, меня избавьте, поспѣшила сказать Ирина Матвѣвна, — я и такъ насилу сижу!

— Да что у тебя?

— Что! ломота!

— Гдѣ-же у тебя ломить-то?

— Да всю разломило. Всѣ косточки болятъ, а тамъ сиди на вытяжку день-деньской и прилечь даже нельзя! Что за неволя такая! Бери Марусю, да вотъ и онѣ поѣдутъ, прибавила она, указывая на приживалокъ.

— Мы и пѣшкомъ дойдемъ, поспѣшили заявить тѣ.

— Зачѣмъ-же? на дрогахъ всѣ усядемся, сказалъ Кирилль Андреевичъ. — Ну, Маруся, какое-же надѣнешь платье?

— Я не знаю; маменька, какое мнѣ надѣтъ?

— Господи! пробормотала Ирина Матвѣвна, мучительно извлекаемая вопросами жизни изъ своей сладкой апатіи, — ну, конечно, бѣлое!

— Да хорошо-ли оно? глубокомысленно возразилъ отецъ.

— Отчего-же ему дурному быть? Какое-же еще одѣвать-то?

— Пойду, велю подмазать дроги, сказалъ Путивлевъ и отправился къ конюшнѣ.

Туманскій также куда-то исчезъ.

— Завсегда такой-то? попотомъ спрашивала Булаткина у Ирины Матвѣвны, указывая глазами на уходившаго Туманскаго.

— Какой?

— Молчить все.

— Да, молчить.

— Характеръ ужъ, стало быть, такой?

— Это ужъ я не знаю. Съ Марусей онъ говоритъ. Да гдѣ Маруся? что-же это она Вѣрочку оставила?

— Ахъ, что-же это вы безпокойтесь, моя благодѣтельница! Вѣрка сама должна... Ступай, Вѣрка, ищи Марью Кирилловну,

такъ все съ ней и будь, угождай! ни на шагъ отъ нее не отходи!

Маруся слышала эти слова изъ гостиной и опромѣтвъ бросилась въ коридоръ. Вѣра, какъ-будто чутьемъ, слѣдовала за ней по пятамъ, но Марусѣ удалось проскользнуть въ дѣвичью и оттуда черезъ заднее крыльцо въ садъ. Возлѣ забора она увидѣла Туманскаго и махнула ему рукой, чтобы онъ пришелъ къ ней, а сама спряталась за кустомъ отъ Вѣры, которая тоже проникла въ садъ и шла жеманно по дорожке, между піонами и астрами, приподнявъ платье и оборачиваясь безпрестанно по сторонамъ.

— Тихе! прошептала Маруся подошедшему къ ней Туманскому, — я прячусь вотъ отъ этой худой барышни; ее послали ко мнѣ съ тѣмъ, чтобы отъ меня ни на шагъ не отходить. Смотри, какъ она меня ищетъ, — такъ и поводить носомъ въ воздухъ!

— Пойдемъ въ поле, сказалъ Туманскій.

— Да, побѣжимъ!

Она понеслась вдоль плетня, посреди репейника, крапивы и колючихъ кустарниковъ. Туманскій не отставалъ отъ нее. Они оба остановились, запыхавшись, за калиткой сада, на зеленой лужайкѣ.

— Ну, зачѣмъ ты меня звала? спросилъ Туманскій, взявъ руку Маруси. Лице его совсѣмъ преобразилось; смуглыя щеки горѣли отъ быстрого бѣга; холодныя, строгіе глаза смотрѣли теперь весело и привѣтливо.

— Вотъ что, отвѣчала Маруся, — я ходила опять къ этому больному ребенку, у котораго жаба. Ему надо еще прижечь ляписомъ во рту.

— Что-же, я сейчасъ пойду, пожалуй.

— И мнѣ-бы надо было пойти, чтобы держать мальчика. Онъ дикій такой, и они его все пугаютъ, а я его къ себѣ приучила: меня онъ не боится. Только какъ пойти? Папенька все время выбѣгаетъ на улицу и непременно меня увидитъ.

— Ну, и пусть побранить; вѣдь не въ первый разъ.

— Да если-бы онъ просто бранилъ, такъ это-бы еще ничего, а то вѣдь онъ волосы на себѣ рветъ! Ему кажется, что я заражусь всѣми болѣзнями, какія только есть на свѣтѣ. Вѣдь ты

знаешь, что моей Грушѣ запрещено ходить въ крестьянскія избы, чтобы она какъ-нибудь не занесла мнѣ зараженнаго воздуха, и вдругъ я сама пойду.

— Однако, вѣдь онъ знаетъ, что я туда хожу; почему-же онъ не боится отъ меня заразы?

— Да вѣдь тебя онъ не можетъ остановить; онъ говорилъ тебѣ, ты не послушался.

— Такъ и ты могла-бы сдѣлать то-же самое; тогда-бы и тебя перестали останавливать...

— Нѣтъ, Митя, нѣтъ! прервала она съ волненіемъ,—не говори мнѣ этого! Не хочу я огорчать ихъ! не хочу и не могу!..

— Я вовсе тебѣ этого не совѣтую; ты знаешь, что я никогда не навязываю тебѣ ни моихъ совѣтовъ, ни мнѣній! Я просто сдѣлалъ замѣчаніе на твои слова.

— Ну хорошо; иди-же за ляписомъ. Потомъ, когда сдѣлаешь прижиганіе, приходи мнѣ сказать, хуже или лучше мальчику: слышишь? Да не забудь, что ты еще долженъ спросить у меня урокъ изъ французской грамматики. Ну, ступай!

Она слегка повернула его за плечо къ дому, а сама пошла опять въ садъ.

ГЛАВА III.

Вечеромъ, Ирина Матвѣевна усѣлась чинно въ гостиной съ двумя своими гостями, передъ столомъ, опять уставленнымъ разными лакомствами. Въ залѣ, при тускломъ свѣтѣ единственной свѣчи, Маруся и Туманскій сидѣли, наклонившись надъ французской грамматикой, и произносили вполголоса иностранныя фразы, безпокойшія слухъ Кирилла Андреевича, который никакъ не могъ разрѣшить въ умѣ своемъ вопроса—хорошо или дурно дѣлаетъ его дочь, учась у Туманскаго. Особенно въ этотъ вечеръ ученіе это было у него, какъ бѣльмо на глазу, потому что тутъ сидѣли гости, которыхъ Маруся должна была-бы занимать. Онъ ходилъ взадъ и впередъ по комнатамъ въ какой-то тоскѣ.

— А ты рассчиталъ нынче работниковъ? обратился онъ вдругъ къ Туманскому ни съ того, ни съ сего.

— Я всегда даю имъ расчетъ по воскресеніямъ, отвѣчалъ тотъ.

— Да, да! нынче середка. Ну, а то... какъ бишь?! да! жельза на крышу достанеть?

— Я вамъ два раза говорилъ, что достанеть, сказалъ Туманскій такъ мрачно, что Кириллъ Андреевичъ, нѣсколько струсивъ, отошелъ. Но черезъ минуту его опять тянуло въ нимъ.

— Хорошо понимаетъ Маруся? спрашивалъ онъ.

— Хорошо.

— Главное, чтобы послѣ-то ей въ пользу было. Такъ вѣдь Маруся?

— Не знаю, папенька; не мѣшайте, пожалуйста, я сейчасъ кончу.

Когда отецъ отошелъ, Туманскій сказалъ Марусѣ:

— Пойдемъ въ твою комнату: здѣсь невозможно заниматься.

— Нѣтъ, отвѣчала она, — мы сейчасъ кончимъ и я пойду въ гостиную.

— А развѣ мы не будемъ читать по-французки?

— Нѣтъ; сегодня нельзя: надо идти къ гостямъ.

— Что-же, въ свои козыри будешь съ ними играть. Это тебѣ, кажется, веселѣе, чѣмъ исторія революціи?

— Ты знаешь, что я терпѣть не могу играть въ карты; но надо-же мнѣ освободить бѣдную маменьку! Я знаю, какъ она таготится этой барышней.

— Ахъ, Маруся! до которыхъ-же поръ это продлится?

— Что?

— Вся эта нелѣпость! Ради чего ты бросишь занятіе, которое тебѣ пріятно, для ненавистной тебѣ, отупляющей игры въ карты? Можешь ты это объяснить?

— Могу; я знаю, что если я этого не сдѣлаю, для папеньки это будетъ острый ножъ. Я не хочу дѣлать ему больно.

— А уступки, которыя ты постоянно дѣлаешь? Неужели ты не понимаешь, что каждая такая уступка обязываетъ тебя къ новой, и что ты дѣлаешь этимъ величайшую ошибку?

— Мнѣ кажется, задумчиво возразила Маруся:— что я вовсе не дѣлаю уступокъ, въ томъ смыслѣ, чтобы покоряться такимъ вещамъ, которыя считаю глупыми и ненужными; но теперь я всѣмъ сердцемъ рвусь въ гостиную, потому что у всѣхъ, какъ камень, свалится съ плечъ, когда я приду!

Туманскій нервнымъ движеніемъ захлопнулъ книгу, лежавшую передъ нимъ, и отодвинулъ ее прочь.

— Позволь мнѣ сдѣлать тебѣ одинъ вопросъ, сказалъ онъ, нѣсколько измѣнившимся голосомъ:—ты говоришь, что *имз*,—онъ кивнулъ головой на гостиную,—что *имз* тяжело, когда ты сидишь здѣсь со мной; а приходило-ли тебѣ когда-нибудь въ голову, каково *мнѣ* видѣть, что всѣ мои труды и надежды терпятъ такое пораженіе? Для меня большое счастье — сближеніе съ тобой и твое довѣріе: съ той минуты, какъ я началъ тебя учить, это дѣло стало для меня дорогимъ и серьезнымъ и я не могу равнодушно снести, что ты мѣняешь его такъ легко на игру въ свои козыри!

— Ты говоришь несправедливо, отвѣчала она съ волненіемъ:— я не могу это высказать теперь такъ хорошо, чтобы было понятно, но я чувствую, что ты несправедливъ, когда считаешь, что я не дорожу ученіемъ.

— Такъ для чего-же эта двойственность, это шатаніе изъ стороны въ сторону? Рѣши разъ навсегда, чему ты служишь, и выбери себѣ одну дорогу!

— И для того, чтобы убѣдить тебя, что я выбрала одну дорогу, мнѣ стоило-бы только не ходить сегодня въ гостиную? Какъ ни легко это средство—я не употреблю его. Лучше пусть я буду двойственна, какъ ты говоришь, нежели стану трусить твоихъ словъ и потакать твоему деспотизму...

— Деспотизму? вскричалъ Туманскій, весь блѣдный,—какъ ты можешь обвинять меня въ этомъ?

— Да; ты самъ научилъ меня значенію этого слова и я называю деспотизмомъ то, что ты хочешь гнуть меня въ ту сторону, какая тебѣ нравится, не справляясь о томъ, что я чувствую.

— Если такъ Маруся, то я беру назадъ всѣ свои слова. Я никогда не думалъ, чтобы непониманіе между нами могло дойти до такой степени и, такъ какъ я не могу двоняться и довольствоваться урывками, то, вѣроятно, намъ скоро придется вовсе разойтись.

— И я все-таки не возьму назадъ ни слова изъ того, что сказала, возразила она съ твердостью, поразившей его, — какъ для меня ни дороги твои уроки, но лучше для меня лишиться

ихъ, чѣмъ поддѣлываться подъ твои мнѣнія и поддакивать всему, что ты говоришь.

Оба они встали, дрожа отъ волненія, и разошлись въ разныя стороны.

— Хотите играть въ свои козыри? спросила Маруся у Вѣры какимъ-то необыкновенно звонкимъ голосомъ, доставая изъ стола колоду картъ и тасуя ее съ удивительнымъ проворствомъ.

— Вздай и намъ, сказала, зѣвая, Ирина Матвѣевна, — все вечеръ-то скорѣе пройдетъ.

— Ну-ка, я погляжу, кто у васъ мастеръ играть! шутливо замѣтилъ Кирилль Андреевичъ, садясь за стуломъ Маруси.

— Ахъ, вы въ мои карты не глядите! жеманно сказала Вѣра, закрывая половину лица рукой, — я вовсе не умѣю играть: мнѣ совѣстно будетъ!

— А ты гляди въ оба, сказала ей мать, — видишь, тетенька Ирина Матвѣевна изволили къ тебѣ пойдти съ пиковки!

— Что это вы такое читали въ залѣ? полюбопытствовала Вѣра, наклоняясь къ уху Маруси, — вѣрно стихотворенія?

— Вы покрыли козыремъ: ваша взятка, отвѣчала Маруся.

Ужинъ прервалъ игру.

— А Дмитрій Львовичъ должно быть ужъ спать легъ, замѣтилъ Кирилль Андреевичъ, — цѣлый день на стройкѣ — поневолѣ смотаешься! Завтра-же ему рано вставать: за лѣсомъ ѣхать.

Маруся съ облегченіемъ вздохнула, оставшись, наконецъ, одна въ своей комнатѣ и настоявъ, чтобы Булаткиныхъ положили въ чайной.

— Запри дверь, сказала она своей горничной Грушѣ.

Но въ эту самую минуту дверь отворилась и Вѣра, плотно закутанная въ черный драдедамовый платокъ, вступила въ комнату.

— Ахъ, какъ у васъ тутъ мило! начала она, — бѣленькія занавѣсочки, зеркальце, шпалчикъ?.. Ахъ, и коврикъ на столикѣ: это вы сами вышивали?

— Нѣтъ, отвѣчала Маруся.

— Какъ розанчики натурально сдѣланы!.. А я къ вамъ вотъ зачѣмъ пришла: вы къ завтраму какъ будете — завиваться или заплетаться?

Мысли Маруси были такъ далеки и отъ завиванія и отъ заплетанія, что ей стоило большого труда сообразить вопросъ гостыи.

Груша, видя, что она молчитъ, отвѣчала за нее:

— Барышня у насъ никогда не завиваются; ужъ какъ я ихъ прошу когда-нибудь локоны распустить!

— Они у меня и такъ вьются, разсѣянно сказала Маруся.

— Давайте къ завтраму заплетаться, продолжала Вѣра,— я всегда на шпильки навиваю косички: одолжите мнѣ шпилечекъ.

— Извольте; Груша, дай шпилекъ.

Маруся легла въ постель и отвернулась къ стѣнѣ.

— Будьте ужъ такъ добры, дайте помадки.

— Вотъ тутъ на туалетѣ, сказала Груша.

— Премного благодарна; я такъ крошечку возьму, только на передніе волосы. Вы скоро заснете, Марья Кирилловна?

— Сейчасъ.

— Ахъ, какъ жалко! я думала мы съ вами поболтаемъ. Что этотъ, вашъ Туманскій?.. навѣрное въ кого-нибудь влюбленъ: я по глазамъ замѣтила?.. Хотѣлось-бы мнѣ знать, какой это у васъ тутъ романъ разыгрывается?

— Груша, унеси свѣчу и затвори дверь; я хочу спать, сказала Маруся.

— Пожалуйста! обратилась Груша къ Вѣрѣ, взявъ свѣчу и не безъ удовольствія глядя на смущеніе и досаду приживалки.

— Гордянка она у васъ какая! замѣтила Вѣра въ коридорѣ и поспѣшила къ матери въ чайную.

— Охъ, какъ ты меня испугала, сказала та, крестясь и приподнимаясь съ дивана въ ночномъ облаченіи.—Что такъ скоро назадъ прибѣжала?

— А что мнѣ тамъ дѣлать-то? подите-ка вы, посидите съ ней: гордая какая, да дерзкая!

— Неужели она тебя прогнала? Ну, это я матери ей скажу!

— Помадки попросила—такъ и то, какъ собакѣ, швырнула! Точно какъ я не видала помады-то ей!

— Ужъ и всѣ-то они хороши! какъ только эдакихъ Господь на землѣ терпитъ! Подаютъ они вареніе—барбарисъ: ну что-бы отложить въ особенную баночку, хоть фунтиковъ пять и

сказать-бы: „вотъ вамъ, Пульхерія Семеновна, съ дочкой вашей къ празднику гостинцу.“ Я-бы за нихъ просвиру вынула; а теперь и на молитвѣ-то ихъ не помяну.

Долго еще ворчали и жаловались мать и дочь, до тѣхъ поръ, пока ночная тишина не угомонила и не усыпила ихъ вѣчнаго недовольства.

Утро встало ясное и безоблачное; Маруся крѣпко спала, когда первые лучи разсвѣта проникли сквозь зеленныя шторы въ ея комнату. Вдругъ сильный стукъ въ ея окно, выходящее на дворъ, разбудилъ ее и она подняла голову съ подушки. Стукъ повторился; ея собачка суетливо металась на окнѣ и нетерпѣливо визжала, чтобы его поскорѣе отворили.

Маруся вмгъ накинула блузу и, растрепанная, босикомъ, подбѣжала къ окну: тамъ стоялъ Туманскій, въ большихъ сапогахъ и въ сѣрой блузѣ, перетянутой ремнемъ.

— Дай поскорѣе какого-нибудь стараго бѣлья потоньше, для перевязки раны, сказалъ онъ, когда окно отворилось, — сейчасъ дѣвочку раздавили; кровь идетъ.

Маруся, не теряя времени на распросы, выхватила изъ комоды рубашку и начала рвать ее на длинные куски.

— Хорошо, довольно, сказалъ Туманскій, — захвати съ собой ножницы, тесемку и корпѣи, и приходи къ колодцу.

— Чѣмъ-же раздавило дѣвочку? спрашивала Маруся.

— Подъ лошадей попала; чортъ знаетъ, какъ этого Семена угораздило. Онъ запрягъ мнѣ лошадей—я вѣдь ѣду въ Муравьянскій лѣсъ—да со сна, должно быть, и распустилъ возжи; гнѣдой понесъ и наѣхалъ прямо на дѣвочку, которая шла за водой къ колодцу.

Туманскій, взявши все нужное, пошелъ помогать дѣвочкѣ и вслѣдъ за нимъ Маруся, надѣвъ ботинки на босую ногу и подпоясавшись кожанымъ поясомъ, выпрыгнула изъ низкаго окна. Вблизи колодца лежала дѣвочка вся въ крови и надъ нею, всплеснувъ руками, стояла жена виновнаго Семена, высчитывая, сколько, по всей вѣроятности, придется имъ заплатить штрафу, если мать дѣвочки пожалуется мировому судѣ. Вдали, у конюшни, виднѣлся самъ Семень, безъ шапки, распрягающій лошадей, такъ какъ они порвали постромки.

Хотя съ дѣвочкой отъ испугу сдѣлался обморокъ, раны ея

были не опасны; Маруся обмыла ихъ водой изъ колодца, приложила корпию и перевязала, подъ надзоромъ Туманскаго; потомъ Туманскій самъ на рукахъ снесъ дѣвочку въ кухню; ее уложили на лавкѣ, покрыли зипуномъ и дали ей гофманскихъ капель.

Туманскій съ Марусей вышли вмѣстѣ изъ кухни и оба оставились, засмотрѣвшись на волшебную картину восходящаго солнца, которое уже изливало ослѣпительные снопы свѣта на пробуждающуюся окрестность. Трава на дворѣ сверкала росой, какъ изумрудами; вдаль разстилались поля гречихи и проса плавно волновались отъ дуновенія утренняго вѣтра. За полчаса передъ этимъ все это не производило ни малѣйшаго впечатлѣнія на Туманскаго, почти каждый день встававшаго вмѣстѣ съ солнцемъ; но теперь близость присутствія любимой женщины, ея свѣжая, молодая красота — навѣяли на него мечты поэзіи и наполнили его душу безотчетной нѣгой.

— Пройдемся по дорогѣ, пока мнѣ перепрыгуть лошадей, сказалъ онъ ей тихо, взявъ ее за руку.

Они теперь только вспомнили про свою вчерашнюю ссору, но уже безъ всякой горечи; потому-что примиреніе совершилось уже во время хлопотъ о раненой дѣвочкѣ, когда они мыслили, ждали и дѣйствовали за одно.

— Ты вчера сказала, задумчиво начала Маруся, — что мы съ тобой не сходимся, — и я долго думала объ этомъ и пришла къ совершенно противоположному заключенію: ты вчера не хотѣлъ сдѣлать мнѣ ни малѣйшей уступки, точно такъ, какъ я тебѣ. Мнѣ кажется, что эта черта сходства, а не разлада?

Туманскій не отвѣчалъ, а только крѣпче прижалъ къ себѣ ея руку, лежавшую на его локтѣ. Маруся довѣрчиво прижалась къ его плечу.

— Какъ спокойна, какъ свободна, какъ дѣвственно-холодна! думалъ Туманскій, — она не только не раздѣляетъ, она даже не подозреваетъ той лихорадки, того волненія и томленія, которыя меня охватываютъ!

— Что съ тобой, Мита? тихо спросила Маруся.

— А что? возразилъ онъ, дрожащимъ голосомъ.

— Я вижу что-то у тебя въ глазахъ: я всегда это вижу!

— Я не спалъ ночь. Скажи мнѣ, по какимъ признакамъ ты угадываешь, въ какомъ я расположеніи духа?

— Не знаю. Я просто взгляну на тебя и увижу.

— Ну говори, о чемъ я думалъ?

Маруся подняла на него свои влажные, бархатные глаза и нѣсколько секундъ они смотрѣли другъ на друга.

— Обо мнѣ, сказала она.

— О тебѣ? что-же я о тебѣ думалъ? Что я вообще о тебѣ думаю?

— Определить этого я не могу. Я не знаю, что именно.

Прошла минута молчанія.

— Такъ ты поѣдешь сегодня въ Соболевынъ? спросилъ Туманскій.

— Да, поѣду, отвѣчала она равнодушно.

— Тебѣ хочется туда ѣхать? обновить платье?

— Я не обновлю никакого платья. Скажи, пожалуйста, зачѣмъ ты всегда такъ говоришь?

— Какъ?

— Говоришь одно, а думаешь о другомъ, то-есть ты не хочешь связать всего, что думаешь. Совсѣмъ не о платьи ты хотѣлъ меня спросить, а о чемъ-то другомъ. Ты отъ меня всегда чего-то добиваешься и это меня мучить, потому-что я люблю говорить просто—безъ всякихъ заднихъ мыслей.

Туманскій глядѣлъ на нее задумчиво и нѣжно; глубокіе, подаваемые вздохи тѣснили ему грудь.

— А если я не могу говорить иначе? возразилъ онъ,—если я нахожу нужнымъ и полезнымъ оставлять для себя часть моихъ мыслей?

— Да, это то, что ты мнѣ растолковывалъ... Это *анализъ*? Ты вѣчно что-то перебираешь и переставляешь съ мѣста на мѣсто въ своемъ умѣ и отъ этого ты не можешь быть ни веселъ, ни счастливъ.

— Что-же изъ этого? Одни животныя только не мыслятъ, человекъ съ тѣмъ созданъ...

— Развѣ ты думаешь, что у меня самой не бываетъ мыслей? прервала она съ живостью. — О нѣтъ! ихъ даже очень много, но онѣ меня не мучатъ и я всѣ ихъ могу высказать.

— Потому что тебя ничто не задѣвало, ничто не затрогивало еще! Ты точно Галатея, о которой я тебѣ читалъ: грудь у тебя мраморная, и сердце мраморное, и губы мраморныя!

Маруся улыбнулась.

— Приходило-ли тебѣ когда-нибудь въ голову о твоей красотѣ, Маруся? продолжалъ Туманскій.

— О моей красотѣ?

— Ну да; вѣдь ты-же не станешь увѣрять меня будто не знаешь, что ты хороша.

— Что-же за рѣдкость, что я хороша? На то и молодость: чего-же думать-то объ этомъ!

— Красивымъ женщинамъ выпадаетъ совсѣмъ другая доля, чѣмъ остальнымъ: онѣ обращаютъ на себя вездѣ вниманіе. Было у тебя когда-нибудь желаніе быть любимой?

— Кѣмъ? тихо спросила Маруся.

— Мужчиной, разумѣется. Такимъ мужчиной, который могъ-бы быть твоимъ мужемъ.

Она не отвѣчала сначала; потомъ засмѣялась и сказала:

— Когда явится этотъ будущій мужъ, тогда я тебѣ сообщу то, что буду чувствовать.

— Ну, положимъ, ты сегодня поѣдешь къ Соболевымъ, поправишься кому-нибудь и онъ за тебя посватается. Пойдешь ты за него?

— Почему-же и не пойти, если хорошій человѣкъ. Когда-нибудь надо-же выходить замужъ, отвѣчала она спокойно.

— Какъ? не зная человѣка, не любя его?..

— Я предполагаю, что узнаю его и полюблю. Отецъ и мать такъ заботятся о моей судьбѣ, что, конечно, разузнаютъ все про жениха, прежде чѣмъ отдать меня за него.

Туманскій отшатнулся, какъ облитый холодною водою.

— И ты повторить экземпляръ своей матери, сказалъ онъ прерывисто, —отлично! отлично! чего лучше такой судьбы!

— А какая-же другая судьба могла-бы у меня быть, Митя? спросила Маруся и, положивъ руку на его плечо, устремила на него глаза съ глубокимъ, загадочнымъ выраженіемъ.

Злость душила его; онъ страхнулъ ея руку съ своего плеча и сказалъ отрывисто:

— Ну, будетъ заниматься пріятными разговорами; лошади ждутъ, надо дѣло дѣлать.

— Прощай; ты, кажется, надолго уѣзжаешь?

— Дня на три, на четыре.

— Если-бы я была твоя сестра, я-бы поѣхала съ тобой.

— Отъ соболевскаго-то бала уѣзжать, помилуй! сказалъ онъ, пожимая плечами и усаживаясь въ телѣжку.

Когда Маруся пошла въ дому, лицо ея сдѣлалось такъ мрачно, на лбу легла такая складка, что Туманскій изумился-бы, увидавши ее.

— Что-же она такое? думалъ онъ, мчась по пыльной дорожкѣ,—чего мнѣ ждать еще отъ нее? Если-бы она способна была любить такого человѣка, какъ я, въ ней давно-бы уже зазвучали отвѣтныя струны. Хорошо, что я нечаянно узналъ сегодня, что ея идеаль — филистерское счастье въ сытомъ помѣщичьемъ домѣ! А я мечталъ, со временемъ, когда мы вполнѣ поймемъ другъ друга, идти съ ней рука объ руку по трудовому пути!.. Видно напрасно мнѣ казалось, что это время должно настать...

Между тѣмъ въ домѣ Путивлевыхъ начались сборы для поѣздки къ Соболевымъ. Вывезли дроги на середину двора и начали ихъ мыть.

— Ну, что ты привередничаешь! говорилъ за чаемъ Кирилль Андреевичъ своей женѣ, сидѣвшей съ ногами на постели,—отчего ты не можешь ѣхать?

— Охъ, мертвую что-ли вы меня потащите! Ты видишь, у меня ноги совсѣмъ отнялись.

— Сколько ни лежать—отнимутся, матушка, у всякаго!

— А ты вели лучше пирогъ подавать, да положить рыбки соленькой, да икорки на тарелку...

— Какая тутъ ѣда, когда и безъ того голова кругомъ идетъ, возразилъ мужъ. — Какъ-же я Марусю безъ тебя повезу? Ты мать—ты должна ее вывозить!

— А ты отецъ! развѣ не все равно?

— Да я, можетъ быть, за карты сяду; мнѣ ее къ себѣ не пришить.

— А я-то развѣ-бы ее пришила?

— Отъ тебя-бы она сама не отошла. Ею надо во всемъ наставлять, что ей дѣлать, что говорить: она вѣдь ничего еще не знаетъ. Ты хоть-бы пошла посмотрѣть—какъ ее тамъ одѣваютъ.

— Ахъ, батюшки мои! да она сюда придетъ мнѣ показаться изъ-за чего это я пойду туда шляться?

— Ну, смотри, потомъ не гнѣнай, сказалъ Кирилль Андреевичъ, выходя изъ комнаты. Тотчасъ послѣ него вошла старая нянька Маруся.

— Вы-бы пожаловали барышнѣ цѣпочку надѣть, сказала она, указывая себѣ на горло.

— Зачѣмъ? со вздохомъ спросила Путивлева.

— Извѣстно зачѣмъ—для наряду! Развѣ она у васъ бѣдная кабая, чтобы безъ всего ѣхать? Сколько у васъ этихъ цѣпочекъ, браслетовъ лежать!

— Это я ей берегу къ свадьбѣ.

— Однако и до свадьбы надо невѣсту лицомъ показывать. Гдѣ онѣ у васъ, цѣпочки-то эти?

— Охъ, онѣ въ комодѣ, самой надо идти, простонала Ирина Матвѣевна, — вотъ жизнь-то, Господи! не приведи Богъ быть хозяйкой!

Съ глубокими вздохами и стонами, она слѣзла съ постели, отперла комодъ и, подавая нянѣ нѣсколько коробочекъ, сказала!

— Вотъ вамъ все! надѣвайте, что хотите, только чтобъ ужъ ни за чѣмъ ко мнѣ не приходитъ. Въ другой разъ не встану.

Нянька понесла съ такимъ трудомъ добытыя вещи въ комнату барышни. Тамъ Маруся стояла уже въ бѣломъ кисейномъ платьѣ съ мушками, спитомъ совершенно гладко и просто. Единственное украшеніе его составляли довольно дорогія кружева, пришитыя къ широкимъ рукавамъ и къ вороту лифа, застегнутого крупными, жемчужно-бѣлыми пуговицами. Узенькая, свѣтло-синяя ленточка пробѣгала между кружевомъ, около шеи и, такая-же точно обвивала волны ея темнорусыхъ волосъ, поднятыхъ кверху, такъ что античныя линіи ея чистой, блестящей бѣлизной шеи не были скрыты ничѣмъ, кромѣ двухъ, трехъ упрямыхъ, маленькихъ локоновъ, выбивавшихся изъ подъ шпилекъ. Она никогда не носила корсета и это было для нее большимъ преимуществомъ, потому что безукоризненныя формы ея строгаго, дѣвственнаго бюста рисовались во всей своей граціи, не вылитыя въ казенную форму, созданною модисткой.

Дверь опять растворилась и вошла Алевтина Михайловна въ барежевомъ платьѣ, съ тѣняжкой, подобранной зелеными лентами. Ея свѣтлыя волосы, завитыя въ самыя молкія буclи, стояли легкимъ облакомъ вокругъ лба и были перехвачены также зелеными лентами, спускавшимися низко на открытую шею, которая, съ помощью пудры, казалась очень бѣла.

— Нѣтъ-ли у васъ воды въ рукомойникѣ? сказала она, пере-

гибаясь впередъ и выставляя загрязненныя руки, — я забѣжала къ вамъ вымыть руки.

— Гдѣ это вы такъ перепачкались: спросила горничная, спѣша подать ей мыло и воду.

— Мы сейчасъ ходили съ Дмитріемъ Львовичемъ, по саду, отвѣчала Алевтина, — и намъ встрѣтилась скотница, — везетъ цѣлую тележку травы коровамъ... Такъ ей тяжело, бѣдной! я и бросилась ей помочь и перепачкала всѣ руки. А потомъ, прибавила она, обращаясь со смѣхомъ къ Марусѣ, — я хотѣла вымыть руки у колодца, а Дмитрій Львовичъ началъ въ меня брызгать и — представьте-за что?

— За что? спросила Маруся.

— Недоволенъ, зачѣмъ я ѣду къ Соболевымъ! Что, говорить, вамъ тамъ дѣлать, это общество не по васъ... И уговариваетъ меня остаться съ нимъ читать какую-то книгу... Ну, я ему сказала, что баловать его не намѣрена; если онъ желаетъ моего общества, то пусть самъ ѣдетъ къ Соболевымъ.

Говоря это, Алевтина внимательно осматривала со всѣхъ сторонъ Марусю и, съ покровительственнымъ видомъ, оправляла ей складки платья, дотрогивалась до волосъ и обдергивала кружево. Но Маруся оставалась холодна ко всѣмъ этимъ знакамъ участія и, вывернувшись изъ рукъ Алевтины, пошла въ комнату матери.

— Какова наша дочка! весело сказалъ Кирилль Андреевичъ, подмигивая женѣ, — вѣдь очень недурна.

— Въ кого ей дурной-то быть, замѣтила Ирина Матвѣевна, зѣвая, — я сама смолоду красавица была.

— Ну, до нее-то тебѣ далеко было, откровенно тебѣ сказать!

— Это ты теперь забылъ, безмятежно отвѣчала жена. — Ты смотри-же, Маруся, веди себя скромнѣе, отвѣчай учтивѣе, а больше все молчи — оно лучше.

— По саду не бѣгай, а сиди больше въ гостиной, прибавилъ Кирилль Андреевичъ.

— Почаще подходи къ отцу, продолжала мать, — за столомъ садись возлѣ хозяйскихъ дочерей. Кланяйся отъ меня всѣмъ; скажи, что я нездорова. Ну, съ Богомъ!

П. Лѣтневъ.

(Продолженіе будетъ.)

НА ПАРОХОДѢ.

(Изъ пѣсенъ о Сѣверѣ).

Сѣрыя тучи... пустынное море...
Вѣтеръ гуляетъ на вольномъ просторѣ...
Изрѣдка парусъ рыбачій мелькнетъ.
Словно вздымая косматяя гривы,
Волны, какъ кони, летятъ на обрывы, —
Пѣна скалы до вершинъ обдастъ...

Ниже и ниже спускаются тучи,
Вонъ охватили гранитныя кручи,
Прямо на бурное море легли;
Скрылись подъ сѣрою дымкою дали,
Всюду неясны призраки встали...
Моря не видно... не видно земли...

Рѣжетъ волну колесо парохода...
Что намъ утесы туманъ и невзгода!
Пусть разобьетъ насъ объ эти скалы,
Пусть съ этимъ ропотомъ бѣшеннымъ, злобнымъ,
Волны намъ будутъ покровомъ надгробнымъ
Въ царствѣ осенней, нерадостной мглы.

Дѣти несчастные дальняго юга,
Чужды тебѣ мы, полярная вьюга,
Мы не сроднимся во вѣки съ тобой!
Сердце изныло отъ скорби и боли,
Долго носили мы цѣпи неволи,
Пусть-же хоть смерть разобьетъ ихъ собой!

Пѣсни привыкли мы слушать иныя, —
Пѣсни свободныя и огневныя
Тѣ, что орломъ въ поднебесьи летятъ...
Тутъ-же печальныя, робкіе звуки
Голодь, да холодъ, тревога, да муки,
Скорбью безмѣрною душу томятъ.

Встрѣтишь рыбачку—измаешься вчужѣ.
 Все-то о сынѣ, о братѣ, о мужѣ,
 Въ волнахъ погибшихъ—рыдая, поеть.
 Сильный рыбакъ на кормѣ затаится,
 Съ ужасомъ смотреть, дрожить и томится—
 Скоро-ли шкуну—бурунъ разобьетъ!

Съ раннею зимкою—кончены ловли,
 Снѣгомъ засыпаны избы до кровли,
 Словно кладбище мертвѣеть село,
 Гдѣ-то голодная воетъ собака,
 Скрипнуть полозья... полярнаго мрака
 Всюду недвижимое царство легло.

Бѣшено въ тундрахъ кружатся мятели.
 Лѣсъ повстрѣчаютъ—ломаются ели,
 Сосны, столѣтнія сосны трещать.
 Въ полночь—сполоха багровой зарею
 Небо охватяетъ надъ тундрой нѣмою,
 Кажется—тамъ растворяется адъ!

Рѣжетъ волну колесо парохода,
 Что намъ утесы, туманы, невзгода
 Пусть разобьетъ насъ объ эти скалы,
 Пусть съ этимъ ропотомъ бѣшеннымъ, злобнымъ,
 Будутъ изгнанникамъ кровомъ надгробнымъ
 Вѣчно ревушіе эти валы!.

В. И. Славянскій.

ВЪ ТИХОМЪ ОМУТЬ-БУРЯ.

РОМАНЪ

ДЖОРЖА ЭЛЛИОТА.

ГЛАВА XLIX.

— Какъ-бы мнѣ хотѣлось скрыть это отъ Доротей, говорилъ сэръ Джемсъ Читагъ, хмура брови.

Онъ стоялъ у камина бібліотеки въ Ловик-Грэнжѣ и разговаривалъ съ м-ромъ Брукомъ. Это было на другой день послѣ похоронъ м-ра Казобона; Доротей не вставала еще съ постели.

— Ну, это трудно сдѣлать, понимаете, Читагъ; она душеприкащица и любитъ разсуждать о такихъ предметахъ, какъ вопросы объ имѣніи, о землѣ и пр. У нея на этотъ счетъ свои понятія, отвѣчалъ м-ръ Брукъ, нервно подергивая свои очки. — Она непременно захочетъ дѣйствовать, какъ душеприкащица. А ей въ декабрѣ исполнится 21 годъ; значить, тутъ ничего не подѣлаешь.

Сэръ Джемсъ устремилъ глаза на коверъ и помолчалъ съ минутою, потомъ вдругъ поднялъ ихъ на м-ра Брука и сказалъ:

— Вотъ что мы можемъ сдѣлать. Пока Доротей не поправится, съ ней нечего говорить о дѣлахъ, а какъ только она встанетъ съ постели, ее нужно перевезти къ намъ. Ей теперь

самое лучшее быть съ Целіей и съ нашимъ ребенкомъ. Вы-же пока спровадьте отсюда Владислава.

М-ръ Брукъ заложилъ руки за спину и прошелся по комнатамъ прежде, чѣмъ отвѣтилъ:

— Это легко сказать, Читамъ, легко сказать, понимаете.

— Любезный сэръ, настаивалъ сэръ Джемсъ, стараясь сдержать негодованіе въ предѣлахъ приличія, — вѣдь вы-же переманили его сюда и держали его здѣсь, давая ему работу.

— Да, но я не могу отказать ему такъ, вдругъ, безъ объясненія причинъ, любезный Читамъ. Владиславъ былъ для меня неосцѣненнымъ сотрудникомъ. Мнѣ кажется, что я оказалъ нашей мѣстности услугу, пригласивъ его сюда.

— Очень жаль, что наша мѣстность не могла обойтись безъ него. Во всякомъ случаѣ, какъ зять Доротей, я встаю противъ того, чтобы его удерживали здѣсь. Вы согласитесь, надѣюсь, что я вправѣ стоять за честь сестры моей жены.

Сэръ Джемсъ начиналъ горячиться.

— Безъ сомнѣнія, любезнѣйшій Читамъ. Но у насъ съ вами различныя понятія... различныя...

— Надѣюсь, только не относительно поступка м-ра Казобона. Онъ скомпрометировалъ Доротей самымъ непростительнымъ образомъ. Я считаю подлостью такую приписку къ своему завѣщанію. Это положительно оскорбленіе для Доротей.

— Вы знаете, что Казобонъ былъ не въ ладахъ съ Владиславомъ. Владиславъ рассказывалъ мнѣ, изъ-за чего у нихъ вышла размолвка. Онъ не придавалъ никакого значенія ученымъ изслѣдованіямъ Казобона, а Казобону, вѣроятно, не нравилось независимое положеніе Владислава. Я читалъ ихъ переписку, понимаете. Бѣдняга Казобонъ жилъ черезчуръ кабинетною жизнью, онъ не зналъ жизни.

— Владиславъ можетъ говорить, что ему угодно. Но я думаю просто-на-просто, что Казобонъ ревновалъ его къ Доротей, и всѣ могутъ подумать, что она подала ему поводъ къ этой ревности. Вотъ это-то и мерзко—связать такимъ образомъ ея имя съ именемъ этого молодого человѣка.

— Любезный Читамъ, мнѣ кажется, вы смотрите на дѣло въ преувеличенномъ свѣтѣ. Это просто одна изъ обыкновенныхъ странностей Казобона. Вы помните ту бумагу, что мы нашли въ

бюро вмѣстѣ съ завѣщаніемъ: „Синоптическая таблица“ и пр. въ руководство м-съ Казобонъ? Онъ, вѣроятно, хотѣлъ, чтобы Доротея издала въ свѣтъ его изслѣдованія, и она издастъ, понимаете, она вѣдь работала вмѣстѣ съ нимъ.

— Любезный сэръ, замѣтилъ сэръ Джемсъ нетерпѣливо, — это вовсе не относится къ дѣлу. Весь вопросъ въ томъ, согласны-ли вы со мной въ необходимости спровадить отсюда молодого Владислава?

— Я не нахожу, чтобы это было такъ безотлагательно необходимо; со временемъ, можетъ быть, это и устроится. Если вы боитесь сплетень, то этимъ вы не избѣгнете ихъ. Я могу, до известной степени, способствовать отъѣзду отсюда Владислава, я могу взять отъ него „Пионера“ и т. п.; но я не могу выпроводить его отсюда, если онъ самъ не захочетъ уѣхать; понимаете, самъ не захочетъ.

М-ръ Брукъ говорилъ спокойнымъ, убѣдительнымъ тономъ, какъ-будто вопросъ шель о погодѣ. Тонъ его могъ взорвать cadaго и дѣйствительно взорвалъ сэра Джемса.

— Чортъ возьми! вскричалъ онъ, — ну, выхлопочете ему какое-нибудь мѣсто, не пожалѣемъ денегъ. Нельзя-ли доставить ему мѣсто при какомъ-нибудь губернаторѣ колоній? Можетъ быть, Грампусъ согласится взять его, я могу написать объ этомъ Фульву.

— Вѣдь Владислава вы не сбудете, какъ какую-нибудь бессловесную скотину, любезный другъ; у него есть свои убѣжденія. Я увѣренъ, что если завтра я съ нимъ разстанусь, то вы скоро о немъ услышите. Съ его даромъ говорить и писать, изъ него можетъ выйдти настоящій агитаторъ; понимаете, агитаторъ.

— Агитаторъ! повторилъ сэръ Джемсъ съ горечью, находя, что достаточно произнести это слово, какъ слѣдуетъ, чтобы показать все его гнусное значеніе.

— Но будьте-же разсудительны, Читающъ. Доротеѣ, какъ вы сказали, лучше всего отправиться теперь къ Целіи. Она можетъ жить у васъ, а пока все уладится своимъ чередомъ. Не къ чему намъ поднимать такого шума. Стэндишъ будетъ молчать, и никто не узнаетъ о содержаніи завѣщанія, пока эта новость уже не устарѣетъ. А тѣмъ временемъ мало-ли что можетъ случиться и избавить васъ отъ Владислава безъ моей помощи.

— Такъ вы отказываетесь содѣйствовать съ своей стороны его удаленію?

— Отказываюсь! Я этого не говорю. Но, право, я не знаю, чѣмъ я могу тутъ помочь. Владиславъ джентльменъ.

— Очень пріятно слышать! вскричалъ сэръ Джемсъ, выходя изъ себл.—Но уже Казобонъ-то навѣрное не былъ джентльменомъ.

— Вотъ видите-ли, вѣдь было-бы еще хуже, если-бы онъ сдѣлалъ приписку такого рода, что она совсѣмъ не можетъ выйти за мужъ вторично, понимаете.

— Ну, не знаю. Это было-бы во всякомъ случаѣ деликатнѣе.

— Одна изъ обыкновенныхъ странностей бѣдняги Казобона. Мозги его были не совсѣмъ въ порядкѣ. Положительно, эта приписка не имѣетъ ровно никакого значенія. Вѣдь она не желаетъ выйти замужъ за Владислава?

— Да, но эта приписка можетъ заставитьъ всѣхъ думать, что она желала. Насчетъ Доротеи я совершенно спокоенъ; но я подозрѣваю Владислава, говорю вамъ откровенно, я подозрѣваю Владислава.

— Не могу-же я принять какія-нибудь мѣры на основаніи вашего подозрѣнія, Читамъ. Да, наконецъ, если-бы даже мы могли схватить его и сослать на какой-нибудь островъ, то вѣдь этимъ мы только-бы повредили самой Доротеѣ, мы дали-бы поводъ предполагать, что мы ей не доверяемъ; понимаете, не доверяемъ.

Такой неотразимый аргументъ ни мало не успокоилъ сэра Джемса. Онъ протянулъ руку къ шляпѣ, чтобы показать, что не намѣренъ спорить болѣе, и сказалъ раздраженнымъ тономъ:

— Я скажу только одно: Доротея была принесена въ жертву, благодаря безопасности своихъ друзей. Теперь я, какъ братъ ея, постараюсь сдѣлать все, что могу, чтобы оградить ее отъ дальнѣйшихъ непріятностей.

— Самое лучшее, если вы ее перевезете въ Фрешитъ, Читамъ. Я вполне одобряю эту мысль, сказалъ м-ръ Брукъ, довольный тѣмъ, что послѣднее слово осталось за нимъ. Для него было-бы въ высшей степени неудобно разстаться съ Владиславомъ въ настоящую минуту, когда со дня на день можно было ждать распушенія парламента и избирателямъ слѣдовало указать,

какимъ путемъ они могутъ всего лучше служить интересамъ страны. Единственнымъ средствомъ для этого м-ръ Брукъ считалъ избраніе свое въ члены палаты. Онъ вполне искренно предлагалъ націи свои умственные силы.

ГЛАВА I.

Доротейя пробыла въ Фрешитъ-Голлѣ съ недѣлю, не задавая никакихъ неудобныхъ вопросовъ. Она проводила все время съ Целіей, сидѣвшей надъ своимъ ребенкомъ, каждое движеніе котораго приводило неопытную мать въ такое смущеніе, что ей безпрестанно приходилось прибѣгать за объясненіемъ къ нянькѣ, какъ къ оракулу. Доротейя сидѣла возлѣ нея въ своемъ траурномъ платьѣ съ такимъ грустнымъ выраженіемъ лица, что Целія возмущалась. Она никакъ не могла понять, изъ-за-чего грустить ея сестра: во первыхъ, ребенокъ ея, Целія, былъ совершенно здоровъ; во вторыхъ, мужъ Доротейи былъ такой несносный и скучный и къ тому же еще передъ смертью выкинулъ такую штуку. Сэръ Джемсъ рассказалъ Целіи обо всемъ, строго наказавъ ей не говорить объ этомъ Доротейѣ до поры до времени. Но Доротейя не могла долго оставаться пассивной, какъ совершенно вѣрно замѣтилъ м-ръ Брукъ, когда знала, что на ней лежатъ извѣстныя обязанности. Содержаніе завѣщанія мужа, составленнаго передъ ихъ свадьбой, было ей извѣстно и, какъ только она ясно сознала свое положеніе, ей тотчасъ-же пришло на мысль, что, въ качествѣ владѣлицы Ловика, ей слѣдуетъ распорядиться назначеніемъ священника на оставшееся тамъ вакантное мѣсто.

Разъ утромъ, когда дядя зашелъ къ ней, Доротейя сказала ему:

— Дядюшка, я думаю, что мнѣ пора позаботиться о томъ, кого назначить священникомъ въ Ловикѣ. Послѣ отъѣзда м-ра Тукера, мужъ мнѣ ни разу не говорилъ, кого онъ имѣетъ въ виду выѣсто себя. Позвольте мнѣ ключи, я съѣзжу въ Ловикъ и разберу бумаги мужа. Можетъ быть, въ нихъ найдется что-нибудь по этому поводу.

— Что за слѣхъ, душа моя, отвѣчалъ м-ръ Брукъ спокойно.— Успѣешь еще устроить все, со временемъ, по маленьку. Я разбиралъ ящики въ бюро, въ нихъ ничего не было, кромѣ ученыхъ замѣтокъ и завѣщанія. Что касается священника, то у меня уже есть одинъ въ виду: м-ръ Тикъ; мнѣ его рекомендуютъ, какъ очень хорошаго человѣка: я разъ уже хлопоталъ ему о мѣстѣ. Человѣкъ онъ строгой, чисто апостольской, жизни, совершенно въ твоемъ вкусѣ, душа моя.

— Мнѣ-бы хотѣлось познакомиться съ нимъ, дядюшка, чтобы судить самой, могу-ли я предложить ему это мѣсто въ томъ случаѣ, если м-ръ Казобонъ не оставилъ никакого посмертнаго распоряженія. Но, можетъ быть, онъ сдѣлалъ какую-нибудь приписку къ своему завѣщанію, можетъ быть, онъ оставилъ какія-нибудь инструкціи для меня, сказала Доротея, у которой не выходила изъ ума мысль о работѣ мужа.

— Ничего о священникѣ, душа моя, ничего, сказалъ м-ръ Брукъ, вставая и протягивая на прощанье руку племянницамъ:— ни слова ни о священникѣ, ни объ изслѣдованіяхъ.

Губы Доротеи задрожали.

— Тебѣ не слѣдуетъ еще думать объ этихъ вещахъ, душа моя. Все придетъ своимъ чередомъ.

— Я теперь совершенно здорова, дядюшка; мнѣ-бы хотѣлось заниматься чѣмъ-нибудь.

— Хорошо, хорошо, увидимъ. Но теперь мнѣ надо бѣжать, у меня дѣла по горло, у насъ вѣдь кризисъ, политическій кризисъ. Оставляю тебя съ Целією и ея маленькимъ человѣчкомъ... Ты теперь тетка, а я дѣдъ, болталъ м-ръ Брукъ, торопясь уйти, чтобы предупредить Читама, что не его будетъ вина, если Доротея захочетъ непременно все увидѣть, все узнать.

Доротея откинулась на спинку кресла, какъ только дядя вышелъ изъ комнаты, и задумчиво устремила глаза на свои сложенные руки.

— Взгляни, Додо, взгляни на него! Видала-ли ты когда-нибудь такую прелесть? вдругъ закричала Целія.

— Что такое, кисанька? спросила Доротея разсѣянно.

— Что? Да взгляни на его верхнюю губу; посмотри, какъ онъ ее оттягиваетъ, какъ будто хочетъ состроить гримасу. Уди-

вительно! Онъ вѣрно о чемъ-нибудь да думаетъ. Какъ жалко, что здѣсь нѣтъ няни. Посмотри ты только на него.

Крупная слеза медленно скатилась по щекамъ Доротей, когда она взглянула на ребенка, стараясь улыбнуться.

— Не грусти, Доротей; поцѣлуй маленькаго. И отчего ты все такая печальная? Ты все дѣлала, что должна была дѣлать, дѣлала даже больше. Ты теперь должна чувствовать себя совершенно счастливой.

— Не свезетъ-ли меня сэръ Джемсъ въ Ловиетъ? Мнѣ-бы хотѣлось разобрать всѣ оставшіяся бумаги; можетъ быть, я найду въ нихъ какую-нибудь записку ко мнѣ, писанную покойнымъ мужемъ.

— Не повезетъ онъ тебя, пока м-ръ Лейдгать не скажетъ, что ты можешь ѣхать. А онъ этого еще не говорилъ.—А, вотъ и вы пришли, няня: возьмите маленькаго да погуляйте съ нимъ по галлерей.— Къ тому-же ты, какъ всегда, забрала себѣ въ голову разныя фантазіи: я это вижу, Додо, и это меня бѣситъ.

— Какія-же фантазіи, кисанька? спросила Доротей кротко. Она находилась въ такомъ настроеніи, что готова была считать Целію умнѣе себя. Целія почувствовала свое преимущество и рѣшилась воспользоваться имъ. Никто не зналъ Додо такъ хорошо, какъ она, никто не умѣлъ такъ хорошо уговаривать ее. Съ тѣхъ поръ, какъ у Целіи родился ребенокъ, она почувствовала себя необыкновенно содидною и благоразумною.

— Я очень хорошо знаю, о чемъ ты думаешь, Додо, продолжала она.—Тебѣ хочется узнать, не взваливаютъ-ли на тебя какого-нибудь непріятнаго дѣла, которое ты непременно исполнишь, потому что таково было желаніе м-ра Казобона. Какъ будто тебѣ было мало непріятностей и при жизни. Да онъ и не стоитъ, чтобы ты такъ много думала о немъ. Онъ очень дурно поступилъ въ отношеніи тебя; Джемсъ страшно сердитъ на него, такъ что, я думаю, будетъ лучше, если я тебѣ все скажу, чтобы ты была подготовлена.

— Целія, ты пугаешь меня. Расскажи скорѣе все, рѣшительно все.

Въ умѣ ея промелькнула мысль, что м-ръ Казобонъ не отвѣчалъ ей своего состоянія, но это не особенно смутило ее.

— Онъ сдѣлалъ приписку къ завѣщанію. что лишаетъ тебя всего состоянія, если ты выйдешь замужъ... т.е...

— Ну, это пустяки, прервала Доротей съ нетерпѣніемъ.

— Именно если ты выйдешь замужъ за м-ра Владислава, только за него, докончила Целія спокойно.— Конечно, это пустяки въ томъ отношеніи, что ты никогда не захочешь выйдти замужъ за м-ра Владислава, но тѣмъ стыднѣе было м-ру Казобону писать всякій вздоръ.

Вся кровь бросилась въ лицо Доротей, но Целія полагала, что, сообщая сестрѣ о посмертномъ распоряженіи Казобона, она принесетъ ей пользу, выбьетъ у нея изъ головы мысли, которыя только разстроивали ее, и потому продолжала совершенно безстрастно:

— Джемсъ говоритъ, что это отвратительно, совсѣмъ не по джентльменски. А лучшаго судью, чѣмъ Джемсъ, ты не найдешь нигдѣ. М-ръ Казобонъ хотѣлъ какъ будто показать всѣмъ, что ты намѣрена выйдти замужъ за м-ра Владислава, не смѣшно-ли это въ самомъ дѣлѣ? Джемсъ говоритъ, что онъ сдѣлалъ это для того, чтобы помѣшать м-ру Владиславу жениться на тебѣ изъ за денегъ, какъ будто онъ и въ самомъ дѣлѣ хотѣлъ сдѣлать тебѣ предложеніе. Но мнѣ надо идти посмотрѣть на своего малютку, окончила Целія безъ малѣйшаго измѣненія въ голосѣ, накидывая платокъ и вставая съ мѣста.

Доротей снова откинулась на спинку кресла. Она чувствовала, что съ нею совершается какая-то метаморфоза. Все принимало другой видъ: поведеніе ея мужа, ея собственныя отношенія къ нему, основанныя на чувствѣ долга, и, главное, ея отношенія къ Вилю Владиславу. Все перепутывалось въ головѣ ея; она сознавала только одно, что ей слѣдуетъ подождать и собраться съ мыслями. Но одна переиѣна, происшедшая въ ней, сильно ее испугала; она вдругъ почувствовала непреодолимое отвращеніе къ мужу, который былъ такъ скрытенъ съ нею и, можетъ быть, перетолковывалъ въ дурную сторону всякое ея слово, всякій поступокъ. Въ то же время въ сердцѣ ея заговорила внезапная, странная симпатія къ Вилю Владиславу. До сихъ поръ ей никогда не приходило на мысль, чтобы они могли полюбить другъ друга, и вдругъ эта мысль высказывалась въ видѣ вѣроятнаго предположенія третьимъ лицомъ.

Долго она просидѣла, не сознавая ничего вокругъ себя, пока не услышала голоса Целіи:

— Хорошо, няня; теперь онъ будетъ у меня лежать спокойно; идите завтракать, а Гаррэтъ скажите, чтобы она пришла посидѣть здѣсь.

— Знаешь, что мнѣ кажется, Додо, продолжала Целія, видя, что Доротея сидитъ, повидимому, совершенно спокойно:—мнѣ кажется, что м-ръ Казобонъ былъ человѣкъ злой. Мнѣ онъ никогда не нравился, и Джемсу также. У него было ужасно злое выраженіе губъ. И теперь, когда онъ поступилъ такимъ образомъ съ тобой, я въ этомъ окончательно убѣдилась; ужь конечно, религія не требуетъ, чтобы ты дѣлала себя несчастной изъ за него. Слава Богу, что онъ умеръ; ты должна благодарить за это Господа. Мы-бы не стали о немъ жалѣть, мой маленькій, неправда-ли? заключила Целія, обращаясь въ своему ребенку.

Въ эту минуту доложили о Лейдгатѣ.

— Вы, кажется, чувствуете себя хуже сегодня, м-съ Казобонъ? были почти первыя его слова.—Васъ что-нибудь взволновало? Позвольте пощупать вашъ пульсъ.

Доротея протянула ему руку, холодную, какъ мраморъ.

— Ей хочется ѣхать въ Ловикъ, разбирать бумаги, вмѣшалась Целія.—Неправда-ли, она не должна еще выѣзжать?

Лейдгатъ помолчалъ нѣсколько минутъ. Потомъ, взглянувъ на Доротею, сказалъ:

— Право, не знаю. По моему, для м-съ Казобонъ всего нужнѣе душевное спокойствіе. А оно не всегда пріобрѣтается бездѣйствіемъ.

— Благодарю васъ, сказала Доротея,—вы совершенно правы. Мнѣ многое нужно устроить. Чего-же мнѣ сидѣть тутъ сложа руки?

Затѣмъ, сдѣлавъ надъ собою усиліе, чтобы оторваться отъ волновавшихъ ее мыслей, она продолжала:

— Вы, кажется, всёхъ знаете въ Мидльмарчѣ, м-ръ Лейдгатъ. Мнѣ нужно будетъ обо многомъ поговорить съ вами. На мнѣ лежатъ серьезныя обязанности. Мнѣ нужно выбрать священника въ нашъ приходъ. Вы знаете м-ра Тика и всёхъ...

Но напряженіе оказалось черезчуръ сильнымъ: съ Доротеей сдѣлалась истерика.

Лейдгать далъ ей успокоительныхъ капель.

— Пусть м-съ Казобонъ дѣлаетъ что ей угодно, сказалъ онъ сэру Джемсу, зайдя къ нему передъ отъѣздомъ.— Полная свобода ей нужнѣ всякихъ лекарствъ.

Пользуя Доротею во время ея послѣдней болѣзни, Лейдгать составилъ себѣ ясное представленіе о тѣхъ испытаніяхъ, которыя она выносила въ семейной жизни, и убѣдился, что она страдала отъ постоянной борьбы съ самой собою, отъ постоянныхъ усилій обуздать себя, подчинить свою волю другой волѣ.

Сэру Джемсу было тѣмъ легче послѣдовать совѣту Лейдгата, что Целія уже сообщила Доротеѣ о завѣщаніи, слѣдовательно, не было никакихъ основаній откладывать долѣе устройство ея дѣлъ. На слѣдующій-же день онъ повезъ ее въ Ловикъ.

— Я не останусь тамъ теперь, говорила Доротея.— Мнѣ гораздо пріятнѣе въ Фрешитѣ съ Целіей, и я думаю, что, не живя въ Ловикѣ, я могу лучше обсудить, что именно нужно тамъ устроить. Потомъ мнѣ-бы хотѣлось съѣздить въ Грэнжъ къ дядюшкѣ посмотрѣть на знакомыя мѣста, повидаться съ тамошними фермерами.

— Ну, теперь я не совѣтую. Вашъ дядюшка занятъ политической компаніей и вамъ лучше оставить его пока въ покоѣ, сказалъ сэръ Джемсъ, вспомнившій въ эту минуту, что Владиславъ жилъ почти безвыѣдно въ Грэнжѣ. Но сэръ Джемсъ и не заикнулся Доротеѣ о припискѣ въ завѣщаніи; она такъ же чувствовала себя не въ состояніи заговорить объ этомъ, хотя ей очень хотѣлось рассказать сэру Джемсу о томъ спорѣ, который произошелъ между нею и мужемъ по поводу нравственныхъ правъ Вила на имѣніе, чтобы показать ему, что странная, неделикатная приписка мужа вызвана его полнымъ отрицаніемъ этихъ правъ, а не личными чувствами.

Въ Ловикѣ Доротея обшарила всѣ столы и ящики, но не нашла никакой записки на свое имя, за исключеніемъ „синоптической таблицы“, вѣроятно, составлявшей начало цѣлаго ряда указаній, предназначавшихся ей въ руководство. И въ этомъ дѣлѣ м-ръ Казобонъ оказался такъ-же нерѣшителенъ и медлителенъ, какъ во всемъ остальномъ: недовѣріе къ способности Доротеи выполнить его трудъ было побѣждено исключительно только недовѣріемъ ко всякому другому редактору. Ознакомив-

шись вполне съ ея нравственными свойствами, онъ рѣшился воспользоваться ими для своихъ цѣлей и заставить ее работать надъ сооруженіемъ себѣ могилы, которую онъ называлъ „ключомъ ко всѣмъ мифологіямъ.“ Но мѣсяцы шли за мѣсяцами, и смерть разрушила всѣ его планы; онъ не успѣлъ связать ее обѣщаніемъ, которое наложило-бы на нее новое ярмо.

Теперь власть его надъ нею не существовала болѣе. Связанная словомъ, даннымъ въ порывѣ состраданія, она была-бы способна приняться за трудъ, въ бесплодности котораго была убѣждена, потому что считала исполненіе слова нравственнымъ долгомъ. Но въ настоящую минуту сознанія такого долга не существовало у нея. Мертвый мужъ не въ состояніи былъ пробудить въ ней состраданіе къ себѣ, въ душѣ ея осталось только воспоминаніе о тягостномъ подчиненіи человѣку, стоявшему въ нравственномъ отношеніи ниже, чѣмъ она думала;—до того ослѣпленному личнымъ эгоизмомъ, что ради этого эгоизма онъ не побоялся уронить себя даже во мнѣніи людей весьма обыкновенной честности. Она охотно-бы отказалась отъ состоянія, напоминавшаго ей о разорванныхъ узахъ, если-бы это состояніе не налагало на нее обязанностей, уклониться отъ которыхъ она не считала себя въ правѣ. Это состояніе поднимало въ ней рядъ мучительныхъ вопросовъ: не права-ли она была, полагая, что половина этого состоянія должна принадлежать Вилію Владиславу. А между тѣмъ она лишена возможности исправить несправедливость. Не смотря на все негодованіе, возбужденное въ ней поступкомъ м-ра Казобона, она считала безнравственнымъ идти такъ прямо на переборъ ясно выраженной воли мужа.

Отобравъ дѣловыя бумаги, которыя хотѣла прочитать, она снова заперла ящики и столы, въ которыхъ не нашла ни одного слова оправданія или объясненія со стороны мужа, и вернулась въ Фрешитъ, не отыскавъ ключа къ разгадкѣ послѣдняго требованія его и послѣдняго грубаго заявленія имъ своей власти надъ нею.

Всѣ мысли ея сосредоточились на выполненіи ея непосредственныхъ обязанностей; объ одной изъ этихъ обязанностей ей скоро напомнили посторонніе люди. Лейдгать съ жадностью ухватился за сказанныя ею мелькомъ слова о ваканціи на мѣсто священника въ Ловикѣ и при первомъ удобномъ случаѣ возоб-

новилъ съ нею разговоръ объ этомъ, рѣшившись воспользоваться возможностью вознаградить такимъ образомъ м-ра Фэрбротера за голосъ, который онъ подалъ когда-то противъ него.

— Вы меня спрашивали какъ-то о м-рѣ Тикѣ, заговорилъ онъ разъ, оставшись наединѣ съ Доротеей,—но мнѣ хотѣлось-бы порекомендовать вамъ другого человѣка, викарія С-Ботольфа, м-ра Фэрбротера. У него очень бѣдный приходъ, такъ что онъ съ трудомъ можетъ существовать на получаемый доходъ, и ему приходится содержать цѣлую семью,—мать, сестру, тетку. Ради нихъ онъ кажется и не женился. Проповѣди говоритъ онъ необыкновенно краснорѣчиво и просто. Обо всемъ, о чемъ угодно, онъ говоритъ оригинально, ясно, толково. По моѣму, это замѣчательный человѣкъ и могъ-бы сдѣлать гораздо болѣе, чѣмъ дѣлалъ до сихъ поръ.

— Почему-же онъ не сдѣлалъ болѣе? спросила Доротея, чувствующая необыкновенное участіе ко всѣмъ, кому не удалось выполнить цѣлей, къ которымъ они стремились.

— На этотъ вопросъ трудно отвѣтить. Фэрбротеръ часто намекаетъ на то, что ошибся въ выборѣ профессіи; призваніе его выше призванія бѣднаго сельскаго священника, интереса къ которому въ немъ ничто не поддерживаетъ. Онъ любитъ естественную исторію и вообще научныя занятія и мучается стараніями примирить свои вкусы съ своимъ положеніемъ. Лишнихъ денегъ для удовлетворенія этимъ вкусамъ у него нѣтъ; чтобы пріобрѣсти ихъ, онъ сталъ играть въ карты, играетъ исключительно ради денегъ и выигрываетъ довольно значительныя суммы. Конечно, это вовлекаетъ его въ компанію лицъ, стоящихъ ниже его, и заставляетъ иногда negliжировать своими обязанностями; но, несмотря на все это, онъ одинъ изъ самыхъ безупречныхъ въ нравственномъ отношеніи людей. Въ немъ нѣтъ ни ядовитости, ни двуличности.

— Хотѣлось-бы мнѣ знать, мучаетъ-ли его совѣсть за эту привычку, можетъ-ли онъ отъ нея отказаться.

— Безъ сомнѣнія, откажется, какъ только будетъ обезпеченъ; онъ радъ будетъ имѣть лишнее время для своихъ занятій.

— Дядюшка говоритъ, что м-ръ Тикъ—человѣкъ строгой, апостольской жизни, замѣтила Доротея задумчиво. Въ ней боролись стремленіе возстановить времена первобытнаго христіанскаго

благочестія съ желаніемъ избавить м-ра Фэрбротера отъ необходимости добывать себѣ деньги карточною игрою.

— Я, конечно, не скажу, чтобы Фэрбротеръ велъ строгую, апостольскую жизнь, отвѣчалъ Лейдгать. — Онъ простой приходскій священникъ и долженъ заботиться о томъ, чтобы улучшать нравы своихъ прихожанъ. На практикѣ такъ называемые люди апостольской жизни отличаются обыкновенно нетерпимостью ко всему, въ чемъ священникъ не играетъ главной роли. Я иногда встрѣчаюсь съ м-ромъ Тихомъ въ госпиталѣ; онъ приводитъ всѣхъ въ страхъ и смущеніе своими проповѣдями.

— Дѣйствительно, я проглядывала томъ проповѣдей м-ра Тика о мнимой праведности, объ апокалипсическихъ видѣніяхъ: такія проповѣди совершенно бесполезны въ Ловикѣ. Я много думала о различныхъ способахъ проповѣди христіанства, и стою за тотъ, который представляетъ христіанство, какъ ученіе любви и милосердія. Лучше быть черезчуръ снисходительнымъ, чѣмъ черезчуръ строгимъ. Но мнѣ хотѣлось-бы повидаться съ м-ромъ Фэрбротеромъ и послушать его проповѣдь.

— Пожалуйста, послушайте; я вполне рассчитываю на то впечатлѣніе, которое онъ на васъ произведетъ. Его очень любить, но у него есть и враги. Его карточная игра единственною пятно на немъ. Вы почти не видите ни съ кѣмъ изъ мидльмарцевъ: но вотъ, напр., м-ръ Владиславъ, который почти постоянно бываетъ у м-ра Брука, онъ большой пріятель дамъ Фэрбротера и превозноситъ викарія до небесъ. Одна изъ этихъ старушекъ, миссъ Нобль — тетка — воплощеніе самоотверженной доброты, и Владиславъ сильно ухаживаетъ за нею. Я ихъ встрѣтилъ какъ-то на дняхъ — въ одномъ закоулкѣ, они шли подъ ручку, точно парочка изъ какой-нибудь романтической комедіи. Но лучшимъ свидѣтелемъ въ пользу Фэрбротера онъ самъ: стоитъ только повидаться съ нимъ и послушать его.

Къ счастью для Доротеи, разговоръ ихъ происходилъ съ глазу на глазъ, такъ что она была одна, когда Лейдгать упомянулъ о Владиславѣ. Лейдгать давно уже забылъ слова Розамунды о томъ, что Виль безъ ума отъ м-съ Казобонъ, какъ обыкновенно забывалъ всякую сплетню. Онъ думалъ только о томъ, какъ-бы возбудить въ Доротеѣ участіе къ семейству Фэрбротеровъ, и нарочно распространился о слабостяхъ викарія, чтобы дурные слу-

хи о немъ не дошли до нея откуда-нибудь со стороны. Послѣ смерти Казобона онъ еще не видѣлся съ Владиславомъ, и никакая молва не предостерегла его о томъ, что о секретарѣ м-ра Брука неудобно говорить при м-сѣ Казобонѣ. Когда онъ ушелъ, образъ Владислава, какъ онъ его нарисовалъ, долго носился передъ глазами Доротей, отвлекая ея мысли отъ вопроса о назначеніи священника въ Ловикѣ. Что-то думалъ о ней Виль? Слышалъ-ли онъ о распоряженіи, покрывавшемъ жгучею краскою ея щеки. И если слышалъ, то какъ онъ отнесся къ нему?

ГЛАВА LI.

Никакіе слухи относительно завѣщанія м-ра Казобона не доходили еще до Владислава; въ воздухѣ чулдсь приближеніе распущенія парламента и новыхъ выборовъ, поэтому никто не занимался частными сплетнями. Наступали знаменитые „сухіе выборы“, при которыхъ мѣриломъ высокой степени развитія гражданственности служило малое количество потребленныхъ спиртныхъ напитковъ. Виль Владиславъ былъ по горло занятъ, и хотя мысль о вдовствѣ Доротей постоянно приходила ему въ голову, онъ не любилъ говорить объ этомъ предметѣ, такъ что, когда Лейдгаты зашелъ къ нему, чтобы передать ему разговоръ свой съ Доротеей по поводу ваканціи на мѣсто священника въ Ловикѣ, онъ отвѣчалъ сердито:

— Да мнѣ-то до этого какое дѣло? Я не вижусь съ м-сѣ Казобонѣ и, вѣроятно, не увижусь съ нею пока она живетъ въ Фрешитѣ. Я тамъ не бываю. Тамъ торійская почва и на меня съ „Піонеромъ“ смотрятъ, какъ на какого-нибудь браконьера съ ружьемъ.

Но не поэтому избѣгалъ Виль встрѣчъ съ м-сѣ Казобонѣ. Настоящій мотивъ былъ совершенно другой; онъ замѣтилъ, что Брукъ сталъ гораздо рѣже приглашать его въ Грэнжъ. Это была уступка, которую сдѣлалъ м-ръ Брукъ сэру Джемсу Читаму. Владиславъ понялъ, что его удаляютъ изъ Грэнжа ради Доротей; слѣдовательно, близкіе ея смотрятъ на него съ недоуврїемъ. Опасенія ихъ совершенно напрасны. Они ошибаются, если

принимають его за авантюриста, который станетъ употреблять всё усилія, чтобы снискать себѣ расположеніе богатой вдовы.

Никогда до сихъ поръ Виль не сознавалъ такъ ясно пропасти, отдѣлявшей его отъ Доротеи. Онъ началъ уже подумывать о томъ, что ему слѣдуетъ уѣхать изъ Мидльмарча, такъ какъ всякое проявленіе сочувствія къ Доротеѣ съ его стороны можетъ быть перетолковано самымъ оскорбительнымъ для него образомъ.

„Мы навсегда разлучены, убѣждалъ себя,—Виль если-бы я былъ въ Римѣ, я бы не былъ дальше отъ нея“. Но въ то-же время ему приходили на умъ тысячи основаній, по которымъ онъ не можетъ уѣхать; основанія эти были чисто гражданскаго свойства. Какъ ему оставить свой постъ въ критическую минуту, когда только что начиналась избирательная агитація. Удались онъ теперь, и любой кандидатъ правой стороны, какъ-бы жидки ни были его мозги, склонить на свою сторону большинство. Провести въ парламентъ Брука и постоянно поддерживать его въ мысли, что онъ долженъ обѣщать подать голосъ въ пользу билля о реформѣ—было дѣло не легкое. Впрочемъ, пророчество Фэрбротера до сихъ поръ еще не сбывалось, никакого четвертаго кандидата не было выставлено, и борьба сосредоточивалась исключительно между Пинкертономъ, старымъ членомъ тори, Багстеромъ, новымъ членомъ вигомъ, и Брукомъ, будущимъ независимымъ членомъ. М-ръ Гоулей и его партія стояли всѣми силами за вторичное избраніе Пинкертона, и м-ръ Брукъ могъ рассчитывать на успѣхъ только въ случаѣ, если ему удастся переманить сторонниковъ Багстера или склонить избирателей торійцевъ на сторону билля о реформѣ. Последнее средство было предпочтительнѣе.

Но Виллю Владиславу было не мало хлопотъ съ м-ромъ Брукомъ, державшимся того мнѣнія, что людей съ неустановившимися взглядами, перебѣгающихъ изъ одного лагеря въ другой, можно склонить на свою сторону только при помощи неопредѣленныхъ обѣщаній и умѣренныхъ взглядовъ.

— Это своего рода тактика, утверждалъ м-ръ Брукъ.—Нужно сходитьсь съ этими людьми на полпути, дѣлать имъ нѣкоторыя уступки, говорить: „конечно, и та сторона отчасти права“ и т. д. Я согласенъ съ вами, что нынѣшній случай—случай исклю-

тельный... страна составила свое определенное мнѣніе, устраиваются политическіе союзы и т. п... но мнѣ кажется, что мы слишкомъ нетерпимы, Владиславъ. Возьмемъ, напр., хоть вопросъ о предоставленіи права голоса лицамъ, платящимъ по 10 ф. ст. квартирнаго налога; почему именно по десяти? Я согласенъ, что нужно провести границу, но почему-же именно останавливаться на десяти. Согласитесь, что если разобратъ хорошенько, то этотъ вопросъ окажется затруднительнымъ.

— Безъ сомнѣнія, возражалъ Виль нетерпѣливо.—Но если вы намѣрены ждать, пока будетъ внесенъ разумный билль, то вамъ слѣдуетъ прямо провозгласить себя революціонеромъ, и тогда мидльмарчцы, ужъ конечно, не выберутъ васъ. А колебаться теперь не время.

Въ концѣ концовъ м-ръ Брукъ всегда соглашался съ Владиславомъ, въ которомъ онъ все еще видѣлъ Берка съ закваской Шелли, но черезъ нѣсколько времени снова начиналъ твердить свое и примѣнять къ дѣлу свой собственный способъ вербовки себѣ избирателей. Онъ находился въ самомъ блаженномъ настроеніи духа; ему до сихъ поръ удавалось испробовать свои ораторскія способности только на митингѣ, гдѣ онъ, въ качествѣ предсѣдателя, рекомендовалъ собранію другихъ ораторовъ, и въ частномъ разговорѣ съ однимъ мидльмарчскимъ избирателемъ,— разговорѣ, изъ котораго онъ вынесъ убѣжденіе, что онъ политикъ отъ природы, и пожалѣлъ, что ранѣе не избралъ себѣ* такого рода дѣятельности. Но онъ потерпѣлъ довольно чувствительное пораженіе со стороны м-ра Момсея, главнаго представителя великой общественной силы—торговли, одного изъ самыхъ сомнительныхъ избирателей. Момсей съ одинаковымъ удовольствіемъ поставлялъ чай и сахаръ, какъ реформистамъ, такъ и анти-реформистамъ, и находилъ необходимость избирать членовъ въ парламентъ—тяжелымъ бременемъ для города. Правда, до выборовъ можно было вполне безопасно подавать надежды всѣмъ партіямъ безразлично, но за то на самыхъ выборахъ приходилось наносить тяжелый ударъ людямъ почтеннымъ, съ которыми у м-ра Момсея были большіе счеты. Такъ, напр., Брукъ закупалъ у него товару на большія суммы, но многіе изъ членовъ пинкертонскаго комитета доставляли ему точно также немалую выгоду. М-ръ Момсей рассчиталъ однако, что м-ръ Брукъ, какъ человекъ

„слабоватый умомъ“, скорѣе согласится простить торговцу, подавшему враждебный ему голосъ подъ давленіемъ извнѣ, и потому разговорился съ нимъ откровенно.

— Взгляните на этотъ вопросъ о реформѣ съ семейной точки зрѣнія, сэръ, говорилъ онъ, потряхивая мелкимъ серебромъ въ карманѣ и улыбаясь самымъ пріятливымъ образомъ.— Можеть-ли м-съ Момсей жить на него и воспитывать дѣтей, когда меня не станетъ? Я ставлю *фиктивный* вопросъ, увѣренный заранѣе въ отвѣтъ. Отлично. Теперь я спрашиваю васъ, что дѣлать мнѣ, мужу и отцу, когда ко мнѣ являются джентльмены и говорятъ: „Вы можете поступить, какъ вамъ угодно, Момсей; но если вы подадите голосъ противъ насъ, я стану забирать овощные товары въ другомъ магазинѣ. Когда я кладу сахаръ въ свой ликеръ, то мнѣ пріятно думать, что этимъ я приношу пользу своей странѣ, поддерживая торговца, который держится правильныхъ политическихъ взглядовъ.“ А мнѣ это говорили, сэръ, съ того самаго стула, на которомъ вы теперь сидите, конечно, говорили не вы, м-ръ Брукъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, нѣтъ, это слишкомъ пошло, понимаете. Пока мой буфетчикъ не пожалуется на поставляемый вами товаръ, м-ръ Момсей, заговорилъ м-ръ Брукъ успокоительнымъ тономъ,— пока я не услышу, что вы присылаете скверный сахаръ, дурныя пряности и т. п., я не переищу вашей лавки.

— Сэръ, я вамъ очень признателенъ и готовъ служить, чѣмъ могу. Пріятно подать голосъ за джентльмена, у котораго такой благородный образъ мыслей.

— Еще-бы, м-ръ Момсей, вамъ не придется раскаться, если вы подадите голосъ за насъ. Эта реформа затронетъ своимъ чередомъ всѣхъ и cadaго, это вполне народная мѣра, это родъ азбуки, понимаете, безъ которой ничего нельзя сдѣлать. Я вполне согласенъ съ вами, что вы вправѣ разсматривать этотъ вопросъ съ семейной точки зрѣнія, но вѣдь въ васъ есть и гражданское чувство. Мы всѣ составляемъ одну семью, понимаете. Такая вещь, какъ подача голоса, она, знаете, можетъ иногда обогатить человѣка; нельзя и предвидѣть, какія послѣдствія можетъ имѣть подача голоса, заключилъ м-ръ Брукъ, чувствуя, что мысли его нѣсколько путаются, но тѣмъ не менѣе наслаждаясь своимъ краснорѣчіемъ.

Но м-ръ Момсей положительно срѣзалъ его своимъ отвѣтомъ:

— Извините, сэръ, я этого не понимаю. Когда я подаю голосъ, я хочу знать, что я дѣлаю, я хочу видѣть, какъ эта подача отзовется на моемъ карманѣ, съ позволенія вашего сказать. Что касается до того, что мы всѣ одна семья, то надѣюсь, что это не измѣняетъ отношеній между должниками и кредиторами. Если ваша реформа намѣрена уничтожить эти отношенія, то я подамъ голосъ за сохраненіе настоящаго положенія вещей. Мнѣ лично не нужно никакихъ перемѣнъ ни для себя, ни для семьи. Я не изъ числа тѣхъ, которымъ нечего терять, моя репутація, кажется, достаточно установлена, и вы сами изволили сказать, что не лишите меня своей практики, за кого-бы я ни подалъ голосъ, пока я поставляю вамъ хорошій товаръ.

Послѣ этого разговора м-ръ Момсей заявилъ женѣ, что м-ръ Брукъ слабоватѣ умошь, чѣмъ онъ предполагалъ, и что теперь выборы нисколько его не смущаютъ.

М-ръ Брукъ не похвастался въ этотъ разъ своей тактикой Владиславу, который тѣшилъ себя мыслью, что стоитъ выше избирательныхъ дразгъ и дѣйствуетъ исключительно на умъ благороднымъ орудіемъ убѣжденія. У м-ра Брука были свои агенты, хорошо понимавшіе свойства природы мидльмарчскихъ избирателей и знавшіе, какими средствами можно склонить невѣжество на сторону билля; по замѣчательному совпаденію обстоятельствъ средства эти походили, какъ двѣ капли воды, на тѣ, которыми склоняли невѣжество на сторону, враждебную биллю. Виль и знать ничего не хотѣлъ объ этихъ маневрахъ. Для грязныхъ дѣлъ всегда найдется достаточно людей съ грязными руками, и Виль убѣждалъ себя, что его доля участія въ проведеніи м-ра Брука въ парламентъ вполнѣ безупречна.

Впрочемъ, онъ начиналъ сильно сомнѣваться въ томъ, чтобы его старанія увѣнчались успѣхомъ. Онъ написалъ множество рѣчей и конспектовъ рѣчей, но оказывалось, что умъ м-ра Брука не въ состояніи былъ удержать послѣдовательной нити мыслей, онъ постоянно терялъ эту нить, бросался отыскивать и окончательно путался.

Наканунѣ выборовъ м-ру Бруку предстояло произнести рѣчь къ достойнымъ мидльмарчскимъ избирателямъ съ балкона Бѣлаго

Олена, выходившаго на площадь, къ которой примыкали двѣ улицы. Было прекрасное майское утро, счастье, повидимому, улыбалось м-ру Бруку: предвидѣлась возможность соглашенія между комитетомъ Багстера и его комитетомъ, которому м-ръ Бюльстродъ, м-ръ Стэндишъ, какъ либеральный адвокатъ, и такіе фабриканты, какъ м-ръ Плеймдаль и м-ръ Винци, придавали значеніе, почти перевѣшивавшее значеніе комитета м-ра Гоулэя, стоявшаго за Пинкертонъ и засѣдавшаго съ своими сторонниками въ Зеленомъ Драконѣ. У м-ра Брука было необыкновенно легко на душѣ; улучшеніями, сдѣланными имъ въ своемъ имѣніи за послѣдніе полгода, онъ заставилъ „Трубу“ понизить тонъ, и когда онъ вѣзжалъ въ городъ, то его встрѣтили приветственные клики его сторонниковъ.

— Видъ недурной, а? говорилъ м-ръ Брукъ, смотря на собравшуюся толпу. — У меня наберется довольно слушателей. Ужасно я люблю такого рода публику, состоящую изъ вашихъ-же собственныхъ сосѣдей.

Мидльмарчскіе ткачи и кожевники однакожъ не считали вовсе м-ра Брука своимъ сосѣдомъ и чувствовали къ нему столько-же симпатіи, какъ если-бы имъ прислали его въ ящикѣ изъ Лондона. Но они довольно спокойно выслушали ораторовъ, представлявшихъ имъ кандидата, хотя одинъ изъ этихъ ораторовъ — политическая знаменитость Брассинга — произнесъ такую пространную рѣчь, что трудно было придумать, что могъ еще сказать кандидатъ послѣ него. Народу набиралось все больше и больше, и къ тому времени, какъ политическая знаменитость дошла до заключенія своей рѣчи, м-ръ Брукъ почувствовалъ себя какъ-то неловко.

— Дайте-ка мнѣ еще стаканъ шерри, Владиславъ, сказалъ онъ стараясь сохранить непринужденный видъ и рассчитывая на подкрѣпляющее дѣйствіе вина. Расчетъ оказался не вѣренъ: м-ръ Брукъ былъ обыкновенно человѣкъ воздержный и потому два стакана вина, выпитые почти одинъ вслѣдъ за другимъ, вмѣсто того, чтобы привести въ ясность его мысли, только больше спутали ихъ.

М-ра Брука смущало не начало рѣчи, онъ зналъ, что въ началѣ все пойдетъ гладко, какъ по маслу, его смущало самое изложеніе его принциповъ. Вдругъ кому-нибудь вздумается задать

ему какой-нибудь вопросъ? И онъ принимался прилежно читать свой конспектъ. Когда м-ръ Брукъ вышелъ на балконъ, его встрѣтили привѣтственные крики, совершенно заглушившіе ропотъ, свистки и крики враждебной партіи. Вообще свистковъ и враждебныхъ криковъ было такъ мало, что м-ръ Стэндишъ (человѣкъ опытный въ этихъ дѣлахъ) шепнулъ на ухо сосѣду: „Однако, это опасно! Гоулэй задумалъ что-то по-серьезнѣе.“

Тѣмъ не менѣе привѣтственные крики имѣли самое ободряющее дѣйствіе на м-ра Брука, фізіономія его сіяла; онъ оперся лѣвою рукою о перила балкона, а правую сталъ играть своею одноглазкой; записная книжка съ конспектомъ лежала у него въ боковомъ карманѣ, и онъ началъ съ нѣкоторою увѣренностью:

— Джентльмены-избиратели Мидльмарча!

Вступленіе было вполне прилично, и послѣдовавшее затѣмъ небольшое молчаніе показалось совершенно естественно.

— Я необыкновенно радъ, что нахожусь здѣсь, никогда не былъ я такъ гордъ и счастливъ во всю мою жизнь... никогда не былъ такъ счастливъ, понимаете.

Это былъ смѣлый оборотъ рѣчи, хотя и не совсѣмъ тотъ, который значился въ конспектѣ. Къ сожалѣнію, даже введеніе ускользнуло изъ памяти оратора подъ вліяніемъ винныхъ паровъ.

„Ну, все пропало“, подумалъ Владиславъ, стоявшій у окна, позади оратора.

Между-тѣмъ м-ръ Брукъ, потерявъ всѣ нити рѣчи, счелъ за лучшее обратиться къ себѣ самому и своимъ достоинствамъ, какъ самому подходящему предмету для кандидата.

— Я близкій сосѣдъ вамъ, добрые друзья мои — вы меня знали еще на скамьѣ... я всегда занимался общественными вопросами... машинами и ломкой машинъ... многіе изъ васъ имѣютъ дѣло съ машинами, и я занимался этимъ вопросомъ за последнее время. Ломать машины ни къ чему не ведетъ, понимаете, все должно идти своимъ чередомъ... ремесла, фабрики, торговля, обмѣнъ продуктовъ... и тому подобное... со времени Адама Смита все это должно идти своимъ чередомъ. Мы должны обзрѣвать весь земной шаръ. „Широкое наблюденіе должно охватывать все отъ Китая до Перу“, какъ кто-то выразился, кажется Джонсонъ. Я это дѣлалъ до извѣстной степени... не

до самаго Перу; но я не постоянно жилъ дома... я понималъ, что это не годится. Я былъ въ Левантѣ, куда отправляются и ваши мидльмарчскіе продукты, былъ въ Балтійскомъ морѣ. Понимаете, въ Балтійскомъ...

Погруженный въ свои воспоминанія м-ръ Брукъ могъ-бы еще долго проговорить и благополучно вернуться изъ далекихъ морей, если-бы его враги не выкинули въ эту минуту дьявольской штуки. Надъ головами толпы, шагахъ въ десяти отъ м-ра Брука вдругъ появилось его собственное изображеніе въ видѣ тряпичной куклы въ его свѣтло-желтомъ пальто, съ его одноглазкой и съ его ничего не выражавшей фізіономіей. Въ то-же время гдѣ-то въ воздухѣ раздалось крикливое эхо, повторявшее его слова. Всѣ глаза обернулись къ открытымъ окнамъ угловыхъ домовъ, выходявшихъ на площадь, но въ этихъ окнахъ или ничего не было или стояли смѣющіеся слушатели.

Когда эхо, самое невинное, упорно повторяетъ за вами ваши слова, всегда кажется, что оно издѣвается надъ вами, а это эхо было далеко не невинное; оно не передавало каждаго слова съ точностью природнаго эхо, оно подхватывало слова съ самымъ ядовитымъ выборомъ. Когда оно повторило „въ Балтійскомъ“, толпа, тихонько посмѣивавшаяся, разразилась единодушнымъ неистовымъ хохотомъ, и этотъ хохотъ, вѣроятно, заразилъ-бы самый комитетъ, если-бы его не удерживало сознание достоинства партіи и серьезности великаго общественнаго дѣла, связаннаго съ „Типтонскимъ Брукомъ“. М-ръ Вюльстродъ негодовалъ на бездѣйствіе новой полиціи: но невозможно было заарестовать голосъ, а заарестовать изображеніе кандидата было-бы уже черезъ-чуръ двусмысленно.

Самъ м-ръ Брукъ находился въ такомъ положеніи, что не сознавалъ ничего, кромѣ того, что мысли его ускользаютъ; въ ушахъ его звенѣло, онъ одинъ изъ всѣхъ присутствующихъ не видалъ своего двойника, не слышалъ эхо. Онъ слышалъ только смѣхъ, но приписывалъ его сторонникамъ противной партіи и потому не смущался имъ, тѣмъ болѣе, что былъ исключительно занятъ мыслью, какъ ему выбраться изъ Балтійскаго моря.

— Кстати, продолжалъ онъ, закладывая руку въ карманъ съ самымъ непринужденнымъ видомъ, — если-бы мнѣ нуженъ былъ прецедентъ, понимаете, но намъ не нужно прецедентовъ для

того, чтобы поступать, какъ слѣдуетъ... такъ если-бы мнѣ нуженъ былъ прецедентъ, такъ вотъ Чатамъ: я не говорю, что я сталъ-бы поддерживать Чатама, или Питта, Питта младшаго... онъ былъ человѣкъ безъ идей, а намъ нужны идеи, понимаете.

— Къ чорту ваши идеи! намъ нуженъ билль, закричалъ кто-то изъ толпы.

Невидимый полишинель, повторявшій до сихъ поръ только слова м-ра Брука, тотчасъ подхватилъ: „въ чорту ваши идеи! намъ нуженъ билль.“

Въ первый разъ м-ръ Брукъ разслушалъ эхо, такъ какъ самъ молчалъ. Но эхо, повидимому, поднимало на смѣхъ того, кто прервалъ его, и это его ободрило, такъ-что онъ отвѣчалъ самымъ любезнымъ тономъ:

— Въ томъ, что вы сказали, мой добрый другъ, есть своя доля правды, вѣдь мы и сходимся только для того, чтобы высказывать свои мысли... свобода мнѣній, свобода печати, свобода всего въ этомъ родѣ. Теперь билль, билль вы получите... Тутъ м-ръ Брукъ остановился на минуту, чтобы надѣть свою одноглазку и вынуть изъ кармана листокъ съ замѣтками, онъ намѣревался вступить на практическую почву и перейти къ подробностямъ. Невидимый полишинель тотчасъ-же продолжалъ: „а вы, м-ръ Брукъ, получите мѣсто за дверями парламента, которое вамъ обошлось въ пять тысячъ фунтовъ, семь шиллинговъ и четыре пенса.“

Раздался оглушительный хохотъ, м-ръ Брукъ покраснѣлъ, одноглазка спала у него съ глаза, онъ поднялъ глаза и увидалъ прямо передъ собою своего двойника. Но въ эту-же минуту въ этого двойника полетѣли яйца. Это придало м-ру Бруку новое мужество и онъ продолжалъ, возвышая голосъ:

— Паясничество, неприличные выходки, глумленіе надъ истиной, все это превосходно... Въ эту минуту дерзкое яйцо попало ему въ плечо и эхо повторило: „Это превосходно“. Вслѣдъ за этимъ яйцомъ посыпался цѣлый градъ лицъ; они предвзначались, повидимому, для двойника, но какъ-будто нечаянно задѣвали и оригиналь. Новая волна народа нахлынула на толпу, раздались свистки, лай, ревъ, мычанье; гвалтъ усиливался отъ попытокъ заглушить эти непріятные звуки. Никакой голосъ не

въ состояніи былъ-бы перекричать этотъ гамъ, и м-ръ Брукъ принужденъ былъ обратиться въ бѣгство.

Онъ вернулся въ комнату, гдѣ засѣдалъ его комитетъ, и замѣтилъ, стараясь говорить какъ можно спокойнѣе:

— Это уже черезъ-чуръ скверно, понимаете. Я-бы мало-помалу заставилъ себя слушать, но мнѣ не дали времени. Я постепенно перешелъ-бы къ биллю, понимаете, прибавилъ онъ, бросая искоса взглядъ на Владислава.— Впрочемъ, это пустяки, на выборахъ все пойдетъ отлично.

Но комитетъ не раздѣлялъ этого взгляда, онъ казался сильно разсерженнымъ, и политическая знаменитость Брассинга что-то усердно строчила.

— Это штука Байера, заговорилъ Стэндишъ,—я въ этомъ увѣренъ, онъ чревоушатель и необыкновенно искусный. Гоулэй приглашалъ его на дняхъ къ себѣ обѣдать: этотъ Байеръ преталантливый малый.

— Что-же вы мнѣ никогда ничего не говорили о немъ, Стэндишъ, я-бы также пригласилъ его къ себѣ на обѣдъ, сказала бѣдный м-ръ Брукъ, ради блага страны, угостившій обѣдами множество людей.

— Байеръ самая жалкая личность во всемъ Мидльмарчѣ, вскричалъ Владиславъ съ негодованіемъ, — но, кажется, только такіе люди и могутъ имѣть успѣхъ.

Виль былъ страшно недоволенъ собою и своими „принципаломъ“ и ушелъ къ себѣ, почти рѣшившись бросить „Пионера“ и м-ра Брука. Чего ему оставаться въ Мидльмарчѣ. Вѣдь за-снпнать пропасть между собою и Доротеєю онъ можетъ, только уѣхавъ изъ Мидльмарча и занявъ положеніе болѣе почетное, чѣмъ положеніе подчиненнаго Брука. И въ головѣ его снова зародились молодая мечта о чудесахъ, которыя онъ можетъ совершить въ какія-нибудь пять лѣтъ. Теперь, когда общественная жизнь принимала болѣе широкій, болѣе народный характеръ, ему, съ его даромъ говорить и писать, не трудно будетъ составить себѣ имя. Если-бы только онъ могъ быть увѣреннымъ, что Доротея чувствуетъ къ нему болѣе симпатіи, чѣмъ къ кому-нибудь другому; если-бы онъ могъ только дать ей понять, что удаляется отъ нея до тѣхъ поръ, пока будетъ въ состояніи объяснить ей, какъ онъ ее любитъ, не унижая себя,—о, тогда онъ тотчасъ-бы уѣхалъ,

чтобы начать новую жизнь, которая-бы покрывала его славой. У него есть способности, есть даръ слова, онъ всегда будетъ стоять на сторонѣ разума и справедливости, будетъ бороться во имя ихъ, почему-же ему и не подняться головой выше толпы? Да, онъ чувствуетъ, что можетъ подняться, и потому уѣдетъ изъ Мидльмарча, уѣдетъ въ Лондонъ.

Но не сейчасъ. Ему нужно прежде дать знать Доротеѣ, почему, если-бы даже она захотѣла выйти за него замужъ, онъ въ настоящую минуту не женился-бы на ней. Онъ не уѣдетъ до тѣхъ поръ и потому не откажется еще пока отъ своего мѣста и будетъ еще нѣкоторое время сносить терпѣливо м-ра Брука.

Однако, вскорѣ ему пришлось убѣдиться, что м-ръ Брукъ предвосхитилъ его желаніе разорвать съ нимъ всякія сношенія. Депутаціи извнѣ и внутренній голосъ побудили нашего филантропа принять самую крайнюю мѣру для блага человѣчества, а именно отказаться въ пользу другого кандидата, которому онъ предоставилъ пожать плоды его избирательной махинаціи. Онъ самъ называлъ это крайнею мѣрою, но объяснялъ слабостью своего здоровья, которое оказалось рѣшительно не въ состояніи выносить никакихъ волненій.

— Я начинаю чувствовать сильную боль въ груди; нѣтъ, это дѣло не по мнѣ, говорилъ онъ Владиславу.—Приходится отказаться отъ него. Бѣдняга Казобонъ мнѣ послужить урокомъ, понимаете. Я сдѣлалъ большія затраты, но за то я прорылъ каналъ. Тяжелая работа эти выборы, Владиславъ, не правда-ли? Я думаю, и вы уже утомились. Ну, все-таки мы вырыли каналъ нашимъ „Пионеромъ“, мы дали движенію толчекъ. Теперь и болѣе дюжинный человѣкъ, чѣмъ вы, можетъ руководить имъ, болѣе дюжинный, понимаете.

— Вы желаете, чтобъ я отказался отъ редакторства? сказалъ Виль, вставая, и краска бросилась ему въ лицо.—Извольте, когда вамъ угодно.

— Мой милый Владиславъ, вы знаете, что я держусь самаго высокаго мнѣнія о вашихъ способностяхъ. Но по поводу „Пионера“ я говорилъ съ нѣсколькими лицами нашей партіи, они желаютъ взять его въ свои руки, вознаградивъ меня до извѣстной степени. При такихъ условіяхъ вы, можетъ быть, най-

дете болѣе удобнымъ для себя отказаться отъ редакторства, вы можете найти себѣ лучшее поле для дѣятельности. Эти господа, можетъ быть, не отнесутся къ вамъ такъ, какъ я; вѣдь вы были моимъ alter ego, моею правою рукою, хотя я всегда считывалъ найти для васъ болѣе подходящую дѣятельность. Я думаю отправиться на нѣкоторое время во Францію. Но я могу снабдить васъ письмами, понимаете, къ Альторну и къ тому подобнымъ лицамъ. Я знакомъ съ Альторномъ.

— Очень вамъ благодаренъ, отвѣчалъ Владиславъ гордо. — Такъ-какъ вы продаете „Піонера“, то я не стану обременять васъ хлопотами о себѣ. Можетъ быть, я еще останусь здѣсь.

„Ея родные убѣдили его спровадить меня отсюда, и онъ не прочь отъ этого, потому-что я ему теперь не нуженъ“, подумалъ Виль, когда м-ръ Брукъ ушелъ. „Но я останусь, я уѣду только по собственному побужденію, а не потому, что они меня боятся.“

ГЛАВА III.

Весело было въ старомодной гостиной Фэрбротеровъ въ тотъ юньскій вечеръ, когда м-ръ Фэрбротеръ получилъ извѣстіе, что онъ утвержденъ священникомъ въ Ловигѣ. Мать его отъ радости не могла пить чай; на щекахъ ея горѣлъ румянецъ, глаза блистали.

— Всего отраднѣе, Камденъ, говорила она, — что ты этого заслужилъ.

— Ну, матушка, половина заслуги принадлежитъ тѣмъ, которые произвели меня на свѣтъ, отвѣчалъ сынъ, сіяя отъ удовольствія. — Теперь, тетушка, продолжалъ онъ, потирая руки и обращаясь къ миссъ Нобль, которая издавала какіе-то тихіе, нѣжные звуки, — вы можете красть вдоволь сахару со стола для дѣтей, и у васъ будетъ всегда запасъ новыхъ чулковъ для подарковъ, что, конечно, не помѣшаетъ вамъ ставить штопку на штопкѣ на вашихъ собственныхъ чулкахъ.

Миссъ Нобль кивнула племяннику и разсмѣялась тихимъ, полуспуганнымъ смѣхомъ, такъ-какъ въ виду счастливаго событія она уже скрала лишній кусочекъ сахару.

— Тебя-же, Винни, продолжалъ викарій, — я съ удовольствіемъ выдамъ замужь за какого-нибудь ловиксеаго холостяка, хоть, наприимѣръ, за м-ра Соломона Фатерстона, какъ только замѣчу, что ты въ него влюбилась.

Миссъ Винифредъ, которая все время не спускала глазъ съ брата и плакала, чѣмъ обыкновенно выражалась у нея радость, улыбнулась сквозь слезы и отвѣчала:

— Ты долженъ показать мнѣ примѣръ, Камъ: ты долженъ теперь жениться.

— Изволь, я готовъ. Но кто-же влюбится въ меня, стараго холостяка. Что вы скажете на это, маменька?

— Ты очень не дурень собою, Камденъ, хотя, конечно, не такъ красивъ, какъ былъ твой отецъ, отвѣчала старушка.

— Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы ты женился на миссъ Гартъ, братъ, она-бы оживила Ловикъ.

— Отлично. Послушать тебя, такъ невѣсту можно достать себѣ, какъ курицу на рынкѣ. По твоему, стоитъ мнѣ только захотѣть, и всякая пойдетъ за меня.

— Мы вовсе не хотимъ всякой. Но вѣдь вамъ пріятно было-бы, если-бы онъ женился на миссъ Гартъ, матушка, не правда-ли?

— Выборъ моего сына будетъ и моимъ выборомъ, отвѣчала м-съ Фэрбротеръ съ величественною сдержанностью.—А тебѣ-бы слѣдовало жениться, Камденъ. Скучно тебѣ будетъ безъ виста въ Ловикѣ.

— Я не стану больше играть въ вистъ, матушка.

— Почему это, Камденъ? Въ мое время вистъ считался самымъ приличнымъ развлеченіемъ для священника, замѣтила м-съ Фэрбротеръ довольно рѣзко, видя въ словахъ сына вредное стремленіе къ новымъ идеямъ и не подозрѣвая, какое значеніе имѣлъ для него вистъ.

— Я буду слишкомъ занятъ для того, чтобы играть въ вистъ; вѣдь у меня на рукахъ будутъ два прихода, отвѣчалъ викарій, предпочитая не вдаваться въ разсужденія о достоинствахъ этой игры.

Онъ предупредилъ Доротею, что не считаетъ нужнымъ отказаться отъ с.-ботальфскаго прихода, а ограничится тѣмъ, что найдетъ себѣ помощника, и она одобрила это рѣшеніе.

— Иногда я жалѣлъ о томъ, что я священникъ, говорилъ Фэрбротеръ Лейдгату, — но теперь я нисколько въ этомъ не раскаиваюсь и постараюсь быть безукоризненнымъ священникомъ. Вотъ что значить, когда въ дѣло замѣшается матеріальная выгода: она всегда устраняетъ всѣ трудности, докончилъ онъ съ улыбкой.

Викарій рассчитывалъ, что обязанности его будутъ очень легки. Но обязанность имѣть обыкновеніе изумлять насъ своею неожиданностью.

Черезъ какую-нибудь недѣлю по полученіи имъ мѣста въ Ловикѣ, обязанность явилась ему подъ видомъ Фреда Винци, вернувшася изъ коллегіи со степенью бакалавра.

— Мнѣ совѣстно беспокоить васъ, заговорилъ Фредъ, — но вы единственный другъ, къ которому я могу обратиться за совѣтомъ. Я разъ говорилъ съ вами откровенно обо всемъ, и вы были такъ добры ко мнѣ тогда, что я опять пришелъ къ вамъ.

— Садитесь, Фредъ, я радъ помочь вамъ, чѣмъ могу, сказалъ викарій, занимавшійся въ это время укладкой вещей.

— Я пришелъ сказать вамъ... Фредъ остановился на минуту и затѣмъ продолжалъ храбро: — что я намѣренъ поступить въ духовное званіе. Другого исхода у меня нѣтъ. Мнѣ это званіе не нравится, но, отказавшись отъ него, я слишкомъ огорчу отца, который затратилъ столько денегъ, чтобы приготовить меня къ нему.

Фредъ снова остановился и потомъ повторилъ:

— Да, наконецъ, я и не вижу другого исхода.

— Я говорилъ по этому поводу съ вашимъ отцомъ, Фредъ, но это ни къ чему не повело. Онъ отвѣчалъ, что слишкомъ поздно. Но что-же вы, собственно, имѣете противъ этого званія?

— Да просто оно мнѣ не нравится. Я не люблю ни богословія, ни проповѣдей, ни обязанности быть всегда серьезнымъ. Я не чувствую расположенія ни къ чему тому, чего требуютъ отъ священника. Но другого исхода у меня нѣтъ. Отецъ не можетъ удѣлить мнѣ капитала, чтобы я могъ снять ферму; компаньономъ своимъ онъ меня сдѣлать не можетъ. Приняться за изученіе юридическихъ наукъ или медицины я теперь не могу, потому-что отецъ требуетъ, чтобы я самъ себѣ зарабатывалъ копейку. Оно хорошо говорить, что мнѣ не слѣдуетъ идти въ

священники, да что-же мнѣ прикажете дѣлать, надѣть петлю на шею, что-ли?

— Васъ, можетъ быть, смущаютъ нѣкоторые догматы, вы съ ними не согласны?

— Я ничего не имѣю противъ догматовъ. Люди и поученіе меня вполне согласны съ ними. Съ моей стороны было-бы смѣшно высказывать какія-нибудь сомнѣнія по этому поводу; я въ этомъ дѣлѣ не судья, заключилъ Фредъ простодушно.

— Такъ вы полагаете, что вы можете быть хорошимъ приходскимъ священникомъ, не будучи богословомъ?

— Конечно, ужъ если я непремѣнно долженъ быть священникомъ, такъ я постараюсь исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ, хотя мнѣ и не нравится это званіе. Какъ вы думаете, вправѣ кто-нибудь осуждать меня за это?

— За то, что вы поступаете въ священники? Это уже дѣло вашей совѣсти, Фредъ, хорошо-ли вы обдумали все, что потребуетъ отъ васъ ваше положеніе. Я могу вамъ только сказать про себя, что я не вполне безукоризненно выполняю свои обязанности, и это меня всегда мучить.

— Есть еще одно препятствіе, заговорилъ Фредъ, краснѣя. — Я вамъ никогда не говорилъ объ этомъ прямо, но вы, можетъ быть, сами догадались по намекамъ, которые вырывались у меня. Есть женщина, которую я очень люблю. Я полюбилъ ее, когда мы были еще дѣтьми.

— Миссъ Гартъ? спросилъ викарій, пристально разглядывая какіе-то ярычки.

— Да. Ради нея я готовъ быть, чѣмъ угодно, и я знаю, что могу сдѣлаться хорошимъ человекомъ, если только она захочетъ пойти за меня замужъ.

— Вы думаете, что она платитъ вамъ взаимностью?

— Она мнѣ этого никогда не говорила; она даже взяла съ меня обѣщаніе не говорить съ ней объ этомъ. Она-то вотъ особенно возстаетъ противъ того, чтобы я сдѣлался священникомъ, я это знаю. Мнѣ кажется, что и она ко мнѣ расположена. Вчера я встрѣтился съ м-сь Гартъ и она сказала мнѣ, что Мэри гоститъ теперь въ Ловикѣ у миссъ Фэрбротеръ.

— Да, она такъ добра, что помогаетъ сестрѣ. Вы желаете отправиться туда?

— Нѣтъ, но я пришелъ попросить васъ о большомъ одолженіи. Мнѣ очень совѣстно, что я вамъ такъ надобѣдаю, но Мэри вслушаетъ васъ. Что, если-бы вы поговорили съ ней объ этомъ,—о томъ, что я иду въ священники.

— Это очень щекотливое порученіе, любезный Фредъ. Мнѣ придется говорить съ ней такъ, какъ-будто я знаю о вашихъ чувствахъ къ ней; передать ей нашъ разговоръ въ томъ видѣ, какъ вы этого желаете, будетъ все равно, что спросить ее, отвѣчаютъ-ли она на ваши чувства.

— Я именно этого-то и хочу. Я не знаю, что мнѣ дѣлать, пока она не скажетъ, любить она меня или нѣтъ.

— Отъ этого зависитъ, пойдете-ли вы въ священники?

— Если Мэри скажетъ, что никогда не пойдетъ за меня за мужъ, то мнѣ все равно, на какой дорогѣ ни пропадать.

— Какое безуміе, Фредъ. Люди переживаютъ свою любовь, но не переживаютъ послѣдствій своего легкомыслія.

— Только не такую любовь, какъ моя; я всегда, всегда любилъ Мэри. Отказаться отъ нея—все равно, что начать ходить на деревьяшкахъ.

— Не оскорбится-ли она моимъ вмѣшательствомъ?

— Ни въ какомъ случаѣ. Она никого такъ не уважаетъ, какъ васъ, и надъ вами она не станетъ трунить, какъ надо мной. Никого-бы, кромѣ васъ, я не сталъ просить поговорить съ нею. Вѣдь вы и мой другъ, и ея.

Фредъ остановился на минуту и потомъ добавилъ жалобнымъ тономъ:

— Она должна-же признать, что я работалъ, чтобы выдержать экзаменъ, и можетъ повѣрить, что я стану работать для нея.

Наступило молчаніе; наконецъ, м-ръ Фэрбротеръ протянулъ ему руку и сказалъ:

— Хорошо, мой милый. Я исполню ваше желаніе.

Въ тотъ-же день Фэрбротеръ отправился въ Ловикъ.

Онъ засталъ Мэри въ саду; она обрывала розы и оципывала листочки, которые сыпала на листъ бумаги. М-ръ Фэрбротеръ подошелъ къ ней по травѣ совершенно неслышно въ то время, какъ она читала нотацію маленькой, черненькой собачкѣ, которая упорно лѣзла на бумагу и обнюхивала листки розановъ.

„Муха, Муха, говорила Мэри серьезнымъ тономъ, держа собаку за переднія лапы и грозя ей пальцемъ. — Мнѣ стыдно за тебя. Прилично-ли умной собакѣ такъ вести себя; всякій сочтетъ тебя глупымъ молодымъ джентльменомъ“.

— Вы неилосердны къ молодымъ джентльменамъ, миссъ Гартъ, сказалъ викарій, подходя къ ней.

Мэри вздрогнула и покраснѣла.

— Это всегда дѣйствуетъ на Муху, отвѣчала она, смѣясь.

— А на молодыхъ джентльменовъ?

— На нѣкоторыхъ да, нѣкоторые изъ нихъ становятся отличными людьми.

— Очень радъ это слышать, потому что пришелъ поговорить съ вами объ одномъ молодомъ джентльменѣ.

— Надѣюсь, не о глупомъ, сказала Мэри, принимаясь снова ощищать розы; сердце ея тревожно забилось.

— Нѣтъ, хотя силу его составляетъ не умъ, а чувства и откровенность. Надѣюсь, что вы догадались по этому, о комъ я говорю.

— Да, отвѣчала Мэри, и лицо ея сдѣлалось серьезно, а руки похолодѣли, — вѣроятно, о Фредѣ Винци.

— Онъ просилъ меня поговорить съ вами на счетъ намѣренія его идти въ священники. Надѣюсь, что вы не сочтете черезчуръ дерзкимъ съ моей стороны, что я согласился на это.

— Напротивъ, м-ръ Фэрбротеръ, отвѣчала Мэри, оставляя розы и складывая руки, но не поднимая глазъ;—я всегда считаю за честь говорить съ вами.

— Но, прежде чѣмъ мы перейдемъ къ этому вопросу, позвольте мнѣ коснуться одного предмета, который сообщилъ мнѣ вашъ батюшка, въ тотъ самый вечеръ, когда я исполнялъ также порученіе, данное мнѣ Фредомъ передъ его отъѣздомъ въ колонию. М-ръ Гартъ рассказалъ мнѣ, что случилось въ ночь смерти м-ра Фэтерстона, какъ вы отказались съечь завѣщаніе, и сказалъ, что васъ мучитъ мысль, что вы были невинною причиною того, что Фредъ не получилъ своихъ десяти тысячъ фунтовъ. Я не забылъ этого и желаю прежде всего успокоить васъ на этотъ счетъ.

М-ръ Фэрбротеръ приостановился на минуту и взглянулъ на Мэри. Онъ намѣревался исполнить вполне честно обѣщаніе, дан-

ное имя Фреду, но считалъ необходимымъ разсвѣтъ прежде всего въ Мэри предразсудки, которые заставляютъ иногда женщину выходить замужъ за человѣка въ видѣ вознагражденія за причиненное ему зло. Щеки Мэри пылали, но она молчала.

— Я хочу сказать, что вашъ поступокъ не произвелъ никакого существеннаго различія въ судьбѣ Фреда. Первое завѣщаніе не могло-бы быть признано законнымъ по сожженіи послѣдняго, если-бы противъ него былъ предъявленъ споръ, а споръ былъ-бы навѣрно предъявленъ. Такъ что на этотъ счетъ вы можете быть совершенно спокойны.

— Благодарю васъ, м-ръ Фэрбротеръ, сказала Мэри серьезно;— благодарю васъ за такое вниманіе къ моимъ чувствамъ.

— Хорошо, теперь я могу приступить прямо къ дѣлу. Фредъ, какъ вамъ извѣстно, выдержалъ экзаменъ. Теперь вопросъ въ томъ, что ему дѣлать съ собою. Вопросъ этотъ до такой степени затруднителенъ, что онъ соглашается уже исполнить желаніе отца и вступить въ духовное званіе, хотя, какъ вамъ извѣстно, онъ всегда возставалъ противъ этого. Я имѣлъ съ нимъ по этому поводу разговоръ и, признаюсь, не вижу никакихъ существенныхъ препятствій къ тому, чтобы онъ сдѣлался священникомъ. Онъ говоритъ, что при одномъ условіи постарается исполнять свои обязанности, какъ слѣдуетъ. Если это условіе осуществится, то я готовъ помогать Фреду всѣми силами. Черезъ нѣсколько времени, конечно, не сразу, я возьму его къ себѣ въ помощники, и тогда онъ будетъ получать почти столько-же, сколько получалъ я, будучи викаріемъ. Но, повторяю, все это возможно только при одномъ условіи. Онъ открылъ мнѣ свое сердце, миссъ Гартъ, и просилъ быть его ходатаемъ. Это условіе — ваши чувства.

Мэри была такъ взволнована, что онъ предложилъ ей пройти.

— Говоря прямо, продолжалъ онъ, когда они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча, — Фредъ не изберетъ себѣ такого поприща, которое уменьшить для него возможность согласія вашего на бракъ съ нимъ; но подъ этимъ условіемъ онъ готовъ взяться за всякое дѣло, которое вы одобрите.

— Я не могу сказать, выйдутъ-ли когда-нибудь за него замужъ, м-ръ Фэрбротеръ; одно я могу сказать, что я никогда не

сдѣлаюсь его женою, если онъ пойдетъ въ священники. Я нахожу слова ваши вполне справедливыми. Но у меня свой, можетъ быть, ребяческій взглядъ на вещи.

— Онъ желалъ, чтобы я передалъ ему все, что вы думаете по этому поводу.

— Я не могу полюбить человѣка смѣшного. У Фреда достаточно смысла и познаній, чтобы взяться за какое-нибудь свѣтское дѣло и вести его съ успѣхомъ. Но я не могу себя представить его говорящимъ проповѣди, представить, что онъ увѣщаетъ обратиться на путь истинный, благословляетъ, молится у постели больного,—это будетъ просто-на-просто какая-то карриатура. Вѣдь онъ идетъ въ священники исключительно ради аристократическихъ предрасудковъ, а для меня нѣтъ ничего противнѣе такой нелѣпой погони за аристократизмомъ. Я всегда думала это, глядя на м-ра Крауза, съ его плоскимъ лицомъ, моднымъ зонтикомъ и аффектированными рѣчами. Какое право имѣютъ подобные люди дѣлать изъ себя представителей христіанской церкви, какъ будто это учрежденіе основано исключительно для удовлетворенія аристократическихъ предрасудковъ идіотовъ, какъ будто...

Мэри вдругъ остановилась. Въ увлеченіи своемъ она забыла, что передъ нею не Фредъ, а м-ръ Фэрбротеръ.

— Дѣвушки обыкновенно слишкомъ строги, онъ не чувствуютъ потребности дѣятельности такъ, какъ мужчины; впрочемъ, вы въ этомъ отношеніи составляете исключеніе. Но вы, конечно, не держитесь такого низкаго мнѣнія о Фредѣ Винци?

— Нѣтъ, онъ человѣкъ съ умомъ, но этотъ умъ ни на что не пригодится ему, если онъ пойдетъ въ священники. Онъ сдѣлается просто лицемѣромъ по ремеслу.

— Значитъ, вопросъ этотъ рѣшенъ. Священникомъ онъ не можетъ надѣяться заслужить ваше расположеніе.

Мэри покачала головой.

— Но если онъ побѣдитъ всѣ трудности и сѣмъетъ добыть себѣ средства къ существованію другимъ путемъ — позволите-ли вы ему надѣяться? Можетъ-ли онъ рассчитывать, что вы согласитесь сдѣлаться его женой?

— Я не понимаю, съ какой стати Фредъ добивается повторенія того, что я уже разъ сказала ему, отвѣчала Мэри съ лег-

кимъ оттѣнкомъ досады. — Я разъ уже сказала ему, чтобы онъ не обращался ко мнѣ съ подобными вопросами, пока не примется за настоящее дѣло, вмѣсто того, чтобы отдѣлываться одними обѣщаніями.

М-ръ Фэрбротеръ помолчалъ съ минуту и потомъ заговорилъ серьезнымъ тономъ, обличавшимъ сдержанное волненіе:

— Я понимаю, что вы не желаете связывать себя, но одно изъ двухъ: или ваши чувства къ Фреду Винци исключаютъ возможность всякой другой привязанности съ вашей стороны, или нѣтъ; въ первомъ случаѣ, онъ можетъ разсчитывать, что вы останетесь вѣрны ему до тѣхъ поръ, пока онъ не заслужитъ вашей руки, во второмъ случаѣ, ему нужно теперь-же отказаться отъ всякой надежды. Извините меня, Мэри, — вы мнѣ позволите называть васъ этимъ именемъ, которымъ я называлъ васъ, когда вы учились у меня закону Божію, — но когда чувства женщины имѣютъ вліяніе на счастье цѣлой жизни человѣка и, можетъ быть, не одного, а нѣсколькихъ людей, мнѣ кажется, что съ ея стороны благороднѣе высказаться совершенно откровенно и искренно.

Наступила очередь Мэри молчать, ее поразили не столько слова сколько тонъ м-ра Фэрбротера. Въ головѣ ея промелькнула мысль, что слова его могутъ имѣть отношеніе къ нему самому, но она застыдилась этой мысли. Ей никогда и въ голову не приходило, чтобы кто-нибудь могъ полюбить ее, кромѣ Фреда, который обручился съ нею, когда она еще ходила въ коротенькихъ юбочкахъ, тѣмъ менѣе могло ей придти въ голову, чтобы ея могъ заинтересоваться такой человѣкъ, какъ м-ръ Фэрбротеръ, стоявшій положительно головою выше всѣхъ остальныхъ ея знакомыхъ. Но какъ ни смутило ее это открытіе, она недолго заставила его ждать отвѣта.

— Если вы считаете, что я обязана быть совершенно откровенной, м-ръ Фэрбротеръ, то я вамъ скажу, что я люблю Фреда такъ сильно, что не могу отказаться отъ него ради кого-нибудь другого. Мысль, что, потерявъ меня, онъ будетъ страдать, сдѣлаетъ несчастной и меня. Когда мы были еще дѣтьми я полюбила его за то, что онъ любилъ меня, что онъ постоянно заботился, чтобы я какъ-нибудь не ушиблась. Чувство это росло съ годами. Я не могу представить себѣ, чтобы какое-нибудь другое чувство

въ состояніи было вытѣснить его. Для меня не будетъ большаго счастья, какъ видѣть его вполне достойнымъ общаго уваженія. Но, пожалуйста, скажите ему, что я не общаю выйдти за него замужъ до тѣхъ поръ: это-бы огорчило моихъ родителей. Онъ свободенъ выбрать себѣ другую жену.

— Значить, я вполне успѣшно выполнилъ свое порученіе, сказалъ м-ръ Фэрбротеръ, протягивая Мэри руку,—и проѣду теперь прямо въ Мидльмарчъ. Съ такой надеждой впереди, Фредъ, я увѣренъ, выйдетъ на настоящую дорогу, и я доживу до того, что соединю васъ. Господь да благословитъ васъ.

— Ахъ, пожалуйста, останьтесь, напейтесь у насъ чаю, просила Мэри. Глаза ея наполнились слезами; въ обращеніи и тонѣ м-ра Фэрбротера слышалось подавленное страданіе, и сердце ея сжалось мучительною болью, какъ оно сжималось разъ, когда она почувствовала, какъ рука отца дрожитъ въ ея рукѣ въ желую для него минуту.

— Нѣтъ, моя милая, мнѣ нужно домой.

Черезъ нѣсколько минутъ виварій уже ѣхалъ къ себѣ домой, великодушно выполнивъ обязанность тяжелѣ отреченія отъ вѣста, тяжелѣ даже сочиненія покаянныхъ размышленій.

ГЛАВА ЛІІІ.

Намѣреваясь приобрести себѣ землю въ Ловикѣ, м-ръ Бьюлстроудъ естественно желалъ, чтобы туда былъ назначенъ священникъ, вполне подходящий къ его взглядамъ на это званіе. Поэтому онъ счелъ наказаніемъ за свои прегрѣшенія и прегрѣшенія всей націи вообще, когда ему пришлось услышать собственными ушами, что м-ръ Фэрбротеръ произнесъ свою первую проповѣдь въ ловикской церкви. Впрочемъ, м-ръ Бьюлстроудъ не намѣревался посѣщать эту церковь и поселяться въ Стон-Кортъ. Онъ приобрѣлъ это великолѣпное помѣстье въ видахъ будущаго, когда провидѣнію угодно будетъ поставить его въ возможность удалиться отъ дѣлъ и поддѣрпнуть проповѣдуемыя имъ евангельскія истины вѣсомъ поземельной собственности, увеличенной удачными покупками. А что провидѣніе вело его именно къ этому, въ томъ убѣждала его легкость, съ которою онъ приобрѣлъ Стон-

Кортъ въ то время, какъ всё воображали, что Риггъ Фэтерстонъ ни за что въ мірѣ не разстанется съ этимъ земнымъ раемъ. Но у Юссии Ригга была одна мечта, преслѣдовавшая его съ самаго дѣтства,—мечта открыть мѣняльную лавочку на людной улицѣ, гдѣ онъ будетъ съ величавымъ спокойствіемъ размѣнивать монеты всѣхъ странъ, подъ завистливыми взглядами безпомощной корысти. Для осуществленія этой мечты онъ работалъ надъ пріобрѣтеніемъ необходимыхъ знаній, и въ то время, какъ всё воображали, что онъ поселится въ Стон-Кортъ, у Юссии была только одна мысль, что пришла пора, когда онъ можетъ завести на сѣверной набережной свою собственную мѣняльную лавку. Вотъ почему, черезъ годъ съ небольшимъ послѣ смерти Питера Фэтерстона, м-ръ Бюльстродъ сдѣлался собственникомъ Стон-Корта.

Пріобрѣтеніе этого помѣстья сильно радовало любящую м-съ Бюльстродъ; она рассчитывала на благоприятное дѣйствіе тамошняго воздуха на здоровье мужа, который чуть не каждый день ѣздилъ туда.

Разъ вечеромъ, м-ръ Бюльстродъ собирался уже уѣзжать изъ Стон-Корта, куда пріѣзжалъ посоветоваться съ Калэбомъ Гарттомъ на счетъ дренажа конюшни, какъ вдругъ Калэбъ воскликнулъ:

— Посмотрите-ка, что это за человѣкъ, весь въ черномъ; онъ, кажется, идетъ сюда.

Бюльстродъ повернулъ лошадь и взглянулъ въ указанномъ направленіи, но не сказалъ ни слова. Подходившій къ нимъ человѣкъ былъ никто иной, какъ знакомый намъ м-ръ Рафль, наружность котораго мало измѣнилась отъ чернаго платья и обернутой вѣтромъ шляпы. Не доходя шаговъ трехъ до нашихъ пріятелей, онъ вдругъ остановился, пристально взглянулъ на м-ра Бюльстрода и замахалъ палкою, крича:

— Это ты, Никъ! Нѣтъ, я не ошибаюсь, хоть прошло цѣлыхъ двадцать пять лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ мы не видались. Ну, какъ ты поживаешь? Ты не ожидалъ увидѣть меня здѣсь, а? Ну, давай-же руку, дружище.

Калэбъ Гартъ замѣтилъ, что м-ръ Бюльстродъ не безъ нѣкотораго колебанія протянулъ свою руку и сказалъ холодно:

— Дѣйствительно, я не ожидалъ встрѣтить васъ здѣсь, въ такой глуши.

— Это помѣстье принадлежитъ моему пасынку, отвѣчалъ Рафль самымъ развязнымъ тономъ, — я пріѣхалъ повидаться съ нимъ. А я, дружище, совсѣмъ не удивляюсь, что встрѣтился съ тобою, я поднялъ одно письмо, и очень радъ, что ты здѣсь; видѣться съ моимъ пасынкомъ мнѣ вовсе не интересно: онъ не отличается особеннымъ богатствомъ чувствъ, и бѣдной матери его уже нѣтъ на свѣтѣ. По правдѣ сказать, я пріѣхалъ сюда изъ любви къ тебѣ, Никъ. Мнѣ удалось добыть твой адресъ, смотри-ка.

Рафль вытащилъ изъ кармана скомканный клочекъ бумаги.

Рѣдкій человѣкъ устоялъ-бы противъ искушенія остаться и послушать что еще скажетъ человѣкъ, знакомство котораго съ Бюльстродамъ указывало, повидимому, на такія черты изъ прошлаго Бюльстрода, которыя не имѣли ничего общаго съ настоящимъ образомъ его жизни въ Мидльмарчѣ. Но Калэбъ Гартъ составлялъ въ этомъ случаѣ исключеніе; ему были чужды самыя обыкновенныя человѣческія слабости, между прочимъ, страсть разубавать чужія дѣла. Если обнаруживалось что-нибудь дурное относительно кого-нибудь, то Калэбъ предпочиталъ вовсе не знать объ этомъ: когда ему приходилось объявить кому-нибудь изъ своихъ подчиненныхъ, что ему извѣстна какая-нибудь его провинность, то онъ смущался болѣе, чѣмъ самъ виновный. Поэтому и въ настоящую минуту онъ пришпорилъ лошадь и ускакалъ, сказавъ:

— Прощайте, м-ръ Бюльстродъ, мнѣ пора домой.

— Ты не сполна поставилъ свой адресъ на этомъ письмѣ, продолжалъ Рафль. — Это что-то странно въ такомъ дѣловомъ человѣкѣ. Но ты живешь гдѣ-нибудь по близости, бросилъ совсѣмъ Лондонъ, можетъ, сдѣлался сельскимъ сквайромъ, обзавелся помѣстьемъ, пригласишь меня въ свой собственный домъ. Господи, сколько лѣтъ прошло. Старуха, вѣроятно, давно уже умерла, отошла въ вѣчность, и не подозрѣвая въ какомъ положеніи ея дочь! Но какъ ты блѣденъ, Никъ. Если ты ѣдешь домой, то я пойду возлѣ тебя.

Дѣйствительно, обыкновенная блѣдность м-ра Бюльстрода перешла въ смертельную. Какія-нибудь пять минутъ назадъ все

вокругъ него улыбалось, онъ видѣлъ себя орудіемъ неисповѣданныхъ путей провидѣнія, и вдругъ какимъ-то адскимъ волшебствомъ передъ нимъ явилась эта отвратительная фигура, воплощавшая собою прошедшее, которое онъ никогда не принималъ въ расчетъ, размышляя о путяхъ провидѣнія.

— Я, дѣйствительно, ѣхалъ домой, сказалъ онъ, — но я могу пробить съ вами еще нѣсколько минутъ. Если вы желаете, вы можете отдохнуть здѣсь въ домѣ.

— Благодарю, отвѣчалъ Рафль, скорчивъ гримасу. — Я не имѣю ни малѣйшаго желанія увидѣться съ моимъ пасынкомъ. Я ужъ лучше отправлюсь съ тобою къ тебѣ.

— Вашего пасынка, если м-ръ Риггъ Фэтерстонъ вашъ пасынокъ, здѣсь нѣтъ. Я здѣсь хозяинъ.

Рафль широко раскрылъ глаза и свистнулъ отъ изумленія.

— Въ такомъ случаѣ, сказалъ онъ, — я согласенъ. Я довольно-таки прошелся сегодня, а я никогда не былъ ходякомъ. Какъ тебѣ должно быть пріятно увидѣться со мною, старый дружище, продолжалъ онъ, когда они повернули къ дому. — Ты этого не говоришь, но ты всегда былъ скрытенъ; какое счастье тебѣ ни выпадало на долю, ты всегда только о томъ и думалъ, какъ-бы захватить еще побольше.

М-ръ Рафль казался въ восторгѣ отъ собственнаго остроумія и при послѣднихъ словахъ сдѣлалъ такое смѣлое антрша ногою, что спутникъ его, наконецъ, не выдержалъ.

— Насколько мнѣ помнится, заговорилъ онъ холоднымъ негодующимъ тономъ, — знакомство наше никогда не носило на себѣ того интимнаго характера, который вы придаете ему въ настоящее время, м-ръ Рафль. Если вамъ чего-нибудь угодно отъ меня, то вы получите желаемое гораздо скорѣе, если потрудитесь воздерживаться отъ фамиллярнаго тона, который не можетъ быть оправданъ ни нашимъ прежнимъ знакомствомъ, ни двадцатилѣтнею разлукой.

— Вамъ не нравится, что я васъ зову Никомъ. Я васъ всегда звалъ Никомъ въ душѣ, и хотя потерялъ изъ виду, но вы всегда мнѣ были дороги. Съ годами моя привязанность къ вамъ становилась все крѣпче и крѣпче, какъ добрый старый конякъ. Надѣюсь, что онъ найдется у васъ въ домѣ.

М-ръ Бюльстродъ еще не имѣлъ времени убѣдиться, что самая

страсть къ коньяку уступала въ Рафлѣ желанію помучить свою жертву, и что всякій признакъ раздраженія съ ея стороны только подзадоривалъ его. Но одно было ясно, что всякія дальнѣйшія возраженія ни къ чему не поведутъ, и м-ръ Бюльстродъ покорился своей судьбѣ. Онъ съ самымъ невозмутимымъ видомъ отдалъ всѣ нужныя распоряженія, утѣшая себя мыслью, что ключница его, находившаяся прежде въ услуженіи у Ригга, можетъ подумать, что Бюльстродъ принимаетъ къ себѣ Рафля просто, какъ родственника ея прежняго хозяина.

Когда подали закуску и они остались наединѣ, м-ръ Бюльстродъ сказалъ:

— Мы такъ расходимся въ взглядахъ и привычкахъ м-ръ Рафль, что едва-ли можемъ находить удовольствіе въ обществѣ другъ друга. Поэтому всего умнѣе намъ будетъ разстаться какъ можно скорѣе. Но у васъ, вѣроятно, есть дѣло до меня. Въ такомъ случаѣ вы можете остаться здѣсь переночевать, а завтра утромъ я приѣду сюда до завтрака и выслушаю, что вы имѣете мнѣ сказать.

— Отлично, здѣсь очень удобно; нѣсколько скучновато, если тутъ жить постоянно; но одну ночь можно переспать, особенно, имѣя возлѣ себя бутылку и зная, что увидишься съ вами завтра утромъ. Вы гораздо гостепріимнѣе моего пасынка; но Юссія дулся на меня за то, что я женился на его матери, а мы съ вами вѣдь всегда были друзьями.

М-ръ Бюльстродъ надѣялся, что нахальство и развязность Рафля пройдутъ, когда онъ протрезвится, и потому отложилъ до слѣдующаго утра всякія объясненія съ нимъ. Но онъ ясно сознавалъ, какъ ему будетъ трудно добиться какихъ-нибудь прочныхъ результатовъ. Онъ отъ всей души желалъ избавиться отъ Джона Рафля, хотя его появленіе, можетъ быть, входило въ неисповѣдимые пути провидѣнія. Можетъ быть, его наслалъ злой духъ въ видѣ угрозы м-ру Бюльстроду за его желаніе обратиться на путь истинный; и Господь допустилъ это насланіе, можетъ быть, въ видѣ новаго испытанія. Неужели его прегрѣшенія не заглажены искренностью желанія его посвятить себя и все, что онъ имѣетъ, на служеніе божественнымъ цѣлямъ? Неужели и послѣ этого Господь допуститъ его сдѣлаться камнемъ преткновенія, предметомъ соблазна? Вѣдь если на немъ будетъ найдено пятно,

противники его воспользуются этимъ пятномъ, чтобы смѣшать съ грязью и всю его жизнь, и истины, которыя онъ проповѣдывалъ.

Такимъ образомъ, даже наединѣ съ самимъ собою, м-ръ Бюльстродъ прикрывалъ эгоистическія опасенія за себя самого высшими теоретическими соображеніями о необходимости оградить святость своей доктрины. Но эти теоретическія соображенія не въ состояніи были заглушить ледянащаго ужаса позора въ глазахъ сосѣдей, въ глазахъ жены.

Не было еще семи часовъ, когда онъ пріѣхалъ въ Стоп-Кортъ на слѣдующее утро. Никогда еще старшій домъ не казался такъ привлекателенъ, какъ въ это утро; огромныя бѣлыя лиліи были въ цвѣту, по низкой каменной стѣнѣ вились настурціи, посеребреныя росой; все вокругъ дышало миромъ и тишиной. Но не было мира и тишины въ сердцѣ владѣльца этого восхитительнаго уголка.

Утро не произвело на Рафля той благодѣтельной переменны, на которую рассчитывалъ м-ръ Бюльстродъ. Напротивъ, въ трезвомъ состояніи онъ, казалось, находилъ еще больше наслажденія въ томъ, чтобы мучить своего собесѣдника.

— У меня рѣшительно нѣтъ времени, м-ръ Рафль, заговорилъ банкиръ, когда они усѣлись за завтракъ; — поэтому вы меня очень обяжете, если сообщите мнѣ немедленно, что вамъ угодно отъ меня. Вѣроятно, у васъ есть гдѣ-нибудь свой домъ, куда вамъ также желательно вернуться поскорѣе.

— Ну, я думаю, что человѣку съ сердцемъ очень естественно пожелать повидаться со старымъ другомъ, Никъ? Я не могу не называть васъ Никомъ—мы постоянно звали васъ молодымъ Никомъ, когда узнали, что вы задумали жениться на старой вдовѣ. А вамъ развѣ неприятно увидѣться со мною? Я рассчитывалъ, что вы меня пригласите поселиться вмѣстѣ съ вами. Жена моя умерла, я не имѣю особеннаго пристрастія ни къ какому мѣсту; мнѣ все равно, гдѣ не жить.

— Могу я васъ спросить, почему вы вернулись изъ Америки? Я полагалъ, что заявленное вами желаніе отправиться туда, если вамъ будетъ дана соответствующая сумма денегъ, равнялось обязательству остаться тамъ на всю жизнь.

— Въ первый разъ слышу, что желаніе поѣхать куда-нибудь равносильно желанію остаться тамъ на всегда. Но я пробывъ

тамъ цѣлыя десять лѣтъ; дольше оставаться мнѣ не захотѣлось и я не намѣренъ возвращаться туда, Никъ.

— Желаете вы пристроиться при какомъ-нибудь дѣлѣ. Чѣмъ вы намѣрены заниматься теперь?

— Я намѣренъ не заниматься, а наслаждаться. Мнѣ надоѣло работать. Пожалуй, я-бы не прочь попутешествовать, но не иначе, какъ имѣя достаточное обезпеченіе въ будущемъ. Я не такъ крѣпокъ, какъ былъ, Никъ, хотя и порумянѣ васъ; мнѣ нужно обезпеченное состояніе.

— Вы его получите, если согласитесь уѣхать отсюда, сказалъ м-ръ Бюльстродъ, съ безразличною неодуманною послѣдностью.

— Ну, это какъ мнѣ захочется, отвѣчалъ Рафль холодно, — я не вижу, почему-бы мнѣ не завязать знакомствъ въ здѣшней мѣстности. Кажется, я никого не пристыжу собой. Взгляните-ка на мой костюмъ, я не уроню васъ въ глазахъ здѣшнихъ аристократовъ.

Съ этими словами, м-ръ Рафль отодвинулся отъ стола и оглядѣлъ себя съ головы до ногъ, останавливая свое вниманіе преимущественно на штрипкахъ. Онъ не только хотѣлъ подразнить Бюльстрода, но воображалъ, и въ самомъ дѣлѣ, что наружность его въ состояніи произвести самое благопріятное впечатлѣніе, что онъ не только хорошъ собою и остроуменъ, но и одѣтъ весьма прилично.

— Если вы ожидаете чего-нибудь отъ меня, м-ръ Рафль, сказалъ Бюльстродъ послѣ минутнаго молчанія, — то вы должны сообразоваться съ моими желаніями.

— Безъ сомнѣнія, отвѣчалъ Рафль насмѣшливо-дружескимъ тономъ. — Я-же всегда съ ними сообразовался. Что вы изъ меня сдѣлали, и что я за это получилъ? Сколько разъ приходило мнѣ послѣ того на мысль, что я лучше-бы сдѣлалъ, если-бы сказалъ старухѣ, что нашелъ ея дочь и внука — это болѣе-бы соотвѣтствовало моимъ чувствамъ, вѣдь у меня мягкое сердце. Но вы, вѣроятно, уже схоронили старуху, такъ что ей теперь все равно. Это выгодное дѣльце и доставило вамъ все ваше состояніе. Вамъ непрестанно захотѣлось сдѣлаться землевладѣльцемъ, сквайромъ. Все еще состоите диссентеромъ, а? Все еще прохаживаетесь насчетъ слова Божія? Или перешли на сторону

высокой англиканской церкви, какъ учрежденія болѣе аристократическаго?

М-ру Бюльстроуду становилось противно до тошноты и онъ молчалъ, раздумывая, не удобнѣе-ли будетъ отказаться вовсе стъ Рафля и объявить его клеветникомъ. Несомнѣнно, что этотъ пьяница своимъ поведеніемъ скоро такъ уронитъ себя въ глазахъ всѣхъ, что никто ему не повѣритъ. Но совѣсть м-ра Бюльстрода, мирившаяся съ необходимостью держать Рафля на извѣстной дистанціи, возмущалась перспективою прямой лжи, отрицанія дѣйствительно совершившихся фактовъ. Пользуясь молчаніемъ Бюльстрода, Рафль продолжалъ:

— Мнѣ не такъ повезло, какъ вамъ; въ Нью-Йоркѣ жилось отвратительно. Эти янки—народъ сухой, эгоистичный; человѣку съ джентльменскими чувствами не ужиться съ ними. Вернувшись, я женился на содержательницѣ табачной лавочки, премилой женщинѣ; она меня очень любила, но торговля шла плохо. Вдобавокъ еще у меня оказался сынъ. Юссія и я никогда не ладили, но я сѣумѣлъ помириться съ своимъ положеніемъ, тѣмъ болѣе, что всегда имѣлъ возможность выпить стаканъ вина въ доброй компаніи. Вы не сердитесь на меня, что я раньше не вздумалъ навѣстить васъ. Я полагалъ, что вы занимаетесь торговлею и богомольемъ въ Лондонѣ, но не отыскалъ васъ тамъ. Вы увидите, что я посланъ къ вамъ свыше, Никъ; мой прїѣздъ будетъ благословеніемъ для обоихъ насъ.

Послѣднія слова м-ръ Рафль произнесъ гнусливымъ тономъ. Между тѣмъ Бюльстроудъ обдумалъ, что ему дѣлать, и заговорилъ рѣшительнымъ голосомъ:

— Совѣтую вамъ, м-ръ Рафль, поразмыслить о томъ, что, погнавшись за слишкомъ многимъ, человѣкъ иногда теряетъ все. Я не чувствую себя ничѣмъ обязаннымъ относительно васъ; тѣмъ не менѣе я согласенъ выплачивать вамъ опредѣленную сумму ежегодно по четвертямъ, если вы согласитесь уѣхать отсюда. Если-же вы непремѣнно захотите остаться здѣсь, хоть на короткое время, вы не получите отъ меня ни гроша. Я откажусь отъ всякаго знакомства съ вами.

— Ха, ха, ха, разсмѣялся Рафль принужденнымъ смѣхомъ, — вы мнѣ напоминаете одного забавнаго ворышку, который упорно отказывался отъ знакомства съ констэблемъ.

— Я не понимаю вашихъ намековъ, сэръ; правосудіе не можетъ наложить на меня руку ни черезъ ваше посредство, ни черезъ посредство кого-бы то ни было.

— Какъ это вы не понимаете шутокъ, мой милый. — Я хотѣлъ просто сказать, что никогда не откажусь отъ знакомства съ вами. Но шутки въ сторону. Ваши четвертные взносы мнѣ совсѣмъ не по вкусу. Свобода для меня дороже всего.

Съ этими словами, Рафль всталъ и принялся ходить по комнатѣ съ озабоченнымъ видомъ человѣка, обдумывающаго что-то. Наконецъ, онъ остановился прямо противъ Бюльстрода и воскликнулъ:

— Знаете что! Дайте-ка мнѣ парочку сотнягъ, видите, какъ я скромнень, и я уберусь отсюда, — честное слово. Но я не продамъ своей свободы за какую-нибудь жалкую пенсію. Я хочу имѣть право бывать, гдѣ мнѣ угодно. Можетъ быть, мнѣ взбрѣдетъ на умъ поселиться гдѣ-нибудь далеко отсюда и вести переписку съ моимъ другомъ, а можетъ быть, и нѣтъ. У васъ деньги при себѣ?

— У меня только сто фунтовъ съ собою, отвѣчалъ Бюльстродъ, котораго такъ обрадовала возможность освободиться сейчасъ-же отъ докучнаго гостя, что онъ не настаивалъ больше на своемъ предложеніи. — Остальные сто я вамъ пришлю по адресу.

— Нѣтъ, я подожду здѣсь. Я погуляю, а вы съѣздите за ними.

М-ръ Бюльстродъ, сильно разстроенный всѣмъ, что случилось со вчерашняго вечера, покорно всталъ съ мѣста, чтобы выполнить и это требованіе.

Онъ уже выходилъ изъ комнаты, когда Рафль остановилъ его.

— А вѣдь я опять розыскивалъ Сару, меня совѣсть мучила за эту красивую молоденькую женщину. Ея я не нашель, но я узналъ фамилію ея мужа и записалъ. Чортъ возьми, я потерялъ свою записную книжку. Если-бы я услышалъ это имя, я-бы вспомнилъ. Замѣчательно, я сохранилъ всѣ свои способности, потерялъ только память на имена. Но, какъ только я услышу что-нибудь о ней или объ ея семействѣ, я вамъ сообщу, Нивъ. Вы, вѣроятно, захотите что-нибудь сдѣлать для нея; вѣдь она теперь ваша падчерица.

— Безъ сомнѣнія, хотя эта новая выдача заставитъ меня сократить мои расходы на пособіе вамъ.

Съ этими словами, онъ вышелъ. Рафль подмигнулъ ему вслѣдъ и на губахъ его появилась торжествующая улыбка.

— Однако, чортъ побери, какъ-же, въ самомъ дѣлѣ, ея фамилія? воскликнулъ онъ черезъ нѣсколько минутъ, почесывая въ головѣ и поводя глазами. — Она начиналась съ *ел* и, кажется, вся состояла изъ *л*, продолжалъ онъ, напрягая всѣ свои усилія, чтобы припомнить ускользнувшую изъ памяти фамилію. Но это занятіе скоро утомило его, и онъ предпочелъ пробавляться разговоромъ съ ключницей, отъ которой узналъ все, что ему нужно было относительно положенія, занимаемаго Бюльстродамъ въ Мидльмарчѣ.

Вскорѣ онъ почувствовалъ необходимость поддѣржнть свои силы хлѣбомъ съ сыромъ и элемъ, и только-что расположился въ залѣ за этой закуской, какъ вдругъ ударилъ себя по колѣну и воскликнулъ: „Владиславъ!“ Фамилія, которую онъ не могъ припомнить, несмотря ни на какія усилія, вдругъ сама собою навернулась ему на память — фактъ весьма обыкновенный, который, вѣроятно, каждому приходилось испытывать на себѣ. Рафль тотчасъ-же вынулъ записную книжку и внисалъ эту фамилію, не потому, чтобы она ему была на что-нибудь нужна, но чтобы не забыть опять, въ случаѣ, если она ему понадобится. БюльSTRUДУ онъ рѣшился не говорить ее теперь, такъ какъ это не представляло ни малѣйшей выгоды, а имѣть лишній секретъ про запасъ никогда не мѣшало.

Онъ былъ доволенъ своимъ настоящимъ успѣхомъ и въ три часа взобрался въ дилижансъ съ своимъ чемоданомъ, избавивъ глаза м-ра Бюльстрода отъ безобразнаго чернаго пятна на ландшафтѣ Стоп-Корта, но оставивъ его подъ гнетомъ страха, что это пятно можетъ снова появиться и сдѣлаться неразлучнымъ спутникомъ его домашняго очага.

(Продолженіе будетъ.)

НА ДАЛЕКИХЪ ОКРАПНАХЪ.

РОМАНЪ.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

I.

Первый перегонъ.

„Странно, куда-жь они всё подѣвались? думаль Батоговъ, глядя на широкую спину не то киргиза, не то китай-выпчака, ѣхавшаго впереди его на пѣгомъ аргамакѣ. — Вѣдь ихъ было много — человекъ двадцать, я думаю, а теперь: вотъ тутъ одинъ, вонъ еще два впереди, сзади“... Плѣнникъ хотѣлъ обернуться и посмотрѣть назадъ, но не могъ: веревки, связывающія за спиною его отекиа руки, прихватывали для вѣрности и за шею; малѣйшая попытка повернуть голову сопровождалась удушьемъ и рѣжущей болью...

— Ишь, какъ стянули, черти, проворчалъ онъ, — сзади тоже, никакъ, одинъ только... Онъ началъ прислушиваться къ топоту конскихъ ногъ. — Разъ два, разъ два, разъ... да, тамъ только одинъ; ишь, какъ отчеканиваетъ, должно быть, иноходецъ...

Бѣлая, вся въ гречкѣ, старая лошадь, которая была подъ Батоговымъ, тяжело сопѣла, раздувая ноздри; завязанныя узломъ на тонкой шеѣ коня замшевыя поводья заплѣнились и взмокли. Нѣсколько большихъ, гудящихъ басомъ оводовъ провожали усталого коня и скрученного всадника; по мокрой, лоснящейся шерсти животного кое-гдѣ тянулись темно-крас-

ныя струйки крови, вытекавшей изъ тѣхъ мѣстъ, гдѣ удалось жадному насѣкомому пропустить свое жгучее жало. Одинъ оводъ пытался сѣсть на лицо Батогова: тотъ мотнулъ головою и отфыркнулся.

— Что, тамыръ, кусаютъ, сказалъ ему ѣхавшій сзади всадникъ.—Ничего, терпи: тамъ хуже будетъ...

— Свинья! огрызнулся по русски Батоговъ и сосредоточилъ свое вниманіе на переднемъ джигитѣ.

Лошади подъ всѣми всадниками сильно притомились; только Орликъ Батогова, на которомъ сидѣлъ сутуловатый Узбекъ, въ красномъ халатѣ, съ вышитою золотомъ спиною, съ длиннымъ, раструбчатымъ мултукомъ за плечами,—шелъ бойко, почти не поднимая пыли и ловко перескакивая черезъ безчисленные канавки, пересѣкавшія узкую полевою дорожку, по которой пробиралась вся кавалькада.

Справа и слѣва тянулись обработанные поля ташкентскихъ окрестностей; кое-гдѣ виднѣлись люди, но далеко далеко, чуть только мелькали сине-сѣрые халаты полевыхъ работниковъ въ массахъ темной стрѣльчатой листвы китайскаго проса (джунгарры). А вотъ и у самой дорожки, шагахъ въ двадцати небольше, пара приземистыхъ, темнобурыхъ воловъ, съ горбами на холкахъ, тянули медленно деревянный плугъ — сабань. Бронзовый, лоснящійся, полуголый сартъ идетъ сзади... Онъ обернулся на топотъ коней, изумленно глядитъ своими черными, широко раскрытыми глазами... Что, молъ, за джигиты?.. Связанная, оборванная фигура русскаго объяснила ему, въ чемъ дѣло... Сартъ согнулся почти къ самой землѣ и волчьёю рысью побѣжалъ въ чащу засѣяннаго поля. Только живая борозда раздвигающихся и снова принимающихъ первоначальное положеніе стеблей выдавала оробѣвшаго бѣглеца. Воли такъ-же глупо смотрѣли на проѣзжавшихъ, какъ и ихъ хозяинъ, и замычали вслѣдъ быстро пронесшейся группѣ барантачей.

Во всю послѣднюю прыть измученныхъ коней проскакали они мимо небольшого кишлака (деревни). Деревня эта была знакома Батогову: онъ не разъ заѣзжалъ сюда съ охоты въ окрестностяхъ. Вотъ и навѣсь, гдѣ онъ недавно пилъ чай, у сарта Мурза-бая, его хорошаго пріятеля... Вотъ и самъ хозяинъ: онъ, кажется, узналъ плѣнника, онъ даже руками

всплеснулъ при этой неожиданной встрѣчѣ и, оторопѣлый, пригнулся надъ своимъ нечищеннымъ самоваромъ. Еще нѣсколько человѣкъ промелькнули передъ глазами Батогова: иные пугались и пытались скрыться, другіе-же, не мѣняя позы, равнодушно смотрѣли на чужихъ джигитовъ, на связаннаго русскаго, поворачивая языкомъ свои табачныя жвачки и сплевывая въ сторону. Одинъ изъ переднихъ джигитовъ, на всемъ ходу, сорвалъ съ перекладки висѣвшую въ камышевой плетенкѣ, большую желтую дыню и засунулъ ее въ переметную сумку, другой также завладѣлъ цѣлымъ бараньимъ курдюкомъ, висѣвшимъ у другого навѣса. Хозяинъ послѣдняго пытался было протестовать, крикнулъ что-то, даже за жердь, чѣмъ запираютъ на ночь ворота, схватился, да махнулъ рукою и юркнулъ въ глубину сакли, увидавъ, какъ джигитъ повосилъ на конецъ своего мултука.

Шайка барантачей, такъ неожиданно напавшая на нашихъ дуэлистовъ, состояла, дѣйствительно, человѣкъ изъ двадцати. Опытный взглядъ Батогова не ошибся въ опредѣленіи числа наѣздниковъ; но тотчасъ-же вся партія раздѣлилась на маленькія отдѣльныя группы.

Догонять бѣжавшихъ барантачи не рѣшились: это могло-бы завлечь ихъ слишкомъ далеко, а они и такъ уже черезчуръ далеко забрались, и страхъ, что имъ отрѣжутъ отступление къ Сыръ-Дарьѣ, заставилъ ихъ, не теряя ни минуты времени, направиться къ берегамъ этой рѣки, съ такимъ расчетомъ, чтобы къ вечеру пробраться на тотъ берегъ и тамъ уже, въ густой чащѣ прибрежныхъ камышей, дать отдыхъ себѣ и своимъ конямъ.

Бѣгство это было само по себѣ очень рискованно. Подъ покровительствомъ непроницаемой темноты южной ночи, имъ удалось пробраться къ Бешь-агачу, а теперь имъ приходилось удирать на виду у всѣхъ, при яркомъ свѣтѣ солнечнаго дня.

Отдѣльныя партіи разбойниковъ шли разными дорогами, чтобы сбить съ толку преслѣдователей, если погоня успѣетъ во время сформироваться. Партія, въ которой находился Батоговъ, шла на Чардары, развалины старой коканской крѣпостцы, давно заброшенной, расположенной на низменномъ

противуположномъ берегу Сыра, верстахъ въ шестидесяти отъ нашего чиказа.

Голое, деревянное, ничѣмъ не покрытое бухарское сѣдло страшно безпокоило Батогова; онъ не могъ даже привстать на стременахъ, потому что ноги его были туго стянуты распущенною чалмою подъ брюхомъ лошади. Острые края сѣдла, глубоко вдавливаясь въ тѣло, давно уже протерли кожаные панталоны Батогова и натирали кровавыя ссадины; пальцы скрученныхъ рукъ совершенно налились и онѣмѣли. Вѣтеръ путалъ волосы и бороду плѣнника, и грязный потъ, смѣшанный съ пылью, струился по лицу несчастнаго.

У небольшого арыка, на днѣ котораго чуть пробиралась довольно чистая вода, всадники на минуту остановились. Одинъ за другимъ они спускались на дно арыка, черпали своими малахаями (войлочными шапками) воду и жадно пили.

— Дайте и мнѣ, хрипло простоналъ Батоговъ, видя, что бандиты, утоливъ свою жажду, не думаютъ вовсе о своемъ плѣнникѣ и садятся на лошадей.

— Да дайте-же, дайте... разбойники, черти вы окаянныя!

Батоговъ настолько еще владѣлъ собою, что бранныя слова произносилъ по русски. Его не слушали и погнали лошадей дальше. Бѣлая лошадь, почему-то утомленная больше другихъ, начала замѣтно пріотставать,—ее подгоняли сзади ударами двухъ нагаекъ; по временамъ нагайки, словно нечаянно, просвиставъ надъ крупомъ коня, врѣзывались въ спину Батогова. Отъ страшной боли, отъ невыносимой жажды, пробудившейся съ новою силою, при видѣ того, какъ другіе восталъ пьютъ воду,—у несчастнаго позеленѣло въ глазахъ, стиснутые зубы скрипѣли, глаза горѣли какимъ-то горячечнымъ блескомъ.

У всѣхъ полудикихъ народовъ есть общая страсть мучить своихъ плѣнныхъ, безъ всякой для себя надобности. Только корысть заставляетъ ихъ не доводить эти мученія до конца, до смерти измученнаго.

А всадники все неслись и неслись. Уже давно населенныя мѣста остались позади. Въ сторонѣ дымились кибитки кочевниковъ; нѣсколько двугорбыхъ, косматыхъ верблюдовъ паслись въ заросляхъ. Мѣстность была совершенно ровная; — вдали синѣла туманная полоса Сыръ-Дарья.

— Стой! крикнулъ Узбекъ въ красномъ кафтанѣ. Вся партія остановилась.

— Это наши прошли, указалъ онъ на частые слѣды подкованныхъ конскихъ ногъ, пересѣбавшіе дорогу.

— А можетъ, и не наши; развѣ тутъ мало народу ѣздить.

— Нѣтъ, наши, произнесъ Узбекъ. — Вонъ круглыя подковы чалаго... Они прошли туда, онъ указалъ рукой на право. — Они здѣсь раньше нашего прошли, и, обглодай мои кости собака, если они не прошли много раньше насъ...

— У нихъ нѣтъ этого дурацкаго мѣшка, джигитъ кивнулъ на Батогова.

— Поспѣемъ и мы, чего встали, вмѣшался третій. — Дарья не далеко — къ ночи будемъ на мѣстѣ. Гайда, впередь!

— Не дойдетъ, проклятая, говорилъ Узбекъ, когда вся группа снова тронулась въ путь. Онъ со всего размаха вытянулъ по крупу бѣлаго коня; тотъ засуетился, рванулся. Ноги усталаго животнаго заплелись — и оно, спотынувшись, грянулось на землю.

Упавшая лошадь придавила ногу Батогову; его колѣно словно хрустнуло. Задыхаясь отъ густой пыли, набившейся ему, при паденіи, въ носъ и въ ротъ, онъ стоналъ и судорожно рвался, бесполезно пытаясь освободить свои руки.

Удары нагаекъ заставили бѣднаго коня скоро подняться на ноги. Батогова поправили на сѣдлѣ. Поѣхали дальше.

Солнце низко спустилось, когда прибыли на песчаный берегъ Сыръ-Дарьи. Было тихо кругомъ; только сыроватый вѣтеръ, подымаясь отъ рѣки, рябилъ слегка ея гладкую, желтоватую поверхность и шелестилъ въ камышевыхъ заросляхъ. На песчаныхъ отмеляхъ бродили чубатые цапли; нѣсколько чаекъ, вскрикивая своимъ металлическимъ голосомъ, носились надъ водою. Вдали, на противоположномъ берегу, сквозъ густые камыши виднѣлись сѣрыя, глиняныя массы развалинъ Чардары.

Поправили сѣдла, подтянули подпруги. Одинъ изъ всадниковъ отвязалъ длинный волосяной арканъ, который висѣлъ у него за сѣдломъ и, сложивъ его вдвое, продѣлъ подъ брюхомъ лошади Батогова. Два джигита стали по бокамъ и взяли концы веревки. Эта предосторожность была принята для того, чтобы измученная лошадь подъ плѣнникомъ, выбившись

изъ силъ, не пошла-бы ко дну со своимъ всадникомъ. Впередъ поѣхалъ Узбекъ на Орликъ, за нимъ потянули Батогова, сзади, нѣсколько поотставъ, ѣхали остальные. Въ такомъ порядкѣ пустились въ воду.

Настороживъ уши, отфыркиваясь, распространяя вокругъ себя цѣлые водопады брызгъ, вошли лошади въ рѣку, и скоро вода начала достигать имъ до самаго брюха. Орликъ, вытянувъ морду, на ослабленныхъ поводкахъ, порывисто плыль наискось противъ теченія; за нимъ поплыли и остальные лошади. Конскій храпъ и ободрительные голоса джигитовъ неслись надъ водною поверхностью.

Въ камышахъ, на противоположномъ берегу, что-то закопошилось; медленно высунулась черная, щетинистая морда съ вьлками, испуганно хрюкнула при видѣ плывущихъ и шаркнулась назадъ. Цѣлая стая дикихъ утокъ, съ крикомъ, хлопая крыльями, пронеслась надъ головами барантачей. Сильнымъ теченіемъ воды относило въ сторону плывущихъ лошадей. Раза два онѣ чувствовали дно подъ своими ногами, инстинктивно поворачивались мордами противъ теченія и переводили духъ.

Скоро всѣ выбрались на противоположный берегъ; всадники сошли съ лошадей, животныя съ шумомъ отряхивались, разбрасывая вокругъ себя мелкіе брызги.

Вода, во время переправы черезъ рѣку, достигала почти до локтей связанныхъ рукъ Батогова; брызги обдавали его съ головы, и это епанье значительно освѣжило измученнаго офицера. Съ жадностью вдыхалъ онъ въ себя эти брызги, ему удалось даже нѣсколько разъ глотнуть, и какъ хороша показалась ему эта вода... нестерпимая боль въ рукахъ, почти цѣлый день находившихся въ такомъ неестественномъ положеніи, словно утихла, подъ влияніемъ благодѣтельной свѣжести; даже мысль его стала немного свѣтлѣе, и затихло чувство тупого озлобленія, овладѣвшее имъ во время этой мучительной поѣздки.

Всадники, одинъ за другимъ, потянулись вдоль берега, почти у самой воды и шли, такимъ образомъ, довольно долго; потомъ они свернули ~~на~~ по узкой тропѣ, протоптанной дикими кабанями, и углубились въ густые камыши. Высокіе стебли, перепутанные снизу вьющейся травой, сплошными стѣ-

нами стояли по сторонамъ этой, едва замѣтной тропы. Длиннохвостые фазаны нѣсколько разъ съ шумомъ вылетали изъ подъ самыхъ конскихъ ногъ. Кое-гдѣ, сквозь камышь, сверкали небольшія водныя поверхности заливныхъ озерковъ.

Солнце сѣло, и темнота наступала быстро. Надъ камышами подымался бѣловатый туманъ. Рои комаровъ сѣроватыми облачками носились въ воздухѣ. Какой-то заунывный, странный звукъ пронесся надъ водою и замеръ; за нимъ слѣдомъ прозвучала другая, подобная-же нота; вотъ еще... не то птица какая-то... не то вѣтеръ въ камышахъ... не то...

Вонь внизъ по рѣкѣ плывутъ какіе-то черные предметы. Тихо, беззвучно скользятъ они по зеркальной поверхности... Это „салы“¹⁾ киргизскіе спускаются внизъ съ запасомъ камыша или сѣна, а, можетъ быть, на нихъ и сочные арбузы и дыни... Беззаботно, предавшись теченію, плыветъ узкоглазый степнякъ, сидя на своемъ нехитромъ суднѣ, и поетъ свою нехитрую монотонную пѣсню.

Проплыли мимо эти лохматые, словно небольшія койны скошеннаго сѣна, плоты и скрылись въ густомъ туманѣ.

Наконецъ, передовой, Узбекъ остановился и сказалъ:—хорошо, тутъ и остановимся.

Ноги Батогову развязали и сняли его съ лошади, но едва только его поставили на ноги, какъ онъ рухнулъ тяжело на песокъ: совершенно отекишія ноги отказались служить Батогову.

— Ну, брось его, пускай тутъ и лежитъ, сказалъ Узбекъ.— Оставь, не вяжи, обратился онъ къ джигиту, принявшемуся снова скручивать ноги плѣнника.— Не уйдетъ и такъ: видишь, онъ и стоять даже не можетъ.

— Они крѣпки... эти русскія собаки.

— Ну, ну, брось!

— Смотри, мы заснемъ, а онъ уйдетъ.

— Ну, когда заснете, тогда опять свяжете, коли пятеро одного боитесь, сказалъ Батоговъ, который слышалъ, что о немъ говорили.

— Э-э-ншь ты, очнулся.

¹⁾ Небольшой плотъ, связанный изъ сноповъ камыша, на которыхъ кочевники по берегу Дарьи сплавливаютъ тонаиво, кормъ, а иногда и другія произведенія, даже мелкій скоть, на ближніе береговые базары.

— Да и говорить какъ, по нашему. Ты не изъ нугаевъ-ли? ¹⁾.

— Я-то? я русский, сказалъ Батоговъ. Онъ радъ былъ заговорить съ своими мучителями и надѣялся выговорить себѣ еще какую-нибудь льготу.

— А русскіе всѣ говорятъ по нашему, замѣтилъ серьезнымъ тономъ Узбекъ.—Я сколько ни видалъ русскихъ— всѣ говорятъ... кто хорошо, кто дурно, а всѣ говорятъ...

— Имъ шайтанъ помогаетъ.

— Они оттого и живучи очень... Я въ прошломъ году одного рѣзалъ, рѣзалъ, а онъ все не издыхаетъ—совсѣмъ голову отрѣзалъ—а онъ все кулаки сжимаетъ.

— Это что, я одному отрѣзалъ голову, положилъ въ куржумы (переметныя сумки), привезъ въ аулъ, два дня въ дороге былъ; вынимаю...

— Что-же, вѣрно плюнула тебѣ въ бороду?

— Нѣтъ—куда: совсѣмъ протухла, даже позеленѣла вся...

Джигиты расхохотались.

Тѣмъ временемъ лошади были привязаны къ приколамъ и разнузданы. Барантаци расположились на небольшой, свободной отъ камыша полянѣ, у подножья наноснаго, песчанаго бугра, съ высоты котораго можно было видѣть довольно далеко черезъ вершины окрестныхъ камышей. Одинъ изъ шайки взобрался на самый верхъ и легъ на животъ сторожить, легъ и задремалъ тотчасъ-же: сильная усталость брала таки свое, да и сторожить-то было нечего,—кто отыщетъ разбойниковъ въ этихъ глухихъ мѣстахъ, гдѣ раздолье только кабанамъ, да тиграмъ.

А-темнота ночи все усиливалась; небо все сплошь высипало звѣздами; по темному фону проносились яркіе метеоры, оставляя послѣ себя на мгновеніе блестящія, свержающія милліонами брильянтовыхъ искръ полосы; по всѣмъ направленіямъ чертили падающія звѣзды. Туманъ густѣлъ, и его бѣловатыя волны все ближе и ближе подступали къ бархану, на которомъ устроилась на ночь банда. Все кругомъ словно потонуло въ этихъ волнахъ, и эти четыре полудикихъ наѣзника въ своихъ узорчатыхъ костюмахъ, съ своимъ плѣнникомъ-гяуромъ, сидѣли точно на небольшомъ островѣ;

¹⁾ Изъ татаръ.

даже лошади ихъ, отъ которыхъ отдѣляло пространство не болѣе десяти шаговъ, чуть виднѣлись неясными силуэтами, и только громкое фырканье да брязгъ наборной сбруи, увѣшанной амулетами, изобличали присутствіе животныхъ.

Батогову было холодно, и его пронимала лихорадочная дрожь. Его шелковая бѣлая рубаха была вся изодрана во время борьбы, шапка потеряна, да и панталоны, намокшіе во время переправы, мало согрѣвали наболѣвшее тѣло...

— Хоть-бы огонь развели, проворчалъ онъ.

— Чего тебѣ еще? отозвался кто-то.

— Холодно; огонь разложите.

— А вотъ уйдемъ подальше отъ вашихъ казаковъ, тогда и будемъ грѣться.

— Погоди, завтра жарко будетъ.

— Да этакъ до завтра сдохнешь.

— Да, ну, не вонь собака!.. джигитъ замахнулся на Батогова.

— Сейчасъ ударить, подумалъ Батоговъ и совершенно равнодушно смотрѣлъ на джигита: имъ начала овладѣвать какая-то непонятная апатія.—Ну, пускай бьютъ, думалъ онъ, — а рѣзать захотятъ—пускай рѣжутъ.—И онъ даже не отодвинулся отъ нихъ подальше, даже глазъ не зажмурилъ, когда нагайка взмахнула надъ самой его головою... Его вниманіе вдругъ почему-то обратила на себя торчащая силуэтомъ фигура сторожевого на вершинѣ бархана. — Ишь, какъ торчить эта остроконечная шапка, отвороченныя, разрѣзныя поля торчатъ словно рога... ну совсѣмъ, какъ у чорта... Должно быть и хвостъ есть, да не видно въ потемкахъ.

Однако киргизъ только взмахнулъ нагайкой, но не ударилъ. Онъ отрыгнулъ свою табачную жвачку, сплюнулъ и отвернулся отъ Батогова. Всѣ плотнѣе сдвинулись другъ къ другу, только плѣнный лежалъ нѣсколько въ сторонѣ, между общео группю и сторожевымъ барантачомъ.

— Эй, Сафаръ!

— Э, отозвался Сафаръ, разстегивая ремни у своей кольчуги.

— Ты-бы рассказалъ сказку, а то, поспуй, заснешь.

— Ну, Сафаръ, рассказывай, сказалъ себѣ и пододвинулся поближе...

— Сафаръ мастеръ говорить, замѣтилъ сторожевой, спускаясь понемногу.

Одинъ изъ нихъ тѣмъ временемъ досталъ изъ куржумъ бараній курдюкъ, добытый при проѣздѣ черезъ кишлакъ, вынулъ псякъ (ножь съ загнутымъ кверху концомъ) изъ кожаныхъ зеленыхъ ноженъ и принялся рѣзать бѣлое, сырое сало...

— Вотъ и тебѣ, жири! онъ швырнулъ Батогову лопоту сала, который шлепнулся на песокъ у самой его головы.

— Да вы хоть-бы руки развязали,—а то какъ-же я ѣсть буду, сказалъ Батоговъ.

— Ладно, и такъ сожрешь, не подавишься...

— Поди, развяжи, сказалъ Сафаръ, прожевывая, — а то и собака, когда ѣсть, лапами придерживаетъ...

Батогова если и не развязали совсѣмъ, то, по крайней мѣрѣ, значительно ослабили веревки, и онъ могъ, хотя сколько нибудь, воспользоваться своими руками; но и тутъ повторилось тоже, что было съ ногами; и долго еще, пока не возстановилось задержанное тугою перевязкой кровообращеніе, плѣнный не могъ пошевелить ни однимъ пальцемъ.

Вдали, у самого горизонта замелькали по темному небу красныя пятна зарева.

— Ишь, это на русскомъ берегу, курама камыши палятъ, замѣтилъ Сафаръ и отвашлялся.

II.

Сказка Сафара.

— „Это было давно, началъ Сафаръ; началъ и замолчалъ, задумался. Всѣ затаили дыханіе и плотнѣе сжались въ кружокъ. Сторожъ совсѣмъ сползъ съ бархана и сѣлъ на корточки, рядомъ съ Батоговымъ.

— „Да, это было очень давно, продолжалъ раскащикъ,—такъ давно, что если-бы прадѣдъ моего прадѣда прожилъ-бы двѣсти лѣтъ, то, все-таки это было-бы много прежде, чѣмъ онъ родился. У большаго озера, гдѣ двѣ рѣчки сходятся вмѣстѣ, стояла большая кибитка изъ настоящей, самой лучшей бѣлой кошмы, а подбита эта кибитка была золотымъ адрас-

сомъ,—и въ вѣбитеѣ этой жилъ ханъ, и такой богатый ханъ, что если-бы собрать со всего свѣта самыхъ ученыхъ муллъ, то всѣ вмѣстѣ они во всю жизнь не сосчитали-бы и половины его богатства...”

— Ой, ой, сколько! прошепталъ одинъ изъ слушателей.

— Это больше, чѣмъ у эмира Мозофара, замѣтилъ такъ-же шопотомъ другой.

— „Какъ Акъ-Тау — весь бѣлый отъ горнаго снѣга, такъ вся степь на востокъ была бѣлая отъ овецъ ханскихъ; а если взойти на самую высокую гору и посмотрѣть на закатъ солнца, то и земли не было видно подъ ханскими верблюдами. Лошадей-же у хана было...” тс... ты слышалъ?..

— Ничего не слыжалъ.

— Лошадей-же у хана...

Протяжный жалобный ревъ ясно донесся до ушей этихъ дѣтей природы... Лошади встрепенулись, подняли морды и стали беспокойно поводить ушами.

— Джуль-барсъ на томъ берегу ходить.

— Ну, пускай его ходить.

— А сюда прійдетъ?

— Не прійдетъ.

— Ну, Сафаръ, рассказывай.

— „Всѣ люди, продолжалъ Сафаръ,—сколько ихъ есть на землѣ, всѣ платили дань хану, и такая скука была ему, что воевать не съ кѣмъ, что и сказать нельзя. Ужь онъ ко всѣмъ посылалъ пословъ сказать, чтобы перестали ему дань платить и самихъ пословъ-бы непременно перерѣзали. Что онъ тогда опять пойдетъ ихъ наказывать войною, да никто не слушаетъ, а возьмутъ да нарочно еще больше приплюгуютъ ему парчи, хлѣба, дѣвокъ, меду, денегъ цѣлые куржумы, а пословъ напоятъ, накормятъ и на рукахъ принесутъ къ самой ханской ставкѣ...”

— Хитрые, замѣтилъ Узбекъ,—знаютъ тоже, что для нихъ лучше.

— „А тутъ еще другая бѣда пришла: сколько женъ ни было у хана, все родятъ ему однѣхъ дѣвочекъ...”

— Ишь ты, дрянъ какая, вставилъ кто-то и даже плюнулъ презрительно.

— „Ужь ханъ совсѣмъ разсердился на своихъ женъ и велѣлъ: какъ только кто изъ нихъ родитъ дѣвку, сейчасъ рѣ-

зять: и мать рѣзать, и приплодъ ея поганый—все не слушаютъ хана...“

— Да вѣдь это не отъ нихъ... Онѣ-бы и рады, замѣтилъ Узбекъ.

— Мало-ли что, да ужь какъ ханъ разсердился, такъ уже тутъ ничего не подѣлаешь.

— „Только разъ вечеромъ, какъ уже подоили кобыль, приходитъ къ хану человѣкъ чужой. Пришелъ онъ съ самаго Востока, изъ-за большихъ горъ, самъ весь желтый, борода бѣлая до земли, на головѣ круглая шапка, на шапкѣ шарикъ, на шарикѣ птица съ зеленымъ хвостомъ... Приходитъ и говоритъ хану:—Здравствуй!—Здравствуй и самъ, отвѣчаетъ ханъ,—откуда пришелъ и куда идешь, что принесъ новаго?—А вотъ что, говоритъ человѣкъ съ птицею,—вели всѣмъ откочевать отъ твоей ставки на день пути, а самъ одинъ со мною останешься; а завтра къ вечеру, объ эту пору, вели опять всѣмъ сюда собираться, да вели зарѣзать тысячу барановъ, тысячу жеребятъ, тысячу верблюдовъ, чтобы всѣ ѣли не наѣлись и пировали-бы великую ханскую радость. Я имъ всѣмъ покажу такое диво, что, сколько-бы они не ѣли ганаши (въ родѣ опиума), ни въ какомъ снѣ имъ этого не приснится.

„Ханъ послушался чужого человѣка и велѣлъ всѣмъ сниматься и идти въ степи, а къ завтраму, объ ту пору, какъ доить кобыль пора будетъ, чтобы опять всѣ собирались.

„Поднялся весь народъ, сняли свои кибитки и разошлись въ разные стороны; только одна ханская бѣлая ставка осталась на берегу, а въ ней только сидѣли два человѣка: самъ ханъ и желтый человѣкъ съ птицею.

„На другой день, къ ночи, вокругъ ханской ставки собралось столько народу, что ханъ и не зналъ до сихъ поръ—сколько можетъ быть народу на свѣтѣ. Огней разложили столько, что не такъ какъ вонъ тамъ (онъ киннулъ въ ту сторону, гдѣ теплилось далекое зарево), а все небо горѣло и звѣзды на немъ не было видно. Сошлись всѣ, ждутъ что будетъ...“

Ревъ тигра, сильно напоминающій издали мяуканье кошки, только увеличенное до несравненно большихъ размѣровъ, слышался снова въ томъ-же мѣстѣ. Ему отозвался другой—только значительно дальше—этотъ второй звукъ едва едва

донесся по вѣтру, и только чуткое ухо киргиза могло безошибочно опредѣлить, въ чемъ дѣло.

— Ихъ двое.

— Да, перекликаются.

— Одинъ-то какъ будто на нашемъ берегу.

— Да, только за косымъ озеромъ.

Лошади начали беспокоиться и храпѣли почти непрерывно.

— Пойди, кто-нибудь, осмотри приколы: какъ-бы не сорвались.

Одинъ изъ слушавшихъ интересную сказку Сафара всталъ, потянулся и, придерживая рукою широкіе шаровары, пошелъ къ лошадямъ.

— „Вдругъ, выходитъ ханъ изъ кибитки,“ продолжалъ Сафаръ...

Киргизъ, шедшій было къ лошадямъ, махнулъ рукою и поспѣшилъ занять свое прежнее мѣсто.

— „Выходитъ ханъ и велитъ позвать одну изъ женъ своихъ, что недавно привезли ему изъ за Яксарта. Жену эту звали Агъ-алма *), и у ней были такія красныя щеки, такіе глаза свѣтлые, волосы черные, длинные, что всѣ—сколько ни было народу, глядятъ и слюни рукавами обтираютъ. Пришла Агъ-алма и сѣла на корточки передъ ханомъ. Тогда взялъ ханъ у желтаго человѣка золотую чашку, досталъ оттуда пальцами щепотку чего-то и сунулъ въ ротъ женѣ; та проглотила... и вдругъ, видятъ всѣ, что ее начало пучить... дулась, дулась она и стала уже толще ханской кибитки. Тогда ханъ велѣлъ точить ножи“

Словно по сигналу, всѣ пять лошадей рванулись разомъ, вырвали приколы и, съ трескомъ ломая камыши, понеслись въ разныя стороны. Не успѣли съ земли вскочить оторопѣлые барантаци и увидѣли, какъ какая-то длинная, полосатая масса съ хриплымъ ревомъ вылетѣла, словно вынырнула изъ тумана, и обрушилась на что-то большое бѣлое, усиленно дрыгающее своими четырьмя ногами; — обрушилось и поволокло въ чашу бѣдную, заморенную лошадь.

— Джуль-барсъ! крикнули всѣ въ одинъ голосъ. Только Узбекъ бросился къ Батогову и насѣлъ на него, боясь, что онъ вздумаетъ бѣжать, воспользовавшись этою суматохою.

*) Бѣлое яблоко.

— Пропали наши лошади, произнесъ, задумавшись, Сафаръ, — теперъ онъ далеко забѣгутъ со страху, и намъ, пѣшимъ, надо держать ухо востро...

III.

На волоскѣ.

Положеніе разбойничьей партіи было слишкомъ критическое. Они далеко еще не вышли изъ того района, въ которомъ могли съ часу на часъ ожидать, что на нихъ налетитъ русская погоня. Барантаци знали, что ихъ маневръ — удирать въ рассыпную — хотя и собьетъ нѣсколько съ толку недогадливыхъ казаковъ, но все-таки главное направленіе, по которому уходили партіи, не могло быть потеряно.

Въ настоящую минуту разбойники были пѣшими. Идти розыскивать лошадей, забѣжавшихъ съ перепугу, было невозможно; только случайность могла натолкнуть ихъ на пропавшихъ животныхъ, да, наконецъ, ихъ пѣшихъ могла-бы замѣтить погоня и тогда, какъ ни плохо бѣгаютъ раскормленные казачьи моштаки (такъ оренбургцы называютъ своихъ приземистыхъ лошадей), но уйти отъ нихъ пѣшему въ открытой степи было невысказано даже для вороватаго, изворотливаго барантача. Кромѣ всего этого, ихъ страшно стѣснялъ Батоговъ, и они не разъ уже злобно и подозрительно поглядывали на эту помѣху.

— Ну, такъ какъ-же? сказалъ Узбекъ.

— Яманъ! произнесъ тотъ, кто былъ въ сторожахъ, и даже свой малахай шваркнулъ объ землю.

— У, проклятая собака! выругался тотъ, кто рассказывалъ о живучести русскихъ, и ткнулъ каблукомъ сапога въ спину плѣнника.

— Я-то чѣмъ виноватъ? простоналъ Батоговъ. Острый, окованный каблукъ угодилъ ему какъ-разъ между лопатокъ — и заняла безъ того уже наболѣвшая спина несчастнаго.

— Ты чего-же это бьешь-то его? сказалъ Сафаръ. — А потомъ на себѣ что-ли потащишь?

— Была охота!..

— То-то; ну, такъ и не тронь: вѣдь не твой.

— А-то чей-же?

— Чей? — тамъ разберуть, чей.

— Ну, да что спорить... Такъ „стали точить ножи...“
разсказывай, Сафаръ, все равно уже...

— Свѣтать начинается, сказалъ Узбекъ. — Что-же, какъ:
мы тутъ, что-ли, просидимъ день-то или пойдемъ дальше?

— Какъ пойдешь-то пѣшкомъ: увидятъ — не уйдешь. А
мы лучше ночью.

— Ничего: пока камышами и днемъ ладно.

— Много-ли камышами: тутъ сейчасъ и степь.

— А Аллахъ-то на что!..

— Ну, пожалуй, идемъ.

— Эй ты! крикнулъ Узбекъ Батогову. — Можешь идти,
что-ли?

— А вы бейте больше, тогда и совсѣмъ лягу, отвѣчалъ
Батоговъ все еще подъ вліяніемъ полученнаго толчка.

— Ляжешь — зарѣжемъ.

— Да рѣжьте, чортъ васъ дери! мнѣ-же лучше: по край-
ней мѣрѣ, конецъ разомъ.

— Да, говори, а до ножа дойдетъ — запоешь другое...

Батоговъ поднялся съ земли и покачнулся; ближайшій джи-
гитъ поддержалъ его за воротъ рубахи. Въ такомъ положе-
ніи онъ спустился съ песчанаго бугра. Ноги, отдохнувшія за
ночь отъ тугихъ перевязокъ подъ брюхомъ лошади, ступали
неровно, но уже хотя сколько-нибудь могли служить Батогову.

— Пойдетъ! сказалъ Узбекъ, оцѣнивъ однимъ взглядомъ
шаткую походку плѣнника.

Барантачи подтянули свои шаровары, сняли сапоги и при-
вѣсили ихъ сзади къ поясу. Босикомъ было много удобнѣе
идти, чѣмъ на этихъ дурацкихъ каблукахъ, совсѣмъ ужъ къ
ходьбѣ неприспособленныхъ. Батогову связали сзади руки по-
крѣпче, а конецъ этой веревки одинъ изъ барантачей привя-
залъ къ себѣ; онъ-же высвободилъ свою плетеную нагайку съ
точеной ручкой: можетъ, подогнать придется при случаѣ...

Партія тронулась, оставляя по лѣвую руку бѣловатую по-
лоску разсвѣта.

Туманъ стлался низко, и когда бандиты поднимались на
какое-либо возвышеніе, то головы ихъ виднѣлись довольно
далеко и исчезали изъ вида, когда они снова спускались въ
болѣе низменныя мѣста:

Эта вереница человѣческихъ головъ въ островочныхъ,

рогатыхъ шапкахъ словно ныряла въ бѣловатыхъ, колеблющихся волнахъ утренняго тумана.

Темныя массы развалинъ Чардары остались сзади. Камыши все еще были очень густы. Мѣстами попадались выгорѣвшія пространства; они давно были выжжены и сквозь черныя остатки обгорѣлыхъ стеблей пробивалась уже сочная, молодая зелень новыхъ побѣговъ.

Босыя ноги, непривычныя къ ходьбѣ, вязли въ сыпучемъ береговомъ пескѣ или скользили по жидкой солонцеватой грязи полувывсохшихъ затоновъ. Путешественники ворчали и ругались, когда имъ приходилось, при неосторожномъ шагѣ, накаливаться на острые камышевыя стебли или путаться въ волокнистыхъ корняхъ прибрежной растительности.

Всѣ были въ самомъ скверномъ расположеніи духа.

Скоро стало совершенно свѣтло. Туманъ, покровительствующій бѣглецамъ, разсѣялся подъ вліяніемъ косыхъ лучей восходящаго солнца; слегка волнистая линія горизонта, развертываясь все далѣе и далѣе, открывалась передъ глазами.

— Ну, теперь смотри въ оба, предостерегъ сзади всѣхъ идущій Узбекъ.

Сталъ и Батоговъ „смотреть въ оба“—не увидитъ-ли чего-нибудь утѣшительнаго.

Проведенная на отдыхъ ночь, во время вчерашняго бѣга измученныя большими переѣздами лошади барантачей, которые не могли идти такъ скоро, какъ свѣжіе, застоявшіеся кони казавовъ и ходьба пѣшкомъ — замедлили побѣгъ барантачей. Если-бы даже погоня и замедлила въ городѣ съ неизбѣжною даже въ подобныхъ случаяхъ канцелярскою процедурою въ сборахъ, то она все-таки имѣла время „стать (какъ выражаются) на хвостъ“ барантачамъ. Последніе тоже хорошо знали всѣ эти обстоятельства и игра становилась съ каждою минутою рискованнѣй. Да къ тому-же и мѣстность, до сихъ поръ изрытая, холмистая, густо заросшая, стала замѣтно ровнѣе съ удаленіемъ отъ Дарьи, и камыши стали рѣже и рѣже, уступая мѣсто низкой, колючей степной растительности.

Вдругъ Батоговъ почувствовалъ, что его схватили за шею и повалили на землю.

„Ну, рѣзать хотятъ!“ подумалъ онъ и тоскливо сжался, предчувствуя, какъ сейчасъ холодное, кривое остріе ножа воцѣпится ему въ горло.

— Слышишь, собака, если ты дохнешь громко, тутъ тебѣ и конецъ, шепнулъ ему на ухо джигитъ, лежавшій ничкомъ рядомъ съ нимъ.

Повосился Батоговъ на остальныхъ: лежать всѣ смирно, не пошевельнутся; казалось, что и дыханіе даже затаили; только чуть киваетъ бѣлая верхушка шапки Сафара, когда тотъ приподнималъ слегка свою темно-бронзовую голову, чтобы посмотрѣть, что дѣлается тамъ, какъ разъ между двумя опаленными кустами камыша, за этимъ солонцевымъ гребешкомъ, поросшимъ колючею и высокою полынью.

Двѣ маленькія степныя черепахи медленно ползли другъ за дружкой у самыхъ головъ лежащихъ, словно принимали ихъ не за живыя существа, а за груды неподвижнаго камня, но вдругъ увидѣли, какъ кивнула сафарова шапка, и спрятались въ свои сѣрыя скорлупки. Два дымчатыхъ ястреба носились въ воздухѣ, плавно кружа надъ лежащими. Эти крылатые хищники принимали за трупы неподвижно-лежавшихъ хищниковъ двурукой породы; жадныхъ птицъ особенно манили голыя части тѣла плѣнника, неприкрытыя рванымъ бѣльемъ и зиявшія кровавыми рубцами и ссадинами.

Вдали двигалась кучка всадниковъ. Не болѣе версты отдѣляло ихъ отъ того мѣста, гдѣ залегли барантаци. Въ этой медленно-двигавшейся группѣ ничего не мелькало яркаго; это-то отсутствіе красныхъ точекъ и напугало такъ бѣглецовъ: они издали узнали сѣрыя рубашки казаковъ и эту неторопливую, медвѣжью походку ихъ коренастыхъ лошадокъ.

Узналъ ихъ и Батоговъ — и самая жгучая, самая порывистая радость охватила все его существо. Онъ задрожалъ даже, онъ хотѣлъ громко закричать: „сюда, сюда!“, онъ хотѣлъ вскочить.

— А этого хочешь? шепнулъ ему на ухо кто-то и сильно надавилъ на затылокъ. Батоговъ зарылся лицомъ въ мелкую, песчаную пыль.

— Зарѣжу прежде, чѣмъ ротъ розинешь, шепнулъ ему тотъ-же голосъ.

„Господи! подумалъ Батоговъ:—ну, я буду лежать, я буду молчать... вѣдь они сами увидятъ: они ѣдутъ такъ близко—вѣдь не слѣпы-же они, въ самомъ дѣлѣ... Они сюда повернули... они рысью поѣхали... они замѣтили...“

— Великъ и единъ Аллахъ, великъ и силенъ Магометъ, пророкъ его! шепталъ Сафаръ.

Прочіе тоже бормотали что-то, уткнувшись носами въ землю.

— Все равно зарѣжу: пропадемъ мы — пропадешь и ты вмѣстѣ съ нами, шепталъ джигитъ прямо въ ухо Батогову.

„Эхъ, коли-бъ не связаны были руки!..“ подумалъ Батоговъ и крупная слеза, совсѣмъ помимо его воли, покатила по грязной щекѣ и нестерпимо защекотала, пробираясь у него подъ носомъ...

Казаки были такъ близко, что можно было рассмотреть уже кое-какія подробности. Холщевый китель ѣхавшаго впереди офицера отличался своею относительною бѣлизною отъ казачьихъ рубахъ; мѣдный рожокъ трубача свернулъ нѣсколько разъ на солнцѣ. Рыжій меренокъ звонко заржалъ, вытянувъ горбоносую голову, и это ржаніе такъ ясно отдавалось въ ушахъ притаившихся барантачей, словно животное было не болѣе какъ въ двадцати шагахъ... Чу! говорить... смѣются...

— Великъ и единъ Аллахъ!..

— Сто-о-о-й! доносится по вѣтру команда офицера.

Казаки остановились.

— Дальше — шабашъ! слово въ слово доносится голосъ.

Въ мертвой, тихой, какъ могила, степи каждый малѣйшій звукъ слышенъ далеко и ясно.

Нѣсколько казаковъ, дребезжа оружіемъ, слѣзаютъ съ своихъ высоконавьюченныхъ сѣделъ; усталые кони фыркаютъ и отряхиваются.

— У кого, ребята, огонь есть? спрашиваетъ офицеръ.

— Ишь мы сколько за Чардары проперли, — говоритъ кто-то, и рукою показываетъ.

— Генераль сказывалъ: за Чардары не переходить, какъ сей-часъ, — то и назадъ.

— Нешто ихъ теперь догонишь. Они чай уже за гнилыми колодцами дуютъ.

— О дву-вонь безпримѣнно.

— Что-же отдыхать, что-ли?

— Чего тутъ въ степи дѣлать. На Дарью погонимъ...

Барантачи лежали, слышали все отъ слова до слова и ничего не понимали.

Батоговъ тоже все слышалъ,—но онъ все понималъ.

— Глазомъ моргнуть не успѣешь, — прирѣжу, лезетъ ему въ ухо, а у голой шеи ползетъ что-то холодное.

— Единъ Аллахъ и Магометъ пророкъ его... шевелятся тонкія губы Сафара.

На горизонтѣ показались три точки. Эти точки быстро двигались по направленію къ рѣкѣ. Казаки засуетились. Тѣ кто слезли съ лошадей стали поспѣшно садиться.

Погоня раздѣлилась: человекъ десять поскакали въ объѣздъ, остальные, рысью, пошли прямо къ Дарьѣ, быстро удаляясь отъ барантачей, свободно переводившихъ духъ, и даже приподнявшихся немного, чтобы удобнѣе слѣдить за уходившими казаками.

— Это, значить, бита, мельнуло въ головѣ Батогова, и ему ясно представилась дама червей съ надогнутымъ угломъ и съ потертымъ крапомъ. — Ну, не судьба, произнесъ онъ громко, такъ, что Сафаръ обернулся къ нему и удивленно посмотрѣлъ на плѣнника.

— Эге, началъ Узбекъ,—это они за нашими лошадьми подрали.

Барантачи выждали пока на горизонтѣ ничего не было видно сколько-нибудь подозрительнаго и тронулись дальше.

Часа черезъ два ходьбы передъ ними раскинулась необозримая, гладкая, какъ морская поверность, степь. Это было предверье безконечной степи Кызымъ-Кумъ, которая отсюда, на юго-западъ тянется вплоть до самой Аму-Дарьи — и до береговъ Аральскаго моря. Рѣдкій, остролистый рангъ (родъ степной осоки) связывалъ нѣсколько сыпучіе пески, кое-гдѣ торчали высокіе стебли прошлогодняго ревеня. По небу бѣжали маленькія дымчатая облачка; далеко, на горизонтѣ тянулась голубая, зубчатая линія Нуратыць-тау.

IV.

Поцѣлуй.

По мѣрѣ того, какъ солнце подымалось все выше, жара становилась все невыносимѣе. Знойная мгла смѣнила прозрачность утренняго воздуха, и горячій воздухъ дрожалъ, протя-

гивая вдали колеблющіяся линіи миражныхъ озеръ. Сквозь эту дрожащую мглу, всё предметы принимали значительно большіе размѣры: сухой стебель полыни, торчащій въ тридцати шагахъ отъ путниковъ, казался росшимъ вдали, раскидистымъ деревомъ; кучки стараго конскаго помета принимали видъ нагроможденныхъ въ груды камней; едва замѣтный бугорокъ поднимался горою, а неподвижно сидящій на немъ степной воронъ, словно гигантское привидѣніе, медленно поворачивалъ на право и на лѣво свою хищную голову. Вотъ онъ замѣтилъ приближеніе людей: медленно взмахнулъ своими сильными крыльями, медленно слетѣлъ, словно сползъ съ песчанаго бархана, мелькнулъ темнымъ пятномъ, стелясь по надъ самую землю и тяжело опустился на оголенные верблюжьи ребра.

Тихо было въ воздухѣ: свѣжій, порывистый утренній вѣтеръ смѣнила полная неподвижность: только вдали одинокая струя вихря, встрѣтившись на искось съ другою подобною, блуждающею струею, подняла винтомъ вороха легкой пыли, высоко вытянула этотъ дымчатый столбъ и, перегнувъ, понесла его въ сторону, мелькая клубами оторваннаго перекасти-поля.

Два волка выбѣжали изъ какой-то лощины, остановились, приподнявъ переднюю лапу и настороживъ уши, потрусили собачьею рысью въ глубину безпредѣльной степи.

Тяжело пдти пѣшкомъ въ этихъ ватныхъ халатахъ, заправленныхъ въ широкія шаровары; мѣшаетъ оружіе, присноровленное къ верховой посадкѣ. Сафаръ давно уже бросилъ свой мултукъ съ раструбомъ. Остальные поснимали съ себя клынчи и пояса и навьючили все это на спину Батогова.

Потъ струился по чумазымъ, лоснящимся лицамъ, липкая, густая слізъ склеивала растрескавшіяся губы, и все чаще и чаще спотыкались усталыя ноги.

Жажда усиливалась. До „гнилыхъ“ колодцевъ было еще далеко, а солоноватые затоны давно уже остались сзади, и кругомъ, куда только ни хваталъ глазъ, все была мертвая сушь и даже всякая зелень исчезла, выжженная почти отвѣсными лучами солнца.

— Кабы воды немного, сказалъ кто-то.

— Эхъ, не напоминай, брякнулъ Узбекъ, — что, или приставать начинаешь? замѣтилъ онъ Батогову, который сильно споткнулся и чуть не упалъ подъ своимъ тяжелымъ вьюкомъ.

— Дойду, небось, отвѣтилъ Батоговъ. Онъ понималъ, что бѣда ему будетъ, если онъ ослабѣетъ прежде своихъ мучителей. Его не понесутъ на рукахъ, а просто на просто бросятъ посреди степи; да это еще-бы не бѣда, а то, что не всего бросятъ цѣликомъ, а голову унесутъ съ собою: — все-таки трофѣй; а за подобные трофеи, кромѣ славы батыря, бухарскій эмиръ Мозофаръ даетъ по цвѣтному халату (награда весьма почетная), да вдобавокъ по золотому тилия (также не бездѣлица).

Не жаль было разстаться съ жизнію,—она не больно красна была въ данную минуту, но надежда на побѣгу, на какое-бы то ни было избавленіе, поддерживала силы Батогова. Да кромѣ того, крѣпкая натура плѣнника не скоро поддавалась всякимъ толчкамъ, моральнымъ и физическимъ; къ числу послѣднихъ относились и тѣ, почти непрерывныя подхлестыванія нагайкой, которыми, отъ скуки, должно быть, забавлялся сзади идущій барантачъ.

— Эй! Сафаръ! крикнулъ впереди идущій.

— Ну, отозвался Сафаръ.

— Ты что видишь?

— Гдѣ?

— Вонъ впереди, прямо напротивъ... видишь?

— Камень, должно быть.

— Человѣкъ лежитъ.

— Нѣтъ это халатъ верблюжій брошенъ, сказалъ Узбекъ.

— Нѣтъ что-то очень велико... верблюды дохлый.

Путники тѣмъ временемъ ближе подошли къ странному предмету. Обманчивая мгла сильно измѣнила, какъ размѣры, такъ и самыя формы лежавшаго...

— Куржумъ! (сумка) крикнулъ Узбекъ первый.

— А въ куржумѣ дыня, та, что я, помнишь, взялъ въ кишлабѣ, сказалъ одинъ изъ джигитовъ.

— Эъ куда твоя лошадь забѣжала!

— Нѣтъ, передніе потеряли;—сумка-то не твоя.

— Не моя;—что-же тамъ?

— Круглое что-то...

— Тащи.

Вытащили это круглое. Тотъ, кто тащилъ, ухватилъ это круглое за уши и поднялъ къ верху.

— Ишь ты, сказалъ Сафаръ.

— А что, съ твоей будетъ пара? обратился къ Батогову тотъ, который держалъ въ рукахъ круглое, и быстро поднесъ это къ самому лицу Батогова. Тотъ отшатнулся.

— Или не узналъ? хрипло засмѣялся джигитъ.

Батоговъ отворотилъ свое лицо и сплюнулъ: въ него пахнуло протухлымъ мясомъ.

Онъ узналъ эту голову; узналъ эти глаза, полу-прикрытые, мутные, словно застывшее сало; эти щеки угреватя; эти усы, взъерошенные, рыжіе...

Рука, державшая голову Брилло, прихватила большимъ пальцемъ за лѣвую щеку и вздернула ее кверху; страшное лицо засмѣялось, наискось оскаливъ позеленѣлые зубы.

— Ну, не отворачивайся! крикнулъ джигитъ Батогову.— Юнусъ, держи его, что онъ вертится...

Юнусъ схватилъ сзади Батогова за уши, такъ точно, какъ тотъ джигитъ держалъ голову Брилло...

— Цѣлуйтесь, собаки, цѣлуйтесь... Давно не видались...

Батоговъ чувствовалъ, какъ какая-то, страшно вонючая, холодная масса плотно прижалась къ его лицу... у него зазвенѣло въ ухахъ, въ глазахъ стало темно; земля вдругъ стала уходить изъ подъ ногъ. Онъ упалъ.

— Постой, не рѣжь; можетъ, очнется, чуть слышится Батогову.

— Зачѣмъ дурить было.

— Да ну, не тронь.

— Что-жь тутъ съ нимъ стоять на мѣстѣ.

Батоговъ очнулся и открылъ глаза. Прямо передъ нимъ сидѣлъ на корточкахъ джигитъ; одною рукой нажалъ онъ ему на лобъ, а въ другой держалъ ножъ и раздумывалъ о чемъ-то. Остальные стояли вокругъ.

Батоговъ судорожно рванулся и, несмотря на то, что руки его были связаны, быстро вскочилъ на ноги. Джигитъ отшатнулся и упалъ. Всѣ захохотали.

— Говориль,—очнется, произнесъ Сафаръ.

— Очнулась, собака, крикнулъ, поднимаясь на ноги, упавшій и вытянулъ Батогова плетью.

Пошли дальше. Это былъ день тяжелыхъ испытаній. Раза два совсѣмъ изнемогавшіе путники садились отдыхать, но

какой это былъ отдыхъ? подъ жгучимъ солнцемъ, безъ капли воды... Къ вечеру, наконецъ, завидѣли чуть чернѣвшуюся вдали точку, въ которой Сафаръ узналъ маленькую мулушку надъ степнымъ колодцемъ.

Видъ этой точки, мало по малу, выроставшей передъ глазами, поднялъ немного духъ бѣглецовъ, и они даже шагу прибавили, приближаясь къ желанной цѣли.

V.

Гнилые колодцы.

На всѣхъ караванныхъ путяхъ, пересѣкающихъ необозримыя степи центральной Азій, встрѣчаются мѣстами оригинальныя каменные сооруженія, цѣль которыхъ обозначать степные колодцы и систерны и предохранять ихъ отъ песчаныхъ заносовъ. Сооруженія эти достигаютъ колоссальныхъ размѣровъ, и тогда они служатъ пристанищемъ для путниковъ, которые, свободно размѣщаясь подъ сводами строенія, защищены въ немъ и отъ дождя, и отъ снѣга въ зимнее время, и отъ порывовъ свободно разгуливающаго по степямъ холоднаго вѣтра. Эти послѣднія постройки называются арабатами, т. е. дворами, куда можно завести арбы (повозки), хотя чаще онѣ служатъ приютомъ для четвероногихъ повозокъ — верблюдовъ и лошадей, такъ-какъ на многихъ караванныхъ путяхъ двуколесная арба составляетъ болѣе чѣмъ рѣдкое явленіе.

Богъ вѣсть, когда и кѣмъ строились эти зданія. Современный туземецъ — бродячій кочевникъ, или заѣзжій торговецъ при караванѣ — розинувъ ротъ, осматриваетъ это гигантское сооруженіе и недоумѣваетъ: человѣческими-ли руками возведены эти просторные своды, эти арки, въ которыхъ, не нагибаясь, можно проѣхать на самомъ высокомъ верблюдѣ, и, по простотѣ своей, относить все это ко времени и дѣятельности великаго Тимура — личности, давно уже принявшій гигантскій, связочный образъ.

Какихъ усилій, какой массы рабочихъ рукъ потребовалось бы, чтобы приготовить запасы этого темно-коричневаго квадратнаго кирпича, о который тупится и ломается желѣзо; — сколько верблюдовъ нужно, чтобы развезти его по безвонеч-

нымъ, караваннымъ путямъ, сколько времени нужно, чтобы изъ этого кирпича сложить стѣны и своды мулушекъ и арабатовъ. А въ тому-же всѣ они такъ давно строены, что никакихъ слѣдовъ не сохранилось: — который раньше строенъ, который позже; разницы въ сотни лѣтъ слились въ общемъ итогѣ, и вотъ слагается легенда, что „герой хромоногій“¹⁾ въ одну ночь разбросалъ по безводнымъ степямъ эти спасительныя постройки.

На далекомъ разстояніи видны туманныя очертанія этихъ куполовъ и, какъ маяки, направляютъ они одинокихъ всадниковъ, рыскающихъ по волчьи безъ всякихъ дорогъ по степямъ; направляютъ и караванъ, когда первый снѣгъ ровнымъ покровомъ затрусилъ широкій караванный путь. И, въ темную ночь, далеко далеко видно зарево надъ вострами, разложенными подъ сводами арабатовъ, и красными полукругами рисуются гигантскія, освѣщенные арки, въ которыхъ словно злые духи мелькаютъ черныя тѣни.

И чтить азіаты эти грандіозныя „тимуровы жилища“.

Та небольшая караванная дорога, на которую выбирались барантачи съ своею жертвою, давно уже утратила торговое значеніе и опустѣла. Рѣдко когда по ней тянутся небольшіе караваны, около десятка вьючныхъ животныхъ—не болѣе, и то больше или напрямикъ возвращающіеся кочевники, сдавшіе уже товаръ въ торговыхъ пунктахъ, или-же корыстолюбивые контрабандисты, желающіе избѣжать необходимости платить зякетъ (таможенные пошлины); чаще-же всего—темныя, подозрительныя личности, шатающіяся по степи безъ какой-либо опредѣленной цѣли (эта цѣль сама набѣжитъ при случаѣ) и очень характерно отмѣченныя народнымъ названіемъ: каскыр-адамъ т. е. волкъ-человѣкъ.

На этомъ путѣ не было большихъ арабатовъ, какъ на дорогѣ между Чиназомъ и Джизакомъ. у Ирджара и т. д.,—и только сводчатая, ульеобразныя мулушки обозначали водные резервуары. Да и эти мулушки, никогда не поддерживаемыя и, вѣроятно, строенныя съ меньшею тщательностью, потрескались, позавалились, засыпали ломанымъ кирпичемъ и мусоромъ колодцы и, поросшія степною растительностью, стоятъ

¹⁾ Тимуръ-ленгъ (Тамерланъ)—значить: желѣзный хромоі.

одиновія, по близости уже вновь вырытыхъ колодцевъ, и путники не всегда рѣшаются подходить къ этимъ подозрительнымъ развалинамъ, изъ боязни наступить тамъ на одну изъ безчисленныхъ фалангъ, единственныхъ обитательницъ степныхъ руинъ. Эти ядовитые пауки гнѣздятся въ сырой тѣни развалинъ и выползаютъ на поверхность грѣться на раскаленныхъ солнечнымъ жаромъ камняхъ.

Колодцы здѣсь очень глубоки и узки; длинная веревка съ кожаннымъ ведромъ на концѣ опускается въ эту черную дыру и вытягивается назадъ помощью верблюда или лошади. Водопой идетъ чрезвычайно медленно, почему всегда скопляется много народу и скота, дожидаящихся своей очереди.

Когда путники подходили къ гнилымъ колодцамъ, то замѣтили, что громадная атара овецъ окружила водопой, и густая пыль столбомъ стояла въ воздухѣ;—другой подобный-же столбъ медленно приближался: это гнали новую атару; громкое бляеніе десятковъ тысячъ овецъ слилось въ какой-то непрерывный стонъ и далеко разносилось по степи; въ этомъ хаосѣ звуковъ рѣзко проносились свистъ и гиканье чабановъ (пастуховъ), которые, полу-голые, съ длинными жердями съ крючкомъ на концѣ, медленно шли, обремененные своими бляющими легионами.

Высокій, тощій, словно ободранный одnogорбый наръ тянулъ веревку съ ведромъ; намазанный деревянный блокъ жалобно скрипѣлъ; крохотный, совершенно голый киргизенокъ, сидя на горбѣ верблюда, оралъ какую-то пѣсню.

Осторожно подходили барантаци; хотя они и видѣли, что, кромѣ пастуховъ, никого нѣтъ у колодцевъ, но все-таки на всякій случай не пренебрегали мѣрами, обеспечивающими имъ полную безопасность. Какъ ни велика была жажда, усилившаяся отъ вида воды, но они не сразу поцди къ мулушкѣ и, не доходя съ четверть версты, остановились и сѣли на корточки.

Такъ тигры, мучимые жаждою послѣ кроваваго пира, осторожно подходятъ къ водѣ и припадаютъ на землю, завидя красный свѣтъ костровъ, разложенныхъ на берегу человѣкомъ. Хищникъ злобно рычитъ, щурясь на огонь, но въ этомъ глухомъ рычаніи слышна другая, трусливая нота. Вода близка; вонъ она сверкаетъ сквозь чащу; слышны прибрежные всплески, прохладная сырость щекочетъ горячія ноздри: такъ-бы вотъ

и сунуль морду по самыя уши, полъ рѣвки-бы вылакаль, думаетъ полосатый рзбойникъ, да вонь эти... что у огня... вонь одинъ привсталъ, осматривается, другой сидитъ и, въ рукахъ что-то держитъ, вонь третій лежитъ на брюхѣ; и нетерпѣливо дергая усами, припавъ на переднія лапы, совершенно вытянувшись на пескѣ, ждетъ умное животное: когда же ему очистить дорогу? А то, развѣ, попробовать нахрапомъ? думаетъ тигръ и начинаетъ медленно, осторожно подползать, рассчитывая свой прыжокъ смертоносный. Берегись, человѣкъ, не зѣвай, посмотри-ка назадъ, за эти кусты камыша; то не вѣтеръ колыхнулъ бѣлыя, пушистыя метелки.

И чабаны замѣтили приближеніе подозрительныхъ личностей и подняли тревогу. Ихъ набралось человѣкъ восемь; они собрались въ кучу и смотрѣли, не спуская глазъ съ этихъ пяти человѣкъ, сидящихъ рядомъ, словно утки на отмели.

Сафаръ пошелъ одинъ для переговоровъ.

— Да пошлетъ вамъ Аллахъ здоровья! началъ Сафаръ.

— Будьте здоровы и вы, отвѣчалъ сѣдой пастухъ, у котораго у одного только былъ въ рукахъ мултукъ съ подсошкою.

— А наша дорога тоже къ водѣ, произнесъ Сафаръ.

— Вода для всѣхъ, лаконически отвѣчалъ старикъ.

— Мы люди правовѣрные и зла вамъ не желаемъ.

— Аллахъ надъ всѣми нами.

Сафаръ махнулъ рукою оставшимся, тѣ встали и пошли впередъ.

— А гдѣ ваши лошади? началъ, въ свою очередь, старый пастухъ. Онъ сообразилъ, что вооруженные люди и въ такихъ костюмахъ не могутъ ходить по степи пѣшкомъ.

— Лошадей нашихъ джуль-барсъ угналъ съ ночлега.

— Да вы гдѣ были?

— На землѣ, гдѣ теперь Агъ-паша сидитъ. ¹⁾

Старикъ покосился на Батогова, совершенно измученнаго, лежащаго неподвижно на влажномъ пескѣ, и тоже сообразилъ, въ чемъ дѣло.

— Тюра или сорбазъ? ²⁾ спросилъ онъ, кивнувъ на плѣнника.

¹⁾ Т. е. на землѣ, отошедшей во владѣніе бѣлаго царя (Акъ—бѣлый, паша—царь). Такъ называютъ въ Азіи русскаго императора.

²⁾ Начальникъ или солдатъ?

— Тюра, улькунъ-тюра ¹⁾, многозначительно отвѣчалъ Сафаръ и добавилъ:—Батырь.

— Къ чилекскому Беку везете?

— Тамъ, какъ Аллахъ укажетъ, уклончиво отвѣчалъ Сафаръ.

— Все въ его волѣ, произнесъ старикъ и сталъ собирать атару.

Между тѣмъ Узбекъ и другой барантачъ вели переговоры совсѣмъ другого рода: результатомъ объясненій ихъ съ пастухами были кожаный мѣхъ съ провислымъ молокомъ и деревянная чашка.

Батогова совсѣмъ развязали, и онъ почти подползъ къ кожаному ведру съ водою. Ведро было потрескавшееся, вода быстро просачивалась сквозъ эти трещины и уходила въ песокъ. Батоговъ вцѣпился въ край ведра и пилъ; пилъ большими, порывистыми глотками и жадно наблюдалъ затѣмъ, какъ поверхность воды спускалась, все ниже и ниже, и уже виднѣлся рубецъ, которымъ пришто было дно кожаного сосуда. Ему казалось, что мало будетъ этого ведра, онъ боялся, что ему не дадутъ еще, а жажда все словно усиливалась и, базалось, цѣлаго колодца мало будетъ для ея удовлетворенія.

— Эй ты! крикнулъ Узбекъ. — Лопнешь, собака! и онъ отбросилъ ногою ведро, которое покатилося въ сторону.

Застоналъ Батоговъ и метнулся было за ведромъ, да почувствовалъ, что и взаправду—довольно: животъ его страшно вздулся, и жажда прекратилась тотчасъ-же, какъ у него отняли воду.

Онъ растянулся на пескѣ, съ наслажденіемъ раскинувъ свои измученныя руки;—холодный песокъ благотѣльно дѣйствовалъ на его настеганную спину.

Пастухи угоняли своихъ овецъ, и дробная топотня безчисленныхъ ногъ становилась все глуше и глуше. Барантачи усѣлись вокругъ чашки съ молокомъ и прихлебывали изъ нея по очереди. Плънику тоже дали молока и потомъ снова связали на ночь. Черезъ четверть часа, всѣ крѣпко спали, утомленные такимъ тяжелымъ переходомъ; не спалъ только Сафаръ, который сторожилъ, сидя на ворточкахъ и положивъ около себя свое оружіе.

) Начальникъ, большой начальникъ—богатырь.

Старая мулушка, словно могильный курганъ, подымалась въ темнотѣ мрачною, давящею массою. Большая сова вылетѣла изъ чернаго отверстія, описала вокругъ колодцевъ кругъ своимъ беззвучнымъ полетомъ и тихо опустилась на вершину купола. Она повернула свою голову: двѣ изумрудныя, горящія точки заискрились на мгновеніе и погасли.

Непріятный, провзительный крикъ, точно плачь ребенка, внезапно нарушилъ тишину ночи; вздрогнули во снѣ суетвѣрные дикари, и Сафаръ забормоталъ себѣ подъ-носъ какое-то заклинаніе.

— Вѣдь эдакіе контрасты, думалъ плѣнникъ, которому несчалось, несмотря на сильное утомленіе. — То передъ тобою красивое женское лицо: ты обнимаешь молодое, свѣжее, упругое тѣло... черезъ минуту рожа косоглазая, воинчая схватилъ, душитъ за горло, вяжетъ руки... Тьфу!..

Сумка, гдѣ спрятана была голова рыжаго артиллериста, лежала неподалеку; круглыя очертанія рѣзко выпячивались наружу, заразительный, трупный запахъ пробивался сквозь густую, шерстяную ткань куржума.

— Ишь ты! усталъ на нее Батоговъ. — Насъ пятеро, а головъ шесть... Удовлетворенія требовалъ... на барьеръ...

Вспомнилъ Батоговъ ожно въ узкомъ переулкѣ, вспомнилъ онъ громкій крикъ испуганной красавицы, дикіе вопли пьяныхъ плѣвцовъ... Записка Марфы Васильевны, вся какъ есть, съ своимъ тонкимъ, разгонистымъ почеркомъ, съ загнутыми строчками, съ кляксою чернильною посрединѣ, какъ-то особенно хитро сложенная, ясно представилась передъ его глазами... И какъ это все живо сварганилось: разъ, два и всякъ при своемъ мѣстѣ: я—вотъ тутъ, онъ—вонъ тамъ... Батоговъ опять взглянулъ на куржумъ. — Она... Господи, спаслась-ли она?!.. Юсупка у меня молодецъ... я помню, они уже на той сторонѣ были... кони добрые — унесутъ. Эхъ, Орликъ, Орликъ, и мы-бы съ тобою удрали, коли-бы только о своей шкурѣ заботились... Ну, значить, судьба!..

Далеко въ сторонѣ, едва, едва слышались словно бубенчики; то затихали они, то снова мелодично звенѣли и, казалось, близились. Сафаръ прислушивался уже давно и даже, раза два, припадалъ на песокъ ухомъ.

— Да, положеніе скверное, продолжалъ размышлять плѣнникъ. — Надежды на помощь, на спасеніе со стороны нѣтъ

никакой. Въ степи не угоняешься за барантачами, а степь— вотъ она: широкая, тихая, стелется далеко во всѣ стороны; туда ни одна нога европейца не прокладывала слѣда; тамъ живутъ вольные люди, сами себѣ владыки... Да, сами-то вольны, а другимъ не дадутъ и понюхать этой воли. Все на привязи, какъ скотина выючная: побои, проголодь, жажда и впереди все одно и то-же до самой той минуты, когда дохлаго оттащатъ куда-нибудь въ сторону отъ аула, чтобы не такъ уже въ воздухѣ разило; и что не доложутъ днемъ сабаи, то ночью докончатъ поджары, степные волеи...

— Выкупятъ нѣшто: кто? Да почему узнаютъ, гдѣ я, куда меня затащили? Если-бы еще въ Бухару, ну, пожалуй, тамъ узнали-бы, а какъ въ степи?!... „Къ чилекскому беку“, спрашивалъ пастухъ, это-бы не дурно; все можно-бы было какъ-нибудь подать вѣсточку... Надо ждать; можетъ, судьба и пошлетъ что-нибудь подходящее. Теперь на судьбу, а пуще всего на себя только и надежда; надо терпѣть да дожидаться... Чу! никакъ сюда!..

Сафаръ, на всякій случай, будиль товарищей.

Все слышнѣе и слышнѣе звенѣли колокольчики, уже теперь ясно можно было различить по звуку, что это тѣ погремушки, которыя навязываютъ на шеи верблюдамъ въ караванахъ. Небо на горизонтѣ чуть отдѣлялось отъ земли тонкою свѣтлою полоскою, на этой полоскѣ выросли высокія черныя тѣни, эти тѣни все росли и росли, по мѣрѣ того какъ звукъ усиливался.

Раскачивая своими длинными шеями, медленно подходили къ колодцамъ навьюченные верблюды; на высокихъ сѣдлахъ колыхались дремавшія фигуры въ ушастыхъ, остроконечныхъ шапкахъ.

Барантачи поднялись, подобрали свои пожитки и переползли тихонько за мулушку, перетасивъ за собою и Батогова.

Кто его знаетъ, что тамъ за люди съ караваномъ; все на всякій случай не мѣшаетъ принять мѣры предосторожности.

По бокамъ каравана шло нѣсколько пѣшихъ; у нѣкоторыхъ замѣтно было что-то въ родѣ оружія. Передній верблюдъ остановился почти у самаго колодца, опустился на переднія колѣна, опустился и на заднія, тяжело вздохнулъ и улегся совершенно неподвижно. Его начали развьючивать; за нимъ другого, а за тѣмъ—третьяго, и черезъ полчаса весь

караванъ уже былъ развьюченъ и расположился на отдыхъ. Эти черныя фигуры въ широчайшихъ шароварахъ, непрерывно ругавшіяся, то другъ съ другомъ, то съ верблюдами, то даже съ веревками, цѣплявшимися своими многочисленными узлами, работали скоро свою привычную работу. Богъ-вѣсть, сколько тысячъ верстъ исходили онѣ по этимъ степямъ, сколько тысячъ разъ развьючивали и навьючивали онѣ снова своихъ терпѣливыхъ животныхъ.

Сафаръ съ Узбекомъ пошли къ новоприбывшимъ. Появленіе этихъ двухъ вооруженныхъ фигуръ, такъ неожиданно появившихся изъ-за развалинъ мулушки, озадачило нѣсколько караванъ-баша и его людей, и произошла суматоха.

Привѣтственная рѣчь Сафара успокоила нѣсколько подозрительныхъ караванщиковъ, и начались переговоры, которые и тянулись почти до самаго разсвѣта.

Караванъ-башъ пожелалъ удостовѣриться, дѣйствительно-ли ихъ только четверо. Онъ обыскалъ кругомъ развалины, заглядывалъ во внутрь мулушки, подробно разсматривалъ Батогова, и послѣ этого осмотра переговоры пошли значительно успѣшнѣе.

Въ результатъ вышло то, что барантачамъ дали двухъ свободныхъ верблюдовъ, и они пристроились къ каравану, такъ-какъ оказалось, что дорога ихъ была одна и та-же.

Съ какимъ удовольствіемъ Батоговъ полѣзъ на горбы высокога стараго верблюда... Въ эту степь, что раскинулась передъ ихъ глазами, подернутую косыми лучами восходящаго солнца, не пришлось пуститься пѣшкомъ; а всѣ ужасы подобнаго путешествія были уже имъ испытаны наканунѣ.

Караванъ собрался въ путь съ разсвѣтомъ.

VI.

Клоповникъ.

Томительнымъ жаромъ пышетъ сѣрое, раскаленное небо, по которому медленно ползетъ мутный, туманно-очерченный шаръ.

Этотъ шаръ—солнце. Не то солнце, животворное, свѣтлое, льющее свои лучи на зелень и воды, на крыши жилищъ че-

ловѣка, на его обработанныя нивы. Это другое солнце,— злое, враждебное всему живому. Вода и ея испаренія не умѣряютъ его палящихъ лучей, и жгутъ они эти желтоватые, сыпучіе пески, эти острия, скалистыя вершины.

Смерть царить надъ дикими скалами: онѣ охватили весь горизонтъ, высоко упираются въ небо, тѣснятъ, громоздятся другъ на друга и, сокрушенныя своею собственною тяжестью, подточенныя временемъ и горными вихрями, рушатся внизъ, въ эти зіяющія, бездонныя пропасти.

Съ суетвѣрнымъ ужасомъ смотритъ наивный дикарь на ту черту, что отдѣляетъ горныя вершины отъ сѣраго неба, и вѣжется ему, что только гигантскіе зубы злого духа могли выгрызть эту мрачную, ломаную линію.

А внизу, на самомъ днѣ извилистаго ущелья, тонкою змѣйкою серебрится быстро бѣгущій ручей. Нѣсколько чахлахъ, запыленныхъ деревьевъ тѣсно жмутся къ водѣ, словно спорять между собою за эти немногія, спасительныя капли. Узкая, обрывистая тропа идетъ по дну ущелья; то она лѣзится карнизомъ по зазубринамъ скалъ, то спускается къ самому руслу ручья, перебѣгаетъ на другой его берегъ, опять взбирается на какой-нибудь кремнистый выступъ, загородившій дорогу и водѣ, и людямъ своими обломками, и снова направляется къ ручью, словно нарочно представляя возможность усталому верблюду помочить свои растрескавшіяся, покрытыя роговыми мозолями ноги.

Крохотныя, тѣсныя саяли, сложенныя изъ неотдѣланнаго, дикаго камня, кое-гдѣ лѣзятся по обрывамъ; на плоскихъ крышахъ бродятъ мелкорослыя куры, потягиваются поджарыя, вѣчно голодныя собаки, ползаютъ совершенно голыя, покрытыя коростою и лишаями, такія-же вѣчно голодныя дѣти.

Не люди,—тѣни въ лохмотьяхъ бродятъ между этими челоувѣческими жилищами, съ виду больше похожими на птичьи гнѣзда. Дремлетъ плакъ, лѣниво развѣсивъ свои длинныя уши, жалобно блещетъ козленокъ, бесплодно теребя выдоенныя сосцы своей матери, во все горло реветъ ребенокъ, только что укушенный скорпиономъ, реветъ — и въ промежуткахъ лижетъ по собачьи свою больную руку.

А на самой вершинѣ конусообразной горы, которая, словно сахарная голова, поднимается со дна котловины, виднѣются зубчатыя, полуразвалившіяся стѣны. Это остатки когда-то

бывшей здѣсь крѣпости, защищавшей горный проходъ изъ степи въ долины бухарскаго ханства.

Спиралью поднимается дорога къ этой заброшенной цитадели, и, кажется, далеко-ли до этихъ чернѣющихъ воротъ, что, между двухъ обвалившихся башень, ведутъ во внутрь разбойничьяго гнѣзда, — но долго еще прійдется кружить по извилинамъ тропинки, пока взберетесь на эту остроконечную вершину, и тяжело водить запаленными боками измученный конь, пока его всадникъ, слѣзши съ сѣдла, откидываетъ сухую, тополевою жердь — единственное препятствіе ко входу.

Караванъ, гуськомъ, верблюды за верблюдомъ, медленно тащился по ущелью; вьюки поминутно цѣплялись за острые выступы скаль, особенно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ съ одной стороны дорога висѣла надъ крутымъ обваломъ; робкія животныя жались въ противоположной сторонѣ и рвали о камни полосатые тюки. Верблюдовожатые перебѣгали отъ одного верблюда къ другому, выручая ихъ изъ бѣды; караванъ-башъ (глава каравана), совершенно черный въ мохнатомъ, бараньемъ малахаѣ, сидя на горбахъ передняго верблюда пронзительно ругался и по временамъ издавалъ дикіе, громкіе, ободрительные вопли, вѣроятно, имѣвшіе на верблюдовъ магическое дѣйствіе, потому что, послѣ каждаго подобнаго возгласа, длинныя шеи подымались, головы, увѣшанныя цвѣтными висточками и погремушками, глупо, вопросительно смотрѣли, ворочаясь по сторонамъ, и животныя поддавали ходу.

Не доходя подножья сахарной головы, караванъ остановился; и началась обычная работа развьючиванья.

Батогова сняли съ верблюда. Сафаръ съ Узбекомъ переговаривались о чемъ-то шопотомъ, поглядывая на плѣнника.

— Пускай лучше тутъ побудетъ пока, говорилъ Сафаръ.

— Стеречь нужно, говорилъ Узбекъ.

— Ну, конечно.

— А тамъ лучше, оттуда, небось, не выльзетъ.

— Куда они еще меня хотятъ запрягать? грустно подумалъ Батоговъ, которому слышна была большая часть совѣщанія.

— А какъ не выдержать?

— Этотъ крѣпокъ.

— Того, разъ, помнишь, всего на сутки спустили, а околодѣль.

— Этотъ не околѣетъ, да вѣдь мы скоро вернемся.

— Смотри, чтобы не вышло по моему. Четвертые сутки возимся мы съ нимъ, а сдохнетъ,—какіе барыши будутъ?

— Что-же, этимъ, что-ли, отдадимъ его?—Узбекъ покосился на киргизовъ, все еще возившихся около своихъ верблюдовъ.

— Хороши сторожа: тогда, только его и видѣли.

— Да ну, пожалуй, спустимъ, согласился Сафаръ.

— Спустимъ, подумалъ Батоговъ и задрожалъ всѣмъ тѣломъ отъ невольнаго ужаса, охватившаго его при одной только догадкѣ, куда это собираются его засадить.

Онъ зналъ о существованіи особаго рода подземныхъ тюремъ, вырытыхъ въ видѣ грушевиднаго колодца съ узкимъ отверстіемъ на верху. Кто разъ попалъ туда,—оттуда, безъ посторонней помощи, не выберется: руками не прорыть эту кремнистую земную толщу, къ верху не выползешь по этимъ выгнутымъ, сыпучимъ стѣнамъ; и воздухъ, и свѣтъ едва проникаютъ туда въ одну небольшую дыру. Гниль и нечистоты густымъ слоемъ накапливаются на вонючемъ днѣ, міриады паразитовъ кишатъ въ этомъ тѣсномъ пространствѣ, никогда, со времени начала своего существованія, неочищавшимся.

Только азіатская лѣнь и крайнее пренебреженіе къ участи и даже жизни заключенныхъ могли избрѣсти эти адскія тюрьмы. Да, въ нихъ, дѣйствительно, сторожить не надо. Можно совсѣмъ забыть о спущенномъ туда плѣнникѣ; можно даже забыть принести ему пищи и воды. Ну, что за бѣда, если околѣетъ; развѣ ждуть отъ него большихъ барышей,—ну, тогда, пожалуй, вспомнятъ и снова вытащатъ полумертваго на свѣтъ божій.

Батоговъ вспомнилъ о страшныхъ *кловонникахъ*...

— Нѣтъ, лучше умереть; лучше пусть убьютъ теперь-же... Онъ подумалъ, что если онъ бросится на своихъ мучителей, то кто нибудь, въ азартѣ, пырнетъ его кривымъ ножомъ подъ ребра, и конецъ всѣмъ истязаніямъ.

Онъ сильно рванулся; глубоко врѣзались въ тѣло веревочныя петли, затрещало что-то, но волосяной, туго-перевитый арканъ былъ крѣпокъ и выдержалъ это отчаянное усиліе.

Изумленно посмотрѣли барантаци на этотъ неожиданный порывъ.

— Не хочеть, произнесъ Узбекъ, и засмѣялся.

Батогова повели на верхъ къ остаткамъ цитадели.

Два или три старика, худые, какъ скелеты, въ грязныхъ, бумажныхъ чалмахъ выползли изъ своихъ сакель и сѣли на корточки... Дѣти со всѣхъ концовъ кишлака сбѣжались и столпились у дороги; нѣсколько женскихъ, закутанныхъ фигуръ мелькнули на ближайшихъ крышахъ, подползли къ самому краю и смотрять; но все это глядитъ совершенно равнодушно: какое имъ дѣло до этихъ верблюдовъ, что пришли, Богъ вѣсть, откуда, какое имъ дѣло до того, что спрятано въ этихъ полосатыхъ тюкахъ, какое имъ дѣло, что за люди такіе въ вольчугахъ, вооруженные, въ оборванныхъ красныхъ халатахъ, ведутъ на верхъ какого-то, совсѣмъ почти голаго, изнуреннаго, покрытаго кровью и грязью человѣка. Только и замѣтили они, что голова у этого человѣка не обрита, какъ у мусульманъ, и скомканные, взъерошенные волосы топорчатся во всѣ стороны; растрепалась и сбилась колтуномъ густая борода, и распухли отъ перевязокъ скрученные за спиною руки.

— Русская собака... только и прошепталь одинъ изъ стариковъ, а другіе даже и того не сказали, слѣдя полусонными глазами, какъ четыре красныя и одна бѣлая фигуры все выше и выше взбираются по тропинкѣ, — то исчезаютъ, когда дорога заворачиваетъ на другую сторону горы, то появляются снова, когда она огибаеть эту сторону.

Вотъ и ворота старья. Одна половина виситъ наискось, доски выломаны, косяки сгнили, и густымъ слоемъ бурой ржавчины покрылись желѣзныя петли. Другой половинки и вовсе нѣтъ: ее давно уже разобрали на разныя домашнія нужды.

Черныя, закоптѣлыя дымомъ пятна на стѣнахъ показываютъ мѣста, гдѣ когда-то стояли котлы для варки пищи. Перегорѣвшія, обратившіяся въ пыль кучи конскаго навоза лежать вдоль освѣвшей, вотъ-вотъ готовой рухнуть стѣны: тутъ, значитъ, стояли лошади небольшого гарнизона; вотъ даже и выдолблены ямки въ стѣнахъ, куда имъ разсыпали ячмень и рубленную солому. Дохлая собака лежитъ, оскаливъ зубы, словно рычитъ на тѣхъ, кто осмѣлился прійти въ это проклятое мѣсто. Тысячи ящерицъ, сѣрыхъ съ красными брюшками, быстро ползаютъ по стѣнамъ, по кучамъ мусора, перебѣгаютъ дорогу и прячутся въ безчисленныхъ трещинахъ,

едва только слышать тяжелые шаги уставшихъ отъ крутого подъема барантачей.

Два орла стервятника высоко носятся и кружатъ надъ развалинами; съ глухимъ, перекатымъ стукомъ катится внизъ сорвавшійся съ высоты обломокъ.

Въ самый задній уголъ цитадели забрались барантачи.

— Должно быть, здѣсь, сказалъ Узбекъ и внимательно осмотрѣлся кругомъ.

Высоко, почти подъ самыя облака, забралось это старое разбойничье гнѣздо. За окрестными горами, въ промежуткахъ зубчатыхъ вершинъ, можно было видѣть темно-синюю, хламистую даль, по ту сторону Нуратинъ-Тау. Тамъ было бухарское ханство.

Солнце спускалось, и по низамъ ложились туманные тѣни. Бѣлыя, ключеватая облака быстро неслись, цѣпляясь и дробясь въ этомъ лабиринтѣ торчащихъ, причудливыхъ скалъ.

— Вонъ и веревка брошена, замѣтилъ одинъ изъ джигитовъ.

— Совсѣмъ гнилая, сказалъ Сафаръ.—Ишь, какъ рвется; она и козленка не выдержитъ.

— Вдвое сложимъ; а то на конусовой чалмѣ можно.

— Коротка.

— Ну, чего коротка? Распускай!..

Шагахъ въ четырехъ зіяла черная дыра. Синеватый наръ вился надъ нею, и въ носъ шибало ѣдкою вонью.

Батогова подвели къ отверстию. Ему развязали руки и продернули веревку подъ плечи.

Онъ пытался сопротивляться.

— Да ну, не упирайся! крикнулъ Узбекъ и сильно надавъ въ задъ колѣномъ.

Онъ звалъ на помощь... Кого?!..

У него въ мозгахъ помутилось.

— Спускай!

Батоговъ повисъ. Его спустили.

.....

Онъ спустился на что-то мягкое; онъ ощупалъ это мягкое и метнулся къ стѣнѣ.

Въ непривычномъ мракѣ зрачки страшно расширились, въслѣдствіе сильнаго нервнаго возбужденія; они свергали фосфорическимъ блескомъ.

Полу-голый, съ волосами, стоящими дыбомъ, съ всклокоченною бородою, плотно прижался Батоговъ къ стѣнѣ, словно хотѣлъ продавить ее этимъ нечеловѣческимъ усиленіемъ.

Онъ былъ ужасенъ въ эту минуту.

Какъ разъ посрединѣ, въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ на днѣ ямы рисовался свѣтлый кругъ верхняго отверстія, лежалъ совсѣмъ уже разложившійся трупъ. На этомъ трупѣ впопилаась какая-то живая, бѣлая масса, словно онъ весь былъ обсыпанъ варенымъ рисомъ; но каждое зерно этого адскаго шлова двигалось, каждое зерно имѣло маленькую, поворотливую головку, каждое зерно жрало то, по чему ползало.

Липкая, зеленоватая грязь стояла на днѣ; босыя ноги уходили въ нее почти по щиколодку.

Вверху, длинноногіе пауки дружно затягивали отверстіе тонкими нитями: они спѣшили починить то, что Батоговъ прорвалъ своею тяжестью.

Они, казалось, говорили несчастному: вотъ мы задѣлаемъ снова эту дыру... Вѣдь тебѣ, другъ, тутъ и оставаться.

Сѣрыя стѣны начали покрываться красноватымъ налетомъ, словно безчисленныя капли крови просачивались сквозь трещины, приступая къ поверхности.

Солнце, должно быть, садится, потому что мракъ сгущается, и уже чуть видны сверху очерки провала.

Батогову ожгло всю спину, жгло затылокъ, жгло ноги, все ниже и ниже; казалось, что стѣны наваливались. Жидкій огонь распространялся быстро по всему тѣлу. Онъ махнулъ руками... Его обдалъ спиртуозный, типичный запахъ раздавленныхъ клоповъ.

Милліоны голодныхъ паразитовъ, вызванные изъ стѣнъ наступающею ночью и запахомъ живого тѣла, атаквали несчастнаго.

Батоговъ неистовствовалъ. Онъ судорожно скребъ ногтями тѣло, стараясь избавиться отъ нестерпимаго зуда; онъ терся о стѣны, валялся въ грязи, вылъ дикимъ, неестественнымъ голосомъ и съ размаха колотился головою о стѣны. Но податлива была мягкая земля, и съ каждымъ ударомъ обсыпа-

лась мелкая пыль, набиваясь въ ротъ, носъ и уши бѣсновашагося.

Его, словно, обливало горячимъ жиромъ; но каждая капля этого жира была воодушевлена, каждая капля дышала неистовою злобою.

Борьба немислима: мириады отдѣльныхъ, ничтожныхъ силъ сокрушили могучую силу человѣка.

И слабѣло съ каждою минутою это измозженное тѣло; душилъ нестерпимый запахъ. Тише и тише становились раздрающіе вопли; повисли руки, несопротивлявшіяся болѣе этому живому, медленному огню...

— Смерть!.. чуть простоналъ Батоговъ и ничего уже не слышалъ, не чувствовалъ.

На днѣ клоповника лежало два трупа. Одинъ—пожжрался могильными червями, другого—обсыпали клопы.

— На, жри! крикнулъ сверху голосъ Узбека.

Кусокъ каковой-то снѣди шлепнулся на дно: Батогову дали ужинать.

Неумышленная, но злая иронія!

Трудно ѣсть тому, кто самъ сталъ пищею.

VII.

Въ степи!

Караванъ спускался медленно, со всѣми предосторожностями. Этотъ скалистый, обрывистый путь, мѣстами промытый горными водами, представлялъ вьючнымъ верблюдамъ гораздо болѣе затрудненій, чѣмъ относительно пологій подъемъ.

Дно ущелья становилось все виднѣе и виднѣе, по мѣрѣ того, какъ путешественники спускались ниже, лѣпясь и цѣпляясь по склонамъ, взбурованнымъ поперечными разсѣлинами.

Сквозь клубы пара, извивавшіеся на этомъ мрачномъ днѣ, сверкали блестящія струйки ручья и бѣлѣлись отдѣльно разбросанныя точки: то были обглоданныя на-чисто и вывѣтрившіяся кости верблюдовъ и лошадей, сорвавшихся съ крутого обрыва. Исковерканные, растрепанные остовы животныхъ виднѣлись и на склонахъ ущелья: эти зацѣпились на лету за

выдающіеся камни, или-же засѣли плотно въ узкія трещины.

Сколько вѣковъ накопились на днѣ эти печальные останки, краснорѣчивыя свидѣтельства трудностей „ухумскаго“ перевала!

Озабоченно брели киргизы около верблюдовъ и внимательно разсматривали, словно изучали, всякое препятствіе, которое попадалось имъ на пути.

Вотъ неожиданный поворотъ. Киргизъ съузился до послѣднихъ предѣловъ возможности. Слѣва поднимается нависшая, вотъ-вотъ готовая рухнуть скала, справа — сыпучій скатъ, поросшій частымъ кустарникомъ горнаго миндаля.

Соразмѣряя каждый шагъ, словно ощупывая ногами невѣрную дорогу, ступаютъ тяжелыя животныя... Прощель одинъ верблюдъ, прощель другой. Вотъ еще изъ-за скалы показывается глупая лохматая голова, вся увѣшанная яркими кисточками. Мозолистая, длинная нога съ двойнымъ копытомъ осторожно ступаетъ: верблюду кажется, что камень, на который онъ хочетъ ступить, пошатнулся... Минута нерѣшительности. А между тѣмъ, переднее животное тянетъ; волосяной арканъ натянулся, какъ струна, костяной крючокъ, продѣтый въ ноздри верблюда, рѣжетъ и рветъ ему носъ; сзади одобрительно щелкаетъ нагайка, и щелкаетъ съ разборомъ, поражая самыя чувствительныя мѣста, неприкрытыя облѣзлюю шерстью.

Крошечный камешекъ сорвался откуда-то и покатился внизъ; дорогою онъ зацѣпилъ еще нѣсколько такихъ-же голышей, и зацелкали они, прыгая между кустами.

Съ шумомъ вылетѣла стая сѣрыхъ горныхъ куропаатовъ, выгнанная изъ-подъ корней миндаля этимъ каменнымъ дождемъ.

Дрогнулъ верблюдъ и заревѣлъ съ перепугу: нога у него сорвалась, онъ скользнуть... Вырвался изъ ноздрей окровавленный крючокъ. Нѣсколько голосовъ тревожно крикнули: берегись!..

Громадная масса, обрывая на своемъ пути камни и кусты, поднимая тучу пыли, быстро сползаетъ все ниже и ниже... Вотъ и край обрыва. Масса исчезла. Нѣсколько мгновений, — глухой ударъ, словно далекій пушечный выстрѣлъ, доносится со дна ущелья.

— Э-эхъ! крикнулъ киргизъ, прижавшись къ стѣнѣ, разинувъ ротъ, испуганно глядя внизъ сквозь эту пыльную тучу.

Жалобно ревуть верблюды, обезкураженные участіемъ своего товарища.

Мѣдный котель оторвался отъ вьюка во время паденія, зацѣпился и виситъ надъ обрывомъ. Ярко блестятъ въ глаза его полированные бока; онъ близко, а достать невозможно: поди, сунься и самъ туда-же оборвешься...

Жадными глазами смотритъ караванъ-башъ на эту яркую массу—драгоценность кочевой жизни номада.

— Э, атаназзинсигейкъ! произноситъ онъ свою характерную брань,—и караванъ трогается далѣе.

Сафаръ и Узбекъ, гдѣ-то за эту ночь, раздобыли себѣ лошадей: у Сафара конь еще ничего—ѣздить можно; запаленъ немного и кривъ на одинъ глазъ,—а то-бы совсѣмъ была лошадь; а у Узбека и смотрѣть не на что: чуть плетется на своихъ разбитыхъ ногахъ, и всю дорогу хозяинъ велеть ее въ поводу. Прочіе двое и такихъ себѣ не достали; ѣдутъ пѣшкомъ по прежнему и все держатся около того верблюда, что идетъ сзади всѣхъ почти безъ вьюка, только продолговатый тюкъ покачивается у него съ боку и отъ этого кошменного тюка сильно пахнетъ кунжутнымъ масломъ.

Подѣзжалъ и Сафаръ къ этому тюку,—если дорога становилась шире и можно было подѣхать съ боку; онъ заглядывалъ, приподнимая свободно висящій конецъ кошмы, и ободрительно произносилъ: „ничего, поправится...“

— Экъ, какъ всего вымазали, думалъ про себя Батоговъ. Онъ уже съ часъ какъ очнулся, и тѣло его страшно горѣло. Холодный горный воздухъ освѣжилъ его, и онъ висѣлъ какъ въ люлькѣ, завернутый въ прокопченную кошму, захваченную въ селеніи Сафаромъ.

Горы оставались, мало по малу, сзади, и передъ ними развертывались холмистыя равнины; въ правой сторонѣ сверкала бѣлая, словно покрытая снѣгомъ, безконечная полоса—„Тузкуль“ (соленого озера).

Едва только караванъ выбрался изъ горнаго ущелья, Узбекъ, который и прежде еще высказывалъ сильное безпокойство, подѣхавъ къ Сафару на своемъ безногомъ, сказалъ:

— То не джигитъ, то самъ шайтанъ былъ.

— Джигитъ, лавонически отвѣчалъ Сафаръ.

— Куда онъ пропалъ? Онъ просто провалился...

— Туда поѣхалъ.—И Сафаръ показалъ рукою впередъ.

— А слѣды гдѣ?

— Тамъ на камняхъ не видно было...

— Онъ о дву-бонѣ былъ, и рожи я не успѣлъ разглядѣть подъ шапкою...

— Я разглядѣлъ кое-что другое...

— Что?..

— Эхъ, кабы не джуль-барсъ, началъ Сафаръ такимъ тономъ, какъ-будто не говорилъ съ Узбекомъ, а, такъ, раздумывалъ въ слухъ. — Эхъ, кабы не джуль-барсъ. А я такой лошади давно уже не видывалъ, какъ тотъ гнѣдой, что мы у него взяли (Сафаръ тронулъ рукою поверхность тюка съ Батоговымъ, около котораго ѣхалъ все время). Онъ былъ много лучше нашихъ коней... Да ну! спотыбайся, собака! Джигитъ вытянулъ плетью свою жалкую лошадену.

— Дѣ... къ чему все это говоришь?

— О конѣ-то?

— Ну да.

— Тотъ былъ гнѣдой, на лбу лысинка, правая задняя бѣлоножка, тавро—кругъ, а въ кругу вилка...

— Ну?

— А у того джигита въ поводу былъ—тоже конь гнѣдой, на лбу лысинка, правая нога задняя бѣлая, тавро...

— То-то мнѣ самому показалось...

— А вонъ и слѣды, видишь?—И Сафаръ указалъ на крѣпкомъ, коро-образномъ слоѣ солончака легкой отпечатокъ конскаго копыта съ русскою подковою.

— Онъ впередъ насъ проѣхалъ, произнесъ задумчиво Узбекъ,—вонъ къ озеру повернулъ, къ степямъ.

— Воды хочешь? отнесся Сафаръ къ Батогову, который, высунувъ голову, глядѣлъ, прищурившись, въ даль.

— Дай воды, сказалъ Батоговъ,—да чего-нибудь ѣсть дай...

Подъ вліяніемъ свѣжаго воздуха, у него, истощеннаго страшными мученіями въ клоповникѣ, пробудился усиленный аппетитъ. При видѣ одного киргиза, жевавшаго что-то на ходу, у него заворочались внутренности. Онъ вчера весь день ничего не ѣлъ, сегодня тоже, несмотря на то, что время близилось къ полдню.

Сафаръ протянулъ ему русскую бутылку, обшитую войлокомъ, и вытащилъ изъ куржумовъ нѣсколько исковерканныхъ лепешекъ.

— Я вотъ смотрю на нашъ караванъ, началъ опять Узбекъ,—и думаю: всѣхъ съ киргизами четырнадцать человекъ, два ружья, четыре шашки... пронеси Аллахъ счастливо.

Джигитъ томительно, съ нескрываемой тревогою приглядывался въ ту сторону, гдѣ сверкала бѣлая полоса,—словно онъ оттуда ожидалъ чего-то враждебнаго, для чего придется пустить въ дѣло и эти два жалкія ружья, и ихъ шашки, и соединенную силу всѣхъ четырнадцати человекъ.

— Ничего, произнесъ Сафаръ.—Только-бы намъ до „Тюябурунь-Тау“¹⁾ добраться, а тамъ мы все равно, что дома.

— Гмъ, дома. Ты ничего тамъ не видишь?

— Тузь (соль) вижу, а дальше песокъ, а дальше...

— Вонъ тамъ между сѣрыми барханами.

— Конный стоитъ.

Зоркій глазъ барантача отыскалъ на вершинѣ далекаго песчанаго наноса, верстахъ, по крайней мѣрѣ, въ пяти по прямому направленію,—небольшую, едва замѣтную точку. Мало того, въ этой точкѣ онъ узналъ всадника. Узбекъ и Сафаръ видали, какъ эта точка словно раздвигалась по временамъ: отъ нея отдѣлялась другая, нѣсколько меньшихъ размѣровъ.

— О дву-конь, сказалъ Сафаръ,—это тотъ джигитъ.

— Дьяволъ, прошепталъ Узбекъ.

— Чего-же онъ стоитъ тамъ? я его вотъ уже съ полчаса вижу.

— Я вотъ и самъ все думаю: чего онъ тамъ стоитъ. Эхъ, кабы намъ добраться благополучно...

Замѣтилъ и караванъ-башъ, замѣтили и всѣ киргизы эту подозрительную точку, и столпились всѣ въ кучу около того верблюда, на которомъ важно засѣдалъ, раскачиваясь на ходу, черномазый караванъ-башъ.

— И чего онъ такъ все спрашивалъ,—что везутъ? говорилъ одинъ изъ нихъ, вспоминая о томъ всадникѣ, который ночью проѣзжалъ горнымъ селеніемъ и поилъ своихъ лошадей у ключа. Ружье у этого джигита было какое-то особенное, въ два свола (у русскихъ вотъ такія бываютъ), лошади

¹⁾ Небольшая горная цѣпь, отростокъ ближе къ заровнанской долинь.

обѣ хоѳоши, особенно гнѣдой, что въ заводѣ былъ. Роза такая воровская: такъ и бѣгаютъ волчьи глаза во всѣ стороны; кажется, ни одного тюка не пропустилъ, все переглядѣлъ...

— Пѣсни пѣлъ, когда поѣхалъ; я слышалъ, замѣтилъ другой.—По ущелью далеко вѣтромъ доносить ночью-то.

— То-то всполошились чего-то: видно, тоже недоброе чуютъ.—Онъ кивнулъ на Сафара съ Узбекомъ.

Эта точка вдали, надѣлавшая столько тревоги, былъ дѣйствительно всадникъ. Этотъ всадникъ, давъ отдохнуть своимъ лошадямъ въ Ухумѣ, гдѣ онъ встрѣтился съ караваномъ, еще ночью выбрался изъ ущелья. Онъ свернулъ въ сторону, какъ только позволила мѣстность, и все время ѣхалъ въ сторонѣ, словно избѣгая торной караванной дороги.

Теперь онъ взобрался въ барханъ, и, такъ-же пристально, какъ его разсматривали всѣ члены каравана, наблюдалъ въ свою очередь за этою вереницею верблюдовъ, еле двигавшихся на горизонтѣ, за этими всадниками, что вертѣлись около, за этими киргизами, что брели пѣшкомъ, подгоняя своихъ верблюдовъ.

Особенно занималъ всадника послѣдній верблюдъ; съ особеннымъ вниманіемъ онъ слѣдилъ за всѣми движеніями Сафара и Узбека. Онъ даже разъ очень близко подѣхалъ къ каравану; его не замѣтили: кусты саксаула и глубокая водомойка, по которой пробирался джигитъ, совершенно его прятала отъ зоркихъ глазъ барантачей; а онъ видѣлъ много для себя интереснаго: онъ видѣлъ, какъ изъ того продолговатаго тюка высунулась человѣческая голова, и хорошо узналъ это исхудалое, блѣдное лицо съ глубоко-впалыми глазами; узналъ, несмотря на то, что оно было покрыто грязью, запекшейся кровью и совершенно сплошь изцарапано, во время отчаянной, безсознательной борьбы съ міриадами паразитовъ.

Подъ этимъ всадникомъ былъ прочный, бодрый конь степной породы, незнающій усталы подъ опытнымъ наѣзникомъ, въ поводу у него былъ другой конь, дѣйствительно гнѣдой, съ лысиной, съ бѣлою ногою, съ тавромъ, такимъ точно, какъ его описалъ Сафаръ.

Коня этого таинственный джигитъ раздобылъ случайно: бѣгаетъ въ степи одинокая лошадь безъ всадника, сѣдло у ней сбилось, поводья оборваны... Захрапѣлъ вольный конь,

при видѣ наѣздника, шарахнулся и понесся въ непредѣльное пространство, да вдругъ услышалъ свистъ—свистъ знакомый, свистъ, въ которому онъ давно уже привыкъ и который онъ слышалъ и при водопоѣ, и тогда, когда его собирались сѣдлатъ, и тогда, когда ему навѣшивали полную ячменя торбу.

Даже заржалъ конь отъ радости и, сдѣлавъ два-три возла, подбѣжалъ къ джигиту.

— Орликъ, Орликъ, говорилъ джигитъ, лаская красивое животное, — что тутъ одинъ дѣлаешь? (у джигита голосъ дрогнулъ, словно ему заплакать хотѣлось.) А гдѣ твой тюра? гдѣ юсупкинъ тюра?..

Джигитъ гладилъ коня, ласкалъ его, оправляя исковерканное сѣдло, тщательно осматривая его изцарапанныя степною колючкою ноги, вытирая ему горячія ноздри полою своего халата.

Этотъ джигитъ, хотя и встревожилъ барантачей, возбудивъ ихъ азіятскую подозрительность, самъ лично не былъ опасенъ для каравана: что онъ одинъ могъ сдѣлать съ четырнадцатью человѣками? Настоящая опасность дѣйствительно была, только совсѣмъ не съ той стороны, откуда ее ожидали; и никакихъ признаковъ этой опасности опытный Узбекъ и его товарищи даже и не замѣчали. Правда, Сафаръ замѣтилъ, что маленькое стадо сайгаковъ, далеко вонъ за тѣми солончавами, шло довольно спокойно и, должно быть, паслось по пути (эти быстроногія степныя антилопы всегда пасутся, что называется, похода); да, вдругъ, какъ кинется въ сторону, и понеслось большими скачками, почти не поднимая пыли своими легкими ножками.

— Должно быть, волки бродятъ, замѣтилъ Сафаръ вслухъ.

— А что? спросилъ Узбекъ.

— А вонъ, ишь, какъ удирають.

А тотъ джигитъ, что стоялъ на далекомъ барханѣ, видѣлъ тѣхъ волковъ, отъ которыхъ шарахнулись сайгаки.

Онъ видѣлъ, какъ человѣкъ десять всадниковъ, держа пизы на перевѣсѣ, чтобъ ихъ не такъ было замѣтно издали, пробѣгали рысцою по берегу соленого озера. Со стороны каравана ихъ отдѣляла гряда песку, нанесеннаго вѣтрами, и за этою грядою совершенно спрятались эти конные волки.

Джигита о дву-конь они давно замѣтили, да признали за

своего; да и самъ джигитъ не очень-то ихъ боялся. — Воронъ ворону глазъ не выклевываетъ, думаль онъ. — А вонъ тѣхъ купцовъ они маленько пощипаютъ: къ тому и подбираются.

И съ нетерпѣніемъ ожидалъ джигитъ начала неизбежной схватки, подумывая: какъ-бы не досталось въ ней тому войлочному тюку, изъ котораго высовывалась знакомая голова.

А тутъ еще надо было остановить караванъ: передній верблюдъ развьючился, и сползли тяжелые тюки, неподдерживаемые лопнувшей веревкою. Началась обычная возня, ругань, ревъ верблюда, у котораго вся спина подъ сѣдломъ была общая ссадина... Сафаръ слѣзъ съ лошади и началъ возиться съ походнымъ кальяномъ: что, молъ, напрасно время терять?..

Стало припекать по вчерашнему, съ горъ тянуло освѣжающимъ вѣтромъ. Вдругъ, что-то щелкнулось о спину одного изъ купцовъ, который усердно, помогая зубами, натягивалъ вьючный арканъ. Киргизъ перегнулся, вскрикнулъ и присѣлъ на землю. Другой киргизъ молча упалъ навзничь: этому какъ разъ въ середину лба угодило.

Въ песчаной степи слабо слышны ружейные выстрѣлы, за то гикъ, пронзительный, типичный, разбойничій гикъ такъ и рѣзнулъ по ушамъ оторопѣлыхъ караванщиковъ.

— Вы зачѣмъ народъ бьете? говорилъ старый караванъ-башъ, сидя все еще на вершинѣ верблюжьяго вьюка. — Сила и такъ ваша: намъ съ вами не драться...

— Много васъ очень—такъ больше для страху, отвѣчалъ налетѣвшій джигитъ, осаживая свою горячую, поджарую, словно борзая собака, лошадь. — Съ какимъ товаромъ?

— Всякаго довольно, говорилъ караванъ-башъ апатично, будто дѣло совсѣмъ не касалось его интересовъ, и полѣзъ съ верблюда.

Всѣхъ верблюдовъ сбили въ кучу и положили въ кругъ. Новые всадники слѣзились и пороли ножами вьюки. По костюму, по лицамъ они были совсѣмъ одинаковы съ нашими баранчачами, и Сафаръ съ своими товарищами развѣ только тѣмъ и отличались отъ нихъ, что спокойно стояли около верблюда съ Батоговымъ, между тѣмъ какъ тѣ послѣшно шныряли между верблюдами и съ жадностью разворачивали надрѣзанные войлоки, вываливая безъ разбора на песокъ все, что ни попадалось подъ руку.

Киргизы сидѣли поодаль на корточкахъ и смотрѣли равнодушно на все, что происходило передъ ихъ глазами; раненый въ спину громко стоналъ и всхлипывалъ, корчась и ползая по песку: никто не сдѣлалъ къ нему ни малѣйшаго движенія; а тотъ, котораго въ лобъхватило, такъ и лежалъ пластомъ, раскинувъ крестообразно ноги и руки, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ захватила его нежданная пуля.

Нѣсколько барантачей подошли къ Батогову, который съ тревожнымъ любопытствомъ ожидалъ: чѣмъ все это кончится.

— Что, боленъ что-ли? спросилъ высокій хивинецъ, обращаясь къ Сафару.

— А тебѣ какое дѣло? отвѣчалъ за него Узбекъ угрюмо, съ нескрываемымъ озлобленіемъ косясь на подошедшихъ.

Хивинецъ тоже взглянулъ на него изъ подъ своей войлочной шапки и пробормоталъ:—ты никакъ изъ сердитыхъ... Гдѣ взяли?

— А тамъ, гдѣ и про тебя ихъ много заготовлено...

— За Дарьей?

— Изъ подъ самага Ташкента.

— Ой, ой!—Куда везли?

— Туда, куда везли,—туда и повеземъ.

— Теперь съ нами поѣдетъ.

— Онъ не вашъ!

— А то чей-же?.. Ты, вонъ, спроси-ка у него (хивинецъ показалъ на Сафара); у него борода бѣлая: онъ умный.

— Наша сила была—нашъ былъ, произнесъ Сафаръ. Онъ хорошо понялъ, что бороться невозможно, а надо покориться.

— Теперь ваша сила, добавилъ онъ и отошелъ въ сторону.

— Вы всѣхъ верблюдовъ съ собою угоните, или намъ что оставите? спросилъ караванъ-башъ у всадника, который одинъ только былъ въ бѣлой чалмѣ, и, хотя на немъ халатъ и остальные части костюма были въ такомъ-же видѣ, какъ и у остальныхъ членовъ шайки, за то аргмакъ его былъ покрытъ роскошной ковровой попоною съ золотою воймою и бистями.

— Тамъ, какъ Аллахъ укажетъ, уклончиво отвѣчалъ всадникъ.

— А вы намъ хоть четырехъ оставьте; что мы тутъ одни въ степи пѣшіе дѣлать будемъ?

Все шло, повидимому, такъ покойно; разговаривали, казалось, такъ дружески, что со стороны можно было подумать, что дѣло идетъ не о самомъ нахальномъ, степномъ грабежѣ, а просто о торговой сдѣлкѣ, заранѣ предвидѣнной и происходящей въ напередъ условленномъ пунктѣ. Только нѣкоторый беспорядокъ, въ которомъ находились распоротые тюки, всюду разбросанные куски банановъ, мѣдная посуда, штуки ситцевъ и краснаго кумачу русскихъ издѣлій, нѣсколько десятковъ головъ сахару, одну изъ которыхъ старательно облизывалъ лежащій въ растяжку верблюдъ, да этотъ неподвижный трупъ, эта лужа крови, всасывающаяся постепенно въ песокъ,—намекали нѣсколько на настоящее значеніе этого дикаго сборища.

— Ну, пойдѣмъ, что-же тутъ намъ дѣлать? сказалъ Сафаръ, обращаясь къ угрюмому Узбеку.

— Что-же, такъ и оставить его даромъ? отвѣчалъ тотъ.

— А ты спроси у нихъ: можетъ, они тебѣ заплотятъ? Сафаръ усмѣхнулся.

— Я его зарѣжу, шепнулъ Узбекъ и шагнулъ къ Батову.—Все легче, чѣмъ такъ, ни за что отдать.

— Оставь, что толку...

— Э, да что тутъ.

— Оставь, бѣды наживешь... не тронь!.. Эй тамъ, береги!..

Узбекъ винулся къ тюку, сжавъ въ кулакъ свой ножъ. Предупрежденный кривомъ Сафара, высокой хивинецъ загордилъ ему дорогу.

— Пусти—убью! крикнулъ Узбекъ и сильно толкнулъ хивинца. Онъ былъ въ изступленномъ состояніи и уже не понималъ, что ему не подь силу борьба, которую онъ затѣялъ. Хивинецъ схватилъ его за горло, взвылъ и запрокинулся: онъ почувствовалъ, какъ въ его кишки вползъ кривой ножъ противника. У Узбека захрустѣло горло, раздавленное судорожно сжатыми пальцами хивинца.

Сафаръ махнулъ рукою, взялъ за узду свою лошадь и пошелъ. За нимъ тронулись и остальные два барантача его шайки.

Ихъ никто не задерживалъ. На нихъ никто не обращалъ вниманія.

Изъ всѣхъ тюковъ разграбленнаго каравана составили только

шесть верблюжьихъ вьюковъ, четырехъ верблюдовъ оставили караванъ-башу и его работникамъ, уступивъ его просьбѣ, остальныхъ гнали вучей порожнякомъ. Всадники ѣхали въ разбродъ, гдѣ попало, только человекъ пять изъ нихъ составляли настоящей конвой около своей добычи.

Съ далекаго бархана, на искосокъ тому направленію, которое приняли разбойники, спустился джигитъ о дву-конь и ѣхалъ небольшою рысцою, повидимому, совершенно равнодушно относясь къ приближавшемуся съ каждымъ шагомъ сборищу.

Онъ уже поровнялся съ крайними всадниками: тѣ поглядѣли на него, онъ—на нихъ, и поѣхали рядомъ. Подѣхалъ къ нему человекъ въ большой чалмѣ... джигитъ произнесъ обычное „аманъ“ (будь здоровъ) и приложилъ руку ко лбу и сердцу.

— Счастливая дорога, произнесъ человекъ въ бѣлой чалмѣ.

— Да будетъ и надъ вами милость пророка, отвѣчалъ джигитъ.

— Ты что за человекъ?..

— Такой-же, какъ и вы.

— Куда твои глаза смотреть? (вопросъ, равносильный вопросу: куда теперь ѣдешь?)

— Туда-же, куда и ваши.

— Откуда?

— Бѣжалъ изъ-за Дарьи отъ русскихъ.

Джигитъ о дву-конь зналъ, что его оружіе и русское сѣдло на Орликѣ могутъ возбудить подозрѣніе въ барантачахъ, и своимъ отвѣтомъ предупредилъ нескромные разспросы. Разговаривая съ бѣлою чалмою, онъ все ближе и ближе подбирался къ Батогову, который ѣхалъ все на томъ-же верблюду, и, наконецъ, сталъ совершенно съ нимъ рядомъ.

Озадаченные, радостные глаза плѣнника перебѣгали то съ Орлика на Юсупа, то съ Юсупа на Орлика. Ему хотѣлось заговорить съ своимъ джигитомъ, хотѣлось распросить его о многомъ, хотѣлось обнять его, хотѣлось вырваться изъ своего тѣснаго гнѣзда, но языкъ не поворачивался, мысль не складывалась въ опредѣленную фразу, порывъ радости, при такой неожиданной встрѣчѣ, парализовалъ физическія силы. Только одни глаза говорили, но густая тѣнь нависшаго кон-

ца закопченной кошмы скрывала этотъ краснорѣчивый взглядъ, который, если-бы былъ замѣченъ бандитами, могъ-бы много повредить его вѣрному Юсупѣ.

— Ты меня не знай, я тебя не знай,—хорошо будетъ, протянулъ, словно пропѣлъ Юсупъ, глядя въ противоположную сторону.

— Ты тамъ по русски пѣть научился, замѣтила бѣлая чалма.

— Поживи съ этими собаками, не тому еще научишься, отвѣчалъ Юсупъ.

— У тебя топанча ¹⁾ хорошій, сказалъ начальникъ, указывая на револьверъ за поясомъ Юсупа.

Жаль было джигиту разставаться съ оружіемъ, да дѣлать было нечего. Надо было напередъ расположить къ себѣ бѣлую чалму, и Юсупъ не упустилъ случая задобрить начальника банды.

— Шесть разъ стрѣляетъ; вотъ и пули къ нему, совсѣмъ готовыя. Онъ отстегнулъ поясъ съ револьверомъ.

— Я такой у самага Садыка видѣлъ, замѣтилъ начальникъ, со вниманіемъ разсматривая оружіе. Нѣсколько человѣкъ подѣхали къ нимъ, тоже подстрекаемые любопытствомъ.

Человѣкъ въ бѣлой чалмѣ снялъ съ себя верхній поясъ, украшенный двумя большими серебрянными бляхами и какимъ-то свѣтло-синимъ камнемъ, и протянулъ его къ Юсупу. Тотъ почтительно поднесъ подарокъ къ глазамъ, къ губамъ и къ сердцу и тотчасъ же надѣлъ на себя.

Помѣнявшись подарками, Юсупъ перевелъ духъ: онъ теперь совершенно успокоился и зналъ, что ему уже нечего опасаться никакихъ случайностей, болѣе или менѣе неприятныхъ. Дружба его съ бѣлою чалмою была упрочена.

— А мы одну собаку съ собою воземъ, сказалъ начальникъ.

— Этого, что-ли?—Юсупъ небрежно кивнулъ на Батогова.

— Только не знаемъ, что за человѣкъ,—стоитъ-ли съ нимъ возиться? можетъ, дрянъ какая-нибудь: простой сарбазъ...

— Я погляжу на ночлегъ, важно произнесъ Юсупъ;—я

1) Топанча—пистолеть.

къ этимъ свиньямъ приглядѣлся таки, и скажу вамъ, на какую онъ цѣну.

— Такъ-то-бы лучше, отвѣчалъ человекъ въ бѣлой чалмѣ, прилаживая у себя на боку диеовинное оружіе.

Верблюды, навьюченные вдвое легче, чѣмъ они были навьючены прежде, шли скоро, въ перевалку, и всадники рысили .. Шайка подвигалась быстро, и все на юго-западъ, оставляя за собою синѣющіе холмы, окружающіе заровчанскую долину.

— Въ степи погнали, думалъ Батоговъ. — Да теперь хоть на край свѣта. Вдвоемъ съ Юсупомъ мы что-нибудь да придумаемъ.

Близость человека, расположеннаго къ нему дружески, — человека, на все для него готоваго, успокоительно дѣйствовала на плѣнника. Надежда на избавленіе воскресла. Ему казалось, что это избавленіе близко.

VIII.

Лагерь на Аму-Дарьѣ.

Знойный, удушливый день. Въ воздухѣ никакого движенія. Ни одного облачка не скользитъ по небу, которое давно уже утратило свой весенній, темно-голубой цвѣтъ и, раскаленное, сѣрое, постепенно сливаясь съ горизонтомъ, пышетъ на землю тяжелымъ, расслабляющимъ жаромъ.

Желтые, песчаные барханы тянутся непрерывными грядами, какъ-будто наваливаются одинъ на другой, и незамѣтно исчезаютъ, сливаясь въ знойномъ туманѣ.

Тощая растительность, бурая, какъ верблюжья шерсть, клочками выбивается изъ-подъ зыбкаго песка; въ корняхъ еще есть замирающій остатокъ жизни, но давно уже погибли наружные отпрыски, обкусанные неприхотливымъ верблюдомъ, сожженные лѣтнимъ солнцемъ.

Широкою бѣлою лентою стелется Аму-Дарья — эта мертвая рѣка далекаго, неизвѣданнаго міра. Только куски камыша и бѣловатые пузыри грязной пѣны, быстро скользя вдоль береговъ, указываютъ на движеніе этой, съ виду неподвижной массы.

Не шелхнутся легкія метелки пожелтѣвшихъ камышей,

густыми чащами покрывшихъ плоскіе берега. Надъ гладкою водною поверхностью не носятся рѣчные чайки, давно уже отлетѣвшія къ верховьямъ. Даже міриады комаровъ не шумятъ, какъ-будто боясь нарушить общую тишину, и дымчатыми колоннами неподвижно стоятъ надъ водою.

Въ пескахъ шныряютъ плоскоголовыя ящерицы, но тоже безъ шума, воровски прячась то подъ корнями волючки, то въ глубокомъ, широко-разползшемся, двойномъ верблюжемъ слѣду.

Все тихо и мертво.

А между тѣмъ тысячи живыхъ существъ раскинулись по берегу громаднымъ лагеремъ.

Съ береговъ Мургаба, отъ Мерва, отъ заливовъ Каспійскаго моря, изъ окрестностей Хивы и песковъ Кызыль-Кума собрались полудикіе кочевники. Не мирная перекочевка пригнала ихъ къ бухарскому берегу Аму, и въ просторно раскинутыхъ ставкахъ, занявшихъ, насколько хваталъ глазъ, низменный берегъ, не было ничего похожаго на мирныя степныя аулы.

Грабежъ и ловля въ мутной водѣ рыбы — вотъ была цѣль этого сборища.

Смутное время стояло надъ бухарскимъ ханствомъ. Для завистливаго глаза русскихъ мало ихъ необъятнаго царства: они ворвались въ самое сердце средней Азіи, заняли Самаркандъ, прошли въ Ката-Курганъ и во всѣ стороны разослали свои отряды. Мозофаръ не хотѣлъ этой войны: онъ зналъ заранѣе гибельныя для него послѣдствія, но его втянули въ нее фанатичныя муллы, которые пыльными рѣчами разожгли легко увлекавшійся народъ — и народъ потребовалъ битвы.

Русскихъ мало; кое-гдѣ между милліонами пестрыхъ мусульманскихъ головъ бѣлѣютъ ихъ небольшія группы; долго ли раздавить эту горсть? Эта видимая возможность, даже легкость побѣды такъ и тянетъ, такъ и подмываетъ къ бою; но тяжело бороться палькѣ противъ оружія, которое бьетъ уже тогда, когда напряженный глазъ не можетъ еще различить вдали приближающагося врага. А крамолы у мусульманъ, а личные ихъ счеты, а недовѣріе ихъ другъ къ другу, а желаніе подкопаться одному подъ другого—все это надежныя союзники малочисленныхъ русскихъ, болѣе надежныя, чѣмъ даже ихъ далеко-бьющія ружья.

Тамъ, изъ-за горъ, грозить Шегри-Сябъ съ своими васалами; врагъ русскихъ, онъ также и врагъ Мозофара.

Сынъ поднялся на отца и ищетъ поддержки въ народныхъ массахъ, недовольныхъ цѣлымъ рядомъ военныхъ неудачъ, потерявшихъ довѣріе въ своему правителю и выдающихъ въ новомъ лицѣ надежду на новую, лучшую будущность.

Окрестные беки волнуются, не зная, чьей стороны держаться. Въ поляхъ остановилась работа, прекратилась торговля и не двигаются караваны, боясь дорогъ, на которыхъ кипать необузданные разбои.

Вотъ эти-то событія и притянули съ разныхъ концовъ необъятныхъ степей неуловимыя, какъ степной ураганъ, разноплеменные шайки барантачей, выдающихъ въ грабежахъ и разбояхъ единственный исходъ своей дикой удали, единственную цѣль своего существованія.

Длинная, песчаная коса крутымъ угломъ поворачивала противъ теченія и узкою полоскою далеко тянулась вдоль берега. Съ другой стороны тоже тянулась широкая отмель. Отдѣльныя группы камыша забрались чуть не до половины рѣки, и даже посрединѣ вода была свѣтло-желтаго цвѣта отъ сквозившаго песчанаго дна. Здѣсь былъ конный бродъ черезъ Аму-Дарью, которымъ можно было пользоваться большую часть года. Иногда только самая линія брода измѣняетъ свое направленіе, зыбкое дно двигается: оно то изгибается въ видѣ буквы S, то прямо направляется на густыя заросли противоположнаго берега, то на четверть версты тянется вдоль рѣки, а потомъ вдругъ круто поворачиваетъ на другую сторону.

Кочевники знаютъ прихоти этого брода, да и съ берега хорошо можно различить подводную дорогу по цвѣту самой воды и по гладкости ея поверхности.

По косѣ, сквозъ густой береговой камышъ, трудно было рассмотреть тонкія, прямыя черточки, на концахъ которыхъ висѣли пучки конскихъ волосъ: это были длинныя линіи воткнутыхъ тупымъ концомъ въ землю тюрменскихъ пикъ. Издали онѣ казались высокими, одинокими стеблями камыша, а волосяныя навязки — его цвѣтовыми метелками.

Около пикъ на желѣзныхъ приколахъ стояли, понуривъ сухія, маленькія головки, высокіе, длинноногіе кони, покрытые, несмотря на страшную жару, теплыми, ковровыми по-

понами. Все были жеребцы, и при каждомъ приближеніи чужого человѣка они жались и злобно прижимали свои красивыя уши. Они стояли просторно; нѣкоторые, кромѣ поводьевъ, привязаны были за щиколодку ноги тонкой волосяной веревкой.

Хозяева молча сидѣли въ кружкахъ около самой воды; неподалеку тѣли большія вучи зола, у которыхъ шипѣли высшіе мѣдные чайники.

Почти никто не разговаривалъ. Изъ-подъ широкополыхъ, остроконечныхъ шляпъ изъ бѣлаго войлока едва замѣтны были смуглыя, скуластыя лица съ жидкими, черными бородами. Большой тывянный кальянъ съ желѣзною сѣткою и большимъ камышевымъ чубукомъ хрипѣлъ и испускалъ густые клубы бѣлаго дыма, переходя изъ рукъ въ руки.

Изорванные, когда-то цвѣтныя, халаты у многихъ были спущены съ плечъ и драпировались у пояса, засунутые въ широкіе кожаные шаровары, вышитые сплошь яркими шелковыми узорами. На поясахъ гремѣли, при всякомъ движеніи, навѣшанные на тоненькихъ ремешкахъ кремень, огниво, тонкій ножъ въ чухлѣ (псякѣ), вквдратный кошелекъ для денегъ и нюхательнаго табаку и другія мелочи.

Оружіе и уздечки, богато отдѣланныя серебромъ съ бирюзю, висѣли на копьяхъ. Кое-гдѣ виднѣлись круглыя щиты, выкрашенные синею краскою и отдѣланные золотыми монетами.

Это были черныя туркмены изъ окрестностей Мерва. Лагерь ихъ стоялъ особнякомъ отъ прочихъ. Угрюмые по характеру, они не любятъ якшаться съ другими. Они не любятъ даже веселья, и къ вечеру, когда уймется жгучая жара, свободно вздохнетъ прохладнымъ воздухомъ все живое, у нихъ такъ-же тихо и угрюмо въ лагерьѣ: небрякнетъ саазъ ¹⁾, не загудитъ натянута кожа разукрашеннаго цвѣтными кистами бубна.

Убийцы для убійства, они въ то-же время очень разборчивы въ грабежѣ.

Разметался по степи разграбленный караванъ. Караванъ-башъ конвульсивно ворочается въ песокъ съ перерѣзаннымъ

¹⁾ Саазъ — круглая, днеобразная балалайка съ длиннымъ, тонкимъ грифомъ и четырьмя струнами.

горломъ. Тѣ изъ проводниковъ, которые сдались безъ сопротивленія, сидятъ въ одну линію на корточкахъ, связанные по рукамъ сзади своими-же чалмами. Всадники, сверкая кольчугами и оружіемъ, сбиваютъ въ кучи перепуганныхъ, разбѣжавшихся между песчаными буграми верблюдовъ. Кара-тюркменѣ рыщутъ между сброшенными на землю вьюками. Все разбито, разбросано и валяется въ безпорядочныхъ кучахъ. Выбирается только самое цѣнное. Все-же остальное бросается на произволь судьбы. Впрочемъ, лошади и верблюды угоняются всѣ безъ разбора.

Кара-тюркмены отважны до самозабвенія. Ихъ сила въ этой безумной отвагѣ.

Случалось, что караванъ, въ которомъ было до сорока и болѣе проводниковъ, отдавался безъ боя пяти-шести страшнымъ наѣзникамъ, съ пронзительнымъ свистомъ надетавшимъ изъ-за поросшихъ саксауломъ бархановъ.

Подъ Зара-Булакомъ два черныхъ тюркмена изрубили нашихъ раненыхъ въ четырехъ шагахъ отъ батальона. Они одиночкѣ подскакивали къ самому фронту, и часто ударомъ штыка отбивалась тонкая, гибкая, какъ хлыстъ, бамбуковая пика.

Мозофаръ, начиная войну съ нами, посылалъ имъ всегда почетныя приглашенія, называя ихъ „любимымъ войскомъ великаго пророка“¹⁾.

Немного подальше отъ воды раскинулись киргизы, подвластные хивинскому хану. Нѣкоторые пришли даже съ своими семьями.

Между сдѣланными на-скоро тростниковыми шалашами виднѣются двѣ или трѣ желомейки, покрытыя черными, прокопченными дымомъ кошмами. Слышенъ плачь ребенка и женскіе голоса.

Тѣсною кучею лежатъ полусонные верблюды, лѣниво протянувъ на песокъ свои восматыя, запачканныя зеленовато пѣною морды. Неуклюжія сѣдла и изорванныя, кошемныя попоны никогда съ нихъ не снимаются. Спины подъ этими сѣдлами покрыты кровавыми ссадинами, и бѣдное животное тяжело стонетъ и пронзительно реветъ при каждой нагрузкѣ.

¹⁾ Посланіа эмира къ аму-дарьянскимъ верхнимъ кочевымъ племенамъ, найденныя при занятіи города Карши нашими войсками въ 1868 году.

Малорослыя, стреноженные ремнями лошади бродятъ по близости, скусывая жалкіе остатки сгорѣвшей отъ солнца степной флоры. Большая половина лошадей тоже подь сѣдлами.

Едва дымятся тамъ и сямъ разложенные костры; съ плоскихъ котловъ сбѣгаетъ бѣловатая пѣна и шипитъ, сползая по чугуннымъ ножкамъ треноги. Здѣсь варится баранья похлебка (шурпа).

На свѣже-содранной шкурѣ, два широкоплечихъ киргиза потрошатъ только-что зарѣзанную овцу. Красная, подернутая жиромъ туша дымится.

Большинство спитъ въ шалашахъ, изъ подь которыхъ виднѣются ноги, обутыя въ желтые и зеленые сапоги съ острыми, обитыми желѣзомъ каблуками.

Въ тѣни отъ желомейки сидитъ еще не старая, смуглая, какъ дубленая кожа, киргизка, съ необыкновенно-развитыми грудями, и чинить кожаныя панталоны; толстая, изогнутая игла проворно шевелится въ костлявыхъ пальцахъ. Два совершенно голыхъ ребенка, съ отвислыми животами и полуобритыми головками, общими усилями гложутъ большую кость, повидимому, конскую.

Гдѣ-то по близости пахнетъ падалью.

Тоція, поджарыя борзые собаки, поджавъ хвосты и опустивъ свои острые морды, высунувъ отъ жара языки, уныло бродятъ по лагерю.

На самомъ припекѣ, покрытый съ головою сѣрою кошмою, стонетъ кто-то, ежась и всхлипывая: это киргизъ, котораго вчера раздавило упавшимъ верблюдомъ. Это одинъ изъ употребительнѣйшихъ способовъ леченія: больныхъ кладутъ на солнце и покрываютъ кошмами, гдѣ они и потѣютъ, пока не отправятся къ предеамъ.

Собственно говоря, законъ Магомета воспрещаетъ присутствіе женщинъ въ военномъ лагерѣ; исключеніе допускается только для плѣнницъ. Но... гдѣ мы не встрѣчаемъ этого, удивительно растяжимаго „но“? А вообще киргизы считаются не совсѣмъ хорошими мусульманами.

Раздвигая камышь, показалась атлетическая фигура: она едва движется, тяжело ступая по солончаку босыми ногами; большой кожаный турсукъ, въ нѣсколько ведеръ объема, нагнувъ ей широкую спину; черезъ лобъ перетянуть ремень, а

на лбу крупною сѣткою вздулись багровыя жилы. Черная, густая, вьющаяся, какъ барашекъ, борода доходитъ до половины груди, грязный потъ струится по обнаженному тѣлу. Это рабъ -- шить.

У самой желомейки онъ снялъ тяжелую ношу, тихонько опустил онъ ее на землю, а иначе можетъ лопнуть тонкая козлиная шеура—и тогда на бѣдную спину посыпится градъ ременныхъ нагаекъ.

Давно уже оторванъ онъ отъ далекой родины, онъ даже почти забылъ ее. Отъ своихъ хозяевъ онъ слышалъ впродолженіи тридцати лѣтъ одни только понуканія. Впрочемъ, его кормили почти ежедневно. Онъ уже совсѣмъ привыкъ къ этому, и кажется ему, что иначе и быть не можетъ. Никакой протестъ тутъ немислимъ. Вѣдь онъ съ виду только человѣкъ, а на дѣлѣ онъ только вьючное животное. Жаль, что онъ не научился ржать, а упорно помнить свой звучный персидскій языкъ и даже выучилъ дивія нарѣчія своихъ хозяевъ. Вѣдь вотъ несообразность!

Раздался пронзительный крикъ: тюрмень-чодоръ пырнулъ въ бокъ своимъ изогнутымъ ножомъ какого-то хивинца. Раненый съ крикомъ присѣлъ на землю и корчится; кровь брызнула севозъ прижатые пальцы. Его обступило нѣсколько товарищей по роду. Полное равнодушіе на ихъ плоскихъ, скуластыхъ, желтыхъ, какъ охра, лицахъ. Они собрались потому, что все-таки новость, хоть какое-нибудь развлеченіе.

Чодоръ обтеръ свой ножъ, оправилъ свое узорное сѣдло, съ острою, какъ шпилька, передней лукою, и садится на горбоносаго степняка. Одинъ изъ хивинцевъ поддержалъ ему стремя.

Можетъ-ли быть какой-нибудь судъ или разбирательство, когда всякій имѣетъ полное право самъ постоять за себя; постороннее вмѣшательство, въ этомъ случаѣ, совершенно лишнее, да и кому какое дѣло до частныхъ „недоразумній“?

Въ лагерѣ, между прочимъ, были и бѣглые сарбазы ¹⁾ бухарскаго эмира. Вольную, хотя и исполненную лишеній, жизнь они предпочли *коронной службѣ* у бухарскаго владыки, а при

¹⁾ Сарбазъ — регулярный солдатъ, пѣхотинецъ по оружію. Преимущество имѣть постоянное регулярное войско остается за эмиромъ; и только очень немногіе изъ бековъ позволяютъ себѣ эту роскошь, и то въ очень ограниченномъ размѣрѣ.

постоянныхъ пораженіяхъ, которыя терпѣли бухарскія войска, такъ много представлялось случаевъ къ бѣгству, почти невозможному въ мирное время.

Вотъ, на разостланной узорной кошмѣ, сидятъ двое изъ этихъ сарбазовъ. На нихъ суконныя, красныя куртки съ стоячими широкими синими воротниками и обшлагами того-же цвѣта; они не бросили еще своего регулярнаго платья, да и какъ бросить, когда подъ куртками только своя собственная кожа! Они ѣдятъ изрѣзанную ломтиками дыню и запиваютъ чаемъ изъ одной маленькой, зеленой чашечки; тутъ-же стоитъ мѣдный кунганчикъ, закопѣлый снизу.

Худая, изморенная до нельзя лошадь, одна на двухъ, стоять, понуря свою лысую голову; на сбитомъ, гноящемся крестцѣ роятся зеленныя мухи.

Много еще разнаго народа стоитъ на берегу. Далеко сквозь камыши, виднѣются то люди, то лошади, то длинная верблюжья шея; даже на той сторонѣ Аму поднимаются высокіе столбы чернаго дыма, ясно говорящіе о присутствіи челоуѣка на этихъ, въ обыкновенное время мертвыхъ, безжизненныхъ берегахъ.

Зной дня приходилъ къ концу. Багровый шаръ спустился къ горизонту. Спокойная поверхность Аму-Дарьи вспыхнула краснымъ заревомъ. Вся степь стала гораздо рельефнѣе: каждый барханъ, каждая незначительная возвышенность бросили отъ себя длинныя, синеватыя тѣни, размытыя водой трещины рѣзко обозначались на солонцеватой почвѣ; стебли камыша и его пушистыя метелки горѣли, какъ вызолоченные. Лошади, верблюды, сами владѣльцы ихъ какъ-то ожили. Воздухъ наполнялся всевозможными звуками.

Все, казавшееся мертвымъ, оживила вечерняя прохлада.

На пологомъ возвышеніи разостланы большіе, пестрые и полосатые ковры. Вокругъ, тѣсно усѣлось многочисленное общество; тѣ, кому не удалось попасть въ первый рядъ, сидятъ сзади, глядя черезъ плечи переднихъ; остальные стоятъ позади, не спуская глазъ съ центра круга.

Тамъ стоитъ ребенокъ...

Ребенокъ-ли это? Большіе черные глаза смотрятъ слишкомъ выразительно; въ нихъ видно что-то далеко не дѣтское: нахальство и заискиваніе, чуть не царская гордость и собачье-униженіе скользятъ и смѣняются въ этомъ пристальномъ

взглядѣ. Это глаза тигренка, но въ то-же время и публичной женщины. Красиво очерченный ротъ улыбается, показывая яркіе бѣлые зубы. На этомъ ребенкѣ одна только, достигающая до земли, красная рубашка; ноги и руки до локтей обнажены. Онъ стоитъ совершенно неподвижно, опустивъ руки вдоль корпуса; изъ подъ вышитой золотомъ красной шапочки спускаются почти до колѣнъ длинныя, черныя косы, украшенныя золотыми погремушками и граненымъ стекломъ.

Заходящее солнце облило его краснымъ свѣтомъ, и вся фигура кажется огненною.

Этотъ ребенокъ—*батча*. Имя ему—*Суффи*: это имя извѣстно за нѣсколько сотъ верстъ въ округности.

Въ переднемъ углу, немного выдвинувшись впередъ, сидѣли четыре музыканта. Передъ ними стояли два чугунныхъ горшка, на вогорыхъ натянута были бычачьи пузыри. Музыкантъ билъ по нимъ тонкими длинными палочками; это слегка напоминало наши литавры. У двоихъ были мѣдные рожки съ дырочками на кронахъ, по которымъ перебирали пальцами; эти рожки издавали рѣзкій, надтреснутый звукъ и, казалось, очень нравились слушателямъ. Трубачами оказались тѣ самые два сарбаза, о которыхъ мы уже говорили. Затѣмъ, у четвертаго музыканта въ рукахъ былъ большой бубень, весь обвѣшанный цвѣтными лоскутками и крошечными металлическими бубенчиками.

Музыканты разомъ ударили въ свои инструменты. Суффи встрепенулся и медленно, какъ будто скользя, пошелъ по кругу.

Мотивъ пляски состоялъ изъ одного музыкальнаго такта, повторявшагося безконечное число разъ; иногда темпъ ускорялся, иногда замедлялся, и слышны были только мѣрные удары въ бубень и глухая дробь котловъ. Потомъ вдругъ раздавался оглушительный ревъ рожковъ, которому вторили грубые голоса самихъ музыкантовъ.

Сначала танецъ заключался въ плавномъ движеніи рукъ и головы: босыя, стройныя ноги едва ступали по мягкимъ коврамъ; потомъ движенія стали все быстрѣе и быстрѣе, кругъ уменьшался спиралью, и, наконецъ, Суффи снова очутился въ центрѣ. Музыка затихла. Суффи, не сдвигая съ мѣста ногъ, сдѣлалъ всѣмъ корпусомъ полный оборотъ и, вдругъ, перегнулся назадъ, почти касаясь земли своею головою. Все тѣло

изогнулось дугою; черныя косы разсыпались по коврамъ; всѣ изгибы груди, живота и бедеръ рѣзко обозначались сквозь тонкую ткань рубашки.

Вся толпа оглушительно заревѣла. Музыканты грянули дикую ерунду. Суффи медленно приподнялся и, слегка покачиваясь, отирая потъ рукавомъ, медленно вышелъ изъ круга. Когда онъ проходилъ сквозь толпу, на него со всѣхъ сторонъ сыпались самые цвѣтистые комплименты; десятки рукъ хватились за него, его руки ловили на ходу и цѣловали ихъ; цѣловали даже полы его рубашки.

Въ сторонѣ лежалъ небольшой коврикъ, на который и сѣлъ отдыхать торжествующій батча, едва переводя духъ и снявъ свои накладныя косы.

Усталого плясуна смѣнили двое другихъ—звѣзды значительно меньшей величины. Потомъ Суффи снова появился на аренѣ, и снова раздались оглушительныя крики восторженныхъ зрителей.

Когда совершенно стемнѣло, то громадныя костры изъ камыша, разложенныя въ разныхъ мѣстахъ, вспыхнули высокими огненными столбами и освѣтили все вокругъ себя мерцающимъ, пожарнымъ свѣтомъ. Быстро сгоралъ высохшій камышъ, пламя опадало, на нѣсколько мгновений становилось темно, и потомъ все озаралось отъ подвинутыхъ на огонь свѣжихъ вязанокъ.

На темномъ небѣ высыпали мириады звѣздъ. Надъ рѣкою поднялся жидкій, словно висель, туманъ. На водѣ расходились большіе круги, слышались звучныя всплески: какія-то большія рыбы подходили къ самому берегу, привлеченныя яркимъ свѣтомъ разложенныхъ костровъ.

Вездѣ было шумно и, какъ кажется, весело, только на песчаной косѣ, гдѣ стояли кара-тюремены, было по прежнему тихо: едва мерцали небольшіе огоньки, фыркали и жевали ячмень гордые жеребцы, и медленно двигались человѣческія тѣни.

Долго еще не утихало въ лагерѣ. Днемъ успѣли всѣ выспаться и пользовались прохладой ночи. Только къ разсвѣту заснули самые неугомонныя, и затихло уснувшее побережье.

Гайнула, хивинецъ, подложилъ себѣ подъ голову пучъ камышевыхъ стеблей, случайно непопавшій въ костеръ; въ этомъ пучѣ вдругъ что-то зашуршало и сильно завозилось, отчего Гайнула проснулся и вышвырнулъ изъ подъ головы безповойный пучекъ.

Маленькая головка отдѣлилась отъ камышеваго снопа, длинное тонкое тѣло извилось спиралью и быстро поползло дальше, скрывшись подъ сѣдло, валявшееся по близости.

— Ишь ты, змѣя, подумалъ Гайнула и, вдругъ, показалось ему, что изъ степи, словно, донеслось далекое ржанье.

— Эй, Бабаджакъ! крикнулъ хивинецъ сосѣду.

— Эге, отозвался Бабаджакъ, не поднимая головы и лежа въ растяжку.

Яснѣе слышалось ржаніе коня, да и не одного. Вотъ протяжно заревѣлъ верблюдъ, другой, третій. Далеко, но все ближе и ближе раздавались эти звуки: усталыя, измученныя продолжительной жаждой животныя, видно, прибавили ходу, почуявъ близость воды, и ревомъ выражали свое удовольствіе. Вотъ и человѣкъ гикнулъ: пронзительный свистъ прорѣзался уже совсѣмъ близко.

— А вѣдь это наши, сказалъ Гайнула Бабаджаку.

— Наши, отвѣчалъ Бабаджакъ. — Это Куддашъ свиститъ.

Оба хивинца встали, подтянули пояса и пошли на встрѣчу приближавшимся нашимъ.

— Эй! какого тамъ дьявола по ногамъ носить? кричить кто-то, едва успѣвъ подобрать свои босыя ноги изъ подъ копыть наѣхавшаго коня.

— Осторожнѣй, видишь, человѣкъ лежитъ! кричить другой.

— Заспались, кобыльи-подхвостники ¹⁾, произноситъ всадникъ, подбираясь между спящими.

Мало-по-малу прибываютъ всадники, ѣхавшіе въ разбродъ, по одиночѣ. Вотъ, на свѣтломъ фонѣ утренняго тумана, приближаются сбитые въ кучу верблюды... Гдѣ-то костеръ раскладываютъ... Еще въ нѣсколькихъ мѣстахъ вспыхиваютъ яркіе огни. Растетъ и растетъ свѣтлая полоса на востоѣ...

— А Урумбай гдѣ? спрашиваетъ Гайнула у одного изъ прибывшихъ.

¹⁾ Буквальный переводъ брани, считающейся у кочевниковъ выраженіемъ крайняго презрѣнія.

— Зарѣзали твоего Урумбая.

— Ишь ты, собака, а лошадь его гдѣ?

— Лошадь съ собою привели.—А тебѣ что?

— Да онъ мнѣ соровъ кокановъ долженъ...

— Это кто съ вами? спрашиваетъ батча Суффи, подъѣзжая верхомъ на красивой лошади.

— Гдѣ?..

— А вотъ, я видѣлъ, лошадей проваживаетъ: одна лошадь изъ подъ русскаго, должно быть?

— Это джигить-батырь; отъ русскихъ, изъ за Дарьи бѣжалъ.

— То-то я его прежде никогда не видѣлъ, заключаетъ Бабаджакъ, приглядываясь съвозъ дымъ костра къ Юсупу, тихонько и совершенно покойно проваживающему своихъ коней. Казалось, что ему положительно ни до чего не было дѣла: онъ былъ самъ по себѣ; онъ пріѣхалъ какъ будто-бы къ себѣ домой; онъ только случайно держался по близости того верблюда, съ котораго снимали Батогова. Онъ говорилъ ближайшему джигиту:

— И что такого особеннаго въ этихъ русскихъ?.. Ишь какъ окружили, словно какую невидаль. Я довольно-таки наглядѣлся на эту дрянъ.

— Ну, а другому и разу не пришлось видѣть, резонно отвѣчала джигить.

— Да, кто любитъ сидѣть подъ кошмою, у себя въ кибиткѣ, тому, кромѣ своей бабы, ничего не видѣть.

— Какія новости? спрашивалъ одинъ изъ прибывшихъ старика въ кольчугѣ, сѣдлавшаго лошадь.

— Да что, пока ничего не разберешь.

— Изъ Бухары не присылали.

— Присылали, да что толку: развѣ съ нашими сговоришь. Если-бы Садыкъ былъ съ нами, ну тогда дѣло другое, а то каждый врозь.

— Вотъ нашъ подберетъ ихъ. Джигить кивнулъ на бѣлую чалму, мелькнувшую невдалекѣ.

— Кто... Аллаяръ-то?.. не такого нужно...

— Кто хочетъ въ Казалѣ идти, кто въ Заравшану... Тюркмены сегодня хотѣли уйти, да у нихъ что-то тихо, тамъ, на косѣ-то.

Подошло еще человекъ пять: азіаты очень любятъ разговоры о политикѣ.

— Старикъ Османъ говорилъ, чтобы пока не смѣть русскихъ за Дарьей тревожить, сообщалъ киргизъ изъ одаевцевъ.

— Кому это говорилъ Османъ?

— Кому? всѣмъ, когда уходилъ къ Каршамъ. Онъ-же еще говорилъ хивинскимъ: вы, молъ, если у васъ уже очень руки чешутся,—у бухарцевъ по вишлавамъ пограбьте...

— Тоже добру училъ твой Османъ:—у своихъ грабить!

— Какіе-же они свои?

— Правовѣрные..

— А намъ чѣмъ жить-то?.. Вотъ весь прошедшій годъ у Мозофара служили, сколько народу у насъ перебили русскіе, а что получили... Наобѣщаль горы, а не далъ ни чеки. ¹⁾

— Ну, у васъ-то немного попало подъ русскія пули; тоже осторожность наблюдаете: близко-то не любите подъѣзжать.

— А подъ Зара-булакомъ?

— То не вы, а тюремны.

— Мы тоже съ ними были.

— Далеко ишаку до жеребца.

Два киргиза съ трудомъ волокли на веревкѣ большого сома, аршина въ два съ половиною; мокрое, лоснящееся тѣло громадной рыбы оставляло на пескѣ широкую полосу.

— Гдѣ вытащили?

— А тамъ за косою. Всю ночь сторожили крючья. Два раза срывался, отвѣчали рыболовы, едва перевода духъ.

Нѣсколько человекъ возились съ лошадыю, у которой одну ногу раздуло какъ бревно, и животное понурило голову и смотрѣло неподвижно мутными отъ боли глазами; изъ ноздрей тянулась зеленая матерія.

— Должно быть, змѣя укусила?

— Змѣя.

— Ну, отдохнетъ.

— Тамъ, на косѣ какихъ два жеребца вчера околѣло!

— Эй, собирайся всѣ къ зеленой вибитѣ: Аллаяръ говорить будетъ! вричало по лагерю нѣсколько голосовъ.

¹⁾ Чеса—мелкая мѣдная монета въ одну треть нашей копейки.

Толпа хлынула въ ту сторону, гдѣ за верблюдами, уложенными въ ряды, виднѣлась верхушка зеленой азіатской палатки. Тамъ слышались литавры и рожекъ; маленькая мѣдная флейточка наигрывала бойкія трели.

Когда взошло солнце, все было уже на ногахъ и на своемъ мѣстѣ; только на востѣ уже не видно было угрюмыхъ тюрменовъ. Кучки холодной золы, конскій пометъ и остатки корма пестрѣли на влажномъ отъ утренней росы пескѣ. Всадниковъ какъ-будто и не существовало.

Къ вечеру, два пріѣхавшихъ въ лагерь киргиза говорили, что передъ восходомъ солнца они встрѣтили черныхъ тюрменовъ въ десяти ташахъ (восьмидесяти верстахъ) отъ береговой стоянки.

Кто угоняется за этими степными орлами, которые на своихъ вѣтрахъ-коняхъ не знаютъ, что такое разстояніе.

Я слышалъ, что передъ началомъ нашихъ войнъ съ Бухарою въ 1868 году, партія черныхъ-тюрменъ прошла отъ Дерегуша (на персидской границѣ) къ Чарджую (на Аму-Дарьѣ) въ двое сутокъ. Тюрмены шли, конечно, о дву-конь. Да они, впрочемъ, рѣдко ходятъ иначе.

IX.

Суматоха.

Дикій крикъ Юсупа, чужая лошадь, прижавшаяся въ плотную, выстрѣлы сзади и гиканье наѣздниковъ придали откормленному, флегматическому по своей натурѣ Бѣльчику и энергій, и силы. Быстро влетѣла эта оригинальная пара на вершину обрыва и, словно сросшаяся, понеслась по дорогѣ къ городу.

Юсупъ успѣлъ только на одно мгновеніе обернуться и взглянуть внизъ; ему показалось, что Батоговъ прорвался изъ этого круга, а значить, черезъ секунду будетъ внѣ всякой опасности; развѣ пуля догонитъ его Орлика, а уже никакъ не эти усталые кони барантачей (Юсупъ, еще въ первую ми-

нугу атаки, успѣлъ замѣтить, что лошади непріятеля были значительно изнурены). Это было то мгновеніе, когда Батовъ, ринувшись на разбойниковъ, пытавшихся заскakatъ на перерѣзъ Марфѣ Васильевнѣ, опрокинулъ ударомъ своего коня одного изъ нихъ и, казалось, отерылъ себѣ этимъ выходъ. Но это только казалось! Печальной развязки свалки подъ карагачами не видѣлъ уже вѣрный джигитъ и занятъ былъ исполненіемъ послѣдняго приказанія своего господина: спасай марджу!

Еще разъ оглянулся назадъ Юсупъ.—Далеко позади тянулась дорога; ничего на ней не было видно; только клубы пыли, поднятые ногами скачущихъ лошадей, расплзались по вѣтру и медленно осѣдали на густую, темно-зеленую листву тутовыхъ деревьевъ...

— Гдѣ-же тюра? думалъ джигитъ и тоскливо оглядывался на пустую дорогу.

Марфа Васильевна, блѣдная, испуганная до-нельзя неожиданной развязкой своей утренней прогулки, въ первую минуту забыла обо всемъ: забыла о Батовѣ, забыла о Брилло, такъ неожиданно и такъ некстати появившимся со своимъ спутникомъ секундантомъ.. Ей чудились только кругомъ страшныя, скуластыя рожи, длинныя пики, ей слышались сзади выстрѣлы и дикіе, яростныя вопли, и ревъ преслѣдователей. А между тѣмъ преслѣдованія не было никакого.

Юсупъ прихватилъ ее за талію (на всякій случай: „все крѣпче сидѣть будетъ“ думалъ джигитъ). Марфѣ Васильевнѣ показалось, что ее уже срываютъ съ сѣдла. Она взвизгнула и судорожно уцѣпилась за гриву Бѣльчика.

Вдали, много впереди ихъ, бѣлѣлся вителъ доктора, прежде всѣхъ позаботившагося о своемъ спасеніи.

На встрѣчу, не спѣша, ѣхалъ всадникъ, повидимому, ничего незнавшій о происшедшемъ. Увидѣвъ бѣглецовъ, онъ остановилъ свою лошадь и озадаченно смотрѣлъ, стараясь сквозь пыль разглядѣть скачущихъ.

Перловичъ былъ у себя на дачѣ эту ночь; онъ сводилъ счета и писалъ накладныя для отправки своего товара на передовую линію. Захо и другой каковой-то бупецъ изъ маловаж-

ныхъ только что вышли изъ сада и сѣдѣли на лошадей; они прїѣзжали къ Перловичу посоветоваться о какомъ-то особенномъ торговомъ оборотѣ: имъ хотѣлось поприжать туземныхъ купцовъ, учинивъ одинъ изъ *замоскворѣцкихъ фортелей*, и они думали втянуть сюда Перловича, да только тотъ ничего не могъ отвѣтить имъ, болѣе или менѣе опредѣленнаго, не потому, чтобы хотѣлъ уклониться отъ предложенія, а просто потому-же, почему у себя въ одной изъ накладныхъ онъ машинально написалъ, вмѣсто: для отправки въ Яны-Курганъ— двѣсти коробокъ сардинъ малаго формата; четыре ящика мадеры №... и т. д., „вѣдь связала-же судьба съ...“ Но тутъ-же спохватился, разорвалъ испорченную накладную и посмотрѣлъ на гостей такими глазами, въ которыхъ самый недогадливый могъ-бы ясно прочесть: „а не пора-ли вамъ по домамъ, гости почтенные; мнѣ теперь совсѣмъ не до торговыхъ оборотовъ и замоскворѣцкихъ фортелей.“

— Ты ничего не замѣтилъ? спрашивалъ Захо своего товарища, тяжело влѣзая на сѣдло и умащиваясь.

— Это на счетъ чаю-то?

— Нѣтъ, не то, а совсѣмъ другое... Мнѣ, вотъ уже второй день, вѣжется, что, судя по нѣкоторымъ признакамъ, Перловичъ или рехнулся, или близокъ къ этому.

— Ну, вотъ!

— Да такъ. У Хмурова тогда: онъ думаетъ, что его не видѣли, а...

— Это подъ окошками-то?

— Да.

— Это дѣйствительно странно. Да вотъ и теперь: чай готовъ, посуда подана; Шарипъ и вина принесъ, потому немного понатерся уже и знаетъ, что нужно; три часа сидѣли, а онъ и не предложилъ...

— Да ты-бы самъ налилъ.

— Неловко.

— А счетъ-то хмуровскій какъ подмахнулъ!

— Какъ?

— Вверхъ ногами.

— Гмъ, смотри, скоро подмахнетъ гдѣ-нибудь Фердинандъ восьмой—ну, и баста.

— Диковинное дѣло.

Едва только уѣхали купцы, Перловичъ бросилъ свою ра-

боту и посмотрѣлъ на часы.—Половина третьяго, никакъ уже свѣтать начинаетъ, подумалъ онъ.—Черномазый дьяволенокъ! произнесъ онъ громко.

— Эге! отозвался Шарипъ показываясь до половины въ двери.

— Что тебѣ нужно?

— Тюра звалъ сейчасъ.

Перловичъ махнулъ отрицательно рукой и сталъ наливать себѣ чай въ ставанъ.

— Неужели они его задержали? думалъ Перловичъ на половину про себя, на половину вслухъ;—это было-бы скверно: стануть допытываться... не хотѣлось-бы...

— Тюра, началъ опять Шарипъ у дверей.

— А?

— Самоваръ... показалъ рукою сартъ.

Перловичъ забылъ завернуть кранъ: вода бѣжала на табуретъ, съ него лилась на ковры и по саклѣ распространялся бѣловатый паръ.

— Эй, эй! донесся изъ-за садовой стѣны сильный дѣтскій крикъ.

Перловичъ быстро вышелъ изъ сакли, сбѣжалъ съ лѣстницы и направился къ калиткѣ.

Маленькая фигурка сидѣла на корточкахъ, какъ разъ у самаго порога, и скалила зубы.

— Отнесъ? спросилъ его Перловичъ, придерживавъ на всякій случай за воротъ.

— Отнесъ.

— Ну что?

— Бить хотѣли, да я убѣжалъ... Авча давай; ты говоришь, много авча давать будешь...

Перловичу хотѣлось удостовѣриться, дошла-ли его записка, дѣйствительно, по назначенію.

— А какой тюра взялъ у тебя бумагу? спросилъ онъ.

— Тамъ два тюра былъ: красный и черный; у краснаго голова завязана, черный—Малайку по мордѣ билъ...

Сартенокъ взялся за щеку и началъ жалобно хныкать.

— Авча давай, Малайка спать пойдетъ! ревѣлъ онъ все громче и громче.

Перловичъ сунулъ ему что-то и выпустилъ воротъ рубашки, за который во время разговора придерживалъ сартенка; тотъ

подраль по дорогѣ, кувыркаясь по временамъ черезъ голову и засунувъ за щеку полученную мелочь.

— Они *его тамъ* накروютъ теперь, думаль Перловичъ.

— Тюра спать будетъ? спрашиваль у него Шарипъ, когда Перловичъ шель обратно садомъ.

— Въ шесть часовъ утра...

— Что тюра говорить?

— Чѣмъ-то все это кончится?.. Господи!..

Изумленно глядѣль Шарипъ на Перловича; странно ему казалось,—съ кѣмъ разговариваетъ тюра? И зачѣмъ это онъ такъ руками дѣлаеть?..

— Когда взойдетъ солнце, чуть только вонъ тамъ надъ стѣною покажется, говорилъ Перловичъ, теперь уже глядя въ упоръ на своего слугу; — лошадь чтобы была готова, слышишь?

— А теперь Шарипъ спать пойдетъ?

— Ступай.

Черезъ минуту Перловичъ, загасивъ фонарь, висѣвшій надъ столомъ, легъ на свою кровать и закрылъ глаза. Прошло часа два не то сна, не то какого-то томительнаго забытья, въ которомъ большая фантазія смѣшивалась съ дѣйствительностью; посторонніе звуки—храпъ Шарипа, шелестъ насѣкомыхъ, паденіе на землю переспѣлыхъ плодовъ и тихое гнѣніе погасавшаго самовара — ясно и отчетливо поражали слухъ; только значеніе этихъ звуковъ измѣнялось, и они принимали фантастическое участіе въ болѣзненныхъ грезахъ спавшаго. Яркій свѣтъ озарилъ сперва вершины деревьевъ, потомъ зубчатую вершину стѣны, легъ полоскою на плоской крышѣ и свѣтлымъ лучомъ проникъ во внутренность савли. Перловичъ проснулся.

Часы показывали пять. Пора было вѣхать. Шарипъ за стѣною шаркалъ скребницей, отскабливая отъ шерсти чалаго присохшую грязь.

— Куда это онъ такъ рано? разсуждалъ Шарипъ, придерживая стремя, пока Перловичъ садился.

— Нагайву подай! Собаку держи, чтобы за мной не убѣжала.

Шарипъ прихватилъ за ошейникъ желтаго сетера, который началъ визжать и рваться: онъ привыкъ всегда сопутствовать

своему господину и огрызался на удерживающаго, пытаясь вунуть его за руку. Перловичъ поѣхалъ шибкою рысью.

Бойко бѣжалъ чалый и скоро довезъ Перловича до триумфальной арки. Здѣсь всадникъ повернулъ влѣво и поѣхалъ шагомъ. Онъ пробирался стороною, словно не хотѣлъ, чтобы его видѣли, и скоро выбрался на пустыри, лежавшіе близъ узкаго переулка.

Здѣсь онъ остановился и слѣзъ съ лошади. Большія груды кирпича и разнаго мусора совершенно закрывали его со стороны проѣзжей улицы, а сзади тянулись кусты, еще невырубленные для очистки мѣста. Перловичъ привязалъ чалаго и осторожно пошелъ пѣшкомъ, направляясь къ стѣнѣ, за которою чернѣли двѣ закопченныя печныя трубы. Онъ отыскалъ сквозную трещину, приставилъ къ ней свой глазъ и увидалъ внутренность небольшого двора, въ которомъ, подъ навѣсомъ, стоялъ на привязи совсѣмъ осѣдланый дамскимъ сѣдломъ хмуровскій Бѣльчикъ.

Не болѣе, какъ черезъ пять минутъ послѣ того, какъ Перловичъ устроился въ своей обсерваторіи, входная дверь дома дрогнула, звонко щелкнулъ запертый изнутри замокъ, и на порогъ показалась Марфа Васильевна, немного заспанная, протирая одною рукою глаза и придерживая другою несовсѣмъ акуратно надѣтую, длинную черную юбку. Выйдя на дворъ, она поправилась и привела въ порядокъ свой туалетъ, нисколько не подозрѣвая, что за нею наблюдаютъ два нескромныхъ глаза. Опытнымъ взглядомъ она обинула сѣдловку, растолкала спавшаго подъ яслями татарина и, съ его помощью, взобралась на сѣдло. Хрипло загудѣла половинка воротъ, пропуская наѣздницу; протяжно зѣвнулъ татаринъ, свертываясь снова клубкомъ, на своемъ прежнемъ мѣстѣ.

— Поѣхала! произнесъ Перловичъ и началъ осторожное отступленіе къ своему чалому.

Когда онъ выбрался опять на проѣзжую улицу, то, на одно мгновеніе, замѣтилъ вдали, подъ самую кручею, надъ которою неясно виднѣлись громады новой крѣпости, — бѣлое пятно Бѣльчика, во всѣ лопатки дующаго иноходью, внизъ по Нязбекской дорогѣ.

Тогда Перловичъ поѣхалъ совсѣмъ въ другую сторону, — въ старое предмѣстье города. Проѣзжая мимо одного изъ дворовъ, онъ приподнялся на стременахъ и заглянулъ черезъ

стѣнгу; тамъ тоже стояли двѣ осѣдланныя лошади... Перловичъ узналъ обѣихъ и слышалъ за запертыми ставнями дома знакомые голоса.

— Оно, конечно, говорилъ одинъ голосъ: — случай болѣе чѣмъ подходящій; но я, право, думаю, что тебѣ не усидѣть на сѣдлѣ.

— А вотъ увидишь! говорилъ другой голосъ.

— Вѣдь это неблизко...

— Пистолеты подай!..

— И какая это шельма писала... Вотъ-бы узнать!

Перловичъ попятилъ чалаго и, не рѣшаясь ѣхать мимо оконъ, хотя и запертыхъ войлочными ставнями, повернулъ въ боковой переулочекъ и сталъ дожидаться.

— Поѣхали и эти! сорвалось у него съ языка, и довольно громко, при видѣ двухъ всадниковъ, крупною рысью прогнавшихъ мимо него и повернувшихъ какъ разъ по той дорогѣ, по которой отчетливо виднѣлись еще никѣмъ незаѣзженные слѣды Бѣльчика.

Перловичъ рѣшилъ, что, какъ Марфа Васильевна, такъ и рыжій артиллеристъ съ докторомъ не будутъ терять времени, и если онъ поѣдетъ туда-же не спѣша, то попадетъ, какъ-бы случайно, къ развязкѣ дѣла; а жгучее, болѣзненное любопытство не позволяло ему покойно, дома, дожидаться результатовъ, и ему большого труда стоило удерживать себя на столько, чтобы ѣхать шагомъ, не пускаясь вскачь за тѣми, которые уже давно скрылись изъ виду въ узкой извилистой дорогѣ, проложенной между непрерывными стѣнами туземныхъ садовъ и огородовъ.

Первый всадникъ, котораго встрѣтилъ Перловичъ, былъ, какъ уже извѣстно, докторъ. Взглянувъ на лицо и всю фигуру бѣглеца, Перловичъ догадался, что случилось что-то необыкновенное, и у него мелькнули слѣдующія соображенія:— докторъ одинъ... Брилло остался... Эти звуки, такъ похожіе на выстрѣлы (Перловичъ слышалъ, за нѣсколько минутъ передъ встрѣчею съ докторомъ, слабый, далекій звукъ пистолетнаго выстрѣла)... гдѣ-же остальные?.. Батоговъ гдѣ?

— Докторъ, докторъ! кричалъ Перловичъ. Но докторъ, казалось, ничего не слышалъ и не видѣлъ. Вытянутое, блѣд-

ное лицо его было искажено ужасомъ; онъ гналъ своего несчастнаго воя, машинально теребя поводья, колотя его каблуками въ бока, щелкая нагайкою куда попало: по ушамъ, по шеѣ, по крупу и даже, не чувствуя боли, по своимъ собственнымъ ногамъ, обутымъ въ походные сапоги.

Докторъ пронесся мимо, чуть не сваливъ Перловича своею лошадью. Вотъ еще клубится пыль; скачутъ двое. Ба! Марфа Васильевна, съ нею джигитъ. Наѣздница тоже, пожалуй, пронеслась-бы мимо, но Перловичъ повернулъ лошадь и поскакалъ рядомъ.

— Марфа Васильевна, ради Бога, что случилось?!.. говорилъ Перловичъ, задыхаясь отъ страшнаго волненія, глотая густую пыль, въ которой они скакали.

— Онъ убитъ, простонала Марфа Васильевна... Татары!..

— Кто, кто, Батоговъ? спрашивалъ Перловичъ, забывъ, что проговаривается.

— Онъ!.. Всѣ!.. Марфа Васильевна вдругъ зарыдала и на всемъ скаку припала къ гривѣ своего Бѣльчика.

Перловичу вдругъ стало необыкновенно весело.

— Юсупка назадъ... Юсупка тамъ надо, заговорилъ джигитъ, смекнувъ, что теперь его можетъ смѣнить этотъ, другой тюра, что встрѣтился имъ на дорогѣ. Онъ выпустилъ поводья Бѣльчика и повернулъ назадъ.

Такъ-же безсознательно, такъ-же неистово погоня своего воя, какъ погонялъ его докторъ, неся Юсупка назадъ, дико гизая, стиснувъ зубами вынутый изъ чехла ножъ, сжавъ въ правомъ кулакѣ желѣзную рукоять туземной пашеи.

Два всадника неслись въ двѣ противоположныя стороны: въ одну—скакалъ трусь въ европейскомъ костюмѣ,—въ другую — герой въ неуклюжемъ халатѣ и въ шапкѣ кочевого дикаря.

Перловичъ снималъ съ сѣдла Марфу Васильевну, совсѣмъ уже потерявшую сознание. Лошади, взмыленные, тяжело переводя духъ, стояли посреди дороги.

Перловичъ, подхвативъ подъ мышки безчувственную Марфу Васильевну, оттащилъ ее немного въ сторону, гдѣ не было такъ пыльно, и у самой стѣны зеленѣла довольно густая трава,—и усадилъ ее, придерживая руками эту хорошенькую голову съ растрепавшимися волосами, съ закрытыми глазами, съ нижней губою, хотя и отвисшей весьма некрасиво къ пи-

высыпали, въ цвѣтныхъ ситцевыхъ рубахахъ, нѣскольکو десятковъ оренбургскихъ казакѣвъ.

Лошади весело заржали и топтались на мѣстѣ.

Генераль вель жизнь регулярную: вставалъ рано утромъ и, пользуясь тѣмъ, что на улицахъ никого еще не было, выходилъ въ одномъ бѣльѣ на балконъ своего дома, и прохаживался съ ароматною сигарою во рту. Такъ и теперь; онъ, отмѣривъ разъ пятнадцать длину и ширину своего балкона, присѣлъ на перила и сталъ соображать что-то, жестикулируя рукою отъ лѣваго плеча къ правому бедру, какъ-бы поглаживая невидимую ленту и поправляя таковую-же звѣзду.

Тучныя формы генерала рельефно рисовались подъ тонкимъ бѣльемъ, и, вѣроятно, генеральскія думы были самага игриваго характера, потому-что онъ раза два пришлепнулъ себя по этимъ формамъ, процѣдя сквозъ зубы: — Гмъ, недурно-бы и брилльянты на шпагу. .

Вдругъ, какъ изъ подъ земли, предъ нимъ, у самыхъ перилъ балкона, явилась Марфа Васильевна. Взволнованная, съ яркимъ, пятнистымъ румянцемъ на щекахъ, верхомъ на взмыленномъ бѣломъ конѣ, она, сразу, показала генералу какъ-вмѣсто-то видѣнiемъ, но онъ тотчасъ-же узналъ ее. Съ ловкостью, свойственною всѣмъ военнымъ людямъ, онъ занесъ ногу черезъ перила, хотѣлъ прямо соскочить на землю (благо, было очень низко) и помочь дамѣ сойти съ лошади, но вспомнилъ, въ какомъ онъ костюмѣ, слегка сконфузился, произнесъ прiятнымъ баритономъ:

— Марфа Васильевна, pardon!. Entrez, madame. Я сiю минуту. Казакъ, прими лошадь. Мина, умываться! — и исчезъ въ дверяхъ, мелькнувъ въ нихъ на мгновение своею тучною, бѣлою фигурою.

Черезъ секунду эта фигура показала на мгновение въ одномъ изъ оконъ. Марфа Васильевна, не слѣзая съ лошади, кинулась къ этому окну.

— Господи! все проволочки, а время идетъ. Генераль! Ради Бога, да слушайте-же!

Она наклонилась надъ окномъ и заглянула во внутрь комнаты. Невидимая рука задернула бѣлую штору. Передъ глазами Марфы Васильевны, вмѣсто генерала, появился китаецъ въ зеленомъ халатѣ, подъ золотымъ балдахномъ, стрѣляющiй изъ лука въ краснаго дракона. За этимъ китайцомъ что-

то плескалось и фырвало, и генеральскій голосъ, захлебываясь, произносилъ повременамъ: — Лей на голову, на самое темя, болванъ!.. Три губкою спину... Вотъ такъ... Что-бы это тамъ могло случиться?... Запри дверь...

Марфа Васильевна чуть не плюнула со злости въ этого китайца и рванулась къ подъѣзду. Часовой почему-то отсалютовалъ; два казака винулись принимать лошадь.

Въ ворота въѣхалъ Перловичъ.

— Марфа Васильевна, сказалъ онъ,—поѣзжайте-ка лучше домой да успокойтесь, вѣдь вы на себя не похожи.

Марфа Васильевна хотѣла что-то возражать...

— Да вѣдь совсѣмъ скандалъ выходитъ... Смотрите, вотъ ужъ на улицахъ народъ показался...

Она посмотрѣла вдоль улицы; длинныя извожичьи дрожжи въ одну лошадь дребезжали по новому шоссе; въ этихъ дрожжахъ сидѣли двѣ офицерскія шинели и клевали носами: — онѣ, вѣжется, не изъ дому ѣхали, а скорѣе домой. Барыня въ розовомъ платьѣ, съ голубымъ зонтикомъ, шла съ солдатомъ позади; изъ окна сосѣдняго дома показалась рука съ какимъ-то сосудомъ и выплеснула что-то на улицу; гдѣ-то неподалеку скрипѣла немазанная туземная арба.

Марфа Васильевна вдругъ зѣвнула, совершенно неожиданно, даже для себя, — экстазъ проходилъ. Она совершенно согласилась съ Перловичемъ, что онъ правъ, предлагая ей ѣхать домой.

— Такъ вы... начала она.

— Непремѣнно, непременно. Перловичъ соскочилъ съ лошади и вошелъ въ генеральскій домъ.

Марфа Васильевна повернула Бѣльчика и поѣхала шагомъ къ себѣ въ узкій переулокъ.

Привѣтливый, весь олицетворенная любезность и предупредительность, появился генералъ изъ-за портьеры.

— Какъ мнѣ совѣстно, *ragole d'honneur*, началъ онъ, раскинувъ руки словно для объятій; изумленно посмотрѣлъ кругомъ, выпрямился и отрывисто произнесъ: — Вамъ что угодно?

Перловичъ объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Гмъ... промычалъ генералъ.—Послать за адъютантомъ! крикнулъ онъ громко, пригласилъ Перловича сѣсть и подождать и пошелъ во внутренніе апартаменты.

зу, но за то отерывшей рядъ ровныхъ бѣлыхъ зубовъ, судорожно стиснутыхъ, едва пропускавшихъ чуть замѣтное дыханіе. Перловичъ вспомнилъ, что надо растегнуть шнурки платья, — сунулся, сталъ шарить руками, шарилъ довольно усердно, но замѣтилъ, что его предупредили: платье было уже растегнуто, и амазонка сползала внизъ. Перловичъ запутался въ безчисленныхъ шнуркахъ и тесемкахъ, сгруппировавшихся у пояса, накололъ пальцы на какую-то скрытую булавку и ограничился тѣмъ, что тщательно принялся изслѣдовать, на сколько сильно бьется еще сердце Марфы Васильевны.

Красавица вдругъ открыла глаза. Перловичъ быстро отдернулъ руку. Она, казалось, только сію минуту узнала его. Она изумилась.

— Вы какъ здѣсь?.. Марфа Васильевна быстро отодвинулась и хотѣла встать, но запуталась. Перловичъ помогъ ей подняться на ноги.

— Я... случайно... бормоталъ онъ, сильно смущенный этимъ вопросомъ. — Вижу: свачете... Тутъ Юсупъ, докторъ тоже. Что случилось?

Марфа Васильевна все вспомнила и сообразила.

— Скорѣй, скорѣй въ городъ! произнесла она, — тамъ, на Бешь-Агачъ шайка барантачей... Они сейчасъ за нами...

Перловичъ понялъ и струсилъ. Онъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и даже задрожалъ весь, какъ вспомнилъ, что они нѣсколько минутъ потеряли даромъ; вотъ, вотъ, могутъ показаться барантачи, покончившіе уже, конечно, съ тѣми, кто остался сзади... Докторъ ускакалъ, Марфа Васильевна здѣсь, Батогова и Брилло нѣтъ, — они тамъ: они, значитъ, оба погибли!

Въ городѣ, на старомъ коканскомъ дворѣ, длинными рядами стояли въ коновязяхъ козачьи лошади. Два часовыхъ казака лѣниво бродили у воротъ съ обнаженными шашками; по двору шлялись полусонныя фигуры; въ одномъ углѣ казакъ раздувалъ походный самоварчикъ; на плоскую крышу взобрался по лѣстницѣ трубачъ, прищурился на солнце, потянулся, продулъ свой рожокъ и приставилъ его къ губамъ: онъ собирался проиграть сигналъ къ водопою.

Оба часовыхъ едва успѣли отскочить и чуть не попали подъ ноги наскакавшихъ лошадей. На дворъ влетѣла Марфа Васильевна, за нею слѣдомъ Перловичъ.

— Сѣдлатъ! пронзительно крикнула наѣздница, и крикнула такъ, что всѣ лошади шарахнулись и заметались на своихъ арканахъ, а во всѣхъ окнахъ показались озадаченныя, полупроснувшіяся рожи.

— Марфа Васильевна, они васъ не послушаютъ, уговаривать ее Перловичъ.—Дежурный гдѣ? началъ онъ кричать въ свою очередь.—Сотенный командиръ гдѣ?—Голубчикъ, обратился онъ къ казаку, подбѣжавшему было къ забору, но, замѣтивъ прибывшихъ, принявшаго иную, болѣе приличную позу.—Послушай, голубчикъ, сотенный вашъ гдѣ?..

— Да вамъ чего надо? протанулъ голубчикъ.

— Эй, господинъ! Вы тутъ что? кричалъ кто-то, высунувшись изъ окна. Онъ былъ въ одномъ бѣльѣ, но на головѣ была фуражка съ кокардою, а въ рукахъ держалъ онъ витедь съ офицерскими погонами, который, повидимому, собирался натягивать на свои широкія плечи.

Перловичъ понялъ, что это и есть самъ сотенный, и объяснилъ ему, въ чемъ дѣло.

— Безъ приказанія не могу-съ.

— Но, Боже мой! встала Марфа Васильевна. — Время уходитъ...

— Да вы пожалуйста въ горницу пока, приглашала сотенный,—чаю не прикажете-ли?

— Послушайте, вы велите сѣдлатъ, а я привезу вамъ сію минуту приказаніе. Генераль тутъ недалеко... все-таки время не пропадетъ даромъ... А вы, Марфа Васильевна, гдѣ-же вы?.. а?!

Перловичъ оглянулся: на дворѣ не было Марфы Васильевны: она, догадавшись, что нужно, — поскакала къ генералу сама, прежде чѣмъ Перловичъ высказалъ свое предложеніе.

— Эй, ребята, поить коней! распорядился сотенный командиръ.—Да пожалуйста-же въ горницу... И какъ-съ далеко было это нападеніе-съ?

Перловичъ слѣзъ съ лошади.

— Въ третьемъ году-съ... еще при генералѣ Романовскомъ-съ... началъ сотенный.

Звонкая трель трубы прозвенѣла къ водопою и на дворъ

— Слышь ты! кричить Хмуровъ Перловичу.—Мы тамъ не пройдемъ: тамъ мостъ разобранъ...

Перловичъ не слушаетъ и все погоняетъ лошадь.

— Смотри, назадъ прійдется вернуться...

— Назадъ, говоритъ одинъ казакъ изъ переднихъ другому, запаливая на бѣгу трубочку.—Легко сказать—назадъ: эдакъ мы верстъ шесть кругу должны сдѣлать.

— А кто понесъ насъ базарами; надоть было обыкновенной дорогой.

— Обыкновенной!

— Стой!.. командуетъ сотенный и добавляетъ:—Вотъ тебѣ и разъ!

Перловичъ въ недоумѣніи ѣздитъ по крутому берегу оврага. Спуститься некуда, и даже пѣшему невозможно; со дна этого оврага торчатъ полуразрушенные козлы разобраннаго моста; на противоположной сторонѣ уцѣлѣло еще одно прясло и висить въ видѣ балкона, а внизу, между таловыхъ кустовъ, сочтется какая-то грязная струйка.

— Я говорилъ! заоралъ Хмуровъ.—Я говорилъ! Назадъ, назадъ слорѣй!

Постояли минуту, другую—порадумали. Всякій заглянулъ внизъ и всякій сказалъ:—Вѣдь, ишь-ты, разобранъ! Одинъ казакъ попробовалъ было спуститься, да чуть не оборвался и не полетѣлъ съ высоты, по крайней мѣрѣ, десяти сажень.

— Чего лѣзешь ты! рыло киргизское! крикнулъ на него сотенный командиръ.—Назадъ такъ назадъ... На право кругомъ! запѣлъ онъ и тотчасъ-же перевелъ на обыкновенный языкъ:—заворачивай, братцы!

Завернули.

— Теперь куда-же? подумалъ вслухъ Хмуровъ.

— Извѣстно, опять черезъ базаръ и въ чиназскія ворота, а тамъ возьмемъ правѣе, ну и въ самый разъ, отвѣчалъ ему командиръ.

Перловичъ уступилъ свое переднее мѣсто Хмурову, который, обгоняя его, произнесъ съ уворомъ:—что, братъ, ближе вышло! а времени-то сколько ушло.

Перловичъ промолчалъ. Быстрая ѣзда и жаркое утро всѣхъ разгорячило, лица были красны, словно пылали, одно только лицо его, Перловича, было желто и по немъ выступали какія то пятна; конвульсивно стискивала поводья холодная рука, и

во рту онъ опять чувствовалъ сильную горечь. Очень-очень некрасивъ онъ былъ въ эту минуту, а эта странная перемена потому только не была замѣчена, что всѣ слишкомъ заняты были одною идеею—напастъ поскорѣе на слѣдъ барантачей.

Наконецъ, спустя часа полтора послѣ выступленія, напали на настоящую дорогу, и вдали, на вышинѣ обрыва, показалась старая гробница.

— Тссс!.. приподнялъ руку сотенный командиръ.—Теперь, голубчики мои, теперь осторожнѣй! Шестеро слѣзьте съ коней, да ползкомъ, братцы, тихонько... чуть, чуть... ни-Боже мой, и, значитъ, коли что, ежели какъ, то сейчасъ...

Казаки, казалось, поняли эту рѣчь, и человекъ шесть полѣзли на брюхѣ „тихонько, осторожнѣй, коли что, ежели какъ“, а остальные начали осматривать винтовки, шелка замками и продувая стволы.

— И какого тамъ чорта еще! крикнулъ Хмуровъ, проскакалъ мимо ползущихъ на брюхѣ казаковъ, чуть не вытянулъ одного нагайкой, благо удобно было, и остановился на самомъ гребнѣ обрыва, на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ виднѣлись еще слѣды Бѣльчика. Если-бы Хмуровъ не смотрѣлъ, вытаращивъ глаза, на что-то тамъ внизу, то навѣрное бы узналъ эти полукруглые значки, рѣзко отпечатавшіеся на красноватомъ грунтѣ вывѣтрившагося гранита.

Любопытство взяло верхъ надъ осторожностью. Да къ тому-же примѣръ Хмурова подѣйствовалъ заразительно. Мало по малу, всадникъ за всадникомъ, столпились всѣ надъ обрывомъ: подползли и тѣ шестеро, исполняя до конца приказъ начальства, доползли, встали, отряхнулись и пошли къ своимъ лошадямъ.

На ярко-зеленой полянѣ, въ тѣни развѣсистыхъ карагачей, валялось нѣсколько предметовъ: какая-то красная тряпка, ножны отъ туземной шашки и трупъ въ кителѣ, въ красныхъ шелковыхъ панталонахъ. Трудно была разобрать, какъ этотъ трупъ лежалъ: лицомъ вверхъ или затылкомъ.

У этого трупа не было ни лица, ни затылка.

— Батоговъ! крикнулъ Хмуровъ.—Это его красные шаровары.

Перловичъ покачнулся въ сѣдлѣ и схватился за гриву. Ему показалось, что онъ вмѣстѣ съ конемъ оборвался съ кручи и летитъ внизъ.

X.

Погоня.

Несмотря на различныя формальности, значительно затягивающія дѣло, небольшой кавалерійскій отрядъ собрался часамъ къ десяти утра въ базарномъ проходѣ, и ждали только Перловича, который почему-то взялся быть проводникомъ къ мѣсту катастрофы, а пока поскакалъ перемѣнить свою лошадь, такъ-какъ его чалый положительно негоденъ былъ уже къ таковой далекой поѣздѣ.

Быстро разнеслась по всему городу вѣсть о кровавомъ событіи у Бешь-Агача, и множество народу собралось провожать выступающій отрядъ: явились даже волонтеры, заявившіе свое намѣреніе идти вмѣстѣ съ отрядомъ. Въ числѣ послѣднихъ находился и Хмуровъ, который больше всѣхъ суетился, рыская верхомъ на красивомъ караковомъ жеребцѣ и сообщая всѣмъ свои планы преслѣдованія.

— Надо ихъ перехватить, пока за Дарью не перевалились, кричалъ онъ.—А то ихъ тамъ только и видали. Чего мѣшковъ съ собою набрали! накинулся онъ на казаковъ. — Экъ навьючились, кошеники!.. Вѣдь верстъ пятьдесятъ скакать придется, свиньи полосатыя!

— Ладно, и рысцекъ будетъ въ самую пору, ворчалъ урядникъ, прилаживая за сѣдломъ холщевыя торбы съ ячменемъ.

— Не мѣшало-бы взять съ собою хотя немного артилеріи, заявилъ щеголеватый адъютантъ. Онъ тоже пріѣхалъ, совсѣмъ по походному, и даже съ охотничьей двустволкой въ рукахъ и биноклемъ въ футлярѣ, висѣвшемъ на ремешкѣ черезъ плечо.

— Бомбическія орудія повеземъ для васъ по аркамъ, да буеракамъ! накинулся на него Хмуровъ.

— Нѣтъ, все-бы, знаете, ракетные станки: это дѣйствуетъ морально.

Туземцы заняли пестрыми группами всѣ сосѣднія крыши и смотрѣли на долгиѣ сборы, шепотомъ передавая другъ другу разныя предположенія. Они не знали, въ чемъ дѣло, и рѣшили, что это, должно быть, подступаетъ самъ эмиръ къ ихъ городу.

Прискакалъ, наконецъ, и Перловичъ.

— Садись!.. протянулъ сотенный командиръ.

Дребезжа оружіемъ, неловко полѣзли казаки на своихъ ма-штаковъ и стали выстраиваться.

— Господи, благослови! съ Богомъ, братцы!

Казаки начали набожно креститься. Тронулись.

— Сто-о-ой! тянетъ снова командиръ.

— Ребята, скатай кто-нибудь ко мнѣ; тамъ, въ горницѣ, на столѣ предписаніе генеральское лежитъ: какъ-бы вѣтромъ не сдуло.

Разомъ человекъ пять поскакали за генеральскимъ предписаніемъ.

— Мааршъ! опять запѣлъ командиръ.

Опять двинулись впередъ.

Съ горяча погнали самую ходкою рысью. Перловичъ, молча, скакалъ впереди всѣхъ. Взяли напрямикъ, черезъ туземный городъ, для выигрыша времени.

Вонючіе, грязные торговые ряды подъ навѣсами, никогда не пропускавшими лучей солнца, но нисколько незадерживающими проливныхъ осеннихъ и зимнихъ дождей, задержали нѣсколько бѣгъ лошадей. Казачьи кони провалились по брюху, гнилые міазмы подымались изъ подъ развороченныхъ верхнихъ слоевъ вѣчной грязи, брызги летѣли во всѣ стороны и обдавали пестрый разнокалиберный товаръ, лежавшій открыто, на показъ, въ маленькихъ туземныхъ лавочкахъ. Торгаши глядѣли испуганно на эту кавальяду; туземныя лошади, привязанныя у точеныхъ столбовъ, поддерживавшихъ навѣсы, прижимали уши, визжали и били задомъ пробѣгавшихъ мимо казачьихъ лошадей.

— Стой!..

Передніе остановились; задніе стали догонять переднихъ.

— Да что-же, чортъ васъ возьми, стой да стой! горячился Хмуровъ, наскაკавъ на командира.

— Позвольте, нельзя. Ребята, купи кто лепешекъ: тамъ, неравно, закусить придется. Михѣевъ, бутылъ съ тобой?

— У Павлова въ торбѣ, отзывается изъ заднихъ рядовъ голосъ Михѣева.

— Не оттягивать — эй! что разбрелись! кричитъ командиръ.—Маршъ!..

гался не на животь, а на смерть, а, главное, общалъ казакамъ, если нагонять, по рублю на рыло и ведро водки на всѣхъ.

— Ваше скуловородіе! обратился урядникъ, ровняясь своимъ конемъ съ хмуровскимъ жеребцомъ.—Позвольте коней напоить: задохнутся, гляди, какъ загорѣлись: жарко!

— Ну пой поскорѣе, что-ли.

Остановились. Казаки протирали запыленные ноздри лошадей полами своихъ рубахъ, поправляли сѣдловку и сами маленько поправлялись.

— Чутьочку постоимъ, говорилъ урядникъ,—за то ужъ какъ ахнемъ!

Постояли чутьочку, сѣли на лошадей и дѣйствительно ахнули!

— Братцы, вонъ они!.. крикнулъ кто-то.

Всѣ лошади разомъ поддали; хмуровскій жеребецъ даже взвился на дыбы. У Перловича замерло сердце.

Верстахъ въ трехъ, впереди, но нѣсколько правѣй, мелькнула межъ таловыхъ кустовъ красная точка; вотъ еще, еще... Эти точки, должно быть, замѣтили преслѣдователей и пошли скорѣе... Но не трудно было замѣтить, что разстояніе, отдѣлявшее преслѣдователей отъ преслѣдуемыхъ, все становилось меньше и меньше... Вотъ еще кусты, частые, густые... красныя точки скрылись въ нихъ и пропали. Вѣроятно, эти заросли задержали бѣгъ лошадей, потому-что, когда бѣглецы показались снова, ихъ отдѣляло не болѣе полуверсты. Хмуровъ выхватилъ револьверъ, кинулъ поводья на шею коня и много опередилъ казачьихъ лошадей.

Вдругъ послѣдній непріятельскій всадникъ скрылся на мгновеніе въ маленькомъ бѣломъ облачкѣ... Что-то неловко прогудѣло въ воздухѣ.

— Ишь, пальнулъ: нѣшто отвѣтить? замѣтилъ урядникъ.

— Чего тамъ пустяками заниматься; сейчасъ насядемъ.

Хмуровъ уже налеталъ. Скуластая рожа обернулась, посмотрѣла на него черезъ плечо и погрозила ножемъ, и вдругъ мелькнула полами краснаго халата: Хмуровъ, почти въ упоръ, выстрѣлилъ изъ своего револьвера. Барантаци, видя, что имъ не уйти, соскочили съ лошадей и бросились въ заросли. Раздалось нѣсколько выстрѣловъ. Казаки поскакали въ объѣздъ, человекъ десять спѣшились и полѣзли за бѣжавшими.

Одинъ казакъ шатался на лошади, словно пьяный... Онъ затянулъ одинъ поводъ; лошадь его крутилась на одномъ мѣстѣ и упала на бокъ, оступившись въ канаву. Лошадь вскочила снова на ноги и отбѣжала въ сторону. Казакъ силился подняться, но не могъ.

Трое казаковъ тащили волокомъ какую-то фигуру съ гладко обритымъ, сверевшимъ на солнцѣ черепомъ; красный халатъ на этой фигурѣ висѣлъ влочьями. Фигура эта усиленно барахталась.

— Вязи его, подлеца, вязи! кричалъ урядникъ.

— Идите кто сюда! кричалъ изъ кустовъ Хмуровъ.

— Братцы, одинъ никакъ убѣгъ! слышень былъ чей-то сильный голосъ. — Вотъ-онъ, вотъ-онъ! Насядь на него... Гляди, осторожнѣй,—можетъ, прынетъ...

Восемь лошадей, принадлежащихъ барантамъ, усталыхъ, худыхъ до того, что можно было оцупать всѣ кости, были переловлены и сбиты въ кучу. Въ кустахъ мелькали кое-гдѣ казачьи рубахи, и по временамъ слышались выстрѣлы.

Это весьма напоминало охоту. Да развѣ это и не была охота на самомъ дѣлѣ!

На дорогу выбрался Хмуровъ. Онъ былъ весь въ крови и безъ шапки. Онъ поправлялъ пальцами волоса, спутанные вѣтромъ, и размазывалъ по лицу кровавые узоры. Впрочемъ, это была не его кровь. Правда, его стукнули прикладомъ по головѣ,—ударъ, который сбилъ съ него шапку, ударъ, отъ котораго раскололся прикладъ и отлетѣлъ въ сторону... Легкіе приклады азиатскихъ ружей чрезвычайно непрочны...

— Лошадей сколько? спросилъ онъ урядника.

— Восемь. Больше не было.

— А тамъ семерыхъ уложили: одинъ удраль-таки!

— Живьемъ одного поймали, ваше скуловородіе! отрапортовалъ урядникъ.

— А, значить, всѣ. Значить, Батоговъ съ другими. Северно! Зачерпни воды, вонъ въ канавѣ,—рожу умыть.

На лицѣ Перловича, который все время, словно истуканъ, стоялъ верхомъ посреди всеобщей сумятицы, показалось что-то въ родѣ живого румянца.

Потихонько спустились вниз по тропинкѣ и окружили тѣло.

— Погони артиллерійскіе, золотые, произнесъ щеголеватый адъютантъ.

— Ну, значитъ, Брилло, рѣшилъ Хмуровъ.

— Коли, ежели, не имѣется головы, заявилъ сотенный командиръ,—ужасно трудно признать, что за человѣкъ. Поэтому ежели какъ все остальное...

— А тамъ, въ оврагѣ никого нѣтъ? доносился голосъ одного изъ казаковъ.

— Большое сходство между собою имѣетъ, докончилъ начальникъ отряда.

— Ну какъ-же, возразилъ кто-то,—ежели мусульманъ или тамъ жидъ и опять православный, — всегда безъ головы узнать можно.

— Коли ежели безъ одежды...

— Да будетъ вамъ! прервалъ споръ Хмуровъ. — Свалка была здѣсь; это вѣрно, вишь, крови вездѣ сколько! а отсюда слѣды пошли вонъ, позади этого двора на дорогу. Пускай подберутъ тѣло кто-нибудь и отвезутъ въ городъ, а мы дальше. Теперь мы на слѣду, дѣло вѣрное; можетъ, и догонимъ къ вечеру.

Распорядились на счетъ тѣла Брилло и тронулись дальше. Скоро выбрались на нязбекскую дорогу. Здѣсь многочисленные слѣды конскихъ ногъ, ясно видные въ узкомъ, мало проѣдемъ переулкѣ, исчезли, затертые слѣдами арбяныхъ колесъ только что проѣхавшаго обоза.

Пришлось обратиться къ распросамъ, и сотенный командиръ подъѣхалъ къ маленькой чайной лавочкѣ, старикъ хозяинъ которой смотрѣлъ на подъѣхавшаго русскаго усиленно моргающими глазами. Начался допросъ съ помощью переводчика, казака-башкирца.

— Барантаци куда пошли? началъ сотскій. Казакъ перевелъ.

— Кто? переспросилъ сартъ.

— Барантаци, разбойники, каракчи, пояснялъ командиръ и начиналъ горячиться. Казакъ переводчикъ тоже начиналъ волноваться.

— Не знаю никакихъ барантачей, говорилъ старикъ.—Я здѣсь сижу съ самоваромъ, зла никому не дѣлаю. У меня

и кальяны есть... Вонъ изъ нихъ ваши казаки курятъ, указаль онъ на казаковъ, которые между тѣмъ не теряли дорогого времени.

— Да бросьте его! говорилъ Хмуровъ;—вы все равно никакого толку не добьетесь. Да и чего спрашивать. Куда они уйти могутъ, какъ не въ Дарьѣ.

— Конечно, къ Дарьѣ, подтвердилъ щеголеватый адъютантъ.—А вы мнѣ, господинъ эсаулъ, обратился онъ къ сотенному командиру,—дайте человѣкъ четырехъ, проводить меня до города: одному небезопасно...

— Кто васъ съѣстъ? — чего вы боитесь? замѣтилъ Хмуровъ.

— По пустякамъ рисковать не желаю-сь, извините-сь... А дальше ѣхать я не могу... я совершенно нездоровъ, да къ тому-же дѣла...

— Да убирайтесь къ чорту!

— Господинъ Хмуровъ!

— Проваливайте!

Адъютантъ уѣхаль, процѣдивъ сквозь зубы: — я еще съ вами поговорю...

— Съ Богомъ, братцы!..

Поѣхали. Часа черезъ полтора довольно скорой ѣзды, погоня опять напала на слѣдъ: допросили встрѣчнаго погонщика, который везъ топливо въ городъ на четырехъ вьючныхъ ослахъ. Онъ далъ кое-какія болѣе опредѣленныя указанія. Въ кишлакѣ, сартъ Мурза-бай, пріятель Батогова, далъ уже совершенно ясныя указанія: онъ сообщилъ и число барантачей, сколько могъ замѣтить, и то, что самъ своими глазами видѣлъ плѣннаго. Онъ сообщилъ, что Юсупъ, джигитъ Батогова, часа за два только проскакалъ мимо его лавки и даже не остановился покурить кальяна, предложеннаго ему Мурза-баемъ. Тутъ-же сообщили другіе, проѣзжіе курамины, что видѣли барантачей въ другомъ мѣстѣ, верстахъ въ пяти правѣе... Это извѣстіе тоже было вѣрно. Ясно было, что партія раздѣлилась. Рѣшили раздѣлить и отрядъ, тѣмъ болѣе, что казаковъ была почти цѣлая сотня и каждый отрядъ все-таки былъ достаточно силенъ сравнительно съ партіей барантачей. Раздѣлились: съ однимъ отрядомъ поѣхаль самъ сотенный командиръ, съ другимъ Хмуровъ и Перловичъ. Второй отрядъ сильно задалъ ходу, потому что Хмуровъ ру-

валъ).—Зачѣмъ время терять: время—деньги.—Онъ подошелъ къ столу, взялъ линейку, наложилъ ее, черкнулъ сильно карандашомъ, такъ сильно, что въ руеѣ что-то треснуло. Швырнулъ на полъ и линейку, и обломки карандаша; тихонько, на цыпочкахъ, словно боялся разбудить больную, подошелъ онъ къ постели и сталъ въ ногахъ. Онъ задумался.

Въ комнатѣ была мертвая тишина, только и слышно было, какъ маленький котенокъ каталъ по полу какую-то пуговицу, и по стеклу стучала большая зеленая муха.

— Это мы сейчасъ... это мы сразу... А гдѣ больная!.. А... вонъ оно какъ!..

Въ комнату вошелъ, слегка пошатываясь, толстый докторъ, не нашъ докторъ, а совсѣмъ другой, съ густыми темными бакенбардами, въ фуражкѣ, надѣтой совсѣмъ на затылокъ... Пахнуло сильно чѣмъ-то спиртуознымъ,—не то ромомъ, не то водкой, сильно также давалъ чувствовать пряный аромать лимбургскаго сыра. Мужъ Марфы Васильевны поднялъ голову.

— А, докторъ... вотъ смотрите...

— Ничего, ничего; это мы сейчасъ...

Докторъ шагнулъ, пошатнулся и послѣшилъ поскорѣй сѣсть на край кровати. Кровать затрепала. Глаза больной раскрылись какъ будто-бы немного шире.

Изъ-за дверей высовывался Набрюшниковъ: онъ не рѣшался войти и силится издали, черезъ плечи доктора, взглянуть, что тамъ такое дѣлается...

— Докторъ, что это вы дѣлаете?

— А это я пульсъ щупаю...

— Да развѣ тамъ пульсъ!... Набрюшниковъ, гдѣ вы эту свинью нашли?

— Эй вы, не слишкомъ! Я не позволю... промычалъ докторъ, всталъ и чуть опять не упалъ на кровать.

— Въ бильярдной у Тюльпаненфельда... Да я сейчасъ другого... Я сейчасъ... Кто-же его зналъ... По мундиру докторъ... Я...—Набрюшниковъ заметался и скрылся.

— Вонъ отсюда!

— Кто,—я?

— Вонъ или прищипу на мѣстѣ!

Онъ схватилъ со стола тяжелый подсвѣчникъ и замахнулся... Пьяный докторъ струсилъ.

— Это я ничего, это я могу, все могу, а, впрочемъ, я уйду, я уйду... Мнѣ что... (онъ направился къ двери) Мнѣ что? Мнѣ все равно;—пуская умираетъ... Мертвые-бо сраму не... Эй, дружище!—Докторъ замѣтилъ кого-то, ѣхавшаго мимо на извозничьихъ дрожжахъ.—Подвези, мнѣ только до этого тюль... тюль... тюль...

— Ползи на всѣхъ четырехъ, говорилъ чей-то голосъ, и дрожжи дребезжать мимо.

Прошло часа два, томительныхъ, страшныхъ часа. Марфа Васильевна все находилась въ одномъ и томъ-же положеніи. Наконецъ, послышались шаги на дворѣ. Вошелъ Набрюшниковъ, остановился на порогѣ и пропустилъ впередъ другого доктора. Этотъ былъ въ нормальномъ положеніи. Онъ протянулъ руку мужу Марфы Васильевны, слегка пожалъ его руку, проговорилъ многозначительное: гм, и сталъ считать пульсъ.

— Тс-тс-тс, дѣло-то скверно... За льдомъ пошлите...—Набрюшниковъ ринулся къ дверямъ.

Марфа Васильевна зашевелила губами.

— Тс... произнесъ докторъ.

— Тс... повторилъ мужъ.

Набрюшниковъ остановился въ дверяхъ и приподнялся на цыпочки.

— Воронѣ гдѣ-то Богъ послалъ кусочекъ сыру, тихо проговорила Марфа Васильевна, проговорила и замолчала.

— Ну, и слава Богу, также тихо проговорилъ докторъ.

Набрюшниковъ вдругъ фыркнулъ.

— Что-же это, докторъ?

— Бредъ начинается, и весьма престранный бредъ. Холодные компрессы на голову,—непрерывные компрессы. Ледъ къ вискамъ.

— Ледъ къ вискамъ, машинально проговорилъ мужъ.

— Да-съ, горячка... и еще какая!.. Ну да натура-то славная, здоровая, можетъ, и выдержать; а не выдержать... А—что такое?

Докторъ обернулся. Мужъ Марфы Васильевны тихо рыдалъ.

— Ну, Господь съ вами, я уйду, говорилъ докторъ, — я вамъ лучше пришлю свою барыню.

XI.

Герой.

Мужъ Марфы Васильевны стоялъ надъ большой, чертежной доской и отмѣчалъ что-то циркулемъ. Топотъ коня на дворѣ заставилъ его поднять голову. Дверь слегка стукнула, онъ обернулся.

— Ну, Марта, спросилъ онъ, — какъ твое новое знакомство?

Марфа Васильевна не отвѣчала.

— Что такъ рано?... Онъ взглянулъ на нее пристальнѣе, и тотъ, слегка язвительный тонъ, который онъ хотѣлъ придать своему вопросу, замеръ у него въ горлѣ.

Передъ нимъ стояла не Марта, цвѣтущая, румяная, вѣчно веселая... Нѣтъ,—это была только ея тѣнь.

Волосы и платье въ беспорядкѣ, лицо блѣдное, какъ полотно, подъ глазами темные, синіе круги, и сами глаза такіе тусклые, такъ неопредѣленно смотрящія и какъ будто ничего невидящія, грязныя полосы пыли на лицѣ...

— Марта, голубчикъ, да что-же случилось такое?

Въ пылу энергіи, Марфа Васильевна выдержала всѣ нервныя потрясенія, испытанныя ею въ это утро, богатое событиями. Усиленная ѣзда верхомъ разбила ея тѣло, и только какое-то странное опьянѣніе,—этотъ экстазъ, охватившій ее,—поддерживало ея физическія силы. Но наступила реакція, экстазъ прошелъ.

— Марта, да скажи-же хоть слово, говорилъ ей мужъ и даже трясъ ее за плечи.

— Я спать хочу, прошептала она чуть слышно и пошатнулась. Онъ подхватилъ ее. Если-бы онъ этого не сдѣлалъ, то Марфа Васильевна не устояла-бы на ногахъ. Онъ чувствовалъ, какъ все тяжелѣе и тяжелѣе становилось это тѣло, ноги подгибались, и оно словно выскальзывало изъ рукъ. Онъ вѣрно стиснулъ свою жену и потащилъ ее волокомъ къ кровати. Руки повисли, ноги волочились по плитному полу, голова, словно у трупа, перегнулась на безжизненной шеѣ, и волосы мели эти кирпичныя плиты.

Маленькій котенокъ Марфы Васильевны стремительно рванулся изъ подъ дивана: ему хотѣлось поиграть этими длин-

ными, стелящимися по полу волосами, но на него чуть не наступилъ мужъ Марфы Васильевны, и котенокъ мяугнувъ жалобно и свернулся въ клубокъ на прежнемъ мѣстѣ.

Кое-какъ, съ трудомъ уложилъ онъ на постель свою жену и сталъ надъ нею въ раздумѣ. Онъ совсѣмъ потерялся и не зналъ, что дѣлать, къ чему приступить. Вдругъ глаза его упали на эти грязныя полосы, что шли вдоль всего лица, на эти тонкіе пальцы, выпачканные поводьями. Онъ схватилъ полотенце, намочилъ его и началъ отирать лицо и руки. Теръ долго, теръ усиленно; особенно возился онъ съ пальцами: черная маслянистая мазь не отставала; онъ даже мыломъ попробовалъ — и вдругъ хватилъ кулакомъ по лбу и бросилъ полотенце.

— Доктора, доктора! кричалъ онъ выбѣжавъ на улицу. Онъ хорошо зналъ всѣ адреса здѣшнихъ докторовъ, но въ эту минуту совершенно забылъ ихъ. Въ головѣ у него стоялъ какой-то сумбуръ.

Красивый офицеръ на красивомъ конѣ опять ѣхалъ, гарцуя мимо оконъ. Онъ ничего еще не зналъ о случившемся и катался, по обыкновенію, мимо окна, въ которомъ рассчитывалъ видѣть Марфу Васильевну.

— Что, кто боленъ? Кому доктора? спросилъ онъ, задержавъ коня у калитки дома.

— Ради Бога, скажите, какъ васъ, Набрюшниковъ, что-ли? везите доктора какого попало; всѣхъ... Да скорѣе!

— Марфа Васильевна?!

— Умираетъ. Умерла совсѣмъ! Да скорѣе-же, скорѣе!

Красивый офицеръ ловко повернулъ коня, пригнулся, шелкнулъ. Конь поддалъ задомъ, офицеръ очутился на шеѣ, однако справился и поскакалъ.

Мужъ Марфы Васильевны вбѣжалъ опять въ комнаты. Она лежала такъ-же неподвижно; изъ раскрытыхъ губъ чуть вылетало слабое дыханіе: она спала, повидимому. Но этотъ сонъ такъ похожъ былъ на смерть! Даже глаза не были' совсѣмъ закрыты и сквозь темныя, длинныя рѣсницы глядѣли безжизненно, тускло, неподвижно... Такъ именно смотрять незакрытые глаза покойника.

— Ну чтожь,—я ничего, говорилъ самъ съ собою мужъ Марфы Васильевны.—Надо ждать доктора; что я могу сдѣлать? А пока займусь дѣломъ... (онъ самъ собою бравиро-

Онъ на цыпочкахъ пошелъ къ дверямъ. Набрюшниковъ съ большою глыбою льда въ рукахъ попался ему на встрѣчу.

А въ тотъ-же вечеръ, въ ресторанѣ Тюльпаненфельда, рѣчь шла о событіяхъ дня. Говорили о болѣзни Марфы Васильевны, говорили о ея мужѣ.

— То-есть, въ жизни не видалъ я такой тряпки, говорилъ сановитый чиновникъ съ крестомъ на шеѣ.

— Кто это тряпка—кто? повернулся къ нему отъ прилавка докторъ.

— Да все онъ-же, мужъ Мар...

— Онъ тряпка, онъ?!—Это герой!

Гомерическій хохотъ раздался по всему залу ресторана. Докторъ вспылить. Онъ даже схватился за спину стула.

— Да, герой! кричалъ онъ.—Почище вашихъ всѣхъ хваленыхъ храбрецовъ. Что они сдѣлали, что?.. Передушили десятка три безоружныхъ сартовъ... Глиняные горшки брали подъ видомъ крѣпостей! а онъ ради своей „Марты“ самъ себя, безъ всякой пощады, душитъ за горло.

— Шампанскаго! реветъ кто-то въ толпѣ...

— Да кричалъ докторъ,—герой!. Почище самого Александра Мак!..

Онъ сильно качнулся, выпитое вино ударило ему въ голову.

— Герой... промычалъ онъ тихо, и сталъ размазывать по прилавку пальцемъ.

Н. Карзинъ.

(Продолженіе будетъ.)

ПЕРВОНАЧАЛЬНОЕ ОБРАЗОВАНИЕ ВЪ АНГЛІИ *).

I.

Еще при Альфредѣ Великомъ, т. е. въ концѣ восьмого вѣка мы видимъ, что въ Англіи основываются университеты и школы для всѣхъ классовъ гражданъ. Въ Карлейлѣ одна изъ такъ называемыхъ *grammar schools* возникаетъ уже въ XI вѣкѣ; четыре другихъ подобныхъ школы основаны тотчасъ послѣ реформаціоннаго движенія; болѣе трехсотъ подобныхъ школъ создаются въ XVII столѣтіи. Большая часть этихъ школъ возникаетъ по частной инициативѣ, что доказываетъ, что и общество, повидимому, не остается глухо къ требованіямъ образованія народа. Уже въ XVII столѣтіи изъ низшихъ слоевъ населенія выходятъ два замѣчательные писателя: сынъ мясника, сидѣлецъ суконщика Даниель де-Фозъ является творцемъ Робинзона Крузоэ; сынъ столяра, типографщикъ Ричардсонъ, пишетъ свою *Клариссу Гарловъ*. Повидимому, эти факты говорятъ, что вѣка проходили даромъ для народнаго образованія въ Англіи. А между тѣмъ, по официальнымъ даннымъ выходитъ, что въ 1816 году въ самомъ Лондонѣ изъ милліона населенія 200,000 человекъ не умѣли ни читать, ни писать. Когда-же въ сороковыхъ годахъ англійское правительство рѣшилось назначить комиссію, занявшуюся изслѣдованіемъ положенія дѣтей въ народѣ, то оказалось, что примѣры невѣжества были просто изумительны. „Въ Бирмингемѣ, говорятъ комиссаръ Гренгеръ, — всѣ вообще проэкзаменованныя мною дѣти совсѣмъ не намекали даже на что-нибудь, что можно-бы назвать образованіемъ. Хотя во всѣхъ шко-

*) *Wagner*: Das Volksschulwesen in England. 1864. — *L'instruction publique en Angleterre par Hippau*. 1872. — *Ludlow und Jones*: Die arbeitenden Klassen Englands. 1868. — *London Labour and the London Poor by Henry Mayhew*. London. 1862. — *Histoire des classes ouvrières en Angleterre par Nadaud*. 1872. — *Die Lage der arbeitenden Klassen in England von Engels*. 1848 — *Hausner*: Vergleichende Statistik. 1865. — *Maurice Block*: P'Europe, 1871 etc.

лахъ и дается почти исключительно религиозное образованіе, но они выказали на этотъ счетъ самое грубое невѣжество“. Въ Вольвергамптонѣ, рассказываетъ комиссаръ Горнъ, — я нашелъ между прочимъ слѣдующіе примѣры: одна дѣвочка 11 лѣтъ была въ недѣльной и воскресной школахъ, но она никогда не слыхала о другомъ свѣтѣ, о небѣ и о другой жизни. Другая дѣвушка 17 лѣтъ не знала, сколько выйдетъ, если сложить два и два, не знала, сколько фартинговъ ($\frac{1}{4}$ пенни) заключается въ 2 пенсакъ, не знала даже и тогда, когда деньги находились у нея въ рукахъ. Нѣкоторые мальчики не слыхали ничего о Лондонѣ и даже Вилленголтѣ, хотя послѣдній находился только на часъ ходьбы отъ мѣста ихъ жительства и былъ въ постоянныхъ сообщеніяхъ съ Вольвергамптономъ. Другіе никогда не слыхали именъ королевы, Нельсона, Веллингтона, Бонапарта. Но что поразительнѣе всего, такъ это то, что явны изъ дѣтей, не слыхавъ ничего о св. Павлѣ, о Моисей или Саломонѣ, имѣли очень основательныя свѣденія о Дикѣ Тёрпинѣ, уличномъ разбойникѣ, и въ особенности о Жакѣ Шипшардѣ, ворѣ и бѣглецѣ изъ тюрьмы. Одинъ мальчуганъ 16 лѣтъ тоже не могъ сказать, сколько выйдетъ, если сложить два и два, и сколько выйдетъ изъ четырехъ фартинговъ. Семнадцатилѣтній юноша полагалъ, что десять фартинговъ—это десять полупенсовъ, а третій юноша 17-ти-же лѣтъ отвѣтилъ на очень простые вопросы, что онъ не знаетъ ничего ни о чемъ — he was no judge o'nothin. Эти дѣти, учившіяся по четыре года, иногда по пяти лѣтъ религиознымъ догматамъ, выходили изъ школъ такими же невѣждами, какими были и прежде. „Дети, говорятъ officialный отчетъ, посѣщавшее акуратно втеченіи пяти лѣтъ воскресную школу, не знаютъ, что былъ Иисусъ Христосъ, хотя слышало мелькомъ его имя; оно не слышало никогда о двѣнадцати апостолахъ, Самсонѣ, Моисей, Ааронѣ и т. д.“. „Другое дитя, посѣщавшее школу шесть лѣтъ, знаетъ, кто былъ Христосъ, и говорить, что „онъ умеръ на крестѣ, чтобы пролить свою кровь и освободить нашего искупителя“. Оно никогда не слыхало объ апостолахъ Петрѣ и Павлѣ. „Третье дитя было семь лѣтъ въ разныхъ школахъ, умѣетъ читать только въ *тоненькихъ* книжкахъ легкія односложныя слова; объ апостолахъ слыхало, но не знаетъ, были-ли это св. Петръ или св. Іоаннъ или св. Іоаннъ Уислей“. „На вопросъ, кто былъ Иисусъ Христосъ, Горну между прочимъ отвѣтили: „апостоль“, „сынъ господина нашего искупителя“ (he was the Saviour's Lord's Son), „это былъ Адамъ“, наконецъ, одинъ шестнадцатилѣтній юноша отвѣтилъ: „онъ былъ давно, давно королемъ въ Лондонѣ“. Въ Шеффилдѣ комиссаръ Симсонъ заста-

вилъ учениковъ въ воскресной школѣ читать. Они не могли разсказать, что они прочли, не могли объяснить, что за люди были апостолы, о которыхъ они только-что читали. Наконецъ, когда были спрошены всѣ и не получилось ни одного правильнаго отвѣта, одинъ маленькій, лукаво-смотрявшій мальчикъ съ большою увѣренностью воскликнулъ: „я знаю, господинъ, — это были изгнанники!“ Пятнадцатилѣтній Вильямъ Смитъ говорить: „Богъ сдѣлалъ мужчину, а мужчина сдѣлалъ женщину“. Генри Матьюмэнъ, семнадцати лѣтъ, поясняетъ: „Хожу иной разъ въ церковь... Тотъ человекъ, о которомъ они проповѣдуютъ, былъ какой-то Иисусъ Христосъ; никакихъ другихъ именъ я назвать не могу, да и о немъ ничего сказать не могу. Онъ не былъ умерщвленъ, а умеръ, какъ и всѣ прочіе люди. Онъ не былъ, нѣкоторымъ образомъ, таковъ, какъ другіе люди, потому-что онъ былъ, нѣкоторымъ образомъ, религіозенъ, а другіе люди не есть религіозны“. Джонъ Моррисъ 14 лѣтъ предполагаетъ, что человекъ былъ маленькой птичкой. Гейнсъ говорить, что „король — это королева и зовутъ ея принцессой Александрой, которая вступила въ бракъ съ королевскимъ сыномъ, а сама принцесса — мужчина“ и т. д.

Читая всѣ эти официальные показанія, можно подумать, что присутствуешь въ домѣ сумасшедшихъ. Но если таковы свѣденія этихъ дѣтей о Богѣ, о королевѣ, то-есть о предметахъ, почти исключительно преподававшихся въ воскресныхъ школахъ, содержащихся большею частью англійскимъ духовенствомъ, то можно себѣ представить, каковы были остальные познанія этихъ дѣтей.

Такое печальное положеніе народнаго образованія въ Англій до-статочно показываетъ, что втеченіи десяти вѣковъ, прошедшихъ со смерти Альфреда Великаго, несмотря на всѣ усилія и стремленія англійскаго общества, народное образованіе очень мало по-двинулось впередъ, что въ это дѣло вкралось много злоупотребленій и ошибокъ.

Но гдѣ-же причины этихъ злоупотребленій и ошибокъ?

II.

Старая аристократія Англій, долго державшая въ своихъ рукахъ власть, считала ненужнымъ народное образованіе, — это было главною причиною того, что въ старой Англій въ правительственныхъ сферахъ никто серьезно не заботился о народныхъ школахъ вообще. Но рядомъ съ аристократіею стояло духовенство, сначала

старавшееся привлечь въ свою среду талантливыхъ людей изъ среды народа, а потомъ считавшее нужнымъ распространить извѣстную долю образованія, чтобы на вербовать послѣдователей реформаціоннаго движенія, — это было главною причиною того, что до реформаціи мы встрѣчаемъ школы при отдѣльныхъ большихъ монастыряхъ, а потомъ и мелкія приходскія школы, открывавшія все большій и большій просторъ для народнаго образованія. Вслѣдствіе всего этого заботились не объ образованіи народа вообще, а о развитіи въ народѣ извѣстныхъ взглядовъ на религиозные вопросы. Все образованіе народа, гдѣ оно и было, сводилось на изученіе катехизиса. Но и эта сторона народнаго образованія давала кое-какіе результаты только во время реформаціи, потомъ-же стали пренебрегать и ею, такъ-какъ реформація была уже совершившимся фактомъ.

Болѣе серьезныя попытки образовывать народъ относятся собственно къ восемнадцатому столѣтію. Такъ кое-что было сдѣлано при помощи дѣятельности основаннаго въ 1698 г. общества распространенія христіанскихъ познаній—*Society for promoting Christian knowledge*. Это общество находилось подъ предсѣдательствомъ кентерберійскаго архіепископа и имѣло членами комитета всѣхъ англійскихъ епископовъ. Дѣятельность этого общества была разнообразна: оно издавало и распространяло написанныя для народа книги, продавало по дешевой цѣнѣ библіи, заботилось объ образованіи бѣдныхъ дѣтей и занималось миссіонерскою дѣятельностью въ Индіи. До 1750 г. оно создало до 1,600 вольныхъ школъ для бѣдняковъ. Въ 1801 г. изъ этого общества выдѣлилось новое общество *Society for the Propagation of the Gospel in Foreign Parts*, и въ 1811 г. изъ этого общества образовалось большое національное общество школьнаго образованія, принявшее на себя заботу о школахъ, основанныхъ духовенствомъ господствовавшей церкви. Какъ сильно заботилось это общество о распространеніи книгъ, видно изъ того, что на этотъ предметъ шло до 16,000 фунтовъ стерлинговъ въ годъ. Но каждая медаль имѣетъ и свою обратную сторону. Мало того, что въ этихъ школахъ очень часто не учили читать и большею частью вовсе не обучали письму, — нѣтъ, дѣло было еще хуже. Духовенство Англій дѣлало сборы на школы, оно принимало на этотъ предметъ богатые пожертвованія и наслѣдства и пришло къ довольно вѣрному разсчету, что деньги пригодятся и ему самому, а школы могутъ быть мертвою буквою, могутъ значиться только на бумагѣ. «Трудно повѣрить, говоритъ Надо, что директора школъ, члены духовенства, кончили тѣмъ, что присвоили огромные доходы, назначенные на воспитаніе дѣ-

тей». Въ засѣданіи 16 мая 1816 г. Брумъ сдѣлалъ убійственныя открытія, вызвавшія въ странѣ крикъ всеобщаго негодованія. Оказалось, что норфолькская школа, основанная въ 1680 году, съ доходомъ въ 7,500 франковъ, могущая воспитать 40 человекъ дѣтей, не обучала ни одного ребенка втеченіи 13 лѣтъ. Въ Дербишэйрѣ была та-же кража. Въ графствѣ Эссексъ тоже. Въ Ноттингэмшэйрѣ тоже. Въ Ворчестершэйрѣ тоже. Въ Норсъ-Риддингѣ въ Йоркшэйрѣ школа съ доходомъ въ 1,300 фунт. стерл. обучала только 6 учениковъ, остальные-же суммы всѣ уходили на директоровъ. Брумъ доказалъ, что большая часть духовныхъ завѣщаній, оставлявшихъ деньги на народныя школы, утаена. Когда Брумъ говорилъ свою рѣчь, старые торы смѣялись и хотѣли заглушить его голосъ. «Я угадываю, раздражительно воскликнулъ онъ, — что мой проектъ имѣеть мало шансовъ на вниманіе тѣхъ, которые заботятся только объ интересахъ королевской фамліи и привилегіяхъ палаты, но я являюсь здѣсь для исполненія своего долга и съумѣю защитить права тѣхъ, которые не имѣють другихъ адвокатовъ».

Нѣсколько иное положеніе замѣчалось въ воскресныхъ школахъ, которыя возникли, благодаря издателю глучестерскаго журнала, Баптисту-Роберту Райксу. Онъ первый заговорилъ о воскресныхъ школахъ и сталъ собирать по воскресеньямъ въ соборѣ дѣтей, учителей и учительницъ. Его примѣръ не пропалъ даромъ: въ 1785 году было учреждено общество для распространенія воскресныхъ школъ—Society for the Support and Encouragement of Sunday-Schools throughout the British dominions—общество, поддерживавшееся какъ господствовавшюю церковью, такъ и диссентерами. Разныя приходскія церкви приняли живое участіе въ этомъ дѣлѣ. Главнымъ предметомъ образованія оставалась и здѣсь религія, но уже къ ней присоединялось обученіе чтенію, а иногда и письму, чего очень часто не было въ другихъ духовныхъ школахъ, гдѣ дѣти порою не умѣли читать. Впрочемъ, духовенство и здѣсь боролось противъ обученія письму, такъ какъ это дѣло свѣтское и его грѣшно дѣлать въ воскресные дни. Воскресныя школы устраивались въ церквахъ, часовняхъ, особыхъ домахъ; преподаваніе обыкновенно происходило отъ 9—10¹/₂ часовъ утра и отъ 2—4 часовъ послѣ обѣда; ученики принимались бесплатно, только иногда имъ ставилось въ условіе присутствованіе при богослуженіи; учителя и учительницы были тоже даровые и только около 4% изъ нихъ получали плату; учителя и учительницы состояли изъ прихожанъ, большею частью изъ работниковъ, иногда-же изъ людей высшихъ сословій. Какъ сильно было численное развитіе воскресныхъ школъ

вообще, это видно изъ того, что на помощь имъ было основано 8 еженедѣльныхъ изданій, расходившихся въ 110,000 экземпляровъ, потомъ одно изданіе, выходившее четыре раза въ годъ, и 8 ежегодно появлявшихся сборниковъ. Кромѣ того издавалось множество руководствъ и пособій, предназначенныхъ исключительно для подобныхъ школъ. Для самихъ учителей и учительницъ воскресныхъ школъ учреждались вечерніе классы, гдѣ объяснялись различные методы преподаванія. Нѣкоторыя воскресныя школы посѣщались только дѣтьми, другія и взрослыми. Въ нѣкоторыхъ округахъ эти школы посѣщали 36 и даже 52% населенія. Порою среди учениковъ встрѣчались мужчины и женщины 60—80 лѣтъ. Эти школы были хорошимъ оружіемъ въ рукахъ духовенства для пропаганды извѣстныхъ идей и это понимали особенно хорошо диссентеры, которымъ нужно было имѣть вѣрныя средства для удержанія въ своихъ рукахъ извѣстной части массы. Такимъ образомъ, и здѣсь, несмотря на сильное развитіе воскресныхъ школъ, несмотря на рвеніе учителей и учительницъ, главный вопросъ былъ не въ образованіи народа, а въ направленіи умовъ въ извѣстную сторону. Разныя секты старались воспользоваться школами, какъ средствомъ къ проведенію въ массы извѣстныхъ идей, и потому ученики часто вовсе не умѣли читать и писать, но зато умѣли вкривь и вкось толковать извѣстныя мѣста священнаго писанія.

Кромѣ этихъ школъ въ Англіи существовали въ прошломъ столѣтіи еще частныя школы *private schools*. Эти школы не могутъ быть причислены вполнѣ къ народнымъ школамъ, но нѣкоторыя изъ нихъ посѣщались и дѣтьми изъ низшихъ сословій, когда за обученіе бралось не болѣе 1 ф. стер. за четверть года. Эти школы дѣлятся на двѣ части, на такъ называемыя *Dame-Schools* и на *Private Adventure Schools* или *Common Private Day-Schools*. Первыя школы просто пріюты, гдѣ главную роль играетъ не столько ученье, сколько возможность освободиться отъ дѣтей втеченіи дня. Ихъ положеніе очень грустное; оно служило темой для множества возмутительныхъ сценъ въ романахъ. Ихъ содержатъ неспособные мужчины и женщины преклонныхъ лѣтъ, неимѣющіе куска хлѣба. Эти учителя и учительницы берутъ дѣтей, продолжая заниматься постороннимъ дѣломъ, шитьемъ, стиркою, торговлею и т. п. Эти школы гораздо хуже даже большинства тѣхъ учебныхъ заведеній, которыя существуютъ у насъ съ стереотипными маленькими вывѣсками: школа, *Schule*, *école*. По отчетамъ статистическаго общества въ тридцатыхъ годахъ видно, напримѣръ, что въ одной *Dame-Schools* было 11 учениковъ въ маленькой каморкѣ, гдѣ лежалъ

одинъ ребенокъ, изъ собственныхъ дѣтей учительницы, больной корью; другое дитя учительницы умерло за нѣсколько дней отъ той-же болѣзни, въ этой-же комнатѣ; а 30 остальныхъ учениковъ не посѣщали школу потому, что лежали дома больными тою-же болѣзнию. Другая подобная школа содержалась слѣпымъ мужчиною, который выслушивалъ, какъ читали ученики, и совершенно бессмысленно объяснялъ имъ прочитанное. Но и подобная профессорская дѣятельность слѣпца должна была нерѣдко прерываться, такъ какъ ему приходилось помогать женѣ въ ея занятіяхъ по хозяйству. Въ третьей школѣ двадцать учениковъ помѣщались на полу, такъ какъ въ школѣ не было ни стульевъ, ни скамеекъ, ни другой какой-нибудь мебели; учитель объяснялъ, что взимаемая съ учениковъ плата слишкомъ недостаточна для заведенія такой роскоши, какъ мебель. Обыкновенно во всѣхъ школахъ на все число учениковъ приходилось по двѣ, по три кѣйги; иногда-же книгъ не было и вовсе и все предоставлялось дѣлу случая: принесетъ или не принесетъ кто-нибудь изъ учениковъ книгу или какой-нибудь лоскуточекъ изъ книги. Только въ очень рѣдкихъ случаяхъ учительницы сами запасались книгами, но и въ этихъ случаяхъ запасы бывали крайне скудны. Школы, въ которыхъ дѣла шли лучше, взимали съ учениковъ большую плату и уже потому не могли причисляться къ разряду народныхъ школъ. Въ очень незначительной степени лучше было положеніе такъ называемыхъ Private Adventure Schools; и здѣсь главный недостатокъ чувствовался въ учителяхъ. Въ Англіи, даже и въ началѣ нынѣшняго столѣтія, учителей было очень мало и въ общественныхъ и въ частныхъ школахъ. Сюда шли люди, ни къ чему другому негодные или случайно попавшіе въ нужду. Прежніе брадобреи, матросы, солдаты, торговки, отцвѣтшія развратницы, модистки и тому подобный людъ основывалъ на старости лѣтъ школы. Никто не считался слишкомъ старымъ, слишкомъ неспособнымъ, слишкомъ невѣжественнымъ, слишкомъ слабымъ, когда шла рѣчь объ учительской дѣятельности или о содержаніи школы. Педагогическая дѣятельность считалась самымъ легкимъ дѣломъ. Еще при ревизіи 1851 года 708 учителей и учительницъ изъ приватныхъ школъ и 35 учителей изъ общественныхъ школъ умѣли подписывать свои фамиліи не иначе, какъ тремя крестами. Какъ-же подписывались ихъ ученики, если предположить, что ученики знали меньше учителей? Эти школы имѣли большею частью временной характеръ: ихъ открывали и закрывали, смотря по домашнимъ обстоятельствамъ; учрежденіе ихъ не требовало никакихъ расходовъ, такъ какъ на обстановку не обращали вниманія, а помѣщаться школа могла

хоть въ клѣву; если предпріятіе шло плохо, предприниматели брались за какое-нибудь другое дѣло; учителя, конечно, занимались по возможности дурно со своими учениками и давали имъ образование, сообразуясь съ платою, т. е. учили больше тѣхъ, кто платилъ больше. Всѣ эти школы обыкновенно дѣлились на женскія и мужскія, но, почти постоянно, среди массы мальчиковъ встрѣчались двѣ-три дѣвочки и на оборотъ. Въ лучшихъ изъ этихъ школъ учили читать, писать и считать, иногда преподавали частицу грамматики и географіи. Доступъ въ эти школы былъ открытъ дѣтямъ мелкихъ ремесленниковъ и торговцевъ. Нечего, разумѣется, говорить о томъ, что хорошіе результаты, даваемые подобными школами, равнялись почти нулю, — все-же дурное прививалось въ этихъ школахъ къ дѣтямъ довольно успѣшно и быстро.

Въ 1803 году число всѣхъ учениковъ въ Англіи и Валісѣ, посѣщавшихъ ежедневные классы, равнялось 900,000 человѣкамъ изъ 2,200,000 дѣтей, способныхъ посѣщать школы и одинъ ученикъ приходился на 1,700 жителей. Сама по себѣ эта цифра была довольно неутѣшительна, но кромѣ того, послѣ всего сказаннаго, нельзя предполагать, что хотя одинъ изъ ста учениковъ всѣхъ этихъ школъ вынесъ хоть какой-нибудь запасъ знаній. По большей части эти дѣти, конечно, умѣли подобно своимъ учителямъ въ крайнемъ случаѣ только подписывать свои фамиліи тремя крестами.

III.

Такимъ образомъ, въ началѣ нынѣшняго столѣтія англійское правительство вовсе не заботилось о народномъ образованіи, предоставивъ его вполнѣ частной инициативѣ; господствующая церковь, утвердившись окончательно и уже не нуждаясь въ вербовкѣ послѣдователей изъ народа, не боялась никакого контроля и рассчитала, что ей гораздо выгоднѣе присвоивать, а не тратить тѣ суммы, которыя даются ей на народныя школы; нѣсколько болѣе заботились о народномъ обученіи разные сектанты, но и они, по выраженію Энгельса, болѣе портили, чѣмъ поправляли каждое дѣло, за которое они принимались. Вслѣдствіе этого положеніе народныхъ школъ было самое плачевное и трудно было предвидѣть откуда придутъ на помощь этому дѣлу люди, зная неразвитость массъ, возрѣніе аристократіи на образованіе народа и полное бездѣйствіе властей по этому вопросу.

Но Англія чрезвычайно счастлива тѣмъ, что въ ней всегда на-

ходятся энергичные люди, рѣшающіеся идти безъ всякой посторонней помощи противъ предрассудковъ и злоупотребленій всего общества. Эти отважные и могучіе вожаки выдѣляются въ Англіи изъ толпы, ставятъ свое знамя и при помощи упорной пропаганды привлекаютъ къ нему послѣдователей и пробиваютъ съ ними новый путь безъ всякихъ насилій, безъ всякихъ катастрофъ, какъ это бываетъ во Франціи. Всѣ эти Коббетты, Оуэны, Белли, Ланкастеры и тому подобные люди являются въ Англіи двигающими силами и оставляютъ въ исторіи ея развитія по пути прогресса самыя неизгладимыя слѣды. Иногда нельзя не удивляться, читая исторію подобныхъ дѣятелей: несмотря на бѣдность, несмотря на трудность борьбы съ предрассудками, несмотря на ширину задачъ, взятыхъ этими людьми на себя, они упорно идутъ къ своей цѣли и, нужно сказать къ чести Англіи, почти всегда разумный голосъ подобныхъ дѣятелей, наконецъ, привлекаетъ къ себѣ вниманіе общества и оно вступаетъ на указываемый ему путь.

Новымъ фазисомъ развитія въ дѣлѣ народнаго образованія Англіи тоже обязана инициативѣ отдѣльнаго лица.

Мы мелькомъ упомянули о томъ, что лордъ Брумъ поднялъ въ парламентѣ вопросъ о народномъ образованіи и въ отвѣтъ на его рѣчь послышался смѣхъ и шумъ на всѣхъ скамьяхъ. Дѣйствительно, казалось, что смѣшно говорить съ такою торжественностью и пафосомъ этимъ господамъ о дѣлѣ, которому они не придаютъ ровно никакого серьезнаго значенія. Повидимому, еще смѣшнѣе было надѣяться, что какой-нибудь нищій школьный учитель можетъ расшевелить эти сонные умы, этихъ людей, погруженныхъ въ грошевыя расчеты, этихъ политическихъ интригановъ. А между тѣмъ именно этою цѣлью задался Ланкастеръ.

Джозефъ Ланкастеръ родился въ 1778 году, въ Лондонѣ, въ одномъ изъ самыхъ бѣдныхъ, въ одномъ изъ самыхъ угрюмыхъ кварталовъ, гдѣ царствуютъ всѣ пороки самой страшной нищеты. Его отецъ занимался ремесломъ корзинщика въ одной изъ улицъ, гдѣ оборванное и грязное населеніе жметъ въ сырыхъ подвельяхъ, служащихъ ему притономъ. Среди брошенныхъ и забытыхъ дѣтей, среди возмутительныхъ картинъ лондонскаго разврата, среди голода и холода росъ маленькій Джозефъ. Къ его счастью, въ этой мѣстности основалась небольшая школа однимъ изъ квакеровъ, къ которому и сталъ ходить мальчикъ учиться. Любовь къ наукѣ была такъ сильна въ ребенкѣ, что его отецъ могъ съ трудомъ удержать сына подлѣ себя для плетенія корзинъ. Однако, до 18 лѣтъ Джозефу пришлось быть помощникомъ отца. Только въ этомъ возрастѣ ему удалось упротить отца и мать дать ему

уголъ комнаты, гдѣ-бы онъ могъ обучать чтенію и письму нѣсколькихъ товарищей-сосѣдей. Родители согласились на эту уступку, и квакеръ, старый учитель Джозефа, помогъ юношѣ основать школу. Съ этой минуты поведение Джозефа дѣлается такъ строго, такъ безупречно, что отецъ и мать уже не рѣшаются оказывать хотя какое-нибудь сопротивленіе его стремленіямъ. Его маленькій уголокъ быстро наполняется учениками и уже становится слишкомъ тѣсенъ для нихъ. Джозефъ нанимаетъ болѣе обширное помѣщеніе. Но какъ быть: и учитель и ученики — нищіе, у нихъ нѣтъ денегъ на книги, на бумагу, на чернила. Подъ гнетомъ этой нищеты Джозефу приходитъ счастливая мысль писать уроки, задаваемые ученикамъ, на стѣнахъ комнаты. Та-же нужда заставляетъ его придумать устройство ящичковъ съ пескомъ, на которомъ дѣти писали-бы азбуку. Но это не все: добродушный и мягкій юноша бралъ съ учениковъ очень недорого за ученіе, но большая часть не могла платить и этихъ небольшихъ суммъ, вслѣдствіе этого онъ бралъ все большее и большее число даровыхъ учениковъ; но при этомъ все больше и больше уменьшался его бюджетъ, тогда какъ школа разрасталась и требовала уже не одного учителя. Тогда-то этотъ бѣдный работникъ изобрѣлъ новую методу обученія народа при помощи народа. Въ 1798 году онъ обнаружилъ небольшое руководство, гдѣ разъяснялись всѣ его попытки и съ этого-же времени его система обученія—*monitor-system*—получаетъ право гражданства въ Англіи, а черезъ нѣсколько лѣтъ облетаетъ весь свѣтъ.

Не мало сомнѣній, не мало опасеній возбуждала въ самомъ Ланкастерѣ его система. Иногда его школьные помощники, т. е. старшіе ученики, обучавшіе младшихъ, были слишкомъ суровы съ дѣтьми, иногда они относились небрежно къ своему дѣлу. Это заставило его устроить высшіе классы для подготовки самихъ школьных помощниковъ къ исполненію ихъ обязанностей. Онъ надѣялся, что изъ этихъ помощниковъ со временемъ выйдутъ и распространители школъ, основанныхъ по образцу его школы.

Одно обстоятельство дало возможность этому человѣку обратить на себя еще большее вниманіе ближнихъ.

Въ 1800 году въ Англіи былъ неурожай и голодъ. Хлѣбъ поднялся въ цѣнѣ вдвое противъ прежняго. Это лишило возможности многихъ родителей платить за своихъ дѣтей, обучавшихся въ школѣ Ланкастера. Но онъ не отпустилъ учениковъ, оставилъ ихъ въ школѣ, не требуя платы, и даже, при помощи подписки и сборовъ, прокормилъ втеченіи года 80 учениковъ. Съ этой минуты его честное и прекрасное поведение привлекло къ нему симпатіи

всѣхъ его сосѣдей и всего его прихода. Сдѣлавъ еще разъ подписку на бѣдныхъ, онъ могъ принять въ свою школу еще сто учениковъ. Его приходъ, глубоко вѣря въ его честность, въ его преданность дѣлу, собралъ деньги для постройки ему болѣе обширнаго учебнаго заведенія. Одушевленный успѣхомъ, онъ уже не считалъ своего дѣла какимъ-нибудь частнымъ и временнымъ явленіемъ; онъ, какъ всѣ люди, глубоко убѣжденные въ святости своего труда, считалъ себя призваннымъ къ великой миссіи распространенія образованія не только среди своего народа, но среди всего человѣчества. Эта мысль заставляла его дѣйствовать еще неутомимѣе, еще энергичнѣе, неотступая ни передъ чѣмъ. Изъ добродушнаго и скромнаго учителя бѣдной школы выработался могучій общественный дѣятель, готовый пожертвовать всѣмъ до послѣдней капли крови за свое дѣло. Уже такіе люди, какъ герцогъ Бедфордъ и лордъ Соммервилъ, стояли въ числѣ его поклонниковъ и почитателей. Уже его школа, имѣвшая въ 1800 году не болѣе 300 учениковъ, могла въ 1801 году вмѣщать въ себѣ 1000 учениковъ. Въ 1805 году при помощи своихъ сестеръ онъ, въ зданіи своей школы, основалъ промышленную школу для 200 бѣдныхъ дѣвушекъ и издалъ въ это-же время подробное описаніе своихъ учрежденій. Тогда-то пріѣхавшій къ нему король Георгъ III въ сопровожденіи всей королевской фамиліи внесъ значительную сумму въ пользу ланкастерскихъ учрежденій и сказалъ памятные слова: „Я желалъ-бы, чтобы каждый бѣдный ребенокъ въ моемъ государствѣ могъ читать библію“. Посѣщеніе королемъ этого чело-вѣка было многозначительно и дѣлало честь Георгу III, тѣмъ болѣе, что этотъ чело-вѣкъ не имѣлъ никакого официального значенія, вышелъ изъ массы, не заручился никакими дипломами и былъ почти юноша.

Съ этой минуты дѣло Ланкастера было окончательно утверждено. Его школа получила названіе: The Royal free School, Borough Road, и самъ Ланкастеръ предпринялъ путешествіе по тремъ соединеннымъ королевствамъ, читая лекціи о своей методѣ и помогая возникновенію новыхъ школъ, основывавшихся по образцу его училища. Быстро возникло множество подобныхъ заведеній и въ 1811 году въ нихъ обучались тысячи дѣтей. Такъ какъ ощущался недостатокъ въ учителяхъ и учительницахъ, то собственная школа Ланкастера посвятила свои силы подготовленію учителей и учительницъ и явилась, такимъ образомъ, первою англійскою учительскою семинаріею.

Но если вся общественная дѣятельность Ланкастера возбуждаетъ невольное удивленіе, то еще большее удивленіе должны воз-

будеть его умѣнье, его рѣшимость отказаться отъ всякихъ сектаторскихъ предразсудковъ. Энергичные и умные люди встрѣчаются нерѣдко, особенно въ Англіи, но чрезвычайно рѣдко встрѣчаются люди, которые рѣшаются не навязывать насильно человѣчеству и не примѣшивать къ постороннему дѣлу своихъ личныхъ религиозныхъ взглядовъ, своихъ сектаторскихъ убѣжденій;—которые въ такомъ дѣлѣ, какъ школьное обученіе, смотрятъ одинаково на магометанина и еврея, на католика и протестанта, и которые дѣлаютъ это не ради пошлаго индеферентизма, а ради того, что имъ дорогъ человѣкъ самъ по себѣ. Чѣмъ религиознѣе человѣкъ, тѣмъ труднѣе ему отрѣшиться отъ навязыванія своихъ вѣрованій тѣмъ людямъ, судьба которыхъ находится въ его рукахъ. Ланкастеръ отличался именно этою терпимостью и въ этомъ складѣ его ума, такъ-же какъ и его характеръ и вся его дѣятельность, ближе всего подходитъ къ складу ума Роберта Оуэна. Ланкастеръ былъ квакеръ. Какъ англичанинъ, онъ былъ крайне религиозенъ. Но онъ сумѣлъ отдѣлить дѣло обученія народа отъ дѣла своихъ религиозныхъ воззрѣній, хотя главная черта его системы была та, что онъ считалъ необходимымъ дать обученію религиозный характеръ. По его мнѣнію, школьное образованіе было тѣмъ благомъ, которое одинаково важно для всего человѣчества и которое потому должно принадлежать всему человѣчеству. Конечную цѣлью образованія должно быть пріобрѣтеніе мношествомъ полезныхъ свѣденій и возможность читать и понимать священное писаніе и требованія христіанства. Но такъ какъ христіанство распадается на множество вѣроисповѣданій и сектъ, то школа, по его мнѣнію, должна занимать дѣтей только чтеніемъ библіи, обходя всѣ спорныя мѣста и разнорѣчивыя толкованія. Этимъ, по его словамъ, можно достигнуть того, что школа не будетъ посвящена исключительно одному какому-нибудь отдѣлу народной массы, а будетъ доступна всѣмъ. Кромѣ того, замѣчаетъ онъ, у народа слишкомъ мало времени для ученія и потому оно должно идти на пріобрѣтеніе полезныхъ практическихъ знаній и на непосредственное ознакомленіе съ священнымъ писаніемъ, на сектаторскія-же тонкости нельзя отнимать немногихъ лѣтъ, посвящаемыхъ школьному образованію народа. Что-же касается до объясненія догматовъ той или другой секты, то это дѣло должно всецѣло принадлежать родителямъ и духовенству, и въ этомъ случаѣ подспорьемъ могутъ служить воскресныя школы. Нужно было имѣть много любви къ своему дѣлу, много самообладанія, чтобы, будучи квакеромъ, не свести дѣло народнаго обученія на сектаторскую пропаганду и не превратить его изъ общенароднаго дѣла въ ин-

тригу извѣстной секты. Это была бесспорно одна изъ самыхъ важныхъ заслугъ Ланкастера и одно изъ величайшихъ свидѣтельствъ его сильнаго ума и широкихъ взглядовъ на дѣло.

Итакъ, Ланкастеръ выдвинулся впередъ, онъ сталъ значительнымъ лицомъ, онъ велъ общество на новый путь. Этого было довольно, чтобы въ него полетѣли комки грязи, что-бы его марали клеветою, что-бы его бранили на всѣхъ перекресткахъ.

Пришлось выдержать подобную борьбу и Ланкастеру.

IV.

Духовенство господствовавшей въ Англіи церкви никакъ не могло понять, что Ланкастеръ искренно и честно отказался отъ всякой сектаторской пропаганды въ своихъ школахъ, и думало, что онъ желаетъ подорвать авторитетъ господствовавшей религіи. Врагъ казался тѣмъ опаснѣе, чѣмъ больше силы было въ его рукахъ. Съ этой минуты начались преслѣдованія. Рядомъ съ грязною сплетнею о томъ, что Ланкастеръ употребляетъ общественныя деньги для личнаго обогащенія, — сплетнею, легко опровергавшеюся фактами, вездѣ начали распространять болѣе опасныя слухи, что обученіе, введенное Ланкастеромъ, противорѣчитъ библіи. Это мнѣніе стали раздѣлять нѣкоторые члены парламента и профессора. Говорили, что его образованіе не религіозно, такъ какъ оно ограничивается знакомствомъ съ священнымъ писаніемъ и не излагаетъ догматовъ господствовавшей церкви. Слухи стали до того упорны и настойчивы, что дошли до короля, и король обратился къ Ланкастеру съ слѣдующимъ письмомъ: „Если-бы вы, милостивый государь, могли совершенно искренно, по совѣсти обратиться къ нашимъ обрядамъ, я сдѣлалъ-бы для васъ все, чего вы пожелали-бы. Вамъ стоитъ только захотѣть“. „Я этого не сдѣлаю“, лаконически отвѣчалъ Ланкастеръ. Онъ сдержалъ слово и рѣшился жить по старому, въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ, но не согласился отступить ни на югу отъ своихъ убѣжденій. Клевета-же дѣлала успѣхи. Число учениковъ нѣсколько убавилось. Кредиторы стали настойчиво преслѣдовать Ланкастера. У него было долга на 85,000 франковъ, долга, вызваннаго многочисленными постройками школъ, которыя не приносили почти ничего. Но общество не отшатнулось отъ этого человѣка: такъ одинъ булочникъ, Фоксъ, заплатилъ сполна долги Ланкастера. Герцогъ Бедфордъ, отецъ лорда Джона Росселя, поддерживалъ Ланкастера

деньгами и письмами. Онъ основалъ одну школу въ Вобёрнѣ и посылалъ туда учиться своихъ дѣтей. Въ 1809 году онъ писалъ Ланкастеру: „Получилъ я, милостивый государь, ваше письмо отъ 14 октября. Мои дѣти обучились въ вашей школѣ и я очень радъ, что могу сообщить вамъ о томъ, что мы скоро будемъ имѣть еще одну школу для дѣвочекъ“. Нравственное вліяніе отношеній герцога Бедфорда къ Ланкастеру и его дѣлу было очень велико. Въ слѣдующемъ году Ланкастеръ предпринялъ второе путешествіе. Онъ прочелъ 66 лекцій и 23,000 слушателей внесли 175,725 фр., на школы. Это дало ему возможность основать еще 50 школъ, гдѣ обучалось до 14,500 бѣдныхъ дѣтей. Въ это время вожаки и представители либеральной партіи выразили глубокое сочувствіе дѣлу Ланкастера. Джакъ Милль, Джозефъ Юмъ, Генри Брумъ, Робертъ Оуэнъ явились защитниками и помощниками Ланкастера. Одинъ Робертъ Оуэнъ далъ ему 25,000 франковъ, другіе внесли по 15 и по 10 тысячъ.

Духовенство видѣло, что его словесныя интриги и клеветы не ведутъ въ сущности ни къ чему. Оно все болѣе и болѣе страшилось за то обстоятельство, что національное образованіе выскользнетъ изъ его рукъ и устроится безъ его помощи, независимо отъ него. Нужно было помочь этому дѣлу, нужно было выставить кого-нибудь, кто могъ-бы соперничать съ Ланкастеромъ. Такой конкурентъ явился въ лицѣ Андрю Белля.

Белль родился въ шотландскомъ университетскомъ городѣ С.-Андрюсъ въ 1753 году. Здѣсь онъ изучалъ теологію, потомъ занималъ мѣсто священника епископальной церкви. Потомъ онъ уѣхалъ въ Мадрасъ и въ 1789 году принялъ здѣсь безвозмездно мѣсто директора сиротскаго пріюта, куда принимались дѣти солдатъ. Дѣтей было до 200 человекъ, а учителей мало. Положеніе было затруднительно и Белль пришелъ къ необходимости придумать и ввести въ дѣло методу взаимнаго обученія. Опытъ удался и съ іюня 1795 года учителя занимались только наблюденіемъ и хозяйственною частью пріюта. По разстройству здоровья Белль долженъ былъ оставить Мадрасъ въ 1797 году. Онъ думалъ по возвращеніи въ Лондонъ заинтересовать правительство описаніемъ своей системы обученія, но это ему не удалось и онъ довольно долгое время прожилъ, чуждаясь всякихъ общественныхъ дѣлъ, въ качествѣ начальника шербернскаго госпиталя въ Дѣргэмѣ. Когда партія господствующей церкви нашла нужнымъ выставить соперника Ланкастеру, она вспомнила о Беллѣ. Еще въ 1797 году онъ напечаталъ свое сочиненіе «An experiment in education made in the asylum of Madras», и это дало поводъ противникамъ Ланка-

стера начать толки о томъ, что Ланкастеръ заимствовалъ методу Белля. Этому вопросу хотѣли придать особенное значеніе, чтобы унижить Ланкастера. Но во первыхъ, по всей вѣроятности, ни Белль, ни Ланкастеръ не заимствовали другъ у друга методы обученія, а во вторыхъ ни тотъ, ни другой не могли придавать особеннаго значенія тому, кто первый открылъ эту методу. Для Бобчинскихъ и Добчинскихъ, конечно, важнѣе всего вопросъ, кто изъ нихъ первый сказалъ: э! Для спекулятора то-же очень важно, кто первый изобрѣлъ какой-нибудь новый велосипедъ, такъ-какъ это даетъ право взять какую-нибудь десятилѣтнюю привиллегію. Но для Белля и Ланкастера, людей, заботившихся только о распространеніи дешевой и демократической системы обученія, а не о рангахъ, не о привиллегіяхъ, подобные вопросы о патентѣ на званіе изобрѣтателя были вовсе неинтересны. Вотъ почему, когда обѣ партіи спорили о томъ, кто изобрѣлъ взаимное обученіе, Белль и Ланкастеръ вовсе не касались этого вопроса и, вѣроятно, даже не стали бы спорить съ иезуитами, если-бы послѣдніе постарались всѣми силами доказать, что изобрѣтателями въ этомъ дѣлѣ были ни Белль и ни Ланкастеръ, а просто достопочтенный отецъ Лассаль, одинъ изъ членовъ иезуитскаго ордена. Напротивъ того, Ланкастеръ даже говорилъ, что онъ многому научился изъ книги Белля, когда она попала къ нему подъ руку послѣ примѣненія имъ къ дѣлу его системы. Важно было то, что и школы Белля были обязаны своимъ существованіемъ Ланкастеру. Безъ школъ послѣдняго духовенство и не подумало-бы призвать Белля къ школьной дѣятельности. Это ясно уже изъ того, что Белль довольно долго жилъ въ Лондонѣ, не успѣвъ заинтересовать своею методою то-же самое духовенство, которое открывало ему теперь свои объятія, и щедро предлагало деньги на открытіе школъ.

И такъ въ 1807 году, Белль былъ выставленъ господствовавшимъ духовенствомъ, какъ противникъ Ланкастера, и ему были даны средства для основанія народныхъ школъ. Первымъ послѣдствіемъ основанія этихъ школъ было то, что нѣкоторые изъ прежнихъ приверженцевъ Ланкастера присоединились къ партіи своего духовенства и у Ланкастера нѣсколько уменьшились средства. Этого было довольно, чтобы его искренніе друзья съ двойною энергіею принялись отставать его. Зная его довѣрчивость и неумѣнье обращаться съ деньгами, они въ 1808 году, приняли въ свои руки завѣдыванье хозяйственною частью главной школы. Совѣтъ управленія состоялъ изъ шести членовъ, которыхъ выбиралъ самъ Ланкастеръ, остававшійся официально отвѣтственнымъ лицомъ и руководителемъ заведенія. Совѣтъ тотчасъ-же приступилъ къ изданію

отчетовъ о дѣятельности школы, чтобы ближе познакомить публику съ дѣломъ. Чтобы еще болѣе заинтересовать общество школою, въ 1810 году составили комитетъ изъ 47 членовъ; президентами которыхъ явились герцогъ Бедфордъ и лордъ Сомервилль. Этому комитету подчинился совѣтъ управления, комитетъ-же отдавалъ отчеты всѣмъ участникамъ ланкастерскихъ учреждений. Эта агитация въ пользу Ланкастера шла удачно, 11 мая 1811 года былъ однимъ изъ самыхъ торжественныхъ дней въ жизни Ланкастера. Въ Free maison's tavern въ этотъ день собралась избранная часть аристократіи и партіи тори подъ предсѣдательствомъ герцога Бедфорда. Здѣсь единодушно было рѣшено помогать усиліямъ того котораго еще такъ недавно спасла отъ разоренія благородная щедрость булочника Фокса. Миттингъ рѣшилъ, что для устройства ланкастерскихъ школъ въ трехъ королевствахъ, для доставленія средствъ на учебныя матеріалы и на образованіе учителей, послѣдователи Ланкастера должны соединиться въ правильно организованное общество. Этотъ миттингъ положилъ начало основанію „общества англійскихъ и иностранныхъ школъ“, „національному обществу“, „обществу обученія бѣдныхъ“ и т. д. Система Ланкастера получила названіе the Royal British System of Education. Духовенство видѣло, что народное образованіе можетъ выскользнуть изъ его рукъ и то-же стремилось основывать общества для распространенія народнаго обученія. Конкуренція приносила свои золотые плоды для народа.

Съ этой минуты дѣло становится на твердую почву и не нуждается въ личной помощи одного Ланкастера. Его главная школа поступаетъ окончательно въ руки общества, члены котораго полагаютъ распространить ланкастерскую систему не только въ Великобританіи, но и во всемъ мірѣ. Оно толкуетъ «о союзѣ хорошихъ людей всѣхъ націй и всѣхъ вѣроисповѣданій, направленною къ той цѣли, чтобы при помощи религіознаго образованія бороться въ средѣ подростяющихъ поколѣній съ пороками и невѣжествомъ». При свойственномъ англичанамъ рвеніи въ дѣлѣ пропаганды эти мечты были осуществимы: колоніямъ посылались учителя, учительницы, деньги и книги; за границей старались распространять свѣденія о ланкастерской методѣ при помощи газетъ и брошюръ. Приглашая посылать въ Лондонъ учителей для подготовки къ обученію по новой системѣ. Успѣхи были поразительны: уже въ 1860 г. ланкастерская система была извѣстна въ сѣверной Америкѣ; въ 1810 году она распространилась въ Калькутѣ; въ 1813 году въ Канадѣ, въ Капской землѣ; въ 1814 году изъ Лондона отправились четыре африканца въ Сьерра-Леоне, въ Австралію: въ другихъ

странахъ въ Европѣ, во Франціи, въ Россіи, въ Даніи, въ Италіи ланкастерская система не осталась безъ послѣдователей. Одинъ изъ простыхъ работниковъ, Лоуэлъ, поѣхалъ въ Америку и открылъ школу. Въ самой Англіи съ 1811 по 1815 годъ Ланкастеръ получилъ еще 675,000 франковъ и открылъ еще 145 новыхъ школъ. Такимъ образомъ, уже въ это время при его помощи получали образованіе до 40,000 дѣтей изъ бѣдныхъ классовъ народа. Получивъ изъ Америки приглашеніе пріѣхать туда, Ланкастеръ отправился въ Нью-Йоркъ. Онъ былъ встрѣченъ съ энтузіазмамъ и въ короткое время въ тридцати городахъ возникли школы, устроенныя по его системѣ. Даже въ южной Америкѣ его ждалъ успѣхъ. Въ Нью-Йоркѣ онъ получилъ въ подарокъ 500 долларовъ и въ Вашингтонѣ палата депутатовъ постановила, что „Джозефъ Ланкастеръ, другъ человѣчества и образованія, имѣетъ право на званіе почетнаго члена палаты».

Этотъ человѣкъ, располагавшій громадными суммами, жилъ весь для своего дѣла: среди хлопотъ о школахъ, среди путешествій, среди интригъ и несправедливостей, онъ не думалъ о своихъ личныхъ матеріальныхъ интересахъ, не думалъ о грошѣ на черный день и потому, когда его дѣло широко раскинулось сѣтью по всему свѣту, когда его школы были въ цвѣтущемъ состояніи, онъ въ 1838 году умеръ въ положеніи, близкомъ къ нищетѣ, вдали отъ родины, и его дѣтямъ пришлось искать куска хлѣба въ Америкѣ. Но что за дѣло до этого, онъ все-таки выигралъ сраженіе и, вѣроятно, передъ смертью чувствовалъ себя болѣе счастливымъ, чѣмъ, напримѣръ, Бедль, которому удалось скопить на поприщѣ основателя народныхъ школъ столько денегъ, что онъ могъ завѣщать 120,000 фунт. стерл. на благотворительныя заведенія.

V.

12 мая 1814 года подъ предсѣдательствомъ герцога Суссекса ланкастерское общество школьнаго образованія приняло названіе the British and foreign School Society, а потому и духовенство господствующей церкви поспѣшило основать общество подъ названіемъ the National Society for promoting the education of the poor in the principales of the Established Church throughout England and Wales. Оба эти общества, извѣстныя подъ сокращенными названіями „британскаго“ и „національнаго“ обществъ, стали устраивать „британскія“ и „національныя“ школы. Оба общества, несмотря на одинаковыя цѣли, несмотря на сходство принятыхъ системъ

обученія, не сливались вмѣстѣ и конкурировали одно съ другимъ. Въ британскія школы, принимались дѣти всѣхъ вѣроисповѣданій, въ національныя только дѣти, принадлежавшія къ господствующей церкви. Въ британскихъ, дѣтямъ не ставилось въ условіе посѣщать ту или другую церковь, въ національныхъ дѣтей принуждали ходить въ храмы господствующей церкви. Изъ этого видно, что дѣятельность первыхъ школъ могла быть шире дѣятельности вторыхъ.

Но несмотря на дѣятельность этихъ обществъ, дѣло все-таки подвигалось не настолько сильно впередъ, чтобы можно было сложить руки тѣмъ людямъ, которые стояли за это дѣло. Уже въ 1816 году лордъ Брумъ говорилъ въ палатѣ о недостаткахъ народнаго образованія. Но его слова, какъ мы сказали, были встрѣчены смѣхомъ. Это однако не смутило его. Онъ обратился съ циркуляромъ ко всѣмъ священникамъ королевства, безъ различія сектъ и конгрегацій, прося доставить ему, во имя евангелія, во имя правъ дѣтей, точныя свѣденія о нравственномъ положеніи рабочихъ и нуждающихся классовъ въ ихъ приходяхъ. Отвѣтовъ послѣдовала цѣлая масса. Эти отвѣты были важны потому, что въ нихъ открывались благонадежными людьми безъ всякихъ предвзятыхъ цѣлей, сотни злоупотребленій, долженствовавшихъ возбудить вниманіе страны. Но этого было мало. Лордъ Бруггэмъ основалъ свое знаменитое общество Propagation for the Social Science, капиталъ котораго доходилъ до очень значительной цифры. Это общество должно было распространять книги, брошюры, газеты въ средѣ народа и рабочихъ. Однимъ изъ первыхъ изданій общества былъ Penny Magazine. Это изданіе было въ нѣкоторомъ родѣ народною энциклопедіей и расходилось въ 200,000 экземпляровъ въ недѣлю. Здѣсь встрѣчались бойко и умѣло написанныя статьи по всѣмъ отраслямъ знанія. Успѣхъ этого изданія возмутилъ господствовавшую церковь и партію торн, которые припомнили законы 1799 года и 1819 года, воспрещавшіе основаніе обществъ, направленныхъ къ распространенію образованія въ массахъ. Приходилось прежде продолженія начатаго дѣла бороться съ этими законами. Лордъ Джонъ Россель принялъ на себя роль бойца противъ этихъ законовъ и успѣлъ возбудить противъ нихъ такое негодованіе въ обществѣ, что враги не рѣшились настаивать и требовать примѣненія этихъ законовъ къ дѣлу. Тогда дѣло лорда Брума, нашедшаго помощниковъ въ Робертѣ Оуэнѣ, Джозефѣ Юмѣ и Томсонѣ, пошло еще успѣшнѣе прежняго. Пропаганда извѣстныхъ знаній, извѣстныхъ идей шла быстро и безостановочно. Какъ серьезно смотрѣлъ на свое дѣло Брумъ, лордъ ректоръ гласгоускаго уни-

верситета и одинъ изъ главныхъ основателей лондонскаго университета, это видно изъ его сочиненія *Practical observations upon the education of the People*, изданнаго въ 1825 году.

Но какъ-бы ни были успѣшны дѣйствія „британскаго“ и „національнаго“ обществъ, какъ-бы ни старались Брумъ и его друзья распространить знанія въ народѣ, а все-таки покуда дѣло народнаго образованія не имѣло твердой почвы, не имѣло графы въ правительственномъ бюджетѣ.

VI.

До сихъ поръ народное образованіе было семейнымъ дѣломъ, дѣломъ частной инициативы и отчасти дѣломъ духовенства настолько, насколько нужно было народное образованіе духовенству для его цѣлей. Правительство-же Англіи, смотря на народное образованіе глазами старой аристократіи, не придавало ему особенной цѣны и не вмѣшивалось въ него вовсе. Теперь, когда началась агитація въ пользу народнаго образованія съ легкой руки Ланкастера, правительство увидало, что и оно не можетъ оставаться безучастнымъ въ разрѣшеніи этого вопроса. Но, неспѣша рѣшить его въ томъ или другомъ смыслѣ, оно нашло выгоднымъ остаться въ выжидательномъ положеніи, дать возможность высказаться всѣмъ партіямъ, собрать отчеты, статистическія свѣденія и потомъ приступить къ дѣлу сообразно съ требованіями большинства. Этотъ образъ дѣйствія, эта медленность въ такомъ важномъ вопросѣ въ другой странѣ встрѣтили-бы единодушныя порицанія со стороны прогрессивцевъ, но въ Англіи общество слишкомъ сильно любитъ частную свободу, слишкомъ мало ждетъ выгодъ отъ правительственнаго вмѣшательства, и потому среди передовыхъ людей находились даже такіе, которые прямо отрещивались отъ вмѣшательства правительства въ дѣло народнаго образованія... Подобныя мысли ясно высказываютъ, съ одной стороны, недовѣріе англичанъ къ своему правительству, съ другой—вообще нелюбовь къ правительственному вмѣшательству, во что-бы то ни было. Рядомъ съ этими людьми стояла партія, носившая названіе *the voluntaty party*; она признавала въ дѣлѣ устройства школъ чисто-семейный вопросъ, въ который не имѣетъ права вмѣшиваться правительство. Существовали еще и другія партіи, которыя, отстаивая самодѣятельность народа, говорили, что вмѣшательство правительства въ дѣло народнаго образованія подрываетъ эту самодѣятельность. Въ виду этого, въ виду большинства аристократіи и духовенства, нежелавшихъ, что-

бы правительство заботилось о народномъ образованіи, правительство, конечно, могло медлить, не боясь возбудить о собенносильнаго неудовольствія своимъ образомъ дѣйствій.

Съ 1814 по 1839 годъ мы встрѣчаемъ только цѣлый рядъ статистическихъ отчетовъ о народномъ образованіи. Всѣ отчеты сходятся въ томъ, что «образование бѣдныхъ классовъ Англій по своему распространенію очень ограничено, а по качеству очень недостаточно и вездѣ отражается крайній недостатокъ въ образовательныхъ пособіяхъ». Особенно страдали деревни, такъ-какъ школьныя общества дѣйствовали, большею частью, въ городахъ. Въ 1838 г. въ отчетѣ о состояніи образованія бѣдныхъ въ Манчестерѣ, Сальфордѣ, Ливерпулѣ, Бэри и Йоркѣ значитса, что изъ 80,050 человѣкъ дѣтей, долженствовавшихъ посѣщать школы, только 21,957 учатся въ хорошихъ школахъ, а остальные 58,093 человѣка или вовсе не учатся или посѣщаютъ жалкія Dame- и Adventure Schools. По отчетамъ 1836—38 г. объ образованіи преступниковъ выходитъ, что изъ посѣщавшихъ школы господствовавшаго духовенства преступниковъ, бывшихъ въ воскресныхъ школахъ, не читалъ 1 изъ 5,—изъ бывшихъ въ старыхъ школахъ не читалъ 1 изъ 14, изъ бывшихъ въ національныхъ школахъ не читалъ 1 изъ 66; среди преступниковъ изъ диссентерскихъ школъ—изъ учениковъ воскресныхъ школъ не читалъ 1 изъ 28,—изъ учениковъ британскихъ школъ не читалъ 1 изъ 19,—изъ учениковъ частныхъ школъ не читалъ 1 изъ 4; наконецъ, среди 1,052 преступниковъ 149 совсѣмъ не были ни въ какихъ школахъ.

Чѣмъ большее число отчетовъ появлялось со всѣхъ сторонъ, тѣмъ настоятельнѣе выставлялась на видѣ та роль, которую должно принять на себя правительство въ отношеніи народнаго образованія. Но сильнѣе всего дѣйствовали въ этомъ случаѣ тѣ соображенія, которыя высказывались по поводу положенія дѣтей фабричныхъ. Дѣти рабочихъ классовъ Англій начинали работать съ очень раннихъ лѣтъ, принося помощь своимъ семействамъ и доставляя фабрикантамъ дешевую рабочую силу. Могли-ли одни частныя общества при помощи убѣжденія добиться того, чтобы отцы и предприниматели добровольно принесли жертву и отказались отъ извѣстной доли дѣтскаго труда? Конечно, нѣтъ. А между тѣмъ съ развитіемъ мануфактурной дѣятельности на фабрики и заводы привлекалось все большее и большее число дѣтей изъ сельскаго населенія и въ средѣ этихъ дѣтей царили то невѣжество и та безнравственность, которыя въ концѣ-концовъ должны были вредно отозваться на остальныхъ классахъ общества. Въ
мъ смыслѣ говорили Брумъ и Сланей и наконецъ добились

того, что правительство сдѣлало однѣ изъ первыхъ шаговъ къ вмѣшательству въ дѣло народнаго образованія. Во-первыхъ, оно опредѣлило возрастъ поступленія дѣтей на фабрику и замѣтило, что ранѣе этого возраста они должны посѣщать школы; во-вторыхъ, оно запретило дѣтямъ работать болѣе 12 часовъ въ день и въ число этихъ часовъ включило число часовъ, назначенныхъ для обученія чтенію, письму и счисленію на самой фабрикѣ. Далѣе идетъ цѣлый рядъ постановленій въ 1833, въ 1843, въ 1844, въ 1847 гг. и всѣ эти постановленія все болѣе и болѣе обращаютъ вниманіе на обученіе дѣтей фабричныхъ. Эти постановленія развиваютъ такъ-называемую *half-time system*, отдающую извѣстную часть дня работѣ и извѣстную часть школь. Выборъ школы для дѣтей предоставлялся на волю родителей. Если родители не посылали дѣтей учиться, ихъ штрафовали 5—20 шиллингами. Точно также штрафовались и фабриканты, неотпускавшіе дѣтей въ школу, или если при фабрикѣ не было учителя. Наблюденіе за всѣмъ этимъ поручалось фабричнымъ инспекторамъ.

Но результаты, полученные отъ этихъ законовъ, были крайне жалки. Прежде всего поражаетъ то, что изъ числа фабрикъ исключались красильни и бѣлильни, куда дѣти могли приниматься безъ школьнаго образованія. Шелковыя фабрики тоже могли брать однадцатилѣтнихъ дѣтей, неносящихъ никакой школы. Но этого мало: инспектора не могли ничего сказать, если школьное помѣщеніе было хуже хлѣва, если учителя были почти безграмотны, такъ-какъ правительство не давало на школы ни гроша. По отчетамъ одного инспектора, въ 1851 г. изъ числа 427 школъ его фабричнаго округа 76 школъ были хороши, 26 только недурны, 146 были едва сносны, 112 были дурны и 67 совершенно вредны, являясь просто средствомъ для обманнаго выманыванья денегъ у бѣдныхъ родителей. Большою частью полученіе свидѣтельства въ томъ, что дѣти посѣщали школу, сдѣлалось простою формальностью.

VII.

Между тѣмъ послѣ долгой борьбы партій въ парламентѣ, требовавшихъ правительственной помощи въ дѣлѣ образованія только для себя или отрицавшихъ вовсе право англійскаго правительства на вмѣшательство въ это дѣло,—правительство рѣшилось въ 1833 году выдать 20,000 фун. стер. „на помощь при постройкѣ школьныхъ зданій“—*in aid to the erection of school houses*—въ Англійи и Валлисѣ. Такъ какъ партія приверженцевъ британскаго обще-

ства и партія приверженцевъ національнаго общества были болѣе всего заинтересованы въ этомъ дѣлѣ и боролись именно за то, чтобы правительство не оказало одной какой-нибудь изъ нихъ преимущества, то правительство сочло нужнымъ прибавить, что субсидія выдается, какъ британскому, такъ и національному обществамъ. Эта первая сумма, выданная правительствомъ въ пользу школъ, должна была выдаваться ежегодно и идти исключительно на „постройку“ школъ. Дѣло-же школьнаго образованія оставалось по-прежнему въ частныхъ рукахъ. Этимъ правительство хотѣло успокоить умы, т. е. угодить и британскому и національному обществамъ субсидією и въ то-же время не нарушить требованій тѣхъ, которые стояли за невмѣшательство правительства въ дѣло народнаго образованія. При этомъ правительство требовало ежегодныхъ отчетовъ о состояніи школъ и этимъ самымъ сдѣлало первый шагъ хотя къ слабому контролю по народному образованію. Это успокоило умы и въ обществѣ мало-по-малу начали слышаться голоса, что англійскому правительству не худо-бы устроить инспекціи по примѣру другихъ государствъ, чтобы имѣть возможность лучше наблюдать за расходованіемъ казенныхъ денегъ частными обществами. Правительство было отъ этого не прочь, но ему приходилось дѣйствовать осторожно, чтобы не оскорбить приверженцевъ господствовавшей церкви, все еще ссылавшихся на каноническое право, говорившее, что никто не смѣетъ обучать, не получивъ спеціальнаго позволенія епископа, и что дѣло обученія—дѣло церкви. Годы между тѣмъ проходили одинъ за другимъ, а бесплодная борьба пзъ-за того, кто захватить въ свои руки народное образованіе не кончалась. Всѣ безчисленныя секты въ Англій волновались и спорили, правительство сознавало, что нельзя отдать исключительное преимущество въ этомъ дѣлѣ какому-нибудь одному вѣроисповѣданію, и не знало, что дѣлать, а школьное образованіе шло между тѣмъ изъ рукъ вонъ плохо. Въ февралѣ 1839 года, наконецъ, Россель заявилъ въ парламентѣ, что дѣло народнаго образованія стоитъ въ очень жалкомъ положеніи, что во-первыхъ, недостаетъ порядочныхъ учителей, во-вторыхъ, методы обученія очень плохи, въ-третьихъ, инспекціи совершенно нѣтъ, въ-четвертыхъ, чувствуется недостатокъ въ нормальной школѣ, въ-пятыхъ, замѣчается отсутствіе вопроса о народномъ образованіи въ законахъ страны. При этомъ лордъ Россель замѣтилъ, что правительство, желая оставить за народнымъ образованіемъ религіозный характеръ, въ то-же время считаетъ необходимымъ примѣнять въ этомъ дѣлѣ вполне принципъ вѣротерпимости. Въ концѣ своей рѣчи Россель замѣтилъ, что по королевскому прика-

занію составляется совѣтъ изъ пяти лицъ, который и явится особымъ учрежденіемъ, завѣдующимъ дѣломъ народнаго образованія. Такимъ образомъ, 10 апрѣля 1839 года явилось официальное распоряженіе, вслѣдствіе котораго вступалъ въ силу этотъ совѣтъ — Committee of the Privy Council on Education—имѣвшій свою обязанностью «наблюдать за распредѣленіемъ всѣхъ суммъ, которыя опредѣлить выдать парламентъ для цѣлей и потребностей народнаго образованія».

Этотъ совѣтъ не былъ чѣмъ-нибудь отдѣльнымъ въ общемъ государственномъ управленіи, онъ не являлся новымъ министерствомъ и просто былъ частью тайнаго совѣта. Его составляли четыре совѣтника и президентъ, секретарь и два его помощника, десять экзаменаторовъ и нѣсколько мелкихъ чиновниковъ, занимавшихся канцелярскимъ дѣломъ. Этотъ совѣтъ все еще говорилъ, что партіи далеко не примирились и что правительство все еще должно было оставлять дѣло образованія въ частныхъ рукахъ, только побуждая и поддерживая частныхъ предпринимателей. Для усиленія этой поддержки была увеличена правительственная субсидія и въ 1839 году на Англію и Валлісъ выдалось 30,000 фунт. стерл.

Итакъ, частная предпріимчивость въ дѣлѣ народнаго образованія получила болѣе надежную точку опоры; правительство получило возможность болѣе близко наблюдать за ходомъ этого дѣла; наконецъ, отъ наблюденія до вмѣшательства былъ одинъ едва замѣтный шагъ—это было всего важнѣе и правительство попробовало сдѣлать этотъ шагъ. Это не ускользнуло отъ вниманія партій и онѣ начали кричать о присвоеніи правительствомъ непринадлежащихъ ему правъ, о неконституціонномъ образѣ дѣйствій. Между тѣмъ комитетъ дѣйствовалъ согласно съ программю, которая вытекала сама собою изъ словъ Росселя. Прежде всего комитетъ обратилъ вниманіе на образованіе учителей и въ апрѣлѣ-же 1839 года рѣшился основать учительскую семинарію или государственную нормальную школу, независящую отъ частныхъ школьныхъ обществъ. При семинаріи должна была находиться образцовая школа, распадавшаяся на два отдѣленія, на отдѣленіе дѣтей пансіонеровъ и на отдѣленіе приходящихъ учениковъ. Но на первыхъ-же порахъ приходилось остановиться передъ роковымъ англійскимъ вопросомъ: какъ вести религиозное образованіе? Англійское населеніе состоитъ изъ множества сектъ. Устраивая дѣло народнаго образованія, правительство должно было имѣть въ виду всѣхъ подданныхъ безъ различія ихъ сектаторскихъ взглядовъ и въ то-же время должно было построить образованіе на религиоз-

номъ основаніи. Какъ это сдѣлать? Англійское правительство рѣшилось, сообразно съ принципомъ британскаго общества, давать обще-христіанское образованіе ученикамъ, то-есть читать ученикамъ біблію безъ объясненій; объясненіе-же особенныхъ догматовъ отдѣльныхъ сектъ предоставить различнымъ сектаторскимъ духовнымъ лицамъ. Но это тотчасъ-же возбудило возраженія: члены господствующей церкви говорили, что подобный примѣръ очень дурно отзовется на религіозныхъ убѣжденіяхъ народа, диссентеры-же говорили, что господствующая церковь заберетъ слишкомъ много силы, если ректоръ семинаріи будетъ изъ ея членовъ, на что и слѣдовало разсчитывать. Противники были такъ сильны, что правительству пришлось отказаться отъ своего плана и вмѣсто основанія учительской семинаріи выдать британскому и національному обществамъ 10,000 фунт. стерл. для учрежденія частныхъ учительскихъ семинаріи. Затѣмъ комитетъ приступилъ къ введенію посѣщеній народныхъ школъ назначенными комитетомъ инспекторами. Инспектора, конечно, не могли прямо вмѣшиваться въ дѣла школъ, но могли давать совѣты, могли описывать школы и печатать отчеты о ихъ состояніи. Но они нашли ловушку для большаго вліянія, издавъ постановленіе, „что въ будущемъ ни одна учительская семинарія, ни одна школа не получаютъ пособія изъ государственныхъ суммъ, если не будутъ допускать инспекторовъ къ осмотру этихъ заведеній“. Такимъ образомъ, посѣщенія никому не навязывались, но большинство имъ подчинялось въ надеждѣ получить субсидію. Совѣты инспекторовъ могли не приниматься во вниманіе, но большинство ихъ принимало во вниманіе. боясь раздражить инспекторовъ, которые сильно вліяли на выдачу субсидій. Назначая инспекторовъ, правительство нѣсколько разъ оговаривалось, что оно не желаетъ, не думаетъ, не смѣетъ вмѣшиваться въ дѣло народнаго образованія, а хочетъ только помочь ему, поддержать его. Все это дѣлалось въ виду тысячъ зоркихъ глазъ, слѣдившихъ за дѣйствіями инспекторовъ. И опять-таки правительству пришлось натолкнуться на вопросъ о вѣроисповѣданіяхъ: британскія школы не желали допускать инспекторовъ епископальной церкви; епископальная церковь не хотѣла имѣть инспекторовъ изъ шотландцевъ; католики не признавали возможнымъ допущеніе инспекторовъ изъ диссентеровъ. Приходилось назначать отдѣльныхъ инспекторовъ для отдѣльныхъ школъ и совѣтоваться съ представителями главныхъ сектъ при назначеніи инспекторовъ. Вся эта исторія очень поучительна: въ Англійи существуетъ представительное правленіе, то-есть правленіе, созданное и руководимое обществамъ, посылающимъ своихъ представителей въ парламентъ; но

эти представители не сумѣли выработать никакого общаго плана для устройства дѣла народнаго образованія, и просто дали право правительству распорядиться ежегодно извѣстною суммою денегъ, отпускаемою на школы; но въ то-же время они не отказались отъ своей подозрительности, и вотъ начинается взаимная игра въ жмурки: члены парламентскихъ партій слѣдятъ зорко за правительствомъ, не захватываетъ-ли оно въ свои руки непринадлежащей ему власти, а правительство всѣми силами старается если не *de jure*, то *de facto* сдѣлать инспекцію школъ болѣе активною силою чѣмъ это дозволяется парламентомъ. На эту борьбу, на это подкарауливанье другъ друга, уходитъ много силъ, много времени,— а народъ остается почти безъ всякаго образованія. А между-тѣмъ народъ жаждалъ образованія и съ горячею вѣрою относился къ каждому новому распоряженію, обѣщавшему улучшить образованіе. Такъ съ горячею любовью и искреннимъ уваженіемъ отнесся онъ къ инспекторамъ. Онъ видѣлъ въ нихъ *посланниковъ* королевы. Какой-нибудь бѣднякъ-земледѣлецъ съ гордостью говорилъ: „онъ потому пріѣхалъ, что королева хочетъ знать, учится-ли *мой сынъ* и какъ онъ учится“. Иногда родители обращались къ инспекторамъ, какъ къ мировымъ судьямъ, для разрѣшенія своихъ недоразумѣній съ учителями. Даже сами дѣти смотрѣли съ благоговѣніемъ на этихъ посланниковъ королевы, и въ школьной практикѣ рассказываются анекдоты въ родѣ того, что одинъ мальчуганъ послѣшилъ смыть съ доски написанное имъ, „такъ-какъ онъ боялся что инспекторъ возьметъ и покажетъ королевѣ, какъ онъ дурно пишетъ“. Да, эти добродушно-наивные, простые люди нуждались въ образованіи, сознавали его пользу. Сознавали его необходимость и болѣе развитые, болѣе дальновидные люди въ родѣ депутата Лёве, говорившаго въ 1862 году, что расширение избирательныхъ правъ приведетъ Англію къ уничтоженію аристократическихъ привилегій. «Теперь-бы время, прибавлялъ онъ, подумать и о томъ, чтобы наши будущіе господа умѣли читать и писать». Эти слова дали случай Диксону замѣтить, что было-бы лучше, если-бы большее распространіе образованія предшествовало расширенію политическихъ правъ, и упрекнуть тѣхъ, которые, будучи еще вчера господами, не позаботились просвѣтить тѣхъ, которые должны сдѣлаться господами, завтра. Дѣйствительно, при системѣ представительства было не безопасно вручать избирательную власть неразвитой массѣ, которая могла сдѣлаться игрушкою въ рукахъ интригановъ и повредить даже тѣмъ, кто могъ-бы принести ей дѣйствительную пользу. Мы знаемъ изъ примѣра Франціи, что значить всеобщая подача голосовъ неразвитой и темной массы: вторая им-

перія дважды пользовалась ею. Быть можетъ, Вольтеръ былъ отчасти правъ, говоря, что „люди дѣлаются тѣмъ свободнѣе, чѣмъ болѣе они становятся просвѣщенными“ и, быть можетъ, нерѣдко ошибаются тѣ, кто говоритъ, что «люди, дѣлаясь болѣе свободными, становятся болѣе просвѣщенными». Въ послѣднемъ случаѣ свобода часто бываетъ просто своеволиемъ и еще чаще самообманомъ, самообольщеніемъ. Франція уже была обыграна въ этой игрѣ крапленными картами.

Но, какъ-бы то ни было, дѣло англійскаго народнаго образованія подвигалось туго. Распредѣленіе государственныхъ суммъ до 1846 г. ограничивалось постройкой школъ и учительскихъ семинарій или улучшеніемъ существующихъ учебныхъ помѣщеній, при чемъ субсидія, согласно закону, давалась только въ томъ случаѣ, когда, по крайней мѣрѣ, половина нужной на постройку суммы вносилась частными лицами. Это имѣло опять-таки невыгодную сторону, такъ-какъ богатія мѣстности, имѣвшія возможность построить школу, давали только половину нужной суммы; бѣдныя-же мѣстечки, не имѣвшія средствъ и для выдачи половины суммы, нужной на постройку школы, не имѣли права на субсидію.

Такимъ образомъ помощь оказывалась имущимъ, а неимущіе уходили съ пустыми руками. А вѣдь цѣль-то была хорошая: законъ хотѣлъ пробудить ббльшую дѣятельность жертвователей, возложивъ половину издержекъ на государство. Требованіе государственныхъ субсидій все увеличивалось и парламентъ долженъ былъ соглашаться на выдачу все большихъ и большихъ суммъ. Въ 1841 году государственные расходы на школьное образованіе равнялись уже 40,000 фунт. стерл., въ 1845 году—50,000 фунт. стерл., въ 1846 году—100,000 фунт. стерл.

Эти расходы были все-таки ничтожны, если принять во вниманіе массу населенія и важность самаго дѣла, на которое шли эти деньги.

VIII.

Первые-же отчеты инспекторовъ заявили о плохомъ состояніи школъ и еще болѣе плохомъ состояніи учителей. Учителя существовали на пожертвованія богатыхъ людей и на плату, взимаемую съ учениковъ. Но ни то, ни другое не представляло имъ

достаточнаго, а, главное, вѣрнаго обезпеченія. Вслѣдствіе этого способные и знающіе люди сторонились отъ учительской карьеры, имѣя возможность существовать лучше оплачиваемымъ трудомъ. Въ учительскихъ семинаріяхъ плата за ученіе по необходимости была назначена сравнительно большая и потому сюда поступали учиться только тѣ изъ болѣе или менѣе состоятельныхъ людей, которые страдали физическими или умственными недостатками и не могли надѣяться получить когда-нибудь лучшее мѣсто, чѣмъ мѣсто учителя народной школы, бѣдняки-же, самые даровитые, самые талантливые, должны были поневолѣ отказываться отъ поступленія въ семинарію, гдѣ плата была не по ихъ карману. Вслѣдствіе всего этого учебный комитетъ вызвалъ въ 1846—47 годахъ рядъ постановленій, которыя и могутъ назваться главными англійскими законами о народномъ образованіи. Кромѣ оказыванія помощи при постройкѣ школъ правительство выдумало новую систему ежегодныхъ выдачъ—annual grants.

Прежде всего обратили вниманіе на улучшеніе положенія учителей и ввели новую систему «школьныхъ учениковъ-помощниковъ»—pupil-teacher system. Эти ученики, дѣти не моложе 13 лѣтъ, получали извѣстное содержаніе отъ правительства. Они обязаны были помогать учителю или учительницѣ, которые въ свободное время должны были отдѣльно заниматься съ ними, за что и получали отъ правительства плату. Такимъ образомъ школьные помощники и помогали учителю въ занятіяхъ и увеличивали его бюджетъ. Послѣ пяти-лѣтняго пребыванія въ школѣ эти ученики должны были выдержать экзаменъ, получали свидѣтельство и могли въ качествѣ стипендіатовъ королевы поступить на годъ, на два и даже на три въ учительскую семинарію, которая, такимъ образомъ, тоже получала, подобно школѣ, косвенную субсидію. Болѣе непосредственно проявились заботы объ улучшеніи участи учителей и учительницъ въ основаніи «прибавки содержанія»—augmentation grant. Учителя учительницы, выдержавшіе экзаменъ въ учительской семинаріи, получали свидѣтельство, дававшее имъ право на прибавку отъ правительства при поступленіи ихъ на мѣсто, при этомъ, впрочемъ, опять приходилось сдѣлать оговорку, что частныя лица въ этомъ случаѣ должны гарантировать, по крайней мѣрѣ, двойную сумму, чѣмъ правительственная выдача. Далѣе было издано распоряженіе о пенсіяхъ учителямъ, отслужившимъ 15 лѣтъ въ народной школѣ или семинаріи. Но правительству приходилось такъ осторожно дѣйствовать, что оно долго не рѣшалось выдавать всѣ эти субсидіи прямо въ руки учите-

лямъ, а передавало ихъ черезъ мѣстные частныя управленія школьнымъ дѣломъ. Наконецъ выдачи стали дѣлаться на учебныя пособія, на помощь промышленнымъ школамъ и школамъ бѣдняковъ.

Но правительство видѣло, что его дѣло все еще стоитъ на шаткомъ основаніи и что нужно такъ или иначе добиться извѣстнаго налога въ пользу школъ, въ противномъ-же случаѣ бѣдныя общины, немогущія внести своей доли расходовъ на основаніе школъ, на поддержку учителей, на учебныя пособія, будутъ вѣчно оставаться въ невѣжествѣ. Въ этомъ смыслѣ начинается парламентская агитація. Аддерлей, Россель, Паккипгтонъ вносятъ въ 1852, 1853, 1855, 1856, 1857 годахъ свои билли о воспитаніи, о мѣстномъ и смѣшанномъ налогѣ и т. д. Но парламентскія партіи не сдавались.

Между тѣмъ, въ 1856 году произошла нѣкоторая перемѣна въ учебномъ комитетѣ. Совѣтъ промышленности—Board of Trades—уже давно началъ заботиться о развитіи въ странѣ рисовальныхъ школъ для народа. Эти заботы были вызваны промышленной выставкой 1851 года. Народныя рисовальныя школы существуютъ въ Англіи уже съ 1837 года, но онѣ мало посѣщались народомъ до 1851 года. До этого года англичане были увѣрены, что никто не можетъ соперничать съ ними въ промышленности и въ механическомъ производствѣ. Однако, промышленная выставка открыла имъ глаза и показала, что французскія произведенія отличаются болѣе художественными рисунками, болѣе изящной отдѣлкой, болѣе тонкой работой. Это сразу заставило обратить вниманіе на рисовальныя школы и учредить Department of Practical Art. Обязанности послѣдняго учрежденія перешли въ 1856 году въ руки учебнаго комитета и послѣдній получилъ названіе the Education Department of the Privy Council и распался на два отдѣленія: одно удержало въ своемъ вѣденіи первоначальныя народныя школы, школы для бѣдныхъ, исправительныя пріюты, солдатскія и матросскія школы; другое занялось художественнымъ образованіемъ, сдѣлавъ своею задачею „распространеніе не только искусствъ, но и наукъ, способствующихъ развитію промышленнаго производства страны особенно среди рабочаго класса.“

Нетеряя своего временнаго характера, учебный комитетъ все-таки шелъ впередъ и добивался увеличенія своихъ средствъ: въ 1850 году его средства равнялись 125,000 фунт. стерл.; въ 1853 году — 260,000 фунт. стерл.; въ 1858 г. 663,000 фунт. стерл.; въ 1860 г.—доходили почти до 800,000 фунт. стерл. Желая

«дѣлать новый приступъ, сэръ Паккингтонъ поручилъ въ 1858 году цѣлой комиссіи подготовить полный и подробный отчетъ о народномъ образованіи въ Англіи и Валлисѣ и присоединить къ нему соображенія о необходимыхъ преобразованіяхъ для представленія на усмотрѣніе правительству и парламенту. Комиссія занялась дѣломъ серьезно, какъ умѣютъ это дѣлать только добросовѣстные въ подобныхъ случаяхъ англичане. Провѣрка старыхъ инспекторскихъ отчетовъ, мелочные допросы учителей и учениковъ, долгія пребыванія въ извѣстныхъ округахъ, посѣщенія иностранныхъ школъ для сравненія съ отечественными, все это было честно выполнено комиссіею. Только въ 1861 году обществу былъ представленъ полный и подробный отчетъ о состояніи народного образованія въ Англіи и Виллисѣ: это былъ большой томъ въ 700 страницъ съ пятью томами приложений, состоящихъ изъ свидѣтельскихъ показаній, докладовъ отдѣльныхъ членовъ комиссіи и т. п.

Къ чему-же привели эти громадныя усилія? Побѣдили-ли они недобрыящихъ другъ другу сектаторовъ? Внушили-ли они парламентскимъ партіямъ довѣріе къ правительству? Убѣдили-ли они общество, что правительство должно вмѣшиваться въ дѣло народного образованія?—Посмотримъ.

IX.

„Въ настоящую минуту Англіи представленъ на разрѣшеніе великій и прекрасный вопросъ, писалъ одинъ извѣстный писатель въ началѣ 1862 года, это вопросъ о національномъ образованіи; реформы, предложенныя правительству нѣсколько дней тому назадъ органами лорда Гренвилля и Лѣве, заслуживаютъ того, чтобы привлечь къ себѣ вниманіе всѣхъ тѣхъ, кого интересуетъ интеллектуальное развитіе бѣдныхъ классовъ, общіе успѣхи просвѣщенія, однимъ словомъ, развитіе цивилизаціи среди одного изъ самыхъ сильныхъ народовъ міра. Идея національнаго образованія въ Англіи родилась весьма недавно, она рождалась съ трудомъ, она видѣла вокругъ своей колыбели тысячи религіозныхъ сектъ, старавшихся задушить ее, она не могла идти впередъ и даже въ настоящую минуту она идетъ ощупью среди фанатиковъ, которые готовы ей крикнуть словами Боссюэта „vous marchez à tatons sur Jésus-Christ.“

Затѣмъ, разсказавъ борьбу партій противъ правительственнаго вмѣшательства въ дѣло народнаго образованія, тотъ-же писатель продолжаетъ: „Если есть на свѣтѣ какое-нибудь дѣло, требующее безусловно правительственнаго вмѣшательства, то, конечно, это дѣло образованія дѣтей бѣдняковъ. Въ этомъ вопросѣ нельзя примѣнить принципъ „спроса и предложенія,“ по очень простой причинѣ: со стороны бѣдняка, слишкомъ невѣжественнаго для пониманія выгодъ образованія, *спросъ* почти не существуетъ, да кромѣ того, а это главное, у бѣдняка совершенно *нѣтъ средствъ* для пріобрѣтенія образованія. Покуда Англія не могла добиться торжества принципа правительственнаго вмѣшательства въ этомъ дѣлѣ и система *laissez-faire* все еще торжествуетъ на практикѣ. Правительство получило только право косвенно вліять на народныя школы. Но рядомъ со школами, которыя пользуются правительственною помощію, существуютъ школы, которыя ускользаютъ по праву отъ всякаго контроля. Первыхъ школъ 6,897, а вторыхъ 15,952. Если взглянуть на число приходовъ, находящихся въ прямыхъ сношеніяхъ съ правительствомъ по дѣламъ образованія, то мы увидимъ, что въ графствѣ Оксфордѣ только 21 приходъ изъ 339 сносится съ правительствомъ въ подобныхъ дѣлахъ; въ графствѣ Герфордѣ 5 изъ 130; въ графствѣ Девонъ 2 изъ 245. Лордъ Гренвиллъ засвидѣтельствовалъ, что изъ 2,200,000 дѣтей, способныхъ посѣщать школы, посѣщаютъ школы только 920,000 человекъ. Но и изъ этихъ дѣтей большинство далеко не пользуется образованіемъ, а портится въ школахъ. Несмотря на значительныя суммы, расходуемыя правительствомъ, народъ остается въ невѣжествѣ. Такъ въ исправительномъ домѣ въ Бирмингемѣ изъ 407 личностей 70 не умѣли читать, 178 не умѣли писать, 252 не имѣли понятія о четырехъ правилахъ арифметики. Изъ рекрутовъ только 72,4% умѣли читать и писать, 3,7% умѣли только читать, 23,9% не умѣли ни читать, ни писать. Эти факты были прискорбны, но все-таки проекты школьной реформы возбудили снова бурю среди представителей различныхъ сектъ и не привели ни къ чему. Лѣве долженъ былъ взять проектъ назадъ и уступить противникамъ, такъ какъ общество по прежнему стояло за то, что пусть лучше народъ будетъ необразованъ или плохо образованъ, чѣмъ обученъ въ извѣстномъ направленіи правительствомъ или отданъ въ руки господствующей церкви, которая при правительственномъ вмѣшательствѣ неминуемо забрала-бы власть въ свои руки².

Но агитація по дѣлу народнаго образованія не могла уже прекратиться. Въ концѣ іюня 1868 г. нижнею палатою былъ принятъ новый билль реформы—*reform bill*, который вносилъ въ дѣло еще

нѣсколько улучшеній, предложенныхъ Фэрстеромъ и его друзьями. Интереснѣе всего мотивы, вслѣдствіе которыхъ Фэрстеръ добивался улучшеній. „Наша промышленная собственность, говорилъ онъ, — зависитъ отъ скорости, съ которою мы успѣемъ обезпечить успѣхъ элементарнаго образованія. Вполнѣ бесполезно давать техническое образованіе нашимъ рабочимъ, покуда они будутъ чувствовать полный недостатокъ въ первоначальномъ образованіи. У насъ-же огромная масса рабочихъ совершенно лишена первоначальнаго образованія и, по большей части, не умѣетъ вовсе взяться за дѣло. Парламентъ принялъ дѣлающее ему честь рѣшеніе, что Англія отнынѣ будетъ управляться народнымъ элементомъ. Я не принадлежу къ числу тѣхъ, которые считаютъ нужнымъ ждать, когда народъ будетъ образованъ, чтобы дать въ его руки политическую власть. Если-бы мы ждали, когда онъ будетъ образованъ, то намъ долго-бы пришлось ждать благихъ результатовъ. Теперь-же, когда мы дали ему политическую власть, намъ не слѣдуетъ задумываться надъ тѣмъ, нужно-ли дать ему образованіе“.

Далѣе 17 февраля 1870 года Фэрстеръ представилъ въ палату еще новый билль. Въ своемъ докладѣ онъ говорилъ, что въ такихъ большихъ городахъ, какъ Ливерпуль, Лидсъ, Бирмингэмъ, Манчестеръ, третья часть дѣтей обречена ихъ семействами на полное невѣжество; что въ Ливерпулѣ, напримѣръ, изъ 80,000 дѣтей отъ 5 до 12-ти-лѣтняго возраста, 20,000 человѣкъ не посѣщали никакой школы, а 20,000 человѣкъ посѣщали такія школы, что лучше-бы имъ оставаться вовсе безъ образованія. Согласно съ предложеніями Фэрстера, приходы должны были составить особые школьные округа — schools districts; въ каждомъ округѣ долженъ былъ быть мѣстный выборный совѣтъ—school board. Въ городахъ члены этого бюро назначаются муниципальнымъ совѣтомъ, а въ приходахъ — собраніемъ властей прихода. Департаментъ общественнаго образованія можетъ соединить нѣсколько приходовъ въ одинъ учебный округъ; онъ можетъ также пополнять изъ суммъ одного округа бюджетъ другого. Необходимыя на поддержку школъ суммы отдаются въ распоряженіе этихъ бюро. Въ случаѣ недостатка средствъ, парламентъ выдаетъ субсидіи. Члены бюро составляютъ цѣлую корпорацію, смѣняются по выбору, имѣютъ общую печать, пользуются правами покушать землю и употреблять доходы съ этихъ земель на школы. Они имѣютъ право опредѣлять, какого рода религіозное образованіе должно даваться въ вѣрренныхъ ихъ надзору школахъ. Они могутъ сдѣлать обученіе обязательнымъ или необязательнымъ въ своихъ школахъ. Вопросъ реорганиціи школъ очень сильно занялъ умы. Такъ-какъ прежній школьный

совѣтъ состоялъ только изъ немногаго числа лицъ, то и сочли нужнымъ увеличить его и сдѣлать особымъ избирательнымъ учрежденіемъ, куда выбирались и женщины. Пэры, члены палаты, вліятельныя лица, дамы высшаго свѣта — всѣ наперерывъ добивались избранія въ этотъ совѣтъ, какъ-будто дѣло шло о засѣданіи въ парламентѣ, — впрочемъ, это и былъ воспитательный парламентъ — Educational Parliament.

Эта любовь къ свободному образованію такъ велика, что когда работникъ Надо переселился въ Англію и явился въ качествѣ учителя въ одну школу, то ему отдали преимущество передъ учителями съ дипломомъ, хотя онъ не имѣлъ никакихъ дипломовъ и вступалъ на поприще учительской дѣятельности на сороковомъ году жизни.

„Новый законъ образованія, говоритъ онъ, обсуждался на тысячахъ митинговъ, прежде представленія его на разсмотрѣніе палатъ, и этотъ законъ нисколько не коснулся свободы частныхъ школъ. Сюда не смѣетъ явиться ни одинъ инспекторъ, безъ согласія держателей школъ. Полная свобода существуетъ при выборѣ учителей. Чтобы сохранить вполнѣ принципъ свободы, Англія сторонилась отъ устройства министерства народнаго просвѣщенія и его обязанности предоставлялись городскимъ и провинціальнымъ комитетамъ, выбраннымъ тѣми-же избирателями, которые назначаютъ депутатовъ. Эти комитеты выбираютъ и отставляютъ учителей. Они выбираютъ книги, они принимаютъ или не принимаютъ систему религіознаго образованія, они собираютъ налоги съ доходовъ на школы, они строятъ и поддерживаютъ школьные дома, наконецъ они остаются вполнѣ полновластными въ этомъ дѣлѣ. Правительство оставляетъ за собой только право наблюденія при помощи инспекторовъ, которые сообщаютъ свѣденія о школахъ публикѣ въ своихъ отчетахъ. Въ видѣ награды правительство выдаетъ учителю извѣстное число денегъ за каждого ученика, умѣющаго читать, писать и считать и выдаетъ одну треть награды, если ученикъ только читаетъ, двѣ трети, если ученикъ читаетъ и пишетъ, наконецъ, всю сумму, если ученикъ и читаетъ, и пишетъ, и считаетъ.„ Выдачи правительства на дѣло народнаго образованія равнялись въ 1864 году 655,036 ф. стер., въ 1865 году — 636,806 ф. стер., въ 1866 году — 649,006 ф. сер. на Англію и Валлісъ, не считая Ирландіи.

При этой сложной системѣ, неудержавшейся на почвѣ полной независимости отъ государства и неставшей вполнѣ на почву государственнаго вмѣшательства, трудно или, вѣрнѣе сказать, нельзя дать полнаго и послѣдовательнаго отчета ни о состояніи школъ, ни

о затратахъ на нихъ. Морисъ Блокъ считаетъ эти расходы, за исключеніемъ содержанія такихъ школъ, какъ, напримѣръ, школы рабочихъ домовъ, въ 1,884,395 ф. стер. Но эта цифра далеко ниже дѣйствительной. Еще труднѣе представить общій отчетъ о состояніи школъ, такъ-какъ здѣсь мало общаго между состояніемъ, напримѣръ, школы рабочаго дома и состояніемъ какой-нибудь частной школы, точно такъ-же, какъ мало общаго между направленіемъ британскихъ школъ и направленіемъ національныхъ школъ. Въ слѣдующихъ главахъ мы постараемся, насколько это возможно, чертить положеніе школьнаго дѣла въ Англіи за послѣдніе годы и показать, къ чему привела принятая ею система.

А. Михайловъ.

В О Р О Н Ы.

Среди нѣмыхъ рунѣ, гдѣ травка не пробьется,
Гдѣ почва скудная—каменья да песокъ,
Гдѣ то стоитъ морозъ, то зной палящій льется,
Гдѣ-бъ нынѣ человѣкъ существовать не могъ,
Тамъ башня старая, крутой утесъ вѣнчая,
Чернѣть—славная въ сказаньяхъ вѣковыхъ,—
Оттуда криками окрестности пугая,
Гнѣзятся вороны въ разщелинахъ глухихъ.
Ихъ стаи черныя, когда они летаютъ,
На небѣ голубомъ встрѣчаются порой,
Какъ арміи солдатъ, они не измѣняютъ
Ведетовъ, избранныхъ надъ этою страной.
Какъ вѣрно ихъ чутье! Они съ своей вершины
Такъ чутко слышатъ крикъ, зловѣщій крикъ бойцовъ;—
Лишь только гдѣ нибудь на бой пойдутъ дружины,
Какъ молніи, они летятъ на мертвецовъ.

„Въ развалинахъ, что на скалѣ чернѣютъ,
Что эти вороны шумятъ?“
—Предчувствія томительныя свѣютъ,
О старыхъ битвахъ говорятъ.

Когда для вороновъ обильна эта нива,—
Всей стаей по вѣтру летать они назадъ
И машутъ крыльями такъ медленно, лѣнливо,
Будь хоть морозъ иль снѣгъ, иди хоть дождь иль градъ!
Въ рунѣ на скалѣ они дѣтей выводятъ,
Несутся самки тамъ,—но въ зелени луговъ
Они, какъ хищники прожорливые, бродятъ.
Тысячелѣтіе окиньте только окомъ,
Всѣ битвы древнія припомните порой
Какъ въ наши времена, такъ и въ быломъ далекомъ—

Повсюду вороны, гдѣ бьется родъ людской.
Ихъ клювамъ мѣдныя кирасы подставляли
То грекъ, то римлянинъ, и по чужимъ полямъ
То славный Александръ, то Цезарь ихъ питали,
И тучами они неслись по ихъ слѣдамъ.

„Въ развалинахъ, что на скалѣ чернѣютъ,
Что эти вороны шумятъ?“
—Предчувствія томительныя сѣютъ,
О старыхъ битвахъ говорятъ.

Война растетъ волной безмѣрной, величавой,
Европа вся—рѣзнь и бойнѣ отдана.
Что ты—исторія? Одинъ лишь слѣдъ кровавый
Отъ древности сѣдой и въ наши времена.
Какъ встарь гудитъ набатъ надъ цѣлою землею
Рокочетъ барабанъ и трубы близъ него,
Громъ пушекъ въ воздухѣ... и льется кровь рѣкою...
Ликуйте, вороны,—вотъ ваше торжество!
Честь пушкѣ боевой! Она-ль не разгоняетъ
Тяжелый, дикій мракъ, нависшій надъ землею,
Какъ книга—племена порою просвѣщаетъ
И, убивая насъ, даруетъ жизнь порою!
О ты, законъ войны, жестокий, непреклонный,
Залившій кровію вселенную опять,
Доколь вороны—той сѣею зловонной,
Твой будутъ приговоръ ужасный исполнять!...

„Въ развалинахъ, что на скалѣ чернѣютъ,
Что эти вороны шумятъ?“
—Предчувствія томительныя сѣютъ,
О старыхъ войнахъ говорятъ.

В. И. Славянский.

О ЧЕМЪ ПЪЛА ЛАСТОЧКА?

Романъ Шпильгагена.

XI.

Прошло нѣсколько тихихъ дней въ мирномъ, уютномъ Долланѣ; изо-дня въ день Готтгольдъ собирался проститься съ этой сельской тишиной, но каждый разъ случалось что-нибудь особенное, заставлявшее его отложить этотъ послѣдній день до окончательнаго и послѣднѣйшаго. То вновь набросанный эскизъ непремѣнно нужно было отдѣлать, то маленькая Гретхенъ неутѣшно плакала, потому что дядя Готтгольдъ хотѣлъ откланяться какъ разъ въ день ея рожденія. Въ четвергъ рожь убирали съ полей: вечеромъ жнецы устроили маленькій сельскій праздникъ, разныя невинныя забавы придумали и, черезъ стараго управляющаго, Меллера, просили Готтгольда то тѣмъ, то другимъ помочь имъ при этомъ случаѣ. Въ пятницу пріѣхалъ молодой архитекторъ, — планъ составлять для новаго господскаго дома, — и Брандовъ неотвязчиво желалъ знать мнѣніе Готтгольда. А завтра объ отъѣздѣ нечего было и думать, потому что Брандовъ на цѣлый день собирался хлопотать по дѣламъ; послѣ завтра поджидали ассесора Зеллина съ супругой: да кромѣ того, оба фонъ-Шлюгенъ—Отто и Густавъ—должны были пріѣхать и какой-то господинъ Редебасъ изъ Далица, и еще кое-кто изъ сосѣдей... словомъ, маленькая компанія соберется,—Брандовъ всемъ написалъ, что у него они застанутъ Готтгольда, и всѣ этому несказанно обрадовались, короче — въ понедѣльникъ выѣхать никакъ невозможно, ну, такъ а въ понедѣльникъ можно будетъ посмотреть...

Вотъ подошла и суббота. Было уже за полдень. Брандовъ уѣхалъ куда-то еще съ утра и сказалъ, что вернется до вечера. Очень важное, должно быть, что-нибудь случилось, если онъ рѣшился бросить хозяйство въ этотъ день. Съ уборкой ржи Брандовъ страшно запоздалъ. На бѣду еще у него не было настоящаго управляющаго, тогда какъ Меллера, заступившаго его мѣсто, Брандовъ, въ бесѣдѣ съ Готтгольдомъ, нѣсколько разъ обзывалъ старымъ олухомъ, на котораго никакъ нельзя положиться. Слѣдовательно, людей, занятыхъ работою въ полѣ и на гумнѣ, приходилось оставлять въ этотъ день безъ надзора. Готтгольдъ вызвался было взять этотъ трудъ на себя, ужъ если Брандову непременно нужно отлучиться;—Брандовъ зналъ, что Готтгольдъ справился-бы съ этимъ дѣломъ какъ нельзя лучше и что люди, полюбивъ добраго гостя, охотно повиновались-бы ему. Тѣмъ не менѣе отъ его услуги Брандовъ отказался на-отрѣзъ.

— Съ моей стороны не деликатно уже то, что я долженъ тебя оставить на цѣлый день одного, но взваливать еще хлопоты разные... нѣтъ, голубчикъ, я не имѣю обыкновенія ничѣмъ обременять добрыхъ знакомыхъ... развѣ ужъ до зарѣзу придется!..

Съ этими словами онъ и уѣхалъ. А Готтгольдъ подобралъ свои рисовальныя принадлежности, чтобы только имѣть какой-нибудь предлогъ тоже уйти изъ дому.

Долго и безцѣльно, подгоняемый какой-то странной тревогой, прошлялся онъ въ окрестныхъ лѣсахъ и по взморью; потомъ припомнилось ему вдругъ, что дядя Бославъ долженъ вернуться сегодня вечеромъ изъ своего плаванія въ Зундинъ—такъ, по крайней мѣрѣ, передавалъ Карлъ Петерсъ, старый рыбакъ изъ Ралова. А ужъ кому-же и знать объ этомъ, какъ не Барлу Петерсу: старикъ вѣдь оставилъ ему ключъ отъ будки и поручилъ вечеромъ зажечь лампу, а ночью караулить. Кромѣ того, съ Бославомъ отправился плавать сынъ этого самаго Карла Петерса. Готтгольдъ дошелъ до самой будки и расположился выжидать на прибрежномъ бугрѣ, въ тѣни буковъ. Но море плескалось о берегъ такъ тоскливо и монотонно, часы тянулись такъ убійственно, скучно... Нѣтъ, подумалось Готтгольду, ужъ если убраться изъ Доллана, то лучше завтра-же, а не въ понедѣльникъ, и сказать ей объ этомъ именно теперь.

— Барыня съ Гретхенъ въ саду! сообщила хорошенькая Рика,—на томъ самомъ мѣстѣ... да вы сами изволите знать...

Готтгольдъ спокойно поглядѣлъ на дѣвушку, быстро отвернувшую отъ него лицо. Последнее замѣчаніе было совсѣмъ не нужно, потому что садъ былъ такъ не великъ, что всякого отыскать въ немъ было очень нетрудно. Но тонъ, какимъ служанка произнесла свое замѣчаніе, весьма неприятно отозвался въ ушахъ Готтгольда. Не разъ уже ему казалось, что сѣрые юркіе глазки горничной шпионскимъ выраженіемъ перебѣгали то на него, то на Цецилію; нѣсколько разъ она невзначай вбѣгала въ комнату или подкрадывалась къ нимъ — и каждый разъ съ вопросомъ, не звали-ли ее. Припомнились ему теперь слова Цециліи: „она все пересказываетъ...“ „Должно быть то, что пересказывать не о чѣмъ“, мысленно засмѣялся Готтгольдъ;—завтра-же конецъ ея забавѣ будетъ, продолжалъ онъ раздумывать, медленно пробираясь вдоль изгороди къ укромной площадкѣ, также обнесенной свѣжей зеленью кустовъ и засаженной цвѣтами. Здѣсь Цецилія имѣла обыкновеніе находиться, около этого времени, вмѣстѣ съ ребенкомъ.

Гретхенъ, чуть замѣтила Готтгольда, побѣжала къ нему навстрѣчу.

— А гдѣ ты былъ, дядя Готтгольдъ? Что мнѣ принесть?..

Возвращаясь изъ своихъ прогулокъ, художникъ обыкновенно приносилъ дѣвочкѣ какой-нибудь рѣдкостный цвѣтокъ, или хорошенькіе камешки съ морского берега, или другую диковинку. Сегодня въ первый разъ онъ объ этомъ совсѣмъ забылъ. Дѣвочка сердито надула губки.

— Не люблю тебя больше, вотъ что! кричала она, бѣгомъ возвращаясь къ матери,—не люблю... не люблю... и мама тоже не будетъ любить, не будетъ... Сердитая головка выглядывала уже подъ защитою матери.

Готтгольдъ поклонился Цециліи и ушелся поодаль на другой скамьѣ, какъ дѣлалъ постоянно, когда она не приглашала его сѣсть къ ней ближе. Сегодня она молча подала ему руку, почти не отвѣдя глазъ отъ работы. Это кольнуло его теперь какъ-то особенно больно. Молча сталъ онъ глядѣть на нее; ему показалось, точно-бы глаза ея краснѣе стали. Не хотѣла-ли она скрыть предъ нимъ недавнія свѣжія слезы,—скрыть, что еще умѣетъ

выплакать горе?.. Холоднымъ тупымъ взглядомъ слѣдила она за шалившою поодаль дочкой, — не хотѣла-ли заставить его подумать, что эти, когда-то живые, прекрасные глаза уже не способны ни къ какому болѣе теплому и задушевному взгляду?!

— Нѣтъ, это невыносимо! внутренно содрогнулся молодой художникъ.

Онъ всталъ съ мѣста и подошелъ къ Цециліи. Она плотнѣе прижала къ себѣ платье, хотя на большой скамьѣ мѣста было достаточно.

— Гмъ, я почти общалъ остаться до понедѣльника, Цецилія, робко началъ онъ, — но не подумалъ при этомъ, что если Зеллинъ и его жена придутъ завтра, то должны будутъ у васъ заночевать... ну, да и кромѣ того другіе могутъ понаѣхать, а ты и безъ того здѣсь стѣснена.

— Ты хочешь уѣхать? перебила его Цецилія, — почему-же прямо не сказать этого?

Когда Готтгольдъ началъ говорить, она приподняла голову отъ работы и остановила на немъ быстрый, но невыразимо жуткій взглядъ, глубоко и больно западавшій въ сердце. Но голосъ ея, когда она отвѣчала, звучалъ совершенно спокойно, только какъ будто немножко глухо. Ей удалось даже улыбнуться, когда она опять взялась за свое рукодѣлье.

— Скоро собираешься отсюда? тихо прибавила она послѣ небольшой паузы, такъ-какъ Готтгольдъ все еще не могъ придумать никакого отвѣта.

— Да, думалъ завтра утромъ! отозвался Готтгольдъ, и при этомъ ему показалось, точно не онъ, а кто-то другой произнесъ эти слова. — Барль сказалъ мнѣ, что завтра экипажъ отправляется отсюда...

— Завтра утромъ!..

Она спустила работу на колѣни и закрыла глаза лѣвой рукою, тогда какъ пальцы другой руки, державшей работу, какъ будто слегка вздрогнули два-три раза. Потомъ лѣвая рука тяжело упала, Цецилія понурила голову, озабоченно сдвинувъ брови, и проговорила тѣмъ-же глухимъ голосомъ:

— Да и съ какой стати мнѣ тебя удерживать?..

— Хоть-бы ради того, что мое присутствіе здѣсь тебѣ не противно, попрекнулъ Готтгольдъ.

Ему показалось, какъ будто она его не слышала. Цецилія однако хорошо разобрала каждое слово, но долго молчала только для того, чтобы быть увѣренной, что не залетится слезами, когда станетъ говорить. Плакать она не хотѣла, не должна была. И вотъ опять мужественно собралась съ духомъ:

— Ты самъ хорошо это знаешь, но... это вовсе не резонъ тебя удерживать. Я сама отлично вижу и чувствую, какъ невесело у насъ живетъ, какъ нестерпимо скучно для всякаго, кто не привыкъ къ такой жизни, а въ два-три дня не привынешь... Для этого нужны годы, десятки лѣтъ... Поэтому только я никого сюда и не приглашаю... не могу себѣ вообразить, чтобы кому-нибудь это было особенно пріятно... и также никого не задерживаю, въ увѣренности, что онъ самъ радъ отсюда вырваться... Почему-же съ тобою мнѣ поступить иначе, чѣмъ съ другими?..

— Совершенно вѣрно, если для тебя я не больше другихъ...

— Не больше, не больше!! Что это значить, скажи, пожалуйста? Отчего-же больше?.. Ужь не оттого-ли, что мы знакомы такъ давно, что были друзьями еще въ дѣтствѣ, да?.. Что-же изъ этого? И что за важность—эта дружба дѣтскихъ лѣтъ? Будто мы остались тѣми-же? Ты-то еще, можетъ быть... по крайней мѣрѣ, въ главномъ. Но я уже далеко не то... такъ мало похожа на прежнюю Цецилію, какъ... дѣйствительность на наши свѣтлыя мечтанія... Ну, да впрочемъ, такъ или не такъ... но я замужемъ. А замужней женщины друзья ненужны... у нея ихъ нѣтъ и быть не можетъ, если она любитъ мужа, а если не любить...

— Да, если предположить этотъ послѣдній случай?.. подсказалъ Готтгольдъ, когда Цецилія вдругъ замолчала.

— Это не такъ просто, какъ кажется съ перваго взгляда! смѣшалась Цецилія, просматривая строчку въ своемъ руководствѣ:— мало-ли чего нельзя вообразить... Можетъ, наприимѣръ, случиться, что онъ-то, несмотря ни на что, все таки ее любитъ, а передъ истинной, доброй любовью у рѣдкой женщины, даже и не особенно щекотливой природы, не отзовется въ сердцѣ нѣчто въ родѣ признательности... Но допустимъ даже, что онъ ее не любитъ... пересталъ любить или не любилъ никогда... все здѣсь будетъ зависеть отъ того, какая у него жена. Очень можетъ

случиться, что у нея нѣтъ ни капли гордости, и тогда она не постыдится повѣрить свое горе какому-нибудь другу, который можетъ со временемъ попасть въ ея любовники, или эта—женщина самолюбивая, и въ такомъ случаѣ она... она... я не знаю, что сдѣлаетъ, но навѣрное скорѣе сквозь землю провалится, чѣмъ повѣсится кому-бы то ни было на шею и закричить: я несчастна, пожалѣйте меня!..

— А если это вовсе не нужно, если ея несчастье на лицѣ написано, изъ глазъ смотреть, въ ея голосѣ слышится?..

Пецилія на одну минуту нахмурилась. Но потомъ какъ-то особенно тщательно разглядила шовъ въ своей работѣ и проговорила безстрастнымъ, почти равнодушнымъ тономъ:

— Кто можетъ быть такимъ гениальнымъ отгадчикомъ?! Кто можетъ, скажи, Бога ради, вычитывать чужія мысли изъ глазъ и при этомъ никогда не ошибаться, не быть игрушкой своей-же собственной дѣтской самоувѣренности?.. Однако, къ чему это мы заговорили о такихъ непріятныхъ вещахъ?.. Расскажи-ка лучше, куда ты намѣренъ отправиться и гдѣ поживать будешь? Ужь не назадъ-ли—въ Италію, а? Ты, кажется, говорилъ объ этомъ еще недавно...

— Благодарю за вниманіе, поклонился Готтгольдъ, съ дрожащими губами:—но я еще самъ ничего не рѣшилъ. По выѣздѣ изъ Рима, рассчитывалъ было нѣкоторое время прожить здѣсь, на сѣверѣ, и посмотрѣть, не будетъ-ли родина для меня опять доброй, настоящей моею родиной. Но попытка, кажется, не удалась или... уже не удалась...

— Ну, я думаю, такъ скоро этого рѣшать нельзя... Впрочемъ, вопросъ этотъ важенъ только для насъ, обыкновенныхъ смертныхъ, а вы, господа художники, народъ, право, счастливый... для васъ родина—въ искусствѣ, и эту родину вы всегда можете захватить съ собою, куда ни залетите...

— А я полагаю, что мы можемъ послужить нашему искусству только въ своемъ отечествѣ.

— Это почему?

— Да потому, что только въ родной землѣ художникъ можетъ создать самое крупное, къ чему способенъ по характеру своего дарованія. Я заключаю это изъ исторіи всѣхъ искусствъ: они процвѣтали тогда только, когда артистъ или художникъ могъ

развить свой талантъ въ родномъ краю, на близкихъ его сердцу сюжетахъ, представляемыхъ родиной и временемъ, въ которое онъ работаетъ, — потому что въ этомъ смыслѣ и время можетъ быть названо родною сферою художника... Наконецъ, я заключаю это изъ моего собственнаго опыта: мнѣ пришлось уже узнать, что тѣ, которые въ самомъ началѣ не могли найти для себя въ своей сродной стихіи — по мѣсту и времени — никакого матеріала, — никогда не выходили истинными художниками, а только или поверхностными дилетантами или просто-на-просто шарлатанами, умѣвшими морочить своими жалкими, лишенными жизни и смысла малеваніями только эстетически слѣпую толпу, къ которой, въ сущности, сами они принадлежали съ ногъ до головы...

Предметъ этотъ въ подобную минуту интересовалъ Готтгольда весьма мало, и онъ заговорилъ о немъ только для того, чтобы заставить замолчать свою душевную горячку или, по крайней мѣрѣ, скрыть ее отъ сидѣвшей возлѣ него блѣдной, серьезной собеседницы. Мало-по-малу, однако, онъ заговорилъ съ большей живостью и, наконецъ, мысли его складывались такъ широко и свободно, что за минуту предъ тѣмъ онъ самъ подивился-бы такому краснорѣчивому порыву. Цецилія также въ началѣ слушала его разсѣянно, но чѣмъ далѣе, тѣмъ внимательнѣе сосредоточивалась на этомъ предметѣ: темные глаза ея загорѣлись прежнимъ живымъ блескомъ, когда она спросила:

— Какъ-же ты примѣняешь все это къ себѣ?

— Разладъ съ отцомъ и многія другія грустныя воспоминанія, — о нихъ говорить теперь не зачѣмъ, — заставили меня, въ нѣкоторомъ смыслѣ, рано дезертировать изъ моей родины... и это было для меня большимъ несчастіемъ... Отъ всего родного меня оторвали въ такую раннюю пору, когда оно было для меня настоятельной необходимостью. Малымъ ребенкомъ бѣгалъ я по цвѣтущимъ лугамъ, рѣзвымъ подросткомъ шмыгалъ подь деревьями, любясь золотыми солнечными лучами, пробывавшимися между ихъ вершинами; или прислушиваясь къ шелесту дождя; между кудрявой зеленью заглядывался на родное небо, то ласковое, смѣющееся, то пасмурное, невыразимо грустное, глядѣлъ, въ вечерніе сумерки, на необозримую гладь моря или, уже юношей будучи, мысленно уплывалъ на его черныхъ волнахъ куда-то въ фантастическую даль, мечталъ о сраженіяхъ, о ранней героической

смерти... и вдругъ всего этого лишиться, такъ рано... А вѣдь могъ-бы я рисовать все это — природу и мечтанія — къ живой радости другихъ, вызывая своими картинами и въ нихъ воспоминанія о ранней жизненной порѣ... Теперь-же мнѣ пришлось рисовать не изъ души, не душою... что же другое могло выйти, кромѣ пестрой художественной мишуры?..

— Зачѣмъ-же вы, художники, такъ усердно забиваетесь въ дальніе края? полюбопытствовала Цецилія.

Опять вся она обратилась въ любознательную дѣвучку прежнихъ лѣтъ, когда ярко свѣтила въ ея темныхъ глазахъ молодая, воспріимчивая душа, когда на губахъ звучалъ то свѣжій, серебряный смѣхъ, то серьезное и умное слово.

— По-моему, многихъ тянетъ туда просто слѣпая и неразумная прихоть, отозвался Готтгольдъ, — во всякомъ случаѣ, я посоветовалъ-бы молодому художнику отправиться въ Римъ тогда уже, когда онъ твердо освоился съ своимъ дѣломъ, а иначе изъ него выйдетъ только жалкій флюгеръ... Гете давнымъ давно уже написалъ свои взгляды о нѣмецкомъ искусствѣ, давнымъ давно самъ былъ въ немъ мастеромъ, прежде чѣмъ съѣздилъ въ Италію. И вотъ почему именно онъ могъ спокойно продолжать своего Фауста подъ итальянскими соснами виллы Боргезе, могъ вернуться съ богатымъ запасомъ наблюденій чужой страны и людей, ознакомиться съ тѣмъ, что они сдѣлали, втеченіи тысячелѣтій, подъ этимъ роскошнымъ небомъ, и въ то-же время остаться тѣмъ-же, какимъ онъ туда поѣхалъ. Въ искусствѣ, Цецилія, бываетъ то-же, что и въ государствѣ. Кто можетъ понимать крупныя условія въ механизмѣ государства, не заглянувъ сначала въ болѣе мелкія отношенія общественной жизни?.. Кто могъ-бы сослужить какую-нибудь важную службу обществу, не умѣя управлять своимъ собственнымъ домашнимъ очагомъ? Кто можетъ управлять своимъ домою, семьей, не выучившись управлять самимъ собою?

Между тѣмъ подошла Гретхенъ. Цецилія взяла ее къ себѣ на колѣни, и дѣвочка сидѣла смиренно, какъ-бы понимая, что теперь нельзя вмѣшиваться въ разговоръ. Но какъ только Готтгольдъ замолчалъ, Гретхенъ вставила такое замѣчаніе:

— Послушай, мама, пусть дядя Готтгольдъ будетъ моимъ папою... можно?..

Цецилія вся вспыхнула. Она быстро подхватила дѣвочку и

спустила ее съ колѣнъ. Но видно Гретхенъ не хотѣла отказаться отъ своего оригинальнаго желанія.

— Вѣдь какой онъ хорошій, сама посмотри... Глаза голубые, и всегда любить тебя, а папа часто сердится, развѣ не правда, мама?..

Цецилія вскочила съ скамьи и сдѣлала нѣсколько шаговъ, какъ будто хотѣла уйти. Но колѣни ея дрожали; она не могла идти далѣе и выпустила дѣвочку изъ рукъ. Гретхенъ расплакалась, испуганная этимъ страннымъ неудовольствіемъ матери, убѣжала прочь и въ слѣдующую-же минуту совершенно утѣшилась, погнавшись за двумя бабочками въ цвѣтникѣ. Цецилія остановилась, отвернувшись отъ Готтгольда.

— Цецилія! окликнулъ ее Готтгольдъ.

Онъ подошелъ къ ней, хотѣлъ взять за слабо повисшую руку. Но Цецилія повернулась, и Готтгольдъ увидѣлъ настоящее лицо Медузы.

— Цецилія!! тревожно повторилъ Готтгольдъ, протягивая къ ней обѣ руки.

Она не попятилась назадъ, даже не пошевельнулась; только лицо ея и полуоткрытыя губы странно подергивались. Когда она, наконецъ, заговорила, слова ея сходили съ губъ медленно, точно послѣднія кровавыя капли изъ смертельной раны.

— Я не нуждаюсь въ твоёмъ состраданіи, слышишь-ли ты это?.. Я не давала тебѣ никакого права жалѣть обо мнѣ, — ни тебѣ, никому другому... Изъ-за чего ты меня мучишь, скажи, Бога ради?..

— Не буду, не буду тебя болѣе мучить, Цецилія... Сказалъ, что ѣду отсюда, вотъ и все...

— Ну, и поѣзжай себѣ съ Богомъ. Съ какой стати ты заговариваешь о подобныхъ вещахъ... со мною? Съ ума, что-ли, хочешь меня свести? Да я... я не желаю быть сумасшедшею...

— А между тѣмъ, это... это настоящее сумасшествіе! горячо высказался Готтгольдъ: — если не любишь его, — а ты, дѣйствительно, не любишь, не можешь любить его, — то никакой законъ, ни божескій, ни человѣческій, не въ силахъ принудить тебя выносить эту кровавую пытку, гложущую въ нѣмой, безконечной скорби... Вѣдь если на то пошло, такъ и онъ тебя не любитъ...

— Самъ признавался тебѣ?

— Будто это нужно...

— Нѣтъ, Готтгольдъ, честью твоею умоляю тебя... онъ самъ сказалъ тебѣ это?..

— Нѣтъ, но...

— А если любить... если... если я еще люблю его?! Какое ты право имѣешь говорить со мной на подобную тему, какое?!.. Кто далъ тебѣ право унижать меня въ моихъ собственныхъ глазахъ?.. Это-ли твоя хваленая дружба!..

Готтгольдъ поникъ головою и отвернулся. Гретхенъ прибѣжала къ нему на-встрѣчу.

— Ты это куда собрался, дядя Готтгольдъ?..

Онъ поднялъ дѣвочку, поцѣловалъ ее, потомъ опустилъ на землю и пошелъ въ сторону.

— Что это съ дядею Готтгольдомъ, мама... чего онъ плачетъ? приставала Гретхенъ, цѣпляясь за платье матери:—а вотъ папа нашъ никогда не плачетъ, правда, никогда, мама?..

Цецилія ничего не отвѣчала. Сухіе, тусклые глаза неподвижно остановились на томъ мѣстѣ, гдѣ между кустовъ скрылся Готтгольдъ.

— Навсегда! тихо простионала она,—на вѣки!..

ХП.

Готтгольдъ подошелъ къ полусохшей липѣ, близъ которой находилась маленькая деревянная калитка, выводившая, заглохшей изгородью, съ этой стороны изъ сада. Здѣсь онъ остановился и пугливымъ взглядомъ окинулъ дѣсь, потемнѣвшій за залитыми солнцемъ полями. Въ подобную минуту повстрѣчаться съ кѣмъ-бы то ни было, можетъ быть, остановиться на пути, отвѣчать на поклонъ или вопросъ было-бы для него невыразимо тягостно. Но кругомъ живой души нигдѣ не было видно. Всѣ въ деревнѣ были заняты уборкою и перевозкою ржи съ большой нивы, по ту сторону усадьбы. Дорога къ ближнему дѣсу была безлюдна.

Съ какимъ-то бессмысленнымъ ожесточеніемъ припекало лѣтнее солнце, и знойный воздухъ замеръ подъ привольно колосившеюся пшеницей. Ни одна свѣжая струя воздуха не шевелила начинавшими крупно наливаться колосьями; безчисленные кузнечики стрекотали и

рѣзвились по обѣ стороны узкой тропинки, извивавшейся чрезъ пашню. Не очень высоко въ воздухѣ плыла большая стая дикихъ голубей, быстро поворачиваясь то въ ту, то въ другую сторону, и тогда какая нибудь одинокая, бѣглая тучка стальнымъ щитомъ блестяла на глубокомъ, лазаревомъ небѣ въ лучахъ солнца, уже спускавшагося за деревню.

Готтгольдъ видѣлъ все это, — привыкъ всегда жить душою съ природой. Чувствовалъ и электрическое напряженіе воздуха, но оно какъ-бы еще болѣе помогало кровавымъ конвульсіямъ его сердца. Горячая слеза, выдавленная болью этого сердца, давно уже была прогнана... чувствомъ стыда. Какъ глупо и безтактно вызвалъ онъ эту послѣднюю сцену... какъ неудачно, въ концѣ долгой, мучительной недѣли, разыгралъ роль утѣшителя... чтобъ только узнать, что она все еще любитъ этого... господина и считаетъ себя несчастною потому только, что, можетъ быть, онъ любить ее не такъ страстно, какъ она его любить, какъ ей хочется быть имъ любимой!.. „Умоляю тебя, Готтгольдъ, твою честью, онъ самъ сказалъ тебѣ это?.. Съ какииъ мучительнымъ замираніемъ сердца это было произнесено!.. И какъ страшно изменилось ея лицо при одной мысли, что онъ отвѣтитъ: да!!.— „Этотъ ли твоя хваленая дружба?“ Гмъ, да ужъ и надоѣлъ-же онъ ей, дѣйствительно, этой дружбой... давно надоѣлъ, а сегодня вотъ опять вздумалъ за ту-же тактику взятыся, съ тою только разницей, что не могъ, какъ было прежде, прикрыться маскою дружбы, не имѣлъ даже жалкаго утѣшенія — повернуть тылъ незамѣтно и лукаво, какъ ретировался ночью, десять лѣтъ тому назадъ...

Здѣсь, у опушки лѣса, лежалъ онъ когда-то темной ночью, подъ большимъ дубомъ, и безсильно рвалъ и раскидывалъ мохъ и проклиналъ себя и весь свѣтъ, потому что при свѣтѣ луны видѣлъ счастливую, влюбленную парочку. А теперь свѣтило яркое, надоѣдливое солнце, свѣтило въ тотъ-же печальный уголокъ у опушки, точно поддразнивало его, точно хотѣло показать ему, какъ глупы были его страданія въ прежнее время и какъ непростительно глупо было, съ его стороны, до сихъ поръ отъ нихъ не вылечиться... А вѣдь она все-таки счастлива была!! Готтгольдъ хотѣлъ засмѣяться, но изъ груди его вырвался только какой-то ужасно нехорошій не то стонъ, не то крикъ, словно крикъ раненаго звѣря... Совершенно такъ вскрикнулъ онъ и въ ту, давно

минувшую ночь, когда пробирался въ душномъ лѣсу этою-же дорогой, тогда какъ деревья, словно смѣющіяся, подразнивающія привидѣнія, танцовали вокругъ него въ блѣдной иллюминаціи мѣсяца... Теперь они равнодушно и спокойно грѣлись на солнышкѣ, точно хотѣли сказать: что намъ до твоего горя, созданнаго тобою-же самимъ, шальная ты голова!..

А мнѣ-то что до твоей муки!.. прошумѣло море, отрывшееся предъ нимъ необозримой, холодной, темносиней далью, когда онъ изъ лѣсу вышелъ на крутое побережье. Такимъ-же величавымъ и прекраснымъ видѣлъ онъ море съ утесовъ Анакапри, когда оно дало ему мотивъ для одной изъ лучшихъ его картинъ. Но теперь Готтгольдъ вспомнилъ объ этомъ лишь вскользь, какъ измученный, опаленный солнцемъ странникъ вспоминаетъ на пыльной дорогѣ о прохладной затиши лѣса или о свѣжемъ вѣяннѣ съ чистаго ручья, у котораго онъ сидѣлъ когда-то, когда-то...

Внизу, въ маленькой, занесенной песчаными обрывами берега бухтѣ, плескались лодки, принадлежавшія владѣльцамъ имѣнія. Въ одной изъ нихъ, меньшей, онъ не разъ катался вдоль по берегу и потому имѣлъ у себя въ карманѣ ключъ отъ цѣпи, придерживавшей лодки у столбовъ побережья.

Шире и шире ложилась тѣнь на освѣжѣвшую зыбь, опережая Готтгольда, когда онъ сильными взмахами веселъ сталъ гнать лодку черезъ широкій заливъ; на крайнемъ южномъ поворотѣ залива виднѣлась береговая будка, ярко освѣщенная въ эту минуту солнцемъ. Но тѣнь падала не отъ берега. Надъ крутымъ взморьемъ нависла тяжелая, черная туча, верхній край которой искрился краснымъ, зловѣщимъ блескомъ. Изъ лѣсистой дали къ морю ближе и ближе подходила гроза. Ну, и тѣмъ лучше! подумалось Готтгольду, — по крайней мѣрѣ, на душѣ легче, свѣже станетъ въ бѣшеномъ разгулѣ природы. Вотъ изъ черной тяжело-нависшей тучи свернула раскаленная молнійка, потомъ другая, потомъ третья... и съ какою-то злобной торопливостью туча разстидается дальше и дальше, гаситъ всякій свѣтъ на небѣ, на побережьи, на морѣ, вѣтеръ порывается съ сердитымъ визгомъ, и вздымаетъ, и гонитъ бѣлыми волнами до сихъ поръ спокойную водяную гладь...

Волны и вѣтеръ ударяютъ въ бокъ утлой лодки Готтгольда, играютъ ею, какъ мячикомъ, и загоняютъ все далѣе и далѣе въ почернѣвшее море. Напрасно онъ, замѣтивъ опасность, сталъ

держатъ къ берегу. Послѣ нѣсколькихъ усилій ему стало ясно, единственная надежда для него въ томъ, что гроза минуетъ такъ-же скоро, какъ налетѣла.

Но демоны тьмы и бури, точно подслушали его дерзкій вызовъ и требовали своей жертвы. Глубже и гуще залегала ночная тьма надъ расколыхавшимся моремъ; только на дальнемъ горизонтѣ блеснетъ какой-нибудь парусъ запоздалый, но теперь ночь уже все затушевала. Выше и выше прыгали сердитыя волны, отгоняя лодку отъ берега, когда зоркій глазъ Готтгольда сталъ различать вдали сѣрую, грязную полосу—мѣловую гору съ вѣнчавшимъ ее темнымъ полѣсьемъ. Ему угрожало быть загнаннымъ въ открытое море, если только та или другая шальная волна не опрокинетъ лодку, чего можно было опасаться каждую минуту; казалось даже необъяснимымъ чудомъ, какъ это не случилось до сихъ поръ.

Съ геройскимъ хладнокровіемъ Готтгольдъ дѣлалъ все, что могъ, чтобы укрыться отъ бѣды: зорко слѣдилъ, какъ поднималась и падала каждая набѣгавшая волна, съ силою удерживая лодку по вѣтру то правымъ, то лѣвымъ весломъ, то обоими вмѣстѣ. Въ случаѣ, если-бы лодка опрокинулась, все зависѣло отъ того, пойдетъ-ли она прямо ко дну или останется поверхъ воды. При послѣдней вѣроятности положеніе его еще не было такъ безнадежно. Онъ могъ, пожалуй, продержаться нѣсколько часовъ, и тогда повернувшій въ другую сторону вѣтеръ могъ пригнать его къ берегу, или мимо идущее судно могло взять его къ себѣ на бортъ. Но если-бы лодку перевернуло, спасенія для него не было—по всѣмъ человѣческимъ соображеніямъ. Выпустить весла изъ рукъ—чтобы раздѣться—нельзя было ни на одну секунду, а долго плыть одѣтымъ онъ не могъ надѣяться, хотя и былъ довольно хорошимъ пловцомъ, тѣмъ болѣе, что, несмотря на всю его бодрость и энергію, силы начали въ немъ замѣтно ослабѣвать, сначала—постепенно, мало-по-малу, а тамъ скорѣе и чувствительнѣе. Прежде онъ съ необыкновенной легкостью выдѣлывалъ веслами самыя смѣлыя движенія и повороты, теперь весла двигались все тяжелѣе и лѣнивѣе въ усталыхъ рукахъ. Въ груди чувствовалась тяжесть, сердце едва шевелилось, дыханіе спирало хрипотой, кровь прилиwała къ вискамъ. Онъ долженъ былъ во-

лей не волей—что-бы ему ни угрожало—перевести духъ съ минуты, убрать весла и пустить лодку по волѣ сердитой зыби.

Лодка сейчасъ-же стала зачерпывать воду. Готтгольдъ это предвидѣлъ: „теперь скоро всему конецъ!“ раздумывалъ онъ,— „да и что за бѣда!.. Ну, иное дѣло, если-бъ жить для нея можно было... тогда стоило-бы такихъ усилій... а то кому я, одинокій, нуженъ на свѣтѣ!.. Такому смерть, ей-Богу, не страшна... Положимъ, она подумаетъ: утопился нарочно, чтобъ мнѣ на зло сдѣлать... И съ моей стороны, можетъ быть, въ самомъ дѣлѣ, не любезно быть выброшеннымъ на берегъ весьма некрасивымъ трупомъ... Не любезно и, пожалуй, очень глупо!.. Но развѣ умнѣе безцѣльно скитаться на этомъ житейскомъ базарѣ, да и то сказать, что заплатить за глупость жизнию... кажется, дороже расплаты и не придумаешь...“

И все болѣе, все болѣзненнѣе путались мысли въ его отяжелѣвшей головѣ, когда онъ, въ послѣднемъ истощеніи силъ, нагнулся впередъ и бессмысленно глядѣлъ на весла, механически придерживая ихъ одеревенѣвшими пальцами. Надъ моремъ повисло тяжелое сѣрвато-черное небо, лодка билась о волны и въ эту минуту на футъ глубины окунулась въ набѣжавшій пѣнистый валъ. Но все это Готтгольдъ видѣлъ точно на неясно мелькавшемъ заднемъ фонѣ, на которомъ со всею яркостью обозначались ея милыя черты,—но не съ болѣзненно дрожащими губами, не съ холоднымъ взглядомъ Медузы,—нѣтъ, она вся свѣтилась дружеской, ласкающей улыбкой, такъ неизгладимо врѣзавшеюся ему въ память еще во дни счастливаго, золотого дѣтства... А теперь она улыбнулась ему такъ всего на одно неуловимое мгновеніе!.. И вдругъ всю душу его охватила невыразимая боль и тоска—тяжелое сожалѣніе о томъ, что онъ долженъ умереть, еще не проживъ полной жизнью, не выпросивъ у нея слова любви... Эта жизнь была для него источникомъ счастья, если-бъ ему позволено было и далѣе любить ее... жизнь эта принадлежала не ему, такъ или иначе, онъ долженъ былъ приберечь ее, бороться за нее до послѣдняго вздоха ради той, кому жизнь эта можетъ еще пригодиться... И теперь умереть, утонуть такъ глупо!!

Измученные пальцы опять ухватились за весла, усталыя руки поднялись и сильнымъ, молодецкимъ ударомъ отбили напоръ накиннувшихся волнъ. Отяжелѣвшіе глаза еще разъ окинули бѣлую,

блোকочущую зыбь, отыскивая спасенія, — и вдругъ изъ груди вырвался радостный крикъ, когда изъ водяного пара, сгустившагося въ воздухѣ, вынырнулъ парусъ; словно подосланный какииъ-то добрыиъ геніемъ. Въ слѣдующую минуту къ лодкѣ подплываетъ большѣе просторное судно, одинъ изъ бортовъ такъ глубоко засѣлъ въ водѣ, что передъ Готтгольдомъ открылся другой бортъ во всю вышину — отъ носа до кормы. На этомъ борту онъ различаетъ голову престарѣлаго лопмана съ бѣлыми, какъ снѣгъ, развѣвающимися по вѣтру вудрами. У мачты чуть обрисовывается туловище какого-то молодого человѣка, держащаго въ рукѣ свернутую кольцоиъ веревку. И вотъ веревка эта быстрой змѣей перекидывается чрезъ лодку. Готтгольдъ подхватываетъ ее, прицѣпляетъ къ яреку. Потомъ сильный поворотъ: почти до краевъ залитая водою лодка качнулася въ ту и другую сторону, — но пальцы Готтгольда уже ухватились за бортъ спасительнаго судна; сверху его хватаютъ за плечи двѣ мускулистыя руки, а въ слѣдующее мгновеніе онъ въ изнеможеніи сваливается къ ногамъ стараго Бослава. Старикъ протягиваетъ ему лѣвую руку, а правую съ силою напираетъ на руль, чтобы его собственное судно не захлебнулось отъ воды...

ХІІІ.

Море все еще было неспокойно послѣ недавней грозы, но солнце, передъ заходомъ, уже разсыпало по хмурымъ волнамъ золотныя дрожащія искорки. Въ темносиней вышинѣ неба уже вынырнули рѣзвыя звѣздочки; Готтгольдъ поглядѣлъ сначала на небо, потомъ на старика, сидѣвшаго съ нимъ рядомъ на скамьѣ подъ защитою толстыхъ стѣнъ берегового домика. Возлѣ нихъ, сквозь окошко, свѣтило пламя лампы, зажигаемой каждую ночь передъ домикомъ, съ тѣхъ поръ, какъ въ немъ поселился дядя Бославъ. Оно будетъ свѣтитъ здѣсь и долѣе, когда старый Бославъ закроетъ честныя, на многое насмотрѣвшіеся на своемъ вѣку глаза, и собственно по этому дѣлу онъ рѣшился предпринять плаваніе въ Зундинъ — первое послѣ того, какъ шестьдесятъ лѣтъ тому назадъ вернулся изъ Швеціи и, конечно, послѣднее на весь остатокъ его жизни. Отказаться на нѣсколько дней отъ своего уют-

наго одиночества, чтобы опять потолкаться между людьми, для него стоило нѣкотораго раздумья. Но рѣшиться было нужно, и старикъ не счелъ себя вправѣ долго останавливаться на томъ: легко или трудно будетъ для него справиться съ этой задачей. Взялъ съ собою молодого Карла Петерса, сына стараго, закадычнаго пріятеля, да и отплылъ въ Зундинъ. Тамъ цѣлую недѣлю добивался по утрамъ пріема у господина президента и каждый разъ его выпроваживали съ тѣмъ, что господинъ президентъ очень занятъ и принять не можетъ. Наконецъ, камердинеръ безъ обиняковъ объявилъ ему, чтобы онъ не смѣлъ болѣе являться, но въ эту самую минуту господинъ президентъ изволилъ выйти изъ своего кабинета и, замѣтивъ старика, ласково спросилъ, кто онъ такой и что ему нужно? Тогда докучливый посѣтитель сообщилъ пріятливому сановнику, что его зовутъ Богиславъ Венгофъ, и что онъ былъ очень друженъ съ Мальте-фонъ-Криссовицемъ, портретъ котораго виситъ вотъ тутъ на стѣнѣ,—это, должно быть, прадѣдушка господина президента, ввернулъ мимоходомъ старикъ. Покойный Мальте-фонъ-Криссовицъ былъ одинъ изъ шести молодыхъ помѣщиковъ, вызвавшихся быть судьями въ состязаніи между Богиславомъ и Адольфомъ Венгофомъ. Президентъ, еще въ очень молодыхъ лѣтахъ, слышалъ удивительную исторію отъ своего отца, а тотъ передавалъ ее со словъ дѣда, дѣдъ—со словъ прадѣда. И теперь президенту показалось какою-то сказочной невѣроятностью, что герой этой древней исторіи еще живъ и въ эту минуту сидитъ передъ нимъ на диванѣ. Онъ позвалъ жену и дочь, представилъ имъ старика и настоялъ на томъ, чтобы дядя Бославъ отобѣдалъ въ его семействѣ. Всѣ были необыкновенно ласковы и внимательны и—что всего важнѣе—президентъ, при прощаніи, завѣрилъ его своимъ графскимъ словомъ, что доброе дѣло, за которое онъ взялся хлопотать, съ этихъ поръ станетъ его собственнымъ.

— Да, такъ не сегодня—завтра тутъ начнутъ строить передъ домикомъ небольшой маячокъ на высокомъ каменномъ фундаментѣ, добавилъ дядя Бославъ,—и свѣтъ его будетъ хватать еще одной милею дальше, чѣмъ моя лампа. Сторожевымъ назначили Карла Петерса. Онъ будетъ жить тутъ-же, со мною... домикъ-то мой уже теперь сдѣлается береговою будкою, а какъ умру, поступить въ казну... Стало быть, отлично справился съ

нелестнымъ дѣломъ... Теперь, когда тушу на разсвѣтѣ свою лампу, незначѣшь беспокоиться, засвѣчу-ли я ее вечеромъ... другіе найдутся...

Старикъ замолчалъ. Громче похлопывалъ шведскій флагъ на вышкѣ берегового домика, рѣзвѣ шумѣла волна между прибрежныхъ голышей. Съ какимъ-то робкимъ благоговѣніемъ Готтгольдъ взглянулъ на сидѣвшаго возлѣ него девяностолѣтняго дѣда. Голова его бѣлѣла зимой глубокой, а между тѣмъ сердце въ груди билось такою юношескою теплотою, такою любовью къ людямъ!.. Какъ горячо хлопоталъ онъ о несчастныхъ, застигнутыхъ въ морѣ ночью бурей, не ожидая ни благодарности, ни любви... хлопоталъ о людяхъ, ему совершенно чуждыхъ, незнакомыхъ, про которыхъ онъ зналъ только, что они, бѣдныя, борятся тамъ съ густой темнотою, непроглядной даже для его ястребинаго глаза,— и будутъ держаться подалеже отъ опаснаго побережья, когда завидятъ огонекъ,—какъ учили ихъ этому отцы и дѣды... Дряхлый Бославъ умѣлъ жить исключительно для другихъ. Вся жизнь его была одною безконечной любовью къ брату, къ человѣку,— и еще сегодня, какъ смѣло рискнулъ онъ своей бѣлой головой, спасая того, кто почти не хотѣлъ быть спасеннымъ, для кого жизнь утратила всякую прелесть, потому что онъ любилъ и не былъ любимъ!.. Ну, что сказалъ-бы старикъ, еслибы ему признаться въ этомъ?.. Да и пойметъ-ли онъ такую эгоистическую блажь,—онъ, умѣвшій, забывая себя, жить и дышать одинаково для всѣхъ дѣтски свѣтлой, неисчерпаемой любовью?..

— Одна большая забота съ плечъ долой! заговорилъ дядя Бославъ,—правительство беретъ ее на себя... Но есть у меня и другая забота, и отъ этой освободить меня никто не можетъ...

— Ужь не она-ли... Цецилія? поглядѣлъ на него Готтгольдъ съ тревожно застучавшимъ сердцемъ.

— Она, она самая, правнучка Ульрики, проговорилъ старикъ,— какъ двѣ капли воды на нее похожая, только будетъ, пожалуй, еще несчастѣе... Ужь я-ли не убѣждалъ ихъ не отдавать ее за него... такъ нѣтъ-же, моего совѣта не послушали и по своему капризу сдѣлали, какъ всегда у нихъ было...

Какое-то странное уныніе и замѣшательство овладѣли стари-

комъ. Высокая, стройная фигура какъ-то съежилась, точно лишилась всей бодрости и силы; густой, и еще за нѣсколько минутъ твердый голосъ пискливо задрожалъ, когда послѣ небольшой паузы старикъ заговорилъ далѣе, обращаясь къ Готтгольду, боявшемуся прервать это молчаніе:

— Да, вѣчно дѣлали по своему, по глупому... Продали всѣ свои земли, одну за другою, потомъ лѣса тоже спустили и стали арендаторами тамъ, гдѣ прежде хозяевами были. Словомъ, раззорились, погибли одинъ за другимъ. И я все это долженъ былъ видѣть и ничѣмъ не помочь бѣдѣ. Каждый разъ думалъ только, что вотъ ужъ хуже этого ничто не можетъ быть,—такъ вѣтъ, они ухитрялись выкинуть что-нибудь еще гораздо худшее. Всѣ-то они наобумъ жили, какъ въ голову шальную взбредеть... Но подлецовъ не было между ними ни одного, положительно ни одного... Ну, и притомъ, какъ мужчины, могли честно прожить трудами рукъ своихъ. А теперь... теперь вмѣстѣ со мною угаснетъ даже наше старое, почтенное имя... Осталась изъ всего роду одна несчастная, беззащитная женщина, промѣнявшая свое имя на мужино... на имя отъявленнаго негодяя, каковы были всѣ его предки... И этотъ-то негодяй утопить бѣдную въ своемъ позорѣ... и въ моемъ!!..

Последнее добавленіе было произнесено чуть слышно. Морщинистое лицо поникло на сильныя, жилистыя руки. Готтгольдъ опустил свою руку на колѣни старика.

— Зачѣмъ вы все это говорите, дядя Бославъ? тихо попрекнулъ онъ,—зачѣмъ обвиняете себя въ томъ несчастіи, котораго не могли отвратить? Не вы-ли всегда были добрымъ гениемъ этого рода?..

— Я — добрымъ гениемъ!!! Да когда-же это кончится, Господи!!..

Старикъ, въ сильномъ волненіи, вскочилъ съ мѣста, широкими шагами подошелъ ко взморью и остановился, повернувъ лицо къ холодной зыби. Бѣлыя кудри старика развивались по вѣтру; онъ поднималъ обѣ руки къ стемнѣвшему морю, но потомъ опять опустилъ ихъ внизъ и пробормоталъ что-то непонятное. Готтгольдъ стоялъ возлѣ него сбоку.

Что это съ старикомъ дѣлается, подумалось ему,—ужь не поштался-ли вдругъ?!..

— Что съ вами, братецъ Бославъ? спрашиваетъ.

— Гмъ, братецъ Бославъ!! закричалъ дѣдъ, — ха, ха, ха, братецъ Бославъ!! Такъ, дѣйствительно, онъ меня называлъ, и она тоже, а вмѣстѣ съ ними и послѣ нихъ всѣ... всѣ... мои дѣти и дѣти дѣтей... до этого дня, ха, ха, ха!..

— Братецъ Бославъ!..

— Вѣчный и всесвѣтный братецъ! Вотъ и на могильномъ камнѣ меня проишутъ съ этимъ названіемъ, что-жь, тѣмъ лучше... Я поклялся, что никто въ цѣломъ свѣтѣ не узнаеть... по теперь силъ нѣтъ хранить эту тайну... Въ чемъ мы погрѣшили передъ человѣчествомъ... пусть узнаеть это человѣкъ и пусть проститъ намъ вину отъ имени всей великой человѣческой семьи... А тебя я всегда очоь любилъ, вотъ и сегодня не подоспѣй я, не быть-бы тебѣ въ живыхъ... такъ лучше передъ тобой каяться, чѣмъ передъ кѣмъ другимъ...

Онъ опять повелъ Готтгольда къ скамьѣ.

— Ты, вѣроятно, уже слышалъ о моей исторіи съ двоюроднымъ братомъ Адольфомъ... въ Долланъ?

— Какже, слышалъ, подтвердилъ Готтгольдъ, — и еще недавно обо всемъ этомъ передумалъ, передъ тѣмъ какъ явился провѣдать васъ... Не мало я дивился, съ какимъ рѣдкимъ великодушіемъ вы отказались отъ богатаго наслѣдства и отъ руки любимой дѣвушки, когда узнали, что она предпочитаетъ вашего родственника... Извѣстіе это сообщила вамъ Эмма фонъ-Далицъ, подруга Ульрики, наканунѣ того дня, когда дѣло должно было рѣшиться окончательно... кажется, такъ?

— Да, улыбнулся дядя Бославъ, — съ тою только разницею, что въ извѣстїи, переданномъ мнѣ Эммою, не было ни на волосъ правды... она солгала, обманула меня... этимъ способомъ хотѣла въ жены ко мнѣ попасть... потому полюбился я ей, не знаю за что, — сама она объ этомъ все написала мнѣ года два послѣ того изъ Швеціи... передъ смертью каялась... Въ этомъ-же созналась она и Ульрикѣ... Несчастливая дѣвушка, подобно мнѣ, повѣрила, будто я насмѣхался надъ нею, будто говорилъ, что скорѣе женюсь на лапландкѣ, чѣмъ на ней... Но подходящей лапландки не нашлось, а ее, бѣдную, между-тѣмъ скрутили съ Адольфомъ. Когда я назадъ вернулся, она уже была женою Адольфа и матерью двоихъ дѣтей... Третій ребенокъ — тоже мальчигъ — ро-

дился годъ спустя послѣ моего возвращенія; два старшіе померли въ очень раннихъ годахъ, а третій остался въ живыхъ, былъ ея единственнымъ утѣшеніемъ... и этотъ третій былъ... мой сынъ!..

— Горькая, горькая судьба! какъ-бы про себя замѣтилъ Готтгольдъ.

— Не правда-ли, это горько и тяжело! подхватилъ старикъ: — можетъ-ли быть кто-нибудь несчастнѣе человѣка, который не можетъ порадоваться своему дѣтищу, не можетъ передъ всѣми назвать именно то, что только и принадлежитъ ему, его сердцу на всемъ широкомъ божьемъ свѣтѣ?.. А я этого не могъ, не смѣлъ. Ульрика была горда; она десять разъ скорѣе бы умерла, чѣмъ открыто приняла-бы на себя стыдъ супружеской невѣрности. Я-же трусилъ... изъ любви къ ней... и также къ нему, честному, довѣрчивому, доброму Адольфу... Я съизмала любилъ его, какъ родного брата, и онъ также слѣпо довѣрялъ мнѣ и готовъ былъ-бы передъ цѣлымъ свѣтомъ утверждать, что я его лучший, вѣрнѣйшій другъ... Такъ прошло нѣсколько убійственныхъ лѣтъ. Ульрика изнывала въ страшной борьбѣ между долгомъ и любовью, въ которой ей стыдно было признаться. Не вынесла, наконецъ, бѣдная, и умерла. Я долженъ былъ, пожимая, цѣлуя ея остывавшія руки, поклониться, что никому не выдамъ нашей страшной тайны. Для моего сына, для внуковъ я и остался старикомъ Бославомъ. Правда, они обращались со мною лучше, чѣмъ съ старымъ, ворчливымъ слугою, котораго не хотятъ прогнать изъ состраданія. Часто призывали меня поболтать о томъ, о семъ, когда въ особенно веселомъ ударѣ находились... Когда въ семьѣ ребенокъ родится, старику Бославу, на крестинахъ, тоже давали скромное мѣсто гдѣ-нибудь въ концѣ стола, а случалось везти кого-нибудь на кладбище, въ Рамминъ, стараго Бослава сажали въ послѣднюю карету... если оставалось порожнее мѣсто. И все это я сносилъ молча, безропотно, хотя на душѣ... ну, да мало-ли, что тамъ выдѣлывалось!.. Этимъ смиреніемъ, этой покорной преданностью другимъ я думалъ искупить свой тяжкій грѣхъ, совершенный на моемъ-же родномъ племени. Но проклятіе тяготѣло и тяготитъ на мнѣ по прежнему: не удалось мнѣ уберечь племя мое отъ слезъ и нужды, и вотъ пришлось дожить до того, что къ нему и нищета уже стучится, голодь...

— Никогда, ни за что на свѣтѣ! съ живостью остановилъ его Готтгольдъ, вскакивая съ мѣста, — этого не будетъ!..

— Да что-же ты-то подѣлаешь? спросилъ, сдвинувъ плечами старикъ, — денегъ ему займешь, что-ли? Будто вода остается между пальцами? Будто деньги долго залежатся въ карманѣ игрока?!.. Разъ какъ-то, вечеромъ, я снесъ ему свою экономію за шестьдесятъ лѣтъ. Сумма была немаловажная — аренда за нѣсколько моихъ полей и луговъ, съ процентами и процентами на проценты: къ слѣдующему утру у него уже не оставалось ни единого гроша. Ты говоришь мнѣ, что ты теперь сталъ богатымъ человѣкомъ, стало быть, можешь дать больше меня, — да что толку-то? Взять-то онъ возьметъ... сколько ему ни давай, а потомъ, когда не начто уже будетъ больше надѣяться, вытолкаетъ по шеямъ, да и ворота для тебя на запоръ, — вотъ какъ со мной сдѣлалъ. Зналъ, что я не пойду на него жаловаться, да и не могу, — потому никто не обязывалъ меня выдавать росписку, что я дарю все, что у меня есть своего, моей правнучкѣ!..

— А Цецилія?..

— Что-жъ Цецилія... вся пошла въ прабабушку. Горда ужь больно, и противъ своей горькой доли не знаетъ, и не хочетъ знать никакого другого средства, кромѣ украдкою глотаемыхъ слезъ... Охъ, ужь знаю я эти слезы, давно знаю... Какъ смочать ночью подушку одинокую, то глаза послѣ того глядятъ такъ неподвижно и пугливо... а она каждый разъ такъ глядѣла на меня, когда я послѣ того съ нею встрѣчался... правда, это случилось не очень часто... да постояй, куда-же ты?..

Готтгольдъ торопливо вскочилъ со скамьи.

— Не могу, и такъ долго засидѣлся.

— Можетъ, она ждетъ тебя, Готтгольдъ, а?

Старикъ опустилъ руку на его плечо и пристально посмотрѣлъ на него глубокимъ, рѣзкимъ взглядомъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, смѣшался Готтгольдъ, — не думаю...

— Ну, и тѣмъ лучше, успокоился старикъ, — ужь пусть-бы мнѣ одному суждено было пережить такое горе тяжелое... Когда-же мы съ тобой еще увидимся?..

— Завтра я хотѣлъ выѣхать отсюда рано. Можетъ быть, изъ Проры опять побываю.

— Поѣзжай съ Богомъ, такъ лучше... Мое дитя и безъ того

крестъ тяжелый несеть... чѣмъ скорѣе ты уйдешь отсюда, тѣмъ лучше!..

ГЛАВА XIV.

„Гмъ, тѣмъ лучше!“ угромо повторилъ Готтгольдъ, пробираясь по стемнѣвшему лѣсу, — для кого лучше — для меня?.. Но вѣдь мое дѣло—рѣшенное... или для нея? Не все-ли ей равно, здѣсь-ли я, тамъ-ли?.. Для него?.. Если онъ интересуется не мною, а моими деньгами, почему давно не сказала этого прямо? Уже не разъ я самъ вызывался къ нему съ подобной услугою... можетъ быть, не довольно ясно... силъ не хватило высказаться яснѣе... такъ и казалось мнѣ, что этимъ я покупаю у мужа позволеніе ухаживать за его женою... Почему-бы ему не открыться.. или не довѣряетъ моей искренности? Пожалуй, гордость не позволяетъ брать деньги отъ меня... именно отъ меня!.. А между-тѣмъ, кто другой могъ-бы ссудить его охотнѣе?.. Вѣдь это единственное, что я могу для нея сдѣлать. Можетъ быть, этого только имъ и не достаетъ для полного счастья, можетъ быть, любовь ея такого сорта, что способна процвѣтать только при солнышкѣ матеріальнаго благополучія и готова зачахнуть въ минуту карманной невзгоды... Ну, постараемся помочь этой увядающей любви... Это вызоветъ свѣжія розы на ея щеки... повеселѣтъ, будетъ также звонко хохотать, какъ бывало прежде...

„Не совсѣмъ блестящая роль выпала мнѣ въ этой семейной драмѣ, надо сознаться... Но когда-же роль третьяго, подставнаго лица была блистательною и благородною?.. Что-то долженъ былъ вытерпѣть этотъ несчастный старикъ! И каково теперь у него на сердцѣ!.. И развѣ безвинно все это?.. Нѣтъ, только ложь—тяжелый грѣхъ, а истина никогда! Союзъ между Адольфомъ Венгофомъ и Ульрикою фонъ-Далицъ, устроенный посредствомъ лжи—былъ и остался ложью. Она любила другого! Этотъ другой является; чужая жена видитъ, что онъ все еще ее любитъ, какъ любилъ всегда. И вотъ, послѣ такой долгой, кровавой пытки, въ минуту угара, она отдается любимому человѣку. Но ставъ его женой передъ своей собственной совѣстью, она должна была сдѣлаться ею и въ глазахъ цѣлаго свѣта... Если она побоялась этого,

если этотъ одинъ часъ, — хоть-бы онъ потомъ и не возвращался, — не порвалъ съ ея прежней жизнію и не началъ другой, новой — то она солгала не разъ, не два, но тысячу разъ!... И эта чудовищная ложь свела ее — гордую, прекрасную — въ раннюю могилу, а онъ, несчастный, напрасно маялся всю жизнь, напрасно старался свалить съ себя бремя страшнаго преступленія, — того преступленія, что онъ прогналъ съ своего порога честную правду и сдружился съ ложью... Свѣтлый геній человѣчества, обитающій въ яркихъ лучахъ истины, огради меня отъ ужаснѣйшаго изъ всѣхъ грѣховъ — отъ лжи и обмана!..“

Готтгольдъ подошелъ къ опушкѣ лѣса и вышелъ на небольшую поляну, пересѣкаемую узкой лѣсной тропинкой. Кто-то пробирался по этой тропинкѣ очень торопливыми шагами. Готтгольдъ всматривается и узнаетъ стараго управляющаго Меллера. Тотъ, съ своей стороны, протягиваетъ ко нему обѣ руки и вскрикиваетъ:

— Слава тебѣ Господи, нашелъ таки васъ! Ну, знаете, задали-же вы всѣмъ намъ порядочнаго переполоху...

— Я?! кому? какимъ образомъ?

— Да вы же, вы, никто другой... А кому — всѣмъ намъ безъ исключенія, особенно госпожѣ Брандовъ... она просто сама не своя... И еще спрашиваетъ, какимъ образомъ!! По вашему это ничего — въ такую милую погоду сѣсть не то, что въ лодку, а скорѣе въ орѣховую скорлупу и пуститься въ море... экую игрушку нашли! А нашъ старшій Христіанъ, спасибо ему, хватился васъ. Сначала просто зѣвалъ, да поглядывалъ — посмотримъ молъ, какъ онъ плыть станетъ, но какъ разбушевалось въ морѣ-то, ужъ не до любопытства было: бѣжить въ лѣсъ, ждать тамъ, пока буря кончится и вотъ съ полчаса тому будетъ — присылаетъ своего мальчишку: лодки, говоритъ, и до сихъ поръ нѣтъ на мѣстѣ, ужъ не приключилось-ли несчастье какое молодому барину... Тутъ-то госпожа Брандовъ горячку и запорола: прибѣгаетъ, вся запыхавшись, къ намъ, и рассылетъ того въ ту, того въ другую сторону... А съ нею, знаете, въ такихъ экстренныхъ случаяхъ шутки плохи, даромъ, что такая тихая и добрая... Ну, и мы тоже встряхнули порядкомъ: нѣсколькихъ молодцовъ сейчасъ-же командировали туда... въ Ралловъ, — можетъ, тамъ, думаемъ себѣ, васъ не прибило-ли къ берегу... двоихъ въ Нейговъ услали, а я самъ вотъ спѣшилъ въ будку къ старику... важется, онъ сегодня уже

вернулся... такъ спросить его хотѣлъ, что намъ дѣлать въ такой оказіи... Госпожа сама пожелала туда отправиться, да только я остановилъ...

— А гдѣ она теперь?

— Надо быть, въ полѣ до сихъ поръ, замѣтилъ Меллеръ, указывая рукою въ лѣвую сторону...—я самъ вотъ сію минуту оттуда...

— А давно-ли другихъ разослали?..

— Да, почитай, въ одно время со мною; какъ не заболтаюсь тутъ съ вами, еще уснѣю назадъ вернуть...

Управляющій повернулъ вправо, въ глубь лѣса, громко выкрикивая имена рабочихъ, тогда какъ Готтгольдъ пошелъ дальѣе тою-же тропинкою и чрезъ нѣсколько минутъ добрался до выхода изъ лѣса, гдѣ старшій кудрявый букъ зеленѣлъ въ открытомъ полѣ. Мѣсяць ронялъ робкій, мерцающій лучъ чрезъ поле, между большими грязными облаками. Впереди лѣса разстилась широкая пашня, съ которой сегодня убирали рожь. Тяжело нагруженный возъ только-что трогался съ мѣста, возлѣ двухъ или трехъ другихъ еще шла работа, но не совсѣмъ усердно, какъ показалось Готтгольду. Рабочіе вели между собою оживленную бесѣду о чемъ-то и собирались тамъ и сямъ небольшими кучками между копнами, тянувшимися въ нѣсколько рядовъ у опушки лѣса. Готтгольду непріятно было подумать, что ради него спѣшная полевая работа была пріостановлена ими, по крайней мѣрѣ, подвигалась медленнѣе и лѣнивѣе. Онъ поспѣшилъ къ рабочимъ. Далеко озираетъ всю мѣстность кругомъ—Цециліи нигдѣ не видно: должно быть, уже домой вернулась, подумалъ Готтгольдъ.

Но когда онъ подошелъ къ буку, со скамьи, окружавшей красивое, рослое дерево, поднялась какая-то бѣлая фигура. До сихъ поръ она сидѣла тамъ, закрывъ лицо обѣими руками, но шорохъ приближавшихся шаговъ заставилъ ее очнуться.

— Ахъ, ради Бога, Меллеръ, гдѣ-же вы его...

— Это я самъ, Цецилія, милая, дорогая Цецилія...

— Готтгольдъ!!..

Она бросилась къ нему на грудь, онъ вѣрно обвилъ руками ея мягкій гибкій станъ, все ближе и ближе припадала она къ

его страстно трепетавшему сердцу, и губы ея задрожали на его губахъ, долгимъ, изъ больной души вылившимся поцѣлуемъ...

— Ахъ, да вотъ и вы здѣсь! послышалось вдругъ сзади, въ нѣсколькихъ шагахъ. Словно изъ земли выросъ передъ ними Карлъ Брандовъ. Вѣроятно, онъ былъ заслоненъ отъ нихъ послѣдними копнами, приютившимися уже подъ крайними, низко повисшими вѣтвями бука. Но, приближаясь къ нимъ подъ тѣнью дерева, онъ могъ видѣть развѣ только бѣлѣвшее платье Цецили. И однако въ хохотѣ его Готтгольду послышалось что-то неизъяснимо зловѣщее, и голосъ отдавался какимъ-то страннымъ, ужасно гадкимъ, пискливымъ топомъ, когда Брандовъ заговорилъ, размахивая, по своему обыкновенію, бичемъ въ ту и другую сторону:

— Да, слышалъ я, слышалъ ужъ всю исторію... И къ чему тебѣ, скажи на милость, дурачиться такъ... мало-ли, что можетъ случиться... Ну, будь я тутъ, не пустилъ-бы тебя, голубчика, просто не пустилъ-бы. А тутъ на гумнѣ съ этой проклятой уборкой!.. Ну, если, не дай Богъ, опять дождь пойдетъ... а на это, кажется, сильно похоже... да потомъ завтра такая-же мюбрая погода... какъ тутъ, прикажешь, управляться, а?.. Вмѣсто того, чтобъ на гумно снопы свозить, такъ прямо въ навозъ, что-ли, выворотить?.. Пропадетъ, все гнилью пропадетъ въ какую нибудь недѣлю...

— Сохрани Господи, зачѣмъ пропадетъ! отозвался управляющій Меллеръ, только что вернувшійся изъ лѣсу съ другими разосланными рабочими:—у насъ на гумнѣ и безъ того уже мѣста нѣтъ... продадимъ съ поля, и все отлично уладится...

— Ну, да, ты-то знаешь лучше! прикрикнулъ Брандовъ.

— Я хотѣлъ было начинать тамъ, вблизи гумна, но Генрихъ Шель сказалъ мнѣ, что вы сами изволили приказывать...

— Какъ-же, я самъ, я самъ!! Вы вѣчно готовы свалить на меня свою собственную глупость, олухи, кавальи!..

Уже не первый разъ Готтгольду приходилось выслушивать эти любезности Брандова его рабочимъ. Но никогда поводъ не былъ такъ ничтоженъ, никогда ругань не была такъ возмутительно несправедлива. Вѣдь самъ Готтгольдъ слышалъ, какъ сегодня утромъ Брандовъ подзывалъ къ себѣ передъ отъѣздомъ Генриха Шеля и приказывалъ чрезъ него, чтобы люди начинали уборку

возлѣ лѣса. Ужь не пьянъ-ли напился? Или не видѣлъ-ли онъ больше, чѣмъ хотѣлъ дать замѣтить и теперь считалъ удобнымъ выместить свою злую ревность на совершенно неповинныхъ людяхъ?.. Или, можетъ быть, это была генеральная репетиція того, какъ онъ скоро призоветъ виновныхъ къ отчету и приметъ тонъ оскорбленнаго достоинства.

Этого будущаго, грознаго объясненія Готтгольдъ нисколько не трусилъ, — боялся только одной мысли, что оно можетъ произойти въ присутствіи Цециліи. Милую, любимую женщину ему-бы хотѣлось совершенно оградить отъ этого скандала, и притомъ онъ чувствовалъ, что прежде ему нужно обмѣняться съ нею, хотя однимъ словомъ, услышать отъ нея, что все это былъ не обманчивый, шальной сонъ, но свѣтлая дѣйствительность, что въ этомъ, еще не застывшемъ на его губахъ, поцѣлуѣ она отдавалась ему всею любящею душою, и потому онъ можетъ теперь, смѣять жить для нея, для ея украденной житейской доли.

Но опасеніе открыто поссориться съ Брандовымъ нагнало на него какую-то робость и неловкость. Цецилія съ своей стороны избѣгала съ нимъ встрѣчи, очевидно, изъ того-же побужденія. И притомъ Брандовъ вѣчно старался стать между ними. Готтгольдъ долженъ былъ пересказать ему все свое приключеніе, Брандовъ весьма краснорѣчиво выругалъ дядю Бослава — стараго пройдоху, отъ котораго даже въ морѣ не скроешься. Должно быть, говорилъ онъ, старый аранжировалъ всю эту романтическую исторію съ бурей, грозой и прочими ужасами, чтобъ только имѣть удовольствіе спасать кого-нибудь. Въ другое время Готтгольду всѣ эти остроты очень-бы не понравились, тѣмъ болѣе, что Брандовъ сопровождалъ ихъ тономъ самой ядовитой насмѣшки. Но теперь онъ могъ потѣшаться сколько душѣ угодно. Потомъ вдругъ Брандовъ перешелъ къ фамильярности, по плечу его сталъ трепать. „Ничего, говоритъ, дружище Готтгольдъ, ты не сердись, пожалуйста, но, ей-богу, противенъ мнѣ этотъ лазутчикъ старый, до смерти противенъ... причины свои тоже на это имѣю. Или я господинъ въ своемъ домѣ или чортъ знаетъ что, наконецъ; но дѣлать свое господство съ какимъ-нибудь подставнымъ... съ тѣмъ, кто вѣчно путается не въ свое дѣло, вѣчно корчитъ изъ себя, будто онъ умнѣ меня... нѣтъ, это, знаешь, не въ моемъ вкусѣ. „Одно солнце на небѣ, одинъ правитель въ царствѣ“ — помнишь, какъ

мы зубрили это еще на школьной скамьѣ. Ты-то навѣрное еще не позабылъ греческой премудрости, а я, братъ, радъ-радешенекъ, что и съ роднымъ, нѣмецкимъ діалектомъ кое-какъ съумѣю справиться, — зачѣмъ мнѣ!..“

Дошли до дому, Готтгольдъ никакъ не могъ отвязаться отъ Брандова. Пока Цецилія уходила на свою половину, тотъ задержалъ несчастнаго въ дверяхъ и замучилъ бесѣдою о какомъ-то сельско-хозяйственномъ предметѣ. Потомъ Генрихъ Шель подошелъ съ жалобой на управляющаго, — экипажныхъ лошадей, говорить, опять велѣлъ запрещъ въ рабочія фуры. Брандовъ озлобился. Готтгольдъ кое-какъ прошмыгнулъ въ дверь, ссылаясь на то, что ему переодѣться нужно. Въ комнатѣ онъ засталъ только хорошенькую Рикю. Она накрывала столъ для ужина и, какъ показалось Готтгольду, поглядѣла на него необыкновенно лукаво и насмѣшливо, когда онъ сталъ перебирать газеты на столѣ передъ диваномъ. Накрывъ столъ, Рика вышла, но минутою спустя опять вернулась и стала возиться съ чѣмъ-то у шкапа: по всему видно было, что ей хотѣлось оставаться въ комнатѣ. Готтгольдъ, наконецъ, дѣйствительно, отправился къ себѣ наверхъ и переодѣлся, такъ какъ платье его не успѣло просохнуть въ будѣ старика. Дрожація руки едва-едва оказали ему эту услугу. Что это — лихорадочное нетерпѣніе передъ развязкой или онъ, въ самомъ дѣлѣ, прихворнулъ немножко послѣ утомительной борьбы съ бурей и моремъ?... Только-бы теперь не захворать! пробормоталъ онъ, — только-бы теперь... когда вся моя жизнь, каждое дыханіе, каждая капля крови принадлежать ей, — ей одной!..“

Изъ нижней передней доносился крикливый голосъ Брандова, — опять съ кѣмъ-то переругивался. Что если это... насчетъ Цециліи? Можетъ быть, долго сдерживаемая злость вырвалась наружу... ужъ не начала-ли разыгрываться драма передъ дворовыми?..

Въ одинъ мигъ Готтгольдъ пробѣжалъ по длинному, темному корридору и бросился внизъ по лѣстницѣ. Опасенія его были напрасны. Цецилія велѣла передать, что она не совсѣмъ здорова и къ ужину не выйдетъ. Такъ почему-же было не накрыть вверху, въ его комнатѣ? допрашивалъ Брандовъ, — гдѣ ни онъ никому не будетъ мѣшать, ни его никто не потревожитъ. У этой Рики вѣчно дурь въ головѣ, добавилъ сердитый хозяинъ. Рика нехотя повиновалась его приказанію, но проворчала себѣ подъ носъ, что

дай Богъ, чтобъ другіе-то были еще не глупѣе ея. По неволѣ, говорить, съ толку собьешься и одурѣешь, когда приказываютъ одно, а чрезъ минуту другое... Брандовъ велѣлъ ей замолчать. Какъ не молчать, свирѣпо ворчала горничная,—да только, говорить, подъ конецъ не въ моготу станеть, а ужъ какъ она заговорить, такъ другіе тоже язычекъ прикусятъ...

— Убирайся ты, наконецъ, ко всѣмъ нелегкимъ! окончательно вышелъ изъ себя Брандовъ.

Дѣвушка отвѣчала еще болѣе дерзкимъ смѣхомъ и, уходя, съ шумомъ захлопнула за собою дверь.

— Вотъ ты и будь добръ съ ними! жаловался Брандовъ, наливая себѣ нетвердой рукою стаканъ вина и выпивая его залпомъ.

Онъ поглядѣлъ изъ подлбья на Готтгольда, все время глядѣвшаго на него пристально. Что значить эта сцена? соображалъ Готтгольдъ,—и что могла сказать горничная такого страшнаго, когда захочетъ говорить?.. Не имѣла-ли она на своего барина какихъ-нибудь особенныхъ правъ, которыми могла сильно его скомпрометировать, а?.. Что если, въ самомъ дѣлѣ, ему, Готтгольду, неожиданно свалилось въ руки оружіе—весьма пригодное при подобныхъ обстоятельствахъ?! Оружіе, можетъ быть, не совсѣмъ благородное, но... но... развѣ можетъ быть что-нибудь, неблаго-родно въ борьбѣ съ человѣкомъ, который, имѣя подобную жену, не брезгаетъ и женщинами дешеваго сорта?!

Впрочемъ, Готтгольдъ далъ себѣ слово самъ не начинать борьбы и, насколько возможно, отдавать ее, пока ему не удастся объясниться съ Цециліей. Это казалось возможнымъ. Готтгольдъ не думалъ, чтобы Брандову было что-нибудь извѣстно положительно. Въ немъ могло только, въ наихудшемъ случаѣ, гнѣздиться смутное подозрѣніе, котораго онъ, однако, не могъ или не смѣлъ формулировать опредѣленно. Вотъ онъ опорожняетъ стаканъ за стаканомъ и то и дѣло тащить изъ своей смежной спальни бутылки стараго рейнвейна, одну за другою,—бодростью, можетъ быть, запасается, подумалось Готтгольду. Или своей без-сильной злобѣ исходъ дать хотѣлъ, когда опять сталъ ругать стараго лазутчика Бослава: ужъ такъ, говорить, онъ опротивѣлъ ему своимъ личнымъ вмѣшательствомъ въ его жизнь, что онъ, наконецъ, долженъ былъ для него запереть ворота дома. Потомъ

опять заговорилъ о своихъ мизерныхъ дѣлишкахъ, какъ онъ выражался; въ нихъ, говорить, былъ виноватъ на столько онъ самъ, сколько другіе почтенные господа.

— Ну, конечно, признавался Брандовъ, — я воляжироваль, куда было нужно, не какимъ-нибудь голоднымъ сапожникомъ... нельзя-же мнѣ было, въ самомъ дѣлѣ, въ угоду имъ, перестать быть джентльменомъ. Но главная причина моего отвратительнаго положенія — все-таки женитьба... Сдѣлай милость, не гляди такимъ Фокою невѣрующимъ. Какъ старинный другъ и знаменщикъ господъ Венгофъ, ты готовъ, пожалуй, спорить со мной, но... тутъ, сердце мое, ничего не подѣлаешь, я напрасно лгать и морочить другихъ не стану!.. Не будемъ говорить о двухъ-трехъ студенческихъ должкахъ милѣйшаго брата Курта, — за него, видишь, мнѣ платиться пришлось, — ну, да, положимъ, это была бездѣлица какая-нибудь. Но тестемъ ко мнѣ навязался весьма неудобный баринъ... у старика, къ ужасу и горю моему, не очень стараго, какъ говорится, губа была еще не дура къ благамъ сего грѣшнаго свѣта, вотъ что, братъ, было скверно... Меня-же и приданое заставили готовить для невѣсты... въ такія минуты, нашъ братъ неизмѣримо глупъ и радъ стараться не то, что уже на счетъ денегъ, а просто звѣздами небесными изукрасить обожаемую, ха, ха, ха... Стало быть, и я тутъ нисколько не преколовилъ, — благо-бы, думаю себѣ, и отдѣлаться только тряпками, да разными бабьиими финтифлюшками... Да нѣтъ, въ расчетѣ ошибся. Почтенный тестюшка, въ продолженіи двухъ лѣтъ, когда еще на этомъ свѣтѣ обрѣтался, забралъ у меня наличными деньгами до десятка тысячъ талеровъ, а послѣ своей смерти предоставилъ мнѣ удовольствіе заплатить за себя долговъ на такую-же сумму... Это, *top sheet*, довольно кругленькая сумма, особенно когда у самого въ карманѣ лишнихъ грошей не имѣется... Ну, дѣло понятное, мой великолѣпный Далицъ въ трубу полетѣлъ, и я былъ еще радъ, что могъ пріютиться въ какомъ-нибудь Долланѣ... надолго-ли—Богъ вѣдаетъ, потому не сегодня—завтра и Долланъ по той дорожкѣ ухнетъ. Теперь, братъ, безъ собственнаго имѣнія ничего не подѣлаешь съ наилучшей арендой, а почтенные владѣльцы этого имѣнія заставили меня платить вдвое болѣе, чѣмъ платилъ покойный тестюшка, хотя и ему уже до зарѣзу доходило... Но... но... съ какой это стати мнѣ вздумалось

занимать такого благопристойнаго господина нашими денежными дрязгами?! Помочь ты мнѣ не можешь, да если-бы и могъ, отъ своихъ добрыхъ друзей совѣстно просить подобной услуги... для этого у всякаго есть свои добрые недруги, ха, ха, ха...

И съ громкимъ тяжелымъ хохотомъ Брандовъ вскочилъ со стула и принялся шагать взадъ и впередъ по комнатѣ. Физиономія его была какъ будто разстроена. Вдругъ онъ остановился передъ шкапомъ съ оружіемъ, отцѣпилъ пистолеть отъ гвоздя и взвелъ курокъ; потомъ съ живостью повернулся къ Готтгольду на каблучкахъ:

— Жаль только, засмѣялся онъ, — что добрые друзья и добрые недруги зачастую бываютъ одно и то-же, такъ что самъ чортъ не отличить одного отъ другого... ты какъ полагаешь?..

— Бываетъ и это, спокойно отозвался Готтгольдъ, — однако, я посовѣтоваль-бы тебѣ повѣсить пистолеть на мѣсто... ты сегодня немножко разстроена... рука дрожить... долго-ли до бѣды...

Готтгольдъ твердо рѣшился не вдаваться сегодня вечеромъ ни въ какія объясненія съ сильно охмѣлѣвшимъ Брандовымъ, но и не уступать его угрозамъ, если только сцена съ пистолетомъ была этимъ угрожающимъ поддразниваніемъ.

Выраженіе холодной увѣренности въ лицѣ гостя не ускользнуло отъ Брандова; онъ опустилъ поднятое оружіе, повѣсилъ его на прежнее мѣсто и, вернувшись къ столу, усѣлся и опять захохоталъ.

— А что правда, то правда... долго-ли до бѣды?.. Но вѣдь, право, ни одна курица не закудаhtала-бы... и* въ концѣ-концовъ, было-бы весьма логично, если-бы я пустилъ себя пулю въ лобъ... Ты, Готтгольдъ, ей-богу, счастливчикъ. Всю-то молодость долженъ былъ проработать и многому научиться. А тутъ еще точно благодѣтельная фея посылаетъ тебѣ жирное наслѣдство... просто, ѣшь — не хочу... Я-же никогда не работалъ, ничему не выучился и имѣнье прожилъ, безъ всякихъ надеждъ впереди... Что я, въ самомъ дѣлѣ, — тряпка глухая, посяищице для всѣхъ, кто зналъ меня, пугало для разныхъ эдакихъ красивенькихъ пташекъ, которыя сначала вдоволь натѣшились, поживились на мой счетъ, а потомъ — по шеямъ хотятъ противную, оципанную ворону, тысячу дьяволовъ съ чертенятами!..

Брандовъ такъ свирѣпо оттолкнулъ отъ себя стаканъ, что онъ разбился въ мелкіе осколки.

— Впрочемъ... впрочемъ, стоять-ли изъ-за эдакаго вздора горичиться такъ, а?.. Всему вѣдь конецъ бываетъ. Но какъ онѣ надо мною ни потѣшайся, никто ни можетъ сказать, чтобы и я не пожилъ въ сласть. Я пилъ самія дорогія вина, катался на великолѣпнѣйшихъ коняхъ, цѣловалъ очаровательнѣйшихъ женщинъ. Ты, братъ, самъ знатокъ по этой части, Готтгольдъ. Только все исподтишка дѣлалъ, потому — тонкая штука!.. Хитерь, хитерь, братъ, что и говорить... я еще въ школѣ боялся твоего лукавства... Ну, да я тоже не безнадежнымъ дуракомъ вышелъ... а такіе умные люди, какъ мы съ тобой, всегда съумѣютъ другъ съ другомъ вести себя благопристойно. Только отпѣтые олухи цѣпляются одинъ другому въ кудри — молокососы глупые, какими мы съ тобой были когда-то, помнишь, а? Терць, кварта, — кварта, терць, ха, ха, ха!.. Теперь это не по нашей части — выросли, все-таки!.. Э, давай лучше чокнемся, старый дружище и да здравствуетъ лихое товарищество!..

— У меня въ стаканѣ нѣтъ вина, поморщился Готтгольдъ, — да и въ бутылкѣ тоже нѣтъ. Разойдемся-ка лучше спать... и такъ достаточно выпили!..

Онъ вышелъ изъ комнаты прежде, чѣмъ Брандовъ, выпучившій на него шальные глаза, могъ отвѣчать хоть одно слово.

Какъ только дверь притворилась, Брандовъ бросился со стула размахистымъ прыжкомъ, словно хищный звѣрь, подкараулившій добычу. Потомъ остановился посреди комнаты, злобно заскрежеталъ большими, бѣлыми зубами и погрозилъ къ затворенной двери сжатыми кулаками.

— Погоди, подлець!!.. Мнѣ кровь твоя нужна... капля по каплѣ... но сначала мнѣ деньги твои нужны...

Руки его опустились; нетвердыми шагами Брандовъ добрался до стола, усялся возлѣ и, сдавивъ горячую голову обѣими руками, до крови закусывая губы, сталъ обдумывать преступленіе за преступленіемъ. Но, видно, ни одно изъ нихъ не вело къ желаемой цѣли. Вдругъ онъ поднимаетъ голову, и изъ горла его вырывается гадкій, хриплый хохоть. Ага, нашель таки, нашель!.. Она... она сама должна потребовать у него денегъ, а заставить ее къ тому — придумано отличное средство. Мщеніе, полное мщеніе!!.. И притомъ — никакой опасности... Только какъ-бы милая Рика не проболталась: она и то уже раза два погрозить осмѣли-

лась и сегодня держала себя особенно нахально. Но завтра все, все уже рѣшится, а ночью... мало-ли какихъ мѣръ нельзя принять!..

Въ которомъ часу этой ночи Готтгольдъ вернулся въ свою комнату — онъ самъ не зналъ. Долго пролежалъ одѣтымъ въ постели — съ лихорадочнымъ жаромъ и болью въ головѣ, — не могъ заснуть, а между-тѣмъ его охватилъ какой-то угаръ странный, тяжелый. То чудилось ему неизъяснимо свѣтлое, словомъ, невыразимое блаженство, то вдругъ вся душа вздрагивала отъ тоски безысходной и мучительныхъ опасеній. Вдругъ слышитъ между шелестомъ деревьевъ и постукиваньемъ дождевыхъ капель въ оконныя стекла, — какую-то особенно рѣзкую, странную ноту, заставившую его быстро вскочить съ постели и, съ затѣннымъ дыханіемъ, прислушиваться къ ночной затиши. Ему показалось, точно-бы жалобный крикъ вдругъ пронесся... какъ-будто крикъ женщины... Онъ могъ выходить только изъ комнаты, внизу помещенія Готтгольда, а въ этой комнатѣ спала только Цецилія съ ребенкомъ. Въ одинъ скачекъ Готтгольдъ былъ у окна. Вѣтеръ и дождь хлестали ему въ лицо, и однако, между вѣтромъ и дождемъ ему хорошо слышался голосъ Брандова — то громче, то хриплѣе — точно-бы онъ былъ чѣмъ-то сильно раздраженъ, но старался преодолѣть свое бѣшенство. Раза два въ ухахъ Готтгольда, будто, прозвенѣлъ и ея голосъ, — но, можетъ быть, надъ нимъ подшучивала только разгоряченная фантазія, наполняя паузы, оставляемыя голосомъ заклятаго врага. Такъ вотъ она, — милая супружеская сцена въ спальнѣ жены, которая не можетъ, не смѣетъ затворить свою дверь и на всѣ наглыя выходки бѣшенаго, пьянаго негодяя можетъ отвѣчать только слезами!..

— И терпѣть все это! Въ глупомъ, безсильномъ отчаяннѣ только ломать себѣ руки!! Да не лучше-ли тысячу смертей, чѣмъ этотъ страшный позоръ!! передумывалъ Готтгольдъ: — почему я не высказался прямо? До сихъ поръ все было-бы рѣшено. Развѣ молчаніе въ такія минуты, когда говорить нужно — не ложь, не страшная, чудовищная ложь?! И неужели тутъ нужно вѣчно и во всемъ лгать — и во имя зла, и ради добра?.. Когда-же это утро наступитъ... да и можетъ-ли быть утро послѣ подобной ночи!! Съ громкими рыданіями и стономъ онъ свалился въ постель и уткнулъ голову въ подушки, — потомъ опять дико вскочилъ. Что это, —

будто чьи-то шаги отдались по корридору—медленные, осторожные шаги... Ужь не подкрадывается-ли къ нему... убійца съ ножомъ въ рукахъ?!.. Не все-ли равно... лучше двадцать тысячъ смертей!..

Готтгольдъ подскочилъ къ двери и распахнулъ ее. Кругомъ—темно и тихо, беззвучно тихо. Лѣстница вела снизу въ обѣ половины верхней надстройки дома. Осторожные шаги, слышанные имъ, очевидно, пробрались въ другую сторону — туда, гдѣ, противъ комнаты Готтгольда, находились небольшія комнаты. Одну изъ нихъ, по правую руку, занимала прелестная Рика, другая комната оставалась пустою. Видить Готтгольдъ — слабое мерцаніе свѣчки показалось въ щели двери комнатки, по правую руку, но потомъ оно такъ-же скоро угасло, и среди беззвучной, темной тишины послышался чей-то рѣзкій хохотъ. Но въ ту-же минуту онъ оборвался, точно-бы кто-то торопливо зажалъ рукою ротъ ночного весельчака.

Готтгольдъ притворилъ свою дверь. Ни слушать, ни видѣть у него не было болѣе охоты...

ГЛАВА XV.

За дождливой ночью настало, наконецъ, сѣренькое, пасмурное утро. Тяжелыя массы водяного пара, тамъ и сямъ собиравшіяся грозными облаками, безостановочно тянулись съ моря и спускались такъ низко, что, казалось, цѣплялись за вершины мокрыхъ тополей, раскачиваемыхъ сильно посвѣжѣвшимъ вѣтромъ. И повсюду кругомъ, надъ вымокшими соломенными крышами гуменъ и хозяйственныхъ построекъ колыхались деревья, то шумно покачиваясь взадъ и впередъ, то съ сердитымъ шелестомъ отряхаясь другъ отъ друга.

Готтгольдъ стоялъ у окна пріемной и грустно глядѣлъ на эту унылую сельскую картину. Подъ утро онъ почти противъ желанія заснулъ на какой-нибудь часъ. Но опасенія за будущее были для него несравненно тягостнѣе физической усталости. Какъ ни была ужасна и темна ночь, все-таки въ ней, по временамъ, сквозь тяжелую темноту отрадно мерцали веселенькія звѣздочки надежды. А теперь... теперь этотъ мокрый, пасмурный день, казалось, для

того только и разсвѣлъ, чтобы сказать ему: вотъ она, отвратительная проза жизни, неприкрашенная дѣйствительность!.. Какое мнѣ дѣло до твоихъ розовыхъ мечтаній?!.. Спускаясь по лѣстницѣ, Готтгольдъ какъ-то болѣзненно содрогнулся, замѣтивъ въ большой, обыкновенно всѣми оставленной залѣ, обращенной окнами къ саду, приготовленія къ приему ожидаемыхъ гостей. Изъ кухни, находившейся на концѣ длиннаго корридора, доносился стукъ котловъ и громкій говоръ прислуги. Въ это-же время дюжій паренъ выкатывалъ экипажъ изъ сарая — сегодня гостей вѣдь нужно было привезти изъ Проры. И все это шло своимъ чередомъ, точно сегодня будетъ, какъ вчера, завтра, какъ сегодня, точно ничего особеннаго не случилось, не могло случиться, что перетрянуло, облагородило-бы этотъ драхмный мѣръ, сдѣлало-бы свѣжимъ и молодымъ, какъ въ первый день созданія. А между-тѣмъ... это было не сонъ!.. Не могло оно быть развѣяно, какъ туманъ переходный. Нѣтъ, нѣтъ, все это должно было, такъ или иначе, принять опредѣленную форму, выступить, вырваться изъ хаоса, можетъ быть, выработаться путемъ жаркой борьбы... что-жъ, пусть будетъ и такъ! Вѣдь проигрыша здѣсь не должно, не можетъ быть...

Ужасно только это пассивное, мертвое ожиданіе. Она должна-же знать, что онъ стоитъ здѣсь уже около получаса, — стоитъ и ждетъ одного лишь ея слова, одного взгляда, который-бы ясно сказалъ: „я принадлежу тебѣ, какъ ты мнѣ, — положишься на меня, какъ я на тебя полагаюсь.“ Почему-же она не пришла до сихъ поръ, почему? Минута была такъ удобна, какъ едва-ли можетъ быть другая втеченіи цѣлаго дня. Брандовъ отправился въ свои конюшни, какъ онъ, обыкновенно, дѣлалъ это по утрамъ. На столѣ уже поджидалъ завтракъ. Около этого времени они всегда могли съ полчаса безъ помѣхи провести виѣстѣ — и только сегодня, именно сегодня, она оставляетъ его одного!!...

Мучительное нетерпѣніе, досада овладѣли имъ. Сталъ онъ шагать изъ угла въ уголъ по комнатѣ. Каждую минуту поглядываетъ на дверь, куда сегодня ночью свободно могъ входить другой, — на дверь, которая для него оставалась запертою. Прислушивается, не уловить-ли какого-нибудь чуть слышнаго, слабого звука, шороха. Нѣтъ, ничего не слышно, — ничего, кромѣ жужжанія сонной мухи; даже стѣнные часы въ высокомъ дере-

вянною футляръ перестали сегодня чикать — ночью остановились.

Готтгольдъ схватилъ голову обѣими руками. Ему показалось, что вотъ-вотъ онъ съума сойдетъ, если эта адская пытка не окончится чрезъ минуту. Потомъ вдругъ мысль ему навернулась, — ужаснѣе, хуже всего, что было имъ передумано. Ужь не боится-ли она его? Не удерживаетъ-ли ее стыдъ заглянуть въ глаза тому, чье сердце вчера трепетало на ея груди, чей поцѣлуй она приняла съ такимъ жаромъ любящей, беззавѣтно отдающей души?!.. Нѣтъ, нѣтъ, быть не можетъ! Не это удерживало ее въ своей комнатѣ, вовсе не это?! Подумать это о гордой, глубоко-правдивой натурѣ — значило-бы оскорблять ее. Можетъ быть, она больна, опасно больна... и умираетъ тамъ одиноко, безучастно, молча...

Вдругъ прозвенѣлъ веселый голосокъ Гретхенъ: „мама, мама, и я тоже пойду къ дядѣ Готтгольду, добраго утра ему пожелаю!“ — потомъ послышался тихій, успокоивающій ребенка голосъ, — дверь открылась, выходитъ, наконецъ, она...

Готтгольдъ поспѣшилъ къ ней, но успѣлъ сдѣлать не болѣе двухъ-трехъ шаговъ. Она подняла обѣ руки съ выраженіемъ грустной, страдальческой мольбы; та-же невыразимо-трогательная мольба свѣтилась въ прекрасныхъ, шалитыхъ слезами глазахъ и отражалась на миломъ, смертельно блѣдномъ лицѣ. Она подходитъ къ Готтгольду, останавливается, и дрожащія губы не то произнесли, не то продышали чуть слышно:

— Простишь-ли ты мнѣ, Готтгольдъ?..

У него не хватило духу отвѣчать. Этотъ жестъ, это выраженіе лица, эти слова—все убѣждало его, что сбылись его горькія опасенія, что такъ или иначе, а для него все погибло.

Жуткая боль кольнула его въ сердце; оно закипѣло злостью, раздраженіемъ, и Готтгольдъ извительно захохоталъ.

— Такъ это-то весь твой хваленый героизмъ?!..

Ея руки изнеможенно повисли, рѣсницы опустились, лицо передернулось конвульсіями. Цецилія вздрогнула всѣмъ тѣломъ.

— Нѣтъ, Готтгольдъ, это еще не весь мой героизмъ... Но благодарю тебя... благодарю за это раздраженіе, а то иначе... я-бы не могла... Нѣтъ, не гляди такъ на меня, пожалуйста... Смиѣйся лучше, какъ ты только-что смѣялся... Что-же другое

остается человѣку, если женщина, на любовь которой онъ считывалъ, является къ нему и говоритъ...

— Не нужно, не нужно! остановилъ ее Готтгольдъ, — къ чему тутъ еще разъясенія... Они ничего не разъяснятъ, — все это понятно безъ словъ...

Онъ повернулся къ двери.

— Готтгольдъ!!

Въ голосѣ ея было слышно безъисходное отчаянье. Готтгольдъ выпустилъ ручку двери.

— Можетъ быть, я испугалъ тебя своей горячностью, да?.. Извини, извини меня, Цецилія, этого больше не будетъ... Но скажи мнѣ только одно слово... что ты меня любишь... скажи только это, и я перенесу все остальное, рукою на все махну, смѣяться буду... Все уладится, должно уладиться само собою... Но выпроваживать меня ни съ чѣмъ... о, Бога ради...

Напрасно онъ высматривалъ на ея лицѣ отвѣтъ любви. Лицо это искривилось холодной, страшной усмѣшкой.

— Нѣтъ, нѣтъ, подожди... прежде общай мнѣ, что ты спасешь моего мужа, котораго я люблю и уважаю, котораго не могу и не хочу оставить...

Она проговорила это медленно, монотонно, какъ безсознательно вырубленный урокъ, и потомъ вдругъ остановилась, точно ученица, забывшая, какъ тамъ далѣе говорится въ книжкѣ.

— Это что за комедія?! сдвинулъ плечами Готтгольдъ.

Дверь спальни отворилась, Гретхенъ просунула свою кудрявую головку и потомъ подбѣжала къ матери. Цецилія обѣими руками ухватилась за ребенка; лихорадочный жаръ прогналъ съ ея лица прежнюю блѣдность, и она заговорила торопливо, словно въ бреду:

— Что ты спасешь его отъ банкротства, угрожающаго ему, если ты не поможешь... Такъ какъ... дѣло въ томъ... кредиторы...

Она выпустила изъ рукъ Гретхенъ и ухватилась ими за голову.

— Мама! мама!! расплакалась дѣвочка, тогда какъ Готтгольдъ повелъ выбившуюся изъ силъ ея мать къ ближайшему стулу.

— Что это тутъ съ моей супругой? послышался вдругъ голосъ Брандова.

Готтгольдъ совершенно не слышалъ, какъ онъ вошелъ въ ком-

нату. Но при первомъ-же звукѣ его голоса, Цецилія освободилась изъ рукъ Готтгольда и, безъ всякой поддержки, смертельно блѣдная, стала между двумя врагами, прижимая къ себѣ ребенка. Во всей фигурѣ ея дышала холодная рѣшимость, и голосъ отдавался съ какой-то странной беззвучной твердостью, когда она, взглянувъ на мужа, проговорила:

— Онъ знаетъ все и сдѣлаетъ, какъ я просила...

Потомъ обратилась къ Готтгольду:

— Неправда-ли, Готтгольдъ, во имя нашей старинной дружбы ты не откажешься сдѣлать это?.. А теперь прощай, Готтгольдъ, мы больше никогда не увидимся!..

Она протянула ему оледѣвѣвшую руку, подняла Гретхенъ и, не оглядываясь, вышла изъ комнаты, тогда какъ Гретхенъ закричала, протянувъ къ Готтгольду обѣ рученки черезъ плечо матери:

— Смотри, дядя Готтгольдъ, принеси мнѣ сегодня что-нибудь хорошенькое, слышишь, дядя Готтгольдъ!..

XVI.

— Эти женщины все принимаютъ чортъ знаетъ какъ трагически! улыбнулся Брандовъ:— вѣдь, право, иного и досада разберетъ... Сначала сама навязывается... а потомъ... на-поди!.. Впрочемъ... можно-ли требовать послѣдовательности отъ этихъ воздушныхъ созданий?!..

— Чего-же ты отъ меня требуешь? спросилъ Готтгольдъ.

— Требуешь! Что за выраженіе... Требуешь!.. Если-бы я могъ чего-нибудь требовать, съ какой стати молчалъ-бы такъ долго?.. Я полагаю, жена все уже тебѣ сообщила, или, чего добраго, она...

— Все, кромѣ нужной въ этомъ случаѣ суммы...

— Кромѣ суммы, ха, ха, ха!.. Вотъ это мило, ей-богу!.. Настоящая дѣтская наивность... Кромѣ суммы! Стоитъ-ли, молъ, о такихъ пустякахъ слова тратить, ха, ха, ха!..

Но хрипота задушила этотъ насильный хохотъ.

— Ну, однако?..

— Да что-жь, пожалуй, я скажу, коль не во гнѣвъ будетъ: мнѣ нужны двадцать пять тысячъ талеровъ...

— Къ какому времени?

— Вотъ тутъ-то, другъ любезный, и затрудненіе анафемское... Десять-то тысячъ надо завтра утромъ въ главную монастырскую кассу внести, въ Зундинѣ... все-же за эту проклятую аренду за-должалъ... да дѣло-то въ томъ, что Зелліенъ, если пріѣдетъ сегодня, хотѣлъ съ собою захватить деньги... Натурально, это только любезность съ его стороны, а съ моей было-бы тоже весьма милой поспѣшностью. Но это для меня необязательно. Стало быть, время терпитъ до завтрашняго утра. А остальные деньги, т. е. пятнадцать тысячъ, это—долгъ на честное слово, обезпеченное, впрочемъ, роспиской, по которой нужно расплатиться сегодня вечеромъ, если только я не хочу лишиться своего Браунлокка и сбора пшеницы... потому этимъ я обезпечилъ платежъ. Между нами будь сказано, главная статья здѣсь Браунлоккъ. Оба Плюгены и Редebasъ просто насильно всучили мнѣ эти деньги и назначили срокъ на сегодня—знали, канальи, какъ круто мнѣ придется отъ этой милой аренды... Надѣялись, что мнѣ расплатиться будетъ нечѣмъ,—а тутъ мы, молъ, Браунлокка и пріобрѣтемъ... Настоящія, я тебѣ скажу, живодеры... Скажи, пожалуйста, Браунлокка, когда онъ стоитъ дороже ихъ всѣхъ... вотъ еще недавно я выигралъ съ нимъ пари въ пятнадцать тысячъ, да скоро выиграю и тридцать тысячъ, ужъ это, братъ, такъ вѣрно, какъ то, что меня зовутъ Брандовъ...

Онъ лукаво подалъ видъ, будто сильно разгорячился, — принялся хлестать бичемъ по воздуху и по голенищамъ сапоговъ, тогда какъ ядовитый взглядъ его уставился въ Готтгольда; тотъ все еще неподвижно сидѣлъ за столомъ, поддерживая голову рукою.

— Ну, и я долженъ доставить тебѣ деньги? Какимъ же образомъ?

— Да весьма простымъ манеромъ. Жена говорила мнѣ, что ты завтра-же собираешься насъ оставить. Это, разумѣется, весьма прискорбно. Причинъ твоихъ я не знаю, но умѣю уважать ихъ, не зная. Да, такъ тебѣ, вѣроятно, экипажъ понадобится. А я сегодня-же посылаю въ Прору за Зелліеномъ. Дамъ тебѣ въ кучера Генриха Шеля, — на него-то я могу вполне положиться.

Ну-съ, онъ и можетъ мнѣ немедленно привести пятнадцать тысячъ талеровъ... для удовлетворенія дражайшихъ гостей... Тебѣ самому незачѣмъ отсчитывать этихъ денегъ... все сдѣлаешь твой несравненный Волльновъ, — добродѣтельный манихеецъ, ха, ха, ха... онъ не обсчитается... Десять тысячъ для Зелліена могутъ тамъ у него и оставаться... Зелліенъ завтра ихъ и захватитъ... все равно, ему вѣдь придется возвращаться чрезъ Прору. А ты только напишешь мнѣ строчку какую-нибудь или просто на словахъ передашь чрезъ Генриха, что деньги оставлены у Волльнова впредь до моего распоряженія... Зелліенъ выдастъ мнѣ квитанцію здѣсь-же или вручитъ завтра Волльнову, а отъ него я могу получить ее и послѣ, — словомъ, дѣло будетъ въ шляпѣ...

— А если Волльновъ не дастъ мнѣ денегъ?..

— Не дастъ?.. Да какъ-же онъ смѣетъ... вѣдь у него въ конторѣ твои пятьдесятъ тысячъ?..

— Только десять.

— Какъ-же Земмель увѣрялъ меня...

— Земмель ошибается.

Брандовъ всталъ съ поднятымъ бичемъ. „Что это, никакъ другъ милый торговаться вздумалъ?! Десять тысячъ — тьфу!.. Эдакой бездѣлицей отдѣлаться хочеть, — нѣѣѣтъ, братъ...“

Рѣзкое, сегодня блѣдное лицо Брандова искривилось презрительной усмѣшкой. Бичъ опять засвисталъ въ воздухѣ.

— Ахъ, да вѣдь у тебя кредитъ есть въ пятьдесятъ тысячъ... А кредитъ тоже, что деньги, — это я знаю лучше кого другого, потому давно уже живу только кредитомъ. Впрочемъ, дѣлай, какъ знаешь! Я хлопочу вовсе не для себя — я, братъ, кремень, а не человекъ, съумѣю бороться и съ этой лихой напастью... А вотъ бѣдную Цецилію, дѣйствительно, жалко. Она такъ рассчитывала на твою дружбу, такъ убѣждала меня довѣриться тебѣ...

Готтгольдъ долженъ былъ запастись всей своей энергіей, чтобы, во время этой отвратительной сцены, сдерживать себя въ границахъ и не показать своему противнику, какъ все это было ему невыносимо гадко. Но вдругъ въ глазахъ у него зарябило, въ ухахъ отдался адскій звонъ и шумъ; ему почудилось, точно-бы онъ лежалъ на землѣ, и Брандовъ, подлый Брандовъ, стоя надъ нимъ, готовился нанести ему, со всего размаху, второй ударъ...

Но онъ перевозмогъ себя съ какимъ-то нечеловѣческимъ усиленіемъ, оправился отъ подступавшаго обморока и, вставая съ мѣста, проговорилъ:

— Хорошо, Цецилія не напрасно рассчитывала на мою дружбу. Смотри, чтобъ ты не ошибся въ своихъ расчетахъ...

Брандовъ невольно струсилъ предъ страшнымъ выраженіемъ въ лицѣ Готтгольда и попытался назадъ. Онъ хотѣлъ отвѣчать шуткою, хотѣлъ сказать, что онъ никогда не ошибается, когда дѣло касается его личныхъ долговъ, но Готтгольдъ перебилъ его фразу въ серединѣ презрительнымъ: „довольно!“ и вышелъ изъ комнаты приготовиться къ отъѣзду.

Четверть часа спустя экипажъ, съ кучеромъ Генрихомъ Шелемъ, повалилъ въ туманную, влажную даль—по дорогѣ въ городокъ Прору...

XVII.

Кофе только-что отпили въ маленькой уютной гостиной г-жи Волльновъ. Гостиная находилась въ верхнемъ этажѣ дома и выходила балкономъ на улицу. Мужчины спустились внизъ, въ контору, выкурить по сигарѣ, дамы сидѣли еще у стола, съ котораго служанки убрали посуду. Трое дѣтей никакъ не могли свыкнуться съ этимъ измѣненнымъ порядкомъ — кофе пили обыкновенно въ салонѣ нижняго этажа—и пошаливали довольно неугомонно, къ восторгу счастливой маменьки, г-жи Волльновъ, тогда какъ Альма Зелліенъ разглаживала на пѣжномъ личикѣ весьма кислую гримасу своей бѣленькой, заботливо выхоленной ручкой.

— Послушайте, не лучше-ли выслать отсюда дѣтей?!

— Дѣтей!! повторила г-жа Волльновъ, съ удивленіемъ поглядѣвъ круглыми, карими глазками на своихъ черномазыхъ любимцевъ.

— По утрамъ я всегда настроена немножко нервно, а сегодня надо особенно побережь себя... собираюсь вѣдь въ деревню ѣхать...

— Ахъ, извини, извини, добрая Альма... Я и не подумала, что ты къ этому еще не привыкла... Впрочемъ, у меня не всегда

вѣдь такая возня поднимается, но съ тѣхъ поръ, какъ Штина отошла отъ насъ... вотъ еще чудачка... на старость лѣтъ замужъ вздумала идти, да еще вдобавокъ за молодого парня, который, право, въ сыновья ей годится... Ну, понятное дѣло, спѣшить. Отправилась къ своимъ роднымъ. Свадьба должна быть у нихъ чрезъ двѣ недѣли. Ей, конечно, было тоже очень грустно разставаться съ дѣтьми...

— Ты хотѣла, душа, выслать ихъ отсюда...

Дѣтей выпроводили; Альма Зеллиентъ лѣниво откинулась въ уголь дивана и тихо проговорила, полужакрывъ голубые глазки, точно ей вздремнуть хотѣлось:

— Гмъ, я глубоко убѣждена, что и тутъ выйдетъ однимъ разочарованьемъ больше...

— Что, что, голубчикъ Альма, спросила г-жа Волльновъ, все еще раздумывая о своихъ дѣткахъ.

— Мужъ мой просто влюбленъ въ него... ему всегда, видишь, пріятно восторгаться тѣми людьми, къ которымъ у меня не лежить сердце...

— Ну, на этотъ разъ ты неправа! безцеремонно вскрикнула г-жа Волльновъ, пропустивъ мимо ушей, при такой интересной темѣ, даже крикъ своего меньшого мальчугана на лѣстницѣ; — напротивъ, твой мужъ сказалъ тебѣ о немъ скорѣе очень мало... Онъ не только очень красивый господинъ — этому я, положимъ, не придаю особеннаго значенія, — но... видишь-ли, въ немъ все такъ гармонично: высокій ростъ, изящентъ, необыкновенно пріятная манера, кроткое и въ то-же время твердое выраженіе большихъ, голубыхъ глазъ, мягкій и, однако, звучный, мужественный голосъ.

— Гмъ, ты тоже поэтизировать начинаешь! улыбнулась Альма.

Отгилія Волльновъ повраснѣла до макушки черноволосой, слегка курчавой головы.

— Что-жь, я нисколько не отвергаю, что я его очень... очень...

— Люблю... добавила Альма.

— Да пусть и по твоему будетъ... то есть, какъ люблю все прекрасное и доброе...

— Я вполне одобряю эту великолѣпную теорію, но, видишь, въ дѣйствительности на каждомъ шагѣ съ нею приходится наталкиваться

на противорѣчія нашихъ почтенныхъ супруговъ. А твой, сколько мнѣ кажется, не очень восторгается твоимъ protégé...

— Мой добрякъ, Эмиль?.. подхватила г-жа Вольновъ: — мы, дѣйствительно, во многомъ не можемъ согласиться между собою... ну, да вѣдь тутъ нѣтъ ничего мудренаго. Ему довелось такъ много выстрадать въ жизни, что онъ поневолѣ сталъ глядѣть на все серьезнымъ педантомъ... Но въ сущности это — добрѣйшей души человекъ, и въ настоящемъ случаѣ ты совершенно ошибаешься. Онъ интересуется Готтгольдомъ еще больше меня или... если этимъ сказано ужъ чересчуръ много... по крайней мѣрѣ, столько-же...

— Мнѣ, однако, показалось...

— Въ томъ-то и дѣло, что только показалось... Боятся, видишь-ли, въ чемъ-нибудь попрекнуть себя, если выскажетъ все, что у него на сердцѣ. Это повѣрь мнѣ всегда такъ бываетъ съ людьми, которымъ выпала весьма печальная молодость. Сердцу тоже нужна... такъ сказать, своя весна, а если ея ни разу не было, если оно постоянно билось подъ гнетомъ узкихъ и грустныхъ житейскихъ условій, какъ это случилось съ моимъ бѣднымъ Эмилемъ... то вся жизнь выходитъ отравленною. Ахъ, да, о чемъ-же я хотѣла собственно... тутъ, видишь-ли, кроется обстоятельство совершенно особаго рода... Мой добрый Эмиль до сихъ поръ и заикнуться не смѣлъ... даже передо мною, какъ будто я имѣю право за это сердиться, вотъ добрая-то душа... да, такъ не смѣлъ никогда заикнуться о томъ, что лѣтъ тридцать или даже и тридцать пять тому назадъ, онъ былъ влюбленъ по всѣмъ правиламъ искусства... въ мать Готтгольда, когда она и мой Эмиль проживали въ Штетинѣ, въ одномъ домѣ... это, видишь-ли, цѣлая исторія, довольно романтическая...

— Вотъ какъ!! засмѣялась Альма,—скажите, пожалуйста, кто бы могъ ожидать этого отъ твоего супруга!..

— Нѣтъ, нѣтъ, Альма, горячилась Оттилія, — ты совершенно не знаешь моего Эмиля... въ немъ столько свѣжести, силы чувства, огненнаго юношескаго увлеченія...

— И послалъ-же Богъ тебѣ такое счастье! замѣтила Альма съ тихимъ вздохомъ.

— Надѣюсь, и ты счастлива не менѣе меня... да, такъ я хотѣла тебѣ собственно объяснить, почему Эмиль такъ не слово-

охотливъ, когда рѣчь зайдетъ о Готтгольдѣ. Причину ты теперь уже знаешь... ну, и притомъ онъ забралъ себя въ голову почему-то, что этотъ визитъ Готтгольда господамъ Брандовъ для него самого, то есть, для Готтгольда къ добру не поведетъ. Тебѣ, конечно, извѣстно, что Готтгольдъ былъ влюбленъ въ Цецилію и—между нами, разумѣется, — я убѣждена, что онъ любить ее до сихъ поръ. Скажи-же теперь сама: въ чемъ тутъ, по твоему, такое ужасное несчастіе?..

— Рѣшительно ни въ чемъ, но мнѣ кажется это не совсѣмъ вѣроятнымъ... Признаюсь, я никогда не раздѣляла вашего энтузіазма къ Цециліи и не понимаю, почему всѣ мужчины должны быть отъ нея безъ ума. Мужъ ея, какъ по всему видно, совершенно къ ней охладѣлъ. По крайней мѣрѣ, каждый разъ, какъ ему приходится встрѣчаться съ одной извѣстной мнѣ дамой, онъ привлекается за нею съ такимъ усердіемъ, что едва-ли можно подуматъ, что сердце его занято кѣмъ-нибудь другимъ.

— Да, если-бы оно вообще у него было... Извини, милая Альма, ты женщина разсудительная и—въ чемъ я глубоко убѣждена—любишь своего мужа. Но Брандовъ, въ самомъ дѣлѣ, человекъ въ высшей степени опасный... Манеры вкрадчивыя, изящныя, всегда веселы, развязаны, часто остроумены, даже симпатичнымъ умѣетъ прикинуться, когда это нужно... Ну, и вѣсть съ тѣмъ отваженъ, дерзокъ, обладаетъ всѣми качествами и ловкостью блестящаго кавалера, а это намъ, женщинамъ, всегда бросается въ глаза... однимъ словомъ, опасный человекъ. Да иначе, можно-ли было себя объяснить, что въ него влюбилась такая вѣжная, поэтическая барышня, какъ Цецилія?.. Но что же все это безъ истинной любви, а къ ней я считаю Брандова рѣшительно неспособнымъ. Теперь представь себя, что къ такимъ супругамъ является гость, въ родѣ Готтгольда, какииъ я тебѣ его изобразила... притомъ, человекъ едва-ли успѣвшій забыть свою юношескую страсть къ женѣ... да, какъ подумаешь объ этомъ совершенно серьезно, то увидишь, что мужъ мой не совсѣмъ неправъ: такія юныя, страстныя натуры... ну, и однообразіе, скука сельской жизни... нѣтъ, видишь-ли, у меня точно завѣса сползаетъ съ глазъ... И впродолженіи уже цѣлой недѣли о нашемъ Готтгольдѣ ни слуху, ни духу... Въ тихомъ омутѣ, говорятъ, черти водятся; чего добраго, они... И я сама поводъ

къ тому дала своей несчастной страстью къ живописи, о, Господи милосердный!..

— На этотъ счетъ я могу тебя успокоить, замѣтила Альма:— мужчины всегда подыщутъ какую-нибудь причину дѣлать то, что имъ самимъ пріятно, — не то, такъ другое пускается въ ходъ, это я хорошо знаю... Впрочемъ, сегодня вечеромъ или ужь никакъ не позже завтрашняго утра, — если мы заночуемъ въ Долланѣ, — я сообщу тебѣ послѣднія и точнѣйшія извѣстія обо всѣхъ этихъ интересныхъ вещахъ... Боюсь только, что онѣ вовсе не такъ интересны, какъ ты ожидаешь...

— Счастливица ты, право! завистливо вздохнула Оттилія. — Съ какимъ-бы удовольствіемъ я тоже поѣхала виѣстѣ съ тобою... Но мужъ мой ни за что на свѣтѣ не позволитъ...

— Слова „позволить“ мужъ не долженъ знать въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ, надулась Альма, двигая обручальное кольцо вверхъ и внизъ на тонкомъ гибкомъ пальчикѣ.

Разговоръ между двумя дамами былъ прерванъ ассесоромъ Зелліеномъ. Онъ прошелъ по залѣ съ нѣкоторою торопливостью.

— Ну, что, вернулся уже? воскликнула его жена: — а экипажъ здѣсь? Я, однако, еще не собралась ѣхать...

— Экипажа еще нѣтъ, объяснилъ ассесоръ, усаживаясь между барынями и нѣжно поднося къ губамъ руку жены, небрежно свѣсившуюся черезъ спинку дивана; — я собственно пришелъ спросить тебя, не лучше-ли тебѣ здѣсь остаться...

— Здѣсь оставаться?! повторила Альма, быстро приподнявшись изъ своего угла.

— У тебя опять, дитя мое, этотъ противный мигрень... и сильнѣе обыкновеннаго... Ужъ это я еще прежде замѣтилъ...

— Плоха-же твоя наблюдательность, милый Гуго, — напротивъ, сегодня я чувствую себя особенно хорошо...

— А погода-то на что похожа!! сморщился ассесоръ, выходя въ открытую дверь балкона; — посмотри, опять дождь пошелъ... Не понимаю, mesdames, что вамъ за охота простудиться...

Онъ всталъ и затворилъ дверь.

— Во всякомъ случаѣ, Брандовъ пришлетъ карету, замѣтила Альма.

— Тѣмъ хуже! стоялъ на своемъ ассесоръ. — Просидѣть съ

часть въ закрытомъ экипажѣ... помилуй, мой другъ, это тебѣ вовсе не по силамъ... Да къ тому еще дорога такая ужасная... Знаю я эти наслажденія... Ты подумай только, что можетъ теперь дѣлаться въ долинской степи, послѣ того, какъ цѣлую ночь лилъ дождь... да тутъ, ей-богу, не радъ будешь жизни, безъ всякаго преувеличенія...

— Мнѣ не хочется, чтобы ты подвергался этой непріятности одинъ!.. улыбнулась Альма.

— Это, мой ангелъ, совсѣмъ другое дѣло; мы, мужчины, волей-неволей должны снѣшить туда, куда зоветъ обязанность.

— И надежда на плотный обѣдъ...

— Однимъ словомъ, милая Альма, оставаясь здѣсь, ты-бы сдѣлала мнѣ этимъ величайшее удовольствіе...

— А у меня нѣтъ ни малѣйшей охоты доставить тебѣ это удовольствіе, любезный Гуго... и, пожалуйста, покончимъ объ этомъ...

Ассесоръ всталъ со стула и прошелся по комнатѣ.

— Ты знаешь, какъ мнѣ непріятно тебѣ въ чемъ-бы то ни было отказывать, проговорилъ онъ, вдругъ останавливаясь: — но на этотъ разъ я рѣшительно не могу тебѣ позволить...

Альма пристально поглядѣла на мужа; Оттилія не выдержала и весьма безцеремонно расхохоталась.

— Слова „позволить“ мужъ не долженъ знать въ своихъ отношеніяхъ къ женѣ... продекламировала она.

— Выраженіе, можетъ быть, не совсѣмъ удачно, продолжалъ ассесоръ, — но оно ни въ чемъ не измѣняетъ самаго дѣла... А вся суть дѣла заключается въ томъ, что супругъ вашъ вотъ только-что поразказалъ мнѣ нѣчто такое, что, по моему, дѣлаетъ поѣздку Альмы не только нежелательною, но даже просто невозможною... Вашъ супругъ, сударыня, также вполне раздѣляетъ мое мнѣніе...

— Ну, мой Эмиль заходитъ въ своихъ опасеніяхъ слишкомъ далеко! съ досадою замѣтила г-жа Вольновъ: — этого бѣдная Цецилія нисколько не заслужила... Помилуйте, вѣдь это значить вредить репутаціи женщины безъ всякаго на то права, безъ всякаго основанія... Съ такою строгостью пришло-бы, наконецъ, разойтись со всѣми своими знакомыми...

— Извините, я васъ что-то не совсѣмъ понимаю! удивлялся

ассесоръ, — не вижу, по крайней мѣрѣ, что общаго между репутаціей г-жи Брандовъ и этимъ прозаическимъ дѣломъ...

— О, въ такомъ случаѣ и я васъ не понимаю!.. въ свою очередь удивилась Оттилія.

— Во избѣжаніе дальнѣйшихъ недоразумѣній, сказалъ ассесоръ, — позвольте сообщить вамъ, mesdames, въ чемъ здѣсь дѣло. Конечно, г. Вольновъ требовалъ отъ меня скромности, но личное упрямство, съ какимъ милая супруга встрѣчаетъ мои увѣщанія остаться здѣсь, вынуждаютъ меня выйти изъ своей дипломатической роли. Г. Вольновъ еще недавно увѣрялъ меня по секрету, что Брандовъ едва-ли заплатитъ десять тысячъ талеровъ, которые я рассчитывалъ взять у него сегодня. Недѣли двѣ тому назадъ Брандовъ самъ писалъ мнѣ и нисколько не прикрашивалъ своего отвратительнаго положенія. Но, думаю себѣ, человѣкъ-то въ высшей степени изворотливый, когда нужно было, всегда умѣлъ, такъ или иначе, выручить себя изъ бѣды. И притомъ не отвѣчалъ ни слова на мое письмо... а, видите, приободрить его хотѣлъ... ну, слѣдовательно, заключалъ я, все обстоитъ уже въ порядкѣ. А тутъ вашъ супругъ сообщаетъ, что ничуть не бывало, что дѣло выглядитъ весьма скверно... Кредитъ Брандова окончательно лопнулъ. Господинъ Вольновъ говоритъ, что на всемъ островѣ едва-ли найдется хоть одинъ человѣкъ, который рѣшился-бы ссудить ему даже талеръ какой-нибудь... особенно, съ тѣхъ поръ какъ оба Пюггена и Редебасъ, такъ долго его поддерживавшіе, объявили вчера въ конторѣ г. Вольнова, что у нихъ не хватаетъ болѣе терпѣнія и что онъ, Брандовъ, не получитъ отъ нихъ ни гроша болѣе. Но сами-то они рассчитываютъ получить отъ него довольно значительную сумму... будто-бы пятнадцать тысячъ... только г. Брандовъ полагаетъ, что они пригнугли немножко... Но даже допуская, что это—всѣ долги Брандова,—а этому, право, трудно вѣрится,—во всякомъ случаѣ онъ—погибшій человѣкъ. Долланская контора навѣрное надѣется, что Брандовъ завтра заплатитъ за два года аренды. А не заплатитъ—его неизбѣжно выгонятъ изъ имѣнія, и тогда Брандовъ разоренъ до тла... такъ разоренъ, какъ только можно разориться...

— Бѣдненькая Цецилія... ахъ, бѣдная, ахъ, несчастная!! вздыхала г-жа Вольновъ, ударившись, наконецъ, въ слезы.

— Жаль-то, жаль ее... замѣтить ассесоръ, забавляясь своими длинными ногтями,—но... что-же прикажете дѣлать?..

— Эмиль долженъ помочь! вскричала г-жа Вольновъ, отрывая платокъ отъ заплаканнаго лица.

— Не думаю... это значило-бы лить воду въ бездонную бочку!.. онъ самъ сказалъ это какой-нибудь часъ тому назадъ.

— Но вы сами добрѣйшій г. Зеллиенъ... вѣдь вы его пріятель... неужели позволите своему другу погибать неизбежно?..

Ассесоръ сдвинулъ плечами.

— Другъ, другъ... Кого мы только не производимъ на словахъ въ это достоинство!.. А мои отношенія къ Брандову вовсе не имѣютъ въ себѣ ничего интимнаго... просто, дѣловыя отношенія, не такъ-ли, мой другъ?..

— Ну, разумѣется! тихо поддакнула Альма.

— И вотъ именно вслѣдствіе дѣловаго характера нашихъ отношеній мнѣ не хотѣлось-бы брать съ собою Альму, именно въ этомъ критическомъ случаѣ... Въ присутствіи женщинъ какъ-то трудно не коснуться дѣла съ игривой стороны, а этотъ казусъ представляется мнѣ настолько серьезнымъ, что лучше было-бы не думать ни о какой игривости... Ты какъ полагаешь, дружочекъ Альма?

— Да, весьма неприятное положеніе...

— Ну, то-то-же... Къ чему тебѣ гоняться за нимъ, безъ всякой надобности?.. Я вѣдь зналъ, что моя умненькая жена послушается моихъ резоновъ...

Ассесоръ любезно поцѣловалъ ручку Альмы.

— Но въ такомъ случаѣ, я полагаю, и вамъ лучше было-бы гуда не ѣздить, уважаемый г. ассесоръ... замѣтила г-жа Вольновъ.

— Мнѣ-то?.. почему-же? Напротивъ, съ моей стороны будетъ весьма практично явиться туда только добрымъ, безопаснымъ гостемъ. Я знать ничего не знаю, ничего не подозреваю. Естественно, мнѣ будетъ весьма прискорбно, если Брандовъ отведетъ меня въ сторону и скажетъ, что онъ не можетъ заплатить. Но — пари держу—обѣдъ будетъ отъ этого несколько не хуже и придется мнѣ совершенно по вкусу... Его рейнскія вина и шампанское были всегда первѣйшаго сорта...

Г-жа Вольновъ встала съ дивана и подошла къ балкону. Ей

нужно было зачерпнуть свѣжаго воздуха, хоть-бы дождь, начавшій лить довольно густо изъ сѣраго неба, забрызгалъ ея шоколовый утренній пеньюаръ. „Бѣдвенная Цецилія, повторила она, вздохнувъ,—и никто не хочетъ или не можетъ помочь тебѣ...“

Припомнилось ей въ эту минуту, что она помѣстила въ контору мужа пятьдесятъ тысячъ талеровъ наличными деньгами. Только, разумеется, не могла распорядиться ими безъ позволенія Эмиля, а онъ-то этого никогда не позволитъ... Ужь не поклониться-ли ему въ ноги, а?.. Она была-бы непрочъ раскохотаться при этой оригинальной идеѣ, представляя себѣ удивленное, испуганное лицо супруга, но слезы все наворачивались ей на глаза и мѣшались съ дождевыми каплями, хлеставшими ей въ разгоряченное лицо. Ассесоръ и его жена бесѣдовали между собой о томъ, о семъ въ комнатѣ, но вдругъ бесѣда эта была прервана громкимъ крикомъ съ балкона:

— Готтгольдъ ѣдетъ, Готтгольдъ!!

— Гдѣ, гдѣ? въ одинъ голосъ спросилъ ассесоръ съ супругой, выбѣгая на балконъ.

— Да вонъ тамъ! указала Оттилія пальцемъ на площадь, по которой какой-то господинъ, съ визко нахлобученной шляпой, приближался къ дому.

— Однако, онъ ростомъ ниже Брандова! замѣтила Альма, наводя лорнетъ въ ту сторону.

— По какому это онъ дѣлу, интересно знать?.. спросилъ ее мужъ.

— Мы это сейчасъ узнаемъ, сказала г-жа Волльновъ, вытѣсняя съ нѣкоторой торопливостью обоихъ супруговъ изъ отворенной двери балкона.

Но, какъ сообщила призванная служанка, Готтгольдъ пожелалъ видѣть только хозяина, и потому она провела его въ контору. Конференція между ними—вдобавокъ еще такая таинственная—продолжалась гораздо долѣе, чѣмъ было желательно любознательной компаніи. Наконецъ, спустя съ добрый часъ, въ продолженіи котораго ассесоръ скорѣе еще болѣе подстрекнулъ, чѣмъ успокоилъ нетерпѣніе дамъ, разговоромъ о своемъ знакомствѣ съ Готтгольдомъ въ Сициліи,—является г. Волльновъ. Его встрѣтили съ удивленными лицами и не хотѣли успокоиться, даже когда Волльновъ сообщилъ, что Готтгольдъ отправился въ Отель, чтобъ только

переодѣться, и, если хватить досужаго времени, вернется назадъ къ завтраку. Волльнова засыпала разспросами, какія это особенно важныя дѣла занимали Готтгольда настолько, что онъ счелъ нужнымъ хлопотать о нихъ даже утромъ въ воскресный день.

— Я-бы совѣтовалъ вамъ, mesdames, спросить его объ этомъ самого, увернулся Волльновъ, — онъ не дѣлалъ меня своимъ интимнымъ повѣреннымъ... Знаю только, что ему очень хочется ѣхать въ Долланъ вмѣстѣ съ нашимъ почтеннымъ ассесоромъ и вернуться назадъ въ той-же пріятной компаніи, чтобы потомъ немедленно продолжать путь далѣе... Хочеть, кажется, какъ можно скорѣе купить подарки какіе-то и поднести ихъ, на прощанье, своимъ долланскимъ друзьямъ... по крайней мѣрѣ, взялъ у меня нѣкоторую сумму... слишкомъ крупную для однихъ путевыхъ издержекъ... а объ остальномъ позвольте умолчать...

И затѣмъ Волльновъ, съ притворно-безпечнымъ видомъ, сталъ мурлыкать какую-то арію изъ „Фигаро“, потомъ опять отправился куда-то изъ комнаты, во избѣжаніе дальнѣйшихъ распросовъ.

— Однако, по моему, весьма неделикатно даже не представиться намъ! поморщилась Альма; — мнѣ очень хочется его за это наказать, и потому я не явлюсь къ завтраку.

— Но послушай, мой другъ!.. урезонивалъ ассесоръ.

Оттилія ничего не отвѣчала. Она хорошо изучила своего мужа, и его притворная безпечность вовсе не скрыла отъ нея весьма серьезнаго взгляда въ его глазахъ и пасмурно наморщенного лба. Она чутьемъ какимъ-то угадывала, что объясненіе мужа съ Готтгольдомъ было вовсе не такого невиннаго характера и что впереди можно было ожидать весьма серьезной неприятности, даже бѣды. Особенно она была увѣрена, что гг. Зелленъ — мужъ и жена — горячились совершенно напрасно, такъ какъ Готтгольдъ и самъ не придетъ къ завтраку.

ХVIII.

Уже болѣе получаса прогуливалось общество въ долланскомъ саду, между влажными изгородами и по окропленнымъ дождемъ дорожкамъ, въ ожиданіи ассесора и... вкуснаго обѣда.

— Хорошо ты, братъ, нечего сказать! кричалъ Гансъ Редебасъ, прогуливавшійся съ Отто фон-Шлюггенемъ, въ третій разъ встрѣчаясь въ томъ-же мѣстѣ съ Брандовымъ, Густавомъ фон-Шлюггенемъ и пасторомъ Земмелемъ; — сначала заставляешь ждать какого-то дезертира и любителя мокрой погоды... потомъ супругъ твоей вздумалось мигренью захворать и не являться къ намъ, а теперь вотъ за ассесоромъ все дѣло... жди да шагай по твоему вымокшему саду, весело — нечего сказать... Послушай, даю тебѣ еще десять минутъ времени, и если мы и послѣ того за столъ не сядемъ, ей-богу, прикажу запрягать и махну въ Далиць... тамъ, братъ, пообѣдаешь нисколько не хуже, чѣмъ у тебя... Ты что на это скажешь, пасторъ?.. . .

Г. Редебасъ громко захохоталъ и весьма безцеремонно потрепалъ прѣхавшаго съ нимъ пастора по плечу. Брандовъ тоже засмѣялся. Терпѣннѣе, говорить, нужно имѣть. Не его вина, что ассесора до сихъ поръ нѣтъ и что у него сегодня не все въ порядкѣ. Обѣдъ, говорить, готовъ давнымъ давно...

— Ну, такъ, ради всѣхъ чертей, сажай насъ за столъ поскорѣе или... или я въ обморокъ упаду!.. горланилъ Редебасъ.

Нельзя было опасаться, чтобы такой рослый, здоровенный богатырь былъ способенъ къ подобной слабонервности; но Брандовъ имѣлъ самыя уважительныя причины не приводить своихъ гостей въ дурное расположеніе духа. Для сокращенія времени до обѣда поставили игорный столъ. Всѣ усѣлись за игру, исключая пастора, только слѣдившаго за нею съ живѣйшимъ интересомъ. Брандовъ выигралъ сотни двѣ талеровъ, но что значила эта бездѣлица сравнительно съ тѣмъ, что онъ былъ долженъ своимъ гостямъ?.. Однако, проигрышъ имъ очень не понравился, и досаду свою они скрывали тѣмъ менѣе, что Брандовъ еще ни однимъ словомъ не зайнулся о дѣлѣ, для улаженія котораго собственно и собралась вся эта честная компанія. Безъ всякаго сомнѣнія, Брандову нечѣмъ было заплатить. Разумѣется, это только предполагалось, и даже на этомъ самомъ предположеніи Гансъ Редебасъ и оба Шлюггена построили весь свой сообща задуманный планъ. Но теперь всякій изъ нихъ былъ непрочъ драпироваться честнымъ человѣкомъ, котораго обманули самымъ постыднымъ образомъ.

Особенно раздраженъ былъ господинъ Редебасъ. Все менѣе и

менѣе нравились ему условія, заключенныя съ двумя другими компаньонами. Почему ему было не выдать всей суммы или почему за свою долю не выхлопотать было себѣ у Брандова второй залогъ—сборъ пшеницы, вмѣсто Браунлокка?... Пшеница у него уродилась великолѣпная, можно было-бы собрать Богъ вѣсть какіе жирные барыши. А лошадь—дѣло, все-таки, невѣрное. Съ тѣхъ поръ, какъ комитетъ призовой скачки отвелъ довольно большое болотистое мѣсто для предстоявшаго состязанія, Браунлоккъ значительно упалъ въ курсѣ, потому что считался очень тяжелымъ на ходу. Да и кстати-ли такому солидному господину возиться съ этими глупостями? Вѣдь это—барская забава. Пусть-бы оба Плюгены, сколько душенькѣ угодно, тѣшились своимъ конемъ... это по ихъ части... Они знаютъ въ этомъ толкъ, такъ пусть-бы и брали себя коня, а ему предоставили-бы пшеницу... Но на этотъ разъ братцы, жившіе между собою обыкновенно, какъ кошка съ собакой, точно спѣлись въ одинъ голосъ. Какъ уговорились, молъ, такъ пусть и будетъ. А если Редебасъ думаетъ, что онъ одинъ знаетъ, гдѣ раки зимуютъ, то жестоко ошибается. Не смѣя сѣпляться съ своими несговорчивыми компаньонами, Редебасъ тѣмъ безпощаднѣе сталъ привязываться къ Брандову. Еще передъ обѣдомъ онъ позволялъ себѣ слишкомъ много, а вино, которымъ онъ нагружался весьма неумѣренно, не дѣлало великана добрѣе и обходительнѣе.

Во всякое другое время Брандову было-бы нетрудно отражать пошлыя выходки своего противника и смѣхъ гостей обратить на него-же. И притомъ онъ былъ извѣстенъ за чловека, надъ которымъ нельзя безнаказанно потѣшаться. Но сегодня, какъ будто, при немъ не было ни страшнаго остроумія, ни испытаннаго мужества. Онъ не слышалъ того, что невозможно было пропустить мимо ушей, не понималъ того, что было сказано крайне недвусмысленно. Напротѣвъ, весело хохоталъ отъ такихъ выходокъ, которыя въ другое время заставили-бы его бѣшено вскочить съ мѣста, и поблѣднѣвшими, дрожащими губами старался, на сколько могъ, дать разговору шуточный оборотъ, причемъ приобѣгалъ къ болѣе и болѣе сильнымъ средствамъ,—напримѣръ, рассказывалъ разные новые анекдоты, показавшіеся весьма скоромными, даже такому невзыскательному слушателю, какъ преподобный пасторъ.

Несмотря, однако, на весь смѣхъ и шумъ, пиръ вышелъ до

тошноты скучнымъ и заукойнымъ, — особенно, для самого хозяина. Брандовъ по опыту зналъ, что его молодецкіе нервы могли вынести очень многое, но сегодня ему показалось, что онъ не справится съ принятой на себя задачей. Рассказывая какую-то глупенькую исторію и заливаясь бѣшеннымъ хохотомъ, онъ чувствовалъ, какъ у него чесались руки: схватилъ-бы еще закупоренную бутылку шампанскаго, да такъ-бы и разнесъ ее о черную, огромную голову Редебаса... Силы Брандова подходили къ концу, и онъ непременно спасуетъ, не выдержитъ, если не поспѣшитъ Генрихъ Шель и не избавитъ его отъ этой адской неизвѣстности. Но и эта пытка неизвѣстности показалась ему сущимъ вздоромъ сравнительно съ терзавшею его извѣстностью — увѣренностью, что жена любитъ этого... идіота, а его самого слишкомъ глубоко презираетъ, чтобы быть въ состояніи ненавидѣть, и что презрѣніе это, съ его стороны, вполне заслужено. И вотъ опять, съ быстротою молніи, — въ тѣ коротенькіе промежутки, когда онъ вливалъ въ себя полные стаканы, — ему навертывалась мысль о недавно пережитой ночной сценѣ въ спальнѣ жены... какъ онъ стоялъ передъ ней съ сжатыми кулаками, тогда какъ въ ея блѣдномъ лицѣ не дрогнула ни одна жилка... Наконецъ... наконецъ... онъ нанесъ ей смертельный ударъ, который такъ злодѣйски приберегъ въ заключеніе спектакля... нанесъ его въ сердце... Да, въ сердце, въ это проклятое, измѣнившее ему сердце... и она, гордая, величавая, сразу стерлась передъ нимъ; уничтожилась, словно бѣдный олень, подстрѣленный мѣткой пулей... сдѣлалась его послушнымъ, безгласнымъ орудіемъ, и онъ могъ торжествовать полную, блестящую побѣду!.. Нечего сказать, хорошо торжество — сидѣть здѣсь, передъ глупыми образами господъ Плюгеновъ, выслушивать наглуго ахинею какого-нибудь Редебаса и хохотать отъ своихъ собственныхъ пошлыхъ остротъ или ухаживать за этимъ лицемѣромъ и лизоблюдомъ — пасторомъ... и при этомъ хлопотать, чтобы у всѣхъ стаканы были налиты, и тревожно прислушиваться въ этомъ шумѣ и гамѣ, не подѣдетъ-ли экипажъ съ Генрихомъ и съ ожидаемыми деньгами... Вѣдь ради этихъ проклятыхъ денегъ онъ все это и выносилъ, изъ-за нихъ такъ много выстрадалъ, безъ нихъ онъ — пропащій, кругомъ пропащій человѣкъ!!.. А, наконецъ-то!.. Передъ домомъ застучали лошадиныя копыта и послышался шумъ подкатившихъ колесъ...

Никто этого не слышалъ, кромѣ самого Брандова. Чтожъ, тѣмъ разумѣется, лучше... значить, можно будетъ потолковать съ Генрихомъ безъ помѣхи.

Онъ вышелъ изъ залы. — Другого сорта шампанское, говорить, нужно принести. Вѣжнѣе черезъ сѣни въ открытую дверь дома, передъ которою еще стоялъ подвѣхавшій экипажъ. Видить — ассесоръ о чемъ-то толкуеть съ Генрихомъ Шелемъ, но въ ту-же минуту изъ двери его комнаты, также отворенной, его кто-то оклинулъ по имени. Брандовъ обернулся и увидѣлъ своего заклятаго врага. Страхъ и бѣшенство заставили его содрогнуться. Зачѣмъ онъ вернулся? Да какъ онъ смѣлъ?.. Вѣрно сказать хочеть, что денегъ нѣтъ, и что онъ платитъ за него не намѣренъ...

— Минуты двѣ-три мы можемъ поговорить, обратился къ нему Готтгольдъ, запирая дверь задвижкой за вошедшимъ Брандовомъ: — ассесоръ еще на дворѣ... Онъ ничего не знаетъ, да и никому это неизвѣстно, кромѣ, разумѣется, Вольнова, безъ котораго я не могъ-бы доставить тебѣ требуемыя деньги... Я и теперь не могъ распорядиться такъ, какъ ты этого желалъ... Ты хотѣлъ пятнадцать тысячъ талеровъ наличными деньгами. А Вольнову завтра предстоятъ значительныя платежи за закупленный хлѣбъ, что-ли, и потому онъ не могъ дать мнѣ болѣе десяти тысячъ... Остальное я вручу тебѣ тремя векселями, на пятнадцать тысячъ, подписанными Вольновымъ. Завтра предъявишь ихъ въ контору Филиппа Натансона, извѣстнѣйшаго банкира въ Зундинѣ, и деньги выдадутъ въ ту-же минуту. Вольновъ, какъ дѣловой человекъ, пользуется во всей мѣстности, — также и между твоими друзьями, — очень хорошей репутаціей, и его векселя — то-же, что наличныя деньги... Я думаю, что ты можешь сквитаться съ ними этимъ способомъ... въ крайнемъ случаѣ, я помогу тебѣ моими личными кредитомъ, хотя увѣренъ, что въ этомъ не будетъ надобности.

Готтгольдъ положилъ на столъ большой запечатанный пакетъ и вынулъ изъ бумажника три векселя, которые передалъ Брандову. Тотъ пробѣжалъ ихъ опытнымъ взглядомъ и убѣдился, что бумаги эти, дѣйствительно, были не хуже наличныхъ денегъ.

Странное чувство овладѣло опянявшимъ Брандовымъ. Онъ избавился отъ мучительнаго ожиданія. Увѣренность, что онъ отдался отъ своего отчаяннаго, критическаго положенія, твердая надежда выйги побѣдителя на предстоявшей скачкѣ, съ такимъ

великолѣпнымъ конемъ, какъ Браунлоккъ, и выиграть очень нешуточную сумму — все это помутило его какимъ-то радостнымъ угаромъ и, будто противъ воли, заставило сердечно обнять молодого художника, какъ своего единственнаго, истиннаго друга и спасителя. И въ ту-же минуту подумалось ему, что этотъ фантазеръ, этотъ взбалмошный идиотъ не могъ повѣрить ему такую сумму, равнявшуюся небольшому состоянію, если только на яву уже не случилось того, что рисовало ему циническое воображеніе — и тупой, неподвижный взглядъ, уставленный Брандовымъ въ Готтгольда, казалось, хотѣлъ сказать: о, съ какимъ наслажденіемъ я раздавилъ-бы тебя, какъ ядовитую гадину, которая валяется на моей дорогѣ...

— Не думаю, чтобы ты когда-нибудь могъ вернуть мнѣ эти деньги, продолжалъ Готтгольдъ, — и потому тебѣ, вѣроятно, несовсѣмъ пріятно будетъ услышать отъ меня, что отъ возвращенія этого долга я заранѣе отказываюсь, а, слѣдовательно, не нуждаюсь и въ твоей роспискѣ, тѣмъ болѣе, что она осталась-бы ничего незначащимъ лоскуткомъ...

Онъ вышелъ изъ комнаты. Брандовъ разразился хриплымъ хохотомъ.

— Гмъ, такъ вотъ еще штука кака! проворчалъ онъ сквозь зубы, — еще съ доказательствами лѣзетъ, что они... Но подождите, милые мои, расквитаются вы со мной, ужъ такъ расквитаются... это только листочки, а ягодки впереди будутъ...

Въ полуотворенную Готтгольдомъ дверь заглянулъ ассесоръ. Слышалъ, говорить, отъ Готтгольда, что онъ, Брандовъ, здѣсь, и потому поспѣшилъ воспользоваться удобнымъ случаемъ, чтобы повидаться съ добрымъ другомъ глазъ на глазъ и извиниться, что дѣла Готтгольда такъ долго задержали ихъ въ Прорѣ. Жену, говорить, тоже не могъ взять съ собою, — страшной мигренью расхворалась. Брандовъ объяснилъ это симпатіей прекрасныхъ душъ, такъ-какъ и его жена сегодня страдаетъ тѣмъ-же недугомъ. Но саркастическій тонъ этого замѣчанія побудилъ ассесора мысленно похвалить себя за то, что онъ имѣлъ благоразуміе явиться одинъ въ эту окончательно прогорѣвшую семью.

Но тѣмъ сильнѣе было его удивленіе, когда Брандовъ, рисуясь притворной небрежностью, проговорилъ:

— Ну-съ, почтеннѣйшій г. Зелленъ, такъ-какъ мы съ вами

здѣсь глазъ на глазъ, давайте-ка покончимъ съ нашими маленькими дѣльцемъ!.. Вотъ вамъ десять тысячъ таллеровъ: отъ Волльнова получилъ... за прошлогоднюю рѣпу, да еще кое за какія мелкія поставки хлѣба... Пакетъ имѣю честь представить вамъ еще въ томъ видѣ, какъ самъ его получилъ, — съ печатью Волльнова. Угодно вамъ будетъ пересчитать — сдѣлайте одолженіе, не стѣсняйтесь... только, я полагаю, это вовсе не нужно. А когда кончите, скажете мнѣ. Я заготовлю вамъ квитанцію, вы подпишите и будьте такъ любезны — суньте вотъ въ этотъ ящикъ!..

Для ассесора это былъ такой неожиданный сюрпризъ, что онъ не могъ придумать никакого отвѣта. Но, во всякомъ случаѣ, несмотря на волльновскую печать, рѣшился со всею акуратностью вскрыть пакетъ. Брандовъ наскоро черкнулъ квитанцію и вышелъ изъ комнаты съ ироническимъ замѣчаніемъ:

— Пожалуйста, не обсчитайтесь, любезнѣйшій ассесоръ!..

Шель еще не отъѣзжалъ съ экипажемъ отъ подъѣзда. Но рассказать онъ могъ весьма немного и не могъ сообщить, что такъ долго задержало ихъ въ Прорѣ. Кажется, за деньгами, говоритъ, была остановка, да еще ожидали возвращенія Лойца, — онъ куда-то отлучился. А что насчетъ супруги ассесора, такъ она совсѣмъ не больна, напротивъ, когда они уѣзжали, — стояла съ г-жою Волльновъ на балконѣ и посылала имъ поцѣлуи ручкою. О чемъ говорили господа между собою дорогою, онъ тожъ не знаетъ, — потому бесѣдовали они на какой-то иностранной тас рабарцинѣ. Ужъ онъ чего только не дѣлалъ, — кажись, не миновалъ ни одной рывинки, ни одного ухаба, — а сегодня, послѣ дождя, по дорогѣ самъ чортъ ногу сломить, — такъ что, подъ конецъ, господинъ ассесоръ сталъ громко ругаться на родномъ нѣмецкомъ діалектѣ: хоть-бы, говоритъ, ему давали бочку золота, а по такой милой дорожкѣ онъ сегодня въ другой разъ не поѣдетъ. А другой-то господинъ сказалъ на это: ну, такъ, стало быть, я вернусь одинъ, потому заночевать въ Долланѣ не хочу ни подъ какимъ видомъ...

— Гмъ, дорога-то ночью очень не хороша, замѣтилъ Брандовъ.

— Особенно, когда зги не видно, добавилъ Генрихъ Шель.

Взгляды господина и слуги какъ-будто нечаянно встрѣтились но въ ту-же минуту отвернулись въ сторону.

— Мало-ли какая бѣда можетъ случиться, если ѣдешь ночью по такой дорогѣ! медленно ввернулъ Брандовъ.

— Точно такъ, если вучеръ оплошаетъ, договорилъ Генрихъ Шель.

Взгляды ихъ снова встрѣтились. Генрихъ, очевидно, и въ этотъ разъ, какъ всегда, хорошо понялъ взглядъ своего хозяина. Онъ и теперь догадался, чего отъ него хотѣли; Брандовъ тяжело перевелъ духъ. Ему такъ хотѣлось, чтобы Генрихъ досказалъ еще одно слово, послѣднее слово. Но тотъ повернулся къ лошадямъ. Изъ залы доносилась страшная разногласица, какия-то весьма недружескія выкрики-ванья, и въ ту-же минуту, впопыхахъ, прибѣжала Рика. Сдобныя щеки хорошенькой субретки ярко раскраснѣлись, сѣрые глаза блестя, роскошныя русыя косы не были приглажены такъ скромно, какъ въ началѣ обѣда.

— Въ чѣмъ дѣло? спросилъ Брандовъ.

— Да они спорятъ тамъ уже съ четверть часа... скоро, кажется, въ волосы одинъ другому вцѣплятся, рассказывала Рика, оскаливъ ослѣпительно бѣлые зубы.

— Мы еще потолкуемъ! крикнулъ Брандовъ Генриху, отъѣзжавшему отъ воротъ. Потомъ увелъ съ собою Рику въ темную переднюю.

— Онъ опять сюда вернулся! обратился къ ней Брандовъ, — погляди-ка, куда онъ дѣвался, и чуть что замѣтишь, рапортуй сію-же минуту...

— Да, ужасно какъ мнѣ весело бѣгать за ними по всѣмъ угламъ! заикапризначала Рика.

— Что говорить: позволять себя обнимать, да за щечки щипать... тамъ, въ залѣ... разумѣется, веселѣе...

— И правда, что веселѣе... дразнила его Рика.

— А ты только вспомни, что я тебѣ общалъ сегодня ночью... нашептывалъ ей близко на ухо Брандовъ, охвативъ рукою гибкую талію хорошенькой горничной.

— Да что толку-то въ однихъ общаніяхъ! надулась Рика, не особенно, впрочемъ, усердно вырываясь изъ его объятій.

Въ залѣ поднялся еще болѣе громкій шумъ.

— Нѣтъ, ты вѣдь у меня дѣвушка славная, добрая! ласкался къ ней Брандовъ, — а теперь пока убирайся... пойду погляжу, какого лѣшаго они тамъ расходились...

Гансъ Редebasъ воспользовался минутнымъ отсутствіемъ хозяина и опять приступилъ къ обоимъ братцамъ съ своимъ предложеніемъ—взять себѣ, въ исключительную собственность, Браунлокка, а ему предоставить пшеницу Брандова. Пусть, говоритъ, почтенный пасторъ, съ которымъ онъ дорогою обстоятельно обсудилъ это дѣло, будетъ свидѣтелемъ чѣстности и искренности его намѣреній. Пасторъ, имѣвшій причины любезно заигрывать съ своимъ патрономъ, лѣзъ изъ кожи, чтобъ доказать выгоды этой сдѣлки для всѣхъ компаньоновъ, но, подгулявъ немного, ознаменовалъ себя такимъ усердіемъ, что братцы невольно покачали головою и взяли обратно свое согласіе, которое на половину уже дали. Г. Редebasъ, по этому поводу, обозвалъ пастора олухомъ — ничего, говоритъ, не смыслить, кромѣ своей теологической премудрости, а между-тѣмъ вѣчно суется не въ свое дѣло, — ему-бы, говоритъ, строжайше запретить ораторствовать гдѣ-бы то ни было, развѣ ужъ съ церковной кафедры немножко... Почтенный пасторъ не на шутку озлился и сталъ доказывать, что олухъ не онъ, а эта пустая тыква, съ которою старый студентъ галльскаго университета не имѣетъ и не можетъ имѣть ничего общаго и такъ далѣе, и такъ далѣе. Г. Редebasъ безцеремонно расхохотался, это еще болѣе взбѣсило подгулявшаго оратора.

Между-тѣмъ оба Плюгены тоже не поладили между собою. Густавъ шепнулъ брату, что онъ не прочь принять предложеніе, если Редebasъ приплатитъ наличными деньгами двѣ тысячи талеровъ. Отто, старшій братецъ, предостерегалъ младшаго не вдаваться ни въ какія сдѣлки съ Редebasомъ, въ мизинцѣ котораго гораздо больше смысла, чѣмъ во всей головѣ Густава. Это сомнѣніе въ его умѣ задѣло Густава за живое, въ возраженіе онъ проворчалъ что-то на счетъ „соломы“, какъ извѣстно обрѣтавшейся въ головѣ старшаго брата; этотъ намекъ на прозвище старшаго брата, разумѣется, не остался безъ отвѣта, и въ этомъ отвѣтѣ зашла рѣчь о „сѣнѣ“. И вотъ всѣ четыре гостя подняли самую яростную перебранку — къ немалому изумленію конюха Фрица, слушавшаго, розиня ротъ, все это барское галдѣніе, пока сзади кто-то не хлопнулъ его по плечу. Онъ обернулся и увидѣлъ хозяина.

— Убирайся во всѣмъ чертямъ и не приходи, пока тебя не позовутъ...

Грумъ ушелъ; Брандовъ еще разъ бѣглымъ взглядомъ окинулъ спорившихъ и затѣмъ пробормоталъ сквозь зубы: „ну теперь, кажется, самая удобная минута!“ Подходить къ столу, но не садится, а опершись руками о спинку своего стула, торжественно заговариваетъ, наслаждаясь изумленіемъ вѣдругъ притихшихъ гостей:

— Извините, господа, если я долженъ прервать вашу интересную бесѣду... и притомъ весьма прозаическимъ дѣломъ, которое, однако, должно быть покончено. Мой кучеръ, Генрихъ Шель, только что привезъ изъ Проры двухъ господъ — ассесора и еще другого... но объ имени этого послѣдняго позвольте пока умолчать. Я просилъ Волльнова выслать мнѣ, изъ моего капитала, пятнадцать тысячъ таллеровъ. Тотъ извиняется передо мною, что вмѣсто наличныхъ денегъ можетъ препроводить векселя на эту сумму. Да, господа, векселя, выданные, по моему востребованію, банкирами Лойцъ и К^о, засвидѣтельствованные Волльновымъ и подлежащіе къ уплатѣ въ Зундинѣ, у Филиппа Натансона. Такъ не будетъ-ли вамъ угодно, господа, принять эти векселя — каждый по пяти тысячъ таллеровъ — а взаимно ихъ возвратить мнѣ выданныя вамъ росписки, если онѣ, счастливымъ случаемъ, окажутся при васъ...

Брандовъ сдѣлалъ весьма насмѣшливый поклонъ и показалъ гостямъ три векселя, раздвинувъ ихъ вѣеромъ въ поднятой рукѣ.

Компаньоны недоувѣрчиво переглянулись между собою. Нѣтъ, говорятъ, эдакъ будетъ не ладно. Въ роспискахъ сказано объ уплатѣ наличными, а потому для нихъ необязательно принимать векселя. Но компаньоны уже до того повздорили между собой, что не могли придти къ единодушному протесту, и притомъ всякій, въ глубинѣ сердца, желалъ, какъ-бы пожива прошла у другого мимо носа...

— Не думаю, господа, продолжалъ Брандовъ, — чтобы вы могли въ чемъ-нибудь заподозрить ненадежность расплаты этимъ способомъ. Вѣдь это значило-бы просто оскорблять честнаго Волльнова, отъ котораго все мы можемъ зависѣть въ крутую минуту. Ассесоръ можетъ очень скоро явиться, — неужели вамъ желательно, чтобы онъ былъ свидѣтелемъ, какъ господа фон-Плюгены и г. Гансъ Редebasъ умѣютъ уважать стѣсненные обстоятельства стараго и всегда нужнаго пріятеля?.

Въ передней, дѣйствительно, послышался голосъ ассесора.

— Возьмемъ! согласился Гансъ Редебасъ.

— Да, пожалуй! поддакнулъ Отто фон-Плюгенъ.

— Я тоже не лѣзу съ ножомъ къ горлу! отозвался Густавъ.

Векселя перепли въ бумажники троихъ гостей; Брандовъ получилъ обратно свои росписки, скомкалъ ихъ, какъ ничтожные лоскутки, и сунулъ куда-то въ карманъ, когда въ комнату уже входилъ ассесоръ.

Его появленіе послужило для Брандова удобнымъ предложеньемъ пригласить гостей вставать изъ-за трапезы, продолжавшейся, какъ ему показалось, убійственно долго. Дождь пересталъ накрапывать. Не лучше-ли будетъ выпить по чашкѣ кофе въ прохладномъ саду, чѣмъ въ душной комнатѣ? предложилъ хозяинъ. Онъ думалъ, что Готтгольдъ ушелъ въ садъ и въ этомъ, дѣйствительно, не ошибся. Готтгольдъ прохаживался въ одной изъ дальнихъ аллей, гдѣ его и повстрѣчали во время прогулки. Брандовъ весело замѣтилъ, что этой встрѣчей онъ хотѣлъ сдѣлать своимъ гостямъ пріятный сюрпризъ. Готтгольдъ промолчалъ, извинился только, что до сихъ поръ не являлся къ нимъ,—головная боль совсѣмъ одолѣла, такъ хотѣлъ прежде разсѣять ее прогулкой. Оба Плюгены были внѣ себя отъ восторга, что увидѣлись съ старымъ школьнымъ товарищемъ, котораго всегда совершенно искренно ненавидѣли, а г. Редебасъ счелъ для себя особенной честью познакомиться съ такимъ знаменитымъ человѣкомъ, хотя изъ его словъ ясно оказывалось, что онъ совсѣмъ не зналъ, по какой части Готтгольдъ пріобрѣлъ эту знаменитость. Пасторъ, на котораго онъ обыкновенно полагался въ подобныя минуты, не могъ ему ничего подсказать, потому-что душилъ въ своихъ объятіяхъ ассесора, котораго видѣлъ еще въ первый разъ, и увѣрялъ его въ своей вѣчной и неизмѣнной дружбѣ. Ассесоръ смѣялся и ниѣлъ мужество смѣяться и тогда даже, когда г. Редебасъ, чтобы показать свою необыкновенную силу, схватилъ обнявшихъ объими руками, поднялъ вверхъ и понесъ по полямъ. Это пробудило рѣзвость также въ Отто Плюгенѣ, который вытащилъ свой шелковый платокъ и, взявъ его за два кончика пальцами, принялся прыгать, какъ козликъ, тогда какъ Густавъ, не желая отставать отъ остроумнаго брата, со всеусердіемъ началъ балансировать на зубахъ одинъ изъ стульевъ..

— Позвольте-же и мнѣ, господа, показать вамъ свой фокусъ!

предложилъ Брандовъ,—соблаговолите только идти за мною... недалеко...

Онъ пошелъ впередъ и у ограды отворилъ небольшую калитку, выходящую къ тому мѣсту, гдѣ онъ обыкновенно объѣзжалъ своихъ верховыхъ лошадей. Мѣсто было довольно просторное, выбранное съ большимъ пониманіемъ дѣла и искусственно приспособленное къ самой тщательной дрессировкѣ. Тутъ были узкія и широкія канавы, высокіе и низкіе заборы, были совершенно гладкія пространства, съ низко снятой травой—для провода и пробѣжки—и глубоко заоранныя мѣста для охотничьяго галопа. Все это пространство прилегало съ одной стороны къ конюшнямъ, а съ трехъ другихъ было обнесено досчатымъ заборомъ, въ ростъ человѣка, и Брандовъ ревниво оберегалъ это заповѣдное мѣсто отъ взоровъ постороннихъ лицъ. Но теперь ему захотѣлось полюбоваться завистливымъ изумленіемъ, съ какимъ глядѣли на мѣсто лошадиныхъ подвиговъ его три гостя. Мало того, онъ готовилъ имъ еще болѣе чувствительное униженіе. Когда вся компанія пошла къ конюшнямъ, ихъ встрѣтилъ Генрихъ Шель, съ Браунлоккомъ подъ уздцы. Великолѣпный конь, отъ нетерпѣнія, закусывалъ удила, чесалъ изящную голову о плечо берейтора и потомъ опять поглядывалъ на господъ своими большими, черными глазами, будто гордо спрашивая, какой смѣльчаекъ рѣшится на немъ прогалопировать.

— Вотъ вы, господа, хотѣли пробѣжаться на моемъ Браунлоккѣ! улыбнулся Брандовъ: — попробуйте, онъ передъ вами... Я закладываю десять луидоровъ, что ни одинъ изъ васъ даже въ сѣдло не сядетъ...

— Ну, я-то не хочу переломать ему спину! проворчалъ Гансъ Редебасъ.

Отто Плюггенъ, прыгая, какъ козликъ, помялъ себѣ носу, но Густавъ объявилъ, что онъ не прочь выиграть десять луидоровъ.

Густавъ фон-Плюггенъ былъ хорошій ѣздокъ и, въ Зундинѣ, на скачкахъ не разъ выигрывалъ призы. Онъ и теперь нисколько не сомнѣвался, что выиграетъ закладъ, но хотѣлъ приняться за дѣло со всевозможной осторожностью. Сначала обошелъ вокругъ коня,—чтобы приучить его къ своей наружности, — потомъ потрепалъ его по крутой шеѣ, пригладилъ на лбу пряди

гривы и, не переставая разговаривать съ конемъ, взялъ въ руки узду; потомъ приказалъ Генриху Шелю какъ можно скорѣе отступить назадъ. Но въ ту самую минуту, когда Густавъ занесъ ногу въ стремя, Браунлоккъ съ такою силою отпрянулъ въ сторону, что Густавъ благословлялъ судьбу, что могъ удержать въ рукѣ конецъ узды. Вторая, третья попытка сопровождалась тѣмъ-же результатомъ.

— Я-бы впередъ могъ это предсказать! крикнулъ ему г. Редебасъ.

— И охота въ дуракахъ оставаться, безъ всякой надобности! прокартавилъ братецъ.

Готтгольдъ замѣтилъ, что Генрихъ Шель постоянно стоялъ передъ конемъ и не сводилъ съ него своихъ косыхъ глазъ. Каждый разъ, когда Густавъ Плюггенъ хотѣлъ вскочить въ сѣдло, конюхъ дѣлалъ чуть замѣтный кивокъ головою, и конь отскакивалъ въ сторону или становился на дыбы.

— Вы-бы хорошо сдѣлали, г. фон-Плюггенъ, если-бы приказали Генриху Шелю совсѣмъ отойти отъ лошади! посоветовалъ Готтгольдъ.

— Нѣтъ, нѣтъ, поспѣшили вмѣшаться Брандовъ, — Густавъ ужь самъ не хочетъ... и притомъ я предложилъ пари таеъ себѣ, шутки ради... Генрихъ Шель, надо вамъ сказать, выдрессировалъ коня именно такимъ, что онъ никого къ себѣ не подпускаетъ, кромяъ него и меня... Въ этомъ-то и весь фокусъ, которымъ я хотѣлъ васъ позабавить...

Всѣ, кромяъ Готтгольда, не хотѣли этому вѣрить, но Брандовъ доказалъ это самымъ очевиднымъ образомъ. Браунлоккъ и ему позволилъ на себя сѣсть только по знаку берейтора. Началась вторая часть представленія. Брандовъ проѣхалъ на конѣ по всему ристалищу, преодолевъ самыя трудныя препятствія. Однимъ словомъ, его молодецкое наѣздничество, также какъ изумительная ловкость и сила рѣдкаго коня, въ концѣ-концовъ, преисполнили трехъ соперниковъ самой жолчной завистью.

— Досадно, право, что этотъ плебей на такомъ конѣ развѣзжаетъ! обратился Густавъ Плюггенъ къ Готтгольду, когда прочая компанія стала обходить конюшни; — даже настоящій стыдъ и позоръ... То-есть, онъ ѣздитъ, положимъ, очень недурно... для бюргерскаго сына... По моему, всѣмъ этимъ буржуазнымъ госпо-

дамъ слѣдовало-бы формально воспретить кататься верхомъ... Ужь сколько я толковалъ объ этомъ въ комитетѣ... лѣтъ восемь тому назадъ, когда мы только-что завели зундинскія скачки... нѣтъ, ничего не добился... А теперь вотъ я дождался... Четыре года уже этотъ Брандовъ забираетъ всѣ лучшіе призы. Ну, просто, хоть лопни съ досады... Этотъ баринъ давно-бы уже до тла прогорѣлъ, если-бъ его скачки не поддерживали... скачки и жена!..

— Жена?!.. вспыхнулъ Готтгольдъ.

— Ну, понятное дѣло. Мы-бы давно уже не повѣрили ему ни гроша, но ради жены... а жена у него... просто объѣденіе... вотъ по этому самому и нельзя оставить его на мели... Ужь онъ-то самъ это знаетъ лучше всякого другого, и какъ только нужно въ чей-нибудь карманъ залѣзть, онъ сейчасъ свою супругу и командируетъ... Да вотъ еще съ недѣлю тому назадъ: мы были въ Плюггенгофѣ, и Отто, въ присутствіи своей жены, — его жена урожденная баронесса фон-Грибенъ-Кеффенъ, — вздумалъ ужь черзчуръ беззазорно ухаживать за мадамъ Брандовъ... и спустя полчаса, послѣ обѣда, у Брандова въ карманѣ были пять тысячъ моего брата... Вѣдь эдакъ опростоволосился мой милѣйшій Отто... Мы порѣшили межъ собою не давать ему вдвоемъ болѣе пяти тысячъ, а онъ... Ну, и дѣло-бы у насъ отлично пошло, если-бъ не напортилъ этотъ проклятый жидъ... И ради какого дьявола вздумалось ему выручать Брандова?.. Ассесоръ тоже говорилъ мнѣ, что и ему сполна заплочено... Двадцать пять тысячъ сразу, — а, каково?.. Я просто съ толку сбиваюсь... Это тоже не случается сплошь и рядомъ... Ужь мнѣ извѣстны всѣ его лазейки и хитрости, а теперь... Пасторъ думаетъ, что это ты ссудилъ его деньгами, и будто за это Брандовъ глядѣлъ сквозъ пальцы, что ты съ его женой... да ты не сердись, сдѣлай милость, — мало-ли чего попъ тамъ не нагородить... Двадцать пять тысячъ... ты едва-ли бы рѣшился... но тѣмъ не менѣе онѣ нашлись у Брандова, — это фактъ, какъ выражаются въ Англіи, — тебѣ не пришлось-ли побывать тамъ?.. А я вотъ былъ, лѣтъ съ восемь назадъ, когда мы скачки въ Зундинѣ устраивали, — ничего, хорошая земля... лошади, женщины, овцы... первѣйшаго сорта... Ахъ, да, о чемъ, бишь, я хотѣлъ... Ну, и такъ, у Брандова нашлись двадцать пять тысячъ талеровъ, и Долманъ

остается за нимъ еще на пять лѣтъ, какъ полагаетъ ассесоръ,— и Браунлоккъ тоже за нимъ... вотъ конь, я тебѣ скажу, такъ конь... Чортъ возьми, ничего подобнаго я и въ Англии не видѣлъ, damn да и только!! Какой складъ... Или прыжки-то какіе, прыжки, а?.. Наконецъ, выѣздка,—однимъ словомъ, великолѣпіе... Только на ходу тяжеловатъ... мы, въ Зундинѣ, подѣ скачку отвели кусокъ болота... ужъ черезъ него этотъ конь не проберется, нѣвѣтъ... Князь Прора говоритъ, что это нечестная штука... Толкуй себѣ, сколько хочешь... самъ вѣдь лошадей на скачки не посылаетъ... Ну, что-же, пойдешь въ нашу компанію, а? Тамъ, какъ слышно, игру маленькую хотятъ устроить, идемъ, что-ли?..

— Я никогда и ни во что не игралъ... да и голова опять разболѣлась...

— Вотъ ужъ этого я, братъ, не смыслю... у меня, видишь, никогда не болитъ голова, какъ будто ее совсѣмъ на плечахъ нѣтъ, хе, хе, хе... Впрочемъ, у васъ, живописцевъ, это отъ красокъ... дѣйствительно, запахъ убійственный!!

XIX.

Молодой помѣщикъ отправился вслѣдъ за другими въ комнату Брандова, по правую руку отъ передней; въ этой комнатѣ, какъ видѣлъ Готтгольдъ чрезъ окошко, уже былъ приготовленъ игорный столъ.

— А что-же вы, г. Веберъ, развѣ тутъ останетесь? спросила Рика, подошедшая къ нему изъ передней.

Она поглядѣла на него какъ-то особенно ласково своими сѣрыми глазами. Въ головѣ Готтгольда вдругъ родилась мысль, что онъ самъ виноватъ, если не потрудился сдѣлать Рикѣ къ себѣ благосклоннѣе и что теперь нужно объ этомъ похлопотать, если только онъ хочетъ достигнуть цѣли, для которой вернулся въ Долланъ. Сегодня утромъ, передъ отъѣздомъ, онъ сунулъ ей довольно щедрую подачку; значить, оставалось только продолжать начатое.

— А мы и не думали увидѣть васъ такъ скоро, продолжала дѣвушка,—да и уѣхали вы отъ насъ такъ невзначай... изъ ве-

щей тоже забыли что-то... шелковый красный платокъ... хорошенькій такой... прикажете принести?..

— Я думаю, онъ будетъ вамъ какъ разъ къ лицу, замѣтилъ Готтгольдъ.

— Вы такъ полагаете?.. А я думала, вамъ все равно, что мнѣ къ лицу, и что не къ лицу... У васъ глаза есть, да только... для кого-то другого...

— Гдѣ-же ваша госпожа?.. Почему это ее сегодня не видно?.. допытывался Готтгольдъ и потомъ прибавилъ, замѣтивъ, что лицо дѣвушки будто нахмурилось:

— Я-бы много далъ, если-бы могъ узнать, гдѣ...

— А сколько-бы дали, примѣрно? спросила дѣвушка, лукаво засмѣявшись.

— Рика, Рика!.. Да куда ты это запропастилась?.. послышался изъ комнаты голосъ Брандова; — пару стакановъ еще, эй, ты... фу, чортъ возьми, какъ въ воду упала!..

Брандовъ сердито захлопнулъ за собою дверь.

— Онъ не замѣтилъ насъ! шепнула Рика Готтгольду, — подождите одну минуту, я сейчасъ вернусь...

Рика шмыгнула въ дверь. Нѣсколько минутъ Готтгольдъ стоялъ въ нерѣшительности, — не попытаться-ли самому увидѣть Цецилію?.. Дѣвушка, безъ сомнѣнія, очень могла ему пригодиться, если-бы захотѣла, но въ томъ-то и вся штука, захочетъ-ли она?.. Когда Брандовъ крикнулъ, ее точно всю передернуло отъ страха. Легкая благосклонность вѣтренной субретки нисколько не заманивала Готтгольда, и притомъ все могло быть только заранѣе условленнымъ планомъ между нею и Брандовымъ, чтобы легче слѣдить за Готтгольдомъ и тѣмъ вѣрнѣе поймать его въ сѣти. Нѣтъ, лучше довѣряться своей собственной находчивости и воспользоваться этимъ удобнымъ случаемъ.

Случай былъ, дѣйствительно, такъ удобенъ, какъ едва-ли еще могъ представиться. Заглянувъ второй разъ украдкою въ окно уже освѣщенной комнаты, Готтгольдъ убѣдился, что вниманіе общества было все поглощено игрою—играли, кажется, въ фараонъ — и Брандовъ держалъ банкъ... значить, выйти ему теперь было невозможно. Рика стояла въ заднемъ углу довольно просторной комнаты и держала въ рукахъ подносъ съ стаканами, которые пасторъ доливалъ изъ большой бутылки, — слѣдовательно,

и Рика была на нѣсколько минутъ занята. Въ передней—мертвая тишина. Въ столовой еще до сихъ поръ не было убрано со стола, и единственная свѣчка, зажженная для закуриванья сигаръ, блѣднымъ, догоравшимъ пламенемъ мигала на сквозномъ вѣтрѣ. И здѣсь тоже ни души. И вотъ, никѣмъ незамѣченный, Готтгольдъ отправляется въ садъ.

Солнце зашло еще недавно, однако въ саду уже стемнѣло. Часа три тому назадъ облака нѣсколько разсѣялись, но теперь опять собрались тяжелыми, темными массами. Сильный, порывистый вѣтеръ въ безпорядкѣ гналъ ихъ впередъ, наталкивалъ другъ на друга. Вершины старыхъ деревьевъ уныло шуршали; въ высокихъ изгородяхъ и кустахъ на тысячи ладовъ слышался свистъ и шелестъ. Такъ, повезалось, по крайней мѣрѣ, Готтгольду. Нѣсколько разъ онъ останавливался и тяжело переводилъ духъ. До сихъ поръ онъ всегда смѣло шелъ своей дорогой и не привыкъ ни передъ кѣмъ прятаться. Но здѣсь... Это было необходимо. Онъ не могъ такъ разстаться съ нею на вѣки — безъ послѣдняго, добраго слова...

Готтгольдъ былъ у той стороны дома, гдѣ внизу было помѣщеніе Цециліи, а вверху — комната, въ которой онъ гостилъ прежде. У этого фасада находился маленькій садикъ, отдѣленный отъ двора каменной стѣною — противъ амбара, а отъ большого сада, расположеннаго съ задней стороны дома, — высокой, густой изгородью... Этотъ меньшій садикъ былъ когда-то огородомъ; тутъ разводились также фруктовыя деревья, и еще теперь здѣсь можно было встрѣтить двѣ-три старыхъ яблони или груши. Впослѣдствіи на это мѣсто обыкновенно пускали дѣтей — пошалить и покувыркаться — и, въ угоду имъ, гряды съ огурцами и спаржею были обращены въ привольную поляну, тогда какъ изъ дѣтской комнаты, чрезъ толстую, каменную стѣну была продѣлана узкая калитка.

По вечерамъ Цецилія уходила къ себѣ рано, и Готтгольдъ не разъ заставалъ ее въ этомъ садикѣ съ ребенкомъ или, въ болѣе позднее время, одну. Онъ надѣялся застать ее здѣсь и теперь или вообще дать ей какъ-нибудь знать, что онъ здѣсь, въ ихъ домѣ, такъ какъ ее едва-ли объ этомъ извѣстили... Онъ не спрашивалъ себя, что изъ этого можетъ и должно неизбѣжно

выйти, только повторялъ себѣ, что отношенія ихъ въ такомъ положеніи не могутъ оставаться...

Площадка была пуста — насколько можно было обозрѣть ее изъ калитки, — но въ окнахъ, взадъ и впередъ, двигался огонекъ. Какъ ни осторожно онъ старался отворить калитку, но ржавыя, давно недвижавшіяся петли заскрипѣли. Въ ту-же минуту собачка, съ которой обыкновенно играла Гретхенъ, съ громкимъ лаемъ выбѣжала встрѣтить незнакомца, но сейчасъ-же успокоилась, какъ только замѣтила Готтгольда. Онъ принялъ эти ласки за хорошій знакъ и осторожно сталъ пробираться далѣе — къ огоньку, остановившемуся теперь въ одномъ окошкѣ. Съ сильно стучавшимъ сердцемъ Готтгольдъ подошелъ ближе и увидѣлъ ее...

Она подбирала игрушки своего ребенка, потомъ сѣла на стулъ, возлѣ стола и опустила, голову на лѣвую руку, — и все дышало въ ней такою неизъяснимо-тяжелой скорбью... Пламя сзади горѣвшей свѣчки ярко обозначало ея художественную головку, нѣжныя очертанія шеи, слегка согнутый станъ, тихо колыхавшуюся грудь, тогда какъ вечерняя темнота, какъ будто, наводила еще болѣе тяжелую тѣнь грусти на ея милое лицо. „Цецилія, ненаглядная, хорошая моя Цецилія!..“ прошепталъ онъ.

Она не могла его слышать. Но, поднявъ въ эту минуту голову, и повернувшись къ окошку, вдругъ замѣтила въ немъ какую-то темную фигуру. Тихо, будто отъ сдерживаемой радости, вскрикнула она, вставъ со стула, протянула впередъ руки, будто объять кого хотѣла, но потомъ стала ими будто защищаться и умоляла неизъяснимо-трогательнымъ голосомъ:

— Ахъ, нѣтъ, нѣтъ, ради самого Бога, пощади...

Но Готтгольдъ уже не замѣтилъ умоляющаго жеста Цециліи, не слышалъ ея словъ. Дверь была слабо притворена. Онъ спѣшитъ туда, бросается къ ея колѣнямъ, покрываетъ страстными поцѣлуями ея руки. И все, что было пережито имъ въ эти дни мучительной скорби и горячей душевной полноты, все, что выстрадалъ онъ со вчерашняго вечера до настоящей минуты — все вылилось теперь наружу въ беспорядочныхъ, дико и страстно путавшихся словахъ. Напрасно она силилась сопротивляться, протестовать. Этотъ огненный порывъ увлекъ и ее, — увлекъ противъ воли, и она молча повиновалась, вся отдалась ему, когда Готтгольдъ,

вскочивъ на ноги, повелъ ее за собою и при этомъ продолжалъ съ тою-же страстностью:

— Ко мнѣ, за мною, моя Цецилія!.. Ты ни одной минуты не можешь долѣе оставаться въ этомъ домѣ, подъ одной крышею съ негодяемъ, который знаетъ, что жена его любима другимъ, любить этого другого... знаетъ это и такъ нагло пользуется этимъ, какъ средствомъ для выманиванья денегъ... Сегодня утромъ я не видѣлся съ тобою передъ отъѣздомъ... все это сложилось такъ странно, такъ внезапно... Я думалъ, что нужно сдѣлать такъ, какъ ты приказывала... хотя-бы для меня это было непонятно, хотя-бы ты поступала такъ изъ состраданія къ человѣку, котораго когда-то любила... можетъ быть... можетъ быть, не совсѣмъ перестала любить и до сихъ поръ... Но теперь... теперь я понимаю тебя лучше. Теперь я знаю,—знаю разъ навсегда,—что ты меня любишь... теперь я сталъ самимъ собою... нашелъ тебя, ненаглядную мою... и уже ничто въ мірѣ не можетъ насъ теперь раздѣлить... ничто... да отвѣчай-же, Цецилія!!

Она устала на него свои большіе, блестящіе глаза съ выраженіемъ самого горестнаго удивленія. Вдругъ она беретъ свѣчу и подводитъ Готтгольда къ открытой двери спальни. Въ глубинѣ комнаты стояла ея кровать, а рядомъ съ нею — постелька ея ребенка.

Дѣвочка лежала съ чуть приподнятыми рѣсницами, полуоткрытыми губками, нѣжнымъ румянцемъ на теплыхъ щекахъ. То былъ первый сладкій дѣтскій сонъ, смѣнившій послѣднюю усталую рѣзвость ребенка, подобно тому, какъ румяная вечерняя заря разливается на мѣстѣ нырнувшего за горизонтъ солнца... Цецилія ни малѣйшимъ жестомъ не указала на спавшую Гретхенъ, но взглядъ ея, выраженіе лица и безъ того ясно говорили: „вотъ мой отвѣтъ!..“

Готтгольдъ поникъ головою. Въ эгоизмъ своей горячей страсти онъ почти не вспомнилъ о ребенкѣ, не подумалъ, что тутъ-то и было страшное препятствіе. Да и теперь оно казалось ему не совсѣмъ понятнымъ.

— Твое дитя будетъ моимъ!.. тихо проговорилъ онъ:—не покидай его... я тоже никогда не разлучу васъ...

Она поставила свѣчку на полъ, чтобы свѣтъ не падалъ въ глазки Гретхенъ. Потому у дѣтской постельки, опустилась на ко-

лѣни, прижалась головою къ краю рѣшетки и знакомъ руки умоляла Готтгольда, чтобы онъ ее оставилъ. А Готтгольдъ пасмурно стоялъ возлѣ несчастной матери и, съ отчаяньемъ въ сердцѣ, вычитывалъ изъ ея жеста, что для него здѣсь все потеряно. А между тѣмъ онъ не хотѣлъ, не могъ примириться съ своимъ роковымъ проигрышемъ. Вдругъ собака, вошедшая за ними въ комнату, стала ворчать, потомъ залаяла тихонько, повернувшись къ двери, которая вела изъ спальни въ смежную комнату. Готтгольду послышался тамъ какой-то неясный шорохъ. Онъ подошелъ къ двери. Цецилія бросилась ему на встрѣчу. Ея лицо, жесты выражали адское отчаянье и страхъ. Она указывала рукою на дѣтскую, чрезъ которую они прошли, и сама поспѣшила впередъ, когда Готтгольдъ медлилъ послѣдовать этому указанію. Теперь онъ машинально пошелъ за нею.

— Уйди, ради всего святого, уйди!! умоляла Цецилія.

Это были первыя произнесенныя ею слова.

— Нѣтъ, въ другой разъ такъ глупо спастись бѣгствомъ... я не намѣренъ!..

— Ты долженъ сдѣлать это... или... или все было напрасно... эта пытка, безконечная борьба, позоръ... все пропадетъ даромъ!!

— Цецилія! вспыхнулъ Готтгольдъ, самъ не свой отъ волненія, — я пересталъ-бы самъ себя уважать, если-бы опять ретировался, какъ школьникъ!! Мнѣ свѣтъ нуженъ, ясный свѣтъ!! Я хочу знать, что дѣлаю, для кого и для чего такъ дѣлаю...

— Больше мнѣ ничего нельзя сказать тебѣ... Ты самъ долженъ понимать... и, вѣроятно, хорошо все понялъ съ самаго начала... а иначе у меня не хватило-бы духу... А если теперь ты не понимаешь меня, то я — несчастнѣйшее существо въ мірѣ... Нѣтъ, нѣтъ, ты и теперь самъ все разсудишь... да иначе могли бы я полюбить тебя?.. Твоею любовью ко мнѣ умоляю тебя, Готтгольдъ, — иди, не оставайся здѣсь ни одной секунды долѣ!! Прощай... дай тебѣ Богъ... прощай, прощай на-вѣки!!

Горестная, но жаркая борьба завязалась между ними въ полутемной комнатѣ. Готтгольдъ удерживалъ Цецилію, она отстраняла отъ себя Готтгольда. Наконецъ, послѣднимъ отчаяннымъ усиленіемъ она вырывается изъ его объятій и судорожно отталкиваетъ его отъ себя въ сторону, — точно слѣдующая минута гро-

зила имъ обоимъ смертью и позоромъ. Готтгольдъ еще разъ страстно охватилъ ее руками и прижалъ къ сердцу, еще разъ принялъ поцѣлуй ея горячихъ, дрожащихъ губъ — и выбѣжалъ опрометью вонъ изъ комнаты. Дождь хлесталъ ему въ лицо, надъ нимъ шуршали и колыхались мокрая деревья, а о-бокъ, на тысячи ладовъ высокіе кусты и изгороди выводили свой поддразнивающій свистъ и шелестъ; „экій дуракъ, экій олухъ... позволяетъ себя выпроваживать, гнать въ шею, сколько ей хочется, сколько мужъ ея пожелаетъ... просто смѣшно!!.“

Готтгольдъ какъ-то бессмысленно захохоталъ, тогда какъ въ груди его, при этомъ хохотѣ, болѣе и болѣе спиралось дыханіе. Оня, Богъ знаетъ, чего-бы ни далъ, чтобы хоть немножко поплакать. Но плакать онъ не могъ, да и не хотѣлъ. Вѣдь еще ничто не было рѣшено окончательно, ничто не было проиграно, хоть на душѣ было такъ-же тяжело и темно, какъ и вокругъ него, среди этой мокрой, глубоко залегшей ночи. Ни одной звѣздочки между черными, беспорядочно перегонявшими другъ друга тучами. Только на западѣ чуть мерцалъ-слабый просвѣтъ. И этотъ матовый просвѣтъ остался послѣ зашедшаго солнца, а завтра оно опять, свѣтлое и хорошее всплыветъ надъ горизонтомъ... Не всегда, значить, быть этой тяжелой ночной темнотѣ. А на губахъ Готтгольда еще оставался, будто, тихій, слабый слѣдокъ ея дыханія, ея горячаго поцѣлуя... нѣтъ, нѣтъ, не на-вѣки они разошлись... долженъ-же быть когда-нибудь конецъ этой невыносимой пытки, этому аду...

(Продолженіе будетъ.)

СТИХОТВОРЕНІЯ АЛЕКСАНДРА ПЕТЁФИ.

ПОСЛѢДНІЕ ДРУЗЬЯ.

Друзья ушли и ты меня
Бросаешь, молодость моя.
Тебя, конечно, никому
Не замѣнить:
Теперь мнѣ вовсе одному
Придется жить.

Боюсь, у дѣвушекъ въ крови
Я не зажгу огня любви
Иль спль не хватить на любовь
Во мнѣ самомъ,
Хоть предо мной глаза ихъ вновь
Блеснутъ огнемъ.

Боюсь, что такъ-же отъ меня
Уйдетъ и ненависть моя.
Я не испорчусь, можетъ быть,—
Да что мнѣ въ томъ?
Ужель безъ честной злобы жить,
Мирясь со зломъ?

Нѣтъ! Пусть со всѣмъ разстанусь я,
Но ты, живая страсть моя,
Бушуй по прежнему въ крови
И озаряй
Огнемъ вражды, огнемъ любви
Родимый край!

РАВНОДУШІЕ.

„Спокойно выноси и радость и печали!“
 Такъ мудрецы совѣтуютъ глупцамъ.
 Не слѣдую я пошлой ихъ морали,—
 Я отдаюсь порой веселью и слезамъ,
 Но одинаково сносить ихъ не умѣю.
 Моя душа не будетъ той рѣкой,
 Которая съ холодностью тупой
 Спокойно вдалъ несетъ волной своею
 И розовый листокъ,
 Ребенкомъ сорванный на праздникъ природы,
 И высохшій сучокъ,
 Заброшенный въ потокъ
 Порывами осенней непогоды.

ПЕРЕМѢНА.

Теперь не то, что было прежде,
 Смѣняется жизнь одно другимъ:
 „Вчера“ и „нынче“—это братья,
 Но не узнать другъ друга имъ.

Когда-то каждаго собрата
 Съ открытымъ сердцемъ я встрѣчалъ,
 Безъ всякой просьбы первыхъ встрѣчныхъ
 Я щедро дружбой награждалъ.

Теперь на жаркія моленья
 Не отзовется эта грудь,—
 Я лгу спокойно приходящимъ:
 „Въ ней сердца нѣтъ! Счастливый путь!“

Когда-то я пылалъ любовью
 И та любовь была чиста,
 Казалась женщина, какъ ангель,
 Миѣ непорочна и свята.

Такъ думалъ я... Теперь я вижу
 Въ ней злого демона скорѣй

И, разлучаясь съ ней, не плачу,—
Найду другихъ на смѣну ей!

Любовь въ отчизнѣ жгла мнѣ душу,
То было солнце на землѣ,—
Теперь-же это мѣсяцъ блѣдный,
Свѣтящій холодно во мглѣ.

Среди обидъ ничтожныхъ благомъ
Тогда казалась смерть уму,—
Теперь, гонимый цѣлымъ свѣтомъ,
Хочу я жить на зло ему.

Какъ мягкій, гибкій воскъ въ то время
Подъ слабымъ пальцемъ гнулся я,—
Теперь я мраморъ—вражьи пули
Въ враговъ отпрянуть отъ меня.

ЖИВОЙ МЕРТВЕЦЪ.

Приходъ весеннихъ дней
Не веселитъ меня,
На первый зимній снѣгъ
Смотрю спокойно я.

Осеннихъ вечеровъ
Туманной полутьмой
Закралась въ сердце мнѣ
Холодность и покой.

Мнѣ не нужна толпа
Друзей или враговъ,
Во мнѣ молчитъ вражда,
Во мнѣ молчитъ любовь.

Мнѣ чужды всѣ друзья,
Всѣ скорби чужды мнѣ,—
Желаю только я
Забиться въ тихомъ снѣ.

Желаю я теперь,
Желаю всей душой

Заснуть скорѣй, скорѣй
Глубоко подъ землей.

НА ПЕРЕКРЕСТКѢ.

Я сталъ на перекресткѣ
У двухъ большихъ дорогъ,—
Одна ведетъ на западъ,
Другая на востокъ.

Куда-бы ни пошелъ я—
Вездѣ судьба одна:
Ты, жизнь, повсюду будешь .
И мукъ и слезъ полна.

Но я узнать желалъ-бы,
Гдѣ скрылась смерть моя:
Пошелъ-бы къ ней на встрѣчу
Прямой дорогой я.

Ш И Н О К Ъ .

И внутри и извнѣ жалокъ, какъ лачуга
Этотъ домъ убогій.
Голода и жажды утолить не можетъ
Въ немъ бѣднякъ съ дороги.
Здѣсь ѣды не встрѣтишь, на вино-же взглянешь
Минутнымъ взглядомъ,
Проклиная Ноя, взявшаго въ ковчегъ свой
Бочки съ виноградомъ.

Столъ довольно длинный—вѣстникъ запустишь
Занялъ полкоморен;
Близокъ онъ къ паденью, повачнулись на бокъ
Всѣ его подпорки.
За столомъ скамейка. Не гостей веселыхъ
Тягостное бремя
Выгнуло бѣднягу. Нѣтъ, надъ ней всеильнымъ
Оказалось время.

Съ давнихъ поръ хозяйкой посланное ложе
 Въ уголь пріютилось,
 Но ни въ комъ желанья спать на немъ ни разу
 Вѣрно не явилось.
 Печь осѣла на бокъ, словно выражая
 Страшную усталость;
 Трещины и складки бороздятъ чело ей,
 Говоря про старость.

Старъ шинкарь угрюмый. Нѣтъ въ немъ въ разговорамъ
 Никакой охоты;
 Кажется, и ротъ-то данъ ему природой
 Только для зѣвоты.
 Мрачно смотреть старій. Гдѣ-жь его родные?
 Въ дни былые тоже
 Могъ онъ похвалиться молодой женою,
 Стройной и пригожей.

Да, но злую шутку время съ ней сыграло,
 Взявъ отъ человѣка
 Все, что въ немъ прекрасно,—а вѣдь ей едва-ли
 Минуло полвѣка!
 Волоса, какъ сѣно, высохли, поблекли,
 Включены съ просонья
 И подъ ними видно не лицо, а просто
 Пугало воронье.

И она не любитъ говорить и только
 Разсуждаетъ съ жаромъ,
 Что повсюду графства принесли съ собою
 Гибель всѣмъ бетьярамъ.
 „Да, когда бетьяры свѣтомъ управляли,
 Зашибешь, бывало,
 Кое-что, хоть малость, а теперь и вовсе
 Выгоды не стало!“

Такъ-то въ этомъ домѣ у людей несчастныхъ
 Жизнь идетъ убого,
 Впрочемъ, и снаружи встрѣтится, пожалуй,
 Радости немного.
 Жалкое оконце только вполвинну
 Стекла сохранило
 И мѣста пустая грязная бумага
 Плотно залѣпила.

Я еще ребенкомъ бѣгалъ въ рубашонкѣ—
 Осенью то было,
 Какъ со стѣнъ дождями больше чѣмъ двѣ трети
 Штукатурки смыло.
 Да и та, которой время не коснулось,
 Грязно-желтой стала,
 Треснула и кто-то тутъ-же нацарапалъ
 Странныхъ словъ не мало.

Шесть съ зеленой вѣтвой—вывѣска надъ домомъ,
 Вѣтеръ полуночный
 Трещеть и качаетъ бѣдную нещадно,
 Всѣльщика точно.
 Шинкарю остался ото всей скотины
 Волкодавъ маститый,—
 Спитъ онъ днемъ у дома,—ни вреда, ни пользы
 Отъ него не жди ты.

И подобна дому вся его окрестность:
 Тянутся далеко
 Холмы за холмами—безъ конца разсыпанъ
 Ихъ песокъ глубокой.
 На нагихъ пригоркахъ бузина восходитъ
 Жидкими кустами,
 Поврываясь лѣтомъ, словно негодуя,
 Черными плодами.

Изъ селеній дальнихъ благовѣсть церковный
 Здѣсь лишь замираетъ,
 Птица отсталая, тутъ присѣвъ, быстрѣ
 Дальше улетаетъ.
 Кажется, и солнце здѣсь не такъ, какъ всюду,
 Свѣтитъ надъ холмами,
 Глядя съ сожалѣньемъ на пустынный домикъ
 Блѣдными лучами.

Въ ста шагахъ отъ дома холмикъ, гдѣ не встрѣтишь
 И слѣда людского;
 Тутъ на голомъ мѣстѣ висится угрюмо
 Статуя святого.
 Кто-то ей на плечи прицѣпилъ свой ранецъ,
 Порванный и грязный,
 Точно говоря ей: „уйди ты съ богомъ,
 Чѣмъ стоять здѣсь празно!“

ДРУЗЬЯМЪ.

И вы ушли, друзья мои были!
 Счастливый путь! Отъ сердца моего
 Отпали вы, какъ листья золотые
 Отъ дерева родного своего.
 Пройдетъ пора осенней непогоды,
 Утихнетъ вихрь, унесшій васъ съ собой,
 Придетъ весна и дерево природа
 Покроетъ вновь роскошною листвою...
 Но листь вдали отъ дерева родного,
 Поблекнувшій, не оживится снова...

Т О С К А.

Ребенокъ плачетъ въ колыбели,
 Надъ бѣднымъ мать поетъ—
 И снова съ ясною улыбкой
 Подъ пѣсню онъ уснетъ.

Тебѣ, дитя моихъ страданій,
 Тебѣ, тоска моя,
 За пѣсней пѣсню я слагаю,
 Чтобъ уснуть тебя.

ВЪ ПАМЯТНУЮ КНИЖКУ.

Конечно, въ библии сказанье
 О кружбѣ ты читалъ не разъ,
 Гдѣ масла вѣчно появлялся
 Ненсчерпаемый запасъ.

Та кружка съ масломъ—жизнь людская
И жалокъ каждый изъ людей,
Кто по расчетливости глупой
Не смѣетъ прикасаться къ ней.

Мудрецъ напитокъ этотъ сладкій
Свободно черпаетъ до дна—
И что беречь ему? Онъ знаетъ,
Что кружка будетъ вновь полна.

А. Михайловъ.

„З О В Е Т Ъ“...

(Записки Семена Долгаго.)

(ТЕТРАДЬ ВТОРАЯ.)

I.

Какъ летитъ время! Давно-ли, кажется, писалъ я послѣднюю главу этой запыленной тетради, обрѣтенной мною сегодня между старыми письмами и ненужными бумагами? Давно-ли, повидимому, былъ этотъ славный лѣтній вечеръ, когда ручьи журчали и соловьи пѣли? Не вчера-ли былъ онъ? А, на самомъ дѣлѣ, уже декабрь на дворѣ,—на самомъ дѣлѣ, добрые люди уже готовятъ встрѣтить святки,—и вонъ какъ распѣваетъ вьюга свои заунывные пѣсни, вонъ какъ плачетъ, вонъ какъ завываетъ она въ тишинѣ ночи.

Да, летитъ, мчится время... Мчится оно, мощно размахивая своими желѣзными крылами,—и рушатся подъ ихъ ударами не только воздушные замки, рушатся даже прочныя, повидимому, зданія, рассыпаются въ прахъ наши мечтанія, предположенія, планы... Давно-ли, подумаешь, провожалъ я Вѣру Николаевну Лаврскую, располагавшую чуть-ли не навсегда покинуть наши края? Давно-ли мой добрый Елизаръ, рассказывая по этой самой комнатѣ, мечталъ возвратить въ свою семейную жизнь миръ и счастье, отъ нея отлетѣвшіе? Давно-ли чуть не каждый вечеръ навѣдывался я въ уютное гнѣздышко Варвары Алексѣевны и все ждалъ, все всматривался—не воцарился-ли въ немъ этотъ столь желанный миръ, не засвѣтится-ли счастье въ грустныхъ голубыхъ глазенкахъ моей маленькой сестрички?.. Да, вздох-

нешь, задумаешься... Много, много воды утекло съ тѣхъ поръ... Не пойдешь уже ты, Семень, въ это тихое, уютное гнѣздышко: не будешь уже ты восхищаться взлелѣянными цвѣтами, его украшавшими; не будешь ты больше поддразнивать тамъ голосистыхъ канареекъ; не придется уже тебѣ распѣвать въ немъ свои романсы и пѣсни... Грустно, больно сдѣлалось мнѣ сегодня, когда я случайно проходилъ по тому переулку и печально смотрѣли на меня изъ-за забора обгорѣлые, черные столбы и трубы, снѣгомъ полузанесенные, точно саваномъ окутанные. „Старый дождь, старый другъ“. Промелькнули передо мною тѣ вечера, дни, часы, которые я проводилъ нѣкогда въ твоихъ стѣнахъ; пронеслись передъ моими глазами тѣ лица, сцены, событія, которыя недавно и ты видѣлъ, — и стало мнѣ такъ жаль, такъ жаль тебя, какъ будто-бы и въ тебѣ билось нѣкогда живое сердце, теперь остановившееся...

Пой, пой, вьюга, свою заунывную, тоскливую пѣсню! Не нужно уже тебѣ, Семень, утѣшать и поддерживать своими мудрыми совѣтами твою бѣдную, маленькую сестричку. Не будутъ уже смущать твое веселье ея грустные, заплаканные глаза. Никогда уже не постучится она въ твое окно своимъ зонтикомъ, приглашая тебя на вечернюю прогулку; не будетъ она больше аккомпанировать на роялѣ твоему пѣнію. Кончена ея маленькая исторія; закрылись на вѣки ея добрые голубые глаза. Снѣгло надъ нами небо спокойное, ясное; выплывала на горизонтѣ тучка; пестрѣло вдаль сельцо, въ которомъ надѣялась Варя поправить свое разстроенное здоровье; журчалъ ручей внизу, около ограды, шептались ели и березы, звучалъ дрожащій голосъ дряхлаго священника и въ глубокомъ молчаніи стояли мы тѣснымъ кружкомъ около свѣжей могилы... Глухо, слабо загремѣлъ потомъ вдаль громъ... Бѣдненькая моя! думалось мнѣ. Я все знаю, все понимаю. Разрушила буря твое маленькое, хорошенькое гнѣздо, которое ты свивала съ такою любовью; навѣки потеряла ты человѣка, горячо тобою любимого — и глубоко, глубоко поранено твое нѣжное сердце... Я знаю это, я все знаю, — но, думается мнѣ, что широкъ, великъ міръ Божій, что много прекраснаго есть въ нашей жизни и отчего-же ты не знала, не видѣла въ ней ничего, ничего, кромѣ своего гнѣзда, своей семьи?.. Кто закрылъ твои хорошіе глаза, кто ослѣпилъ тебя?..

Бѣдная, маленькая Варя! Скучала по тебѣ твоя балованная бѣлая „Лиска“ и долго жалобно мяукала... Да я изрѣдка вспомню о тебѣ... Да передъ Елизаромъ еще появишься ты иногда легкой тѣнью, взглянешь на него своими грустными, заплаканными глазами и тяжелый вздохъ вырвется изъ его груди, поникнетъ онъ головой...

— И чѣмъ, чѣмъ я виновата передъ нею? воскликнулъ онъ недавно.—Развѣ я не такъ поступилъ, какъ слѣдовало? Развѣ не такъ?..

— Кто же тебѣ говорить, что ты виновата? спросилъ я.

— Но отчего же мнѣ такъ тяжело, когда я о ней вспомню? Отчего меня какъ будто-бы совѣсть мучаетъ, когда мнѣ вспомнится Варя, такая слабая, бѣдненькая, грустная?.. Отчего? спрашивалъ онъ съ тоской.

Но пройдетъ еще годъ и, можетъ быть, совсѣмъ залечится къ тому времени эта ранка на сердцѣ Елизара, и не будетъ уже образъ твой, моя Варя, омрачать его счастье, какъ омрачаетъ по временамъ теперь. Забуду о тебѣ и я, твой лучший другъ... Пой, пой, вьгга, свою тоскливую пѣсню,—плачь о тѣхъ, кто умираетъ, не живши.

II.

Да, мчится время, размахивая своими могучими крылами, — разрушаетъ оно наши жалкіе планы, расчеты, воздушные замки и созидаетъ свое, новое, порой неожиданное.

Вотъ опять, какъ въ былые студенческіе годы, живемъ и работаемъ мы съ Елизаромъ почти-что въ одной комнатѣ. Вотъ опять, какъ тогда, исчезаетъ у насъ раздѣленіе нашихъ богатствъ на *его* и *мое*, и если-бы не былъ я въ настоящее время такъ массивенъ, такъ страшно массивенъ, то, конечно, у насъ и теперь, какъ въ тѣ золотые годы, скоро утратилось-бы всякое понятіе о томъ, какое платье мое и какое принадлежитъ Елизару.

Странныя, чудныя превращенія совершаются въ жизни! Еще разъ, съ переселеніемъ ко мнѣ Елизара, точно брызнула на меня живая вода,—и широко раскрылись мои глаза на міръ Божій,

и сильнымъ юношескимъ бѣніемъ забилось мое сердце. Еще разъ точно воротилась ко мнѣ моя юность, воротилась съ своими мечтаніями, воротилась съ своею горячею вѣрою и въ свои собственныя силы и въ лучшее будущее. Нѣтъ, нѣтъ, я давно уже не похожу на „нѣкій утѣсь, водруженный судьбою на берегу житейской рѣки“, какъ называлъ себя прежде. Я давно уже пересталъ быть невозмутимымъ и безучастнымъ философомъ — наблюдателемъ, какимъ былъ нѣкогда. Стоны-ли слабосильныхъ пловцовъ, погибающихъ въ мутныхъ волнахъ этого великаго житейскаго потока, — смѣхъ-ли грубый торжествующаго насилія, — иракъ-ли той жизни, что течетъ подъ этими и высокими, и низкими, снѣгомъ занесенными, кровлями, бѣлѣющими тамъ внизу — все, все волнуетъ и тревожитъ нынѣ мое сердце, какъ волновало и тревожило его въ былые, лучшіе годы. Часто, часто, одно какое-нибудь свѣтлое явленіе, одинъ какой-либо счастливый шагъ впередъ, одинъ какой-нибудь свѣтлый образъ, неожиданно выступившій изъ окружающаго мрака — и радостно дрогнетъ сердце, и роемъ поднимаются мечтанія, и снова слышатся мощные звуки таинственнаго колокола, зовущаго впередъ, впередъ!..

Воистинну возвратилась моя юность. Люди солидные, люди дѣловые, люди основательные!.. Какая снисходительная улыбка появляется на вашихъ губахъ, когда усматриваете вы эти бѣлыя, сосновые столы и стулья, разставленные въ нашей залѣ! Какъ непритворно удивляетесь вы нашей фантазіи возиться съ этой школой и притомъ... даромъ!.. Какъ трата драгоценнаго времени!.. Какая скука, должно быть, невыносимая!.. Какъ страшно, по всей вѣроятности, пачкается полъ грязными сапогами нашихъ учениковъ!.. О, мудрые практическіе люди!.. Но какъ песказанно удивились-бы вы, если-бы узнали, сколько радости, сколько хорошихъ, счастливыхъ минутъ и, нужно сознаться, сколько иногда и грустныхъ — доставляетъ мнѣ эта школа! Хороши тѣ минуты, когда чувствуешь, что вполне овладѣлъ вниманіемъ своихъ слушателей, когда видишь, что все больше и больше свѣтлѣютъ ихъ загорѣлыя бородатыя лица, все ярче и ярче блистаютъ ихъ глаза и вдругъ по всей аудиторіи разомъ пробѣгаетъ отрывистый, радостный, веселый гулъ, возвѣщающій, что все ясно, все понято... Но грустно, грустно дѣлается, когда послушаешь иной разъ лекцію Елизара. Ярко

почувствуется по сравненію съ нимъ, что для такой аудиторіи многого не хватаетъ въ твоей собственной хваленной подготовкѣ, что бесплодно растрачены многіе годы, что сообщаешь своимъ слушателямъ не именно то, что нужно имъ, а только то, что самъ знаешь... Какъ сконфуженный школьникъ уберешься тихонько въ свою комнату; въ досадѣ, волненіи бродишь по ней изъ угла въ уголъ и потомъ съ юношескимъ жаромъ примешься за работу, наверстывать потерянное... Лучше поздно, чѣмъ никогда.

Во многомъ и другомъ какъ будто-бы еще разъ возродились мои лучшіе годы. Опять, какъ въ первое время моего поступленія учителемъ въ гимназію, на мои лекціи собирается молодежь даже изъ другихъ классовъ, и кто лѣпитъ на окнахъ, кто просто стоитъ все время, жбо нѣтъ на скамьяхъ ни одного свободнаго мѣста. Опять гурьбой окружаетъ она меня въ корридорахъ во время рекреаций; опять она начинаетъ понемногу навѣщать меня даже на квартирѣ, то обращаясь за книгами, то прося какого-нибудь совѣта, относительно-ли занятій, относительно-ли своихъ домашнихъ дѣлъ и исторій, своихъ сомнѣній и колебаній, своихъ намѣреній и мечтаній. О, мои юные друзья! Какъ охотно, беззавѣтно раскрываете вы все свое сердце передо мной, чуть не чужимъ вамъ человекомъ! Какъ ярко вспыхиваютъ ваши глаза и лица при одномъ живомъ, задушевномъ словѣ! Какія славныя, свѣтлыя натуры встрѣчаются иногда между вами! Легче дышется, глядя на васъ, свѣтлѣе представляется жизнь, и громче, громче звучитъ таинственный могучій колоколъ, зовущій впередъ, впередъ!..

III.

Какое однакоже длинное, пасмурное лицо посмотрѣло на меня сію минуту, когда я проходилъ мимо зеркала! Какъ нахмурены были брови на этомъ широкомъ лицѣ, и какія брызгливыя складки возлежали вокругъ его губъ! Да, да; я и по сіе время не могу еще успокоиться хоть на столько, чтобы не произносить внутренно длинныхъ или короткихъ, но во всякомъ случаѣ весьма рѣзкихъ, весьма жолчныхъ монологовъ, направ-

ленныхъ противъ „этихъ угрюмыхъ совъ, боящихся свѣта“, противъ „этихъ жалкихъ эгоистовъ, которые не прочь-бы были погасить солнце, ибо оно въ настоящую минуту беспокоитъ ихъ глаза...“ Мнѣ и по сію минуту видится еще таинственная рука, пишущая передо мной огненными буквами, что „все твое зданіе построено на пескѣ...“

Ну, да; я самъ знаю, что оно не имѣетъ подъ собой прочнаго фундамента; я хорошо понимаю, что оно зависить, такъ сказать, отъ произвола вѣтровъ. Отъ этого-то именно я и не могу успокоиться до сихъ поръ, отъ этого-то именно на меня и произвели такое тяжелое впечатлѣніе мысли господина Х.

Господинъ Х... Что такое господинъ Х, котораго измышленія, высказанныя мнѣ въ формѣ дружеской бесѣды, могутъ меня волновать, беспокоить, приводить только-что не въ отчаяніе? Въ чемъ заключается его сила? Богъ мой, его сила? Я слышалъ, правда, что у него большое состояніе; я знаю также, что онъ занимаетъ очень хорошее, видное мѣсто, но все это нисколько не мѣшало мнѣ до сихъ поръ смотрѣть на него сверху внизъ и относиться къ нему даже съ нѣкоторымъ сожалѣніемъ. Мнѣ было жаль его, когда я видѣлъ, что онъ находится вполне подъ башмакомъ своей молоденькой, пустой и взбалмошной подруги жизни. Мнѣ было жаль его, когда я замѣтилъ, что его единственный сынъ, которому я даю уроки, любитъ и уважаетъ своего родителя несравненно меньше, чѣмъ даже меня, хотя и ко мнѣ, нужно сказать, не питаетъ особенной привязанности. Мнѣ было жаль, наконецъ, господина Х., когда я усматривалъ его дремлющимъ за газетой или безпріютно бродящимъ изъ угла въ уголь, въ ожиданіи обѣда. Мнѣ всегда казалось, глядя на него, что вотъ человѣкъ, которому должно быть очень тошно, очень скучно на бѣломъ свѣтѣ, — ибо какъ ему, этому вялому, пухлому человѣку, нѣтъ ни до кого и ни до чего ни малѣйшаго дѣла, такъ и имъ, съ другой стороны, рѣшительно никто не интересуется. Мы съ нимъ бесѣдовали иногда объ иностранной политикѣ, сражались изрѣдка въ пикетъ и вообще между нами установились-было наилучшія отношенія, какія только могутъ существовать между людьми, которые, правда, не имѣютъ ничего общаго, — но за то и не мѣшаютъ ни въ чемъ другъ другу.

Не скажу я, чтобы съ сегодняшняго дня эти пріятныя отношенія между нами должны были совершенно прекратиться. Нѣтъ, добрѣйшій господинъ Х., очевидно, рѣшительно ничего не имѣетъ лично противъ меня. Кажется, никогда еще онъ не говорилъ со мной такъ любовно и дружественно, какъ именно сегодня; онъ раза два похлопалъ меня по плечу во время нашей бесѣды, — онъ обѣими руками пожалъ мнѣ на прощанье руку, — ему не нравится только наша школа, единственно наша школа, о которой онъ сегодня узналъ отъ кого-то.

— Отвероенно говоря, вло развивалъ онъ осѣнившую его идею, — я не считаю такія школы полезными... Скорѣе напротивъ... Я ничего-бы не имѣлъ противъ вашей школы, если-бы вы учили этихъ людей читать, писать, арифметикѣ, — это еще куда ни шло... Но когда вы читаете имъ лекціи по исторіи, говорите имъ о гигиенѣ, то...

Онъ рѣшительно потрясъ головой.

— Куда ведете вы этихъ людей? продолжалъ онъ далѣе. — Что даете вы имъ?.. Вы развиваете въ нихъ новыя желанія, пробуждаете въ нихъ новыя потребности, — но вмѣстѣ съ тѣмъ не даете вашимъ ученикамъ никакихъ, рѣшительно никакихъ средствъ удовлетворить эти вновь возникшія потребности... Нѣтъ, нѣтъ, я положительно смотрю на такія школы, какъ на вредныя. Я положительно не понимаю, почему вы, человекъ солидный, съ такою любовью занялись подобнымъ дѣломъ...

— Мнѣ очень жаль, что вы этого не понимаете, отвѣчалъ я, должно быть, очень измѣнившимся, очень недружелюбнымъ голосомъ, потому что мною овладѣло сильное волненіе, во мнѣ желчь поднималась. — Я не хочу даже говорить о томъ, что развитіе есть сила, — что развитіе, увеличивая потребности человека, еще больше увеличиваетъ его силу... Повторяю, я не буду даже говорить объ этомъ... Взгляните только въ окно... Посмотрите на этого человека, который только что вышелъ изъ кабака и, пошатываясь, идетъ рядомъ съ своею лошадыю... Вслушайтесь въ его брань, взгляните, какое у него сдѣлалось дикое лицо, когда онъ началъ колотить свою ни въ чемъ не повинную, голодную влячу... Этотъ нашъ меньшій братъ, этотъ гражданинъ нашей родины — многимъ-ли онъ по развитію стоитъ выше своей лошади? Возможно-ли, справедливо-ли возставать противъ меня или про-

тивъ кого-бы то ни было другого, кто захотѣль-бы поднять этого человѣка?..

— Вы говорите, что не понимаете меня, продолжалъ я съ жаромъ;—но посмотрите на эти лачуги, что чернѣютъ тамъ, — на эти темныя, безобразныя улицы; посмотрите на жизнь, идущую изо дня въ день въ этихъ лачугахъ и вы, конечно, поймете меня... Вы, разумеется, не меньше, чѣмъ я, желали-бы, чтобы эти жалкія лачуги не мозолили вамъ глаза. Вы, я надѣюсь, не меньше моего желали-бы, чтобы вашъ слухъ не терзали пьяные крики, вопли голодныхъ, оборванныхъ ребятишекъ и стоны ихъ несчастныхъ матерей? Что касается до меня, то я отъ всей души желалъ-бы, чтобы мой родной городъ не былъ такъ мертвъ, бѣденъ и жалокъ, — чтобы мои сограждане и сосѣди не были такъ страшно невѣжественны и несчастливы...

— О, вы патріотъ! Вы горячій патріотъ! добродушно воскликнулъ господинъ X., положивъ руку на мое плечо.—Однако же, вы полагаете, что, развивая вашихъ учениковъ и, такъ сказать, пробуждая въ нихъ новыя потребности, вы вмѣстѣ съ тѣмъ даете имъ и средства къ удовлетворенію этихъ потребностей... Вотъ съ чѣмъ я не могу согласиться. Я не понимаю, какія это средства...

Полагаю, что я былъ краснорѣчивъ такъ, какъ только можетъ быть краснорѣчивъ человѣкъ, защищающій дѣло весьма близкое его сердцу. Надѣюсь также, что я высказалъ все, что только можно было высказать въ защиту нашей бѣдной школы, — но, увы, въ концѣ концовъ, господинъ X. все-таки съ сомнѣніемъ покачивалъ головой, и все-таки повторялъ, что онъ „не довѣряетъ“, не можетъ довѣрять такимъ школамъ, какъ наша.

Онъ не довѣряетъ... И одинъ-ли только онъ не довѣряетъ? Снизшло-ли на него это недовѣріе въ видѣ вдохновенія, въ видѣ его-собственнаго, внутренняго вдохновенія? Или, можетъ быть, онъ слышалъ, что другіе не довѣряютъ нашей школѣ, и самъ проникся этимъ чувствомъ? Какъ-бы тамъ ни было, но только сегодня, моя бѣдная, милая школа,—только сегодня понялъ я, какъ сильно успѣлъ къ тебѣ привязаться,—какъ тяжела была-бы моя потеря, если-бы тебя у меня отняли, если-бы опустѣла навсегда эта зала.

IV.

Ну, вотъ! Неужели у меня появляются даже враги? Неужели у благодушнаго Семена Булева, пользовавшагося до сихъ поръ, какъ ласковый теленокъ, всеобщимъ расположеніемъ, начинаютъ появляться недоброжелатели, ищущіе, такъ сказать, его погубить? И что они противъ меня предпримуть?.. Что предприметь противъ меня хитроумный, многоглаголивый и пронырливый Лука Хрящевъ, глава достопочтенной фирмы „братя Хрящевы“, ведущей торговлю солью и желѣзомъ?.. Что сдѣлаетъ мнѣ правая рука его, длинновязый, молчаливый, ерѣпко, но нескладно сшитый, Иванъ Хрящевъ, ведущій многолѣтнія записки о томъ, что „5-го іюля былъ вѣтеръ и шелъ дождь“, а „7-го стояла ясная погода“, и вѣчно читающій въ свободныя минуты какую-нибудь духовную книгу? Но что они не желаютъ мнѣ рѣшительно ничего добраго,—это было слишкомъ ясно написано и въ суровыхъ глазахъ, и въ угрюмыхъ лицахъ обоихъ братьевъ, когда я, встрѣтаясь сегодня съ ними, привѣтствовалъ ихъ обычнымъ дружескимъ поклономъ, который, по правдѣ сказать, охотно взялъ-бы назадъ, если-бы это было возможно.

А жаль, жаль, что двери такого почтеннаго дома отнынѣ закрыты для меня! Жаль мнѣ тѣхъ прекрасныхъ домашнихъ наливокъ, которыми въ дни они угощали меня радушіе хозяева. Жаль мнѣ тѣхъ частыхъ, славныхъ именинныхъ обѣдовъ, на которые никогда доселѣ не забывали пригласить меня хлѣбосольныя хозяйки... Жаль, очень жаль!.. Но что смѣшнѣе всего, такъ это то, что я ни душой, ни тѣломъ не виноватъ въ случившемся... Все, что ни терплю я теперь отъ озлобленныхъ братьевъ, все, что ни понесу я отъ нихъ впоследствии,—все это я терплю и понесу единственно за грѣхи неугомоннаго Елизара, отъ души расхотавшагося, когда я рассказалъ ему о моей сегодняшней встрѣчѣ съ Хрящевыми. О, справедливость, гдѣ ты?!..

Долго, долго не могъ я понять, какимъ магнитомъ притягиваетъ Елизара въ это почтенное семейство. Для него никогда не представляли особеннаго искушенія домашнія наливки, какъ-бы онѣ не были великолѣпны. Для него не могли представлять особенной прелести простодушные рассказы хозяевъ о томъ, напримѣръ

что есть недалекоѣ озеро, по которому ночью ходить „нѣкто“, яко по суху, и отъ времени до времени втягиваетъ въ свое подводное жилище лодки неосторожныхъ рыбаковъ. Я не замѣчалъ, чтобы его особенно занимала бесѣда съ бѣлыми, глупенькими хозяйками, въ глубокой тишинѣ повѣствовавшими ему однажды, что онѣ нѣкогда заблудились въ лѣсу, собирая грибы, и послѣ долгихъ блужданій были, наконецъ, выведены на дорогу таинственнымъ, страннаго вида, старцемъ, неизвѣстно откуда взявшимся и Богъ вѣсть куда исчезнувшимъ. Я полагаю, Елизару было страшно скучно среди этихъ добрыхъ людей. И, однакоже, онъ усердно навѣщалъ ихъ. Онъ размашисто и крѣпко хлопалъ своей рукой по дружжелюбно протягивавшимся къ нему ладонямъ братьевъ; онъ изысканно любезно раскланивался съ подругами ихъ жизни; онъ благодушно бесѣдовалъ о всевозможныхъ пустякахъ, потягивая рябинныя или барбарисовыя наливки; онъ, наконецъ, охотно пѣлъ въ этомъ обществѣ пѣсенки Беранже, аккомпанируя себѣ на гитарѣ, — такъ что мнѣ оставалось только удивляться, глядя на него.

Было, впрочемъ, одно обстоятельство, которое могло-бы мнѣ разъяснить все, если-бы я, какъ часто случается, обратилъ на него вниманіе нѣсколько раньше, а не теперь, когда загадка уже перестала быть загадкой. Никогда Елизаръ не уходилъ изъ этого тихаго, мирнаго дома безъ того, чтобы не поддразнить хозяевъ какимъ-нибудь, повидимому, невиннымъ замѣчаніемъ, не приподнести имъ какую-нибудь маленькую шпильку и, вообще, не вызвать ихъ, какимъ-бы то ни было образомъ, на юмористическій съ виду, но серьезный на самомъ дѣлѣ споръ.

— Ахъ!.. Ну что вы мнѣ говорите о торговлѣ! восклицалъ онъ одинъ разъ, какъ будто-бы находясь подъ вліяніемъ испробованныхъ имъ наливокъ. — Что такое ваша торговля?.. Я, право, не могу безъ досады видѣть, что на каждомъ шагу устроена непременно лавка, въ каждомъ домѣ сидитъ непременно купецъ или вообще торговецъ. Ну зачѣмъ это сто здоровыхъ, сильныхъ человѣкъ тянуть одно бревно, тащить которое могли-бы всего двое? Отчего-бы остальнымъ не взяться за какое-нибудь другое, лучшее дѣло? Мало-ли у насъ такихъ дѣлъ, которыя идутъ черезъ пень въ колоду, потому что не хватаетъ людей, желающихъ приложить къ нимъ свои руки и силы?

— Ну, съ какой это стати вы считаете себя патриотами? поддразнивалъ онъ въ другой разъ.—Зачѣмъ это вы такъ часто хвастаетесь, что Богъ не обидѣлъ васъ недостаткомъ? Развѣ дѣлаете вы хоть что-нибудь для улучшенія нашей общественной жизни? Посмотрите хоть только вокругъ себя... Посмотрите на эти безобразныя, грязныя улицы, взгляните даже на ваши собственные, некрасивыя, неудобныя жилища, лишеныя всякихъ удобствъ, лишеныя даже здороваго воздуха... А что у васъ нѣтъ порядочныхъ школъ, библиотекъ, пріютовъ или какихъ-бы то ни было подобныхъ общественныхъ учрежденій,—такъ я объ этомъ и упоминать не хочу. Вы не умѣете даже наслаждаться жизнью: у васъ нѣтъ сноснаго постоянного театра, нѣтъ порядочно, прочно устроеннаго клуба... Что вы мнѣ на это скажете?..

Подобныя разговоры онъ заводилъ почти при каждомъ посѣщеніи Хрящевыхъ, и, повторяю, я долго не могъ понять, какое удовольствіе или какую затаенную цѣль имѣлъ онъ въ этомъ поддразниваніи. Но мало по малу сдѣлалось и для меня замѣтнымъ, что меньшой братъ Хрящевыхъ, скромный и молчаливый Игнаша, котораго старшіе братья прозвали „красной дѣвушкой“, начинаетъ все больше и больше лнуть къ Елизару,—начинаетъ все чаще и чаще навѣщать его, просить какихъ-нибудь книжекъ, обращается за разными разъясненіями своихъ сомнѣній и недоумѣній... О, Елизаръ! Это ты, одинъ ты опуталъ своими чарующими сѣтями эту юную душу и, кажется, тебѣ-же одному слѣдовало-бы и дать отвѣтъ за нее!..

Хорошо помню я ту свѣтлую лѣтнюю ночь, когда мы трое,—Елизаръ, я и Игнаша,—долго бродили по окрестностямъ города, по берегу рѣки, сидѣли на вершинѣ высокой „Голой горы“, откуда разстилались передъ нами и сонная рѣка, и озеро, и темныя лѣса, и спящія деревни,—и говорили мы... Говорили о землѣ и небѣ, о землѣ и людяхъ, о людскихъ слезахъ и о людскихъ радостяхъ. Бываютъ минуты въ жизни человѣка, когда его нервы какъ-то особенно хорошо настроены, когда онъ какъ будто отрѣшается отъ всѣхъ дразгъ и мелочей, наполняющихъ его сердце, когда въ немъ мощно просыпаются всѣ его лучшія стороны, мысли, стремленія и влекутъ его впередъ... Такія-то минуты, такіе-то часы переживали мы всѣ трое и въ эту тихую лѣтнюю ночь. Мы всѣ, я знаю, чувствовали себя какъ будто братьями

другъ друга... Мы всё, я увѣренъ, были глубоко недовольны своимъ настоящимъ, насъ всёхъ, навѣрное, призывалъ таинственный внутренній колоколъ къ жизни новой, жизни лучшей... Глубоко потрясенъ былъ и нашъ юный Игнаша, крѣпко, крѣпко сжалъ онъ намъ руки при разставаньи, и сильное волненіе слышалось въ его голосѣ, когда онъ сказалъ, указывая на свой родной домъ, что „пожалуй, хоть сейчасъ-бы ушелъ куда-нибудь отсюда“!..

— Ну, вотъ, смѣясь сказалъ Елизаръ, когда мы остались одни.— Дѣло сдѣлано... Разорвана та розовая занавѣска, съвозъ которую нашъ Игнаша смотрѣлъ доселѣ на мѣрѣ Божій. Прерванъ тотъ сладкій, младенческой сонъ, которымъ онъ спалъ такъ долго. Начинается теперь время вопросовъ, борьбы, сомнѣній, тяжелой внутренней ломки и перестройки... Пропадетъ скоро румянецъ нашего Игнаши; засвѣтятся инымъ свѣтомъ его ясные, голубые глаза, послышатся новыя слова въ его рѣчи... Все это старая, обыденная исторія!..

— Не знаю я, разумѣется, далеко-ли пойдетъ этотъ Игнаша, продолжалъ Елизаръ далѣе.— Но что отнынѣ ему будетъ душно въ этомъ мѣрѣ фальшиваго аршина и фальшивыхъ вѣсовъ, что отнынѣ онъ будетъ рваться къ болѣе свѣтлой, къ болѣе широкой жизни,—это, кажется, не подлежитъ сомнѣнію...

— Да, это вѣрно, согласился я.

И, кажется, что это дѣйствительно совершенно вѣрно, дѣйствительно не подлежитъ никакому сомнѣнію. У Елизара нѣтъ да, я полагаю, и не было ученика, до такой степени прилежнаго, неутомимаго, настойчиваго, какъ эта недавняя „красная дѣвушка“. Старшіе братья Хрящевы давно уже жаловались мнѣ, что ихъ Игнаша, кажись, и дни и ночи просиживаетъ за какими-то книжками. Я самъ не разъ заходилъ въ ту лавку, въ которой онъ торгуетъ, и постоянно заставлялъ его погруженнымъ въ книгу. Почти каждый день, позднимъ вечеромъ, часовъ до двѣнадцати, порой до часу, онъ занимается съ Елизаромъ; а утромъ; часовъ въ шесть Игнаша уже опять на ногахъ и опять „шуршитъ бумагой“, какъ выражается Лука Хрящевъ. Да, я полагаю даже, что нашему юному другу не мѣшало-бы нѣсколько умѣрить свое рвеніе и побережъ свои, хотя-бы и не малыя, нетронутыя силы. Что-то ужъ слишкомъ быстро исчезаетъ румянецъ съ его откры-

таго, славнаго лица; что-то уж слишкомъ ярко блестить въ его голубыхъ, какъ будто-бы увеличившихся, глазахъ тотъ „иной“ свѣтъ, о которомъ говорилъ Елизаръ.

Конечно, не красива, должно быть, и его семейная жизнь. Насмѣшки и подтруниванья старшихъ братьевъ надъ „проявившимся у нихъ ученнмъ“, навѣрное, давно уже смѣнились непрестаннымъ брожаньемъ, бранью, мелкими и крупными домашними сценами. И хотя Игнаша, видимо, избѣгаетъ распространяться объ этихъ маленькихъ семейныхъ дрызгахъ, хотя онъ постоянно отвѣчаетъ на наши разспросы по этому предмету, что „все это пустяки“, что „ну ихъ, пускай себѣ злятся“,—но произносить онъ эти фразы такимъ тономъ, на лбу его появляются при этомъ такія мрачныя морщины, что его жизнь подъ родною кровлею представляется мнѣ крайне, крайне отвратительной... Не даромъ-же, въ самомъ дѣлѣ, его старшіе братья объявили, наконецъ, открытую войну даже мнѣ, — мнѣ, рѣшительно ни въ чемъ неповинному...

V.

Да, и это была ошибка, если только можно назвать ошибкой такой случай, который произошелъ какъ будто-бы совершенно самъ собою, какъ будто-бы рѣшительно помимо нашей воли. По правдѣ сказать, я совѣмъ не понимаю, не знаю, какъ это могло случиться, что Покоевъ попалъ въ число учителей нашей школы. Меньше-ли мы его знали прежде, чѣмъ теперь знаемъ? Небрежнѣ-ли мы относились прежде къ школѣ, чѣмъ теперь къ ней относимся? Не знаю, не понимаю... Что касается до меня, то, право, я давно уже не чувствую ни любви, ни уваженія къ нашему Валерьяну Петровичу; а Елизаръ... Елизаръ всегда говорилъ, что мало его знаетъ и, какъ кажется, вполне полагался въ этомъ случаѣ на меня... Вотъ что всего досаднѣе, вотъ что больше всего злитъ меня... Какъ, въ самомъ дѣлѣ, было не видѣть мнѣ заранѣе, что Покоевъ, съ его грубостью, съ его не деликатностью, наконецъ, съ его полифѣйшимъ неумѣньемъ говорить просто, ясно и послѣдовательно—очень плохое приобрѣтеніе для нашей школы, въ качествѣ учителя? И если я не подумалъ объ

этомъ, то, конечно, тѣмъ хуже, тѣмъ хуже; объ этомъ слѣдовало-бы подумать...

Пренебрѣжная исторія! Въ первыя-же двѣ лекціи, когда почтеннѣйшій Валерьянъ Петровичъ старался познакомить своихъ слушателей съ видомъ земли, ея движеніемъ, ея отношеніемъ къ лунѣ и къ солнцу, — его рѣшительно никто не понялъ, такъ что Елизаръ нашель за лучшее взять на себя чтенія и по этому предмету. Сегодня съ Покоевымъ повторилась опять та-же самая исторія, и, кромѣ того, на вопросъ одного солиднаго, серьезнаго столяра, когда нынче придется пасха, — Валерьянъ Петровичъ отвѣтилъ (если только его слова можно назвать отвѣтомъ) такъ грубо, такъ пошло, что у меня вся кровь бросилась въ лицо.

— Никакъ вы пьяны или съ ума сошли? рѣзко спросилъ я его потомъ.

— А чего онъ не во время лѣзетъ со своими вопросами! было его отвѣтомъ.

— То-есть какъ не во время? спрашивалъ я.

Но онъ проворчалъ что-то себѣ подъ носъ, почесалъ въ головѣ и молча, угрюмо принялся за свой чай.

— Ну, такъ какъ-же, Валерьянъ Петровичъ? началъ съ своей стороны Елизаръ. — Кромѣ того, и лекція ваша вышла опять неудачна.

— Чорта имъ еще нужно, рожна, угрюмо и, какъ мнѣ показалось, не безъ горечи отвѣчалъ Покоевъ, не поднимая глазъ.

— Имъ нужно, я полагаю, чтобы у нихъ время не пропадало даромъ, холодно возразилъ Елизаръ. — Они ходятъ сюда, я думаю, вовсе не для того, чтобы полюбоваться на наши физиономіи... И если они сегодня ничего не вынесутъ изъ нашихъ чтеній, да завтра повторится та-же самая исторія, да послѣ завтра мы позволимъ себѣ какую-нибудь рѣзкую выходку, — то, въ такомъ случаѣ, имъ не зачѣмъ и ходить сюда... Вы какъ на этотъ счетъ думаете?..

Покоевъ всталъ изъ за стола весь красный, застегнулъ свой сюртукъ, заложилъ руки въ карманы и съ минуту походилъ по комнатѣ.

— Впрочемъ, нужно сознаться, что въ послѣднее время моя голова дѣйствительно совѣмъ другимъ занята, сказалъ онъ, наконецъ, съ какимъ-то подобіемъ улыбки. — Дѣла у меня случились, предположенія... Пожалуй, въ самомъ дѣлѣ, лучше будетъ,

если я на нѣкоторое время откажусь отъ всякаго участія въ шьолѣ.

— Что-жъ дѣлать... Какъ нибудь обойдемся, пресерьезно отвѣчалъ Елизаръ.

Тотчасъ-же вслѣдъ за этимъ Покоевъ произнесъ свое „пока до свиданья“ и протянулъ мнѣ руку. Губы его были очень некрасиво искривлены, глаза смотрѣли въ сторону, пожатіе его руки походило, я думаю, на поцѣлуй Гуды, а передъ Елизаромъ онъ чуть-ли даже не расшаркался слегка.

Вообще, должно быть, онъ сильно, сильно не долюбливаетъ Елизара. Елизаръ всегда смотрѣлъ на него съ нимало нескрываемымъ любопытствомъ и недоувѣремъ и уже не въ первый разъ его обижаетъ. Помню я, недѣли двѣ или три назадъ, мы всѣ трое ѣхали куда-то на извожикѣ. Мы очень торопились, чему вовсе не намѣрена была сочувствовать старая, плохонькая лошадь нашего возницы, отвѣчавшая на удары кнута только помахиваньемъ своего жидкаго хвоста, да какимъ-то присѣданьемъ. Покоевъ ворчалъ, злился, и когда, наконецъ, мы еще чуть не вывалились изъ сани на одномъ поворотѣ, тогда Валерьянъ Петровичъ уже окончательно вышелъ изъ себя и, со словами „ты что, оселъ“? ткнулъ извожика въ шею. Признаюсь, я почти со страхомъ посмотрѣлъ изподтишка на Елизара, ожидая, что выйдетъ пренепріятная для Покоева исторія. Но на этотъ разъ Елизаръ обошелся съ нимъ довольно снисходительно.

VI.

Милая, славная женщина эта Вѣра Николаевна!

Когда мы проходили съ нею сегодня по улицѣ, намъ попалась на встрѣчу, видимо, деревенская женщина съ платкомъ на головѣ, въ лаптахъ, въ худенькомъ длинномъ тулупѣ и съ груднымъ ребенкомъ на рукахъ. Когда Лаврекая поровнялась съ нею, эта женщина полустыдливо, полупечально наклонила свою голову и, съ опущенными глазами, видимо, непривычнымъ тономъ зашептала что-то о пожарѣ, о нуждѣ, ихъ одолѣвшей, о ребенкѣ... Нужно было видѣть, какъ вспыхнуло лицо Вѣры Николаевны, и безъ того уже разгорѣвшееся отъ мороза,—вспыхнуло до самыхъ бро-

вей... Нужно было видѣть, какъ она сконфузилась, растерялась, заторопилась и, не говоря, кажется, ни одного слова, отдала этой женщинѣ всѣ деньги, какія съ нею случились.

— Ну, вотъ! смущенно и торопливо заговорила она потомъ, обращаясь ко мнѣ.—Говорить, милостыня—безполезное, чуть не вредное дѣло... Я сама, какъ-бы вамъ это сказать... ну, противъ милостыни... Но, что вы хотите, дѣлайте со мной,—не могу я, право, не могу отказать...

— Я самъ не всегда могу, смѣясь отвѣчалъ я.

— И знаете-ли что еще? продолжала она уже чуть не со слезами въ голосъ.—Потомъ мнѣ всегда дѣлается какъ-то крайне стыдно, крайне совѣстно передъ этими людьми... Точно я чѣмъ-то очень, очень виновата передъ ними...

Да, милая, славная она женщина! Много въ ней доброты, чувства, хорошихъ порывовъ... Любуюсь я на нее, когда она заговорить о чемъ нибудь съ своимъ искреннимъ, неподдѣльнымъ увлеченіемъ, и горячій румянецъ бродить по милому лицу, и, какъ звѣздочки, свѣтятся ея сѣрые глаза, и въ волненіи прижимаетъ она свою маленькую ручонку къ сердцу... Любуюсь я на нее, когда она вся всыхнетъ, при появленіи Елизара, и какъ-то смущенно опуститъ на мгновеніе свои глаза, а потомъ взглянетъ на него такимъ свѣтлымъ, хорошимъ, любящимъ взглядомъ. По долгу засматриваюсь я на нее, когда она сидитъ подлѣ своего вѣчно больного старика отца, и онъ съ такою глубокою любовью поглаживаетъ своею желтою, костлявою рукою ея бѣленькую ручку и шепчетъ своими старческими губами какія-то нѣжныя слова. Да, я желалъ-бы, чтобы у меня была такая сестра... Но... но... когда я вижу ее подлѣ Елизара, мнѣ часто думается, что ему нужна-бы была все-таки не такая подруга жизни...

Онъ слишкомъ сильно любить ее, — въ этомъ нѣтъ никакого сомнѣнія, это слишкомъ ясно и разборчиво написано въ его глазахъ, когда они встрѣчаются съ ея глазами, это слишкомъ отчетливо слышится въ его голосъ, когда ему приходится говорить о ней. Елизаръ и теперь, я думаю, былъ-бы, при случаѣ, способенъ стоять гдѣ-нибудь подъ окномъ своей милой и ждать, не появится-ли она у освѣщеннаго окна, не промелькнетъ-ли легкой тѣнью за цвѣтами и занавѣсками... Онъ еще не въ со-

стояніи замѣтить, что и за нею водятся кое-какіе слабыя стороны и недостатки; онъ не увидѣлъ-бы ихъ, я думаю, даже и въ такомъ случаѣ, если-бы кто-нибудь прямо указывалъ ему на нихъ... Но я... я, кажется, могу быть въ этомъ отношеніи судей совершенно безпристрастнымъ, ибо не имѣю противъ Вѣры Николаевны никакого зла, никакого сердца и ничѣмъ, однимъ словомъ, не заинтересованъ въ томъ, чтобы взводить на нее неблицы...

Что, однакоже, отвѣтилъ-бы мнѣ Елизаръ, если-бы я сказалъ ему, что, по моему мнѣнію, Вѣра Николаевна до нѣкоторой степени чужая для той жизни, которою онъ живетъ, — посторонняя тому міру, въ которомъ онъ вращается? Конечно, онъ посмотрѣлъ-бы на меня очень большими, вопросительными глазами, съ участіемъ справился-бы о состояніи моего здоровья, можетъ быть, даже освидѣтельствовалъ-бы мой пульсъ и затѣмъ завелъ разговоръ о погодѣ... Разумѣется, я не скажу ему ничего подобнаго; я не намѣренъ омрачать ни одной минуты его счастья, которое онъ, безъ сомнѣнія, вполне заслуживаетъ: но про себя я держусь именно того мнѣнія о Вѣрѣ Николаевнѣ, какое высказалъ выше.

Встрѣтятся-ли ей какой-нибудь голодный и оборванный бѣднякъ, — она отдастъ ему всѣ деньги, какія случатся при ней, сниметъ съ себя, пожалуй, даже цѣпочку отъ часовъ, что, говорятъ, и было не разъ съ нею, — но войти въ положеніе этого бѣдняка, посѣтить его въ его лачугѣ, сблизиться съ нимъ и съ его семействомъ, — этого она какъ-то не умѣетъ, не можетъ... Устроить-ли она нѣчто въ родѣ пріюта для дѣвочекъ, — она ничего для него не жалѣетъ, она въ высшей степени добра и ласкова съ своими юными воспитанницами, — но сдѣлаться ихъ лучшимъ другомъ, привязать къ себѣ ихъ маленькія сердца, какъ Елизаръ привязываетъ къ себѣ сердца своихъ учениковъ, — этого она опять таки не умѣетъ, не можетъ, это превышаетъ ея силы... Я не въ состояніи выразить ясно и коротко мою мысль, но, кажется, буду близокъ къ истинѣ, если скажу, что Вѣра Николаевна исповѣдуетъ ту-же вѣру, что и Елизаръ, но исповѣдуетъ ее больше по обычаю, по разсудку, чѣмъ сердцемъ своимъ... Не говорю я, чтобы въ сердцахъ у нея „звѣвало самое холодное равнодушіе“, — нѣтъ, это была-бы ложь, но что въ ней

далеко нѣтъ такой страстной преданности своему дѣлу, какая наполняетъ Елизара,—это для меня не подлежитъ никакому сомнѣнію.

Поэтому-то Вѣра Николаевна и не вполне знаетъ Елизара, не всегда его понимаетъ. Сегодня, напримѣръ, у насъ зашелъ разговоръ о Покоевѣ, о Хрящевыхъ, потомъ о нашихъ недоброжелателяхъ вообще, — разговоръ, нужно сказать, довольно веселый, юмористическій...

— Я думаю, не мало другихъ мѣстъ, сказала Вѣра Николаевна,—въ которыхъ многіе благословили-бы часъ переселенія къ нимъ Елизара Никитича... Ему, конечно, вездѣ будетъ тепло,—для него вездѣ найдется дѣло...

Мы продолжали беззаботно болтать на эту тему; но когда я мелькомъ взглянулъ черезъ минуту на Елизара, меня поразила внезапная перемена, съ нимъ совершившаяся. Только что шутилъ онъ, только что смѣялся, а теперь голова его поникла, выраженіе лица было такое горькое, болѣзненное.

— Ты что скажешь на это? спросилъ я его.

— Я? повторилъ онъ, какъ-будто нехотя.—Право, я... я не такой храбрый, какъ Вѣра Николаевна. Пожалуй, я желалъ-бы даже и не думать объ этомъ щекотливомъ обстоятельстве...

Вѣра Николаевна посмотрѣла на него съ великимъ недоумѣніемъ.

— Конечно, это правда, горько продолжалъ онъ, обращаясь къ ней;—куда-бы судьба меня ни забросила, лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть у меня и тамъ, я надѣюсь, будутъ такіе-же хорошіе друзья, какіе здѣсь есть... Лѣтъ черезъ пять, черезъ шесть я и тамъ, пожалуй, занялъ-бы, наконецъ, такое-же положеніе, какое здѣсь занимаю теперь. Все это очень можетъ быть... Только, во-первыхъ, въ пять, шесть лѣтъ много воды утечетъ... Во-вторыхъ, если-бы даже я занимался построеніемъ карточныхъ домиковъ, не больше, то и тогда было-бы непріятно, что какъ только построишь первый этажъ, домъ рухнетъ, и опять нужно приниматься сначала... А въ-третьихъ,—и самое главное, — вы говорите только о дѣлѣ, но забываете о людяхъ... Можетъ быть, я сжился, сросся съ моими земляками, такъ что мнѣ нельзя оторваться отъ нихъ? Можетъ быть, мнѣ жизнь будетъ не въ жизнь, если около меня не будетъ тѣхъ людей, съ которыми я прожилъ

столько лѣтъ почти что одною жизнью, рука объ руку?.. Нѣтъ, нѣтъ, право я желалъ-бы лучше не думать объ этомъ предметѣ...

Было что-то зловѣщее и въ тонѣ его голоса, и въ блескѣ его выразительныхъ, огненныхъ глазъ. Точно мрачный ангелъ осѣнилъ насъ своими крылами, и наступило на нѣсколько минутъ тягостное, полное раздумья, молчаніе.

— Да, вѣдь, ничего подобнаго нѣтъ и, право, не предвидится! воскликнулъ я, наконецъ.— Вѣдь это была шутка! Какихъ угрюмыхъ привидѣній вздумалъ ты вызывать, Елизаръ?

— Развѣ они ждутъ, чтобы ихъ кто-нибудь вызвалъ? смѣясь отвѣчалъ онъ.— Я думаю, они сами появляются, какъ только представится удобный случай и удобное мѣсто...

Скоро онъ опять, повидимому, прогналъ эти угрюмыя привидѣнія, казался не молчаливѣе и не разсѣяннѣе, чѣмъ обыкновенно; но я настолько знаю его, настолько привыкъ читать на его лицѣ, въ его глазахъ, что утверждаю, нимало не боясь ошибиться,—его ни на минуту не оставляли эти зловѣщія привидѣнія, не оставили даже и теперь, когда онъ ходитъ тамъ, за стѣной, такими тяжелыми, мѣрными шагами, неумолчно раздающимися вотъ уже около часу.

VII.

О, мой бѣдный Покоевъ! Право, если-бы все это не было такъ смѣшно, такъ пошло, то было-бы очень грустно. Право, если-бы его глаза не становились день ото-дня все фальшивѣе и подозрительнѣе, если-бы самъ онъ не былъ такимъ неисправимымъ актеромъ и если-бы, наконецъ, во мнѣ сохранилась хоть капля довѣрія и уваженія къ нему, то, конечно, я отъ души пожалѣлъ-бы его.

Я давно уже вижу, что его нѣжное сердце далеко не равнодушно къ прелестямъ Вѣры Николаевны. Онъ давно уже любитъ ее, „какъ сорокъ тысячъ братьевъ ее любить не могутъ“, и, увы, увы, какая грустная, какая злополучная исторія столь великой любви!

Было, правда, время, когда въ немъ, видимо, жила нѣкоторая

надежда на взаимность. Были золотые, счастливые дни, когда любовь не только не терзала, но даже, нѣкоторымъ образомъ, вдохновляла его,—и чего, чего только не изобрѣталъ онъ тогда, дабы возрыситься въ глазахъ избранницы своего сердца! Онъ являлся къ Вѣрѣ Николаевнѣ съ „замѣчательными“, по его мнѣнію, статьями и читалъ ихъ вслухъ, только что не бія себя въ грудь, только что не воздымая руки къ небу. Онъ неустанно преподносилъ на ея разсмотрѣніе свои собственные разнообразнѣйшіе проекты, мысли и предположенія на счетъ облагодѣтельствванія нашей меньшей братіи новыми школами, артелями, ссудосберегательными кассами. Онъ горько плакался при этомъ случаѣ на равнодушіе и апатію „нашихъ порядочныхъ людей“, издалека намекая, конечно, на ненавистнаго ему Елизара. Онъ постоянно рассказывалъ ей о какихъ-нибудь хорошихъ и честныхъ, но бѣдствующихъ особахъ и яко-бы нечаянно проговорился при этомъ, что насколько можетъ и чѣмъ можетъ, то, конечно, помогаетъ имъ... Онъ сочинилъ даже два или три стихотворенія, къ сожалѣнію, недошедшія до меня...

Прошли, прошли эти золотые, счастливые дни! Давно прошли тѣ былые, веселые вечера, когда расходившійся Валерьянъ Петрозичъ садился къ роялю и убѣдительно просилъ Вѣру Николаевну научить его играть и пѣть какой-нибудь самый маленькій, какой-нибудь „самый, что ни на есть, крошечный“ чувствительный романсикъ. Давно уже не показываетъ онъ Вѣрѣ Николаевнѣ, какъ сражаются на дуэли бараны, какимъ образомъ происходитъ поединокъ между двумя цѣтухами и какъ ведутъ себя въ этомъ случаѣ куры... Настали теперь другія времена,—тяжелыя, пасмурныя...

Теперь, съ тѣхъ поръ, какъ его нѣкоторымъ образомъ отставили отъ школы, говоря о которой онъ привыкъ употреблять выраженіе „наша школа“—съ тѣхъ поръ что-то ужъ слишкомъ часто Покоевъ не застаётъ Вѣру Николаевну дома,—такъ часто, что это обстоятельство, видимо, бросается ему въ глаза и, видимо, кажется подозрительнымъ. Теперь онъ уже не приноситъ ей статьи и проекты,—нѣтъ, нѣтъ,—нынѣ онъ входитъ въ ея комнаты медленными шагами, съ поникшей головой, съ омраченнымъ лицомъ и садится нѣсколько поодаль отъ насъ. Нынѣ онъ рѣдко принимаетъ участіе въ нашемъ разговорѣ и всегда

старается завести съ Вѣрой Николаевной свою, особую бесѣду. Онъ безпрестанно вздыхаетъ, иногда испуская при этомъ даже нѣчто въ родѣ тихаго-стона. Онъ слишкомъ уже часто закрываетъ лицо руками, или потираетъ свой лобъ, или начинаетъ кусать губы... А когда Вѣра Николаевна отерывааетъ рояль, Валерьянъ Петровичъ убѣдительно проситъ ее сыграть что-нибудь грустное, усаживается невдалекѣ отъ нея и свѣшиваетъ свою голову на грудь.

— И что только дѣлается съ вами, Валерьянъ Петровичъ, — не могу я понять, съ участіемъ говорилъ я ему раза два.

— Да что!.. Ничего!.. ядовито отвѣтитъ онъ и пожметъ плечами, и улыбнется такою улыбкою, которая краснорѣчивѣе всякихъ словъ говорить, что его не понимаютъ, не цѣнятъ, что его жестоко и, конечно, несправедливо обидѣли злые люди.

О, злые, злые люди! Берегитесь вы, злые, несправедливые люди! Какъ ехидно придирается онъ къ каждому слову Елизара; какъ страстно желалъ-бы многоуважаемый Валерьянъ Петровичъ чѣмъ-бы то ни было уронить его, чѣмъ-бы то ни было унижить... Но, увы, увы, мой бѣдный Покоевъ, къ сожалѣнію, и это тебѣ не по силамъ!..

VIII.

А право, если-бы многоуважаемому Валерьяну Петровичу вздумалось посѣтить меня въ эту минуту, то я, кажется, способенъ-бы былъ взять его за борты его сюртука, легонько встряхнуть на воздухъ и затѣмъ вышвырнуть за дверь.

Я заглянулъ уже немного въ его сердце; я видѣлъ, что тамъ не особенно свѣтло и чисто; я смутно подозрѣвалъ уже, что семейная жизнь Покоева должна быть не особенно примѣрная и благополучная жизнь, — но такой грязи, такой гадости я не подозрѣвалъ, не могъ себѣ представить...

Такъ вотъ почему онъ такъ странно, и съ недоумѣніемъ, и смущенно, и вмѣстѣ тѣмъ со злобой взглядывалъ на меня, когда я спрашивалъ его иногда въ присутствіи Вѣры Николаевны:

— А какъ поживаетъ Александра Яковлевна?

Его смущала въ эти минуты та мысль, что, можетъ быть, я слышалъ кое-что о его домашнемъ житьѣ-бытьѣ, можетъ быть, знаю, какого рода его отношенія къ бѣдной, обманутой подружкѣ его жизни.

Нѣтъ, нѣтъ, мой другъ, до сегодняшняго вечера я не зналъ, рѣшительно ничего не зналъ; но теперь знаю, даже слишкомъ много знаю... Сегодня въ клубѣ мы,—Елизаръ и Вѣра Николаевна,—одинъ за другимъ, подсѣли къ тетускѣ Дарьѣ Андреевнѣ. Она была такая милая, хотя почему-то нѣсколько грустная,—такъ дружески смотрѣла на всѣхъ насъ, съ такимъ добродушнымъ юморомъ расточала намъ свои совѣты на счетъ того, что намъ необходимо нужно имѣть волчьи зубы и лисій хвостъ, дабы спокойно пережить жизнь; она такими любопытными, такъ сказать, наглядными примѣрами подкрѣпляла свои доводы, что мы не замѣчали, какъ летѣло время.

— Ну, вотъ, и видятъ теперь всѣ, что Покоева, Александра Яковлевна, жива еще! пробормотала она среди какого-то разсказа и, покачавъ головой, посмотрѣла въ свой лорнетъ на появившуюся въ залѣ жену Покоева.

— То есть, какъ „жива еще“? съ недоумѣніемъ спросилъ я.

— Какъ всѣ живы бывають, пока не умерли... Не умерла еще, пояснила Дарья Андреевна.—Ну, вотъ, я говорю, ехидно прибавила она, понюхавъ табаку,—мы всѣ и видимъ теперь, что Александра Яковлевна веселится себѣ на здоровье... Никому и въ голову не придетъ, что ее муженекъ нарочно затѣмъ и прислалъ сюда, чтобы намъ глаза отвести...

— Гла-за?... Н-намъ? повторилъ я съ такимъ ошеломленным и растеряннымъ видомъ, съ какимъ, вѣроятно, говорилъ достопочтенный судья Бридуазонъ въ „Свадебѣ Фигаро.“

— Глаза—вамъ, насмѣшливо подтвердила тетуска.

И Дарья Андреевна открыла намъ глаза на „нашего пріятеля“ или на „нашего стараго пріятеля“, какъ ядовито поправилась она, когда я замѣтилъ ей, что мы давно уже не въ ладахъ съ Покоевымъ. Не знаю я, откуда она почерпнула или выкопала свои свѣденія, но намъ передавала она ихъ такимъ тономъ, съ такою увѣренностью, съ такими подробностями, какъ будто-бы сама невидимо и постоянно присутствовала въ жилищѣ

Покоева. Я отъ души желалъ-бы, чтобы эти свѣденія оказались ложными свѣденіями,—но, кажется, что въ справедливости ихъ нельзя сомнѣваться.

Старая невеселая исторія! Александра Яковлевна совершила нѣкогда великое тяжкое преступленіе. Прежде, чѣмъ судьба столкнула ее съ Покоевымъ, она, „несчастливая“, осмѣлилась полюбить другого, — я знаю теперь, кого именно; я встрѣчаюсь отъ времени до времени съ этимъ человѣкомъ, но это все равно, это вовсе не идетъ къ дѣлу. Дѣло въ томъ, что, насколько я понимаю Покоева, онъ дѣйствительно неспособенъ ни забыть, ни простить подругъ своей жизни это „паденіе“ и жестоко казнилъ ее.

— У него, должно быть, тутъ что-нибудь не въ порядкѣ, мрачно замѣтила тетушка, указывая на свой лобъ.

Но изъ того, что, даже въ первое время послѣ свадьбы, Покоевъ сегодня убиралъ цвѣтами комнату своей жены, украшалъ розами ея волосы и только что не ползалъ передъ нею на колѣняхъ, только что не цѣловалъ слѣды, на которые ступала ея нога,—а завтра кричалъ на нее съ гнѣвою у рта: „молчи, подлая!“ „Ни слова больше, несчастная!“—изъ этого, я полагаю, вовсе не слѣдуетъ неизбѣжно, чтобы онъ былъ не въ своемъ умѣ. Онъ слишкомъ хорошо понималъ, что дѣлаетъ. Онъ не даромъ запретилъ кое-какимъ роднымъ своей жены показываться въ его квартирѣ. Это онъ, конечно, устроилъ дѣло такимъ образомъ, что Александра Яковлевна отдалилась понемногу отъ всѣхъ, съ кѣмъ только была дружна и хороша до своего замужества. Это по его суровой волѣ, мало по малу, разошлась она и со мной, съ Елизаромъ, съ Катей и очутилась, наконецъ, совсѣмъ одна, глазъ на глазъ съ своимъ мужемъ.

Бѣдная моя, бѣдная! Скоро, я думаю, поняла она, кому отдала и свою молодую жизнь, и свое сердце. Прежде часто любовался я на нее, когда она,—розовенькая, свѣжая, веселая дѣвушка, — съ нотнымъ портфелемъ подъ мышкой торопилась, бывало, мимо нашихъ оконъ, куда-нибудь на уроки, которыми добывала свой хлѣбъ насущный... Прежде многіе завидовали ея несокрушиму, повидимому, здоровью; прежде всѣ мы знали ее за самое милое, веселое и откровенное созданіе... Но быстро, быстро передѣлалъ ее Валерьянъ Петровичъ. Я думаю, „не из-

носила она еще башмаковъ,“ въ которыхъ стояла рядо́мъ съ нимъ предъ алтаремъ во время вѣнчанья, какъ уже исчезъ ея румянецъ, пошатнулось ея здоровье и научилась она таитьсь, скрывать, говорить очень много и очень краснорѣчиво, не высказывая только именно того, о чемъ ее спрашивали, только именно того, что насъ интересовало.

— Должно быть, сглазили! пасмурно пояснила тетушка.

Но даже она,—моя толстая, незлобивая, хладнокровная тетушка,—видимо, заволновалась, закипятилась, у нея задрожалъ голосъ, задрожали даже губы, когда ей пришлось рассказывать о томъ, что на болѣзни, печаль и слезы своей жены Покоевъ смотрѣлъ, какъ на какое-то новое тяжкое преступленіе противъ него. „О, вляча! О, дохлая!“ восклицалъ онъ, бѣгая по комнатѣ съ сжатыми кулаками. „Опять заскриѣла!“ съ ненавистью цѣдилъ онъ сквозь зубы, когда Александра Яковлевна осмѣливалась заикнуться, что ей нездоровится.

Но довольно, довольно всей этой грязи и гадости! Я не хочу вѣрить, чтобы у Покоева хоть разъ поднялась рука на его несчастную жену; я не хочу вѣрить, чтобы на его совѣсти дѣйствительно лежали всѣ эти грубые наглые допросы,—гдѣ она была, съ кѣмъ видѣлась, о чемъ говорила или куда она „подѣвала“ столько денегъ... Довольно, довольно!

— Ну вотъ, закончила свой рассказъ Дарья Андреевна—мы и видимъ теперь, что все это однѣ бабьи сплетни, что, на само́мъ-то дѣлѣ, Александра Яковлевна веселится отъ всего сердца...

Именно веселится! Какая желтая, постарѣвшая, грустная сидѣла она, скрестивъ на груди руки, и какъ безучастно смотрѣла на пеструю толпу, шумѣвшую и двигавшуюся передъ нею въ кадрили! Кое-кто мимоходомъ кланялся ей, кое кто на ходу перебрасывался съ нею двумя-тремя словами, и затѣмъ всѣ проходили дальше, и сидѣла она все одинокая, всѣмъ чужая, ни въ комъ невозбуждающая ни участія, ни даже любопытства. И какъ, видимо, обрадовалась она, какъ оживилась, когда я подсѣлъ къ ней! Я заговорилъ такимъ тономъ, какъ будто мы съ нею всегда были добрыми друзьями, какъ будто-бы ни на одну минуту не прерывалась наша дружба, и только внѣшнія, совершенно постороннія обстоятельства разлучили насъ на нѣкоторое вре-

мя, такъ что мы долго не могли встрѣтиться другъ съ другомъ. Рассказывалъ я ей о своей обновленной жизни, о школѣ, о Елизарѣ, о моихъ новыхъ друзьяхъ и ученикахъ; рассказывалъ потомъ о Катѣ, о ея жизни и занятіяхъ въ Петербургѣ, о томъ, что она начинаетъ уже скучать по своей родинѣ, но... чѣмъ дальше и одушевленнѣе я говорилъ, чѣмъ болѣе свѣтлыя картины я рисовалъ,—тѣмъ грустнѣе и безотраднѣе становилось выраженіе лица моей собесѣдницы. Она, какъ видно, совсѣмъ отвыкла отъ свѣта, даже отъ такого маленькаго свѣта, какой озарялъ мою жизнь.

— Я рада за васъ и за мою милую Катю, сказала она, наконецъ.—Напишите ей, что я очень, очень часто вспоминаю о ней и желаю всего, всего лучшаго...

— Богъ съ вами! замѣтилъ я.—Вы говорите это такимъ тономъ, лицо у васъ такое больное, что, право, можно подумать, будто вы какое-то завѣщаніе дѣлаете.

— У меня лицо больное? задумчиво повторила она.—Я, въ самомъ дѣлѣ, хвораю и даже такъ давно, что не вижу уже ни начала, ни конца этому...

— Надѣюсь, вы лечитесь? спросилъ я.

— А къ чему? коротко и просто отвѣчала она.

— Какъ къ чему?.. Лечиться къ чему?.. Ну, это ужъ что-то слишкомъ... странное! повторялъ я, пристально смотря на нее.

— Нѣтъ, пожалуйста, не подумайте чегонибудь... особеннаго, лихорадочно сказала она,—пожалуйста... Когда человѣкъ все боленъ, да боленъ, ужъ одного этого достаточно, чтобы жизнь ничѣмъ не улыбалась ему, и будущее не представлялось въ особенно розовомъ свѣтѣ...

Да, правда! подумалось мнѣ. Но когда къ этому присоединяется еще тяжелое разочарованіе въ томъ человѣкѣ, котораго нѣкогда любила,—каждодневныя оскорбленія отъ этого человѣка, наконецъ, полное одиночество; тогда... ничего нѣтъ мудренаго, что тогда на смерть можно смотрѣть, какъ на очень желанную и дорогую гостью... Да, можетъ быть, правда твоя и въ томъ также, что тебѣ не къ чему лечиться!.. Къ чему лекарства, какъ-бы они цѣлительны ни были, когда подлѣ тебя есть нѣкто, отравившій твою молодую жизнь и каждодневно щедрою рукою подносящій тебѣ все новыя и новыя дозы яду...

Грустно отошелъ я отъ нея, когда въ дверяхъ залы появил-ся Покоевъ. Почти съ ненавистью наблюдалъ я, какъ онъ сѣлъ подлѣ жены на только-что оставленное мною мѣсто. Онъ сдѣлалъ очень кислую гримасу, когда она заговорила ему о чемъ-то, потомъ широко зѣвнулъ, нетерпѣливо махнулъ рукою и, не дослушавъ, пошелъ въ другую комнату.

— О, вы, рыцари свѣта! полупутя, полуслезами на глазахъ, обратилась къ намъ Вѣра Николаевна.— Вы, обреклие себя на борьбу со злыми волшебниками и чудовищами!.. Вы, освобождающіе невинно заключенныхъ въ мрачныя подземелья, заступающіеся за угнетенныхъ, спасающіе погибающихъ,—освободите, спасите ее!.. Вѣдь вы когда-то были ея друзьями, любили ее; неужели-же вамъ нисколько ее не жаль теперь?!

Рыцарь свѣта! Это очень хорошее слово для такого прозаическаго, грубаго, массивнаго субъекта, какъ Семень Кулевъ; но все таки мнѣ очень желательно было-бы знать, что могу я сдѣлать для Александры Яковлевны? Что могу я для нея сдѣлать? Свернуть шею моему „старому, доброму другу“ Валерьяну Петровичу?.. Переломать ему столько реберъ, сколько нужно для того, чтобы человекъ не засиживался слишкомъ долго на бѣломъ свѣтѣ? Кажется, вотъ все, что могу я придумать въ настоящую минуту, когда сердце точно желаетъ вырваться изъ моей груди, когда жилы, какъ веревки, выступили на моемъ лбу, покраснѣвшемъ отъ гнѣва... Тихе, сердце, тихе!..

IX.

— Ну, рыцарь свѣта, идемъ! сказалъ Елизаръ, когда мы остановились сегодня вечеромъ у воротъ того дома, въ которомъ обитали Покоевы.

И мы вошли въ ихъ комнаты. Онѣ никогда не казались мнѣ особенно веселыми или уютными, а сегодня произвели на меня даже очень мрачное, очень тягостное впечатлѣніе, хотя по внѣшности были, пожалуй, весьма привлекательныя комнаты. Висѣли на окнахъ хорошенькія бѣлыя занавѣски; разложены были на столахъ прекрасныя книжки съ неизбѣжными и отлично мнѣ знакомыми надписями на оберткахъ „В. П. Покоевъ“; ярко

горѣла на переддиванномъ столѣ высокая, красивая лампа; пестрѣла на полу коверъ; была за моею спиною мягкая подушка, вышитая, конечно, руками самой хозяйки... Чистенькія, привлекательныя комнаты! Северно только то, что въ этихъ чистенькихъ комнатахъ было очень „нечисто“.

Вотъ тѣ комнаты, думалось мнѣ, по которымъ такъ часто въ ярости бѣгалъ Покоевъ и восклицалъ, сжимая свои костлявые кулаки: „молчи подлая!“ „О, вляча, дохлал!“ „Долго-ли ты будешь скрипѣть, несчастная!“ Эта дверь, можетъ быть, та самая дверь, о которую, по словамъ тетушки, однажды ударилась головой Александра Яковлевна, когда ее толкнулъ въ грудь „мой добрый, старый другъ“. На этомъ самомъ креслѣ, на которомъ я сижу, можетъ быть, не разъ саживалъ многоуважаемый Валерьянъ Петровичъ, производя свой строгій допросъ женѣ, куда она „пропадала“ до такого часу, или гдѣ „сплалась“. А эта подушка, что лежитъ за моею спиною, — нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что эта красивая подушка много, много разъ была вся смочена горькими слезами нашей хозяйки.

Бѣдная, гордая женщина! Она не желала напрашиваться на наше сожалѣніе. Она не намѣрена была разстроивать наше хорошее расположеніе духа, выставляя напоказъ свои сердечныя язвы, до которыхъ намъ, можетъ быть, нѣтъ ни малѣйшаго дѣла. Но дѣло въ томъ, что для того, чтобы разыграть какую-нибудь роль, слишкомъ мало одного только желанія, какъ-бы оно пламенно ни было. Она усиливалась, наприжѣрь, казаться и веселой, и любезной; она храбро отвѣчала на наши вопросы о ея здоровьѣ, что чувствуетъ себя сегодня много лучше, почти совершенно здоровой, — но сидѣла при этомъ такая усталая, сгорбленная, плотно закутавшаяся въ черный шерстяной платокъ, улыбки ея постоянно выходили такими принужденными, грустными, вообще неудачными, что, право, жалко было смотрѣть на нее. Видимо старалась она также разыграть передъ нами роль настоящей хозяйки въ домѣ, но не трудно было замѣтить, что бойкая и смазливая кухарка, подававшая намъ самоваръ, твердо помнить настоящее положеніе Александры Яковлевны и не считаетъ нужнымъ относиться къ ней хотя-бы даже и съ наружнымъ только уваженіемъ.

— Пожалуйста, Аннушка, донесся изъ сосѣдней комнаты тихій и вѣжливый голосъ этой бѣдной хозяйки; — сходите... поскорѣе...

Но Аннушка злобно заворчала что-то про „ночь на дворѣ“, хотя было всего только семь часовъ, про вьюгу, — затѣмъ сильно хлопнула дверью, и когда Александра Яковлевна вышла послѣ этого къ намъ, шаги ея были такъ неровны, глаза такъ смущенно опущены, а на блѣдныхъ и худыхъ щекахъ выступилъ такой яркій, такой нехорошій румянецъ...

Скверное, тягостное впечатлѣніе! Елизаръ, наконецъ, порывисто всталъ съ своего кресла и принялся путешествовать изъ угла въ уголъ, молча и немилосердно сжигая папиросу за папиросой. Я тоже волновался, хмурился, кусалъ ногти и вовсе не чувствовалъ особенной охоты поддерживать разговоръ о музыкѣ, заведенный нашею веселою, счастливою, любезною хозяйкою... А она, — бѣдная, — она думала, конечно, въ это время, что намъ страшно скучно сидѣть съ нею, что мы ждемъ не дождемся, скоро-ли, наконецъ, явится Валерьянъ Петровичъ, и часто, тоскливо взглядывала украдкой на стѣнные часы, стрѣлки которыхъ что-то ужъ слишкомъ медленно подвигались впередъ.

— Теперь онъ, вѣроятно, уже скоро придетъ, сказала она, какъ будто-бы утѣшая насъ.

— По правдѣ сказать, отозвался Елизаръ, окончивъ, наконецъ, свое путешествіе и садясь опять къ столу, — намъ все равно, если-бы Валерьянъ Петровичъ даже и очень запоздалъ своимъ возвращеніемъ. Мы имѣли въ виду переговорить собственно съ вами...

— Со мной? переспросила она съ маленькимъ недоумѣніемъ.

— Вѣрнѣе говоря, обратиться къ вамъ съ просьбой, пожелалъ я.

— И даже съ просьбой? Ко мнѣ — съ просьбой?..

— Къ вамъ, Александра Яковлевна, отвѣчалъ Елизаръ.

— Вѣдь это старая, но вѣчно юная исторія, продолжалъ онъ послѣ небольшой паузы. — Давно уже между нами пробѣжала какая-то тѣнь, которая вскорѣ и положила конецъ нашей былой дружбѣ... Мы рѣдко видѣлись, еще рѣже говорили другъ съ другомъ, можетъ быть, понемногу начали даже забывать о суще-

ствованіи другъ друга... Но вотъ... случается нѣкоторое обстоятельство... приходитъ такое время, что мы нуждаемся въ васъ, въ вашей помощи—и мы идемъ, кланяемся вамъ, взываемъ къ воспоминаніямъ о былой дружбѣ... Вѣдь это очень старая житейская пѣсня, Александра Яковлевна...

Я пристально наблюдалъ за нею, отодвинувшись подальше въ уголь, въ тѣнь. Она большими и серьезными глазами смотрѣла на Елизара, когда онъ только что началъ говорить. Она быстро опустила и глаза, и голову, когда онъ коснулся *тѣми*, и тихо отшатнулась отъ стола къ спинкѣ своего кресла. А когда Елизаръ съ улыбкой „воззвалъ къ воспоминаніямъ о былой дружбѣ,“ тогда по лицу и по губамъ Александры Яковлевны вдругъ пробѣжала легкая, едва замѣтная дрожь.

— Можно подумать, слушая васъ, сказала она очень нетвердымъ голосомъ,—будто вы виноваты... что... наши отношенія испортились...

— Не знаю, тихо отвѣчалъ Елизаръ.—Но, я думаю, для насъ, для всѣхъ, легче будетъ, если мы оставимъ въ сторонѣ этотъ вопросъ... Къ чему разрывать эти полузабытыя могилы... Зачѣмъ...

— Такъ вы говорите, что я нужна вамъ? быстро, нервно, съ лихорадочнымъ блескомъ въ глазахъ прервала она.—Вы говорите, что я могу помочь вамъ?.. Чѣмъ?..

— Конечно, дѣло идетъ о „горделивой вавилонской башнѣ“, о „башнѣ до небесъ,“—какъ вы, смѣясь, называли во времена оны всѣ наши маленькія предпріятія, замыслы и мечтанія, продолжалъ Елизаръ.—Вы помните-ли это названіе? Когда-то и вы любили нашу „горделивую башню“; когда-то и вы принимали участіе въ ея построеніи... Что-же касается до насъ, съ Семеномъ, то мы по прежнему, по мѣрѣ нашихъ силъ, все „носимъ кирпичи“ къ ея подножію и строимъ, строимъ...

Елизаръ засмѣялся тѣмъ смѣхомъ, съ которымъ человѣкъ сознается въ своихъ маленькихъ несправедливыхъ слабостяхъ, но его слушательница даже и не пыталась на этотъ разъ улыбнуться. Она очень внимательно разсматривала и перебирала въ своихъ худенькихъ пальцахъ край своего черного шерстяного платка. Всѣ эти, когда-то любимыя ею выраженія,—эта „горделивая башня,“ надъ которою она всегда такъ любовно подсмѣивалась, это „ношеніе кирпичей,“ въ которомъ и она нѣкогда

была повинна, эти „небеса“, въ которыхъ и она нѣкогда стремилась, наконецъ, этотъ задумчивый голосъ ея стараго друга... не повѣяло-ли на нее отъ всего этого минувшимъ золотымъ временемъ? Не возставали-ли передъ нею бывше, золотые годы—годы воли, годы счастья, и не наполнились-ли въ эти минуты слезами ея глаза, такъ упорно опущенные внизъ?

— Между прочимъ, продолжалъ Елизаръ,—у насъ есть нѣчто въ родѣ крошечнаго пріюта для восьми или девяти маленькихъ дѣвочекъ. Кого изъ нихъ мы подобрали съ улицы, какъ нынѣ подбираютъ разброшенныхъ котятъ,—кого-же отдали въ наше полное распоряженіе ихъ разсудительные родственники... Такъ, ради этихъ-то дѣтей, вы и нужны намъ, Александра Яковлевна... Ради этихъ-то дѣтей, мы и взываемъ нынѣ къ воспоминаніямъ о нашей былой дружбѣ... У насъ есть, конечно, люди, которые любятъ дѣтей не меньше, чѣмъ вы ихъ любите... Но такихъ людей, которые могли-бы имѣть на нашихъ дѣвочекъ такое же влияніе, какое вы умѣли, въ бывше годы, пріобрѣтать надъ вашими ученицами,—такихъ нѣтъ у насъ, Александра Яковлевна...

— Нѣтъ, подтвердилъ я, рѣшительно потрясая головой.

— Мы хорошо помнимъ ваши бывше подвиги на этомъ поприщѣ, говорилъ Елизаръ.—Вы помните-ли, какъ, бывало, воссѣдали вы на крылечкѣ, какъ на тронѣ,—окруженная толпою босоногихъ дѣвчонокъ,—и читали имъ какое-нибудь путешествіе?... Вы помните-ли бѣдную и злополучную Вѣру, вѣчную собирательницу щепокъ? Ту Вѣру, которая такъ часто убѣгала къ вамъ изъ родительскаго дома, и вы укрывали ее у себя по цѣлымъ недѣлямъ, кормили, учили, заступались за нее?... Вы помните-ли крошечную цыганочку Надю, которую вы такъ гордились, которую вы называли гениальнѣйшимъ человѣкомъ въ городѣ, на которую, наконецъ, вы никакъ не могли напасть ни башмаковъ, ни платьецевъ?... Что касается до насъ, то мы все помнимъ, хорошо помнимъ... Вы необходимо нужны намъ, Александра Яковлевна, необходимо...

Но Александра Яковлевна сдѣлала видъ, что будто-бы уронила нѣчто на коверъ, и нагнулась поднять эту упавшую вещь. Потомъ она порывисто поднесла платокъ къ глазамъ, и слезы брызнули изъ этихъ грустныхъ глазъ.

Прорвалась плотина, думалось мнѣ. Сломались тяжелые засовы,

замыкавшие эту потаенную каморку... Распахнулись передъ заключенницей желѣзныя двери ея темницы, и волнами, сладкими волнами врывается въ это мрачное жилище свѣжій, чистый воздухъ. Мощно раздаются призывные звуки вѣчнаго таинственнаго колокола, зовущаго впередъ, впередъ... Громко щебечуть птицы, порхающія по вѣтвямъ знакомаго сада; слышится грустная пѣсенка „сбирательницы щепокъ;“ чему-то лукаво усмѣхается крошечная умненькая цыганочка Надя.. и длинной, длинной вереницей встаютъ другіе, не менѣе милые и дорогіе образы... Да, лейтесь, лейтесь слезы: такъ давно, такъ страшно давно бѣдная заключенница не видалась ни съ кѣмъ, кого она горячо любила!..

Н. Важенъ.

(Продолженіе будетъ.)

М О Н О Л О Г И.

I.

О, не отринь меня! Оставь слова укора!
Въ болящемъ сердцѣ замири
Кровавые слѣды паденья и позора
И вновь мнѣ счастье подарил..
Не то, что ищутъ всѣ съ такою страстью жадной, —
Я только прошлое хочу на вѣкъ забыть,
Въ душѣ усталой, безотрадной
И память самую убить!
Такъ путникъ, жаждущій и одинокій, бродить,
Затерянный въ пустынь роковой,
Онъ видитъ марево,—и раскаленный зной
Его томить... Нога въ песокъ уходитъ...
А передъ нимъ зелѣные луга
Съ прохладою невозмутимой тѣни,
Высокихъ пальмъ раскидистыя сѣни
И свѣтлыхъ рѣчекъ берега...

Тамъ жизнь впитать... Изящныя палаты
Колонны дивныя высоко вознесли;
Тамъ гордый храмъ поднялся отъ земли
И въ синевѣ небесъ, сіяніемъ объятый,
Сверкаетъ шпиль... Оттуда, слышите онъ,
То чудный благовѣсть, то смутный звукъ органа,
То говоръ людныхъ массъ, то непонятный звонъ
Едва доносятся, какъ будто изъ тумана...
И путникъ все идетъ въ край тѣни и воды—
А рядомъ съ нимъ, по слѣду каравана
Бѣлѣютъ остовы—печальные слѣды
Погибшихъ странниковъ, и день все жарче, жарче—
Нога въ песокъ уходитъ глубоко,
И путникъ падаетъ, а марево все ярче
Роскошный край рисуетъ далеко...

II.

Тебя измучила ихъ злая клевета,
 Ты часто падала, тоскуя и рыдая,
 Но не сомкнула ты правдивыя уста
 И не мирилася, обиды имъ прощая!
 Хоть мало прежнихъ силъ, но гордой головы
 Склонить не хочешь ты покорно передъ свѣтомъ,
 Встрѣчая злую ложь рассчитанной молвы
 Измученной души презрительнымъ отвѣтомъ!..
 И знаю я, далекъ послѣдній день борьбы,
 Не ждешь ты отдыха, не ищешь ты покоя,
 Глубоко затаивъ страданіе нѣмое,
 Не станешь ты просить пощады у судьбы.
 И если у тебя улыбка на устахъ,
 Я знаю, что подъ ней страданіе и горе,
 Мнѣ слышатся они въ тоскующихъ рѣчахъ
 И видятся порой въ твоемъ печальномъ взорѣ!..

III.

Ночь темная... Кругомъ ни звука!.. О, молчанье,
 Какъ тяжело ты мнѣ!.. Какъ ноетъ грудь моя,
 Когда въ тиши чертитъ воспоминанье
 Мнѣ память прошлаго... Страданье затая,
 Я радъ забыться сномъ, но сонъ бѣжитъ пугливо,
 И съ каждымъ мигомъ ночь вокругъ меня тѣснѣй
 Сдвигаетъ призраки,—а время такъ лѣниво
 До утра тянется... Звучнѣе и звучнѣй
 Изъ тишины загадочныя звуки,
 Какъ эхо прошлаго, таинственно звенятъ
 И сердце за собой въ далекій край манятъ.—
 И снова я съ тобой, какъ будто нѣтъ разлуки,
 Какъ будто-бы межъ насъ на вѣки не легло
 Мое паденіе, отчаянье и зло!..

Какъ пьяница, забыться на мгновенье
 Я радъ, не думая о мукѣ пробужденья,
 И грезамъ отдаюсь... Опять душѣ легко,
 А рѣчи чудныя, то громче, то стихая,
 Звучатъ изъ твоего невѣдомаго края...

За ними я тянусь, тянусь и, далеко
 Изъ міра скорбнаго мечтою унесенный,
 Я чувствую на мигъ, желаньемъ упоенный;
 Какъ вольно дышется, какъ радостно живется...
 Но что-то, какъ струна, въ моей груди порвется,
 Аккордомъ прозвенѣвъ,—и пьяное веселье
 Смѣняетъ тяжкое, гнетущее похмѣлье...

IV.

Далеко до утра... Еще луна сіяетъ,
 Еще дымить ночникъ, дымить и погасаетъ,
 И тьма вокругъ меня. Отъ муки изнывая,
 Опять зову тебя, далекая, святая!
 Мой крестъ тяжелъ—и если предѣ тобою
 Я каюсь до конца, колѣна преклоняя,
 И исповѣдь шепчу и, ранъ души больной
 Не пощадивъ, молю:—побудь хоть мигъ со мной,
 Соиди издалека ласкающимъ видѣньемъ,
 Взгляни, какъ я разбить позоромъ и паденьемъ,
 И если не прости, то не отринь меня!

Ты знаешь, какъ давно, измученный судьбою,
 Покинутый, забытый даже тою
 Презрѣнной блудницей, которая, маня
 Такъ обольстительно меня на преступленіе,
 На золото мое распутствуя, рядясь,
 Втоптала чистоту души и мысли въ грязь
 И, сдѣлавъ юношу достойнымъ омерзѣнья,
 Ограбивъ, обокравъ, оставила его
 Съ сознаньемъ тяжкаго паденья своего,
 Оторваннымъ отъ жизни и борьбы
 Какимъ-то пасынкомъ насмѣшливой судьбы,
 Какимъ-то нравственнымъ уродомъ,
 Поворнымъ до конца и бурямъ и невздамъ.
 Я не узналъ себя. Изнѣженный развратъ
 Легъ на чело позорною печатью,
 Какъ Каинъ, съ той поры я обреченъ проклятью,
 При встрѣчѣ отъ меня отступитъ честный братъ,
 Какъ отступилъ-бы онъ порой
 Отъ палача, забрызганнаго кровью,
 Отъ зараженнаго чумой!..

V.

Я помню ночь, ея сырую мглу,
 Въ окнѣ отворенномъ чернѣла вѣтвь березы,
 И шорохъ слышался. Ночникъ мигалъ въ углу.
 А въ сердцѣ были тѣ-жъ рыданія и слезы.
 Но ты, любимая, была въ тотъ мигъ со мной,
 И сердцу вѣрилось—настанетъ день прощенья
 И мукой крестною, и смѣлою борьбой
 Я искуплю быльи заблужденья,
 И вновь откроется померкнувшимъ очамъ
 Великій мысли міръ, побѣдный блескъ свободы.
 Воскреснувшій боецъ—я позабуду самъ
 И раны старья, и старья невзгоды! .
 Измученный слѣпецъ! Я счастье ѣскалъ
 И жадно вѣрилъ я, и долго свѣта ждалъ,
 И такъ прошли года—судьбу свою я знаю
 И счастья не ищу, и молча погибаю.

Такъ по волнамъ бушующихъ морей
 Порой плывутъ къ невѣдомому краю
 Обломки жалкіе разбитыхъ кораблей...
 Завидя ихъ вдали, отчаянный пловецъ
 Достигнуть ихъ стремится... наконецъ,
 Измученный неравною борьбою,
 Хватаетъ ихъ слабѣющей рукою...
 Спасенья близокъ часъ... ужъ видятся вдали
 Въ туманѣ очерки невѣдомой земли,
 Ужь до него отъ пажитей безбрежныхъ
 Доносится струя благоуханій вѣжныхъ
 И слышенъ моря шумъ въ размытыхъ имъ скалахъ,
 Еще усиліе... еще одинъ размахъ—
 И... бѣшеной волной далеко унесенный,
 Онъ гибнетъ, наконецъ, боецъ изнеможенный!

В. Н. Славянский.

АЛЕКСАНДРЪ ГУМВОЛЬДТЪ ВЪ РОССИИ.

Сношенія Гумбольдта съ Россіей, увѣнчавшіяся его путешествіемъ въ центральную Азію, относятся къ концу двадцатыхъ годовъ, когда русскими финансами управлялъ не безъ успѣха графъ Канкринъ, искренній почитатель ученыхъ заслугъ Гумбольдта и виновникъ его кратковременнаго, но любопытнаго пребыванія въ Россіи. Слава Гумбольдта достигла въ то время своего апогея; постепенно распространяясь изъ Франціи, второй родины великаго естествоиспытателя, она коснулась и предѣловъ нашей сѣверной Пальмиры. Замѣчательно, что какъ Германія, такъ и Россія Гумбольдтъ сталъ извѣстенъ чрезъ посредство Франціи, гдѣ впервые сложился и окрѣпъ его всеобъемлющій умъ, — обстоятельство, находящееся въ связи съ общими характеромъ и направленіемъ интеллектуальной дѣятельности Гумбольдта. Въ числѣ истинно-геніальныхъ людей, отечествомъ которыхъ была Германія, Александръ Гумбольдтъ принадлежалъ ей только по имени и, за исключеніемъ національности, ничего не имѣлъ съ ней общаго. Подобно тому, какъ Гейне или Берне приобрѣли себѣ всемірную извѣстность, лишь благодаря полному освобожденію своей мысли отъ мертвящихъ оковъ юдаизма, Александръ Гумбольдтъ останется дорогъ образованнымъ націямъ, какъ общее достояніе вѣка, какъ выразитель стремленій и идей, чуждыхъ родства съ нѣмецкой національностью и присущихъ духу всего человѣчества. Анализируя источникъ, откуда Гумбольдтъ почерпалъ матеріалъ для своего развитія, ту умственную почву, которая возростила его геній, мы нашли-бы, что наибольшая доля вліянія при-

надлежитъ въ этомъ отношеніи не Германіи, а Франціи. Ученіе энциклопедистовъ, какъ продолжателей реальной философіи Локка, дало направленіе и опредѣлило преобладающій характеръ интеллектуальныхъ стремленій Гумбольдта, поставивъ его въ ряды послѣдователей д'Аламбера, Дидро, Гольбаха и Кондильяка, съ которыми у него было столько-же духовнаго родства, сколько непримиримаго внутренняго антагонизма съ нѣмецкой метафизикой и ея роднымъ дѣтищемъ—натурфилософіей. Когда слава Гумбольдта распространилась по всей Европѣ, натурфилософы, съ Шеллингомъ во главѣ, наперерывъ заискивали передъ великимъ ученымъ и, какъ-бы предчувствуя въ немъ врага своимъ жертвожденнымъ теоріямъ, заранѣе старались подчинить его научныя воззрѣнія своему ученію безцеремоннымъ навязываніемъ ему благопріятныхъ для себя симпатій и идей, которыхъ онъ никогда не имѣлъ и не высказывалъ. Эти фарисейскія диверсіи со стороны натурфилософіи, стремившейся завербовать въ свой лагерь челоуѣка, который посвятилъ свою жизнь преслѣдованію совершенно противоположныхъ задачъ, разумѣется, не имѣли никакого успѣха. При всей природной мягкости характера, Гумбольдтъ, оставаясь первоначально равнодушнымъ зрителемъ метафизической пропаганды, впоследствии безпощадно осмѣивалъ ея жрецовъ, и не разъ приходилось Гегелю ощущать на своихъ абсолютахъ львиные когти своего противника. Въ своемъ безсиліи онъ готовъ былъ расплакаться, какъ ребенокъ, и вмѣсто того, чтобы вступить съ Гумбольдтомъ въ открытую полемику, жаловался друзьямъ на непочтительность его къ своему авторитету, носившемуся въ то время мрачнымъ облакомъ надъ умственнымъ горизонтомъ Германіи. Эта непочтительность скорѣе перешла въ открытую вражду къ натурфилософіи и рѣзкую оппозицію ко всему, что составляетъ еще до сихъ поръ сущность нѣмецкаго духа. Умственному кругозору Гумбольдта, такъ вѣрно хранившаго наслѣдіе, завѣщанное ему французскими энциклопедистами, чуждо было всякое проявленіе мечтательной мысли, все, что носило на себѣ малѣйшіе слѣды нѣмецкаго идеализма. Поэтому-то, примиряясь еще кое-какъ съ Гете, въ которомъ онъ преимущественно цѣнилъ хорошаго естествоиспытателя, Гумбольдтъ всегда чуждался Шиллера, равно какъ и Шиллеръ питалъ къ нему истинно активную антипатію, которую и высказалъ однажды въ довольно

грубой и рѣзкой формѣ. Но Шиллеръ справедливо, конечно, считается національнымъ поэтомъ Германіи: это самый чувствительный термометръ нѣмецкой національности, — термометръ, который показываетъ, что, по духу своихъ идей, Гумбольдтъ не принадлежалъ Германіи.

Но, съ другой стороны, Гумбольдтъ стоялъ въ самыхъ интимныхъ отношеніяхъ къ Франціи. Въ плодотворномъ движеніи идей XVIII вѣка почерпнулъ онъ богатый запасъ умственныхъ силъ и развивалъ ихъ исключительно подѣ влияніемъ французской интеллигенціи и науки. Какъ-бы повняуясь какому-то внутреннему импульсу, Гумбольдтъ стремился удовлетворить, насколько возможно полюбѣ, потребности духовнаго общенія съ Франціей и потому-то онъ покинулъ свою родину безъ всякаго сожалѣнія и, несмотря на всѣ приманки и вниманіе къ нему берлинскаго двора, переселился въ Парижъ, гдѣ провелъ лучшіе годы своей жизни, мѣняя попеременно уединенный трудъ въ лабораторіи и библиотекѣ посѣщеніемъ всѣхъ извѣстныхъ въ то время свѣтскихъ кружковъ. Первые ученые труды Гумбольдта, наиболѣе обратившіе на него вниманіе, сдѣланы имъ въ Парижѣ, подѣ влияніемъ и при сотрудничествѣ французскихъ ученыхъ, какъ, напр., Гей-Люссака, Бонплана, Араго; не менѣе притягательно дѣйствовали на него и другія французскія знаменитости того времени, въ числѣ которыхъ слѣдуетъ упомянуть Кювѣ, Валансьена, Лапласа, Вю, Ла-Метри, Ламарка, Жоффруа-Сентъ-Иллера, Эли-де-Бомона, Гизо и др. Въ Парижѣ готовится онъ къ своему знаменитому путешествію въ Америку, по окончаніи котораго возвращается не на родину, а опять въ Парижъ, гдѣ съ глубокой грустью узнаетъ о паденіи республики и узурпаціи Наполеона. Въ Парижѣ онъ прожилъ, по крайней мѣрѣ, лѣтъ 30 и въ это время, несмотря на неоднократныя просьбы берлинскаго двора возвратиться на родину, ни разу не помышлялъ о ней. Не разъ осыпали его соотечественники упреками въ недостатокѣ патріотизма, и самъ король, въ своихъ письмахъ къ нему, старался заманить его къ родному очагу предложеніемъ всевозможныхъ матеріальныхъ благъ. Это тѣмъ болѣе замѣчательно, что Гумбольдтъ находился въ то время въ серьезныхъ денежныхъ затрудненіяхъ и былъ въ большой немилости у Наполеона I, которому были извѣстны его политическія симпатіи.

При первой встрѣчѣ съ Гумбольдтомъ, Наполеонъ, желая выразить все свое презрѣніе къ свободномыслящему идеологу, съ ироніей замѣтилъ ему: „Вы изучаете ботанику? Жена моя также занимается ею“. Въ одномъ изъ своихъ писемъ Гумбольдтъ говоритъ: „императоръ Наполеонъ держитъ себя холодно съ Бонпланомъ, ко мнѣ-же онъ питаетъ ненависть“. Но Гумбольдтъ легко примирялся съ этими невзгодами, окруженный толпою преданныхъ ему друзей, которые давно привыкли видѣть въ немъ француза по плоти и крови. Даже въ обществѣ онъ обнаруживалъ черты характера, свойственныя преимущественно французамъ: ихъ живой, меткій юморъ и веселое остроуміе или, какъ его называютъ во Франціи, *esprit*, которымъ онъ обладалъ, по выраженію Карла Фохта, въ большей степени, чѣмъ природный французъ. Имя Гумбольдта было чрезвычайно популярно въ Парижѣ; его знали всѣ, отъ первокласснаго ученаго до послѣдняго извозчика, такъ-что для того, чтобы розыскать жилище Гумбольдта, достаточно было лишь сказать его имя. Франція смотрѣла на Гумбольдта, какъ на свое собственное дѣтище, и съ полнымъ правомъ считала его однимъ изъ продуктовъ своей культуры. Но чѣмъ больше росла слава Гумбольдта, тѣмъ чаще и назойливѣе приглашали его соотечественники переселиться на родину, которой онъ чуждался съ такимъ упорнымъ постоянствомъ къ великому огорченію квасныхъ патріотовъ. Надоѣли-ли Гумбольдту эти постоянныя упреки въ недостаткѣ привязанности къ родной странѣ, даль-ли себя чувствовать гнетъ матеріальной нужды, но, наконецъ, на склонѣ дней своихъ, онъ вернулся въ Берлинъ и оставался тамъ до самой своей смерти. Но здѣсь онъ скорѣе далъ памятный урокъ навѣчивой родинѣ и яснѣе, чѣмъ когда-либо, показалъ, что онъ не можетъ цѣть въ униссонъ съ представителями ея мысли и духа. Послѣ смерти Фихте, Германія раздѣлилась въ умственномъ отношеніи на два огромныхъ лагеря, которыми управляли съ деспотизмомъ абсолютной философіи Гегель и Шеллингъ. Вся мыслящая Германія, и особенно молодежь, преклонялись предъ ихъ авторитетомъ и подхватывали на-лету каждое слово, слетавшее съ ихъ вѣщихъ устъ. Гегель былъ кумиромъ сѣверной Германіи, тогда какъ Шеллингъ держалъ бразды философскаго правленія въ южной. Но если послѣдній еще сдерживалъ порывы своей философской мысли въ нѣ-

которыхъ границахъ, то Гегель, не стѣсняясь, парилъ на крыльяхъ идеализма и договаривался до чудовищныхъ нелѣпостей, подъ рукоплесканія фанатизированной толпы. Въ это-то время Гумбольдтъ открылъ въ Берлинѣ рядъ публичныхъ лекцій по естествознанію, которыя имѣли огромное значеніе въ исторіи умственнаго развитія Германіи и, безъ сомнѣнія, служили какъ-бы предисловіемъ къ послѣдующему и самому замѣчательному изъ всѣхъ его произведеній, къ „Космосу“. Въ этихъ лекціяхъ, направленныхъ вообще противъ существенныхъ основъ натурфилософіи, Гумбольдтъ выступилъ и специально противъ Гегеля, озаглавивъ одну изъ своихъ лекцій: „Предостереженіе противъ Гегеля“. Въ своемъ „Космосѣ“ онъ называетъ время господства натурфилософіи „жалкой эпохой умственнаго упадка Германіи, которую заслоняютъ Франція и Англія“. Въ письмѣ къ Варнгагену онъ называетъ эту эпоху „дикими сатурналіями“, „маскерадомъ безумствующихъ натурфилософовъ“. Слѣдствіемъ этихъ лекцій, на которыхъ между прочимъ всегда присутствовалъ король съ своимъ семействомъ, были доносы генерала Вицлебена, который провидѣлъ въ нихъ неуваженіе къ религіи, и жалобы Гегеля предъ Варнгагеномъ на Гумбольдта, постигнувшаго на неприкосновенность его общепризнаннаго въ то время философскаго авторитета.

Къ этому-то періоду борьбы Гумбольдта съ натурфилософіей и сатурналіями Гегеля относятся и его первыя сношенія съ графомъ Канкринимъ, плодомъ которыхъ была его поѣздка въ Россію. Публичныя лекціи, читанныя имъ берлинскому обществу, оживили давно зародившееся въ немъ желаніе посѣтить старый свѣтъ и включить его въ общее гармоническое представленіе о вселенной, какъ единомъ, цѣльномъ космосѣ, картина котораго зарождалась въ его умѣ. Путешествіе въ Азію, какъ выразался Гумбольдтъ, было второй задачей его жизни и, вернувшись изъ далекаго странствованія по Америкѣ, онъ только и думалъ объ этомъ. Безпредѣльна была его радость, когда русское правительство, въ концѣ 1811 года, пригласило его участвовать въ экспедиціи, снаряжавшейся, конечно, не безъ воинственныхъ цѣлей, въ Верхнюю Индію и Тибетъ чрезъ Кашгаръ. Предложеніе это было сдѣлано Гумбольдту графомъ Румянцевымъ, который, во время пребыванія своего въ Парижѣ, лично познакомился съ нимъ и

составилъ себѣ высокое мнѣніе о его талантѣ. Посредникомъ отъ русскаго правительства явился баронъ Ренненкампфъ, которому Гумбольдтъ отвѣчалъ восторженнымъ письмомъ. Его планы, по обыкновенію, были чрезвычайно обширны и касались самыхъ разнообразныхъ научныхъ вопросовъ, которые, казалось, рѣшительно не могли быть подъ силу уму одного человѣка. „Цѣль моей поѣздки въ Азію, писалъ онъ Ренненкампфу,—составляетъ горная цѣпь возвышенностей, которая тянется отъ истоковъ Инда до Ганга. Я желалъ-бы видѣть Тибетъ, но не эта страна интересуется меня главнымъ образомъ. По всей вѣроятности, я возвращусь въ Европу чрезъ мысъ Доброй Надежды. Я давно лелѣлъ надежду произвести наблюденіе надъ склоненіемъ центральныхъ звѣздъ. Мнѣ хотѣлось-бы остаться въ Бенаресѣ на годъ; если поѣздка въ Бухару или Тибетъ не состоится, я намѣренъ посѣтить индѣйскій полуостровъ со стороны Малакки, островъ Цейлонъ, Яву или Филиппинскіе острова. Я предпочитаю избрать именно этотъ путь, потому-что онъ обѣщаетъ много интересныхъ открытій по разнообразнымъ отраслямъ естествознанія... Вотъ, любезный другъ, предположенія и планы, которые меня занимаютъ въ настоящую минуту. Для меня весьма лестно вниманіе, которое я успѣлъ возбудить въ Петербургѣ. Графъ Румянцевъ, русскій государственный канцлеръ, лично пригласилъ меня, во время пребыванія своего въ Парижѣ, принять участіе въ экспедиціи. Я съ благодарностію приму приглашеніе русскаго правительства, если только ему угодно будетъ снабдить меня точными географическими указаніями относительно тѣхъ мѣстностей, которыя предназначены для экспедиціи. Мнѣ тяжело будетъ разстаться съ надеждой видѣть берега Ганга и страну банановъ и пальмъ. Сегодня мнѣ исполнилось 42 года, и я съ большей готовностію предпринялъ-бы путешествіе, которое длилось-бы 7 или 8 лѣтъ, но, жертвуя тропическими странами Азіи, мнѣ хотѣлось-бы, чтобы планъ, который берется начертать мнѣ русское правительство, былъ достаточно обширенъ и широкъ. Кавказъ влечетъ меня не такъ, какъ Байкальское озеро и вулканы Камчатки. Есть-ли возможность проникнуть въ Самаркандъ, Кабуль и Каширъ? Осуществима-ли надежда измѣрить Мустагъ и равнину Шамо? Есть-ли въ Россіи человѣкъ, которому извѣстна дорога въ Лассу

и Тибетъ, кромѣ обычныхъ путей чрезъ Шеоранъ, Касбинъ и Герать или чрезъ Калькутту? Всѣ-ли народности на южной границѣ русскихъ владѣній воюють съ Россіей и нѣтъ-ли возможности производить изысканія внѣ театра войны? Предстоящая экспедиція, благодаря обширному полю для наблюденій, обѣщаетъ богатую пищу географіи, наукѣ, которая изучаетъ формаціи, географіи растений, метеорологіи, теоріи магнетизма и наблюденіямъ надъ качаніями маятника. Изученіе человѣка, языковъ, которые суть наиболѣе надежные памятники древней цивилизаціи, надежда открыть торговые пути съ югомъ — тысяча предметовъ представится нашему вниманію. Чтобы объять во всей полнотѣ поле моихъ изслѣдованій, я желалъ-бы получить позволеніе пройти всю Азію подъ 58—60° широты, чрезъ Екатеринбургъ, Тобольскъ, Енисейскъ, Якутскъ, до вулкановъ Камчатки и береговъ южнаго моря. Такъ-какъ эта мѣстность наклонена къ сѣверу, то представится возможность изслѣдовать самыя новѣйшія формаціи; затѣмъ я предполагаю отправиться дальше на востокъ подъ 48° широты чрезъ Байкальское озеро, чтобы начать изслѣдованія къ югу отъ этой параллели, на что потребуются 4 или 5 лѣтъ... Расходы на это путешествіе далеко не такъ значительны, хотя необходимо запастись самыми лучшими и точными инструментами. Я желалъ-бы, чтобы большая часть ученыхъ были русскіе; они мужественнѣе перенесутъ невзгоды и случайности путешествія, они не такъ сильно будутъ желать возвращенія. Я не знаю ни одного слова по-русски, но я сдѣлаюсь русскимъ, какъ я сдѣлался испанцемъ. Все, что я предпринимаю, я исполняю съ энтузіазмомъ..." Гумбольдтъ указываетъ затѣмъ на выгоды, которыя произтекутъ изъ этого путешествія специально для Россіи и затѣмъ продолжаетъ: „Вы видите, милостивый государь, изъ этихъ надеждъ, которыя я высказалъ предъ вами, что меня не затруднятъ предложенія, которыя мнѣ будутъ сдѣланы, лишь-бы они обнимали достаточно важныя и широкія цѣли, достойныя монарха, управляющаго цѣлой половиной древняго континента. Ожиданіе войны на сѣверѣ, быть можетъ, замедлитъ исполненіе этихъ обширныхъ предпріятій, мнѣ пріятно, однако, питать надежду, что эта часть Европы будетъ наслаждаться миромъ по-прежнему, но если моя надежда не осуществится, можно ожидать, что пра-

вительство съ большимъ жаромъ примется содѣйствовать всему, что упрочиваетъ внутреннее благосостояніе и что требуетъ незначительныхъ затратъ. Я не могу прибыть въ Петербургъ ранѣе зимы 1814 года, но это промедленіе не повредитъ общему дѣлу. Нужно болѣе года на то, чтобы приобрѣсти инструменты физическіе и астрономическіе, которые будутъ заказаны въ Парижѣ (у Форгена, Брегета, Ленуара), въ Лондонѣ (у Трутона, Меджа, Рамсдена-сына) и въ Мюнхенѣ (у Рейхенбаха); нужно время для того, чтобы пригласить ученыхъ и художниковъ, нужно собрать свѣденія на южной границѣ русскихъ владѣній о возможности проникнуть далѣе на югъ... Я говорю съ вами съ тою-же откровенностью, съ которою мнѣ пришлось объясняться при дворѣ аранжуэцкомъ въ 1799 году...

„Мнѣ слишкомъ хорошо извѣстна ваша скромность, милостивый государь, чтобы просить васъ не сообщать этого письма тѣмъ, которые не заинтересованы прямо въ осуществленіи этого плана, столь полезнаго для прогресса науки. Я не считаю для себя унижительною предложить свои услуги государю, который искренно желаетъ процвѣтанія наукъ и искусствъ въ своихъ обширныхъ владѣніяхъ. Но мое личное положеніе препятствуетъ мнѣ заявлять о своихъ просьбахъ. Я согласенъ на все, что будетъ способствовать достиженію полезной и славной цѣли; я предприиму путешествіе отъ Тобольска до мыса Коморина даже тогда, если-бы я зналъ, что изъ девяти лицъ возвратится лишь одинъ. Незыскательный въ своихъ требованіяхъ, другъ нравственной независимости, я спокойно преслѣдую свои научныя цѣли, опираясь на твердую волю. Я измѣнилъ-бы самому себѣ, если-бы, вмѣсто того, чтобы отвѣчать на вопросы, которые вы мнѣ предлагаете, я, съ своей стороны, поставилъ-бы вамъ условія... Алекс. Гумбольдтъ“. Неизвѣстно, какъ далеко зашли эти переговоры съ барономъ Ренненкампомъ, уполномоченнымъ отъ русскаго правительства. Повидимому, путешествіе Гумбольдта рѣшено было въ принципѣ, такъ-какъ онъ съ большимъ жаромъ сталъ готовиться къ нему и прежде всего принялся за изученіе русскаго и восточныхъ языковъ. Въ 1811 году онъ простился уже съ своимъ братомъ, который занималъ въ то время какой-то дипломатическій постъ въ Вѣнѣ, и ждалъ послѣднихъ распоряженій со стороны

русскаго правительства, какъ вдругъ пронесся слухъ о войнѣ между Россіей и Франціей, и экспедиція была отложена. Въ 1812 году Россія снова снарядила экспедицію, и на этотъ разъ Александръ I лично пригласилъ участвовать въ ней Гумбольдта. Она имѣла цѣлью излѣдованіе Сибири и тибетской сплошной возвышенности, къ которой предполагалось проникнуть черезъ Кашгаръ и Яркандъ. Но желанія Гумбольдта снова не сбылись, такъ какъ Россіи пришлось бороться съ Наполеономъ. Но въ слѣдующемъ 1813 году Гумбольдтъ оказалъ, вѣроятно, не меньшую услугу наукѣ, оставшись въ Парижѣ, чѣмъ ту, которую онъ намѣревался оказать своимъ путешествіемъ, — при вступленіи русскихъ войскъ въ Парижъ. Онъ спасъ богатыя естественно-историческія коллекціи въ Jardin des plantes, которыя, безъ его вмѣшательства, рисковали подвергнуться разграбленію. Это обстоятельство, между прочимъ, подало поводъ ученому Валансену написать въ своемъ письмѣ Гумбольдту: „Vous, qui avez sauvé le Museum d'histoire naturelle de l'invasion des Cosaques“. Послѣ Ахенскаго конгресса, надежды Гумбольдта посѣтить центральную Азію снова ожили. Теперь уже предложеніе шло со стороны прусскаго короля; однако, путешествіе все-таки не состоялось и въ третій разъ, вслѣдствіе какихъ-то темныхъ интригъ со стороны англійской остъ-индской компаніи. Лишь спустя 10 лѣтъ осуществилось желаніе Гумбольдта, благодаря его сношеніямъ съ графомъ Канкринимъ, которыя завязались по поводу вопроса о разработкѣ платины.

Въ Россіи въ первый разъ платина найдена была въ 1822 году, въ ниже-тагальскомъ частномъ заводѣ, въ весьма небольшомъ количествѣ, и затѣмъ въ послѣдующіе годы добыча платины была также незначительна, такъ что въ 1827 году на петербургскомъ монетномъ дворѣ накопилось всего 11 пудовъ этого новаго, но совершенно непригоднаго въ промышленности металла. Однако, и этому количеству платины нужно было найти какое-нибудь употребленіе и, не долго думая, графъ Канкринъ предлѣжилъ чеканить изъ нея монету, на что императоръ Николай далъ полное свое согласіе, и въ томъ-же году на монетномъ дворѣ отчеканена была первая пробная монета изъ платины. Замѣчательно, что графъ Канкринъ придавалъ весьма серьезное

значеніе своей идеѣ, не покинутой, впрочемъ, и въ настоящее время, относительно введенія въ обращеніе платиновыхъ денегъ. Онъ воображалъ, что этимъ безхитростнымъ способомъ ему удастся обратить Россію въ Калифорнію, не понимая того, что результатъ вышелъ-бы совершенно тотъ-же, если-бы вмѣсто платиновыхъ денегъ выпустить на ту-же сумму трапичной бумаги. Даже при опредѣленіи цѣнности тѣхъ и другихъ денегъ встрѣтились-бы тѣ-же затрудненія или тотъ-же произволъ. Цѣна платины была такъ-же неизвѣстна, какъ и цѣна кусочка бумаги, даже болѣе. Относительно этого-то пункта и встрѣтились затрудненія на первыхъ-же порахъ, такъ-какъ предстояло установить монетную цѣнность платины въ отношеніи къ золоту и серебру, что было въ высшей степени трудно, при неопредѣленности цѣны, по которой платина ходила на рынкахъ. Графъ Канкринъ обратился за совѣтомъ къ иностраннымъ ученымъ и специалистамъ, и, между прочимъ, написалъ Гумбольдту собственноручное письмо, въ которомъ просилъ разрѣшить его недоумѣнія по поводу чеканки платиновой монеты и мимоходомъ, говоря объ источникахъ платиновой руды, замѣтилъ, что „Ураль достоинъ посѣщенія великаго естествоиспытателя“. Гумбольдтъ отвѣчалъ Канкрину обстоятельной ученой запиской, гдѣ отсовѣтовалъ чеканить платиновую монету, и въ заключеніе письма прибавилъ, что ему пріятно было-бы лично посѣтить русскаго министра. „Ураль и Байкальское озеро — дорогія мечты, желѣянныя мною съ дѣтства“. Графъ Канкринъ, повидимому, ожидалъ только этого признанія и въ слѣдующемъ письмѣ сообщаетъ Гумбольдту, что императоръ Николай желаетъ, чтобы Гумбольдтъ совершилъ ученое путешествіе въ восточную Россію, конечно, на счетъ русскаго правительства. „Это извѣстіе, говоритъ Гумбольдтъ, — пробудило во мнѣ со всею силой прежнюю врожденную страсть къ путешествіямъ. Но, несмотря на радость, съ которой я готовъ былъ снова пуститься въ далекое странствованіе, я не могъ тотчасъ-же воспользоваться этимъ обширнымъ, но ничуть не ограничивавшимъ мою свободу порученіемъ, такъ-какъ я обязанъ былъ окончить къ веснѣ 1828 года свои публичныя чтенія о физическомъ землеописаніи“. Гумбольдтъ принялъ предложеніе, исходившее отъ русскаго правительства тѣмъ охотнѣе, что считалъ тутъ

свою особу не причесть и вполне увѣренъ былъ, что императоръ Николай и Канкринъ исполнены были безкорыстнаго стремленія оказать посильную помощь наукѣ. Въ письмѣ къ Гумбольдту графъ Канкринъ, между прочимъ, говоритъ: „Отъ васъ зависитъ избрать тотъ или другой путь для своего путешествія; вы можете преслѣдовать при этомъ какія угодно цѣли, потому что единственное желаніе правительства—быть полезнымъ наукѣ“.

„Я не могу пройти молчаніемъ этого предложенія, исполненнаго истиннаго благородства, говорилъ Гумбольдтъ, спустя нѣсколько лѣтъ послѣ своего путешествія, — такъ-какъ оно указываетъ на характеристическій моментъ эпохи, въ которую мы живемъ. Помощь, оказываемая скромной дѣятельности отдѣльнаго человѣка, нисходитъ для него съ высоты науки, она есть живое выраженіе того почтенія, котораго преисполненъ даже такой могущественный монархъ къ прогрессу знанія и его благотворному влиянію на благосостояніе народовъ“. Впрочемъ, въ высшихъ кружкахъ тогдашняго русскаго общества Гумбольдтъ былъ извѣстенъ больше, какъ дипломатъ и камергеръ при дворѣ прусскаго короля; званіе-же ученаго въ глазахъ большинства было лишь случайнымъ, прибавочнымъ титуломъ, которому никто, за исключеніемъ графа Канкрина, не придавалъ особаго значенія. Графъ Канкринъ, доставляя Гумбольдту возможность совершить столь важное для научныхъ цѣлей путешествіе, конечно, питалъ при этомъ свои надежды, корыстный характеръ которыхъ былъ весьма невиннаго и позволительнаго свойства. Не навязывая Гумбольдту своей программы, которая могла-бы стѣснить его, Канкринъ замѣтилъ въ одномъ своемъ письмѣ къ Гумбольдту, что онъ былъ-бы очень радъ, если-бы это путешествіе послужило на пользу Россіи и развитію ея горной промышленности.

Получивъ радушное приглашеніе русскаго правительства, Гумбольдтъ ревностно сталъ готовиться къ путешествію. Онъ собиралъ всѣ существовавшія въ то время сочиненія по географіи и исторіи востока, заказывалъ инструменты для предстоящихъ изысканій и старательно изучалъ азіатскія нарѣчія. Русскому языку онъ посвятилъ особенно много времени, какъ сообщалъ онъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ и графу Канкрину. „Мнѣ было-бы всего пріятнѣе, писалъ онъ послѣднему,—видѣть около себя рус-

свихъ спутниковъ, такъ-какъ я теперь весьма усердно изучаю вашъ языкъ, безъ котораго нельзя уяснить себѣ духа народной жизни“. Но, несмотря на всѣ усилія Гумбольдта, ему не удалось одолѣть трудностей русскаго языка: нѣсколько разъ принимался онъ за изученіе его, но всегда безъ успѣха, хотя онъ въ совершенствѣ обладалъ знаніемъ всѣхъ германскихъ и романскихъ нарѣчій и могъ-бы въ этомъ отношеніи смѣло соперничать съ своимъ братомъ Вильгельмомъ Гумбольдтомъ, филологическимъ познаніемъ котораго до сихъ поръ удивляются наши классики. Лѣтомъ 1829 г. Гумбольдтъ уже собрался въ путь и, напутствуемый пожеланіями прусскаго короля, снабдившаго его на дорогу чиномъ дѣйствительнаго тайнаго совѣтника, отправился въ Петербургъ, гдѣ, по пріѣздѣ, графъ Канкринъ лично вручилъ ему на поѣздку 20,000 р. ассигн. Изъ этихъ денегъ Гумбольдтъ возвратилъ послѣ окончанія своего путешествія 7,050 р., но такъ-какъ правительство отказалось принять ихъ, то онъ просилъ употребить ихъ на ученую командировку двухъ молодыхъ въ то время минералоговъ, г. Гельмерсена (нынѣ директора горнаго института) и покойнаго Гоффмана, которые сопровождали Гумбольдта, по официальному порученію, во время поѣздки его по Сибири.

Первое столкновеніе европейской цивилизаціи и науки, блестящимъ воплощеніемъ которой былъ Гумбольдтъ, съ патріархальнымъ бытомъ Россіи, произошло въ Петербургѣ, и понятно, что оно должно было сопровождаться послѣдствіями не совсѣмъ обыкновенными. Даже для такъ-называемыхъ русскихъ ученыхъ тогдашняго времени появленіе Гумбольдта было явленіемъ необыкновеннымъ, не говоря уже о простомъ населеніи восточныхъ губерній, гдѣ на него смотрѣли, какъ на высшее, неземное существо, какъ смотрѣли, напр., крестьяне на открытую въ первый разъ желѣзную дорогу. Лишь только прибылъ Гумбольдтъ въ Петербургъ, гдѣ его давно уже ждали, все засуетилось вокругъ него и наперерывъ спѣшило оказать ему вниманіе. „Мои успѣхи въ обществѣ невыразимы, пишетъ онъ изъ Петербурга своему брату. Всѣ окружающіе обнаруживаютъ предо мной знаки величайшаго расположенія; невозможно оказать иностранцу большаго почтенія и болѣе благороднаго гостепримства. Военный министръ предоставилъ въ полное мое распоряженіе всю коллек-

цію географическихъ картъ, висѣвшихъ въ генеральномъ штабѣ... Экипажи, изготовленные для меня, чрезвычайно красивы, и каждый стоитъ 1,500 талеровъ“. Проживъ 10 дней въ Петербургѣ, Гумбольдтъ, въ сопровожденіи русскихъ и иностранныхъ ученыхъ (Розе и Эренберга), отправился въ Москву, гдѣ онъ нашелъ еще болѣе радушный приѣмъ, который, разумѣется, по широкой русской натурѣ, принялъ характеръ демьяновой ухи. Въ Москвѣ онъ встрѣтилъ своего стараго знакомаго, Фишера, который попалъ на русскую службу и „*qui est excellence, va à quatre cheveaux et n'a que 7,000 frcs. de pension*“, иронически замѣчаетъ Гумбольдтъ о своемъ соотечественникѣ. Заботливость правительства о Гумбольдтѣ была выше всякой мѣры, почести и уваживанья скорѣе утомляли 60-ти-лѣтняго старика, чѣмъ доставляли ему удовольствіе. „Вѣчныя привѣтствія, пишетъ онъ,—разѣзды и обереганія моея особы полицейскими чиновниками, казаками и карауломъ. Но, въ сожалѣнію, ни одной минуты спокойствія и уединенія, ни одного шага безъ того, чтобы васъ не подхватывали за руки, какъ разслабленнаго. Желалъ-бы я видѣть въ этомъ положеніи Леопольда Баха (знаменитаго геолога)!“ Засѣданія ученыхъ обществъ и торжественныя обѣды, которые давались въ честь Гумбольдта въ Москвѣ, также были для него очень утомительны. Въ письмѣ къ Канкрину Гумбольдтъ нѣсколько мягче передаетъ свои московскія впечатлѣнія. „О почестяхъ, которыя оказываются мнѣ университетомъ и представителями города, я ничего не говорю вамъ. Завтра мнѣ еще должны быть здѣсь, по случаю большого торжественнаго обѣда. Но послѣ завтра намъ, вѣроятно, удастся двинуться въ путь: голубой воздухъ и горы неодолимо влекутъ меня дальше. Древній характеръ этого города, въ сожалѣнію, постепенно исчезающій, безконечно интересуется меня. Кремль, этотъ великій историческій памятникъ, живѣе говоритъ воображенію, чѣмъ обширный историческій трудъ Карамзина“. Слава Гумбольдта шла впереди его, такъ что вездѣ, куда онъ ни пріѣзжалъ, его встрѣчали какъ-бы по заранѣе условленному плану всеобщимъ энтузіазмомъ, который подъ конецъ уже началъ замѣтно сердить его: Обѣды за обѣдами (Гумбольдтъ отличался крайней воздержностью), праздники за праздниками, и чѣмъ дальше по-

двигался Гумбольдтъ на востокъ, тѣмъ неумѣреннѣе становились восторги россианъ и особенно провинціальныхъ властей, незнавшихъ, какъ и угодить начальству торжественными встрѣчами и обѣдами въ честь Гумбольдта. Въ Казани его до того затормошили, что онъ втеченіи нѣсколькихъ дней не находилъ 'свободнаго времени, чтобы написать письмо, и, освободившись кое-какъ отъ докучливыхъ посѣтителей, онъ писалъ въ 1 часъ ночи къ своему брату: „Завтра мы должны ѣхать утромъ въ 5 часовъ, а профессора и официальные власти угрожаютъ посѣтить насъ въ половинѣ пятого, чтобы проститься съ нами. Насъ не оставляютъ въ покоѣ ни на минуту“. Въ Екатеринбургѣ онъ долженъ былъ танцовать кадрили! Въ Миасскѣ, въ день его рожденія (ему минуло тогда 60 лѣтъ), чиновники горнаго вѣдомства подарили ему саблю! Даже въ дѣвственной степи киргизовъ русское гостеприимство преслѣдовало Гумбольдта. Лишь только онъ приблизился къ киргизской деревнѣ близъ Оренбурга, на встрѣчу ему, выбѣжала дикая толпа съ крикомъ, плясками и „къ сожалѣнію, съ пѣніемъ татарскихъ султаншъ“.

На всемъ пути отъ Петербурга до Урала Гумбольдтъ почти исключительно былъ занятъ научными изслѣдованіями надъ природой столь любопытной для него страны, обогатившей его огромнымъ запасомъ новыхъ идей и наблюденій, которыми онъ потомъ воспользовался въ своемъ „Космосѣ“ и подробно изложилъ въ знаменитомъ сочиненіи „Asie centrale“, написанномъ на французскомъ языкѣ, къ крайнему изумленію и негодованію германскихъ патріотовъ. Барометрическія измѣренія, топографическое изученіе мѣстности, осмотръ рудниковъ, частныхъ и казенныхъ заводовъ, изслѣдованія геологическія и минералогическія поглощали все его вниманіе. Но онъ присматривался, однако, и къ народной жизни въ посѣщенныхъ имъ странахъ, его поражалъ жалкій бытъ фабричнаго населенія, и, кажется, благодаря собраннымъ имъ по этому поводу соображеніямъ, графъ Канкринъ рѣшился предпринять нѣсколько серьезныхъ мѣръ для облегченія положенія горнозаводскихъ рабочихъ. Во всѣхъ своихъ путешествіяхъ Гумбольдтъ глубоко интересовался судьбою народовъ тѣхъ странъ, которыя онъ избиралъ цѣлью своихъ изслѣдованій. Въ

своимъ „Essai politique sur l'isle de Cuba“ онъ говоритъ: „Путешественникъ, который былъ свидѣтелемъ страданій и униженія человѣческой природы, обязанъ употребить всѣ усилія, чтобы жалобы несчастныхъ нашли себѣ доступъ къ тѣмъ, которымъ повелѣваетъ долгъ облегчать ихъ участь“, а въ предисловіи къ тому же сочиненію онъ замѣчаетъ: „этой части моего сочиненія (улучшенію судьбы невольниковъ) я придаю несравненно большую важность, чѣмъ кропотливымъ изысканіямъ для астрономическаго опредѣленія мѣстности, опытамъ надъ магнитнымъ напряженіемъ или статистическимъ выкладкамъ“. Правда, Гумбольдтъ писалъ эти строки подъ живымъ впечатлѣніемъ событій тогдашней эпохи. Уѣзжая въ Америку, онъ увозилъ съ собою воспоминанія о французской революціи и горячую юношескую преданность идеямъ 1789 года. Но, вернувшись, однако, въ Берлинъ доживать свои старческіе годы, смѣнивъ сообщество французскихъ друзей кружкомъ самодовольныхъ филистеровъ, Гумбольдтъ утратилъ прежнюю свѣжесть молодого чувства и притупилъ силу своихъ возвышенныхъ симпатій. Впрочемъ, эта перемѣна положенія, заслонявшая въ дѣйствительномъ тайномъ совѣтникѣ Гумбольдтѣ ученаго и ступшевавшая лучшія черты его характера, далеко не обнаружилась въ немъ съ такою силой, какъ въ его соотечественникѣ Гете. До конца дней своихъ, Гумбольдтъ сохранилъ слѣды своей прежней горячей любви къ человѣчеству и не переставалъ заботиться объ участи меньшей братіи. Но въ своей перепискѣ съ графомъ Банкринимъ, онъ, однако, тщательно избѣгалъ говорить объ этомъ щекотливомъ предметѣ. Въ письмѣ изъ Екатеринбургъ къ графу Банкрину, онъ между прочимъ пишетъ: „Само собою разумѣется, что мы оба (Гумбольдтъ и его спутникъ Розе) ограничиваемъ свои наблюденія мертвой природой и избѣгаемъ всего, что касается общественныхъ учреждений и интересовъ низшихъ классовъ населенія, ибо все, что можетъ сказать по этому поводу чужеземецъ, незнающій мѣстнаго языка, будетъ чрезчуръ смѣльнымъ.“ Графъ Банкринъ, конечно, поощрялъ такое направленіе, принятое путешествіемъ Гумбольдта, но вмѣстѣ съ тѣмъ онъ просилъ его все-таки сообщать ему при случаѣ свои замѣчанія. Гумбольдтъ воспользовался этимъ приглашеніемъ и, возвратившись въ Петербургъ, сообщилъ Банкрину множество соображеній относительно

положенія рабочихъ на горныхъ заводахъ въ связи съ общимъ состояніемъ горнаго промысла въ Россіи. Эти-то соображенія и послужили, между прочимъ, графу Канкрину основаніемъ для его проектовъ, имѣвшихъ цѣлю ввести на Уралѣ вольнонаемный трудъ и предоставить свободнымъ рабочимъ, въ видахъ болѣе успѣшной колонизаціи Сибири, въ постоянное пользованіе, извѣстный участокъ земли. Тотчасъ послѣ отъѣзда Гумбольдта въ Берлинъ, въ началѣ декабря 1829 года, графъ Канкринъ представилъ свой обширный проектъ преобразованія горной промышленности на предварительное разсмотрѣніе генерала Богуславскаго, главнаго начальника надъ уральскими заводами. Въ виду недостатка рабочихъ рукъ и отсутствія правильнаго земледѣлія на обширныхъ пространствахъ Сибири, Канкринъ предлагалъ въ своемъ проектѣ постепенно переселять туда государственныхъ крестьянъ съ предоставленіемъ имъ опредѣленнаго земельного надѣла и освобожденіемъ отъ обязательной работы. Далѣе онъ предлагалъ, какъ для сельско-хозяйственныхъ, такъ и промышленныхъ цѣлей содѣйствовать переселенію въ сѣверныя области Сибири всѣхъ лицъ свободнаго состоянія, преимущественно-же горныхъ чиновниковъ, съ освобожденіемъ на 6 лѣтъ отъ всѣхъ податей и съ незначительнымъ взносомъ арендной платы. Для поощренія земледѣлія и огородничества, каждое рабочее семейство получаетъ въ наслѣдственное и безмездное пользованіе участокъ годной для обработки земли, который долженъ находиться по возможности ближе къ жилищамъ рабочихъ. Рука объ руку съ развитіемъ земледѣлія должно идти увеличеніе городовъ и расширеніе городскихъ промысловъ, что могло-бы быть достигнуто переименованіемъ cadaго округа, въ которомъ есть заводъ, въ городъ. На всѣ эти нововведенія со стороны Богуславскаго послѣдовалъ весьма неблагоприятный отвѣтъ. По его мнѣнію, предполагаемое заселеніе Сибири свободными рабочими невозможно, какъ вслѣдствіе климатическихъ условій, невыгодныхъ для колонизаціи, такъ и потому, что въ сѣверныхъ областяхъ около горы Благодать и Богословена, принадлежавшихъ правительству, нѣтъ ни одного клочка земли, пригодной для сельскохозяйственныхъ цѣлей. Притомъ-же новый наплывъ населенія только увеличилъ-бы, по мнѣнію Богуславскаго, уже и тогда ошутительный недостатокъ въ лѣсномъ матеріалѣ. Затѣмъ онъ вы-

сказалъ также, что горные заводы поглощаютъ все рабочее время, такъ что рабочимъ некогда будетъ и думать о земледѣліи. Въ эти возраженія, особенно послѣднее не имѣли серьезнаго основанія и преувеличивали положеніе дѣла, что понялъ и графъ Канкринъ, который принялся, шагъ за шагомъ, опровергать ихъ. Между министерствомъ финансовъ и графомъ Канкринимъ завязалась, по обыкновенію, обширная переписка, которая длилась десяти лѣтъ, но не привела ни къ какимъ результатамъ. Гуманная реформа Канкринна пала на бесплодную почву, и все дѣло лишь ограничилось перемѣщеніемъ нѣсколькихъ сотъ семействъ изъ одного горнаго округа въ другой.

Мы не перечисляемъ всѣхъ мѣстностей и городовъ, посѣщенныхъ Гумбольдтомъ, такъ какъ онъ находилъ въ нихъ лишь спеціальныи научный интересъ; замѣтимъ только, что онъ измѣнилъ свой первоначальный маршрутъ и вмѣсто того, чтобы отправиться въ верхнюю Индію и Тибетъ, онъ заблагоразсудилъ осмотрѣть столь любопытное, въ научномъ отношеніи, Каспійское море, откуда онъ собралъ множество видовъ рыбъ, обогативъ ихъ коллекціей обширный трудъ Кювье и Валансьена. Изъ Астрахани Гумбольдтъ съ своими спутниками вернулся обратно въ Петербургъ, проѣхавъ, по приблизительнымъ расчетамъ, втеченіи 25 недѣль 17,500 верстъ по отвратительнымъ русскимъ дорогамъ. Академикъ Гельмерсенъ, сопровождавшій въ то время Гумбольдта, описываетъ его личность и путешествіе слѣдующимъ образомъ: „Гумбольдтъ ходилъ въ то время (ему минуло тогда 60 лѣтъ) еще совершенно прямо, наклонивъ немного голову впередъ. Во время путешествія мы не видѣли его иначе одѣтымъ, какъ въ темный или черный фракъ, въ бѣлый галстукъ и круглую шляпу. Сверху фрака онъ носилъ длинное, также темное пальто. Его походка была правильная, медленная, осторожная, но твердая. Онъ никогда не ѣздилъ на экскурсіи, но выходилъ изъ повозки и шелъ пѣшкомъ, всходя на высокія горы, безъ видимаго утомленія, или карабкаясь по скалистымъ утесамъ. Судя по ловкости этихъ движеній, они приобрѣтены въ трудной школѣ. Онъ ѣлъ и пилъ, даже послѣ утомительныхъ странствованій, съ замѣчательной умѣренностью, и часто принужденъ былъ отказываться отъ обильныхъ яствъ, которыми русскіе угощали своего гостя въ порывѣ гостепріимства. Онъ дѣ-

даль это за обѣдомъ людей знатныхъ и маленькихъ съ тою безупречной деликатностью, которая отличаетъ истиннаго аристократа. Слава Гумбольдта проникла даже на Уралѣ во всѣ слои населенія, но его заслуги понимались различнымъ образомъ. Больше всего придавали значенія тому обстоятельству, что онъ былъ дѣйствительнымъ тайнымъ совѣтникомъ, а также и тому, что свыше приказано было оказывать ему почести, связанныя съ званіемъ сенатора и генерала. Коменданты мелкихъ укрѣпленій, мимо которыхъ онъ проѣзжалъ по военной оренбургской границѣ, рапортовали ему на военный манеръ, въ полной формѣ, о состояніи горнизоновъ, состоявшихъ подъ ихъ командой. Лишь только останавливался въ какомъ-нибудь мѣстѣ поѣздъ, состоявшій изъ трехъ экипажей, тамъ уже стояла, въ ожиданіи, густая толпа изъ казаковъ, пѣхотныхъ солдатъ, киргизовъ, башкиръ, татаръ, русскихъ женщинъ и дѣтей всякаго возраста. Однажды въ крѣпостцѣ Шаламыцкой, въ то время, когда запрягали лошадей, изъ такой толпы вдругъ выходитъ башкиръ и направляется къ Гумбольдту, подѣ котораго я стоялъ. Громкимъ голосомъ и сильно жестикулируя руками, обратился онъ къ великому путешественнику съ рѣчью на своемъ тюрескомъ жаргонѣ, которую, конечно, никто изъ насъ не понималъ. Когда Гумбольдтъ спросилъ у меня самымъ учтивымъ образомъ: „Que désire se monsieur?“—Я позвалъ переводчика и мы узнали слѣдующее. У башкира сосѣдніе киргизы увели въ прошлую ночь лошадей, но такъ какъ онъ слышалъ, что явится человекъ, *который все знаетъ*, то онъ и обращается къ нему теперь, съ настоятельной просьбой сказать ему, кто были похитители, и какъ и гдѣ отыскать ему своихъ лошадей. Къ несчастному просителю подбѣжали полицейскіе, съ намѣреніемъ привести его въ безвредное состояніе, но Гумбольдтъ, который отъ души хохоталъ надъ этимъ приключеніемъ, убѣдительно просилъ пощадить наивнаго сына степи.*) По разсказамъ біографовъ Гумбольдта, онъ пытался облегчить участь одного ссыльнаго, польскаго уроженца, Виткевича, который поразилъ его обширностью своихъ познаній, приобретенныхъ имъ на мѣстѣ ссылки. Говорятъ, что онъ лично ходатайствовалъ о немъ предъ императоромъ

*) Alex. von Humboldt von Karl Bruhns. I т. стр. 442—444.

Николаемъ и успѣлъ улучшить во многихъ отношеніяхъ его положеніе.

Въ Міассѣ Гумбольдтъ всего долѣе остановился, занявшись осмотромъ золотыхъ рудниковъ. Въ письмѣ оттуда онъ писалъ между прочимъ Канкрину: „Вчера, на азійскомъ склонѣ Урала мнѣ исполнилось 60 лѣтъ; важнѣйшая половина жизни прожита, я достигъ того поворотнаго пункта, когда съ раскаяніемъ раздумываешь о томъ, сколько можно было-бы потрудиться на пользу науки, прежде чѣмъ старость лишитъ необходимыхъ къ тому силъ. 30 лѣтъ тому назадъ я былъ въ лѣсахъ Ориноко и на Кордильерахъ. Вамъ обязанъ я, что этотъ годъ, втеченіи котораго я имѣлъ возможность собрать на обширномъ пространствѣ огромную массу свѣденій, сдѣлался важнѣйшимъ въ моей безноконной жизни.“ Въ томъ-же письмѣ Гумбольдтъ сдѣлалъ надѣлавшее въ свое время столько шума предсказаніе: „Ураль—истинное Дорадо, и я твердо увѣренъ въ томъ (основываясь на аналогіи съ Бразиліей, я уже два года составилъ себѣ это убѣжденіе), что еще въ ваше министерство будутъ открыты алмазы въ золотыхъ и платиновыхъ розсыпяхъ. Прощаясь съ императрицей, я выразилъ ей эту увѣренность, и если ни мнѣ, ни моимъ друзьямъ не удастся самимъ совершить это открытіе, то во всякомъ случаѣ наше путешествіе заставитъ другихъ добиваться искомаго.“ Дѣйствительно, предсказаніе это сбылось, спустя нѣсколько дней послѣ того, какъ оно было высказано. Въ Крестовоздвиженскомъ округѣ найдено было около ста алмазовъ, изъ которыхъ многіе хранятся въ настоящее время въ музеѣ горнаго института. Но замѣчательно, что впослѣдствіи, послѣ Гумбольдта, не нашли уже ни одного алмаза, несмотря на самыя тщательныя розыски, такъ что до сихъ поръ происхожденіе гумбольдтовскихъ алмазовъ весьма сомнительно. Злые языки высказываютъ предположеніе, что эти алмазы были перенесены изъ Бразиліи услужливой рукой доброжелателей Гумбольдта—предположеніе, конечно, странное, но, во всякомъ случаѣ, не менѣе вѣроятное, чѣмъ положительное утвержденіе, что эти алмазы найдены на Уралѣ, особенно, если принять во вниманіе, что съ того времени, какъ они были найдены, прошло 40 слишкомъ лѣтъ и втеченіи ихъ никому не удалось подтвердить предсказаніе Гумбольдта.

На возвратномъ пути Гумбольдта въ Петербургъ повторились тѣ же сцены утомительныхъ привѣтствій, поздравленій, празднествъ, и т. д., но только на этотъ разъ восторги россиянь были, видимо, еще болѣе неумѣренны. Съ этой стороны отличалась, главнымъ образомъ, Москва, которая, по всей вѣроятности, на долго осталась въ памяти Гумбольдта. Возвратившись въ Петербургъ, Гумбольдтъ съ немалымъ трудомъ искалъ возможности подѣлиться результатами своихъ наблюденій на Уралѣ, но и тамъ никто не намѣренъ былъ оказывать ему вниманіе съ этой стороны. Торжественныя обѣды, ученые засѣданія, съ длинными безсодержательными рѣчами, отнимали у него все свободное время. „Это стыдъ, мой безцѣнный другъ“, писалъ онъ своему брату, „что возвратившись сюда 8 дней тому назадъ, я только сегодня обрѣлъ спокойствіе и досугъ, чтобы оставить тебѣ ничтожное доказательство дружбы и своего существованія... Мы здоровы превосходно; еще во время нашего пребыванія въ Москвѣ императоръ прислалъ съ тою любезностью, которая его отличаетъ, два ордена св. Анны 2-й степени Эренбергу и Розе. Орденъ-же св. Анны 1-й степени, украшенный императорскою короной, присланъ былъ мнѣ въ день моего прибытія сюда вмѣстѣ съ весьма лестнымъ для меня письмомъ *). Его Величество выражаетъ свое сожалѣніе, что болѣзнь все еще мѣшаетъ ему „лично воспользоваться моею славой.“ Я надѣюсь, что Его Величество выздоровѣетъ предъ моимъ отъѣздомъ, который отложенъ до 1 декабря. Я видѣлся уже съ императрицей, которая оказала мнѣ весьма любезный пріемъ.“

Предполагаемый отъѣздъ Гумбольдта изъ Петербурга, однако, не состоялся, какъ это видно изъ письма его отъ 9 декабря къ брату: „Я не могу, любезный другъ, написать тебѣ болѣе двухъ

*) Вотъ указъ высочайшей грамоты, данной на имя Гумбольдта: «Божіей милостію, мы Николай Первый, императоръ и самодержецъ всея Россіи, и пр. и пр. Прусскому королевскому дѣйствительному тайному совѣтнику Александрѣ фонъ Гумбольдту. Во вниманіе къ великимъ заслугамъ вашимъ, признаннымъ всѣмъ ученымъ міромъ, на поприщѣ естествознанія, и тѣхъ трудовъ, которые вы понесли по нашему особенному желанію при осмотрѣ естественныхъ богатствъ Урала и Алтая, мы всемілостивѣйше жалуетъ васъ кавалеромъ ордена нашего святаго Анны 1-й степени, коего знаки, императорскою короною украшенные, при семъ препровождаемъ, дабы вы носили ихъ по установленію, оставаясь къ намъ благосклонны.» Собственноручная подпись Николая.

строкъ. Надѣюсь уѣхать отсюда около 12-14 числа, хотя я долженъ ждать еще второй аудіенціи у императора, который уже почтилъ меня въ воскресенье двухъ-часовымъ свиданіемъ, которое тѣмъ болѣе для меня лестно, что никто изъ министровъ еще не видѣлъ императора. Его здоровье, однако, быстро поправляется. Онъ осыпалъ меня знаками живѣйшаго вниманія. „Ваша поѣздка по Россіи принесла огромную пользу моей странѣ; вы распространили жизнь повсюду, гдѣ вы были. „Я получилъ въ подарокъ соболью шубу въ 5000 р. асс. и вазу самую красивую во дворцѣ, которую оцѣниваютъ въ 35,000 или 40,000 р. асс.“

Перечитывая его письма къ графу Канкрину, къ которому онъ питалъ, повидимому, искреннее расположеніе, мы и въ нихъ замѣтимъ льстивый и вкрадчивый до приторности тонъ, если только дѣло шло объ интересахъ Гумбольдта, которымъ графъ Канкринъ могъ-бы оказать свое содѣйствіе. Но этотъ тонъ измѣнился, лишь только Гумбольдтъ, совершивъ свое путешествіе, перебрался на родину. Въ своемъ стремленіи поддѣлываться подъ чужія симпатіи въ ущербъ своимъ убѣжденіямъ, Гумбольдтъ заходилъ такъ далеко, что заявлялъ, напр., о своей радости, при извѣстіяхъ о всякой побѣдѣ, одержанной русскими войсками на востокѣ, между тѣмъ какъ въ послѣдствіи онъ не только былъ къ нимъ равнодушенъ, но иногда и подсмѣивался надъ воинственностью русскихъ въ письмахъ къ своимъ друзьямъ. Когда Канкринъ сообщилъ ему о взятіи Эрзерума, замѣтивъ, что это пріятное извѣстіе сильно занимаетъ русскую публику, „ибо, вообще, говоритъ Канкринъ,—разрушеніе производитъ на человѣка болѣе сильное впечатлѣніе: мы знаемъ, кто разрушилъ дельфійскій храмъ, но кто построилъ его, этого, если не ошибаюсь, никто не знаетъ“. Въ отвѣтъ на это Гумбольдтъ проситъ Канкринина „не сомнѣваться въ его искренней радости по поводу побѣдъ, одержанныхъ на Балканѣ и въ Эрзерумѣ“, какъ-бы подозрѣвая, что графъ можетъ не повѣрить искренности его словъ. Въ другомъ письмѣ онъ, какъ говорится, не моргнувъ глазомъ, пишетъ: „Со вчерашняго дня я хожу какъ опьяненный радостной вѣстью о взятіи Адрианополя. Это—великое историческое событіе, которое прославить на всѣ времена ваше правительство и вскорѣ приведетъ къ славному миру“. Но вслѣдъ затѣмъ въ томъ-же письмѣ излагается почтительнѣйшая

просьба удлинить путешествіе поѣздкой къ Каспійскому морю, на которую, конечно, требовались особые расходы. „Я не могу вдоволь насладиться зрѣлищемъ вашей имперіи, не могу умереть, не видѣвъ Каспійскаго моря“. Передъ самымъ отъѣздомъ въ Берлинъ Гумбольдту какъ-то удалось изложить въ торжественномъ засѣданіи академіи наукъ свои ученые изысканія, но при этомъ онъ заключилъ свой отчетъ блестящимъ, но льстивымъ панегирикомъ русскому правительству, пропитаннымъ, однако, желаніемъ заставить читать между строемъ и понимать его слова въ иномъ смыслѣ, чѣмъ какой онъ придаетъ имъ. Въ заключеніе этого отчета онъ начинаетъ восторженно превозносить славу русскаго оружія, отличившагося въ турецкую войну, но замѣчаетъ, однако, въ весьма прозрачныхъ выраженіяхъ, что миръ и спокойствіе способны доставить странѣ еще большую славу. „Могущественный монархъ, говоритъ онъ въ этой рѣчи,—которому угодно было пригласить меня въ эту страну и содѣйствовать успѣху моихъ трудовъ, представляется въ моемъ воображеніи геніемъ-миротворцемъ. Оживляя своимъ примѣромъ все истинное, великое и благородное, онъ съ начала своего царствованія заботился о развитіи наукъ, которыя питаютъ и укрѣпляютъ разумъ, и покровительствовали литературѣ и искусствамъ, украшающимъ жизнь народовъ“... Человѣкъ изъ русскихъ, къ которому Гумбольдтъ всегда питалъ искреннюю дружбу, былъ графъ Канкринъ. Съ нимъ онъ весьма охотно переписывался, дѣлился своими политическими соображеніями, симпатіями и антипатіями, осуждалъ, къ удовольствію Канкринна, дѣйствія англійскаго кабинета, и въ особенности воинственную политику лорда Пальмерстона, „этого, какъ онъ его называлъ, совершенно непрактическаго доктринера“. И графъ Канкринъ, съ своей стороны, охотно пускался въ разсужденія о политикѣ и даже соціальныхъ отношеніяхъ западно-европейскихъ обществъ, но, разумѣется, въ старчески-ворчливомъ тонѣ безсильныхъ жалобъ на „худыя времена“ и „ничтожество человѣческихъ дѣлъ“, причѣмъ Гумбольдтъ, однако, нерѣдко „почтительнѣйше“ оппозировалъ знаменитому русскому министру, вызывая въ немъ худоскрытую досаду на либерализмъ своего ученаго друга. Нѣкоторыхъ вопросовъ Гумбольдтъ умышленно не касался въ перепискѣ съ Канкринимъ, не желая раздражать его,

такъ какъ однажды онъ имѣлъ случай затронуть предметъ, который, очевидно, произвелъ на Канкринна непріятное впечатлѣніе. Дѣло шло о полякахъ и ихъ политическомъ положеніи, по поводу котораго Гумбольдтъ сдѣлалъ нѣсколько весьма наивныхъ замѣчаній... Въ маѣ 1830 года императоръ Николай отправился въ Варшаву, чтобы лично открыть послѣднюю роковую сессію польскаго сейма, и когда наслѣдникъ прусскій принцъ пожелалъ почтить императора Николая личнымъ привѣтствіемъ, то прусскій король, во вниманіе къ русскому императору, пригласилъ именно Гумбольдта сопровождать принца въ Варшаву. Замѣтивъ глухое броженіе въ польскомъ населеніи, принявшее вскорѣ характеръ открытаго возстанія, Гумбольдтъ не могъ умолчать объ этомъ предъ графомъ Канкринимъ, къ которому, однакожь, онъ сохранилъ при всѣхъ обстоятельствахъ его жизни уваженіе и дружбу, хотя часто выражалъ искреннія сожалѣнія о вредныхъ послѣдствіяхъ „системы сбереженія, проводимой съ такимъ педантизмомъ этимъ умышленнымъ государственнымъ человѣкомъ“.

Путешествіе Гумбольдта по внутренней Азіи принесло огромную пользу не только Россіи, гдѣ онъ привлекъ вниманіе правительства къ довольно важнымъ вопросамъ государственной экономіи, къ состоянію горной промышленности, къ монетному дѣлу и положенію рабочихъ на горнозаводскихъ промыслахъ, но и вообще наукѣ. Если мы упоминаемъ о послѣднемъ обстоятельстве, то это потому, что со стороны научной Россія явилась Гумбольдту въ болѣе привлекательномъ свѣтѣ, чѣмъ со стороны общественныхъ и житейскихъ отношеній. Изъ столкновеній съ русскимъ населеніемъ онъ вынесъ, безъ сомнѣнія, нелестныя понятія о высотѣ нашей цивилизаціи и едва-ли узналъ что-нибудь о русскихъ, кромѣ пресловутаго гостепріимства, оказавшагося столь неудобнымъ для его ультра-европейскаго желудка; мертвая природа нашихъ необозримыхъ пространствъ явилась на выручку и, понятно, что Гумбольдтъ со всею готовностью бросился отъ живыхъ русскихъ людей въ объятія безгласной природы, которая умѣла, однако, говорить съ нимъ болѣе разумнымъ и человѣческимъ языкомъ, и среди которой онъ чувствовалъ себя легче. Безъ сомнѣнія, азіатское путешествіе уступаетъ по обширности цѣлей и обилію научныхъ результатовъ его болѣе раннему путешествію въ

Америку, но тѣмъ не менѣе Гумбольдтъ и на этотъ разъ обогатилъ науку новыми фактами и наблюденіями, особенно въ области метеорологіи, астрономіи и теоріи земного магнетизма *). Онъ подробно описалъ климатическія условія внутренней Азіи, изслѣдовалъ географическое распространеніе ея флоры и фауны и коснулся даже антропологіи (на сколько, разумѣется, можно было говорить намъ о ней въ то время, когда она еще не зарождалась) и древней исторіи азіятскаго населенія.

Собравъ на огромномъ пространствѣ азіятской Россіи массу новыхъ идей и наблюденій, Гумбольдтъ, по возвращеніи своемъ на родину, долго и усидчиво трудился надъ ихъ обработкой. Какъ запятъ онъ былъ своимъ трудомъ, можно видѣть изъ письма Цельтера къ Гете, гдѣ онъ, между прочимъ, пишетъ: „Александръ Гумбольдтъ возвратился въ Берлинъ, и лишь немногіе видятся съ нимъ. Онъ наполненъ, какъ кипящій горшокъ. Изъ третьихъ и четвертыхъ устъ слышишь удивительныя вещи, о которыхъ я желалъ бы лучше узнать отъ него самого. Иногда не такъ легко понимается рѣчь человѣка, говорящаго съ одушевленіемъ“. Но на этотъ разъ Гумбольдта интересовали также и люди, въ сожалѣнію, только дикіе, на которыхъ онъ обратилъ большее вниманіе, чѣмъ на московскихъ представителей русской цивилизаціи. „Мое путешествіе, пишетъ онъ Гизо,—которое я завершилъ Алтаемъ, границами китайской Монголіи и берегами Каспійскаго моря, путешествіе на пространствѣ 4,500 лье, оставило во мнѣ неизгладимыя воспоминанія. Народъ, въ особенности эта огромная масса номадовъ, возбуждаетъ большій интересъ, чѣмъ величественныя рѣки и снѣжныя вершины. Глядя на нихъ, мысленно переносишься въ прошедшее, въ эпоху великаго переселенія народовъ. 30,000 киргизовъ, которые перекочевываютъ еще въ эту минуту,

*) Что касается географическихъ и отчасти геологическихъ изысканій Гумбольдта, произведенныхъ имъ во время путешествія по Уралу, то они наименѣе цѣнятся и потому 1-й томъ его книги „Asie Centrale“, въ которомъ изложены эти изысканія, совершенно почти не читается, кромѣ, конечно, біографовъ. Этотъ томъ исполненъ, кромѣ того, серьезныхъ ошибокъ, особенно тамъ, гдѣ Гумбольдтъ говоритъ объ устройствѣ поверхностей внутренней Азіи и ея горной системѣ, на которую онъ смотрѣлъ сквозь призму ложныхъ воззрѣній французскаго геолога Эли де-Бюфона, книгъ совершенно опровергнутыхъ.

когда я пишу вамъ, мой любезный другъ, на своихъ телѣгахъ, показываютъ, что происходило въ былыя времена. Мы знаемъ все это изъ исторіи, но у меня есть страсть все видѣть своими глазами“. Вообще киргизы и ихъ кочевой бытъ живо интересовали Гумбольдта, и не разъ въ устной бесѣдѣ съ друзьями о своей поѣздкѣ по азіатской Россіи вспоминалъ онъ о нихъ. Чрезвычайно любопытно съ этой стороны его свиданіе съ американскимъ путешественникомъ Байардомъ Тайлоромъ, который передалъ содержаніе своего разговора въ американской газетѣ „New-York Tribune“ въ довольно живомъ и увлекательномъ изложеніи *).

*) И такъ какъ этотъ источникъ вообще рѣдкій, и самое изложеніе Тайлора, прибывшаго нарочно въ Берлинъ изъ Америки, чтобы посѣтить Гумбольдта, во многихъ отношеніяхъ замѣчательно, показывалъ, до какой степени современники Гумбольдта благоговѣли предъ его гениемъ,—мы приведемъ цѣлкомъ описаніе Тайлора, какъ оно было напечатано въ «New-York Tribune» отъ 25 ноября 1856 года. «Я прибылъ въ Берлинъ не для того, чтобы осмотрѣть его музеи и галереи, прекрасную Lindensstrasse, оперу и театръ, не для того, чтобы любоваться движеніемъ, которое господствуетъ на улицахъ, и шумною жизнью салоновъ,—я прибылъ затѣмъ, чтобы видѣть величайшаго изъ живущихъ нынѣ людей въ мірѣ, Александра фон-Гумбольдта. Такъ какъ въ настоящее время, вслѣдствіе его старческаго возраста и всемірной славы, на него смотрятъ, какъ на коронованнаго монарха, властвующаго надъ обширною областью знанія то его друзья нашли необходимымъ предохранить его отъ утомительныхъ поклоненій толпы его подданныхъ и, для его-же блага, затруднить къ нему доступъ. Другъ и довѣренное лицо короля, онъ, подобно ему, имѣетъ свой собственный дворъ съ привилегіей, однако, нарушать, когда ему вздумается, формальности, принятыя имъ лишь въ видахъ необходимаго самоохраненія. Нѣкоторыя изъ моихъ сочиненій, какъ я слышалъ, нашли къ нему доступъ. Я намѣревался совершить путешествіе, которое, вѣроятно, завлекло-бы меня въ тѣ страны, которыхъ касалась его нога и которыя были описаны его гениемъ, и слѣдовательно меня влекло къ нему не простое, хотя и естественное любопытство. Слѣдуя совѣту нѣкоторыхъ моихъ германскихъ друзей, я не обращался къ посредничеству постороннихъ лицъ, но прямо написалъ къ нему письмо, назвавъ себя по имени и указавъ цѣль и сущность моей просьбы. Спустя три дня я получилъ по городской почтѣ отвѣтъ, написанный его собственной рукой, гдѣ онъ говорить, что, несмотря на то, что онъ боленъ, простудившись во время поѣздки изъ Потсдама въ столицу, онъ охотно приметъ меня сегодня въ 1 часъ. Я былъ аккуратенъ и, въ назначенное мнѣ время, стоялъ уже возлѣ его дома. Мнѣ отворилъ двери его слуга Зейфертъ. «Вы г. Тайлоръ? спросилъ онъ меня и, получивъ утвердительный отвѣтъ, прибавилъ: «Его свѣтлость готовъ васъ принять»... Зейфертъ вошелъ во внутреннюю комнату, назвалъ меня по имени, и тотчасъ вышелъ Гумбольдтъ. Онъ шелъ ко мнѣ на встрѣчу съ такимъ дружескимъ видомъ и сердечной искренностью, что я тотчасъ почувствовалъ близость друга,—протянулъ мнѣ свою руку и спросилъ, будемъ-ли мы говорить по-

„По словамъ Гумбольдта, пишетъ Тайлоръ, — Киргизская степь вообще чрезвычайно однообразна; пройдя какихъ-нибудь 50 миль, вамъ кажется, что вы прошли тысячу; но народъ представляетъ много интереснаго... Киргизы, по мнѣнію его, принадлежать къ

англійски или по-нѣмецки. «Ваше письмо изобличаетъ природнаго нѣмца», сказалъ онъ, — и вы, вѣроятно, свободно говорите на этомъ языкѣ; но я привыкъ и къ англійскому... Когда я взглянулъ на величавую фигуру этого старика, мнѣ пришла на память слова Теннисона о Вашингтонѣ: „Oh goodgrayhead, which ell meen elow“. Съ перваго раза выраженіе фizioноміи Гумбольдта производило впечатлѣніе возвышенной и искренней человѣчности. Его массивный лобъ, эта обширная кладовая знаній за цѣлое столѣтіе, выдается впередъ и осянута обширнымъ сводомъ его грудь, но подъ нимъ вы замѣтите пару ясныхъ, голубыхъ глазъ, въ которыхъ свѣтится спокойствіе и живость ребенка. Въ этихъ глазахъ горитъ та любовь къ истинѣ, та неувыдаемая свѣжесть чувства, благодаря которымъ для его головы такъ легки снѣжные сугробы 78 зимъ. Съ перваго взгляда вы проникаетесь къ нему довѣріемъ и чувствуете, что онъ отплотитъ вамъ такимъ-же довѣріемъ, если только вы стоите его. Я приблизился къ нему съ естественнымъ чувствомъ благоговѣнія, но, по прошествіи 5 минутъ, я чувствовалъ, что я его люблю, и говорилъ съ нимъ такъ-же непринужденно, какъ съ пріятелемъ однихъ со мною лѣтъ. Его носъ, ротъ и подбородокъ носили отпечатокъ чистой тевтонской расы. Меня поражило страдальческое выраженіе его лица. Я слышала, что въ послѣдніе годы жизни онъ часто хворалъ, и мнѣ говорили, что старость уже давала ему чувствовать себя; однако, ему было не болѣе 75 лѣтъ. Лицо его слегка прорыто мелкими морщинами, кожа на немъ была мягкая и нѣжная, что рѣдкость у пожилыхъ особъ. Волоса, бѣлые какъ свѣтъ, были еще обильны, походка его медленная, но увѣренная, и самъ онъ находился въ постоянномъ движеніи. Онъ спитъ только 4 часа изъ 24, читаетъ и пишетъ ежедневно письма. Самое ничтожное событіе въ какой-бы то ни было части свѣта не ускользаетъ отъ его вниманія. Я не замѣтилъ, чтобы его память, которая изъ всѣхъ умственныхъ способностей обыкновенно слабѣетъ, — какимъ-нибудь образомъ пострадала. Онъ говоритъ скоро, съ величайшей легкостью, не запинаясь ни на нѣмецкихъ, ни на англійскихъ словахъ, и, казалось, онъ не замѣчалъ, что втеченіи нашего разговора онъ пять или шесть разъ мѣнялъ языкъ. Онъ не сидѣлъ на стулѣ болѣе десяти минутъ, но часто вставалъ и ходилъ по комнатѣ, указывая по временамъ на картину или раскрывая книгу, чтобы пояснить свои замѣчанія... Разговоръ нашъ объ алтайскихъ горахъ навелъ его на воспоминанія объ Андахъ. «Вы путешествовали по Мексикѣ» сказалъ онъ, „не согласитесь-ли вы со мной, что самыя красивыя горы въ мірѣ суть тѣ отдѣльныя могущественныя вершины, которыя, будучи покрыты вѣковымъ снѣгомъ, возвышаются среди великолѣпной растительности тропиковъ? Гималайскія горы хотя и выше, но едва-ли производятъ такое впечатлѣніе; онѣ лежатъ на сѣверѣ, внѣ тропической растительности, и ихъ склоны сравнительно безплодный и сухой. Вы помните Ориабу, продолжалъ онъ; — вотъ неоконченный рисунокъ ея, мною исполненный». И онъ показалъ мнѣ неострированную тетрадь, приложенную къ его «Kleineschriften», перевертывая листы и, при каждой картинѣ, передавалъ то или другое воспоминаніе изъ своего путешествія по Америкѣ. „Я все-таки убѣжденъ“, замѣтилъ онъ, смотря въ кни-

тѣмъ немногимъ человѣческимъ расамъ, обычай которыхъ втеченіи тысячелѣтій не измѣнились. Они обладали также замѣчательной способностью соединять монашескую жизнь съ кочевой. Они принадлежали частью къ буддистамъ, частью къ мусульманамъ;

гу, «что Чимборассо величественѣйшая гора въ мірѣ.» Между предметами въ его рабочемъ кабинетѣ особенное вниманіе привлекалъ живой хамелеонъ, сидѣвшій въ вазѣ, покрытой стеклянной крышкой. Животное, около 5 дюймовъ длиною, лѣниво лежало на пескѣ, а на спинѣ у него сидѣла большая муха, предназначенная ему для обѣда. «Мнѣ прислали его прямо изъ Смирны, сказалъ Гумбольдтъ,—это весьма беззаботное и скромное существо». Въ ту-же минуту хамелеонъ открылъ одинъ изъ своихъ круглыхъ глазъ и посмотрѣлъ на насъ. «Особенность этого животнаго, продолжалъ онъ,—состоитъ въ способности его смотрѣть въ одно и то-же время въ разныя стороны. Онъ можетъ смотрѣть однимъ глазомъ на небо, тогда какъ другой опускать къ землѣ. Есть много служителей церкви, которые обладаютъ подобною-же способностью.» Показавъ мнѣ акварели Гильдебрандта, онъ сѣлъ на прежнее мѣсто и сталъ говорить о политическихъ дѣлахъ Америки. Онъ съ большимъ уваженіемъ относился къ полковнику Фремонту, о шоражени котораго на выборахъ онъ глубоко сожалѣлъ. «Однако это все-таки утѣшительный фактъ, сказалъ онъ,—хорошее предзнаменованіе для вашей страны, что болѣе пол-милліона голосовъ поддерживали человѣка такого характера и качествъ, какъ Фремонъ». О Буханвилѣ онъ замѣтилъ: «Я имѣлъ недавно случай говорить въ письмѣ, которое было обнародовано, о его Остэндскомъ манифестѣ, и я не могъ назвать его болѣе мягкимъ словомъ, какъ выраженіемъ варварской грубости». Онъ говорилъ также о нашихъ писателяхъ и въ особеннсти интересовался Вашингтономъ-Ирвингомъ, котораго онъ однажды видѣлъ. Я замѣтилъ, что я знаю господина Ирвинга и видѣлся съ нимъ незадолго предъ его отъездомъ въ Нью-Йоркъ. «Теперь ему, по крайней мѣрѣ, 50 лѣтъ», сказалъ Гумбольдтъ. — «Нѣтъ, 60, замѣтилъ я,—но онъ юнъ, какъ всегда». «А! возразилъ Гумбольдтъ, я такъ долго жилъ на свѣтѣ, что, наконецъ, утратилъ масштабъ времени. Я однихъ лѣтъ съ Джефферсономъ и Гамильтономъ. Я слышалъ о смерти Вашингтона во время своего путешествія по южной Америкѣ.» Я передалъ лишь ничтожнѣйшую часть изъ нашего разговора, который ялся свободнымъ, непрерывнымъ потокомъ. Когда я припоминаю все, что я слышалъ, меня изумляетъ обширная масса предметовъ, которыхъ онъ касался, сколько высказалъ онъ о каждомъ или, казалось, что высказалъ, такъ какъ онъ обладалъ рѣдкимъ даромъ объяснять иногда дѣло двумя мѣткими словами. Я могъ-бы сравнить его умъ съ источникомъ Веклудскимъ: спокойное, но глубокое озеро, никогда неволнующееся, но изъ глубины котораго рождается рѣка. Онъ задавалъ мнѣ множество вопросовъ, но не всегда ждалъ отвѣта, такъ какъ самый вопросъ паводилъ его на воспоминанія, которыя ему приятно было высказать. Я сидѣлъ или ходилъ, съ любопытствомъ слѣдя за его движеніями и разговаривая попеременно на нѣмецкомъ и англійскомъ языкахъ, пока не прошло, наконецъ, время, назначенное для моего приѣма. Въ комнату явился Зейфертъ (его слуга) и проговорилъ тономъ столь-же почтительнымъ, какъ и доврчивымъ: «Пора». Я сталъ прощаться. «Вы много путешествовали и видѣли много руинъ, сказалъ Гумбольдтъ, протягивая мнѣ руку, — теперь вы видѣли одну больше». «Не руину, а пирамиду», было моимъ невольнымъ

ихъ монашескія секты сопровождаютъ различныя племена въ ихъ перекочевѣхъ, совершая свои религіозные обряды въ палаткахъ среди особаго священнаго мѣста, обведеннаго кругомъ. Онъ наблюдалъ ихъ церемоніи и былъ пораженъ сходствомъ ихъ съ обрядами католической церкви (!). Въ азіятской Россіи Гумбольдтъ собралъ также множество данныхъ для его антропологическихъ воззрѣній, подробно изложенныхъ въ его предшествовавшемъ сочиненіи: „Vues des Cordilières“, но дополненныхъ и измѣненныхъ въ „Космосъ“. Его ученіе о человѣческихъ расахъ, благодаря сравнительнымъ наблюденіямъ надъ племенами Америки и внутренней Азіи, окрѣпло въ научную теорію, которая и до сихъ поръ еще во многомъ справедлива. Съ замѣчательной прозорливостію высказалъ онъ свою мысль о переходахъ одной расы въ другую, какъ американской въ монгольскую. Онъ высказалъ также, конечно, въ видѣ счастливой догадки, и мысль о зиждущемъ вліяніи среди и ей приписывалъ произведеніе разновидностей. Отсюда не далеко, разумѣется, было до мнѣнія о внутреннихъ, прирожденныхъ качествахъ расъ, о ихъ даровитости или бездарности. Къ чести Гумбольдта нужно замѣтить, что онъ не поддавался нелѣпымъ воззрѣніямъ еще въ его время сложившейся школы, которая, основываясь на одностороннихъ краниологическихъ измѣненіяхъ Кампера, Blumenбаха, Тришара, отстаивала съ дикимъ фанатизмомъ ту расовую табель о рангахъ, племенную генеалогію, въ силу которой

отвѣтомъ. Я пожалъ руку, которой касалась рука Фридриха Великаго, Ферстера, спутника Кука, Клопштона и Шиллера, Пятта, Наполеона, Жозефини, маршаловъ французской имперіи, Джефферсона, Гамильтона, Виланда, Гердера, Гёте, Кювье, Лапласа, Гей-Люссака, Бетховена, Вальтеръ-Скотта, короче, всѣхъ великихъ людей, которыхъ произвела Европа втеченіи трехъ четвертей столѣтія. Я взглянулъ въ эти глаза, мимо которыхъ прошла величественная эпопея новѣйшей всемірной исторіи, событіе за событіемъ, пона, наконецъ, дѣйствующія лица не сошли навсегда со сцены,—въ эти глаза, которые любовались водопадомъ Атурскимъ и лѣсами Кассинваро, Чимборассо, рѣкою Амазонской и Ороноко, Алтайскими горами Сибири, татарской степью и Каспійскимъ моремъ. Такое необъятное богатство опытомъ — достойная награда для жизни, исполненной столь самоотверженной и благородной преданности наукъ. Я никогда не видѣлъ столь возвышеннаго примѣра почтенной старости, увѣчанной блестящими побѣдами, исполненной сокровищами знанія, оживленной и согрѣтой драгоцѣннѣйшими дарами сердца. Руина, ужели? нѣтъ, человѣчскій храмъ, совершенный, какъ Парфенонъ...

одна нація предназначалась для естественнаго господства надъ другой. Разъ допустивъ вліяніе *среды* и окружающей природы на народъ, Гумбольдтъ логически долженъ былъ признать и за человѣческой цивилизаціей способность органически видоизмѣнять народъ и расу. Поэтому-то онъ прямо объявляетъ: „нѣтъ расъ низшихъ и высшихъ, есть только расы болѣе развитыя, болѣе облагороженныя культурой“. И это научное убѣжденіе онъ всѣми силами старался проводить въ жизнь, пользуясь своимъ необыкновенно-вліятельнымъ положеніемъ въ высшихъ правительственныхъ сферахъ и при дворѣ прусскаго короля. Онъ открыто возсталъ противъ рабства евреевъ, но не ради какого-либо особаго пристрастія къ этой несчастной націи и ея мнимой специфической даровитости, которую Гумбольдтъ отвергалъ въ принципѣ. Ему не удалось, правда, совершенно побѣдить закоренѣлую антипатію къ евреямъ со стороны нѣмцевъ и ихъ короля, который считался для своего времени большимъ либераломъ и дѣйствительно стоялъ по своему умственному развитію далеко выше многихъ своихъ прославленныхъ соотечественниковъ. Но онъ все-таки первый возбудилъ такъ-называемый „еврейскій вопросъ въ Германіи“ и упорно настаивалъ на его разрѣшеніи въ пользу евреевъ, какъ сперва онъ ратовалъ за уничтоженіе невольничества въ Америкѣ, добившись закона, въ силу котораго негръ, который вступалъ на прусскую землю, становился свободнымъ. Этотъ законъ, конечно, былъ нѣсколько наивенъ, такъ-какъ Гумбольдтъ не замѣчалъ, что негръ, перебравшійся изъ рабовладѣльческихъ плантацій Америки на прусскую территорію того времени, попадалъ въ сущности „изъ кулка въ рогожку“. Онъ не замѣчалъ, что тѣ негры, о которыхъ такъ болѣла его душа, были подлѣ него, что это были его соотечественники, съ которыми онъ самъ дышалъ и жилъ жизнью рабовъ. На этихъ негровъ Гумбольдтъ, къ сожалѣнію, всегда обращалъ слишкомъ мало вниманія, и съ этой стороны вполнѣ справедливы упреки, которыми осыпаютъ Гумбольдта въ наше время. Нужно однако замѣтить, что до конца своей жизни онъ безбоязненно осуждалъ дѣйствія прусскаго правительства и не разъ говорилъ въ глаза королю горькія истины, возстановивъ этимъ противъ себя весь кружокъ придворныхъ аристократовъ, которые „яростно ненавидѣли его“, какъ онъ самъ говоритъ въ письмѣ къ Бунзену.

Впрочемъ, это вліяніе Гумбольдта на короля не могло быть прочно по самой натурѣ послѣдняго, непостоянной, прихотливой и капризной, на которую Гумбольдтъ съ глубокой грустью жаловался словами поэта:

Denn der Mensch, der zur schwankenden Zeit auch schwankend gesinnt ist,
Der vermehrt das Uebel und breitet es weiter und weiter *).

Окончивъ свое путешествіе по Россіи и внутренней Азіи, Гумбольдтъ возвратился на родину, въ ненавистный ему Берлинъ — „эту умственную пустыню, украшенную кустами акацій и цвѣтущими картофельными полями“. Съ этой поры прекращаются всякія сношенія знаменитаго естествоиспытателя съ нашей страной, и только изрѣдка вспоминалъ о ней Гумбольдтъ въ разговорѣ съ друзьями, по поводу того или другого научнаго вопроса. Какое мнѣніе вынесъ Гумбольдтъ о тогдашнемъ состояніи нашего общества—едва-ли стоитъ пояснять; какое мнѣніе мы составили о Гумбольдтѣ въ эпоху его пребыванія у насъ—еще менѣе любопытно, такъ-какъ въ то время у насъ не было никакого мнѣнія о Гумбольдтѣ.

Гумбольдтъ возвратился изъ Азіи на родину уже въ старческіе годы. Его прежняя, юношеская страсть къ путешествіямъ была удовлетворена и увѣнчана обильной умственной жатвой. Теперь ему оставалось лишь подвести итогъ всѣмъ своимъ наблюденіямъ и изысканіямъ, привести къ гармоническому единству всю разрозненную массу отдѣльныхъ возрѣвій и идей, которыя сами по себѣ, какъ матеріалъ для спеціальныхъ монографій и сочиненій, далеко не могли имѣть такого значенія даже въ чисто-научномъ отношеніи, какое получили они въ цѣломъ. Предварительная обработка сырого матеріала окончена и творческій геній вступилъ въ свои права. Въ послѣдніе годы труженнической жизни Гумбольдта его мысль, обогащенная необъятнымъ запасомъ фактовъ, уже работала въ синтетическомъ направленіи въ уединенной тиши ученаго кабинета, и здѣсь-то сказывается вся мощь этого геніальнаго ума, возвысившагося до созданія великаго „Космоса“.

В. Онгирскій.

*) Ибо человекъ, который въ колеблющееся время также колеблется въ своихъ мнѣніяхъ, только увеличиваетъ зло и распространяетъ его дальше и дальше. («Германъ и Доротея» Gëte).

СОВРЕМЕННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ЭТЮДЫ.

СПАСЕННЫЕ И СПАСАЮЩИЕСЯ.

1. *Солідныя добродѣтели*. ром. въ 4-хъ книгахъ. П. Д. Боборыкина. Изд. В. П. Печаткина. 1871.
2. *Повѣсти и рассказы*. П. Д. Боборыкина. С.-Петербургъ. 1872.

I.

Бобъ, не гордись передъ горохоми!

Давнымъ-давно, еще при царѣ Горохъ, кто-то сказалъ, что „литература есть зеркало жизни“. Такъ-же давно, и при томъ-же царѣ, другой кто-то прибавилъ, что „произведеніе автора — есть зеркало его души“. Соединяя эти два афоризма старческой мудрости, мы получаемъ третій—столь-же очевидный и спору неподлежащій, а именно: „что каждое литературное произведеніе—есть зеркало, въ которомъ одновременно отражается и авторъ, и общество“..Но какое зеркало?—Вотъ въ этомъ-то вся сущность вопроса. Зеркала зеркаламъ — розь. Бываютъ и хорошія зеркала, но бываютъ и такія, въ которыя никто, мало-мальски оптимистически относящійся къ своей физиономіи, и за деньги не станетъ смотрѣться. Къ какому-же разряду зеркалъ принадлежитъ литература?—Зеркалъ хорошихъ, сносныхъ, или просто никуда не годныхъ? Говоря откровенно, я затрудняюсь отвѣтомъ на этотъ вопросъ въ настоящее время; но я знаю навѣрное, что литература, въ такихъ неопрятныхъ рукахъ, и при такомъ неопрятномъ употребленіи ея, какія мы видимъ теперь, если и исполняетъ роль зер-

кала, то самого дешеваго, кривого, отзывающагося работой александровскаго рынка. Поэтому, чтобъ разглядѣть въ этомъ зеркалѣ то, что, на основаніи двухъ вышеприведенныхъ афоризмовъ, должно-бы было въ немъ отражаться—для этого потребуются обыкновенно не малыя усилія, не малое напряженіе глазъ. И хорошо еще, если глаза упадутъ на чистое, незагаженное мѣстечко!

Какъ-бы то ни было, но при нѣкоторомъ вниманіи и сосредоточенности все-таки кое-что можно разсмотрѣть. Но вотъ опять бѣда; у публики нѣтъ ни времени, ни охоты дарить слишкомъ много своего вниманія на созерцаніе плохого отраженія своей фізіономіи; ей некогда распознавать въ этомъ отраженіи знакомыя черты, некогда утруждать себя ихъ разборомъ и свѣрять ихъ съ дѣйствительностью. Взглянуть, замѣтить какія-то неопредѣленныя тѣни, — полюбуется ихъ фантастическою группировкою—и проходить дальше, не задаваясь вопросами: откуда взялись эти тѣни? — не е-ли самое онѣ изображаютъ? — зачѣмъ и для чего онѣ появились на этомъ мѣстѣ? И зеркало, вмѣсто того, чтобы исполнять свою отражальную функцію, становится просто, — „предметомъ развлеченія“, — какою-то бессмысленною забавою. Такое обращеніе, даже и съ дурнымъ зеркаломъ, не можетъ быть, конечно, особенно лестно для послѣдняго. Да и публику не можетъ особенно развлекать эта, въ сущности, весьма монотонная и пустая забава. Поэтому, для обоюдной чести и выгоды и дурного зеркала и скучающей публики, съ давнихъ временъ установился особый штатъ комментаторовъ-критиковъ, съ спеціальною обязанностию объяснять читателямъ, что именно отражается въ той точкѣ зеркала, на которую они наводятъ свой взглядъ, и какъ эти отраженія слѣдуетъ понимать. Отсюда само-собою становится яснымъ, что чѣмъ хуже отражаетъ данная точка зеркала, чѣмъ больше на ней неровностей, копоты и грязи,—тѣмъ труднѣе становится задача критика, и въ то-же время тѣмъ необходимѣе ея впечатлительство, тѣмъ настоятельнѣе чувствуется потребность въ ея объясненіяхъ. Въ свѣтлыхъ, хорошо выполированныхъ и вычищенныхъ мѣстечкахъ публики, и безъ чужой помощи, съумѣетъ разглядѣть все, что только можно разглядѣть.

Такимъ образомъ, выходя изъ двухъ общественныхъ афоризмовъ, мы пришли къ выводу далеко уже не общезвѣстному, мы пришли къ заключенію, что чѣмъ плоше и хуже литературное произведеніе, тѣмъ съ большимъ вниманіемъ должна на немъ останавливаться критика; напротивъ, — чѣмъ оно выше и лучше,—тѣмъ меньше ей приходится имѣть съ нимъ дѣла. „Ну, нѣтъ, воскликнуть читатели, привыкшіе смотрѣть на литературу, какъ

на высшій фокусъ умственнаго творчества, какъ на интимную бесѣду автора съ тѣмъ обществомъ, которому онъ передаетъ свои задушевные идеи и чувства. Зачѣмъ-же критикѣ заниматься всякою дрянью, не проще-ли ей прямо объявить публикѣ: что вотъ этого и этого читать не стоитъ, въ такую-то и въ такую-то точку смотрѣть не слѣдуетъ, такъ-какъ отъ подобнаго чтенія и подобнаго смотрѣнія никакого толку не предвидится*. Конечно, это было-бы гораздо проще, но подумайте, дальновидный читатель всегда-ли это возможно? Вѣдь публика имѣетъ полное право сказать: „рада-бы была отъ всей души послушаться тебя, милая критика, но только, что-же я стану читать, куда-же я стану смотрѣть? Вѣдь не могу-же я цѣлые дни все слушать каскадныхъ пѣвицъ и толковать о концессіяхъ, акціяхъ, компаніяхъ и т. п., вѣдь надоѣстъ-же мнѣ, наконецъ, перелистывать судебныя хроники, земскіе проекты, отчеты, донесенія, передовыя статьи съ задними мыслишками и т. д. Надо-же чѣмъ-нибудь и „высшія свои потребности“ поласкать. А чѣмъ прикажете?“ Чѣмъ? Передъ этимъ вопросомъ невольно становишься въ тупикъ. Хорошо выбирать, когда есть изъ чего. Если-бы *меню* умственныхъ явствъ, предлагаемыхъ нашей публикѣ, былъ дѣйствительно обширенъ, то, конечно, критика имѣла-бы полное основаніе останавливаться только на явленіяхъ крупныхъ, имѣющихъ широкое общественное значеніе, и, такимъ образомъ, держать своего читателя на высотѣ плодотворныхъ идей и высшихъ умственныхъ взглядовъ, но такъ какъ этого нѣтъ, то по-неволѣ ей приходится довольствоваться тѣмъ, что имѣется подъ рукой.

Послѣ этихъ предварительныхъ замѣчаній, меня, я думаю, никто уже не упрекнетъ (какъ это сдѣлалъ одинъ рецензентъ, по поводу моей статьи о романѣ г. Кузнецкаго (см. Этюдъ II-й, „Недодѣланные люди“) въ чрезмѣрномъ вниманіи къ мелкимъ явленіямъ нашей беллетристической литературы, и въ неспосной привычкѣ строить широкія обобщенія на весьма узенькихъ данныхъ. Затѣмъ, съ спокойною совѣстью, я перехожу прямо къ г. Боборыкину и его твореніямъ.

II.

Для того, чтобы уяснить себѣ, на чемъ, собственно, намъ слѣдуетъ по-преимуществу остановиться въ сочиненіяхъ этого писателя, мы должны предварительно рѣшить вопросъ: съ кѣмъ мы „Дѣло“, № 10.

имѣемъ дѣло? Что такое г. Боборыкинъ? Тенденціозный-ли это беллетристъ, или „чистый художникъ“, или развеселый рассказчикъ въ родѣ гг. Горбуновыхъ, Слѣпцовыхъ, Лейкиныхъ etc.? Или онъ имѣетъ свой собственный жанръ,—и, въ такомъ случаѣ, каковъ этотъ жанръ?

Конечно, г. Боборыкинъ не тенденціозный писатель; на этотъ счетъ не можетъ быть ни малѣйшихъ сомнѣній. Если теперь онъ печатаетъ свои романы и повѣсти на страницахъ, напримѣръ, „Отечественныхъ Записокъ“, то это, болѣе или менѣе, дѣло случая,—онъ-бы могъ ихъ напечатать и въ старыхъ „Отечественныхъ Запискахъ“, и въ своей безвременно (а можетъ быть, и свое-временно) усопшей „Библиотецкѣ для Чтенія“, или въ ея родной сестрицѣ,—„Эпохѣ“. Притомъ у многихъ долженъ быть еще на памяти тотъ фактъ, что г. Боборыкинъ, будучи редакторомъ-издателемъ „Библиотеки для Чтенія“, всегда являлся самымъ рьянымъ противникомъ всякихъ предвзятыхъ „тенденцій“ и „направленій“, и, устами своего сотоварища, г. Воскобойникова, краснорѣчиво доказывалъ всю ихъ нецѣльность и бесплодность не только для романовъ, но и для журналовъ вообще. Я упоминаю объ этомъ не „въ судъ и въ осужденіе“ г. Боборыкина, а, напротивъ, „въ похвалу и превозношеніе“. Я знаю, что для него было-бы всего обиднѣе, если-бы кто-нибудь сталъ ему доказывать, будто онъ подгоняетъ свои романы подъ ту или другую тенденцію, будто тенденція, предвзятая мысль, а не чистое искусство, стоятъ у него на первомъ планѣ. Да и какъ-же не обидѣться: вѣдь это была-бы очевиднѣйшая клевета. Однако, чтобъ меня не упрекнули въ противорѣчии съ тѣмъ, что будетъ говориться о г. Боборыкинѣ ниже, я позволю себѣ остановиться на нѣсколько секундъ на словѣ тенденція и объяснить, какъ я ея понимаю.

У насъ съ словомъ тенденціозный романъ часто соединялись и соединяются самыя сбивчивыя понятія. Подслушаетъ гдѣ-нибудь г. Стебилицкій какую-нибудь сплетню про „стриженныхъ дѣвокъ“ и „длинно-волосыхъ“ юношей, пропечатаетъ эту сплетню въ какомъ-нибудь толстомъ журналѣ и воображаетъ (а что глупѣе всего, и публика воображаетъ), будто онъ написалъ „нѣчто“ отмѣнно тенденціозное, а въ сущности онъ только пересказалъ подслушанную сплетню! Какая-же тутъ тенденціозность! Или, напримѣръ, возжелаетъ романистъ доказать, что „юность неопытна и неосторожна“, а „старость мудра и предусмотрительна“ — и для этого начнетъ рисовать юношей на каждой страницѣ, доклады-
вамъ о своей неопытности и неосторожности, и стар-

цевъ, съ такою-же навязчивостью увѣряющихъ васъ въ своей мудрости и предусмотрительности,—и воображаетъ, будто онъ написалъ тенденціозный романъ, а, между тѣмъ, онъ написалъ только романъ на „заданную тему“. Можетъ быть, тема доказана прекрасно, но тутъ нѣтъ никакой тенденціи. Читатель такъ и знаетъ, что тутъ доказывается извѣстное положеніе, онъ смотритъ только, дурно или хорошо оно доказывается, но вопросъ о вѣрности самого положенія остается для него вопросомъ, „неподлежащимъ обсужденію“. Если-же авторъ высказывается рѣшительнымъ образомъ и на этотъ счетъ, то можно навѣрное сказать, что его романъ произведетъ впечатлѣніе прямо противоположное тому, на которое онъ мѣтилъ. Въ умѣ читателей, въ силу закона реакціи, одно пристрастное отношеніе неизбѣжно вызоветъ другое, столь-же пристрастное, но только противоположное первому.

Это-ли тенденціозность? Тенденціознымъ романомъ, очевидно, долженъ быть названъ только такой романъ, который рассчитываетъ произвести извѣстное впечатлѣніе на читателя, помимо всякаго непосредственнаго участія автора. Авторъ только извѣстнымъ образомъ комбинируетъ характеры, вводитъ ихъ въ извѣстныя столкновенія и затѣмъ предоставляетъ имъ самимъ убѣдить читателя въ томъ, въ чемъ онъ желаетъ его убѣдить. И читатель невольно и незамѣтно для себя проникается желаемымъ убѣжденіемъ или желаемымъ чувствомъ, не подозревая даже, что хитрый авторъ коймалъ его на удочку. Онъ будетъ даже оспаривать, что романъ тенденціозенъ, что авторъ желалъ доказать въ немъ то или другое, — нѣтъ: онъ, самъ читатель, извлекъ изъ него это „то или другое“, но авторъ тутъ рѣшительно не причемъ. Разумѣется, чтобы произвести такой эффектъ, нужно быть, по малой мѣрѣ, весьма даровитымъ художникомъ. Отсюда мы выводимъ такое заключеніе: тенденціозность не только не противорѣчитъ художественности, но, напротивъ, она немыслима безъ нея *). Въ этомъ отношеніи она рѣзко отличается отъ „писанія на предвзятыя темы“. Последнее не предполагаетъ необходимо художественнаго таланта у автора, хотя оно нерѣдко и уживается съ нимъ.

У г. Боборыкина, какъ я сказалъ, нѣтъ въ романахъ никакой тенденціозности, но у него есть нѣкоторая наклонность къ пред-

*) Хотя, конечно, отсюда еще не слѣдуетъ обратнаго. Отсюда также не слѣдуетъ, что критика, имѣя въ своихъ рукахъ тенденціозный романъ, должна заниматься оцѣнкою его художественныхъ достоинствъ. Напротивъ, такъ-какъ главный его смыслъ въ тенденціи, то на ней-то, главнымъ образомъ, и должно сосредоточиться все вниманіе критики.

взятымъ темамъ; эта наклонность стоитъ въ связи или, лучше сказать, просто обуславливается преобладающею чертою его таланта, — чертою, которую я назову разсудочною рефлексією. Г. Боборыкинъ очень любитъ разсуждать и резонировать; можетъ быть, именно потому онъ такъ часто любитъ прибѣгать къ автобіографической формѣ разсказа. Три изъ крупныхъ его произведеній (не говоря уже о мелкихъ) написаны именно въ этой формѣ (я говорю о „Жертвѣ Вечерней“, „Поддѣли“ и „По-американски“). Тамъ-же, гдѣ, какъ, напр., въ „Солидныхъ добродѣтеляхъ“, разсказъ ведется не отъ лица самого героя, авторъ предоставляетъ ему такую широкую свободу разсуждать и резонировать, что герой, т. е. Крутицынъ, и въ своемъ „дневникѣ“, и въ своихъ „запискахъ“ (если-бъ онъ таковыя написалъ) не могъ-бы высказаться съ большею обстоятельностью и „пространственностью“. Такою-же точно наклонностью къ хроническому разсужденію обладаютъ (или, правильнѣе сказать, *страдаютъ*) и всѣ другія дѣйствующія лица его романовъ. Все-то они разсуждаютъ и разсуждаютъ. Говорить такъ, по-просту, какъ говорятъ обыкновенные смертные, они совсѣмъ не умѣютъ: все-то норовятъ или что-нибудь „разрѣшить“, или „выяснить“, или „изобразить“ какой-нибудь интересикъ, какую-нибудь идейку. Въ интересахъ разсужденія авторъ вводитъ въ свои романы безчисленное множество ненужныхъ лицъ и сценъ. Вы чувствуете, что всѣ эти вводныя личности, съ ихъ нескончаемыми разговорами, пришиты къ роману на живую нитку, они ни мало не выясняютъ характеровъ главныхъ дѣйствующихъ лицъ, не запутываютъ интриги романа и нисколько не облегчаютъ ея развязки. Зачѣмъ-же они? А единственно только затѣмъ, что автору хочется резонировать, и вотъ онъ подыскиваетъ разныхъ Григоріевъ Васильевичей, Берендѣевыхъ, Пантелеевыхъ (въ „Поддѣли“), Турусовыхъ, Рикъ, Ломовыхъ, Васильевъ Кирилычей (въ „Солидныхъ Добродѣтеляхъ“) и т. д., и т. д., для изображенія своихъ резоновъ въ лицахъ и въ „разговорныхъ сценахъ“. Вслѣдствіе этого почти всѣ произведенія г. Боборыкина отличаются утомительною длиннотою и растянутостью. Писать сжато и коротко онъ рѣшительно неспособенъ и въ этомъ отношеніи онъ является какъ-бы антиподомъ г. Гл. Успенскаго. Тотъ, какъ извѣстно, страдаетъ противоположнымъ недостаткомъ; впрочемъ, у него это не недостатокъ, а скорѣе достоинство. Не обладая хорошо культивированнымъ воображеніемъ и разностороннею наблюдательностью, онъ прекрасно дѣлаетъ, что держится мудраго правила: „во многоглаголаніи-же нѣсть спасенія“. Но „многогла-

голаніе“ г. Боборыкина едва-ли не составляет его недостатка: оно сообщает его романамъ то ужасное свойство, которое вредитъ литературнымъ произведеніямъ даже хуже, чѣмъ самая бездарность ихъ авторовъ, — свойство навѣвать на читателя усыпляющую скуку. Г. Боборыкинъ въ такой-же малой степени обладаетъ воображеніемъ и фантазіею, какъ и всѣ почти наши современные беллетристы: не ищите ни у него, ни у нихъ запутанной интриги, сложнаго вымысла, широкой концепціи, неожиданныхъ эффектовъ, непредвидѣнныхъ случайностей. Все гладко и ровно, на всемъ лежитъ печать какой-то казенной формальности, какой-то безцвѣтной, заурадной обыденности. Да и какъ можетъ быть иначе? Какова жизнь, таковы и ея истолкователи. Гдѣ, на чемъ могло развиваться ихъ воображеніе, откуда ихъ фантазія могла почерпнуть оригинальность? Оригинальность... оригинальность въ какой-бы то ни было сферѣ практической или умственной жизни считается въ нашемъ обществѣ необычайнымъ порокомъ. Быть какъ можно менѣе *оригинальнымъ*, выдѣляться какъ можно менѣе изъ обыденной рутинны— вотъ его высшая добродѣтель. При такомъ настроеніи общественно-литературнаго міросозерцанія оригинальность тщательно изгоняется изъ всѣхъ нашихъ привычекъ, изъ нашего мышленія, изъ нашей дѣятельности. Если и бываютъ исключенія, то они такъ рѣдки, что не разстраиваютъ, а только еще ярче отгнѣняютъ общій тонъ жизни. Поэтому беллетристы наши не только не стремятся быть оригинальными въ своихъ произведеніяхъ, смѣлыми въ своихъ идеяхъ и изображеніяхъ, но они, повидимому, боятся этихъ достоинствъ даже въ чистой области фантазій. У нихъ все предвидѣно, предусмотрѣно, все втиснуто въ опредѣленные рамки, и изъ этихъ рамокъ не выходитъ ихъ воображеніе, подѣ страхомъ нарушенія разъ и навсегда установленныхъ правилъ. Всѣ мы такъ чувствуемъ и понимаемъ это, что если-бы романистъ вздумалъ пощекотать наши нервы какимъ-нибудь поразительнымъ драматическимъ эффектомъ, мы просто не повѣрили-бы ему: „ну, ужъ сейчасъ видно, что сочиняетъ! воскликнули-бы мы: — какъ это могло быть! И въ самомъ дѣлѣ, откуда взяться этимъ драматическимъ эффектамъ... когда дѣйствительная жизнь не представляетъ ни громкихъ событій, ни страстныхъ увлеченій, ни сильныхъ характеровъ, когда все течетъ своимъ обычнымъ порядкомъ, нарушаемымъ только судебными процессами. Къ этому-то источнику и обращается беллетристичка за своими эффектами. Она извлекаетъ ихъ изъ уголовной хроники (какъ это дѣлаетъ, напр., г. Достоевскій), но какіе-же это *эффекты*, когда мы раньше ознакомились съ ними

через газеты? Мнѣ случилось читать повѣсть г. Боборыкина „По-американски!“ съ однимъ мопмъ пріятелемъ; когда мы дошли до того мѣста, гдѣ адвокатъ Булатовъ вызываетъ Пьера на дуэль, мой пріятель сейчасъ-же замѣтилъ: „ну, конечно, дуэль не состоится или кончится благополучно“. — „Почему ты такъ думаешь?“ спросилъ я его. — „Да очень просто: вѣдь ты-же знаешь, что за все это время въ Москвѣ, кромѣ благополучно-окончившейся дуэли г. Урусова съ г. Островскимъ, никакихъ другихъ дуэлей начальству явлено не было“. И онъ былъ правъ, онъ угадалъ: дуэль не могла состояться, потому-что, въ противномъ случаѣ, о ней-бы знало начальство!..

Какъ-бы то ни было, но романисту приходится ограничиваться однимъ „бурями“ въ сердцѣ человѣка, — бурями, почти всегда имѣющими характеръ „бурь въ стаканѣ воды“. И въ самомъ дѣлѣ, какія тутъ могутъ быть бури? Тѣ психическіе элементы, изъ которыхъ слагается типическій характеръ „русскаго человѣка“, весьма несложны и, главное, крайне-однообразны. Вездѣ вы видите одно и то-же: безопасную лѣнь или пассивное упорство (и то, и другое только различныя проявленія одного коренного свойства — *психической инертности*), выносливость, любовь къ резонерству и рефлексіи, добродушную снисходительность и къ другимъ, и къ себѣ, привычку все дѣлать „потихоньку и помаленьку“, склонность къ меланхоліи и дипсоманіи. Вотъ вамъ и весь каталогъ душевныхъ „свойствъ и предрасположеній“ нашихъ достолюбезныхъ согражданъ. Другихъ не имѣется, да и не откуда имъ взяться. Каталогъ скуденъ, и какъ ни перемѣшивай указаннаго въ немъ №№ душевныхъ свойствъ, а все-таки изъ этой смѣси не создашь героическаго характера. Притомъ-же и относительно самой смѣси романистъ весьма ограниченъ, и тутъ даже его фантазія не особенно можетъ разгуляться. Въ дѣйствительной жизни, въ людяхъ, которые окружаютъ его, изъ среды которыхъ онъ самъ вышелъ, эта смѣсь отличается вездѣ и всегда крайне-однообразнымъ характеромъ: всего въ ней бываетъ понемножку, и ни одинъ элементъ не поглощаетъ въ себѣ остальныхъ. Подъ самыми различными формами, подъ самыми несходными обличіями открываются однѣ и тѣ-же знакомыя черты почти безъ всякихъ варіацій. Однообразіе поразительное! Поклонники риттеровской теоріи, готовые видѣть въ характерахъ людей лишь отраженіе характера той природы, среди которой они живутъ, могутъ быть вполне довольны: наша природа какъ-бы наложила на всѣхъ насъ свою печать. Монотонность нашихъ степеней, отсутствіе рѣзкихъ очертаній

наших горь, безконечное однообразіе наших лѣсовъ какъ-будто находятъ свое отраженіе въ монотонной однообразности нашихъ характеровъ,—характеровъ безъ рѣзкихъ очертаній, безъ индивидуальной самобытности, безъ всякихъ поползновеній на смѣлую оригинальность. Однако, я не принадлежу къ числу одностороннихъ поклонниковъ названной теоріи; къ тому-же мнѣ кажется, что въ настоящемъ случаѣ однообразіе нашей природы слишкомъ преувеличивается; мнѣ кажется, что она все-таки разнообразнѣе людей. И можетъ-ли быть иначе? Подъ различными широтами и долготами нашего обширнаго отечества, среди самыхъ противоположныхъ климатическихъ и этнографическихъ вліяній, люди живутъ почти въ одинаковыхъ экономическихъ условіяхъ, съ безмятежнымъ равнодушіемъ къ себѣ и ко всему окружающему. Эти условія налагаютъ на ихъ бытѣ печать тѣхъ патріархальныхъ отношеній, которыя, какъ извѣстно, во всѣ вѣка и у всѣхъ народовъ всегда имѣли одинъ и тотъ-же характеръ, съ весьма несущественными варіаціями. Пусть славянофилы видятъ въ этихъ отношеніяхъ идеалъ человѣческихъ отношеній вообще, но и они не могутъ оспаривать (и, какъ извѣстно, не оспариваютъ), что этотъ идеалъ вырабатываетъ характеры весьма неидеальные, по крайней мѣрѣ, съ точки зрѣнія иныхъ, отвергаемыхъ ими идеаловъ.

Отсюда, эта трагическая судьба нашихъ современниковъ: эта борьба новыхъ началъ съ старыми основами, новыхъ потребностей съ старыми характерами, прадѣдовскими свойствами, съ чувствами и предрасположеніями. Повидимому, тутъ открывается широкое поприще для романиста: какая богатая, какая нескончаемая и, если хотите, какая эффектная тема. Борьба „старой и новой Россіи“ въ одномъ и томъ-же человѣкѣ, въ одномъ и томъ-же „сердцѣ“ Неужели и это только «бури въ стаканѣ воды»? Да, читатель, только «бури въ стаканѣ воды». Подумайте сами, какой видъ и какой исходъ можетъ имѣть борьба пробуждающихся новыхъ потребностей съ тѣми «солидными добродѣтелями», каталогъ которыхъ приведенъ мною выше? Если я назвалъ ее трагическою, то только потому, что она кажется такою стороннему наблюдателю, для самихъ-же дѣйствующихъ лицъ она почти никогда не представляется въ этомъ мрачномъ свѣтѣ. Ихъ врожденная безпечность ихъ снисходительность къ самимъ себѣ, ихъ вѣчная склонность къ резонерству отнимаетъ отъ ихъ борьбы, въ ихъ собственныхъ глазахъ, трагическій характеръ, и превращаетъ ихъ изъ героевъ просто на просто въ какихъ-то шутовъ.

Объ этихъ герояхъ-шутахъ я буду подробно говорить, когда перейду къ разбору характеровъ, выводимыхъ на сцену авторомъ „Солидныхъ добродѣтелей“. А теперь возвращаемся опять къ самому г. Боборыкину. Мое длинное отступленіе объяснило намъ не только то, что имѣлось въ виду объяснить, но также и то, о чемъ я еще не говорилъ и на что я укажу теперь.

III.

Въ романахъ г. Боборыкина, какъ и въ романахъ другихъ нашихъ беллетристовъ, замѣчается не только полное отсутствіе смѣлой фантазіи, широко-здуманнаго плана, сложной интриги и т. п., но и крайнее однообразіе, какая-то безцвѣтность характеровъ. Всѣ эти Швецовы, Турусовы, Крутицыны, Рикэ, и т. д., съ одной стороны, съ другой, Иваны Федоровичи, «мѣстные статистивы» и «прокуроры», представляются какъ-бы одною и тою-же личностью, однимъ и тѣмъ-же характеромъ, но только характеромъ, взятымъ въ различныхъ стадіяхъ его развитія, и при различныхъ температурахъ. Общее свойство этого характера состоитъ въ стремленіи, говоря словами Швецова, влѣзть поскорѣ въ какой-нибудь *хомутъ*, приурочить себя къ какому-нибудь «дѣлу», и, «не мудрствуя лукаво», тянуть свою ляжку съ безмятежнымъ равнодушіемъ къ себѣ и ко всему окружающему. Конечно, есть нѣкоторыя варіація въ подробностяхъ, но если взять, съ одной стороны, однихъ только «ищущихъ хомутъ» а, съ другой, однихъ только «нашедшихъ хомутъ»,—то въ предѣлахъ этихъ двухъ группъ и самыя подробности какъ-то стираются и сливаются. Вы ихъ отличите одинъ отъ другого развѣ только по манерѣ говорить и по внѣшней наружности, но затѣмъ вы знаете уже напередъ, что въ каждомъ, сколько-нибудь важномъ случаѣ Швецовъ поступить точно такъ-же, какъ и Крутицынъ; Крутицынъ точно такъ-же, какъ Рикэ; Рикэ такъ-же, какъ «мѣстный прокуроръ», такъ-же, какъ Иванъ Федоровичъ, и т. д. и т. д. Никакая своеобразная оригинальность, никакая индивидуальная самобытность не наложила на всѣхъ этихъ людей своего нестираемаго клейма. Это какія-то стадные животныя, ихъ характеръ — характеръ *стадный*, а не *индивидуальный*. Ихъ образы не запечатлѣваются рельефными чертами въ вашей памяти; они сейчасъ-же, едва вы успѣли окончить романъ, спутываются, перемѣшиваются и сливаются въ одно общее абстрактное представленіе. Я указалъ выше причину такой *стадности* харак-

теровъ въ жизни. Каковы они въ жизни, такими они являются и въ нашихъ романахъ. Однако, эта причина, взятая отдѣльно отъ другихъ причинъ, еще недостаточно объясняетъ безцвѣтность нашихъ литературныхъ типовъ (за весьма рѣдкими исключениями.) «Вѣдь, литературные типы, могутъ мнѣ возразить, — не фотографическія карточки; изъ того, что оригиналы отличаются безцвѣтнымъ и однообразно-вялымъ характеромъ, еще совсѣмъ не слѣдуетъ, что и они должны блистать тѣми-же свойствами. Кромѣ того, какъ-бы ни были сходственны характеры, чувства и наклонности вашихъ живыхъ знакомыхъ, вы все-таки ихъ никогда не смѣшаете, и каждый изъ нихъ будетъ имѣть въ вашихъ глазахъ свою индивидуальную, своеобразную фізіономію. Конечно, эффектъ художественнаго произведенія не можетъ быть сравнимъ съ эффектомъ реальной жизни, но, вѣдь, онъ долженъ-же хоть сколько-нибудь приближаться къ нему. Все это совершенно справедливо: указанная причина, очевидно, не все объясняетъ, что слѣдуетъ объяснить, и мы должны поискать другой. Но развѣ мы ее уже не нашли? Развѣ я уже не указалъ раньше на ту преобладающую черту ума нашего интеллигентнаго мѣщанства вообще и г. Боборыкина въ частности, которая въ общепитіи извѣстна подъ именемъ *резонерства* и которую мы, изъ деликатности, назвали разсудочною *рефлексію*. Я знаю, что понятіе *разсудочная рефлексія* весьма широкое и недостаточно опредѣленное понятіе. Ниже, когда зайдетъ рѣчь объ его отношеніи къ другому, столь-же широкому и неопредѣленному понятію: *художественность*, — я постараюсь объяснить его съ возможною психологическою точностью, а пока будемъ употреблять его именно въ смыслѣ *резонерства*. Резонерство, какъ уже давно замѣчено, — наша національная слабость. Люди, непривышіе къ широкой дѣятельности, постоянно занятые микроскопическими соображеніями, мелкими личными интересами, люди, ведущіе по-преимуществу, *растительную жизнь*, не могутъ не быть резонерами. Въ резонерствѣ будетъ исчерпываться вся ихъ умственная жизнь. Потому что — что такое резонерство? Это боязливое, мелочное, вѣчное взвѣшивание *pro* и *contra*. Резонеръ всегда разсуждаетъ и никогда не рѣшается, всегда отмѣриваетъ и никогда не отрѣжетъ; онъ топчется на одномъ мѣстѣ, воображая, что идетъ впередъ; онъ упражняетъ свои мозги въ гимнастикѣ, наввно думая, будто онъ серьезно мыслить и разрѣшаетъ какія-то задачи. Боязливость мѣшаетъ ему прямо подойти къ занимающему его вопросу, обстоятельно изучить его и, откинувъ въ немъ все неважное и несущественное, сосредоточить свое

вниманіе на главномъ. Тогда каждый вопросъ могъ-бы быть разрѣшенъ разъ на всегда, и разрѣшенъ въ одномъ опредѣленномъ смыслѣ. Но резонеръ неспособенъ на такую умственную отвагу. Онъ не подходитъ къ вопросу прямо, а созерцаетъ его только въ отдаленіи; его вниманіе постоянно тратится на мелочи и частности;—онъ старается ихъ только удержать въ умѣ и съ ихъ помощью производить свои взвѣшиванія. Но частныхъ много и онѣ очень разнообразны, — отсюда нескончаемость этихъ взвѣшиваній и необходимость постоянныхъ повѣрокъ; отсюда потребность, при каждомъ частномъ случаѣ, начинать ихъ съизнова, возвращаться къ первымъ послыкамъ; отсюда, однимъ словомъ, вся эта игра въ *pro* и *contra*, эта привычка вѣчно заниматься мелочами и пустыми тонкостями, это неумѣнье найтись въ непредвидѣнныхъ обстоятельствахъ, эта способность быстро рѣшаться и смѣло дѣйствовать. Такимъ образомъ, наше резонерство, выросшее на почвѣ нашей умственной робости и апатіи, составляетъ, такъ сказать, стихійное свойство нашего характера. Безъ него намъ, право, было-бы очень скучно и очень неудобно. Безъ него у насъ-бы, пожалуй, явилась потребность все скоро рѣшать и смѣло предпринимать, — а, подумайте, куда-же-бы это насъ могло завести? Да и что намъ рѣшать, что намъ предпринимать? Все, что нужно, уже рѣшено; все, что слѣдуетъ предпринять, будетъ предпринято и безъ насъ. И чѣмъ-бы мы могли наполнить свои досуги, если-бы мы не были резонеры? А теперь мы всегда заняты; мало-ли мелочей и подробностей, надъ которыми можно порезонировать, даже и о крупныхъ вещахъ мы можемъ безбоязненно разсуждать, потому, что мы все-таки будемъ не разсуждать, а только резонировать. Если окружающія насъ мелочи покажутся намъ уже слишкомъ мелкими, то мы заменимъ внутри себя, въ свое „я“, и тутъ-то откроется безграничное поприще для нашего резонирования. Впрочемъ, привычка къ резонированію и безъ того неизбѣжно приводитъ насъ къ такъ называемому *самоанализированію*. Кто вѣчно занятъ вопросами: какъ поступить въ данномъ случаѣ, какъ отнестись къ Z, что подумать объ X? и т. п., тотъ невольно привыкаетъ возиться съ своими „внутренностями“, дѣлаетъ изъ своего „я“ предметъ постоянныхъ наблюденій и изслѣдованій. Онъ не выскажетъ ни одной мысли, не проявитъ ни одного чувства безъ того, чтобы не подвергнуть ихъ предварительному взвѣшиванію на своихъ аптекарскихъ вѣсахъ. „Да имѣю-ли я право высказать эту мысль, да будетъ-ли это благоразумно, да что изъ этого выйдетъ? Дѣйствительно-ли я чувствую то, что чувствую, не ошибаюсь-ли я, имѣю-ли я къ тому достаточныя основанія, какія мо-

гутъ быть послѣдствіа, если я обнаружу это чувство, не подождать-ли лучше, пли не ждать? и т. д. и т. д. Вотъ вопросы, неотступно мучающіе резонера и постоянно толкающіе его къ *само-созерцанію*. Отсюда резонерство всегда идетъ рука объ руку съ наклонностью углубляться въ изслѣдованія собственныхъ внутренностей. Робкій и нерѣшительный, въ дѣйствіяхъ и мысляхъ, резонеръ является такимъ-же робкимъ и нерѣшительнымъ и въ самомъ *выраженіи* своихъ мыслей и чувствъ;—въ обществѣ это называется: *быть крѣпкимъ заднимъ умомъ*. Кто не знаетъ, что у насъ языкъ тогда только начинаетъ развязываться, когда уже насъ перестаютъ слушать, что мы тогда только догадываемся заявлять о своихъ чувствіяхъ, когда они не могутъ уже разсчитывать на удовлетвореніе, что мы вѣчно опаздываемъ и пропускаемъ удобную минуту! А потомъ мы жалуемся и плачемся! Впрочемъ, наши жалобы и наше „плаканіе“ не особенно насъ разстраиваютъ: мы находимъ весьма скорое и легкое утѣшеніе въ *самоанализированіи* и *самобичеваніи*. Извѣстно, что созерцаніе собственныхъ внутренностей составляетъ одно изъ любимѣйшихъ нашихъ упражненій. И это очень понятно: когда человѣкъ тщательно и добросовѣстно обслѣдуетъ свою дрянность, ему всегда кажется, будто онъ сталъ черезъ это на половину лучше. Такимъ образомъ, мы видимъ, что резонерство и его неизбежное слѣдствіе—наклонность къ самоанализированію явились продуктами тѣхъ общихъ условій жизни, которыя развиваютъ въ насъ робость и нерѣшительность. Само собою понятно, что эта черта съ особенною рѣзкостью и рельефностью должна проявляться по-преимуществу въ классахъ мыслящихъ, т. е. въ нашемъ „интеллигентномъ мѣщанствѣ.“ То, что въ „темныхъ массахъ“, у неразвитыхъ людей, живетъ, какъ безсознательный инстинктъ, какъ неопредѣленное влеченіе, невыяснившееся свойство, то въ средѣ интеллигентнаго мѣщанства всегда возводится въ сознаніе, получаетъ опредѣленность и ясность. Резонерство нашей интеллигенціи — есть только *сознанное отраженіе* бессознательной робости и упорнаго консерватизма «темныхъ людей», ея наклонность къ самоанализированію и самобичеванію есть только опредѣлившаяся форма неопредѣленнаго стремленія нашего „простого человѣка“ вѣчно ступшевываться и смиренно замыкаться въ свой крошечный мірокъ.

Какъ-же должны отразиться эти умственные свойства нашего интеллигентнаго мѣщанства на нашей беллетристикѣ?

Прежде всего, конечно, они должны отразиться на романахъ, если можно такъ выразиться, на *объектѣ* этой беллетристики. „Внутренній

человѣкъ“ долженъ сдѣлаться главнымъ и любимѣйшимъ предметомъ ея изслѣдованій. И дѣйствительно, нравственно-психологическія темы составляютъ почти единственныя темы всѣхъ нашихъ романовъ и повѣстей; мы не сходимъ съ нихъ даже и тогда, когда пускаемся въ сатиру и обличеніе (яркій примѣръ тому представляетъ г. Щедринъ). Но я все-таки думаю, что наши романисты имѣли-бы возможность, если-бы хотѣли, вводить въ свои произведенія какіе-нибудь иные элементы помимо нравственно-психологическихъ. Однако, они не только никогда этого не дѣлали (я, разумѣется, допускаю исключеніе для Гоголя), но даже и потребности никакой къ тому не чувствовали. Эта потребность стала сознаться и высказываться лишь въ послѣднее время, но первыя попытки къ ея осуществленію оказались крайне слабыми и неудачными; въ нихъ, по-прежнему, чувствуется старая наклонность къ „созерпанію внутренняго человѣка“, по-прежнему психологическій элементъ играетъ главную и существеннѣйшую роль. Впрочемъ, объ этихъ попыткахъ я поговорю подробнѣе въ другой разъ. Романы г. Боборыкина нельзя отнести къ ихъ числу, хотя въ нихъ ведутся разсужденія и не на одни нравственно-психологическія темы.

Первымъ необходимымъ послѣдствіемъ такого «психологическаго» настроенія нашей беллетристики является, разумѣется, мелочная разработка разныхъ психологическихъ деталей, разныхъ „движеній и волненій“ человѣческой души. А такъ какъ анализъ этихъ деталей, этихъ „движеній и волненій“ производится въ лабораторіи собственной авторской души, причемъ и самый матеріалъ, по сущности дѣла, почерпается изъ нея-же, то вторымъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ будетъ крайній *субъективизмъ* этой беллетристики. Въ самомъ дѣлѣ, читая русскіе романы и повѣсти, вы знакомитесь съ ихъ авторами гораздо болѣе, чѣмъ читая беллетристическія произведенія французской или англійской литературы. Въ послѣднихъ умственная фізіономія автора, его личные вкусы и наклонности, весь складъ его міросозерцанія какъ-то ступшевываются, отступаютъ на задній планъ; нужно довольно долго вдумываться и соображать, чтобы воспроизвести ихъ во всей ихъ чистотѣ и полнотѣ, и то, въ большинствѣ случаевъ, вамъ придется ограничиться воспроизведеніемъ не индивидуальной фізіономіи автора, а лишь *типической фізіономіи* того общественнаго класса или той партіи, къ которой онъ принадлежитъ. У насъ-же, напротивъ, авторъ высказывается на каждой страницѣ, въ каждомъ характерѣ, въ каждомъ разговорѣ дѣйствующихъ лицъ. Говорить объ умственной фізіономіи нашихъ романистовъ, значить говорить объ изображае-

мыхъ ими характерахъ. Можетъ быть, именно потому наши беллетристы такъ скоро *исписываются*; подобно метафизикамъ и наукамъ, они ткутъ свою паутину изъ самихъ себя. Сфера ихъ наблюдательности, по-преимуществу, ограничивается однимъ ихъ „внутреннимъ міромъ“, или „мірами“ во всемъ подобныхъ имъ людей. Можетъ быть, именно потому всѣ русскіе повѣсти и романы такъ скучны и однообразны; можетъ быть, именно потому они не играютъ почти никакой роли въ исторіи нашего умственного развитія, и наша публика гораздо болѣе интересуется беллетристическими произведеніями западной литературы, чѣмъ отечественной. Публика, въ этомъ случаѣ, вполне права и странно было-бы обвинять ее за то, что она предпочитаетъ романы съ болѣе разнообразнымъ содержаніемъ и обширною наблюдательностью художнымъ произведеніямъ доморощенныхъ умовъ. Но и нашихъ романистовъ также обвинять не за что: чѣмъ они виноваты, что кругъ ихъ наблюденій такъ узокъ, что характеры, выработываемые нашей жизнью, такъ однообразны, и что эта жизнь воспитала ихъ на „млекѣ“ близкаго резонерства, что она приучила ихъ вѣчно возиться съ своимъ „я“, убила смѣлость ихъ фантазій и сжала ихъ творчество въ тѣсныя рамки „психологическаго анализа?..“

Теперь мы подошли къ самому существенному вопросу: какъ всѣ эти вліянія должны отразиться на *художественности* нашихъ беллетристическихъ произведеній? Я знаю, что съ словомъ „художественность“ въ умѣ читателей соединяется много неприятныхъ воспоминаній, много спутанныхъ и неясныхъ понятій. Поэтому считаю себя обязаннымъ прежде всего остановиться на опредѣленіи этого слова.

IV.

Глядя на картину талантливаго живописца, на прекрасно изваянную статую скульптора, вы восклицаете: какъ это *художественно!* Читая драму Шекспира, вы думаете: какое *художественное* изображеніе! Критикъ, разбирая данный характеръ, извѣстное положеніе, сцену, разговоръ, замѣчаетъ вамъ: сколько здѣсь *художественности!* Разсматривая какой-нибудь барельефъ, какую-нибудь маленькую вещьцу, купленную вами для украшенія вашего письменнаго стола, и т. п., вы говорите: какая *художественная* отдѣлка! Почему-же одинъ и тотъ-же эпитетъ такъ безразлично прилагается къ такимъ различнымъ предметамъ, какъ драма Шекспира и пресъ-

папье, кусокъ мрамора, извѣстныя фигуры и краски, положенныя на полотно, характеръ, сцена, описанныя въ той или другой книгѣ? Что есть общаго во всѣхъ этихъ случаяхъ? Когда вы читаете драму Шекспира, въ вашемъ умѣ рельефно запечатлѣваются извѣстные *образы*, вы видите передъ собою, какъ-бы живыми, всѣхъ этихъ Гамлетовъ, Лировъ, Отелло и т. д. Ихъ внѣшность, ихъ чувства, ихъ движенія производятъ на васъ почти то-же впечатлѣнiе, какое вы испытываете при столкновенiи съ реальными людьми. Однимъ словомъ, въ васъ возбуждаются прежде всего не отвлеченныя, абстрактныя идеи, не дѣятельность *мысли*, а конкретныя, *чувственныя воспрiятiя*. То-же самое имѣетъ мѣсто и тогда, когда ваши взоры устремлены на картину, изваянiе, пресъ-папье и т. п. Прежде всего и отчетливѣе всего вамъ представляются извѣстныя *чувственныя воспрiятiя*. Такимъ образомъ, во всѣхъ упомянутыхъ выше случаяхъ, мы имѣемъ дѣло съ одною и тою-же вещью: съ нѣкоторою *комбинаціею чувственныхъ воспрiятiй*. Психическій эффектъ, производимый на насъ этою комбинаціею, мы называемъ „*художественностью*“. Теперь перенесемъ съ точки зрѣнiя лица, испытывающаго этотъ эффектъ, на точку зрѣнiя человѣка, желающаго его произвести. Не долженъ-ли онъ точно также имѣть въ своемъ умѣ эту комбинацію чувственныхъ воспрiятiй? Могъ-ли бы онъ вызвать въ насъ представленiе конкретныхъ образовъ, если-бы онъ самъ предварительно не вызвалъ ихъ въ себѣ? Очевидно, нѣтъ. И такъ, съ точки зрѣнiя художника художественное произведенiе есть только нѣкоторая *комбинація чувственныхъ воспрiятiй*. Но какъ образуется эта комбинація? Какая способность человѣческаго ума воспроизводитъ ее? Въ общежитiи мы называемъ эту способность воображенiемъ, фантазіею. Что такое воображенiе, фантазія? Психологія отвѣчаетъ намъ: это есть одна изъ формъ *памяти*. Ощущенiя, чувственныя и мысленныя воспрiятiя ¹⁾, испытываемыя человѣкомъ за все время его существованiя, живутъ въ его мозгу гораздо долѣе, чѣмъ въ его *сознанiи*. Въ сознанiи они присутствуютъ весьма недолго, а иногда и совсѣмъ не присутствуютъ, но они не умираютъ, отъ того, что человѣкъ перестаетъ ихъ замѣчать (т. е. сознать); *замѣ-*

¹⁾ Подъ *чувственнымъ воспрiятiемъ* мы будемъ разумѣть впечатлѣнiе, производимое какимъ-либо импульсомъ на нервныя центры «*общаго чувствительнаго*» (т. е. на нервныя клѣтки сѣраго вещества продолговатаго мозга, основанiе большихъ полушарій, боковыхъ желудочковъ); подъ *мысленнымъ воспрiятiемъ*—впечатлѣнiе, испытываемое такъ называемыми мыслительными центрами (т. е. клѣтками сѣраго вещества большихъ полушарій).

чаемая или *незамъчаемая*, они продолжают волновать наши нервные центры, устанавливая между ними известныя сообщенія, возбуждаютъ въ нихъ известныя процессы и, въ своемъ непрерывномъ движеніи, неизмѣнно повинуются тѣмъ общимъ законамъ, которымъ подчинено наша психическая жизнь, сознательная или безсознательная—все равно; въ силу этихъ законовъ они постоянно дифференцируются и ассимилируются, обобщаются и раздѣляются: впечатлѣнія подобныя соединяются въ одну группу, въ одно цѣлое, впечатлѣнія разнородныя, составленныя изъ разнородныхъ единицъ, обособляются и разчлениваются. Однимъ словомъ, жизнь разъ полученнаго нервнаго возбужденія идетъ своимъ порядкомъ, хотя намъ и кажется, что она прекратилась, потому что мы о ней забыли. Эта живучесть нервнаго возбужденія, или эта способность сохранять воспринятое впечатлѣніе — называется *памятью*. Ошибочно думаютъ нѣкоторые, будто *память* есть способность или сила, по-преимуществу, *пассивная*, что ея дѣятельность есть дѣятельность исключительно *воспринимающая* и *сохраняющая*; она активно перерабатываетъ воспринимаемыя впечатлѣнія и создаетъ изъ нихъ понятія (совокупность многихъ *отвлеченныхъ идей*) и образы (совокупность многихъ *конкретныхъ идей*), которые нерѣдко вполне готовыми и законченными неожиданно появляются на поле нашего сознанія, и эта-то способность ея къ *обобщенію* и называется *воображеніемъ*; правда, въ общепитіи, съ послѣднимъ словомъ соединяется обыкновенно не понятіе объ обобщающей способности памяти, въ какой-бы степени она ни проявлялась, а понятіе только о нѣкоторыхъ *высшихъ* и наиболѣе сложныхъ ея проявленіяхъ. Но, очевидно, это простой капризъ языка. Для одной и той-же вещи нѣтъ надобности въ различныхъ названіяхъ. Воображеніе — есть всегда неизбѣжный и необходимый атрибутъ памяти, потому что способность къ обобщенію (въ большей или меньшей мѣрѣ, конечно) есть одно изъ ея существеннѣйшихъ, постояннѣйшихъ свойствъ. Отъ большаго или меньшаго развитія этой способности зависятъ различныя *формы* памяти, но теперь намъ нѣтъ надобности говорить объ этихъ формахъ. Намъ нужно отвѣтить только на поставленный выше вопросъ: какая способность человѣческаго ума воспроизводитъ художественную комбинацію формъ и образовъ? Мы сказали сперва: *воображеніе*; но воображеніе оказалось лишь *общимъ* свойствомъ *памяти*, а память, въ свою очередь, оказывается такимъ *общимъ* свойствомъ человѣческаго ума, что безъ ея участія едва-ли обойдется хоть какая-нибудь изъ умственныхъ дѣятель-

ностей. И дѣйствительно, не обходится. Но смотря по преобладанію въ нашей памяти тѣхъ или другихъ ассоціацій, она получаетъ способность воспроизводить въ нашемъ умѣ или, преимуществу, комбинаціи чувственныхъ воспріятій, или комбинаціи отвлеченныхъ идей, *абстрактныхъ знаковъ*. Очевидно, что художникъ долженъ быть одаренъ именно памятью перваго рода, такъ что этотъ родъ памяти, по-справедливости, можетъ быть названъ *художественною памятью*. Но отчего-же зависить совершенство этой памяти? Разумѣется, отъ большого преобладанія мысленно-чувственныхъ надъ чисто-мысленными ассоціаціями.

Совершенство художественнаго произведенія зависить отъ „непосредственности“ отношенія художника къ наблюдаемымъ имъ явленіямъ. Но достаточно-ли одной этой непосредственности? Иными словами: достаточно-ли, чтобы наша память была *только художественною памятью* для того, чтобы она могла воспроизводить цѣльные, законченные образы, — образы, въ которыхъ единичное, частное сливается въ *общее*, не теряя, въ то-же время, своей рельефности и яркости? Очевидно, что недостаточно. Очевидно, что она должна удовлетворить еще одному условію: она должна быть *развитою* памятью, т. е. памятью, привыкшею къ обобщеніямъ, обладающею обширнымъ матеріаломъ для этихъ обобщеній и, главное, памятью, способною различать важное отъ неважнаго, существенное отъ несущественнаго. Такою памятью, конечно, можетъ обладать только *развитой* человекъ, наученный воспитаніемъ и собственнымъ опытомъ *правильно* относиться къ окружающимъ его явленіямъ, т. е. *умѣющий* отдѣлять въ нихъ случайное и второстепенное отъ главнаго и постояннаго; когда это умѣнье превратится у него въ новый бессознательный инстинктъ, тогда *обобщенія* его всегда будутъ заключать въ себѣ лишь обобщеніе главнаго и существеннаго, т. е. всегда будутъ имѣть характеръ типическихъ обобщеній. Типичность-же обобщенія обуславливаетъ, въ свою очередь, его рельефность, яркость и сообщаютъ ему всѣ свойства индивидуальной конкретности. Но умѣть правильно относиться къ предметамъ—значить умѣть прямо и *смѣло* смотрѣть имъ въ глаза, не смущаясь и не останавливаясь передъ мелочами.

Для настоящаго случая намъ достаточно всего сказаннаго, чтобы опредѣлить условія совершенства художественнаго произведенія. Я знаю, что мы указали далеко не на всѣ эти условія, но мы, по крайней мѣрѣ, опредѣлили главнѣйшія, при отсутствіи которыхъ немыслима *художественность*. Благоприятствуютъ-ли этимъ условіямъ тѣ

общія свойства ума нашего интеллигентнаго мѣщанства, тѣ соци-ально-психологическія вліянія, на которыя было указано выше? Отвѣтъ на этотъ вопросъ уже не представляетъ теперь никакихъ затрудненій. Люди, неумѣющіе трезво и смѣло относиться къ окружающимъ ихъ явленіямъ, прямо и безбоязненно подходятъ къ вопросу, люди, привыкшіе запутываться въ мелочахъ и вѣчно резонировать,—такіе люди не могутъ выработать въ себѣ ни *художественной*, ни тѣмъ болѣе *развитой*, разумно-обобщающей памяти. Въ ряды ихъ мысле-чувственныхъ воспріятій постоянно будетъ вмѣшиваться разсудочно-рефлективная дѣятельность съ одной стороны; а съ другой, ихъ умственные привычки будутъ вѣчно заставлять ихъ смѣшивать главное съ второстепеннымъ, существенное и постоянное съ случайнымъ и несущественнымъ. Если даже имъ иногда и удастся правильно разграничить эти двѣ категоріи признаковъ, то это достигается не вдругъ, не путемъ инстинктивнаго навыка (который, благодаря условіямъ ихъ умственной жизни, едва-ли можетъ у нихъ выработаться), а путемъ болѣе или менѣе продолжительнаго размышленія,—что, въ свою очередь, разстраиваетъ непрерывность и силу мысле-чувственныхъ воспріятій. Поэтому наша беллетристика представляетъ въ художественномъ отношеніи крайне-поразительную бѣдность. Характеры, изображаемые ею, по большей части, неопредѣленны и безцвѣтны, въ нихъ нѣтъ никакой типической яркости и рельефности; въ построеніи ихъ замѣтна сильная *поддѣлка*; вы чувствуете, что въ ихъ созданіи гораздо большую роль играютъ чисто-мысленныя, чѣмъ мысле-чувственныя ассоціаціи. Этимъ, между прочимъ, можно объяснить себѣ удивительную однообразность нашихъ романовъ, они всегда почти выкраиваются по одному и тому-же шаблону; шаблонъ, конечно, опредѣляется *спросомъ* и, разъ онъ установился на рынкѣ, всѣ романисты спѣшатъ наперерывъ подогнать подъ него свои произведенія: то они наполняютъ ихъ великовѣтскими героями и героинями, то *идеальными*, то *реальными* мужиками, то нигилистами и нигилистками, то, наконецъ, благовоспитанными либералами „въ разныхъ званіяхъ и должностяхъ“, приносящихъ свою *вдовью лепту* на алтарь отечества и т. п. Однообразіе поразительное. Конечно, оно можетъ быть объяснено также и однообразіемъ спроса, но самое это однообразіе спроса вынуждаетъ въ свою очередь нашихъ беллетристовъ относиться къ окружающимъ ихъ явленіямъ съ разсудочною рефлексією; они стараются не столько о томъ, чтобы вѣрно ихъ понять, сколько о томъ, чтобы подогнать ихъ подъ рыночный шаблонъ.

У нихъ есть только двѣ завѣтныя, излюбленныя темы, — темы, которыя они никогда не покидаютъ, которыя они ухитряются проводить и въ великосвѣтскихъ романахъ, и въ романахъ съ мужиками, и въ романахъ съ нигилистами, и въ романахъ „съ благовоспитанными либералами“. Въ развитіи этихъ темъ они, дѣйствительно, набили себѣ руку, и только благодаря этому обстоятельству, имъ удалось создать нѣсколько характеровъ, если и не типическихъ, то, во всякомъ случаѣ, не чуждыхъ нѣкоторой реальной правды. Темы эти — половая любовь, во всѣхъ ея видахъ и формахъ, и внутренній разладъ души, съ одной стороны, стремящейся къ чему-то прекрасному и великому; съ другой, увлекаемой рутинною и своею собственною „субстанціональною“ дрянностью, къ пассивной бездѣятельности, къ пошлomu шалопайству и къ такъ-называемому примиренію „съ жизнью“. Половую любовь они разукрасили и идеализировали всѣми ребяческими вымыслами своей робкой фантазіи. Видно, что эта любовь составляла и составляетъ самый существенный „нравственный интересъ“, какъ ихъ собственной жизни, такъ и жизни того общества, изъ котораго они вышли. Впрочемъ, относительно неустанной разработки этой темы наша беллетристика мало чѣмъ отличается отъ иностранной; но за то вторая тема, дѣйствительно, сообщаетъ ей оригинально-однообразный отпечатокъ. Боже мой, какое изобиліе дрянныхъ резонеровъ, анализирующихъ себя лѣнтяевъ, морализирующихъ и изнывающихъ пошляковъ и идиотовъ! И съ какою нѣжною заботливостью выворачиваютъ передъ нами ихъ разлагающіяся внутренности, съ какою педантическою тщательностью объясняются намъ всѣ ихъ крохотныя чувствованья, ихъ куринныя мысли, ихъ радости и печали, надежды и разочарованія!

Способъ отношенія къ нимъ беллетристовъ ясно показываетъ, что они рпсуютъ въ нихъ, по большей части, самихъ себя, что, знакомя насъ съ внутреннимъ міромъ этихъ мелкихъ людшекъ, они открываютъ тайники своей собственной души. Въ противномъ случаѣ, они не могли-бы никогда дойти до тѣхъ психическихъ тонкостей, до которыхъ они доходятъ, развивая свою излюбленную тему. Въ противномъ случаѣ, они не стали-бы «причитать» надъ могильною гнилью своихъ героевъ, какъ причитаютъ старухи надъ могилами дорогихъ покойниковъ. Правда, они не ставятъ ихъ на пьедесталъ (какъ дѣлали прежде), они не дѣлаютъ изъ нихъ „непонятыхъ гениевъ“; нѣтъ, они рпсуютъ ихъ *дряность*, во всей ея наготѣ и безъ малѣйшихъ прикрасъ, иногда даже они прямо и

называютъ ихъ „дрянными людьми“. Однако, на этихъ дрянныхъ людишекъ они все-таки продолжаютъ смотрѣть глазами „полными слезъ и умиленія“. Они надъ ними ноютъ и плачутъ, и въ глубинѣ души, очевидно, имъ симпатизируютъ.

Если они ихъ иногда сурово обличаютъ, и ѣдко надъ ними смѣются, то мы должны видѣть въ этомъ лишь простое выраженіе общей, типической наклонности „русскаго человѣка“, — наклонности вѣчно обличать себя и издѣваться надъ своею дрянностью. Отъ этихъ самообличеній и издѣвательствъ онъ нисколько не становится лучше, но его совѣсть успокаивается, и онъ наивно восхищается и самоудовлетворяется глубиною и безпристрастіемъ своего анализа.

V.

«Однако, что-же это такое?» скажетъ, пожалуй, читатель, — «вы пишете статью о романахъ г. Боборыкина, а я вотъ уже сколько страницъ перевернулъ, и почти ничего еще не нахожу ни о немъ, ни о его произведеніяхъ; все какія-то общія разсужденія, но какое отношеніе онѣ имѣютъ къ г. Боборыкину — я этого не вижу». Видитъ-ли его самъ г. Боборыкинъ? — Я думаю, что видитъ. мнѣ вѣтъ надобности говорить ему *mutate nomini — de te fabula narratur!* Да, читатель: *mutate nomini*; все, что я говорилъ объ умственныхъ особенностяхъ нашего «интеллигентнаго мѣщанства» и о свойствахъ нашей беллетристики вообще, — все это я говорилъ *по поводу* г. Боборыкина, и все это въ *особенности* примѣнимо къ нему. Въ немъ мы видимъ какъ-бы воплощеніе шаблонныхъ достоинствъ или недостатковъ (смотря потому, съ какой точки посмотримъ) нашей беллетристики: отсутствіе смѣлой фантазіи, наклонность къ резонерству, созерцанію собственныхъ внутренностей и разработкѣ излюбленныхъ нравственно-психологическихъ темъ. Вотъ, по моему мнѣнію, существенныя свойства его таланта. Мы видѣли, что эти свойства не случайны, не индивидуальны, что они, въ большей или меньшей мѣрѣ, должны быть присущи всѣмъ русскимъ беллетристамъ. Теперь, когда общій характеръ фязіономіи г. Боборыкина, какъ романиста, для насъ

2*

нѣсколько уяснѣлся, мы легко можемъ опредѣлить и ту точку зрѣнія, съ которой намъ слѣдуетъ относиться къ его произведеніямъ. Вдаваться въ анализъ характеровъ, изображаемыхъ имъ, изслѣдовать ихъ, съ точки зрѣнія ихъ психологической реальности и т. п., было-бы трудомъ, по меньшей мѣрѣ, напраснымъ. Характеры эти обрисованы крайне блѣдно и слабо, они не производятъ впечатлѣнія рѣзко очерченныхъ, конкретно-индивидуальныхъ образовъ; однимъ словомъ, это не характеры живыхъ лицъ, а болѣе или менѣе искусная *поддѣлка* подъ нихъ. Поддѣлка эта, очевидно, произведена въ интересахъ той излюбленной психологической темы, о которой я говорилъ выше. Потому на нихъ слѣдуетъ смотрѣть просто, какъ на нѣкоторое олицетвореніе нѣкоторыхъ (ниже мы увидимъ какихъ именно,) *психологическихъ состояній*. Сами они весьма подробно знакомятъ съ этими состояніями читателя; я уже сказалъ, и теперь опять повторю, что герои всѣхъ повѣстей и рассказовъ г. Боборыкина, почти безъ исключенія, дѣлаютъ изъ созерцанія своихъ внутренностей—свое главное занятіе; въ его романахъ почти нѣтъ никакого драматическаго *дѣйствія*, характеры дѣйствующихъ лицъ исчерпываются сполна одними разсужденіями и діалогами. Это лучше всего показываетъ *разсудочное* построеніе этихъ характеровъ и ихъ очевидную нереальность. Но это нисколько не мѣшаетъ имъ воплощать въ себѣ нѣкоторыя весьма реальные, весьма жизненные черты живыхъ людей. Психологическій анализъ этихъ чертъ, болѣе или менѣе, удачно «представленъ въ лицахъ» самимъ г. Боборыкинымъ, такъ, что мы воспользуемся имъ, какъ уже готовымъ матеріаломъ; заручившись этимъ матеріаломъ, мы можемъ и должны спросить себя: какой смыслъ, какое значеніе имѣютъ указанныя черты съ точки зрѣнія общественныхъ потребностей, общественныхъ интересовъ? Имѣютъ-ли онѣ характеръ чисто случайный, мѣстный, индивидуальный, или-же онѣ вызываются болѣе общими глубоко-лежащими причинами? Должны-ли мы видѣть въ нихъ залогъ «лучшаго будущаго», или-же въ нихъ нѣтъ рѣшительно ничего, что-бы могло подать поводъ къ оптимистическимъ упованіямъ? Вотъ вопросы, неволью возбуждаемые въ насъ созерцаніемъ внутренностей разныхъ героевъ и героинь г. Боборыкина. И только съ точки зрѣнія этихъ вопросовъ мы можемъ смотрѣть на нихъ.

Такъ именно мы на нихъ и посмотримъ.

VI.

Въ „Солидныхъ Добродѣтеляхъ“, въ „Поддѣли“ и въ „По-американски!“ передъ вами являются разные герои и героини, легко укладывающіеся въ два типа. Одни изъ нихъ, гордые, самодовольные и самоувѣренные говорятъ вамъ: «мы, благодареніе Всевышнему, у пристани; мы рѣшили вопросъ: *что дѣлать*, и больше уже не станемъ себя мучить ребяческими сомнѣніями, колебаніями и недоумѣніями; мы нашли себѣ „дѣло“, мы опредѣлили свое призваніе; будущее вполне для насъ выяснено, вполне опредѣлено. Мы знаемъ, куда мы идемъ и чего мы хотимъ. Мы — *спасенные*“. Другіе, напротивъ, унылые, неувѣренные въ себѣ, немножко раздраженные и недовольные, все еще возятся надъ вопросомъ: *что дѣлать*? Для нихъ онъ все еще загадка египетскаго сфинкса. „Не имамы здѣ пребывающаго града и грядущаго взыскаеуемъ“ — вотъ девизъ, къ которому они сами подводятъ свое душевное состояніе („Солидн. Добр.“, стр. 36); но гдѣ обрѣтается этотъ „взыскуемый градъ“ и какъ отыскать къ нему дорогу — они этого не знаютъ и даже отчаяваются когда-либо узнать. „Идти-ли дальше? говорить вамъ одинъ изъ этихъ героевъ:—стоитъ-ли, полно, тормошиться? На что еще надѣяться?“ — „Мы толчемся и потѣмъ, и скрежещемъ зубами, и мечемся, придумывая коментаріи на то, что называется жизнью... А ядра-то въ ней, быть можетъ, и нѣтъ, а такъ, сами мы выдумали нѣкій сокровенный смыслъ!“ Результатомъ такого міровоззрѣнія, конечно, должна явиться прежде всего мучительная, убійственная скука, доводящая, наконецъ, человѣка до того состоянія умственнаго и нравственнаго «маразма», до какого дошелъ, напримѣръ, герой и авторъ повѣсти «Поддѣли». Разумѣется, какъ-бы ни былъ дрянень и дряблъ человѣкъ, но онъ не можетъ чувствовать себя хорошо и привольно среди этого неустановившагося хаоса сомнѣній, разочарованій, неопредѣленныхъ порывовъ и нерѣшенныхъ вопросовъ,—среди этого царства скучающей мысли и безпредметной меланхоліи; онъ будетъ стараться, онъ не можетъ не стараться вырваться изъ него, *спасти себя* отъ его тлетворнаго вліянія, бросить якорь въ какой-нибудь тихой и безмятежной пристани. Но гдѣ эта пристань и какъ онъ ее оты-

щеть? Обрѣтетъ-ли онъ въ ней «взыскуемый градъ», котораго жаждетъ его душа, или онъ удовольствуется и чѣмъ-нибудь, менѣе привлекательнымъ? На эти вопросы мы найдемъ отвѣты ниже, а теперь съ насъ пока довольно знать, что герои второго типа *что-то* ищутъ, къ *чему-то* рвутся, что окружающая ихъ рутинна съ ея пошлостью и мелочностью, съ ея самодовольною притязательностью и гордою посредственностью, — что эта рутинна ихъ не удовлетворяетъ, что они не хотятъ съ нею примириться, что они относятся къ ней отрицательно, что они не желаютъ построить своего «града» среди ея печальныхъ руинъ. Само собою понятно, что они должны смотрѣть свысока на героевъ перваго типа, а послѣдніе, въ свою очередь, должны платить имъ взаимностью. Такъ именно и рисуются эти отношенія въ романѣ г. Боборыкина. «Хе, хе! говоритъ «взыскующему градъ» Крутицыну одинъ изъ земскихъ «дѣятелей и сѣятелей», давно уже нашедшій свой «градъ» въ земской управѣ: — хе, хе!.. Чернорабочимъ-то Александру Павловичу (т. е. Крутицыну) быть не желательно... А безъ нашихъ земскихъ трудовъ, позвольте спросить, что-же станется съ вашимъ высшимъ прогрессомъ? Вотъ у славянофиловъ такой эпитаграфъ былъ, кажется: коли корень крѣпокъ, такъ и древо совершенно. Нынче одними выпрепними мечтаніями много не возьмешь, — нѣтъ; пускай каждый, кто считаетъ себя умнѣе и ученѣе другихъ, попочтѣетъ такъ, какъ мы потѣмъ... Надо сѣсть на мѣстѣ, заявить себя членомъ общества, довѣріе, извѣстный почетъ приобрести, и тогда только нашъ братъ имѣетъ право безъ ложной скромности сказать: во мнѣ есть толкъ, я столько-то стою, какъ говорить наши заатлантическіе друзья — американцы...» — «Нужны дѣятели, нужны-сь» (Солидн. Добр., т. I, стр. 83). «Взыскующіе градъ» презрительно улыбаются, слушая такія тирады: «Америку они съ этимъ земствомъ открыли, говоритъ одна изъ отживающихъ героинь этого типа, — и такія намъ благодѣянія сулятъ... Газомъ хотятъ и нашъ переулокъ освѣтить...», «а на жалованье себя чуть не сто тысячъ отмежевали» (ibid., стр. 57). «Они дѣло дѣлаютъ, ораторствуетъ та-же особа, — кто говоритъ, да ужь очень себя-то величаютъ... Такъ въ каждомъ словѣ, въ каждомъ жестѣ и чувствуется, какъ они отечество спасаютъ... И сушь какая, Господи Боже мой! Какой-нибудь птенецъ только со скамейки соскочилъ, а вѣдь по сухости что твой Талейранъ... Ни одного слова не вымолвить отъ сердца... Молодость-бы показалъ, немножко-бы увлекся чѣмъ-нибудь... Для одного земство, для другого окружный судъ,

а все остальное — бредни и глупости». Положимъ, что это говорить беззубая старость, но ее въ этомъ случаѣ вполне и условно одобряютъ гг. Крутицыны, Юсы, Турусовы и имъ подобные. Они съ восторгомъ прислушиваются къ ея сентенціямъ и съ особеннымъ удареніемъ напираютъ на тѣ «сотни тысячъ, которыя дѣятели и сѣятели» отмежевали себѣ въ жалованье», на сухость, безсердечность «этихъ, какъ выражается тетка Крутицына, нынѣшнихъ-то... изъ правовѣдовъ... по гласности-то...». Самъ авторъ, видимо, сочувствуетъ мудрости этой тетки; иначе онъ не могъ-бы представить такую утрированно-пошлую пародію на характеръ одного изъ «этихъ нынѣшнихъ-то... по гласности», какую онъ представилъ въ лицѣ «мѣстнаго прокурора» изъ правовѣдовъ (см. кн. 1, стр. 92 — 94). Что это за идиотъ, который при первой-же встрѣчѣ съ незнакомымъ человѣкомъ вопрошаетъ его начальническимъ тономъ, «признаетъ-ли онъ право вмѣненія»? Что это за невѣжда, котораго такъ легко побиваетъ, на почвѣ его-же собственной специальности, совершеннѣйшій диллетантъ въ юриспруденціи — Крутицынъ? Что это за несчастный паралитикъ, у котораго языкъ не можетъ выговорить подъярьядъ двухъ связанныхъ фразъ? Очевидно, что г. Боборыкинъ «намѣренно и предумышленно» искажилъ истину въ интересахъ крутицынской тетушки. Вообще къ людямъ перваго типа, т. е. къ людямъ, «обрѣтшимъ градъ», онъ относится съ весьма замѣтнымъ недоброжелательствомъ; въ построеніи ихъ характеровъ въ особенности обнаруживается та неловкая *поддѣлка*, о которой я замѣтилъ выше. Только для двухъ героевъ онъ дѣлаетъ, повидимому, исключеніе: для Швецова и Прохорова. Но за то онъ заставляетъ одного изъ нихъ (Швецова) торжественно отречься отъ проповѣдуемой имъ въ началѣ романа «теоріи хомута», а второго вынуждаетъ сознаться, что и его, Прохорова, подобно Крутицыну, «посѣщаетъ вечерняя скука». Субъективизмъ автора (о которомъ мы уже упоминали выше), такъ безцеремонно высказывающійся въ обрисовкѣ характеровъ разныхъ Федоровъ Ивановичей, «мѣстныхъ прокуроровъ» и т. п., весьма слабо маскируется и въ отношеніи къ этимъ двумъ личностямъ для большей ясности онъ, устами Крутицына, безъ всякихъ обиняковъ, высказываетъ свою точку зрѣнія на Прохорова, а устами Швецова-расскаившагося—на Швецова-проповѣдника теоріи хомута. «Въ немъ, говорить онъ (или, что все равно, Крутицынъ) о Прохоровѣ, — есть сила; но онъ въ торричеллиевой пустотѣ (?), онъ безъ среды, онъ безъ будущности для страны своей» (кн. 3, стр.

376). И именно съ этой почвенной точки зрѣнія онъ намъ и рисуетъ характеръ сего російскаго позитивиста. «Къ чему программы, зачѣмъ клѣточки? восклицаетъ Швецовъ-покаявшійся:—какая тутъ табель о рангахъ полезности, серьезности, благонамѣренности? Я ея держался когда-то, а теперь всячески отплеываюсь! Къ чему на каждомъ шагу щупать себѣ пульсъ и шептать: жизнь уходитъ, а я еще ни къ чему не приспособился!» Въ такихъ-то совершенно недвусмысленныхъ выраженіяхъ опредѣляетъ намъ г. Боборыкинъ свои взгляды на «теорію хомута» и на всѣхъ ея практическихъ послѣдователей. Потому въ его произведеніяхъ мы не должны искать безпристрастнаго матеріала для оцѣнки характеровъ «спасенныхъ», но за то въ нихъ весьма много интересныхъ данныхъ для оцѣнки характеровъ «вщущихъ спасеній».

VII.

Съ перваго взгляда можетъ показаться, что противорѣчіе, мучившее новое поколѣніе дѣтей, было то-же самое, которое терзало въ „оны дни“ ихъ родителей, такъ называемыхъ, «людей сороковыхъ годовъ». Та-же тоска невыносимая—„русская хандра“, хандра, которую, по словамъ Крутицына, не понять никому, кромѣ русскаго! „Сколько я зналъ русскихъ, говоритъ Рязъ,—и ученыхъ, и просто туристовъ, и людей въ родѣ Филибера,—въ каждомъ есть этотъ русскій сплинъ, для котораго на нашемъ языкѣ нѣтъ даже и имени“ (к. 3, стр. 362). На тотъ-же „сплинъ“ вѣчно жаловались и люди 40-хъ годовъ. Чтобы спастись отъ него они или „по свѣту рыскали“ въ тщетныхъ поискахъ за „исполнскимъ дѣломъ“, или просто спивались, превращались въ Берендѣевыхъ (см. Поддѣли, стр. 252—259), или всецѣло посвящали себя на служеніе Венерѣ, превращались въ Григоріевъ Васильевичей (ib, стр. 261—264). Конечно, ни въ поискахъ за исполнскимъ дѣломъ, ни въ пьянствѣ, ни въ цинизмѣ, ни въ узахъ домашняго очага они не могли найти себѣ полнаго успокоенія, потому что ни тотъ, ни другой, ни третій способъ не уничтожалъ и не разрѣшалъ рокового противорѣчія ихъ существованія. Они продолжали ныть, брюзжать и распинать сампхъ себя на крестѣ самоанализирова-

нія. Повидному, та-же печальная судьба должна постигнуть и разочарованных дѣтей конца и начала 50-х годовъ. И дѣйствительно, чѣмъ отличается герой повѣсти „Поддѣлки“ отъ всѣхъ этихъ Василювъ Григорьевичей, Берендѣевыхъ, Пантелѣевыхъ etc? Развѣдающая его скука, конечно, стоитъ скуки Берендѣева и Пантелѣева, его автобіографія есть не болѣе, какъ элегическій гимнъ скуки. Вездѣ и повсюду онъ скучаетъ, каждую минуту хочетъ уйти отъ нее куда-нибудь, но она, какъ тѣнь, слѣдуетъ по его пятамъ. Да и какъ-же ему не скучать, когда онъ не знаетъ, что съ собою дѣлать, когда, вѣдъ сферы „ухаживанія“ за особами женскаго пола, у него нѣтъ никакихъ серьезныхъ занятій. Онъ литераторствуетъ, но литераторствуетъ только потому, что, вѣдъ, нельзя-же цѣлый день все ухаживать, да ухаживать. Его докторъ и его родные полагаютъ, что причиной его хандры—холостая жизнь; влюбившись, опять-таки со скуки, въ нѣкую барышню, онъ и самъ начинаетъ съ этимъ соглашаться. Наконецъ, *его женятъ*, самъ онъ слишкомъ разслабленъ бездѣятельностью и хандрою, чтобы жениться безъ чужой помощи. Его женятъ на дѣвушкѣ, въ которую онъ влюбился и которая его тоже любитъ. Кажется, теперь онъ нашелъ искомую пристань. Нѣтъ, тоскливая бездѣятельность создаетъ ему новыя огорченія. Онъ начинаетъ подозрѣвать, что не онъ женился, а его *женили*, его самолюбіе возмущается; невинныя женскія хитрости кажутся ему вѣроломнымъ предательствомъ, любящая его жена — низкой и презрѣнною обманщицею, и вотъ начинается „буря въ стаканѣ воды“. Вы чувствуете, что все это дѣлается со скуки, что человѣкъ хочетъ хоть чѣмъ-нибудь наполнить пустоту своей жизни, но вамъ нисколько не жалко этого человѣка, напротивъ, онъ возмущаетъ васъ самыми своими страданіями! Вы видите въ этихъ страданіяхъ столько черстватаго эгоизма, столько безсердечія и безжалостности къ ближнему, что вы не въ силахъ симпатизировать имъ. Кажется, всѣ нѣжныя чувства атрофированы въ этомъ скучающемъ резонерѣ. Убѣдивъ себя, что жена его обманывала (что существовало только въ его умѣ), онъ черезъ нѣсколько-же недѣль послѣ свадьбы рѣшается бросить ее. Съ мелочностью резонера онъ обдумываетъ свой планъ, устраняетъ препятствія и дѣлаетъ всѣ нужныя приготовленія. Жена, повидному, ничего не подозрѣваетъ и безмятежно наслаждается своею любовью. Замѣчательно, что онъ самъ ее любитъ, однако, это не мѣшаетъ ему взять на себя роль палача любимой и любящей женщины. Онъ беретъ ее не по увлеченію, не въ порывѣ

страсти, не бессознательно, — нѣтъ, онъ тщательно въ нее вдумывается и, съ варварствомъ дикаря, восхищается своею хитростью! «Приготовленія мои, пишетъ онъ, — я веду съ необычайнымъ самообладаніемъ. У меня въ бюро лежитъ уже заграничный паспортъ; я выправилъ также отдѣльный видъ для своей жены. Деньги приготовлены. Письмо будетъ написано завтра. Жена моя обрѣтается въ «счастливомъ невѣдѣніи» (смотрите, онъ даже шутить!) Да, есть тайное сладострастіе въ зрѣлищѣ одураченія. Злобное ощущеніе перелпвается по всѣмъ вашимъ жиламъ. Смотришь на довольное, улыбающееся, кроткое лицо и думаешь: улыбайся, голубушка, улыбайся, ты воображаешь, что блаженству твоему нѣтъ предѣла, что наивный муженекъ въ восхищеніи отъ твоей искренней траги-комической исповѣди; а онъ уже все приготовилъ для сюрприза, который будетъ почище внезапнаго открытія заговора этихъ двухъ бабенокъ, затянувшихъ его въ женитбу. Какъ-то ты будешь улыбаться, читая письмо, которое найдешь въ кабинетѣ мужа, на письменномъ столѣ? И ты скажешь, голосомъ отчаянія, что вредно женщинѣ быть слишкомъ откровенной даже и съ пламеннымъ любовникомъ, даже и съ простакомъ-мужемъ. А отчаяніе твое я отсюда вижу и наслаждаюсь имъ» и т. д. (Подѣли, стр. 357). Что это, какой-нибудь страшный злодѣй или, дѣйствительно, черезъ мѣру оскорбленный человѣкъ? Ни то, ни другое. Это, просто, самолюбивый резонеръ. Резонерство возмутло его злыя инстинкты, оно-же потомъ и успокоило ихъ. Это резонерство не было чуждо, конечно, и героямъ 40-хъ годовъ, но оно не имѣло у нихъ того преобладающаго характера, какой оно здѣсь имѣетъ. Глубокія и вѣжныя чувства, ради которыхъ вы иногда еще могли помириться съ первыми, здѣсь перерождаются въ какія-то сластолюбивыя похотѣньица, въ какія-то мимолетныя, легкомысленныя увлеченія. Если первыхъ вы называли „рычлыми натурами“, то эту натуру вы должны назвать „сухою“. Если первыхъ вы жалѣли, то къ послѣдней вы будете чувствовать одно презрѣніе. Въ другомъ мѣстѣ я показалъ причину этой сухости, этого резонерства, составляющихъ отличительную черту «дѣтей», какъ Овѣринскаго, такъ и Негоревскаго типа; мы видимъ теперъ, что эта черта не покидаетъ ихъ даже и тогда, когда они берутся за ампула своихъ родителей. Однако, благодаря, быть можетъ, именно этому обстоятельству, родительское ампула скоро становится для нихъ уже черезъ мѣру скучно. Родители хоть минутами забывали гнетущее ихъ противорѣчіе, хоть минутами наслаж-

дались жпзнію *непосредственно*, не отравляя мимолетныхъ радостей, раздѣдающимъ анализомъ рефлексіи. Но у дѣтей не могло быть такихъ минутъ; резонерство допекало ихъ на каждомъ шагу, на каждомъ шагу оно упрекало ихъ въ шалопайствѣ и ничего-недѣланіи, доказывало необходимость выйти изъ рокового противорѣчія, примирить свои „идейныя начала“ съ „практическими интересами“. Даже герой „Поддѣли“, въ концѣ концовъ, какъ кажется, внялъ этому неотвязчивому голосу и, обзаведясь семейкою, достигъ искомаго равновѣсія, т. е. къ чему-то примазался и на чемъ-то успокоился. Къ чему и на чемъ—объ этомъ онъ не говоритъ, да намъ это и знать неинтересно.

VIII.

Прежніе герои, люди 40-хъ годовъ, съ ихъ „идейными началами“, съ одной стороны, и рутинная жизнь, насъвозь пропитанная крѣпостнымъ правомъ, съ другой стороны,—не имѣли между собою рѣшительно ничего общаго. Они были въ полномъ смыслѣ „не отъ міра сего“. Жизнь, какъ будто, говорила имъ: «миѣ нѣтъ до васъ никакого дѣла, лежите на боку сколько вашей душѣ угодно, только не мѣшайте въ мои дѣла, въ мои отношенія... Вотъ вамъ оброкъ съ вашихъ крѣпостныхъ, берите его и проживайте гдѣ и какъ хотите, но не требуйте отъ меня ничего больше. Я васъ готова терпѣть, вы миѣ не въ тягость, но и вы, въ свою очередь, должны терпѣть меня, потому что безъ меня вы немислимы; чѣмъ вы будете существовать, если я перестану высылать вамъ ваши оброки?»

И эти люди спокойно клалъ въ карманъ „плодъ трудовъ“ милліоновъ рукъ,—и удалялись отъ жизни, въ которой не было мѣста ихъ „идейнымъ началамъ“. Несмотря, на свой кажущійся разладъ съ будничною дѣйствительностью, между нею и ими существовала полная гармонія. Оттого ни томительная скука, ни мучительное сознание собственной бесполезности не могли измѣнить ихъ характера, не могли сдвинуть ихъ съ точки, на которую поставила ихъ логика жизни. И они вертѣлись на этой точкѣ, какъ полоумные брамины, представляя изъ себя зрѣлище, столько-же комическое,

сколько и трагическое. Совсѣмъ въ иномъ положеніи находятся ихъ дѣти, и совсѣмъ иную рѣчь держать къ нимъ жизнь: „вы мнѣ нужны, говоритъ она имъ, и я не буду долго кормить васъ даромъ. Ваши „идейныя начала“ не совсѣмъ подходятъ къ тѣмъ интересамъ, которые я для васъ создала. Но меня это не касается, для развитія моихъ собственныхъ началъ мнѣ нужны сельскіе хозяйства, техники, промышленники, врачи, юристы и т. п. Каждому изъ нихъ я готова предоставить полную свободу въ сферѣго специальности,—но не больше. Вы обязаны мнѣ помогать: развивайте промышленность и торговлю, рационализируйте сельское хозяйство, обучайте народъ грамотѣ, заводите банки, больницы, проводите желѣзныя дороги, и т. п., за все это я положу вамъ хорошее, вполне обезпечивающее васъ содержаніе, я буду стараться, чтобы ваша дѣятельность не была для васъ слишкомъ безпокойна, я обставляю ее условіями, соответствующими вашимъ характерамъ, и надѣлю васъ, вдобавокъ, чувствомъ самодовольства и прогоню вашу тоску. Вотъ мои условія. Если вы не примете ихъ, то, повторяю, мнѣ не зачѣмъ васъ кормить. Вашимъ отцамъ я давала оброкъ, хотя они и были „лишними людьми“, но это потому, что тогда и „лишніе люди“ были необходимы въ экономіи вѣрностнаго права. Не думайте, что я буду также снисходительна и къ вамъ. Вы должны быть или моими *помощниками*, или-же моими *врачами*. Средины теперь не можетъ быть. Индифферентнаго „маханья рукой“ я не потерплю! И такъ: со мной или противъ меня!“

Вотъ простыя и ясныя требованія логики жизни. Они не оставляютъ никакихъ сомнѣній или недоразумѣній. Все опредѣлено, все предусмотрено; отговоркамъ нѣтъ мѣста. Условія выгодны и даже почетны; на обдумыванія и колебанія, назначенъ точный срокъ. По истеченіи этого срока, всякіе компромисы заранѣе объявляются невозможными. Нужно выбрать или то или другое, „шатанія“ продолжать уже больше нельзя.

При такой категорической постановкѣ вопроса самою жизнію, вы уже напередъ знаете, чѣмъ должно окончиться это дѣтское, „шатанье“. И, въ самомъ дѣлѣ, что можетъ удерживать ихъ отъ немедленнаго принятія условій прозаической дѣйствительности? „Идейныя начала“? Но между этими началами и тѣмъ новымъ положеніемъ, которое предлагаетъ имъ занять жизнь, нѣтъ такой непроходимой пропасти, которая лежала между „идейными началами“ ихъ родителей и окружавшею ихъ дѣйствительностью. Для послѣднихъ, въ самомъ дѣлѣ, немислимо было какое примире-

ніе. Даже мистическая софистика славянофиловъ не могла выстроить никакого прочнаго мостика между интересами тогдашней рутинѣ и интересами ихъ идеальныхъ умозрѣній. Напротивъ, между «идейными началами» новаго поколѣнія и его экономическими интересами, хотя и велико разстояніе, но мостъ построить возможно. Нужно только отыскать въ дѣствительности какую-нибудь подходящую *точку*. Разъ она найдена, и дѣло въ шляпѣ: извѣстно, — принципы, идеи гораздо эластичнѣе гуттапѣрчи. Предѣлы ихъ растяжимости такъ обширны, что, съ ихъ помощью, можно соединить какія угодно отдаленныя точки, лишь-бы онѣ помѣщались на одной плоскости. Только мечтательные идеалисты могутъ еще вѣрить въ „твердость“ принциповъ и оспаривать „резиновые свойства идеи.“ Но, идеалисты дурные психологи, и они ровно ничего не смыслятъ въ той сложной машинѣ, которая называется „человѣкомъ“.

И такъ, нужно отыскать какую-нибудь точку въ практической рутинѣ и подтянуть къ этой точкѣ «идейныя начала». Этого требуетъ логика жизни. Устами доктора Швецова, она, такимъ образомъ, формулируетъ это требованіе: „Одно слово, говоритъ онъ (кн. 1, стр. 29),—должна быть пуповина, по которой переходить въ насъ изъ общаго тѣла пласма, утробу нашу питающая“... Онъ совершенно вѣрно замѣчаетъ, что для него и ему подобныхъ „дѣтей“ нужно какое-нибудь болото, въ которомъ-бы они могли увязнуть, и что если къ 30-ти годамъ такого болота не оказывается, то „спокойствія нѣтъ, равновѣсіе не найдено, червь, какой ни на есть, заѣдаетъ вамъ благоутробіе. Иначе-бы все шло какъ по маслу. Хомуть былъ-бы, потому, къ нашимъ съ вами годамъ (это онъ говоритъ Крутицыну) ему быть слѣдуетъ. (ib., стр. 28) Если его нѣтъ, то это происходитъ потому, „что все средю-то желаетъ вашъ братъ по своему передѣлывать, и это — неосновательная забава!“ (ib., стр. 29). Въ доказательство мудрости своей теоріи, онъ приводитъ самого себя. „Я, батенька, рассказываетъ онъ, — тоже рвался въ горнюю... Да какъ вышелъ я на распутье, съ лекарскимъ свидѣтельствомъ... Кругомъ туземцы, мало чѣмъ отличающіеся отъ папуанцевъ. Другой-бы сейчасъ фыркать: вы такіе-сякіе. А я нѣтъ. Я ихъ приласкалъ: цыпъ, цыпъ... Всякое имъ уваженіе и разговоры «по душѣ»... Съ купечествомъ, да съ мѣщанствомъ пришлось мнѣ возжаться; я рыло свое не токмо, что не отвращалъ отъ сихъ обывателей, но оное усиленно къ нимъ обращалъ, и всячески ихъ степенныя морды обнюхивалъ и ласкалъ. Прошелъ.

тодокъ, а глядишь, уже и практика на три тысячи поднялась. Куда не пойду: батюшка, Григорій Пантелѣичъ, наше вамъ почтеніе, и всякая штука. И говорю я моимъ папуанцамъ: не плохое-бы дѣло вамъ свою больницу, хоть не мудрящую, завести. Подаются. Умираетъ тутъ старче изъ монхъ пациентовъ и оставляетъ на устройство больницы кушъ въ пятнадцать тысячъ! Въ одинъ годъ больница сооружена...» и т. д. и т. д. (ib., стр. 29).

Вотъ что называется и „богу свѣчку, и черту кочергу“! Чѣмъ это не мудрость? И чѣмъ эта мудрость отличается отъ мудрости Иванъ Федоровичей и мѣстныхъ прокуроровъ? Въ обонхъ случаяхъ результатомъ этой мудрости является «довольство самимъ собою». — «А пропади эта житейская окромка, ораторствуетъ опять тотъ-же Швецовъ,—споди этотъ хомуть, ну и засосетъ тебя своя личная блажь»!.. (ib., стр. 30).

Выше мы уже показали, что на Крутицынѣ вполне оправдывались эти слова. Строго говоря, онъ совсѣмъ не былъ шалопаемъ, напротивъ, авторъ представляетъ намъ его однимъ изъ образованнѣйшихъ „дѣтей“: онъ „и медицины докторъ и специалистъ по химіи, высшую степень по этой части получилъ, работы печаталъ, кафедру занималъ. одно слово, говорить о немъ Швецовъ,—«генералъ отъ положительнаго знанія и разныхъ интеллигентныхъ орденовъ кавалеръ». Но отчего, при такомъ обиліи званій, при такомъ разнообразіи умственныхъ интересовъ, онъ все хандритъ и скучаетъ? Видите-ли, «идейныя начала» все мѣшаютъ ему принять условія жизни и ограничиться лишь такою дѣятельностью, которая не противурѣчитъ интересамъ его положенія. «Идейныя начала» лишили его кафедры; онъ-же помѣшали ему устроиться съ папуанцами, какъ устроился докторъ Швецовъ; онъ, однимъ словомъ, оставляютъ его безъ практическаго дѣла, и лишаютъ его того «самодовольства», которымъ кичатся спасенныя дѣти. Онъ самъ чувствуетъ, что нѣтъ у него искомаго «равновѣсія», что не имѣется у него «здѣ пребывающаго града». Но не думайте, чтобы онъ не желалъ его имѣть; напротивъ, въ этомъ-то и состоитъ характеристическая черта дѣтей новаго поколѣнія, что они въ глубинѣ души только объ этомъ градѣ и мечтаютъ. Крутицынъ постоянно себя спрашиваетъ: «гдѣ-же пуповина? какія зацѣпки, связи, крупныя интересы? Кому я нуженъ? Гдѣ сила и вліяніе»? «И отъ этихъ вопросовъ, говоритъ авторъ (кн. 1, стр. 131), становилось ему холодно и „уныло на душѣ“. „Пройдетъ голь, кончится выставка, размышляетъ нашъ герой, отправляясь на парижскую всемірную выставку, въ качествѣ корреспондента какой-то

газеты, — кончится выставка, и ступай опять на перепутье, и „взыскуй грядущаго града“. Гдѣ люди, за которыхъ могу я ухватиться, съ которыми пойду рука объ руку къ одной высокой цѣли, сильный ихъ круговою порукою, сочувственной и осмысленной солидарностью? Ихъ нѣтъ. Случайныя знакомства, два-три пріятеля, разсыпанные по разнымъ угламъ матушки-Руси, нѣсколько студентовъ, бывшихъ учениковъ, неизвѣстно гдѣ... двѣ женщины... и обчелся. Среди нѣтъ, нѣтъ!“ (ib.).

А что-же ваши «идейныя начала»? Развѣ они не говорятъ вамъ, кому вы нужны? Развѣ они не составляютъ сами по себѣ силу? Развѣ ихъ сила не ваша сила? Развѣ кромѣ ихъ поддержки нужна еще какаянибудь-другая поддержка, въ видѣ знакомыхъ, пріятелей и т. п.?— Да, у господъ Крутицынскихъ «идейныя начала» не реальная сила, самобытная и живая, сама себя поддерживающая, — у нихъ это отвлеченный мифъ, забава, „скучающаго ума“, — забава, въ которой онъ привыкъ съ дѣтства, но которой онъ, конечно, не можетъ отдаться всецѣло и беззаветно. Оттого-то гг. Крутицынскимъ необходимы какія-нибудь постороннія „защѣпки“ и „поддержки“, оттого-то безъ этихъ „защѣпокъ“ — они не видятъ въ своей жизни никакихъ „крупныхъ интересовъ“, и съ уныніемъ вопрошаютъ себя: «кому мы нужны?» Впрочемъ, теперь Крутицынъ посмотрѣлъ на свое положеніе съ точки зрѣнія своихъ порывовъ къ „защѣпѣ“, т. е. съ точки зрѣнія своихъ экономическихъ интересовъ, но иногда онъ смотритъ на него и съ точки зрѣнія своего мифа, своихъ „идейныхъ началъ.“ Тогда онъ издѣвается надъ теоріею хомута и злорадствуетъ, видя, какъ жизнь разбиваетъ подъ часъ практическую мудрость юныхъ старцевъ. Онъ утѣшаетъ себя, что вотъ, молъ, и Швецовъ потерялъ свое хваленое равновѣсіе, что и онъ пойдетъ искать „грядущаго града“ (кн. 3, стр. 404); что и другой его пріятель, какой-то горбунъ, не смотря на всю свою житейскую мудрость (въ духѣ теоріи «хомута»), послѣ десятилѣтняго скитанья, оказался не только безъ «пуповины», но даже съ перваго-же слова пѣлъ Лазаря и обзывать себя «прохвостомъ» (ib., стр. 467). «Вотъ, размышляетъ Крутицынъ, — вздумали обойтись безъ «идейныхъ началъ», и, что взяли? «Лазаря» заплѣли! Со мной-же пришли горемъ своимъ дѣлиться». Въ то-же время, смотря на Прохорова и разныхъ Ломовыхъ, Филиберовъ и т. п., онъ опять-таки злорадствуетъ, но уже тутъ по другой причинѣ: «что взяли? думаетъ онъ, оторвались отъ пуповины, вотъ и бьетесь, какъ рыба объ ледъ, вотъ и васъ,

г. Прохоровъ, начала посѣщать „вѣчерняя скука“, вотъ и васъ, г. Филиберъ, тянетъ къ „средѣ“, и «зацѣпѣ», и Ломовъ думаетъ махнуть въ Россію!»

Такимъ образомъ, позывы «къ зацѣпѣ» и „идейныя начала“ волнуютъ душу Крутицына, и не даютъ ему ни минуты покоя, это два его демона, вѣчно между собою враждующіе и другъ надъ другомъ пздѣвующіеся. Но почему ихъ борьба такъ продолжительна, почему ни тотъ, ни другой не возьметъ верха надъ своимъ противникомъ? Конечно, это зависитъ въ значительной степени отъ чисто личныхъ свойствъ Крутицынской природы. Природа болѣе сильная, болѣе энергическая, въ родѣ, напримѣръ, природы доктора Швецова, рѣшаетъ споръ двухъ демоновъ съ одного маха; онъ позволяетъ себѣ «не имѣть равновѣсія» только нѣскольکو дней, недѣль, и потомъ снова быстро восстанавливаетъ его и снова облеивается въ «хомуть», или, по крайней мѣрѣ, устремляется къ нему. Но Крутицынъ—натуришка слабая и тряпичная; душевныя болѣзни принимаютъ у него форму хроническую, а извѣстно, отъ хронической болѣзни отдѣлаться не такъ легко, какъ отъ острой.

IX.

Однако, кромѣ этихъ индивидуальныхъ, частныхъ причинъ были тутъ еще одна причина болѣе общая. Выше я уже указалъ, что *резонерство* составляетъ какъ-бы универсальное свойство «русскихъ людей.» И въ этомъ отношеніи Крутицынъ вполне „русскій человѣкъ.“ Онъ резонеръ съ головы до пятковъ. Вотъ это-то резонерство, съ своимъ неизбѣжнымъ спутникомъ *самоанализированіемъ*, мѣшало ему примирить свои противурѣчивыя желанія, найти искомую *точку равновѣсія*. Но съ другой стороны, это-же резонерство, какъ мы сейчасъ увидимъ, помогло ему благополучно окончить борьбу демоновъ и притечь къ пристани спасенія. Случилось это такимъ образомъ:

Встрѣтился Крутицынъ случайно съ нѣкою барыней, по имени Ксенія Николаевна. Барыня эта обладала качествами, весьма рѣдко свойственными нашимъ соотечественникамъ и соотечественницамъ, у нея былъ сильный характеръ и она умѣла прямо идти къ цѣли;

мечтанія энергической барышни не шли далѣе подмостковъ Большого театра. Въ призваніи оперной пѣвицы она изволила усматривать задачу своей жизни. Съ точки зрѣнія Крутицына, эта задача была ничѣмъ не хуже всякой другой задачи. «Даровитый актеръ, проповѣдуетъ онъ,—ничѣмъ не ниже Келликера.» Къ тому-же, барышня была очень хороша собою, имѣла прелестныя „золотистые локоны“, восхитительно пѣла, и т. п. Всего этого достаточно, даже черезъ чуръ достаточно, для того, чтобы Крутицынъ воспылялъ къ ней любовью. Замѣтимъ здѣсь кстати, что всѣ вообще герои г. Боборыкина одарены необыкновенною влюбчивостью; любовь, кажется, самое серьезное дѣло ихъ жизни; и они вѣчно въ кого-нибудь влюбляются или за кѣмъ-нибудь ухаживаютъ. Итакъ, Крутицынъ влюбился... Но, разумѣется, въ качествѣ неисправимаго резонера, онъ боится констатировать этотъ фактъ не только передъ предметомъ своей любви, но даже и передъ собою. Онъ конфузится, мямлетъ, и вообще чувствуетъ себя не по себѣ, съ остервененіемъ предается самоанализированію, и мучаетъ себя нескончаемыми вопросами: да, какъ же это? да, что-же это значитъ? да, хорошо-ли я поступаю? да не кончить-ли все это? и т. д. Барышня тоже начинаетъ чувствовать нѣкоторую «нѣжность» къ своему преданному и конфузливому другу, только, въ качествѣ энергической природы, она сейчасъ ориентируется и въ своихъ чувствахъ къ „другу“ и въ чувствахъ «друга» къ себѣ. Ориентировавшись, она ясно видитъ, что дѣло можетъ разыгаться не на шутку, и что нужно какъ-нибудь его покончить. Любовь тряпичнаго резонера, пожалуй, отвлечетъ ее отъ ея цѣли и, во всякомъ случаѣ, затруднитъ ее на пути неуклоннаго шествія къ подмосткамъ Большого театра. А потому, гораздо лучше сбросить съ дороги эту тряпку и подавить зарождающуюся къ ней нѣжность. Сказано—сдѣлано. Барышня внезапно покидаетъ своего мямлющаго дыхателя, а для того, чтобы онъ не вздумалъ искать ее, она оставляетъ ему письмо, въ которомъ ему объявляется, что онъ ей надоѣлъ, что она его обманывала и смѣялась надъ нимъ, и «что онъ вообще слишкомъ слабъ, чтобы возбуждать серьезное чувство.» Расчетъ былъ вѣренъ. Ни чѣмъ нельзя такъ обозлить дрянного резонера, какъ задѣвъ его самолюбіе. Постоянно дѣлая себя предметомъ своихъ созерцаній, онъ до такой степени влюбляется въ свое „я“, что не можетъ выносить даже самаго легкаго намека на пустоту и негодность этого „я“. Самолюбленіе и самообличеніе идутъ у него, какъ-то, рука объ руку, и одно нисколько не вредитъ другому.

Но особенно они чувствительны къ обидамъ, наносимымъ женскою рукою. Если только они узнаютъ, что женщина «забавлялась ими», что они сдѣлались — *смытыми* въ ея глазахъ, о, тогда они готовы растерзать „вѣроломную обманщицу“ и „дерзкую насмѣшницу“ собственными своими руками. И Крутицынъ, въ этомъ случаѣ, оказался ничѣмъ не лучше героя новѣсти «Поддѣли!» Сейчасъ видно, что и тотъ и другой — „одного поля ягоды.“ Онъ разсвирѣпѣлъ и ожесточился. „Какъ, меня, Крутицына, меня, ребенка обожженного лучезарнымъ хвостомъ идеи, какая-нибудь Ксенія Николаевна изволила водить за носъ? О, это непростительно! Подлая, вѣроломная женщина!“ Ему даже и въ голову не пришло подумать о ней, а не о себѣ, спросить себя: одинъ-ли цинизмъ, одна-ли развращенность продиктовали ей обидѣвшее его письмо? Нѣтъ, въ его глазахъ она была безвозвратно потерянная женщина, мечтающая лишь о „срываніи цвѣтовъ удовольствія.“ „Пока я, поетъ онъ „Лазаря“, — пока я предаюсь здѣсь своей негнѣбнѣйшей хандрѣ, она срываетъ тутъ-же въ Парижѣ цвѣты удовольствія и обитаетъ гдѣ-нибудь въ Елисейскихъ поляхъ, въ собственномъ отелѣ» (кн. 3, стр. 338).

Однако, всѣ эти мрачныя предположенія оскорбленнаго резонера оказались несправедливыми. Барышня, ни мало не помышляя о „цвѣтахъ удовольствія“, продолжала подвигаться къ своей цѣли. Она работала надъ своимъ голосомъ и дѣлала свою карьеру. Когда Крутицынъ снова встрѣтилъ ее въ Вѣнѣ, она уже была маленькою „знаменитостью“. Здѣсь-же, въ Вѣнѣ, мистификація разъяснилась, и нашему герою пришлось каяться въ своихъ грязныхъ предположеніяхъ. Когда, такимъ образомъ, его самолюбіе успокоилось, любовь снова заговорила. На этотъ разъ, и Ксенія Николаевна не въ силахъ была подавить своей нѣжности къ „тряпкѣ“; и она обнаружила ее такимъ недвусмысленнымъ образомъ, что по истинѣ, надо было быть большимъ волпакомъ, чтобы не замѣтить ея чувствій. Но Крутицынъ именно и оказался такимъ волпакомъ. Онъ по прежнему резонировалъ и соображалъ, да любить-ли она меня? да люблю-ли я ее? да что можетъ выйти изъ этой любви? и т. д. Наконецъ, онъ надумался, что толку изъ его любви никакого не выйдетъ, и что гораздо будетъ лучше, если Ксенія Николаевна сочтается законнымъ бракомъ со Швецовымъ, котораго она совсѣмъ не любила, но который зато любилъ ее. Остановившись на этомъ мудромъ заключеніи, онъ, какъ и слѣдовало ожидать, надѣлалъ бездну глупостей, разозлилъ барышню, которая опять дол-

жна была бѣжать отъ него, чуть не убилъ своего пріятеля Швецова и на самого себя нагналъ новую хандру. Но нѣтъ худа безъ добра. «Чѣмъ больше поводовъ къ недовольству собою имѣлъ Крутицынъ, чѣмъ чаще приходилось ему чувствовать свое безсиліе и одиночество; тѣмъ круче становились приступы его хандры, тѣмъ скорѣе онъ долженъ былъ выйти изъ своего заколдованнаго круга, тѣмъ сильнѣе должны были возбуждаться въ немъ позывы къ „зацѣплѣ“, въ какой-нибудь „пуповинѣ“, въ средѣ.

Отсюда понятно, почему тутъ-же въ Вѣнѣ, слушая Швецова, приходшаго, послѣ непродолжительнаго колебанія, снова въ равновѣсіе, — Швецова, опять начавшаго поучать житейской мудрости, „Крутицынъ уже не улыбался скептически, какъ прежде, а напротивъ, его улыбка, говоритъ авторъ, — показывала, что „наутствіе“ (Швецова) отвѣтило на его затаенныя думы (кн. 3, стр. 483). А что-же это было за наутствіе? Повидимому, Швецовъ приносилъ покаяніе въ своей старой, московской теоріи „хомута“, но въ сущности онъ говорилъ то-же самое, что и прежде, только *хомутъ* онъ называлъ не хомутомъ, а «святой поденщиной». Дѣло въ томъ, что прежняя *точка*, прежнее болото оказались не совсѣмъ удобными для подтягиванія къ нимъ «идейныхъ началъ». Палуанцы, какъ говорится, „подали ему салазки“ и въ прахъ разрушили всѣ тѣ воздушныя замки, которые онъ наивно сооружалъ на ихъ согбенныхъ спинахъ. Вотъ тутъ-то на время и нарушилось его равновѣсіе (конечно, и любовь къ Ксеніи Николаевнѣ не была здѣсь „последней спицей въ колесницѣ“). Нужно было найти новую точку, новое болото. А найти ее, какъ я уже говорилъ, было совсѣмъ не трудно: стоило только захотѣть. Разумѣется, Швецовъ захотѣлъ, и сейчасъ-же нашель. „Пойдемъ, возглашаетъ онъ, — съ котомкою простого работника. Выше нѣтъ этой святой поденщины!“ А, попросту, это значитъ: «въ первый попавшійся уѣздъ приду, дипломы свои покажу, и мѣстишко земскаго врача, рублей въ 75, схвачу» (кн. 3, стр. 389). «Вотъ это прямой и чистый путь! вскричалъ обрадовавшійся Крутицынъ, и если не полѣзъ цѣловаться съ Швецовымъ, то потому лишь, что тотъ въ эту минуту стоялъ въ дальнемъ углу, а средину комнаты занималъ Турусовъ“. (Ib) „И будемъ, заключилъ Григорій Пантелѣвичъ (т. е. Швецовъ), — кій-ждо подь смоковницей своей... Не мудрствуя лукаво и храня обѣтъ всепрощенія...“ (Ib) Итакъ, пуповина найдена! Крутицынъ въ восторгѣ, точно, въ самомъ дѣлѣ, его пріятель открылъ Америку. А между тѣмъ, онъ воспроизводитъ ту-же самую теорію „хомута“,

которую проповѣдывалъ и прежде. Только теперь онъ выражается торжественнѣе и облакаетъ свою мудрость въ болѣе идеальныя ризы. Ясно, что нашъ герой уже «созрѣлъ» для принятія условій жизни. Точка отыскана, нужно только приерѣшиться къ ней. За этимъ дѣломъ не станеть.

Крутицынъ возвращается въ Россію и тутъ окончательно убѣждается, что его призваніе—благодѣтельствовать „двугривенниками“ „родной народъ“. Благодаря доброй тетушкѣ, двугривенниковъ у него имѣется не малое количество, значить, конца дѣятельности не предвидится...

„По старой большой дорогѣ, обсаженной березами, держась глинистой утоптанной тропинки, шель Крутицынъ. Онъ возвращался изъ села Петрова, куда ходилъ пѣшкомъ къ больной старухѣ. Дойдя до овражка, спускавшагося вплоть до рѣвки, онъ оглянулся кругомъ и, снявъ фуражку, присѣлъ подь сосенку, вынулъ папиросу и закурилъ. Заслышались съ боку чьи-то шаги. Онъ обернулся. По склону дороги бѣжалъ въ припрыжку крестьянской паренъ, лѣтъ подь шестнадцать, въ зипунишкѣ на распахку. Онъ былъ босъ, а сапоги несъ въ правой рукѣ. Крутицынъ заводитъ съ нимъ разговоръ и узнаеть, что крестьянинъ несеть продавать замки.— „Кому продавать-то! будешь?“ разспрашиваетъ нашъ герой.— „Кулакамъ, извѣстно... У тятеньки Иванъ Мосѣичъ давалецъ... У него и товаръ забираемъ.“— „Такой замочекъ по чемъ же итеть?“— „Этотъ, вотъ?“— „Да“.— „Такіе по четыре копейка“.— „По четыре копейки!“ вскричалъ Крутицынъ. И вотъ, въ качествѣ „истаго“ народнаго благодѣтеля, онъ просить паренъка продать ему одинъ замочекъ; паренекъ отдаеть ему самый лучшій, а онъ великодушно награждаетъ его... „двумя двугривенными!“ Затѣмъ въ его головѣ возникла мысль объ артели... не сыроваренной и не ссудо-сберегательной, конечно, а *замочной!* Въ самомъ дѣлѣ, какъ-бы это хорошо было: рядомъ съ верещагинскими сыроваренными артелями устроить артель для производства замочковъ! Чѣмъ больше думаетъ объ этомъ Крутицынъ, тѣмъ сильнѣе разгораетъ его фантазія... дѣло отыскано, точка опоры опредѣлена! Нашъ герой такъ доволенъ, что впадаетъ даже въ нѣкоторый пафосъ и восклицаетъ: „Вотъ сюда, въ подполья замочниковъ, на многострадальную почву народнаго труда придемъ мы искупить всѣ наши *себялюбивыя* (??) порыванія, ей отдать наше душевное добро, не прося много возмездія (а тетушкинъ

двугривенные?), кромѣ вѣры въ наши смиренныя начинанія, кромѣ простаго мужицкаго спасаба...“ (кн. 4, стр. 509).

Однако, я совсѣмъ не хочу этимъ уязвить нашихъ преждевременно-состарѣвшихся дѣтей, нѣтъ, я хочу сказать только: что, въ концѣ-концовъ, логика жизни поставила и ихъ на ту самую дорогу, на которую раньше вступили ихъ „однокашники“, — однокашники, менѣе ихъ идеальныя, но за то болѣе ихъ практическія. Въ этомъ фактѣ я вижу одно изъ многихъ доказательствъ того общественно-историческаго закона, въ силу котораго факторъ экономическій всегда является преобладающимъ надъ факторомъ идеальнымъ.

Изъ-за чего же мучились и волновались бѣдныя дѣти? Зачѣмъ протратили они столько дорогого времени и столько силъ на безплодное „штанье вскую“. — „Иначе они не могли, скажутъ мнѣ, — прійти къ желаемому примиренію интересовъ своего положенія съ интересами своихъ идеальныхъ началъ“. А ихъ младшіе братцы, — тѣ, которыхъ я называю „дѣтьми вторичной формаціи“, — постарались заранѣе эманципироваться отъ этой невозможности.

X.

Въ сущности, это было-бы не трудно. Мы уже видѣли, что между интересами этихъ дѣтей и ихъ идеальными началами всегда можно было построить мостики. Чѣмъ раньше этотъ мостикъ будетъ построенъ, тѣмъ, разумѣется, скорѣе окончится внутреннее противорѣчіе, и отыщется искомая точка равновѣсія. Значитъ, для того, чтобъ избѣжать траги-комической судьбы старшихъ братьевъ, младшимъ нужно было съ дѣтства пріобрѣсти себѣ новыя, усвоить, такъ-сказать, *практическое менажированіе своихъ идейныхъ началъ*. Иными словами, они должны были, не посягая на неприкосновенность своихъ интересовъ, и, въ то-же время, не отказываясь отъ своихъ идей, привести и тѣ, и другія къ взаимному любовному соглашенію. И надо отдать имъ справедливость: они рѣшили или, по крайней мѣрѣ, рѣшаютъ эту диллему съ удивительнымъ искусствомъ. Для примѣра, укажемъ хоть на Прохорова, являющагося въ „Солидныхъ Добродѣтеляхъ“ однимъ изъ самыхъ

солидных представителей этих дѣтей „вторичной формациі“.

«Онъ способенъ былъ помочь всему, что мало-мальски отзвѣвалось дѣломъ, идеей, серьезнымъ трудомъ, жертвой, но на свое рабство закрывалъ глаза...» (кн. 3, стр. 261, 262).

Въ другомъ своемъ произведеніи, — По-Американски — г. Боборыкинъ представляетъ намъ постепенную выработку человѣка, приучающагося съ дѣтства къ этому прохоровскому примиренію идейныхъ началъ съ житейскими интересами. Героиня этой повѣсти, барышня очень практическая; съ 15—16 лѣтъ она вполне усвоитъ себѣ дѣдовскую мораль о „змѣнной мудрости и голубиной кротости“ и проводить ее въ своей дѣтской жизни съ неуклоннымъ упорствомъ. „До твоего совершеннолѣтія, говоритъ она себѣ, — ты даешь себѣ зарокъ не поддаваться никакимъ нервнымъ, раздражительнымъ впечатлѣніямъ. Какъ-бы тебѣ не пришлось тошно, держись твоей программы и не траться на мѣдные деньги. Этакъ ты, можетъ быть, ничего особеннаго не выиграешь, за то и не сдѣлаешь ни одной роковой глупости!“ Во-истину, — это сама мудрость! Но только зачѣмъ-же она? Сама барышня сознается, что „дѣвичество, въ условіяхъ барской жизни, когда его отживаютъ такъ, какъ я его отживала, едва-ли не одно изъ самыхъ *тягостныхъ* и *унизительныхъ* положеній. Гораздо легче, веселѣе и пріятнѣе для самолюбія (будто, только для одного *самолюбія*?) сразу выкинуть какую-нибудь штуку: убѣжать изъ дому съ гусаромъ или со студентомъ, записаться въ страдалицы...“ (По-американски, стр. 7). „Но я, продолжаетъ умная и осторожная барышня, все это отвергла. Моя кампанія двигалась по медленному, стратегическому плану, и каждую горечь, каждую фдею или пошлую мелочь, каждый видъ скуки, одиночества, суеты, подчиненности, безцѣльности, каждую крупницу своего и чужого тщеславія я пережила по капелькамъ и, ужь конечно, не считаю себя героинею“ (ib). Да, по правдѣ сказать, тутъ и нѣтъ никакого геройства, только, я опять спрашиваю, къ чему это добровольное самоистязаніе, къ чему этотъ изъ кротости и терпѣнія сколоченный крестъ? А все къ тому, что барышня не желаетъ, какъ она выражается, „разрывать съ почвою“, терять ту драгоценную „пушнину“, которую потомъ, пожалуй, не скоро и найдешь! Крутицынъ и Швецовъ, какъ мы знаемъ, искали ее до 34-хъ лѣтъ, шутка-ли сказать! Практическіе дѣти „вторичной формациі“ совершенно правильно сообразили, что гораздо лучше совсѣмъ не терять этой „пушвины“, чѣмъ потерять ее для того только, чтобы

послѣ снова ее искать. „Пусть, разсуждаетъ наша барышня (ib. стр. 8), — пусть умные, новые люди говорятъ, что „намъ не должно быть никакого дѣла до барскаго, гнѣлого, пошлаго мірва, что мы должны образовать свой новый міръ, неимѣющій ничего общаго со всею этою гнилью,—я это отвергаю, „гнилой и пошлый міръ“ совсѣмъ не такъ гниль, какъ о немъ думаютъ; онъ еще сила, и я не хочу разрывать связей съ этою силою. Какіи-нибудь сумазбродки могутъ дерзко возставать противъ окружающей ихъ обстановки и, въ явный ущербъ себѣ, вступать съ нею въ открытую борьбу. Я такъ не поступлю. Я такъ устрою свои дѣла, что и „овцы будутъ цѣлы и волки сыты“. И, въ самомъ дѣлѣ, она обдѣлала свои дѣлишки съ большею мудростью: и самостоятельность себѣ приобрѣла, и со средою не разошлась. Правда, но въ этомъ случаѣ много помогло то обстоятельство, что она была дочерью не „разоренныхъ“ родителей, что у ней было свое собственное, независимое состояніе.

„Есть люди, разсуждаетъ она, которые скажутъ мнѣ, пожалуй: коли вы такъ выше того міра, откуда вы бѣжите (какое-же это бѣгство — это только: *sommation respectueuse*), зачѣмъ-же берете долю состоянія? Вѣдь жить, сложа руки, на ренту, куда неблагоприятно. Эти люди правы съ своей точки зрѣнія; но я считаю необходимымъ достигъ сперва пользованія всѣми правами, какія только законъ представляетъ мнѣ. А потомъ, сдѣлавшись собственницею и полною распорядительницею своего состоянія, я поступлю такъ, какъ позволяютъ мнѣ мои нравственныя силы. Нелѣпо было-бы, по моему, отказываться отъ всего теперь и потомъ, черезъ два мѣсяца, кусать локти...“ (ib, стр. 165).

Разсудочная рефлексія, само собою понятно, должна играть въ жизни этихъ дѣтей еще болѣе значительную роль, чѣмъ она играла въ жизни ихъ старшихъ братьевъ. И дѣйствительно, героиня „По-американски“, систематически развиваетъ въ себѣ именно эту сторону ума, въ ущербъ всѣмъ остальнымъ: она подавляетъ въ себѣ всякія непосредственныя чувства, порывы. Каждое свое чувствованье, каждое свое дурное или хорошее побужденье она дѣлаетъ предметомъ своихъ размышленій и рѣшается выразить ихъ лишь тогда, когда найдетъ для нихъ самую подходящую и самую приличную форму. Получивъ отъ Булатова письмо (стр. 169), она „не смѣетъ“ отвѣчать ему, не потому, чтобы въ ней не говорили чувства, а потому, что она боится, какъ-бы не преувеличить этого чувства.

Впрочемъ, да не подумаетъ читатель, будто все это я говорю съ цѣлью унижить нашу героиню и подобныхъ ей «дѣтей». Нѣтъ, я не беру на себя оцѣнки ихъ нравственнаго характера, я лишь констатирую факты и ищу связь между ними и породившими ихъ причинами. Мнѣ кажется только, что разъ существуютъ эти причины,—должны существовать и эти характеры.

И. Н.

ПЕРВЫЯ КНИГИ.

Материнское воспитаніе, основанное на законахъ природы. Сочиненіе Ж. Рамбоссона, члена французской академіи наукъ. Пер. съ французскаго А. И. Вестерриксъ. Спб. 1872 г.

Ученый авторъ, одинъ изъ *Сорока* французской академіи, пребываетъ въ наивномъ убѣжденіи, что изложенныя здѣсь воззрѣнія на воспитаніе въ первый разъ возвѣщаются міру и составляютъ плодъ его собственной мысли, — плодъ, которымъ онъ и спѣшитъ по-дѣлиться съ своими читателями. Правда, вопросъ о томъ, какъ вести воспитаніе, какому методу слѣдовать при обученіи, когда оно должно начинаться, это — вопросъ вѣчно старый, но и вѣчно новый, по поводу котораго нельзя не найтись сказать что-нибудь дѣльное, кто чувствуетъ себя мало-мальски способнымъ взяться за его разрѣшеніе. Но для того, чтобы не впадать въ повтореніе и не выдавать за оригинальное то, что давнымъ-давно извѣстно всѣмъ образованнымъ и мыслящимъ людямъ, необходимо, конечно, основательное знакомство съ существующими воззрѣніями и установленными принципами. Но академикъ Рамбоссонъ игнорируетъ всѣ мнѣнія, когда-либо высказанныя по воспитанію иностранными писателями, и потому начинаетъ съ азовъ, и не подозревая, что въ его мнѣніяхъ нѣтъ ничего новаго и оригинальнаго, что все это давнымъ-давно извѣстно, кромѣ самого Рамбоссона. Конечно, во Франціи, гдѣ общество интересуется принципами новѣйшаго воспитанія никакъ не болѣе китайцевъ, идеи Рамбоссона могутъ считаться послѣднимъ словомъ педагогическаго прогресса. «Эмилъ» Жанъ-Жака Руссо и его воспитательныя доктрины, опровергаемыя Рамбоссономъ, глубоко засѣли въ умы французскаго общества и тѣмъ болѣе вращаются ему, что онъ въ

«Дѣло», № 10.

сущности уничтожаютъ всякое первоначальное воспитаніе, оставляя его на произволъ природы и основныхъ инстинктовъ человѣческой природы. *Laissez faire, laissez passer* — вотъ формула педагогической теоріи Руссо, заманчивая для его послѣдователей тѣмъ, что она рисуется въ перспективѣ сладкое *far niente*, развязываетъ руки бездѣлю и умственной косности, снимаетъ бремя головоломныхъ заботъ о воспитаніи и всякую отвѣтственность за его результаты. Но въ настоящее время, когда ошибки и увлеченія Руссо подвергаются критикѣ даже въ нашемъ педагогическомъ вертоградѣ, когда они опровергаются г. Паульсономъ и осмѣиваются г-жей Водовозовой, странно видѣть ученаго академика Рамбоссона, пропагандирующаго всѣмъ извѣстныя истины съ развязностію наватора-революціонера, готоваго пожертвовать жизнью за свои убѣжденія. Всего комичнѣе признаніе автора, что эта жиденькая и весьма поверхностная брошюрка, написанная въ духѣ болтливой французской *causerie*, есть «плодъ серьезныхъ трудовъ». Чтобы опровергнуть Руссо, онъ предпринялъ путешествіе чуть не по всей вселенной, былъ въ Англіи, Шотландіи, Швеціи, Финляндіи, Россіи, Даніи, Германіи, Швейцаріи, Итали и даже на Великомъ Океанѣ и Индѣйскомъ морѣ. Это, что называется, ѣхать за 7 верстъ киселя ѣсть, когда его можно прекрасно приготовить у себя дома. Что нашелъ Рамбоссонъ поучительнаго для педагогики на Великомъ Океанѣ и Индѣйскомъ морѣ—онъ не сообщаетъ; по всей вѣроятности, не болѣе того, сколько онъ извлекъ изъ твореній Квинтиліана, Виргилія и Тацита, на которыхъ онъ безпрестанно ссылается въ подтвержденіе своихъ педагогическихъ воззрѣній. Авторъ вообще любитъ углубляться въ сѣдую древность и вся его брошюра почти цѣликомъ состоитъ изъ выписокъ изреченій латинскихъ классиковъ. Онъ не оставилъ въ покоѣ даже пресловутаго прелата Фенелона, котораго онъ считаетъ настоящимъ современнымъ педагогомъ и съ любовью цитируетъ каждое слово, нечаянно слетѣвшее съ языка придворнаго куртизана. Все это очень хорошо; пріятно узнать, что классики и Фенелонъ провидѣли всю современную педагогическую мудрость, до которой мы добрались лишь путемъ немощныхъ усилій и горькихъ опытовъ. Но еще пріятнѣе было-бы намъ сдѣлать хоть одинъ небольшой шагъ впередъ втеченіи тѣхъ полутора-тысячъ лѣтъ, которые прошли съ тѣхъ поръ, какъ Гораций написалъ свои оды.

Въ настоящее время всякій педагогъ начинаетъ изложеніе своихъ воззрѣній на воспитаніе съ опроверженія теоріи Руссо, кредитъ которой и безъ того давно уже подорванъ ея внутренней несостоя-

тельностью и фактическими данными естествознанія. Не мудрено, конечно, что онъ на голову цобивается современной педагогикой, такъ какъ его просто можно закидать фактами, о которыхъ онъ ничего не зналъ и не могъ знать. Но въ наше время это—трудъ совершенно бесплодный, такъ какъ воззрѣніями Руссо можно интересоваться лишь какъ предметомъ историческихъ воспоминаній. Они всецѣло носятъ на себѣ печать революціонной эпохи XVIII вѣка, когда преобладающимъ направленіемъ мысли было стремленіе къ радикальнымъ реформамъ и переворотамъ во всѣхъ сферахъ человѣческой дѣятельности. Полумѣры всего менѣе могли имѣть тогда мѣсто, и не мудрено, что тогдашнее воспитаніе, какъ неизбежное послѣдіе ненавистныхъ традицій прошлаго, подверглось самой безпощадной революціонной ломкѣ, на которую все обрекалось тогда преобразовательными стремленіями вѣка. Ни одинъ мыслитель той эпохи не разрывалъ такъ рѣшительно связь съ прошлымъ, никогда нафосъ отрицанія не обнаруживался съ такою беззавѣтною дѣтскою страстью, какъ въ попыткахъ Руссо реформировать воспитаніе. И въ одномъ его заслуга неоспорима: онъ безъ сожалѣнія, съ безпощадной послѣдовательностью геніальнаго критика, разложилъ на мельчайшія составныя части весь кругъ господствовавшихъ тогда воспитательныхъ идей и доказалъ необходимость какъ можно скорѣе разстаться съ ними; онъ показалъ, что онѣ несутъ съ собою гибель обществу, что лучшія политическія учрежденія не спасутъ его, если оно по-прежнему будетъ руководиться растлѣвающей системой прежняго воспитанія. Онъ ничего не ждалъ отъ нея для человѣческаго общества, и видѣлъ ее вездѣ, въ политическихъ и гражданскихъ отношеніяхъ, во всемъ строѣ цивилизаціи, и, нигдѣ не находя спасенія, онъ въ нѣмощъ ужасѣ увлекалъ за собой общество на лоно безыскусственной природы, въ дѣвственный міръ существъ, нетронутыхъ тлетворнымъ дыханіемъ выродившагося человѣческаго ума. Съ этихъ поръ начинается цѣлый рядъ ошибокъ, вслѣдствіе которыхъ воззрѣнія Руссо лишаются всякаго жизненнаго значенія. Какъ человѣкъ, теряющій вслѣдствіе сильнаго душевнаго волненія спокойную ясность мысли и логическую послѣдовательность, Руссо, пораженный громадностью зла, корни котораго скрывались въ воспитаніи, оставляетъ почву безпристрастнаго анализа, и въ его убѣдительную, исполненную до той поры глубокаго смысла проповѣдь, закрадывается голосъ возмущеннаго чувства и страстнаго увлеченія, въ чадѣ котораго онъ мало склоненъ былъ повиноваться внушенію холоднаго разсудка. Если-бы Руссо ограничился однимъ разрушеніемъ старыхъ системъ, если-бы

онъ сказалъ, что лучше не давать дѣтямъ никакого воспитанія, чѣмъ то, какое получали въ то время, онъ былъ-бы совершенно правъ. Но онъ не остановился на этомъ, онъ возвелъ въ принципъ отсутствіе воспитанія и сталъ въ странное противорѣчіе съ самимъ собой. Предоставляя дѣтей ихъ собственной природѣ и свободнымъ инстинктамъ, онъ, очевидно, желалъ создать изъ нихъ мощныхъ духомъ и крѣпкихъ умомъ преобразователей общественныхъ и политическихъ отношеній. Они должны были водворить въ государствѣ незыблемыя начала правды и справедливости, перестроить заново жизнь, и, такимъ образомъ, очистить ее отъ губительнаго, антипедагогическаго вліянія на общество и сдѣлать изъ нея истинную воспитательницу людей. Но въ такомъ случаѣ принципъ Руссо теряетъ свой смыслъ, такъ какъ все дѣло сводится лишь къ тому, чтобы обставить общественную среду условіями, наиболѣе благоприятными для цѣлесообразнаго воспитанія. Очевидно, что если создастся такая среда, то не зачѣмъ и убѣгать отъ нея на лоно природы, да, наконецъ это и невозможно, будетъ-ли она преобразована согласно идеаламъ Руссо или по-прежнему будетъ губить въ зародышѣ и искажать дѣтственную природу человѣка. Но капитальная ошибка Руссо и состояла именно въ томъ, что онъ не хотѣлъ понять этого. Онъ воображалъ, что отъ жизни можно спрятаться куда-то въ уголь, что отъ ея шума можно избавиться, заткнувъ уши или поселившись въ деревенской глуши, вдаль отъ городской цивилизаціи. Онъ не понималъ, что развиваться согласно своей природѣ, это и значить подчиняться требованіямъ жизни и волей-неволей выносить послѣдствія за ея несчастный результатъ или пользоваться ея хорошими сторонами. Принявшись за опроверженіе Руссо, Рамбоссонъ, къ сожалѣнію, лишь мимоходомъ указываетъ на эту ошибку знаменитаго философа, тогда какъ она лежитъ въ основѣ всей его педагогической системы. Онъ говоритъ: «Ж. Жакъ Руссо не былъ физиологомъ, и принялъ за основаніе своего ученія такое положеніе: «человѣкъ родится добрымъ, общество не можетъ его испортить. А потому лучше всего оставлять ребенка безъ всякаго воспитанія до 12-лѣтняго возраста и даже долѣ. До этого времени его природная доброта не можетъ совратиться съ пути истины, а, напротивъ, достаточно окрѣпнетъ, чтобы противустать злу». Вся его система основана на этомъ принципѣ. Очевидно, что онъ впалъ въ грубую научную ошибку, потому что физиологія насъ учитъ, что человѣкъ родится съ добрыми и злыми наклонностями въ нравственномъ, такъ какъ съ хорошими и дурными въ физическомъ отношеніяхъ. Это доказано точнѣйшимъ образомъ всѣми физиологическими

изслѣдованіями въ особенности относительно наслѣдственности». Здѣсь Рамбоссонъ не совѣтъмъ вѣрно формулируетъ основное положеніе воспитательной доктрины Руссо, который, какъ извѣстно, главнымъ образомъ упиралъ на испорченность общества и потому совѣтовалъ какъ можно дальше удаляться отъ него. Но это вовсе не заблужденіе, и не основаніе его теоріи. Все дѣло въ томъ, что онъ желалъ избѣгнуть воздѣйствія жизни на воспитаніе, но признавалъ, однако, воздѣйствіе воспитанія, конечно, преобразованнаго, на жизнь. Въ этомъ-то противорѣчій постоянно и запутывался Руссо, и оно-то подрываетъ въ самомъ корнѣ авторитетъ его воспитательныхъ теорій. Прежде всего это логическая ошибка, а затѣмъ, конечно, и научная, какъ справедливо замѣчаетъ Рамбоссонъ. Впрочемъ, Рамбоссонъ недостаточно развилъ свое замѣчаніе относительно того, что жизнь роковымъ образомъ должна оказывать вліяніе на воспитаніе и что, слѣдовательно, благопріятное направленіе жизни и всѣхъ общественныхъ отношеній дѣлаетъ совершенно излишнимъ ту, во всякомъ случаѣ, крайнюю и рискованную мѣру, которую рекомендуетъ Руссо своими попытками пересоздать воспитаніе. Но если жизнь не измѣняетъ своего теченія, то и воспитаніе, какъ его неизбѣжный плодъ, не измѣнится ни на іоту. Вообще, не только Руссо, но и всѣ мы часто забываемъ, что для того, чтобы воспитывать юношество, нужно прежде самимъ воспитать себя, а вѣдь мы-то, взрослые, и даемъ тонъ жизни, мы и есть та самая жизнь, отъ которой отворачивается Руссо. Быть можетъ, замѣтить, что онъ отворачивается отъ насъ потому, что мы получаемъ дурное воспитаніе, вліяніе котораго онъ считалъ нужнымъ устранить, но не лучше-ли прежде дать намъ самимъ хорошее воспитаніе и не лучше-ли прямо дѣйствовать на жизнь, если къ тому же ея вліяніе неизбѣжно встрѣчаетъ малаго и большого. При всемъ желаніи уединить юное поколѣніе отъ существующихъ общественныхъ и политическихъ отношеній, это было рѣшительно невозможно ни во времена Руссо, ни тѣмъ менѣе въ настоящую пору, да и самое желаніе это также странно, какъ если-бы кто вообразилъ, что онъ въ состояніи удержать воду въ сжатомъ кулакѣ. Незамѣтно просачивается жизнь сквозь всѣ поры общественнаго организма, и воспитаніе всего менѣе, конечно, можетъ оставаться изолированнымъ. Жизнь на всемъ оставляетъ свой слѣдъ, и та сельская простота, о которой мечталъ Руссо, совѣтъмъ не чужда ея вліянію, заражаясь съ каждымъ шагомъ цивилизаціи дыханіемъ разрастающихся городовъ.

Наконецъ, изолированіе человѣка отъ общества съ воспитательной цѣлью есть нелѣпость и въ научномъ смыслѣ, какъ справедливо за-

и́бчаетъ Рамбоссонъ. Руссо предполагалъ, что, оставляя чело́вѣка наединѣ съ его собственной природой, онъ дастъ обнаружиться ей во всей ея дѣвственной красотѣ и непорочности, впадая въ ошибку чисто-физиологическую, которую не разъ дѣлали мыслители и философы, когда рѣчь заходила о чело́вѣческой натурѣ. Руссо утверждалъ, что чело́вѣкъ—добръ отъ природы, тогда какъ Оуэнъ, напр., построилъ все свое ученіе на томъ положеніи, что всякій родится не добрымъ и не злымъ, и лишь впоследствии пріобрѣтаетъ тотъ или другой характеръ, смотря по окружающимъ обстоятельствамъ и условіямъ той сферы, гдѣ чело́вѣку приходится жить и дѣйствовать. Въ настоящее время наши свѣденія на этотъ счетъ нѣсколько прояснились, и мы знаемъ, что ни то, ни другое мнѣніе несправедливо, такъ какъ чело́вѣкъ можетъ родиться добрымъ или злымъ, а чаще и тѣмъ и другимъ вмѣстѣ. Въ организмъ ребенка вносятся чисто-физиологическими условіями громадный запасъ нравственныхъ и тѣлесныхъ особенностей родителей, пріобрѣтенныхъ ими втеченіи всей жизни и выработанныхъ подъ вліяніемъ всѣхъ ея проявленій. Если Руссо еще какимъ-нибудь путемъ и до известной степени устранить воспитательный аффектъ жизни на дѣтей, то относительно взрослыхъ это, конечно, невозможно. Всѣ господствующія въ данную эпоху общественныя идеи, всѣ политическія и гражданскія институты, обычаи и привычки, предрасудки и вѣрованія, все это входитъ помимо воли въ плоть и кровь людей и даетъ характеру ихъ то или другое направленіе, отражаясь, конечно, и на психической жизни ребенка. Даже опытъ обыденной жизни показываетъ, что психическое наслѣдство, получаемое ребенкомъ отъ родителей, играетъ чрезвычайно важную роль въ его развитіи. Мы видимъ даже, что психическія особенности родителей передаются чаще, чѣмъ физическія качества ихъ организма. Если мать и отецъ теряютъ ногу или руку, сынъ ихъ родится съ правильно развитыми членами. Но этотъ физическій недостатокъ родителей можетъ, однако, оставить свой слѣдъ и на ребенкѣ, только въ формѣ какой-нибудь психической особенности. Потеря ноги, напр., можетъ вредно повліять на душевное состояніе родителей, даже подать поводъ къ серьезному умственному разстройству, къ меланхоліи или помѣшательству, а это неизбежно переходитъ на нервную систему и мозгъ ребенка. Есть, конечно, чисто-физическія страданія (какъ, напр., золотуха, чахотка, сифилисъ), которыя прямо, такъ сказать, въ чистомъ видѣ передаются ребенку, не подвергаясь преобразованію въ психическія. Но ихъ очень

немного, и чаще всего они сопровождаются психическим осложнениемъ.

Во времена Руесо физиологія еще была въ зародышѣ, и потому самыя простыя соображенія, на которыя она могла наводить, ускользали отъ него. О наследственной передачѣ психическихъ особенностей тогда не было и рѣчи, хотя на каждомъ шагу встрѣчались факты, которые неопровержимо доказывали это. Не говоря уже о наследственности всѣхъ почти душевныхъ разстройствъ, которыя порождены исключительно нравственными мотивами, т. е. предыдущей жизнью родителей, нельзя было не замѣтить перехода нормальныхъ психическихъ свойствъ въ душу ребенка. Мы видимъ на каждомъ шагу, что дѣти похожи на своихъ родителей по своимъ привычкамъ, склонностямъ и темпераменту. Сходство въ выраженія лица прямо указываетъ на психическое родство дѣтей и родителей, потому что всѣ особенности, всѣ крупныя и мелкія черты физиономіи суть продукты, виѣшнее проявленіе душевной дѣятельности. Если сынъ наследуетъ физиономію отца, то вмѣстѣ съ этимъ онъ необходимо наследуетъ его характеръ, въ чемъ постоянно убѣждаютъ насъ факты изъ обыденной жизни. Но при этомъ то, что пріобрѣтено родителями случайно, что для нихъ не болѣе какъ привычка, отъ которой легко отдѣлаться, въ ребенкѣ является прирощеннымъ инстинктомъ, неудержимымъ, роковымъ порывомъ, противъ котораго бороться очень трудно или даже невозможно. Иногда психическій аффектъ дѣйствуетъ внезапно на кого-нибудь изъ родителей, такъ что нѣтъ времени изгладить его слѣды послѣдующими вліяніями, и онъ пускаетъ глубокіе корни въ организмъ ребенка. Сильное нравственное потрясеніе во время зачатія плода часто не оставляетъ на матери замѣтнаго вліянія послѣ окончанія родовъ, но для ребенка оно нерѣдко опредѣляетъ направленіе всей его жизни. Психическій организмъ матери можно сравнить съ тонкимъ рѣшетомъ, черезъ которе просѣваются всѣ событія и явленія жизни, послѣдующія впечатлѣнія перетираютъ эти событія, и они безъ всякаго труда проходятъ черезъ отверстия рѣшета, но если для этого не достанетъ времени, они застрѣваютъ и, такъ сказать, всасываются всей душой ребенка. Этотъ моментъ задержки жизненныхъ аффектовъ и имѣетъ мѣсто во время участія дѣтскаго организма подъ вліяніемъ сильныхъ душевныхъ пертурбацій. Точно также часто отцы совершаютъ половое отправление въ опьяненномъ состояніи, и этотъ временный безпорядокъ ихъ умственныхъ способностей, случайная путаница идей, ненормальное соотношеніе между чувствами переходитъ въ душу ребенка какъ постоянное психи-

ческое страданіе въ формѣ идиотизма, общаго ослабленія умственныхъ способностей или падучей болѣзни. Съ другой стороны, конечно, и психическое здоровье передается по наслѣдству такъ-же, какъ и душевныя болѣзни. Впрочемъ, это психическое здоровье—вещь весьма условная, и, говоря о немъ, мы имѣемъ въ виду лишь менѣе рѣзкія и не столь ясно выраженныя душевныя состоянія, какъ положительныя психическія разстройства. Вообще можно лишь сказать, что все психическое наслѣдственно, и если душевный міръ человѣка состоитъ изъ двухъ половинъ, изъ которыхъ одна содержитъ болѣе нормальныя, а другая менѣе нормальныя психическія состоянія, то и тѣ и другія одинаково передаются ребенку. Къ числу первыхъ, напримеръ, можно отнести талантъ и гевіальность. По изслѣдованіямъ Гальтона, талантъ положительно переходитъ по наслѣдству и притомъ на основаніи извѣстныхъ законовъ, которые не безуспѣшно пытался опредѣлить этотъ ученый въ своемъ замѣчательномъ сочиненіи «О наслѣдственности гевія» (*The hereditary genius*). Изъ изслѣдованій Гальтона ясно видно, что талантъ наслѣдуется въ родѣ какъ нѣчто вещественное и имущественное, какъ капиталъ или помѣстье, съ тою лишь разницей, что онъ удерживается наслѣдникомъ прочнѣе и долѣе банковыхъ билетовъ, хотя и его, конечно, можно развѣнчать и преждевременно растратить. Гальтонъ собралъ громадное число лицъ, отличившихся на поприщѣ общественной, ученой, художественной дѣятельности, и прослѣдилъ до самыхъ мелкихъ подробностей ихъ генеалогію. При этомъ онъ всегда почти находилъ, что всякая талантливая личность имѣла въ своемъ родѣ—по той или другой линіи—нѣсколькихъ, смотря потому, насколько можно было прослѣдить ея генеалогію—замѣчательныхъ предковъ. Само собой разумѣется, что подъ талантомъ Гальтонъ подразумѣвалъ не специальную наклонность къ какой-либо дѣятельности, но общее свойство психической организаціи, такъ сказать, высшую степень ея энергіи. Если вашъ дѣдъ былъ хорошимъ поэтомъ, то изъ этого не слѣдуетъ, что и ваше призваніе—поэзія, вы можете быть художникомъ, скульпторомъ, ораторомъ, ученымъ, естественнымъ испытателемъ, и т. д. Вы выберете ту или другую сферу дѣятельности, смотря по тѣмъ многочисленнымъ и неувидимымъ обстоятельствамъ, которыя дѣйствовали на васъ лично, но, избравши извѣстный родъ занятій, вы приобретете себѣ репутацію таланта. И замѣчательно, что сила таланта, какъ показываютъ остроумныя отысканія Гальтона, измѣняется сообразно различнымъ степенямъ родства. Такъ, напр., племянники какой-нибудь замѣчательной личности, по мужеской линіи, обнаруживаютъ свой талантъ въ иной

степени, чѣмъ по женской линіи, внуки извѣстной личности иначе, чѣмъ его родные братья. Все эти отношенія Гальтонъ привелъ въ порядокъ и формулировалъ опредѣленными законами. Съ другой стороны онъ высказалъ, какъ общій результатъ своихъ изслѣдованій, что психическій организмъ челоуѣка слагается изъ свойствъ, полученныхъ по наслѣдству и составляющихъ общее достояніе рода, и свойствъ, лично приобрѣтенныхъ втеченіи жизни. Принявъ психическій организмъ, какъ совокупность тѣхъ и другихъ свойствъ за единицу, онъ выразилъ эти двѣ различныя категоріи психическихъ качествъ, присущихъ челоуѣку, двумя различными дробями. Не имѣя предъ собою сочиненія Гальтона, мы не поминимъ въ точности числовыхъ величинъ этихъ дробей, но можемъ заявить лишь, что онѣ основаны на весьма строгихъ и основательныхъ математическихъ соображеніяхъ и статистическихъ выводахъ, и что дробь, выражающая сумму наслѣдственныхъ психическихъ особенностей, весьма значительна. Кромѣ того отъ нея прямо зависитъ и величина другой дроби, выражающей количество приобрѣтенныхъ качествъ. Наслѣдственность даетъ окраску всей жизни челоуѣка, и до извѣстной степени угнетаетъ его самостоятельность, иногда и совершенно поглощаетъ ее, какъ это мы видимъ у идиотовъ отъ рожденія и людей, страдающихъ наслѣдственнымъ помѣшательствомъ.

При такихъ широкихъ разиѣрахъ наслѣдственности, теоріи Руссо теряютъ всякую почву, если понимать ихъ такъ, какъ онъ самъ ихъ формулировалъ. Совѣтуя устранять дѣтей до 12-лѣтняго возраста отъ всякихъ искусственныхъ воспитательныхъ системъ, отъ всехъ проявленій жизни, онъ ничего не достигаетъ, такъ-какъ ребенокъ все-таки будетъ жить въ этотъ періодъ времени наслѣдственной половиной своей души, т. е. тѣми качествами, которыя выработаны жизнью его родителей. Дѣтская природа есть непосредственный продуктъ психической жизни предшествовавшаго поколѣнія; она съ большимъ трудомъ поддается измѣненію. Можно привить ребенку новыя свойства души, обогатить его умъ различными познаніями, облагородить сердце и пр., но чрезвычайно трудно измѣнить наслѣдственныя черты характера, и тотъ общій фонъ души, на которомъ совершается ея послѣдующее развитіе. И съ этой-то стороны, быть можетъ, Руссо отчасти правъ, совѣтуя оставить природу ребенка въ покоѣ. Но если онъ и это имѣлъ въ виду,—что, въ самомъ дѣлѣ, не такъ,—то отъ этого еще все-таки далеко до его воспитательной доктрины. Правда, наука еще не даетъ пока возможности противодѣйствовать наслѣдственности и управлять ею по произволу, но изъ этого не слѣдуетъ, что она

никогда не дать этой возможности и что каких-либо трудных больных слѣдуетъ оставлять безъ медицинскаго призора. Изъ этой трудности контролировать наследственную природу ребенка слѣдуетъ только то, что мы уже высказали ранѣе, что жизнь, плодомъ которой и является наследственность, сильнѣе всякой педагогики, что для того, чтобы дать ребенку цѣлесообразное, человѣческое воспитаніе, важны не столько разные педагогическіе приемы и системы, приурочиваемыя къ дѣтской природѣ, сколько интеллектуальное и нравственное развитіе самихъ воспитателей. Именно то, чему мы не можемъ научить дѣтей, то и оказывается для нихъ самымъ важнымъ, — это-такъ называемое этическое образованіе, которое, какъ извѣстно, не существуетъ, какъ педагогическая система, но которое ребенокъ получаетъ главнымъ образомъ путемъ наследственности въ формѣ инстинктовъ и слѣпыхъ побужденій. Это этическое воспитаніе прежде всего должны получить сами воспитатели, и они получаютъ его, всасывая всей своею душою безчисленныя общественныя, политическія и экономическія вліянія среды. Слѣдовательно, для того, чтобы управлять наследственностью, необходимо научиться управлять жизнью. Обыкновенно для цѣлесообразнаго воспитанія ребенка совѣтуютъ избирать для него соотвѣтствующую обстановку, но это, однако, далеко не такъ важно для самого ребенка, какъ выборъ обстановки для воспитателя. Но до тѣхъ поръ, пока мы не найдемъ средствъ для этой послѣдней цѣли, воспитаніе ни на волосъ не подвинется, сколько не просвѣщали-бы насъ Паульсоны и всѣ такъ называемыя фребелисты, полагающіе все спасеніе наше въ какихъ-нибудь шишечкахъ и палочкахъ.

Но существуетъ еще другая категорія душевныхъ свойствъ, которыя приобрѣтаются самимъ ребенкомъ съ большей или меньшей свободой выбора и самостоятельностью. Эту-то категорію психическихъ особенностей Руссо совершенно упустилъ изъ виду, и на нее-то исключительно обращено вниманіе современной педагогики, хотя соображенія Рамбоссона, приводимыя имъ на этотъ счетъ, неубѣдительны и недостаточно развиты.

Когда мы говоримъ, что ребенокъ самостоятельно вырабатываетъ извѣстныя стороны своего характера, то изъ этого вовсе не слѣдуетъ, конечно, чтобы давать полную волю его природѣ. Наоборотъ, здѣсь-то и нужно примѣнить педагогу все свое искусство, чтобы направить неопытный умъ ребенка на тотъ или другой путь, и достиженіе этой задачи вполнѣ зависитъ отъ умѣнья и метода. Опытъ убѣждаетъ, что если начать воспитаніе ребенка съ равныхъ лѣтъ, то ему можно

привить не только множество новых психических особенностей, но и до некоторой степени повліять на его наследственные наклонности. Понятно, что когда ребенокъ еще не усвоилъ себѣ никакихъ привычекъ и не приобрѣлъ никакихъ понятій, всего удобнѣе можно дать его душѣ желаемое направленіе. Поэтому-то воспитаніе необходимо должно начинаться съ самого ранняго возраста. Оно не должно ждать, пока пробудится въ ребенкѣ первый проблескъ сознанія, но само должно пробудить его и тщательно охранять дѣтскую душу отъ наплыва беспорядочныхъ впечатлѣній. Но если мы разъ повернемъ психическую машину ребенка въ известную сторону, она будетъ продолжать работать въ томъ-же направленіи, какъ-бы по закону инерціи. Мы уже не разъ указывали читателямъ «Дѣла» на автоматичность психическихъ процессовъ, и теперь намъ пріятно привести въ подтвержденіе нашей мысли мнѣніе знаменитаго французскаго фізіолога Клодь-Бернара, цитируемаго Рамбоссономъ: «Не только движенія нашихъ наружныхъ органовъ, говоритъ Клодь-Бернаръ, дѣлаются автоматическими, но и складъ нашихъ мыслей подверженъ тому-же закону. Когда какая-нибудь мысль бродитъ долго въ нашемъ мозгу, то она въ немъ запечатлѣвается и становится какъ-бы прирожденною. Въ этомъ случаѣ фізіологъ оправдываетъ вдохновеніе римскаго поэта, соглашаясь съ тѣмъ, что въ молодости развивающійся мозгъ подобенъ мягкому воску, способному принимать особую форму, какъ молодой древесный побѣгъ, растущій въ томъ направленіи, куда его наклонять. Позднѣе, когда организмъ окрѣпнетъ, идеи и привычки такъ сильно вкореняются, что мы уже не въ состояніи сразу переделывать или уничтожить прежніе слѣды». Этой-то возможностью съ такою легкостью владѣть душой ребенка, пока она не вылилась въ окончательную форму, и долженъ пользоваться всякій разумный педагогъ, стараясь, какъ можно скорѣе предупредить тотъ моментъ, когда ребенокъ обращается, такъ сказать, къ самопомощи и самовоспитанію. На нормальные-же инстинкты — плохая надежда, особенно послѣ тѣхъ фактовъ, которые обнаружены въ последнее время наукой. По обыкновенію, Рамбоссонъ и эти важные факты проходитъ молчаніемъ, а между-тѣмъ они-то прежде всего убѣждаютъ въ томъ, что нормальная натура человѣка, со всѣми его инстинктами, которые мы привыкли считать необходимыми для фізіологической жизни, далеко не безгрѣшна, что и на ней замѣчаются пятна и весьма непривлекательныя черты. Въ самомъ строеніи дѣтскаго организма, отличномъ отъ организма взрослыхъ, замѣчаются такія условія, развитію которыхъ нельзя благопріятствовать, если мы только не желаемъ совершенно

испортить характеръ ребенка и навлечь на него множество серьезныхъ бѣдъ. Такъ, нервная система ребенка находится въ такомъ отношеніи къ поверхности его тѣла, что онъ по природѣ долженъ быть нервнымъ, раздражительнымъ и наклоннымъ къ ранней чувствительности. Половые органы ребенка устроены также ненормально и какъ будто приспособлены для онанизма. Впрочемъ, здѣсь неумѣстно вдаваться въ подробное изложеніе этихъ фактовъ, такъ-какъ это завлекло-бы насъ слишкомъ далеко, а съ другой стороны мы имѣли уже случай говорить о нихъ съ читателями по поводу разбора сочиненія г-жи Водовозовой.

Заключая эту рецензію, мы должны замѣтить, что г. Рамбоссонъ, кромѣ общихъ возрѣній на воспитаніе, говоритъ также о методическомъ образованіи и предлагаетъ свою особую систему для нагляднаго обученія грамотѣ и всѣмъ предметамъ. О достоинствѣ этой системы рѣшительно невозможно судить, такъ какъ она изложена чрезвычайно сжато, и въ томъ видѣ, въ какомъ она предлагается авторомъ, въ ней нѣтъ ничего оригинальнаго и новаго. Вообще, все достоинство брошюры академика Рамбоссона состоитъ въ томъ, что въ ней нѣтъ вопіющихъ нелѣпостей и рѣзкихъ глупостей, но и на томъ ему спасибо.

Дикая Африка. Второе путешествіе дю-Шаллю. Съ картою и рисунками, издан. журн. „Всемирный Путешественникъ“. Спб. 1872 г.

Таинственный мракъ, скрывавшій отъ любознательныхъ географовъ внутреннія части экваторіальной Африки, постепенно исчезаетъ, благодаря неутомимому мужеству и энергической настойчивости путешественниковъ. Англій принадлежитъ честь самого дѣятельнаго участія въ трудныхъ попыткахъ изслѣдованія материка внутренней Африки, — попыткахъ, которыя требовали именно тѣхъ качествъ отъ путешественника, которыми обладаютъ англичане: терпѣнія, хладнокровной, обдуманной предпримчивости, которую не охлаждають никакія неудачи и несчастія, и, особенно, готовности къ матеріальнымъ пожертваніямъ для науки и для разъ запавшей въ голову идеи. Въ этомъ отношеніи немаловажны заслуги королевскаго географическаго общества въ Лондонѣ, которое постоянно содѣйствовало усиліямъ частныхъ лицъ и путешественниковъ, изъявлявшихъ жела-

ніе попытать счастья и пуститься въ неизвѣданную, но заманчивую даль дикой Африки. Весьма немногимъ изъ этихъ предпримчивыхъ смѣльчаковъ удалось достигнуть своей цѣли, и между ними имя дю-Шалью пользуется громкой извѣстностью, такъ-какъ онъ успѣлъ посѣтить наибольшую часть материка и дѣйствительно побывалъ въ мѣстностяхъ, куда до него еще не проникалъ ни одинъ европеецъ. Когда онъ въ первый разъ издалъ свое путешествіе и описалъ все видѣнное имъ, всѣ были необыкновенно изумлены этимъ подвигомъ и нашлись люди, которые доводили свой скептицизмъ до того, что утверждали, будто не только всѣ наблюденія дю-Шалью, и всѣ собранные имъ факты не вѣроятны, но что и самое посѣщеніе внутренняго материка Африки относится къ иллюзіямъ путешественника. Такъ отнеслась критика въ Англии и Германіи къ злополучному ученому, который имѣлъ несчастье первый узнать то, о чемъ никто изъ людей образованныхъ не могъ составить себѣ даже приближительнаго понятія. Впослѣдствіи, однако, всѣ наблюденія дю-Шалью подтвердились послѣдующими изслѣдованіями другихъ путешественниковъ и особенно самого дю-Шалью. «Я не циталъ чувства неприязни къ моимъ преслѣдователямъ, добродушно замѣчаетъ онъ о своихъ рьяныхъ критикахъ, хотя такая система отрицанія задѣвала меня за живое... Единственное ищеніе, приберегаемое мною для моихъ противниковъ, заключалось въ задуманной мною тогда-же (въ началѣ 60-хъ годовъ) вторичной поѣздкѣ въ ту-же страну, но на этотъ разъ со всѣми необходимыми инструментами и приборами, недостатокъ которыхъ въ первой моей экспедиціи не позволилъ мнѣ доказать справедливости моихъ наблюденій неоспоримыми фактами». Эта месть была удачна и плодомъ ея явилась настоящее сочиненіе дю-Шалью, написанное имъ послѣ второй поѣздки, которая завела однако его въ болѣе отдаленныя мѣстности, чѣмъ въ первый разъ, и потому позволила ему не только пополнить и поставить на твердую научную почву свои прежнія наблюденія, но и сдѣлать новыя, не менѣе любопытныя и важныя для будущей географіи внутренняго материка дикой Африки.

Если сравнить первое сочиненіе дю-Шалью, изданное на русскомъ языкѣ подъ заглавіемъ: «Путешествіе дю-Шалью во внутреннюю Африку», съ послѣднимъ, которое лежитъ теперь предъ нами, мы найдемъ между ними много сходства и до нѣкоторой степени уяснимъ нападки критиковъ и недовѣріе ихъ къ наблюденіямъ знаменитаго путешественника. По всей вѣроятности, критика встрѣтила-бы и второе его сочиненіе съ такимъ-же злораднымъ скептицизмомъ, какъ

и первое, если-бы онъ не обезоружилъ своихъ невѣжественныхъ враговъ поразительной очевидностію фактовъ. Несмотря, однакожь, на эту очевидность, недоступность тѣхъ мѣстностей, которыя постигъ дю-Шалью, невольно возбуждала сомнѣнія и недовѣріе къ изслѣдователю. Въ самомъ дѣлѣ, продолжительная неизвѣстность относительно устройства внутренней Африки, утвердившееся мнѣніе о необыкновенныхъ трудностяхъ, съ которыми сопряжено путешествіе въ эту область, самое положеніе ея подъ лучами тропическаго зноя, въ сосѣдствѣ съ неприступной Сахарой на сѣверѣ, съ неизвѣданными югомъ и востокомъ—все это настраивало умы на особенный ладъ. Всѣ ожидали съ трепетнымъ любопытствомъ какихъ-то необыкновенныхъ открытій, жаждали увидѣть страну совершенно новую, которая оказалась-бы вполне достойной того напряженнаго вниманія, которое она такъ долго возбуждала къ себѣ, пока не была открыта и существовала лишь въ пылкомъ воображеніи мечтательныхъ географовъ. По крайней мѣрѣ, можно съ увѣренностью сказать, что большинство не ожидало увидѣть внутреннюю Африку въ той заурядной, такъ сказать, будничной картинѣ, которую нарисовалъ Шалью. Ужь никто, конечно, не думалъ, что въ этой фантастически-дикой, отрѣзанной отъ всего цивилизованнаго міра странѣ, по дворамъ сель бродятъ куры и шатаются, ручныя козы, какъ и въ любой нашей деревнѣ, что черные обитатели этой страны, которыхъ такъ боялись наши храбрые путешественники, оказались самыми кроткими и смиренными существами, что въ этомъ отношеніи они могутъ служить даже образцомъ нѣкоторымъ европейскимъ народамъ (мы говоримъ безъ всякаго преувеличенія). И вдругъ, въ самомъ центрѣ Африки, этой завѣтной цѣли современной географіи, все совершенно въ порядкѣ, все на своемъ мѣстѣ, вездѣ царствуетъ порядокъ безъ всякихъ признаковъ полиціи, такъ что открывать было положительно нечего. Авторъ какъ будто проѣхался по какой-нибудь полосѣ Сибири, да и свалилъ все на дикую Африку, или-же просто сидѣлъ у себя въ кабинетѣ и писалъ изъ Африки, подобно нѣкоторымъ газетнымъ корреспондентамъ, которымъ въ вдохновенную минуту дается прозорливость древней Пифіи, позволяющей имъ изъ окна какой-нибудь Болотной улицы въ одно время бесѣдовать съ Гамбеттой, давать совѣты римскому папѣ и лобызаться съ персидскимъ шахомъ. Критики Шалью, конечно, знали и существованіе такихъ корреспондентовъ, ибо кто ихъ не знаетъ? Но, повторяемъ, что если-бы не послѣдующія путешествія, совершенно подтвердившія результаты наблюденій Шалью, его вторая поѣздка въ дикую Африку также могла-бы быть

сочтена вымысломъ, какъ и первая. Понятно, что для этого критикъ долженъ обладать порядочнымъ запасомъ наглости и прозорливостью упомянутыхъ корреспондентовъ, а съ этими качествами всегда есть, за что уцѣпиться, и критики уцѣпились за книгу Шалью и открыто обвиняли его во лжи, подстрекаемые внутреннимъ разочарованіемъ.

Характеръ природы дикой Африки, свойства ея поверхности также весьма просты и не представляютъ никакихъ рѣзкихъ особенностей. Тамъ, гдѣ предполагались непроходимые пески и дикая пустыня, въ родѣ Сахары, оказались громадные лѣса, которые тянутся сплошною массой отъ западнаго побережья до послѣдней точки востока, куда проникъ дю-Шалью. Вообще мѣстность эта плодородна, умѣренно орашается рѣками, покрыта тропическими деревьями, бананами, пальмой; попадается сахарный тростникъ, рисъ и поля, засѣянные маниокомъ. Полнѣйшее спокойствіе стихійныхъ силъ, умѣренность фауны и флоры, ровная мѣстность, изрѣдка прерываемая незначительными возвышенностями. Во всей окружающей природѣ нѣтъ ни роскоши, ни скудости. Отъ всей страны дышетъ глубокимъ, невозмутнымъ миромъ, это обѣтованная, золотая середина, общая равнодѣйствующая всѣхъ существующихъ на землѣ странъ съ нѣкоторыми, весьма немногочисленными и ненарушающими общую гармонію особенностями. Благодаря имъ, быть можетъ, еще легче и свободнѣе можно посѣщать эту страну, которая неизвѣстно почему такъ долго считалась всѣми путешественниками какимъ-то пугаломъ. Особенности эти заключаются въ отсутствіи крупныхъ породъ животныхъ, особенно львовъ, носороговъ, зебръ, жирафовъ и страусовъ. Большіе хищники здѣсь не водятся, за исключеніемъ леопарда и двухъ или трехъ видовъ гіенъ и шакаловъ. Изъ домашнихъ животныхъ тамъ извѣстны собаки, куры и козы. По мѣрѣ углубленія во внутренность страны съ запада на востокъ число козъ увеличивается, а число куръ уменьшается. Обезьяны водятся въ большомъ количествѣ, особенно монки, шимпанзе и гориллы, описанныя дю-Шалью съ нѣкоторыми интересными подробностями. Особенно распространенъ классъ земноводныхъ и насѣкомыхъ, нѣкоторыя породы муравьевъ, змѣй, ящерицъ и пауковъ исключительно свойственны этой странѣ.

Съ природой этой страны, съ ея флорой и фауной, съ общимъ видомъ земли, строго гармонируетъ и мирный характеръ негритянскаго населенія. Читая дю-Шалью, просто не вѣришь, что этотъ народъ отдѣленный со всѣхъ сторонъ непреступными границами отъ всякой цивилизаціи, неизмѣнной сношеній ни съ однимъ народомъ земного

шара, быть можетъ, со времени библейскаго потопа и перваго разселенія человѣческихъ племенъ, всецѣло олицетворяющій собою первобытное, до-историческое варварство, съ грубымъ разгуломъ животныхъ инстинктовъ,—что этотъ народъ тѣмъ не менѣе выработалъ себѣ европейскія понятія о гуманности, взаимномъ уваженіи и любви къ ближнимъ, сочувствіе къ чужому страданію и несчастію. Вообще, по описанію дю-Шалью негры посѣщенныхъ имъ странъ являются чрезвычайно симпатичнымъ, наивно-добродушнымъ и отъ природы весьма неглупымъ племенемъ, такъ что невольно вспоминаешь Руссо и невольно хочешь вѣрить его горячей мечтѣ о превосходствѣ дикаря надъ цивилизованнымъ человѣкомъ. Но что особенно поразительно, это уваженіе къ женщинамъ во всѣхъ почти странахъ дикой Африки, уваженіе, котораго мы положительно не встрѣтимъ, напр., у нашихъ крестьянъ. «Въ этомъ краѣ, говоритъ дю-Шалью, случаи кулачной расправы мужа съ женою очень рѣдки, какъ меня увѣрили. Самъ я ни разу не видѣлъ подобной расправы. Вообще женщины пользуются здѣсь особыми правами, и имъ предоставлена полная свобода въ нѣкоторыхъ дѣлахъ». Какъ широка эта свобода, видно изъ того, что женщина наравнѣ съ мужчиной участвуетъ въ общихъ совѣщаніяхъ и сходкахъ по поводу дѣлъ, касающихся какой-нибудь деревни. Въ столкновеніяхъ мужа съ женою, случаи которыхъ описываетъ дю-Шалью, послѣдняя беретъ перевѣсъ не вслѣдствіе безхарактерности мужа, но по снисхожденію его къ слабостямъ своего прекраснаго пола, стоящаго все-таки, по умственному своему развитію, гораздо ниже мужского, вслѣдствіе нѣкотораго стѣсненія свободы женщины и ограниченія ея правъ. Такое отношеніе мужчинъ къ женщинамъ тѣмъ болѣе замѣчательно, что господствующая форма брачнаго сожителства есть многоженство, которое между народами относительно цивилизованными, какъ, напр., турками или мормонами служитъ главной причиною униженія женщинъ и ихъ рабскаго положенія.

При всей невѣжественной грубости негрятянскихъ племенъ, населяющихъ дикую Африку, путешественникъ, который пожелалъ-бы отправиться туда, не встрѣтилъ-бы съ ихъ стороны ни малѣйшаго препятствія и его жизнь ни въ какомъ случаѣ не подверглась-бы опасности. Всѣ рассказы, утверждающіе противное, относятся къ вымысламъ досужей фантазіи, воспламененной таинственной неизвѣстностью этой страны. Мы увѣрены, напр., что несравненно легче совершить экспедицію во внутренность Африки, чѣмъ попасть во многія азіатскія страны, особенно въ сосѣдствѣ Гималайскихъ горъ. Примѣръ дю-

Шаллю и другихъ путешественниковъ убѣждаетъ насъ въ томъ, что, при малѣйшей ловкости въ обращеніи съ туземными неграми, въ нихъ можно найти преданныхъ помощниковъ и отличныхъ проводниковъ, которые безпрекословно и съ опасностью для собственной жизни стараются исполнять приказанія путешественника и за самую ничтожную плату готовы идти съ нимъ на край свѣта. Легко представить себѣ, какъ должно было поразить этихъ черныхъ сыновъ дикой природы, ни разу невидѣвшихъ въ своей средѣ блага челоуѣка, появленіе дю-Шаллю, съ его диковинными инструментами и физическими приборами. И однако, онъ совершенно свободно, на глазахъ изумленныхъ негровъ, употреблялъ ихъ въ дѣло и во все время своихъ странствованій непотерпѣлъ ни малѣйшаго насилія, что, безъ сомнѣнія, весьма замѣчательно, если вспомнить, что еще недавно, чуть-ли не въ прошломъ году, у насъ одна ученая экспедиція, путешествовавшая по отечественнымъ странамъ, попала въ полицейскій участокъ. Ту-же участь раздѣлилъ какой-то одесскій ученый нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ, а крестьяне одной губерніи чуть не зарубили топорами одного воздухоплателя, имѣвшаго несчастье спуститься съ своимъ шаромъ въ ихъ деревнѣ. Негры чрезвычайно чувствительны къ дружбѣ, и только стонтъ внушать имъ довѣріе и расположеніе, чтобы пріобрѣсть между ними истинныхъ друзей, которые ни аз что не покинутъ васъ ни среди опасности, ни во время болѣзни. Съ помощью нѣсколькихъ такихъ друзей, дю-Шаллю и успѣлъ совершить свое замѣчательное путешествіе и предохранить себя отъ всѣхъ случайностей и невзгодъ. Повидимому, путешественники, намѣревающиеся проникнуть во внутрь Африки, встрѣчаютъ главный отпоръ въ негритянскомъ населеніи западнаго прибрежья, которое старается насколько возможно затруднить бѣлымъ доступъ къ восточнымъ племенамъ изъ боязни потерять монополию торговли съ ними. Благодаря особенной дружбѣ короля этого прибрежнаго населенія къ дю-Шаллю, послѣднему данъ былъ свободный пропускъ на востокъ, и онъ, окруженный громадной свитой своихъ проводниковъ, безпрепятственно подвигался отъ одного племени къ другому, вездѣ находя чрезвычайно радушный пріемъ. Конечно, здѣсь немаловажную роль играли подарки, нѣкоторое знаніе туземнаго языка и личная сноровка дю-Шаллю примѣняться къ привычкамъ населенія, но, главнымъ образомъ, удачный исходъ его путешествія обуславливался мирнымъ характеромъ самихъ жителей и удивительной способностью ихъ быстро осваиваться со всякой новизной. Только разъ, дойдя до воинственнаго (но далеко не въ смыслѣ варварскаго каннибализма, приписываемаго неграмъ,

обитающимъ въ Африкѣ) племени ашанговъ, дю-Шаллю встрѣтилъ вооруженный отпоръ своему намѣренію войти въ одну изъ ихъ деревень. Но это было дѣломъ простой случайности, такъ какъ въ то время по всѣмъ почти странамъ, по которымъ проходилъ дю-Шаллю, свирѣпствовала оспенная эпидемія, и понятно, что суевѣрный народъ приписалъ ея появленіе бѣлому духу, хотя, по увѣренію другихъ племенъ, среди которыхъ она также производила страшныя опустошенія, оспа часто посѣщаетъ ихъ страну. Наконецъ, началомъ стычки съ ашангами послужило безтактное рвеніе одного изъ проводниковъ, друзей дю-Шаллю, такъ какъ этотъ проводникъ, на весьма мирную просьбу ашанговъ миновать ихъ деревню, не долго думая, выстрѣлилъ въ одного изъ ружья и подалъ поводъ къ послѣдующему столкновенію, изъ котораго воинственные ашанги, несмотря на свое численное превосходство, вышли на голову разбитыми и быстро отступили предъ горстью спутниковъ дю-Шаллю, нанеши однако имъ и самому дю-Шаллю нѣсколько тяжелыхъ ранъ своими отравленными стрѣлами. Это и было причиной возвращенія дю-Шаллю на западъ, хотя нѣтъ никакого сомнѣнія, что можно было безъ особеннаго труда проникнуть еще далѣе на востокъ. На всемъ пространствѣ, дю-Шаллю вездѣ находилъ радушный пріемъ и искреннее гостепрѣимство, такъ что деревни наперерывъ посылали своихъ депутатовъ къ дю-Шаллю, прося его посѣтить ихъ, и серьезно обижались его отказомъ и ссорились съ своими сосѣдями, которымъ бѣлый духъ оказывалъ предпочтеніе. Самый поразительный фактъ изъ жизни этихъ дикарей—ихъ общежитіе и его матерьяльная обстановка, носящая явные признаки европейской цивилизаціи, хотя, по всѣмъ даннымъ, она никакимъ образомъ не могла бытъ къ нимъ занесена. Въ самомъ устройствѣ деревень и въ характерѣ сельской жизни есть что-то европейское. Представьте себѣ русскую деревню, состоящую изъ ряда избъ, расположенныхъ по обѣимъ сторонамъ улицы и отдѣленныхъ одна отъ другой нѣкоторымъ разстояніемъ; передъ избой, на дворѣ сидятъ голые ребятишки и занимаются кормленіемъ куръ, которыя беззаботно бродятъ по двору вмѣстѣ съ ручными козами, а у дверей избы сидитъ черный глава семейства и кейфуетъ послѣ обѣда, кура трубку, имѣющую видъ длиннаго европейскаго чубука. Не менѣе изумителенъ фактъ, что неграмъ дикой Африки извѣстенъ ткацкій станокъ и ткацкое ремесло, а также искусство плавленія и обработки желѣза. Что касается формы общежитія, обычаевъ, религіи и даже языка, то въ этомъ отношеніи всѣ негритапскія племена внутренней Африки чрезвычайно сходны между собою. Господ-

ствующая форма правленія—патріархальная; власть находится въ рукахъ старѣйшинъ, которымъ подчинена часть племени, или одна деревня. «Деспотизмъ неизвѣстенъ въ этой части Африки, говоритъ дю-Шаллью.—Никто не можетъ быть подвергнутъ смерти по одному приказанію главы. Когда вопросъ идетъ о жизни или смерти чловека, то дѣло рѣшается всегда совѣтомъ старѣйшинъ (изъ нѣсколькихъ деревень); въ этихъ случаяхъ палачи, или сходки, бываютъ очень продолжительны, и смертный приговоръ произносится не иначе, какъ огромнымъ большинствомъ голосовъ». Дю-Шаллью говоритъ, что онъ не встрѣчалъ племенъ, которыя-бы находились въ постоянной враждѣ между собою. «У южныхъ племенъ, замѣчаетъ онъ,—незамѣтно господства права сильнаго; у нихъ неизвѣстны случаи разграбленія одной деревни другою». Единственный обычай, неизмѣняющій повсемѣстнаго распространенія и чрезвычайно рѣдкій,—это людоѣдство, которое замѣчается, повидному, у одного лишь племени фанъ. Замѣчательно также явленіе убыли народонаселенія во внутреннихъ странахъ, замѣченное дю-Шаллью даже въ тотъ короткий промежутокъ времени, который прошелъ со времени его перваго путешествія. Существуетъ мнѣніе, что вымираніе черной расы зависитъ отъ какого-то таинственнаго вліянія бѣлой, но, въ этомъ случаѣ, оно, конечно, несправедливо. «Многочудныя племена, говоритъ дю-Шаллью,—посѣщенные мною во второй разъ и къ которымъ до сихъ поръ не проникали еще ни европейцы, ни вода, — уменьшились въ промежутокъ между моимъ первымъ и вторымъ путешествіемъ и это было даже до появленія страшнаго бича, опустошившаго этотъ край (оспы). Сами негры знаютъ объ этомъ вымираніи ихъ племени». Главными причинами вымиранія черныхъ дю-Шаллью считалъ торговлю невольниками, еще до сихъ поръ существующую, благодаря португальцамъ, которые находятся въ постоянныхъ сношеніяхъ съ западнымъ прибрежьемъ. Затѣмъ важную роль играютъ здѣсь повсемѣстное многоженство, бесплодіе женщинъ, смертность дѣтей, заразительныя болѣзни и въ особенности преслѣдованія за колдовство, которыя состоятъ въ томъ, что всякаго подозрѣваемаго въ колдовствѣ заставляютъ выпить настойку какого-то сильнаго ядовитаго вещества. Въ заключеніи своей любопытной книги дю-Шаллью высказываетъ мысль, что негръ способенъ сдѣлаться полезнымъ членомъ челоѣческаго общества и можетъ развиться въ болѣе совершенный типъ, если только за его воспитаніе возьмется умѣлая рука какого-нибудь европейскаго народа. Но при этомъ онъ замѣчаетъ, что негръ нуждается въ постоянной опецѣ и вмѣшательствѣ нашей цивилизаціи, ибо, какъ только

прекратится ея вліяніе, негръ впадетъ въ прежнее варварство, какъ доказывають, будто-бы, усилія миссіонеровъ, послѣ отъѣзда которыхъ, несмотря на ихъ тысячелѣтніе труды, первобытное варварство снова водворялось и вступало въ свои прежнія права. Фактъ этотъ, конечно, справедливъ, но ничто не уполномочиваетъ искать его объясненія въ расовой природѣ негровъ, какъ это дѣлаетъ дю-Шаллю. Напротивъ, негры восточной Африки, сохранившіе свою природу во всей ея чистотѣ, убѣждаютъ въ томъ, что имъ не чуждо стремленіе къ совершенствованію, лишь-бы дать имъ къ тому всѣ средства. Смышленность, природный умъ, благородство характера и симпатичныя душевныя свойства этого народа выступаютъ въ чрезвычайно яркой формѣ, и нужно глубоко погрязнуть въ расовыхъ предразсудкахъ, чтобы, признавая все это, считать все-таки негровъ осужденными роковымъ предначаченіемъ природы на вѣчное пресмыкательство у ногъ цивилизованныхъ европейцевъ. Фактъ неудачной дѣятельности миссіонеровъ объясняется многочисленными причинами совершенно иного свойства и прежде всего ихъ собственной неумѣlostью и тѣми задними, грубо-эгоистическими цѣлями, которыми всегда прикрывалось мнимое безкорыстіе цивилизаторовъ въ ихъ рвеніи къ распространенію началъ христіанства и европейскаго просвѣщенія.

Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ. Публичныя лекціи, читанныя въ Орлѣ, въ мартѣ 1871 г., А. Н. Чудинова (перепечат. изъ „Филологич. записокъ“). Воронежъ, 1872 г.

Самые замѣчательныя и сильныя защитники женскаго дѣла всегда сознавали необыкновенную трудность бороться противъ его антагонистовъ на почвѣ теоретическихъ доводовъ и отвлеченной аргументаціи. Очевиднѣйшая логика и ясная мысль разбивались, какъ о незыблемую скалу, при встрѣчѣ съ традиционными инстинктами массы и грубымъ, безцелляціоннымъ языкомъ чувства и предразсудковъ, всосавшихся съ первымъ млекоемъ цивилизаціи въ организмъ большинства людей. Имѣть дѣло съ тувою силой этихъ инстинктовъ и предразсудковъ несравненно труднѣе, чѣмъ объяснить, напр., темному уму крестьянина сущность положительной философіи Канта или читать ему лекцію о

политической экономіи. Безъ сомнѣнія, что то и другое, будь это только истина, вполне объяснимо для всякаго и можетъ быть усвоено въ совершенствѣ самымъ невѣжественнымъ и неразвитымъ чело-вѣкомъ. Все дѣло здѣсь только въ трудности изложенія, въ удачномъ выборѣ приѣма, посредствомъ котораго вы желаете просвѣтить нераз-витый умъ. Очевидно, что еще болѣе невыгодно положеніе мыслителя, отстаивающаго правоту принципа женской равноправности въ виду закоснѣлой въ своихъ предрасудкахъ массы, такъ какъ онъ затрогиваетъ ея прямые интересы и находитъ въ ней почти завѣдо-мага врага. Однако, и здѣсь успѣхъ распространенія правой идеи за-виситъ отъ способа ея пропаганды, отъ болѣе или менѣе искусной ея популяризаціи. Самой рациональной и лучшей системой является здѣсь, какъ и вездѣ,—наглядность, сила которой испытана во всѣхъ сферахъ знанія. Тотъ, кто сколько-нибудь размышлялъ по поводу такъ называемаго женскаго вопроса, сознается, что идея женской рав-ноправности чрезвычайно сложна и запутана, пониманіе этой идеи, во всемъ ея послѣдовательномъ, строго логическомъ развитіи, требу-етъ напряженнаго вниманія и сильной умственной работы, которую обыкновенный читатель не любитъ обременять себя. Но идея жен-скаго дѣла несравненно легче проникаетъ въ общественное созна-ніе, какъ только начинаютъ объяснять ее путемъ нагляднымъ, фактическимъ. Вотъ почему хорошій очеркъ историческихъ судебъ женщины всегда заслуживаетъ предпочтенія предъ самымъ лучшимъ теоретическимъ трактатомъ въ защиту женскаго дѣла. Исторія пред-ставляетъ наглядныя, вполне конкретныя доказательства того, что притязанія женщины на равноправность въ дѣлѣ образованія и сво-боднаго развитія всѣхъ своихъ умственныхъ силъ—не признавъ моды, не случайная прихоть фантазіи или страсть къ безпредметному новатор-ству, но такое-же законное и обычное явленіе, какъ и стремленіе всякаго народа къ цивилизаціи и улучшенію своего быта. Если-бы кто-нибудь двадцать лѣтъ тому назадъ сказалъ, что тогдашнее состоя-ніе Россіи останется неизмѣннымъ на вѣчныя времена, онъ ошибся-бы точно такъ-же, какъ ошибаются теперь всѣ тѣ, которые утверж-даютъ, что женщины, разъ достигнувъ современнаго *statu quo*, не сдѣлаютъ или не должны дѣлать ни одного шага впередъ. Исторія доказала, что Россія не остановилась на той фазѣ, на которой она стояла въ двадцатыхъ годахъ; она доказала, что такъ или иначе, скорѣе или медленнѣе, но она неизмѣнно двигается впередъ, а изъ этого-то мы и заключаемъ, что она не остановится и въ данный мо-ментъ, а будетъ прогрессировать до тѣхъ поръ, пока стоитъ міръ.

Иначе мы будемъ сомнѣваться въ томъ, что завтра будетъ день или взойдетъ солнце. Точно также и исторія женщины показываетъ, что она, подобно отдѣльному народу или государству, прогрессируетъ съ неизмѣнной правильностью и шагъ за шагомъ отвоевываетъ себѣ все большую и большую независимость. Одно уже то, что женщина имѣетъ за собою *исторію*, одно уже это служитъ блестящимъ оправданіемъ и вполне законной санкціей ея прогрессивныхъ стремленій. Исторія женщины убѣждаетъ насъ въ томъ, что она проходитъ, чрезъ различныя стадіи, смѣна которыхъ обуславливалась извѣстными теченіемъ обстоятельствъ, что въ средѣ какого-либо народа она составляла какъ-бы особую націю, какъ-бы *status in statu*, жила своею жизнью, похожею на ту, которую ведетъ, напр., завоеванное племя въ средѣ побѣдителей, выработала себѣ особый характеръ и привычки, благодаря которымъ она отличается отъ мужчинъ не менѣе, чѣмъ одно племя отъ другого. Собственно говоря, историческая задача женщинъ даже труднѣе, чѣмъ мужчинъ, такъ-какъ на пути развитія женщинъ имъ предстояло гораздо больше трудностей. Имъ предстояло принять или стараться, по крайней мѣрѣ, принять участіе въ общемъ движеніи прогресса наравнѣ съ мужчинами, слѣдовательно, одинаково съ ними бороться противъ стихійныхъ силъ природы и противъ всякихъ дальнѣйшихъ преградъ къ общечеловѣческой цивилизаціи, да кромѣ того еще женщины должны были употреблять немновѣрные усилія къ тому, чтобы свергнуть тяжкое иго эгоистическаго преобладанія мужчинъ—и, какъ показываетъ исторія, женщины не безъ успѣха, хотя весьма ничтожнаго, трудились въ томъ и въ другомъ направленіи. Зная всю тяжесть борьбы, которую выносила женщина въ своемъ непрерывномъ стремленіи къ прогрессу, русское общество свалитъ вину въ ничтожности этого прогресса не на женскую натуру, но на историческія обстоятельства, точно такъ-же, какъ каждый русскій, знакомый съ исторіей своего народа, будетъ искать причины его отсталости отъ западной цивилизаціи не въ его національныхъ свойствахъ, но въ печальныхъ условіяхъ историческаго быта, въ монгольскомъ игѣ и т. д.

Историческій способъ защиты женскаго дѣла представляетъ несомнѣнныя выгоды въ томъ отношеніи, что, какъ мы уже замѣтили, онъ примиряетъ, путемъ наглядныхъ и неотразимыхъ фактическихъ доказательствъ, съ мыслью о необходимости женскаго прогресса. Когда высказываете новую идею женской равноправности, она падаетъ, какъ снѣгъ на голову, людямъ, которые всю жизнь и думали и дѣйствовали, какъ разъ наоборотъ; тутъ уже не помогутъ, или очень мало,

логическія объясненія и указанія на внутреннюю справедливость и законность этой идеи. Но попробуйте разложить эту идею на ея составные элементы, чтобы потомъ опять, на глазахъ зрителей, сложить ихъ въ одно цѣлое, покажите, что эта идея выросла постепенно, приобретаая все большую и большую ширину, совершенствовалась и формировалась, пока, наконецъ, изъ нея не получилась идея женской равноправности въ томъ смыслѣ, какой придаютъ ей въ настоящее время. Мы думаемъ, что такой способъ пропаганды въ пользу женскаго дѣла окажется гораздо дѣйствительнѣе самаго безукоризненнаго теоретическаго разсужденія и абстрактно-логическихъ соображеній, еслибъ они даже были отмѣчены сильнымъ умомъ такого мыслителя, какъ Милль. Въ смыслѣ такой наглядности и неотразимой убѣдительности написана книга А. Н. Чудинова: «Исторія русской женщины въ послѣдовательномъ развитіи ея литературныхъ типовъ», — книга, достойная занять лучшее мѣсто въ ряду произведеній современной критической мысли. Она написана съ замѣчательнымъ талантомъ, въ формѣ публичныхъ лекцій, въ которыхъ васъ очаровываетъ все, начиная отъ живого увлекательнаго изложенія и искусной группировки весьма любопытныхъ и характерныхъ фактовъ, до солидной важности содержанія, отъ новизны предмета и самаго метода изслѣдованія, до строго-научныхъ выводовъ, имѣющихъ, однако, столь жизненное значеніе. Трудъ г. Чудинова — знаменательное явленіе въ нашей литературѣ. Онъ вполне своевремененъ и составляетъ насущную необходимость для успѣховъ женскаго дѣла. Мы не будемъ указывать на мелкія погрѣшности и разъяснять противорѣчія, которыя вкрались въ его сочиненіе, такъ-какъ они не существенны и весьма понятны въ такомъ новомъ дѣлѣ, какъ историческое изслѣдованіе женскихъ литературныхъ типовъ, но постараемся лишь познакомить читателей въ главныхъ чертахъ съ любопытнымъ содержаніемъ сочиненія этого даровитаго автора.

Г. Чудиновъ начинаетъ свое изслѣдованіе съ древне-русской женщины-язычницы, насколько типъ ея выясняется въ памятникахъ народной поэзіи того времени. Онъ чрезвычайно живыми красками рисуетъ ту жалкую обстановку, подъ вліяніемъ которой слагался характеръ языческой женщины и обезображивалась ея нравственная фізіономія. Понятно, что отъ первобытнаго варварства, незнавшаго никакой осядлости, женщина ничего не могла ждать хорошаго. Но ея горькое положеніе почти не улучшилось съ установленіемъ семьи и первыхъ зачатковъ моногаміи, такъ-какъ этому препятствовали главнымъ образомъ условія родового быта, подчинявшія всю семью, а женщину

въ особенности, дикому произволу отца-патріарха. Въ эту эпоху грубаго язычества на женщину смотрѣли, какъ на существо, необходимое для поддержанія рода или для удовлетворенія разнузданной чувственности. Чѣмъ больше мужчина утверждалъ и расширялъ свою власть надъ женщиной, тѣмъ ниже, конечно, падала она въ его глазахъ и тѣмъ болѣе обособлялась ея, такъ называемая, женская природа. Каково было положеніе древне-русской женщины въ эпоху язычества, это видно изъ многочисленныхъ пословицъ, сохранившихъ отчасти и до сихъ поръ свою силу. Одна пословица, напр., гласитъ: «жена не горшокъ, не разсыплется: бей ее въ волю». Или: «бей жену къ обѣду, а къ ужину опять, безъ боя и за столъ не сядь». «Одной женой, да одной кобылой поля не удобрить». «Дважды жена мила бываетъ: какъ въ избу введутъ, да какъ вонь понесутъ». «Не вѣрь коню въ полѣ, а женѣ въ домѣ» и т. д. Конечно, первобытное варварство глубоко убѣждено, что виновата тутъ одна женская природа и нисколько не хуже современныхъ враговъ женской эманципаціи готово было подавлять въ женщинѣ малѣйшее поползновеніе къ сверженію ненавистнаго ига. Первобытный варваръ былъ такъ-же убѣжденъ, какъ и наши антагонисты женской равноправности, что женщина - язычница весь свой вѣкъ останется въ одномъ и томъ-же положеніи, а онъ вѣкъ будетъ ея властелиномъ. Но какъ ошибаются наши антагонисты, такъ ошибся и варваръ. Подъ гнетомъ семейнаго деспотизма и грубаго произвола мужа въ женщинѣ замерло, конечно, множество силъ и способностей, но вмѣстѣ съ тѣмъ, однако, съ особенной энергіей выступила наружу такъ-называемая женская чувствительность. «Кто самъ страдаетъ, говоритъ Чудиновъ, — тотъ сумѣетъ понять и оцѣнить чужое страданіе; захлебываясь, такъ-сказать, въ цѣломъ морѣ тяжелыхъ испытаній, женщина выработала въ себѣ сокровищницу самой нѣжной сострадательности ко всему, гдѣ слышно горе, гнетъ сильнаго или болѣзнь. Съ давнихъ поръ извѣстны заботы женщины о больныхъ и ея особенное умѣнье въ этомъ дѣлѣ...» Это чувство состраданія къ ближнему, сквозь цѣлые вѣка гоненій и брани, свято сохранила русская женщина донынѣ, и теперь еще, въ кровавыя минуты международной войны, толпы сестеръ милосердія спѣшатъ облегчить страданія и раны, наносимыя рукою браней. Семейный-же гнетъ развилъ въ женщинѣ и ту особую сметливость, которая снискала ей эпитетъ вѣщей дѣвы, колдуньи и чародѣйки; подъ вліяніемъ этого гнета женщина старалась изливать всю силу своей души въ материнскихъ ласкахъ къ дѣтямъ, а это породило первыя начала родственной любви и ува-

женія къ матерн, которое со временемъ окрѣпло до нравственнаго долга, знакомаго уже героямъ древнихъ былинъ, какъ, напр., Добрыня и Василю Василювичу.

Христіанство медленно вытѣсняло языческія вѣрованія и на первыхъ порахъ не успѣло проникнуть въ жизнь древнихъ варваровъ, но породило лишь двоевѣріе и необыкновенное смѣшеніе понятій, несмотря на проклятія и увѣщанія духовенства, которое съ религіозной страстью прозелитовъ проповѣдовало начала христіанскаго ученія; народъ не оставлялъ своихъ языческихъ обычаевъ, а женщина держалась за нихъ особенно крѣпко, такъ какъ, не находя къ себѣ никакого состраданія и сочувствія въ окружающихъ людяхъ, она рано обратилась къ міру сверхестественному и въ мнимыхъ чудесахъ искала себѣ содѣйствія, а съ другой стороны, желая принести пользу страждущему человѣчеству, она издавна стала изучать разные способы леченія, заучивала заговоры отъ болѣзней и т. д. Бросая громами и молніями въ языческій народъ, укоряя его въ распушенности нравовъ, проповѣдники съ особенной ненавистью обрушились на женщину, какъ на упорную хранительницу Языческихъ традицій, и во всемъ обвиняли ее. Они называли ее „прохирливой, льстивой, крадливой, злоязычной, колдуньей, еретицей, медвѣдицей, львицей, зміемъ, аспидомъ и василскомъ». Въ «словѣ о злыхъ дусѣхъ» авторъ патетически восклицаетъ: «О горе намъ, прельщеннымъ бѣсомъ и скверными бабами,—идемъ во дно адаво съ проклятыми бабами!» Духовенство положило начало тому аскетическому воззрѣнію на женщину, которое потомъ окрѣпло отчасти подъ вліяніемъ татарскаго ига, отчасти же византійской схоластики, а впоследствии логически выразилось въ теремной жизни. Объясняя различіе въ развитіи историческихъ судебъ западно европейской и русской женщины, въ эпоху господства у насъ татарскаго ига, авторъ говоритъ: «въ то время, когда единственнымъ одушевляющимъ насъ стимуломъ былъ широкій разгулъ животныхъ инстинктовъ, и мы скотски неистовствовали вокругъ своего Перуна, въ это время, въ западной Европѣ, на ряду съ мрачнымъ правомъ феодаловъ, начинаютъ уже показываться полные самого мертвящаго феодализма аскетическіе идеалы римско-католической тиранинн. Затѣмъ, въ то время, на западѣ, *gaia scienza* придворной жизни, культъ любви, рыцарскіе турниры въ честь любимой женщины, поэтическія пѣсни миннезингеровъ, труверовъ и трубадуровъ широкою, неудержимымъ потокомъ прорываютъ прежнюю замкнутость монастырскихъ стѣнъ и постепенно расчищаютъ почву, на которой распускается въ XIV столѣтіи обаятельно прекрасный оранжерейный цвѣтокъ возрож-

денія классической древности, съ ея поклоненіемъ красотѣ, ея эшкурейской поэзіей и пластически-изящной наготой искусства, — въ то время, суровые мужи византійской науки едва успѣвають справиться съ дикими порывами язычески-животныхъ инстинктовъ народа и, пораженные ужасами двухсотлѣтняго татарскаго ига, мечуть молніи схоластическаго краснорѣчія въ женщину, неповинное орудіе, мебельную принадлежность разврата, и самую жизнь развуданныхъ предковъ регулируютъ по сурово-узкимъ рамкамъ аскетическихъ идеаловъ. Если присоединить къ этому продолжавшіяся крайне тяжелыя условія родового быта, оставлявшія на долю женщины лишь функціи дѣторожденія, да плетку, то должно показаться совершенно естественнымъ, если окруженная такимъ непродуцирующимъ климатомъ умственная почва того времени могла обнаружить свое участіе къ женщинѣ лишь въ робкобоязливыхъ звукахъ какой-нибудь тоскливой пѣсенки, а не въ грандіозныхъ образахъ цѣльнаго поэтическаго типа.»

Приближаясь къ эпохѣ Петра Великаго, мы видимъ, что положеніе женщины становилось все болѣе и болѣе невыносимымъ. Гонимая семейнымъ деспотизмомъ мужчинъ, она втеченіи нѣсколькихъ столѣтій жила вдали отъ свѣта, замуравленная въ стѣнахъ высокаго терема. Западно-европейская цивилизація, начинавшая уже бросать къ намъ тусклые лучи своего возрожденія, не могла помочь женщинѣ, потому что и тамъ, послѣ рыцарскаго поклоненія женщинѣ и восторженной идеализаціи всѣхъ свойствъ ея природы, возникаетъ злѣйшая реакція. Если прежде рѣшался вопросъ, какое мѣсто должна занять женщина между неземными существами, то теперь снова разсуждали, какъ въ эпоху дикаго варварства, можно-ли считать женщину человекомъ. На эту тему появлялось въ то время множество сочиненій, изъ которыхъ нѣкоторыя носили, напр., такіа заглавія: «Женщина не человекъ», «любопытное доказательство, что женщины не принадлежать къ человеческому роду.»

Епископъ вюрцбургскій въ два года сжегъ на кострѣ за ересь 700 женщинъ. Въ Англіи существовали законы, не уничтоженные, говорятъ, и до сихъ поръ, которые предоставляютъ право мужу отвести жену на веревкѣ на рынокъ и тамъ продать ее съ аукціона, или кому онъ пожелаетъ. Разсказываютъ, что въ Лондонѣ, 20 марта 1838 года, этимъ правомъ воспользовался одинъ англичанинъ и продалъ свою жену за 3 шил., т. е. за 1 р. 20 к. Впрочемъ, западно-европейская образованность, такъ или иначе, внесла въ судьбу русской женщины нѣсколько свѣтлыхъ явленій. Съ присоединеніемъ Малороссіи къ московскому государству просвѣщеніе медленно переходило и въ Москву, утвердившись болѣе или менѣе прочно

лишь при Петрѣ Великомъ. Въ это время взглядъ духовенства на женщину начиналъ значительно смягчаться. Сямеонъ Полоцкій въ своихъ поученіяхъ о воспитаніи находилъ полезнымъ чтеніе, не только для мужчинъ, но и для женщинъ, хотя главную силу воспитанія онъ полагалъ въ «энергическихъ мотивахъ» г. Юркевича, въ жезлѣ: «жезлъ, говоритъ онъ, есть злобы искоренитель, добродѣтелей насадитель, ибо не будутъ чада благами, если родители не полагаютъ имъ извѣ за безчинія.» Впрочемъ, семейная жизнь, начиная съ брака, который былъ простой куплей-продажей, носила все слѣды языческаго варварства, какъ это видно въ наивно-простодушнѣй дикости поученій отца Сильвестра въ его домостроѣ. Котошихинъ подробно рассказываетъ о брачныхъ обрядахъ того времени и упоминаетъ при этомъ о тѣхъ уловкахъ, къ которымъ прибѣгали родители, чтобы сбыть съ рукъ невѣсту. «А будетъ у котораго отца или матери есть двѣ или три дочери невѣсты, и одна изъ нихъ увѣчна очми или рукою или ногою, или глуха и нѣма, а другія сестры ростомъ и красотою и рѣчью исполнены и во всемъ здоровы; то благоразумный родитель на смотринахъ показываетъ одну изъ красивыхъ дочерей, а на сговорѣ пишется имя уродливой и къ вѣнцу отправляютъ уродливую, благодаря покрывалу, которымъ закрыто ея лицо и которое снимается только послѣ вѣнца, когда все дѣло уже оказывается поконченнымъ.» На этихъ смотринахъ вмѣсто увѣчной невѣсты иногда показывали какую-нибудь переодѣтую кухарку или совершенно постороннюю женщину. Если-же невѣста мала ростомъ, что считалось порокомъ, то подъ нее подставляли стулья, «потому что видится добродородна, а на чемъ стоитъ, того не видать.» «Благоразумный читателю, говоритъ въ заключеніе Котошихинъ, не удивляйся сему: истинная есть тому правда, что во всемъ свѣтѣ нигдѣ такого на дѣвки обманства нѣтъ, яко въ московскомъ государствѣ.» Наконецъ, является Петръ съ цѣлымъ арсеналомъ преобразованій и реформъ: силою своего генія и дубинки расшатываетъ гнилыя основы домостроевщины. Будучи непримиримымъ врагамъ аскетизма и затворнической замкнутости, онъ раскрываетъ двери высокаго терема и выводитъ оттуда затворницу женщину въ свои асамблеи, подставляя ей непривычную голову подъ цѣлый потокъ лучей западно-европейской цивилизаціи. Эпоха Петра Великаго стала первымъ рѣшительнымъ моментомъ въ дѣлѣ такъ называемой женской эмансипаціи, которая въ первое время коснулась лишь чувства, съ самой поверхностной стороны, сообразно вліяніямъ французской образованности въ эпоху Людовика XIV. Внезапный наплывъ новыхъ впечатлѣній

произвелъ невообразимую путаницу въ душѣ русской женщины и создалъ тѣ странныя, жалкіе типы, которые осмѣивались въ комедіяхъ и сатирахъ екатерининскаго времени. «Передъ глазами нашихъ лучшихъ путешественниковъ, говоритъ г. Чудиновъ, привыкшихъ дома къ сурово-аскетическимъ формамъ домостроевской жизни, внезапно открывается за границей, подобно какому-то ослѣпительному сновидѣнію, блестящая придворная жизнь Людовика XIV со всей сарданапаловской роскошью Версаля, какъ-бы всосавшаго въ себя всѣ эстетическія и эпикурейскія силы Франціи. Люди, воспитавшіе въ себѣ относительно женщины взглядъ, невыходящій изъ рамокъ однообразной замкнутости терема, вдругъ появляются среди роскошнѣйшихъ придворныхъ празднествъ и балетовъ нѣжно сантиментальной m de Лавальеръ, прислушиваются къ ѣдко-остроумному разговору салоновъ мотовки m-me Монтеспанъ, въ одинъ вечеръ проигравшей 4 мил. ливровъ; слушаютъ и любятъ роскошнѣйшими придворными балетами, интермедіями, пасторалами и остроумными комедіями Мольера, основавшаго, въ угоду королю, старую французскую *gentilhomme* и издѣвавшагося въ своемъ Тартюфѣ надъ ханжествомъ и лицемеріемъ ясенистовъ; восхищаются величественными, ультра-монархическими трагедіями Расина, чутко отзывавшагося въ нихъ на всякія интриги королевскихъ фаворитокъ. — Съ одной стороны завѣтное словцо французской жизни того времени: *l'état c'est moi* нѣсколько напоминаетъ намъ родную домостроевщину, но за то, съ другой — откуда взялась эта роскошно-чувственная обстановка, карриатура его? Куда дѣвался завѣтный посохъ игумена дома, который сурово прогналъ-бы на свое мѣсто, въ высокій теремъ, нагло-развратную Монтеспанъ или фаворитокъ слѣдующаго царствованія: герцогиню Шатору, маркизу Помпадуръ, графиню Дюбарри, едва нераззорившихъ государство до злостнаго банкротства? Несравненно понятнѣе для нихъ знакомое ханжество Фенелона, энергическое отстаиванье добраго стараго времени Корнеля, этого, какъ выразился о немъ Людовикъ XIV, стараго брюзги; но, опять, какъ-же примирить съ такими похвальными стремленіями фенелоновскую ненависть къ произволу и корнелевскую любовь къ независимости? А тутъ еще, въ сторонѣ отъ большого свѣта, въ видѣ недовольной реакціи, стоятъ обаятельные салоны извѣстной прелестницы Нионъ де-Ланкло, собирающіе у своего каминна кругъ разгульныхъ аристократовъ, недовольныхъ дворомъ, и посреди ихъ виднѣются монашескія лысины аббатовъ Шолье и Лафаръ, въ своей поэзіи поклонявшихся и жизни, и эпикуризму, и чувственному наслажденію.» Прикрытая лоскомъ вишняго

европеизма, жизнь русской женщины екатерининской эпохи приняла крайне уродливое направлѣніе, скопированное съ образчиковъ версальскаго двора. Реформы Петра и Екатерины сдѣлали, конечно, свое дѣло, но на первое время онѣ, по удачному выраженію г. Чудинова, «лишь взболтали гнойные мѣазмы чисто животныхъ инстинктовъ», сдавленныхъ древнимъ теремомъ. Это время броженія чувственныхъ инстинктовъ и нашло себѣ выраженіе въ женскихъ типахъ, осмѣянныхъ комедіями Екатерины и сатирическими журналами. Грубый цинизмъ и безпечная разнузданность чувства, какъ слѣдствіе французоманіи, были тогда отличительными качествами образованныхъ и свѣтскихъ женщинъ. Самый языкъ любовныхъ отношеній принялъ тогда особый, грубо-чувственный характеръ. Французское выраженіе *idole de mon âme* переводили, напр., на русское: «болванчикъ». «Ахъ, ужесть, какъ ты славенъ мой неподобный болванчикъ.» Слово «волочиться» замѣняли словомъ: «махаться!» Вотъ, напр., образчикъ объясненій дамы съ кавалеромъ, заимствованный изъ журнала «Всячина»: «Ахъ, монъ кѣръ, ты уморилъ меня. Живешь три года съ женой и по сю пору ее любишь! Перестань, мущина это никакъ не можетъ быть... Послѣ этого тебѣ съ чужой женой и помахатья несмѣтъ—за грѣхъ поставятъ. Вотъ прикрасно!» Но если находились писатели, которые успѣли возвыситься до сатиры и осмѣянія такого извращенія женской природы, то съ другой стороны были узколюбые ревнители чувственнаго направленія въ характерѣ женщины, ставившіе ей это въ заслугу. Таковы поэтъ Державинъ и Богдановичъ, приводившій въ восторгъ публику своей эротической поэмой «Душенька.» Державинъ-же не могъ придумать женщинѣ лучшихъ похвалъ, какъ въ слѣдующемъ стихотвореніи:

„Зрѣль-ли ты, пѣвецъ теосскій,
 Какъ въ лугу, веспой, бычка
 Пляшутъ дѣвушки россійски
 Подъ свирѣлю пастушка;
 Какъ, склонясь главами, ходятъ,
 Башмачками въ лады стучать;
 Тихо руки, взоръ поводить
 И плечами говорить;
 Какъ ихъ лентами златыми
 Чела бѣлыя блестять,
 Подъ жемчугами драгими
 Груды нѣжныя дышать;
 Какъ сквозь жилки голубыя
 Лется розовая кровь,
 На ланитахъ огневныя
 Ямки врѣзала любовь;

Какъ ихъ брови соболины,
 Полный искръ соколей взглядъ,
 Ихъ усмѣшка—души львины
 И орловъ сердца разять?
 Какъ-бы видѣлъ дѣвъ сихъ красныхъ,
 Ты-бъ гречанокъ позабылъ,
 И на крыльяхъ сладострастныхъ
 Твой Эротъ прикованъ былъ.“

Наконецъ, съ эпохой Александра I наступаетъ пора романтизма и крайней идеализаціи которая вполне освободила область чувства и, давъ ему широкій просторъ, вывела женщинъ изъ древняго аскетизма и униженія «сластолюбцевъ, низведшихъ ее до степени простой принадлежности разврата.» Выразителями этой фазы въ исторіи развитія русской женщины явились Карамзинъ, Жуковскій. Крайности романтизма, отразившіяся неблагоприятно на характерѣ женщины, породили цѣлый рядъ женскихъ типовъ въ поэтическихъ произведеніяхъ Пушкина, Лермонтова и беллетристики 40 и 50-хъ годовъ. Крайности эти, выразившіяся въ безпредметной, болѣзненной мечтательности, въ полномъ разладѣ съ окружающей дѣйствительностью и ея требованіями, указывали лучшимъ писателямъ своего времени на необходимость уравновѣсить чрезмѣрное развитіе чувства умственнымъ образованіемъ и равномерной культурой всѣхъ элементовъ человеческой природы женщинъ. Такое направленіе литературы въ связи съ горячимъ стремленіемъ многихъ женщинъ возвысить уровень своей жизни и привело къ современной идеѣ о женской равноправности, торжество которой должно увѣнчаться всестороннимъ, гармоническимъ развитіемъ всѣхъ душевныхъ силъ женщины и предоставленіемъ ей доступа во всѣ разнообразныя сферы общественной дѣятельности и права производительно участвовать въ общемъ дѣлѣ цивилизаціи.

Сборникъ сочиненій по судебной медицинѣ, судебной психіатріи, медицинской полиціи, общественной гигиенѣ, эпидемиологіи, медицинской географіи и медицинской статистикѣ. Изд. медицинскаго департамента. Томъ I. Спб. 1872 г.

Это полезное изданіе, посвященное изслѣдованію насущныхъ вопросовъ общественной жизни, уже успѣло снискать себѣ многочисленныхъ почитателей какъ въ средѣ специалистовъ, такъ равно и обыкновенныхъ читателей. Тракуя о разнообразныхъ отрасляхъ медицин-

скої науки, оно показывает ея необыкновенную важность въ сферѣ повседневноі жизни и невольно знакомитъ непосвященные умы съ массой научныхъ свѣденій и фактовъ, связывая ихъ съ интересами дня и самыми жгучими потребностями матеріальнаго существованія. Это лучший способъ популяризаціи и, строго говоря, много и не должно быть. Если иногда форма изложенія въ статьяхъ, помѣщенныхъ въ этомъ сборникѣ, страдаетъ шероховатостью и нѣсколько тяжеловѣсна, то одна уже важность содержанія, очевидная для всякаго, кого сколько-нибудь гнетутъ обычные невзгоды дѣйствительности, какъ болѣзни, эпидеміи, ненормальные условія городской жизни, неудобства жилищъ и т. д., это одно заставитъ преодолѣть внѣшніе недостатки этихъ статей и иногда побудитъ любознательнаго читателя, для полнаго ихъ пониманія, приобрести предварительный запасъ специальныхъ познаній, такъ-какъ составители этого сборника часто опускаютъ ихъ, имѣя преимущественно въ виду врачей-специалистовъ. Они очень хорошо понимаютъ, что ихъ дѣло само за себя говорить, и что не столько оно находится въ зависимости отъ доброй воли читателей, подарить ему нѣкоторую долю своего вниманія, сколько сами читатели нуждаются въ немъ и интересуются его уясненіемъ. Тѣмъ не менѣе, однако, за формой всегда останется важное значеніе для обыкновенныхъ читателей, и редація этого сборника оказала-бы имъ значительную услугу, если-бы она позаботилась объ этомъ. Особенно необходимы были-бы примѣчанія, въ которыхъ разъяснялось-бы значеніе специальныхъ терминовъ, латинскія названія болѣзней, и пр.

Между статьями, напечатанными во второмъ томѣ этого сборника, можно указать на статью профессора Якоби «Объ устройствѣ санитарной части», д-ра Шмелева «Предохранительныя мѣры противъ сифлиса», «Къ статистикѣ глухонѣмыхъ» д-ра Фалька. Другія статьи представляютъ или слишкомъ специальный интересъ или недостаточно обобщены и потому имѣютъ значеніе лишь сыраго матеріала. Въ статьѣ «Объ устройствѣ санитарной части», составляющей плодъ самостоятельныхъ наблюденій профессора Якоби, изложены существующія системы санитарнаго надзора за общественнымъ здоровьемъ во всѣхъ главныхъ государствахъ Европы. Авторъ отдаетъ преимущество въ этомъ отношеніи швейцарскимъ кантонамъ. Базель особенно славится цѣлесообразностью своихъ санитарныхъ правилъ и строгостью ихъ примѣненія на дѣлѣ. Въ кантонѣ жевевскомъ санитарный надзоръ касается такихъ предметовъ, которые у насъ, напр., считаются мелочами и потому упускаются изъ вида. Строгость предписаній на этотъ счетъ неумолима, и всякое уклоненіе отъ

нихъ подвергаетъ виновнаго штрафу. Вотъ, напр., нѣсколько санитарныхъ предписаній женевского управления: 1) на основаніи устава полиціи о народномъ здоровіи, по предложенію департамента юстиціи и полиціи, государственный совѣтъ (26 сентября 1865 года) повелѣваетъ: 1) всякій владѣлецъ недвижности обязанъ, подъ страхомъ полицейскаго взысканія, содержать въ чистотѣ дворы, аллеи, лѣстницы и прочее свое имущество; 2) департаментъ полиціи и юстиціи уполномоченъ распорядиться очищеніемъ вышеозначенныхъ мѣстъ на счетъ владѣльцевъ, чрезъ 24 часа послѣ того, какъ будетъ сдѣлано приказаніе объ ихъ очисткѣ владѣльцамъ или ихъ представителямъ. Въ этомъ случаѣ штрафъ можетъ доходить до 50 фр., кромѣ уплаты за издержки по официальной очисткѣ». Этотъ-же департаментъ полиціи и юстиціи издалъ слѣдующее объявленіе въ видѣ афиши, которую домовладѣльцы обязаны вывѣшивать въ комнатахъ, отдаваемыхъ въ наемъ: Кантонъ Женева. Департаментъ юстиціи и полиціи. Приказаніе: 1) запрещено въ этой комнатѣ помѣщать больше (столькихъ-то) жильцовъ. 2) Съ 15 марта до 1 ноября окна должны быть открыты втеченіи всего дня и воздухъ долженъ возобновляться впродолженіи остальной части года. 3) Настоящій приказъ долженъ быть наклеенъ на томъ мѣстѣ, которое будетъ указано, и въ каждой комнатѣ, назначенной для жильцовъ. Цѣна афиши 10 сантимовъ. Въ случаѣ порчи ея должна быть взята новая. 4) Всякое нарушеніе этого приказа и предписаній комиссіи здоровія ведетъ за собою преслѣдованіе, согласно такимъ-то ст. устава. 5) Смотря по обстоятельствамъ, дозволеніе держать жильцовъ можетъ быть немедленно прекращено. 6) Всякая жалоба на неисполненіе настоящаго приказа должна быть предъявлена въ полицію. Женева, 15 мая 1868 года. Подпись.» Комиссія по жалобѣ жильцовъ или по собственной инициативѣ осматриваетъ жилые дома, дворы и комнаты. Такъ, въ бытность автора въ Женевѣ сдѣланъ осмотръ квартиры лица, которое держитъ жильцовъ. Городской врачъ нашелъ, что полы въ комнатахъ нечисты и тотчасъ приказалъ ихъ вымыть. Вообще законодательство въ этомъ случаѣ стоитъ не на сторонѣ собственниковъ-землевладѣльцевъ, но на сторонѣ нанимателей и жильцовъ, въ отличіе отъ законодательства другихъ государствъ. Въ кантонѣ бернскомъ, несмотря на малочисленность его населенія, санитарное дѣло развито въ большихъ размѣрахъ. Между прочимъ съ этой комиссіей какъ-то столкнулся я Фохтъ, который состоитъ въ Бернѣ практическимъ врачомъ. Въ 1869 году Фохтъ представилъ въ городское управленіе свои таблицы смертности города Берна, изъ которыхъ видно, что го-

родъ Бернъ, судя по большому проценту смертности (35,5%), принадлежит къ нездоровымъ мѣстностямъ, хотя мѣстоположеніе его красивое. Эти таблицы отданы были на разсмотрѣніе санитарной комиссіи, которая изложила о нихъ свое мнѣніе предъ городскимъ управленіемъ въ неблагопріятномъ смыслѣ для Фохта. Задѣтый за живое, Фохтъ, не дожидаясь, пока будетъ напечатанъ отчетъ комиссіи, издалъ полемическую брошюрку, чрезвычайно, однако, любопытную по важности обнаруженныхъ въ ней наблюденій. Фохтъ поставилъ себѣ задачей дойти статистическимъ путемъ до причинъ, останавливающихъ сокращеніе нормальной жизни бернскихъ обывателей. Онъ обошелъ всѣ жилые дома въ Бернѣ (въ которомъ считается 36,000 жителей) и собралъ смертные случаи въ каждомъ домѣ за 13 лѣтъ. Такимъ образомъ, матеріалъ для его выводовъ былъ довольно полновѣснымъ, такъ что имъ можно придавать не одно мѣстное значеніе. Фохтъ нашелъ, что вообще на солнечной сторонѣ умираетъ 26,6%, а на тѣнистой сторонѣ той-же улицы 74,8%. На солнечныхъ-же сторонахъ всѣхъ параллельныхъ улицъ Берна умираетъ 23,6%, а на тѣнистыхъ сторонахъ 24,4%. Подраздѣляя смертные случаи по болѣзнямъ, Фохтъ приходитъ къ слѣдующимъ результатамъ:

	Солнечная сторона.	Тѣнистая сторона.
Брюшной тифъ	1	6,7
Новорожденные	1	5,4
Ревматизмъ и болѣзнь сердца.	1	4,6
Болѣзнь мозга	1	4,5
Катарръ желудка и кишекъ .	1	3,6
Чихотка легкихъ	1	3,5
Внезапная смерть	1	2,9
Болѣзни легкихъ, кромѣ ча- хотки	1	2,0
Кровавый поносъ	1	2,5
Старость	1	1,3

Фохтъ объясняетъ, однако, это поразительное различіе въ смертности не однимъ только вліяніемъ солнца, но еще и тѣмъ обстоятельствомъ, что на тѣнистой сторонѣ больше мясныхъ лавокъ, чѣмъ на солнечной. Такъ, на тѣнистой сторонѣ часто помѣщается 4 свинныя и 3 обыкновенныя мясныя лавки, а на солнечной ни одной. Между тѣмъ въ pendant къ этому факту наибольшая разница смер-

«Дѣло», № 10. 3

ности замѣчена именно въ тѣхъ болѣзняхъ, которыя обыкновенно приписываютъ вліянію отъ разложенія животныхъ остатковъ.

Статья г. Шмелева «Предохранительныя мѣры противъ сифилиса» посвящена практическимъ вопросамъ огромной важности. Сифилисъ свирѣпствуетъ у насъ очень сильно, и такъ какъ причины его коренятся въ общественныхъ условіяхъ жизни съ одной стороны и въ физиологическихъ побужденіяхъ съ другой, то понятно, что отдѣлаться отъ этого страшнаго бича современныхъ обществъ однимъ лишь медицинскимъ леченіемъ нѣтъ никакой возможности. Но и медицинское леченіе, при настоящемъ состояніи врачебной науки, оказывается почти безсильнымъ въ борьбѣ съ сифилитической заразой. Больные, зараженные сифилисомъ, съ большимъ трудомъ излечиваются радикально, по большей-же части организмъ ихъ разстраивается на всю жизнь. Но и этого мало: не только ихъ собственная жизнь можетъ считаться окончательно разрушенной, но и жизнь другихъ, цѣлой семьи и цѣлаго потомства по нисходящей линіи подвергается серьезной опасности. Такимъ образомъ, сифилисъ, повидному, излеченный при жизни самого больного, переходитъ въ его потомство въ формѣ такой-же болѣзни или перерожденный въ неменѣе тяжкія и опасныя, какъ золотуха, параличъ, сумасшествіе, и цѣлый рядъ неизлечимыхъ болѣзней отъ расстройства питанія (перерожденія печени, почекъ и т. д.). Независимо отъ этого, какъ бы ни было успѣшно леченіе, сифилисъ можетъ свирѣпствовать съ неослабной силой, такъ какъ главное его свойство заключается въ заразительности. Слѣдовательно, на одно медицинское леченіе сифилиса полагаться неблагоприятно, и потому уже съ давнихъ поръ обратились къ предупрежденію сифилиса посредствомъ различныхъ административныхъ мѣръ, направленныхъ къ огражденію здоровыхъ людей отъ источниковъ сифилитическаго зараженія. Г. Шмелевъ считаетъ неудовлетворительнымъ существующія въ данное время у насъ медико-полицейскія мѣры для предупрежденія сифилиса, и предлагаетъ на этотъ счетъ свои собственныя соображенія. Онъ находитъ два главныхъ источника, откуда сифилитическая зараза постоянно подновляется и безпрепятственно распространяется среди здороваго населенія. Во-первыхъ, женская проституція и, во-вторыхъ, мужское холостое населеніе, преимущественно-же фабричное. Цѣль г. Шмелева состоитъ въ томъ, чтобы какъ можно больше облегчить проституткамъ періодическій медицинскій осмотръ, котораго онѣ стараются избѣгать, при существующихъ стѣсненіяхъ, надаваемыхъ на нихъ свободу. Но намъ кажется, что измѣненія, которыя вносятъ

г. Шмелевъ въ систему надзора за проститутками, несущественны и скорѣе вредятъ, чѣмъ приносятъ пользу дѣлу. Г. Шмелевъ желаетъ привлечь проституткокъ къ добровольному медицинскому осмотру и за это обѣщаетъ имъ выгоды, которыя онъ считаетъ для нихъ важными. Пока проститутка аккуратно является для осмотра, которымъ завѣдуетъ особый медицинскій институтъ съ инспекторомъ во главѣ, имя проститутки, внесенное въ списокъ инспектора, остается тайной для полиціи и извѣстно только самому инспектору и свидѣтельствующему врачу; въ противномъ-же случаѣ проститутка передается полицейскому надзору. Какая-же, спрашивается, отсюда выгода для проститутки? Меньшая огласка? Едва-ли. Г. Шмелевъ проектируетъ учредить особый надзоръ, во главѣ котораго стоитъ медицинскій инспекторъ. «Къ нему, говоритъ онъ, — являюся всѣ женщины, желающія подчиниться медицинскому надзору». Такая наивность, по меньшей мѣрѣ, забавна. Какая-же проститутка добровольно явится къ инспектору, чтобы опозорить свое имя внесеніемъ его въ списокъ? Напротивъ, она обойдетъ всякія мѣры, которыя-бы имѣли цѣлью принудить ее къ этому. Но эти принудительныя мѣры уничтожены г. Шмелевымъ, такъ какъ, по смыслу его проекта, полицейскій надзоръ вѣстуетъ въ свои обязанности лишь по приказанію медицинскаго комитета. Изъ этого логически вытекаетъ, что большинство женщинъ-проституткокъ освободится отъ всякаго, какъ медицинскаго, такъ и полицейскаго контроля и будетъ спокойно промышлять своимъ ремесломъ, разнося сифилитическую заразу среди населенія. Если-же полицейскій надзоръ будетъ принуждать проституткокъ являться къ медицинскому инспектору, то гдѣ-же тутъ уменьшеніе огласки, какая разница будетъ между существующимъ положеніемъ дѣла и проектируемымъ г. Шмелевымъ? Нѣсколько болѣе практическаго смысла въ тѣхъ мѣрахъ, которыя предлагаетъ г. Шмелевъ для учрежденія надзора за фабричными рабочими. Онъ справедливо указываетъ на необходимость поставить врачебный надзоръ за рабочими внѣ всякаго вліянія хозяевъ фабрикъ, такъ какъ дознано, что они въ собственныхъ интересахъ укрываютъ зараженныхъ рабочихъ, рассчитывая лишь на то, какъ-бы побольше извлечь пользы изъ рукъ рабочихъ. Хозяева не обращаютъ вниманія на другіе органы тѣла и всегда готовы держать ихъ на фабрикѣ лишь-бы отъ изстлѣвшаго организма остались только однѣ руки. Въ этомъ отношеніи мѣропріятія г. Шмелева заслуживаютъ вниманія, и нельзя не пожелать имъ полнаго осуществленія.

Въ статьѣ доктора Фалька «къ статистикѣ глухонѣмыхъ», извле-

ченной изъ спеціального нѣмецкаго журнала, собрано множество статистическихъ фактовъ, касающихся причинъ глухонѣмоты и смертности между людьми, одержимыми этимъ недостаткомъ. Обобщая свои изслѣдованія, докторъ Фалькъ приходитъ къ тому заключенію, что глухонѣмота имѣетъ своей специфической причиной — бѣдность. Мы говоримъ специфической потому, что многія страданія, родственныя глухонѣмотѣ, какъ, напр., слѣпота, идиотизмъ, альбинизмъ и всѣ болѣзни нервной системы, далеко не составляютъ такой обычной болѣзни въ бѣдныхъ классахъ населенія, какъ глухонѣмота. Статистика занятій и матеріальнаго состоянія родителей глухонѣмыхъ показываетъ, что огромное большинство ихъ вышло изъ рабочей среды, что подтверждается также и мѣстомъ ихъ жительства. Докторъ Фалькъ приводитъ списокъ частей города, въ которыхъ живутъ родители нынѣшнихъ воспитанниковъ берлинскаго института глухонѣмыхъ; оказывается, что они занимаютъ бѣдные и отдаленные отъ центра города кварталы. Тѣ-же изъ родителей глухонѣмыхъ, жилища которыхъ находятся въ богатыхъ частяхъ города, обитаютъ въ подвалахъ или надворныхъ постройкахъ. Такимъ образомъ, борьба съ глухонѣмотой будетъ бесполезна, по мнѣнію г. Фалька, если не будетъ уничтожена почва, на которой она по преимуществу развивается. Что бѣдность играетъ тутъ главную роль, это видно также и изъ того, что глухонѣмота свирѣпствуетъ одинаково, какъ между городскими, такъ и сельскими рабочими пролетаріатами. Слѣдовательно, на одни условія нездоровой городской жизни сослаться невозможно.

БѢДНЯКЪ.

Les Pauvres Gens: Noel Rambert par Jules Clareti. Paris, 1872.

Со времени прусскаго погрома, Франція проснулась отъ какого-то долгаго, летаргическаго сна; ударъ за ударомъ, несчастье за несчастьемъ, къ сожалѣнью, нужны были Франціи, чтобы упала повязка съ ея глазъ и она разсмотрѣла свои собственные язвы. Долго-ли она будетъ залечивать ихъ,—трудно сказать, но мы успѣли убѣдиться, что онѣ излечимы, что Франція уже не возвратится къ тому порядку вещей, который приготовилъ ей ужасное паденіе и цѣлое море золъ. Это горькое сознаніе прошлаго, это искреннее желаніе обновить свою жизнь ясно выражаются въ ея литературѣ, какъ болѣе вѣрномъ отголоскѣ общественной жизни. Особенно въ изящной литературѣ, въ романахъ, совершается слишкомъ очевидный переворотъ. Безсмысленная скандальная литература, господствовавшая во время второй имперіи, уступаетъ мѣсто добросовѣстнымъ произведеніямъ писателей, старающихся не потворствовать грубымъ страстямъ, а служить проводниками полезныхъ, честныхъ идей. Съ одной стороны, новые французскіе романы, о которыхъ мы говоримъ, выказываютъ весь ужасъ того нравственнаго и политическаго упадка, до котораго дошла Франція при Наполеонѣ, какъ, на примѣръ, известный романъ Эмиля Зола—«*Les Rougon-Macquart*»; съ другой, они стремятся, быть можетъ, часто въ слишкомъ наивно-идеальной формѣ возбудить въ погрязшемъ въ матеріальныхъ интересахъ обществѣ возвышенныя идеи истины, права, долга, свободы. Изъ числа романовъ этого рода замѣтно выделяется новое произведеніе Жюль Кларети: «*Les Pauvres Gens*», который мы перевели словомъ *Бѣднякъ*. «Сколько разъ, говоритъ Кларети въ своемъ предисловіи,—я хотѣлъ бросить этотъ трудъ, то находя его невѣроятнымъ и преуве-

личнымъ, то считая его колоритъ не достаточно мрачнымъ въ сравненіи съ дѣйствительностью; поэтому всѣмъ, кто упрекнетъ меня въ преувеличенія, я отвѣчу: «прошу васъ, посмотрите вокругъ себя и вы увидите многое гораздо болѣе невѣроятное и мрачное». Для объясненія этихъ словъ надо замѣтить, что «Бѣднякъ» написанъ въ первой половинѣ 1870 г., но страшная гроза, разразившаяся надъ Франціей, помѣшала появленію въ свѣтъ этого романа до настоящаго времени.

Романъ, съ которымъ мы намѣрены познакомить нашихъ читателей, представляетъ въ простомъ, несложномъ разсказѣ одинъ изъ историческихъ эпизодовъ Франціи, великихъ своимъ мрачнымъ величіемъ, а именно послѣдствія декабрьскаго переворота, который связывается прямымъ логическимъ результатомъ съ седанскимъ пораженіемъ и съ капитуляціей Парижа. На главномъ фонѣ этой мастерски-нарисованной картины поставленъ образъ человѣка, нѣсколько идеальнаго, но вѣрнаго тому драматическому положенію, которое создала бѣдному народу декабрьская ночь узурпатора...

Представляя извлеченіе изъ послѣдняго произведенія Кларети, мы старались сохранить вполне характеръ романа и не пропустить ни одной характеристической подробности. Мы исключили преимущественно только то, что имѣетъ чисто-мѣстный интересъ.

I.

1-го января 1859 года Ноэль Рамберъ всталъ на разсвѣтѣ мрачный, голодный; онъ не ѣлъ уже цѣлые сутки, голова его была тяжела, и потушій взглядъ уныло блуждалъ по блѣдному личику пятилѣтняго ребенка, спавшаго на грязномъ дырявомъ матрацѣ, въ пустой холодной комнатѣ.

Ноэль Рамберъ былъ бѣдный работникъ. Виродолженіи сорока лѣтъ, онъ твердо, безропотно вертѣлъ роковое колесо нужды; онъ работалъ неустанно, упорно, даже весело въ года юности, и часто его звонкая пѣсня покрывала свистъ машинъ и скрипъ колесъ. Онъ былъ тогда одинъ, безъ семейства, безъ заботъ, и, трезвый, скромный труженникъ, онъ считалъ себя счастливымъ, несмотря на свою бѣдность.

— Я здоровъ и силенъ, говаривалъ онъ со смѣхомъ, — я поднимаю молотъ, какъ перо. Чего-же мнѣ еще? Я чувствую себя богачемъ и не помѣняюсь судьбою съ Ротшильдомъ.

Но наступили въ жизни Рамбера тяжелыя минуты, — минуты грустнаго разочарованія и жестокихъ испытаній. Сирота, воспитанный среди рабочихъ, онъ съ дѣтства всосалъ въ себя идеи, которыя такъ быстро распространялись въ Парижѣ передъ 1848 годомъ, и когда вспыхнула февральская революція, онъ съ юношескимъ пыломъ всталъ въ ряды сражающихся. Въ то время его любимыми героями были: Барбесъ, гарцовавшій во главѣ своего лихого эскадрона, и Флоконъ, въ скромной, бѣдной одеждѣ, смиренно пробиравшійся въ свое министерство. Но какъ революція, такъ и ея дѣтели скоро сошли со сцены; тяжелая реакція, подготовленная Кавеньякомъ и окончившаяся имперіей декабрьской ночи, унесла въ своихъ мутныхъ волнахъ и событія, и людей, выдвинутыхъ на первый планъ движеніемъ 48-го года. Рамберъ, оставшійся въ числѣ побѣжден-

ныхъ, возвратился къ тяжелой работѣ, словно покинулъ ее нѣсколько дней. Онъ не ослабѣлъ въ борьбѣ, напротивъ, чувствуя въ себѣ еще избытокъ молодыхъ силъ (ему было 34 года), онъ говорилъ съ улыбкой: « Подождемъ, потерпимъ, у насъ еще много времени впередъ! »

Однако онъ уже не видѣлъ вокругъ себя своихъ прежнихъ товарищей, друзей юности, собратій по идеямъ и оружію. 2 декабря, точно мрачная туча покрыла своимъ непропиаемымъ мракомъ все-всѣхъ. Побѣжденная Франція лежала у ногъ своего цезаря, безмолвная и запуганная. Рамберъ предался грустному унынію. Найдя Парижъ, нѣкогда столь оживленный, дѣятельный, восторженный, — мрачнымъ и безмолвнымъ, онъ чувствовалъ недостатокъ воздуха, ему нечѣмъ было дышать въ этомъ большомъ городѣ. Онъ потерялъ свою веселость, свой неодолимый пылъ, свою живость, которые не покидали его даже въ тюрьмѣ. Все, что теперь окружало его, казалось ему мертвымъ, малкимъ, бесполезнымъ, безцѣльнымъ.

— Неужели мы дошли до этого? восклицалъ онъ съ отчаяніемъ, — неужели все кончено?

Это мрачное сомнѣніе терзало его сердце, но не оно нанесло ему смертельный ударъ, а любовь, пламенная, непреодолимая, для которой, казалось, было рождено его мужественное сердце.

Однажды Нозль Рамберъ встрѣтилъ женщину, которую полюбилъ страшно, безумно, съ тѣмъ сердечнымъ пыломъ, который еще былъ доступенъ его сердцу послѣ столькихъ разочарованій и накипѣвшей злобы. Съ своей стороны Марта Гарди, сирота и одна на свѣтѣ, какъ Рамберъ, повидимому, искренно привязалась къ нему и въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ дѣлила съ нимъ его трудовую, тяжелую, бѣдную жизнь. Съ каждымъ днемъ любовь Рамбера все болѣе и болѣе усиливалась, и ему казалось, что онъ началъ истинно жить только съ той минуты, какъ увидалъ Марту. Вся его прежняя дѣятельность, героическія мечты, бурные дни борьбы, безконечныя ночи въ дуленской тюрьмѣ—все это теперь казалось ему сномъ и заволакивалось туманной дымкой. Теперь на тридцать пятомъ году, онъ такъ-же всецѣло отдался новой страсти, какъ десять лѣтъ передъ тѣмъ своей первой любви—къ отечеству и свободѣ. Онъ нѣсколько разъ предлагалъ Мартѣ заключить съ ней гражданскій бракъ, но она всегда отвѣчала:

— Зачѣмъ! Если намъ суждено всегда любить другъ друга, то не къ чему вмѣшивать въ наше дѣло мэра, если-же намъ суждено, когда-нибудь разстаться, то зачѣмъ себя связывать узами, которыя потомъ насъ будутъ тяготить.

— Пусть будетъ по твоему, отвѣчалъ Рамберъ.

Такимъ образомъ, жилъ бѣдный труженникъ, цѣлый день работая на фабрикѣ, а по вечерамъ отдыхая въ своей скромной квартирѣ подлѣ любимой женщины; когда-же Марта подарила ему сына Жака, то счастью его не было границъ. Онъ обезумѣлъ отъ радости, и съ новыми, удвоенными силами принялся за работу, точно, при видѣ своего дѣтища, онъ самъ помолодѣлъ. Есть люди, которые рождены, чтобъ быть отцами; у нихъ любовь къ дѣтямъ доходитъ до безумія и никакая мать не въ состояніи достигнуть до нелѣпо-величественнаго самопожертвованія короля Лира. Къ подобнаго рода людямъ принадлежалъ Нозль Рамберъ, все существованіе котораго теперь было сосредоточено въ колыбели маленькаго Жака.

Но не долго продолжалось его блаженство; эта жизнь, полная труда счастья и надежды, была разбита разомъ, безжалостно въ одну роковую минуту.

Однажды, черезъ нѣсколько мѣсяцевъ послѣ рожденія Жака, Рамберъ нашелъ обожженные остатки письма, изъ котораго онъ ясно увидѣлъ, что Марта, которую онъ такъ пламенно любилъ—Марта, мать его сына, презрѣнно его обманывала. Она была любовницей другого человѣка! Сердце Рамбера болѣзненно сжалось, и если онъ не сошелъ съ ума, то лишь потому, что въ постигшемъ его горѣ онъ инстинктивно почуялъ еще сильнѣйшее горе и, съ присущей чело-вѣку силой отчаянья, захотѣлъ узнать всю горькую истину. Если его Марта была любовницей другого человѣка, то и его ребенокъ могъ быть не его. Въ этомъ теперь заключался весь вопросъ его жизни.

Онъ прямо отправился къ автору вѣденнаго письма, веселому, красивому молодцу, плѣнившему Марту своими шутками и общаніями безбѣднаго существованія.

— Я васъ не знаю, сказалъ Рамберъ,—вы отняли у меня то, что было мнѣ дороже всего на свѣтѣ. Въ первую минуту я васъ хотѣлъ убить, но теперь пощажу, если вы мнѣ скажете правду, одну только правду: съ которыми поръ вы любовникъ Марты?

Юноша хотѣлъ отпереться, но Рамберъ воскликнулъ:

— Отвѣчай, это вопросъ жизни и смерти. Отвѣчай, и если ты соврешь на одинъ день, то я тебя задушу.

— Съ мѣсяць.

— Такъ ребенокъ родился...

— Клянусь честью.

Рамберъ ничего не отвѣчалъ и пошелъ прямо къ Мартѣ.

— Ты подло обманула меня, такъ страстно тебя любившаго, сказалъ онъ, — но я тебѣ прощу, если ты скажешь мнѣ правду. Съ которыхъ поръ ты любовница этого человѣка?

— Ноэль! воскликнула Марта, въ испугѣ падая на колѣни.

— Отвѣчай, я хочу все знать.

— Съ мѣсяць, произнесла Марта, дрожа всѣмъ тѣломъ.

Рамберъ взглянулъ на нее, точно хотѣлъ прочесть сокровенныя тайны ея души, потомъ быстро оттолкнулъ ее, подбѣжалъ къ колыбели и громко воскликнулъ:

— Хорошо! вы оба сказали одно и то-же, значить, ребенокъ мой. Онъ мой, и я его беру. Ступай, куда тебя зоветъ развратъ, у меня есть руки, и Жакъ никогда не будетъ нуждаться въ кускѣ хлѣба. Я его буду воспитывать и, по крайней мѣрѣ, за своего отца онъ не станетъ краснѣть.

Съ этими словами, онъ схватилъ ребенка и выбѣжалъ изъ комнаты.

Теперь вся жизнь Рамбера сосредоточилась въ маленькомъ Жакѣ. Онъ любилъ его до безумія, и одна только мысль его иногда тревожила: «А если они оба солгали? если Жакъ не мой сынъ?» Но эта горькая мысль вскорѣ совершенно исчезла, благодаря постояннымъ возгласамъ кумушекъ, что маленькій Жакъ очень походилъ на него. О Мартѣ онъ никогда уже не думалъ; она для него какъ-бы умерла. Въ глубинѣ своего сердца, онъ, быть можетъ, и простилъ ее, ради ребенка: улыбка Жака заглаживала измѣну матери. Но была-ли у Жака мать? Рамберу по временамъ казалось, что ребенокъ былъ его, одного его; остальное онъ все забылъ, и Марту и свое прежнее счастье, и свое страшное горе. Живя одинъ съ Жакомъ, онъ сталъ работать, если возможно, еще усерднѣе. Но его прежняя веселость исчезла окончательно, не слышны были уже его звонкія пѣсни и пламенные рѣчи. Этотъ человѣкъ, полный самопожертванія, жившій до сихъ поръ безъ особой заботы о завтрашнемъ днѣ, привыкшій къ страданіямъ и къ горькому разочарованію, начиналъ теперь грустно задумываться. Сердце его сжималось при мысли, что его маленькому Жаку суждено было вести такую-же тяжелую трудовую жизнь бѣдняка. Какъ было обезпечить его отъ нужды въ положеніи простото работника?

Эти-то горькія мысли отравляли жизнь бѣднаго труженника, который иначе считалъ-бы себя совершенно счастливымъ. Держа Жака на рукахъ, цѣлуя его розовыя, пухлыя щечки, онъ сознавалъ, что горе и злоба, накипѣвшія въ его сердцѣ, мало по малу исчезаютъ, и надежда снова пробуждается. Онъ даже по временамъ чувствовалъ проблески своего прежняго юношескаго пыла.

Но этотъ человѣкъ принадлежалъ къ тому роду несчастныхъ, у которыхъ можно прочесть на лицѣ надпись, найденную на лбу одного бродяги, котораго подобрали замерзшимъ на улицахъ Парижа: — *Судьба*.

Однажды утромъ, въ началѣ декабря, Ноэль, работая на фабрикѣ, нагнулся, чтобъ поднять инструментъ, и нечаянно попалъ рукой въ колесо машины. Ноэль вскрикнулъ, отскочилъ и съ ужасомъ взглянулъ на свою окровавленную руку: два пальца были оторваны у перваго сустава. Дѣлать было нечего, пришлось идти къ доктору, который сдѣлалъ операцію, и Рамберъ возвратился черезъ нѣсколько часовъ безъ двухъ пальцевъ. Въ тотъ-же вечеръ рука опухла, и у него открылась лихорадка. Нѣсколько дней онъ долженъ былъ пролежать дома, а когда явился снова на фабрику, то ему объявили, что работы было мало, и число рабочихъ сокращено.

— Что-жъ мнѣ дѣлать? спросилъ Рамберъ.

— Что хотите, отвѣчалъ хозяинъ; — у насъ нѣтъ для васъ работы. Ищите въ другомъ мѣстѣ.

— Хорошо, отвѣчалъ Рамберъ.

И онъ пошелъ на другія фабрики. Но вездѣ рабочихъ было съ избыткомъ, вездѣ онъ получалъ одинъ отвѣтъ: — вы человѣкъ честный и хорошій работникъ, но у насъ нѣтъ работы. «Однако, думалъ Рамберъ, это, наконецъ, смѣшно». И онъ продолжалъ искать работы, закладывая между-тѣмъ въ ссудной кассѣ все, что имѣлъ. Товарищи, такіе-же бѣдники, какъ онъ, не могли ему помочь, и, такимъ образомъ, наканунѣ новаго года, Ноэль Рамберъ прожилъ послѣдній свой грошъ и заложилъ послѣдній свой плащъ.

Вставъ утромъ 1-го января, Рамберъ бросилъ мутный, отчаянный взглядъ на спящаго ребенка, подошелъ къ окну, взглянулъ на сѣрое небо, на мокрая крыши и дико осмотрѣлся по сторонамъ. Онъ искалъ, не было-ли чего въ его убогомъ жилищѣ продать, заложить, или вымѣнять на кусокъ хлѣба. Но рѣшительно ничего не было.

— Жакъ проснется, а у меня нѣтъ не только подарка, но и чашки бульона.

Вотъ первая мысль, блеснувшая въ его головѣ съ наступленіемъ новаго года. Онъ невольно вспомнилъ, какъ, въ прежніе годы, онъ начиналъ съ Мартой этотъ день веселымъ поцѣлуемъ. А теперь! при мысли о Мартѣ, онъ подумалъ съ горечью, что она въ довольствѣ и, узнавъ объ его ужасномъ положеніи, вѣроятно, поспѣшила-бы къ нему на помощь. Ему стояло только сказать слово. Нѣтъ, онъ скорѣе умретъ съ голоду, чѣмъ возьметъ милостыню изъ рукъ той, которая ему

такъ подло измѣнила и, можетъ быть, въ эту самую минуту покоилась въ объятіяхъ другого.

Видя, что ребенокъ все еще спитъ, Рамберъ рѣшился пойти поискать хоть куска хлѣба на этотъ день для своего бѣднаго Жака; но едва онъ отворилъ дверь, какъ ребенокъ проснулся и, простирая къ нему ручки, воскликнулъ:

— Папа!

Рамберъ вернулся, взявъ его на руки и крѣпко поцѣловалъ.

— Папа, съ новымъ годомъ, бормоталъ ребенокъ, смѣясь.

Слезы выступили на глазахъ бѣдника; онъ наскоро одѣлъ ребенка и снесъ къ привратнику, у котораго онъ всегда оставлялъ его когда отлучался изъ дома. Потомъ онъ вышелъ на улицу и пошелъ машинально куда глаза глядятъ, дико озираясь по сторонамъ. Онъ былъ увѣренъ, что найдетъ что-нибудь или какимъ-нибудь способомъ добыть кусокъ хлѣба.

Долго шагаль онъ почти безсознательно, жадно устремляя взгляды на окна лавокъ, въ которыхъ разставлены были на показъ сдобные крендели, сосиски, паштеты и пр. и пр. На каждомъ шагу онъ видѣлъ толпы веселыхъ, самодовольныхъ людей, покупавшихъ роскошные припасы; изъ кухней трактировъ доносился соблазнительный запахъ вкусныхъ кушаній, въ окнахъ богатыхъ домовъ, онъ видѣлъ семейства, весело садившіяся за столъ—всюду было довольство и веселье.

— Однако, думалъ Рамберъ:—не всѣ голодаютъ сегодня въ Парижѣ!

Одиночество несчастнаго еще болѣе усиливается въ толпѣ, шумъ которой кажется ему злорадной ироніей, вызывающей слезы злобы на его глазахъ. Когда человѣкъ отдается своему горю одинъ, въ пустой комнатѣ, онъ можетъ еще забыться, и время для него проходитъ какъ-бы незамѣтно. Но видѣть вокругъ себя столько равнодушныхъ, веселыхъ лицъ, слышать громкій хохотъ и сознавать свое горе среди общаго веселья—это одна изъ самыхъ тяжелыхъ пытокъ, которую понимаютъ лишь люди, очутившіеся одни съ своимъ несчастіемъ среди веселой толпы въ праздничный день.

Часы шли за часами, и Рамберъ продолжалъ безумную скачку за случайностью, которая никакъ не выпадала на его долю. Пока еще было свѣтло, онъ не терялъ надежды, но когда уже смерклось, и дождь, присоединясь къ туманной, ненастной погодѣ, заставлялъ проходящихъ ускорять шагъ, несчастный сказалъ себѣ съ какимъ-то злорадствомъ:

— Ну, такъ что-жъ, и сегодня не будемъ обѣдать!

Въ это время Рамберъ проходилъ по аустерлицкому мосту; и, усталый, голодный, измученный физическими и нравственными страданіями, онъ устремилъ жадные взоры на мрачную глубину рѣки, манившую его къ себѣ. Онъ остановился, и на его лицѣ показалась ужасная улыбка, ясно говорившая: — «хорошо-бы уснуть и забыться на вѣки, на мягкомъ водяномъ ложѣ». И, конечно, несчастный, бросившись въ рѣку, разомъ-бы покончилъ съ своимъ жалкимъ существованіемъ, если-бы вдругъ передъ его воспаленными глазами не явился любимый образъ Жака.

— Бѣдный мальчикъ! кто станетъ о тебѣ заботиться безъ меня, пробормоталъ онъ и, тряхнувъ головой, пустился бѣгомъ домой.

Имъ овладѣло теперь пламенное, безумное желаніе прижать къ сердцу ребенка, котораго, какъ ему казалось, онъ не видалъ уже цѣлые годы. Найдя Жака въ комнатѣ привратника, гдѣ онъ игралъ въ солдатки съ другими дѣтьми, Рамберъ едва не задушилъ его въ своихъ объятіяхъ.

— Ты любишь меня, дитя? Отвѣчай! воскликнулъ онъ.

— Да, папа, отвѣчалъ ребенокъ и, крѣпко поцѣловавъ отца, прибавилъ;—а я тебя ждалъ. Миѣ очень хочется ѣсть.

— Ты ничего не ѣлъ?

— Нѣтъ.

— Привратникъ тебѣ ничего не далъ?

— Я не просилъ. Я не дома.

— Дома, повторилъ Ноэль сжимая кулаки и вспоминая о томъ холодномъ, пустомъ чердакѣ, который назывался его домомъ; — не можетъ быть, чтобъ я не нашелъ чего-нибудь. Пойдемъ, Жакъ.

Онъ схватилъ его на руки и скорыми шагами пошелъ по улицѣ. Ребенокъ весело бормоталъ:

— Мульно не хотѣлъ миѣ дать ни одного изъ своихъ солдатиковъ. Мы теперь идемъ покупать игрушки! Да, да!

— Пойдемъ, пойдемъ! глухо повторялъ Ноэль.

Войдя на бульваръ, онъ опустилъ ребенка на землю, и тотъ заковылялъ за нимъ въ своихъ дырвыхъ башмакахъ, постоянно оборачивая голову и простирая руки къ освѣщеннымъ окнамъ лавокъ. Рамберъ чувствовалъ, какъ ребенокъ схватывалъ его за руку, и слышалъ, какъ онъ повторялъ требовательнымъ, пискливымъ голосомъ:

— Папа, купи солдатика! Папа, купи конфетъ! Папа, купи пирожковъ!

Это слово *купи* поражало прямо въ сердце бѣдняка, и, грубо отталкивая ребенка отъ соблазнительнаго зрѣлища, онъ бормоталъ:

— Не смотри сюда, Жакъ.

— Какъ больно ты жмешь мнѣ руку, — сказалъ, наконецъ, ребенокъ.

Несчастный бессознательно сжималъ, какъ въ клещахъ, маленькую ручонку Жака.

— Прости меня, голубчикъ, я не нарочно, отвѣчалъ онъ, приходя въ себя.

— Я прошу тебя, если ты мнѣ купишь вонъ это, отвѣчалъ ребенокъ, указывая на большого пестраго паука, висѣвшаго въ окнѣ игрушечной лавки.

Рамберъ схватилъ ребенка и побѣжалъ далѣе, избѣгая, какъ воръ, болѣе освѣщенныхъ улицъ; когда-же необходимость заставляла проходить мимо блестящихъ лавокъ съ соблазнительными выставками на окнахъ, онъ закрывалъ рукою глаза ребенка, и крупныя слезы злобы катились по его щекамъ. Вдругъ онъ почувствовалъ на своей рукѣ нѣжныя губки Жака и услыхалъ его уже не требовательный, а жалобный голосокъ:

— Ты плачешь, папа? Отчего? Я знаю, ты такъ-же голоденъ, какъ я. Скоро-ли мы будемъ обѣдать?

— Довольно терпѣть! воскликнулъ Рамберъ и, не отвѣчая ребенку, завернулъ за уголъ полуосвѣщеннаго переулка.

Тамъ онъ остановился, едва переводя дыханіе и обезумѣвъ отъ отчаянія. Ему нужны были деньги, ребенокъ требовалъ ѣсть. Въ эту минуту къ нему на встрѣчу шелъ дородный господинъ, въ шѣшовомъ пальто, съ большей коробкой конфетъ въ рукахъ, и напѣвалъ польку Страуса. Рамберъ быстро бросилъ на землю фуражку и рѣзко произнесъ глухимъ голосомъ, въ которомъ слышались и мольба и угроза:

— На хлѣбъ.

— Вы просите... сказалъ прохожій, невольно отступая нѣсколько шаговъ.

— Ребенокъ голоденъ. Я ничего не прошу, я...

За минуту, голосъ Рамбера звучалъ повелительно, теперь-же онъ боршоталъ едва слышно; только въ его горѣвшихъ, какъ уголья, глазахъ свѣтились злоба и твердая рѣшимость. Господинъ съ конфетами въ рукахъ пожалъ плечами, бросилъ монету въ фуражку бѣдняка и быстро удалился, продолжая напѣвать польку.

Рамберъ хотѣлъ закричать ему спасибо и спросить его фамилію, чтобъ возвратить деньги, при первой возможности, но прохожій вошелъ въ одинъ изъ сосѣднихъ домовъ, а Ноэль окаменѣлъ на мѣстѣ, словно статуя.

— Я просилъ милостыню! произнесъ онъ, наконецъ, — ну такъ что-жь? Кто виноватъ?

Онъ машинально поднялъ фуражку и съ дѣтской улыбкой сталъ вертѣть брошенную прохожимъ серебряную монету, которая теперь для него была цѣлымъ состояніемъ.

— А! ты голоденъ, мой бѣдный Жакъ, бормоталъ онъ, — пойдемъ ѣсть, и ты получишь подарки. Ты думаешь, что ты одинъ ничего не получишь? Нѣтъ, и дѣти нищихъ имѣютъ право веселиться въ праздникъ!

Войдя въ первый попавшійся трактиръ, онъ потребовалъ порцію курицы, пирога и стаканъ вина. Жакъ принялся за обѣдъ съ необыкновеннымъ аппетитомъ. Видя счастье ребенка, Рамберъ забылъ обо всемъ на свѣтѣ.

— Отчего ты не ѣшь, папа? спросилъ ребенокъ.

— Я не голоденъ.

И, дѣйствительно, онъ только хлебнулъ воды съ виномъ.

— Я хочу сахарнаго солдатика, произнесъ Жакъ, выходя изъ трактира.

У Рамбера оставалось еще нѣсколько сантимовъ, и онъ купилъ гренадера въ мѣховой шапкѣ. На возвратномъ пути ребенокъ заснулъ у него на рукахъ, и, придя домой, онъ осторожно уложилъ его на дырчатой матрасъ, служившій ему постелью. Потомъ, онъ сошелъ внизъ и какимъ-то страннымъ голосомъ сказалъ привратнику:

— Я пойду позавтракать. Одинадцать часовъ ночи, кажется, пора.

Изнуренный голодомъ, холодомъ и нравственными муками, несчастный хотѣлъ стаканомъ водки укрѣпить свои ослабѣвшія силы, а главное, онъ не могъ оставаться дома съ глазу на глазъ съ своимъ ребенкомъ. Онъ чувствовалъ какую-то безумную потребность движенія, точно оно могло успокоить его нервы и прекратить лихорадку, которая его трясла.

Улицы, по которымъ онъ снова шелъ, были полны народа, шума, блеска. На каждомъ шагу попадались веселыя, смѣющіяся лица. Окна кабачковъ блестѣли огнями. Въ залахъ танцевальныхъ заведеній видѣлись веселыя пары, бѣшено-кружившіяся подъ звуки музыки. Рамберъ шелъ все далѣе и далѣе, бессознательно направляясь къ Елисейскимъ Полямъ. Тамъ, въ тѣни длинныхъ аллей, царила мрачная тишина, возбуждавшая невольный страхъ. Въ этомъ одиноществѣ, дождь, моросившій весь день, казался чувствительнѣе, и сырость проникала до костей. Ноэль чувствовалъ, что его пробирала дрожь, и, смотря на окружающій мракъ, вглядываясь въ темную ночь, которая,

повидимому, была безконечна, онъ думалъ о своей несчастной судьбѣ, о своемъ безнадежномъ будущемъ и съ какими-то злорадствомъ бередилъ раненную руку. Вдругъ онъ остановился передъ деревянной постройкой, гдѣ лѣтомъ помѣщался театръ маріонетокъ, который онъ однажды показалъ своему Жаку. Воспоминаніе объ этомъ веселомъ лѣтнемъ днѣ, о радости Жака, объ его громкомъ хохотѣ невольно вызвали слезы на глазахъ бѣдняка. Онъ злобно махнулъ рукою и поспѣшно повернулъ назадъ. Имъ теперь овладѣло сильное желаніе вернуться домой.

Но не успѣлъ онъ сдѣлать нѣсколько шаговъ, какъ изъ за дерева показалась какая-то тѣнь, направившаяся прямо на него. При свѣтѣ газоваго фонаря, онъ увидалъ женщину въ черномъ, шелковомъ платьѣ и въ безпорядочномъ, наброшенномъ на плечи бурнусѣ, подбитымъ бѣлымъ мѣхомъ. Хотя голова ея была полузакрѣта капшономъ, но онъ замѣтилъ ея блестящіе глаза и блѣдное, обезображенное безпокойствомъ лицо, черты котораго были поразительной красоты. Она быстро подошла къ Нюлю и рѣшительнымъ, отрывистымъ голосомъ сказала:

— Хотите вы заработать денегъ добрымъ дѣломъ?

Рамберъ инстинктивно отшатнулся. Въ этомъ одинокомъ, мрачномъ мѣстѣ было только два живыхъ существа: мужчина и женщина; онъ — голодный бѣднякъ, она, повидимому, знатная богачка. И все-же отскочилъ въ ужасѣ сильный, мускулистый бѣднякъ, а не богатая слабая женщина. Слово *денги* его испугало.

— Не думайте, не теряйте времени, дѣло идетъ о жизни чело-вѣка.

— Что надо сдѣлать? произнесъ Рамберъ, приближаясь къ незнакомкѣ и проводя рукою по лбу, который горѣлъ, какъ въ ляхорадкѣ.

— Вы кажетесь сильнымъ и, конечно, храбры, продолжала незнакомка съ нервной поспѣшностью, — и я надѣюсь, что вы честный чело-вѣкъ. Во всякомъ случаѣ услуга, которой я у васъ прошу не многосложна. Въ концѣ аллеи близъ триумфальныхъ воротъ, со стороны Божона есть маленькій домикъ, съ красной наружной стѣной, безъ номера, но надъ дверью барельефъ... вы слышите, вы понимаете?

— Да, отвѣчалъ Рамберъ, слѣдя за ея нервными движеніями и отрывочными словами.

— Хорошо. Молодой чело-вѣкъ долженъ войти въ этотъ домъ... его тамъ ждутъ. Онъ навѣрно придетъ, несчастный! Во чтобы-то ни стало надо ему помѣшать войти въ этотъ домъ. Я не могу бѣжать

туда, не могу предостеречь его. Согласны вы снасти этого человѣка? Онъ для васъ такой-же незнакомецъ, какъ и я. Ну что-же! Вы спасете этого человѣка отъ смерти?

— А есть опасность? спросилъ Рамберъ.

— Нѣтъ, отвѣчала незнакомка, нервѣшительнымъ голосомъ.

— Тѣмъ хуже.

— Отчего?

— Оттого, что я иду, отвѣчалъ онъ простодушно.

Женщина бросила на этого оборваннаго нищаго взглядъ, полный самой пламенной, безумной благодарности, и произнесла только одно слово—«благодарю». Но въ этомъ словѣ выразилось все; ея маленькая ручка искала въ то-же время грубой руки Ноэля и сжала ее съ непонятной нервной силой.

— Бѣгите! Скажите ему, что его просить не входить въ этотъ домъ Клара, вы не забудете? Ну, скорѣе, а то будетъ поздно!

И она поспѣшно повторила адресъ дома. Вѣроятно, никто не устоялъ-бы противъ увлекательной силы ея пламенной мольбы, а Ноэль принадлежалъ къ той категоріи людей, которые отличаются жаждой къ самопожертвованію и горячей любовью къ ближнимъ.

Онъ хотѣлъ уже отправиться въ путь, когда она его остановила и высыпала ему въ руку все, что у нее было въ порціоне. Рамберъ услышалъ звукъ золота и увидалъ при свѣтѣ газоваго фонаря тотъ роковой, желтоватый блескъ, который соблазняетъ убійцу, ослѣпляетъ скупого, очаровываетъ, ослѣпляетъ, доводитъ до безумія столькихъ людей. Онъ какъ-бы окаменѣлъ при видѣ этого золота. Къ чему оно? Чѣмъ онъ его заслужилъ? Если надобно оказать услугу, то онъ всегда готовъ былъ даромъ помочь ближнему. Онъ хотѣлъ возратить это золото, или бросить его. Но въ то-же мгновеніе передъ его глазами возставали бѣдный Жакъ въ лохмотьяхъ, его убогая, холодная компанія, его отчаянное положеніе рабочаго безъ работы.

Между тѣмъ незнакомка продолжала полушепотомъ:

— Я вѣрно никогда не узнаю вашего имени и не могу сказать вамъ своего, но помните, что есть на свѣтѣ женщина, которая по вашей милости не покраснѣетъ отъ проступка или не поблѣднѣетъ отъ преступленія. Прощайте! Идите!

Съ этими словами, она быстро исчезла за деревьями, повторяя: «Идите, идите!»

Ноэлю Рамберу казалось, что все это происходило во свѣ. Онъ

не двигался съ мѣста и судорожно сжималъ лежавшія въ его рукѣ золотыя монеты. Онъ спрашивалъ себя, было-ли дѣйствительно на яву все, что онъ видѣлъ и слышалъ. Наконецъ, черезъ нѣсколько минутъ, онъ гордо поднялъ голову и воскликнулъ:

— Ну, Рамберъ, ступай зарабатывать свои деньги.

И онъ пустился въ путь.

Достигнувъ триумфальныхъ воротъ, онъ сталъ искать среди только-что строившагося тогда квартала Божона домикъ съ красными стѣнами. Наконецъ, послѣ долгихъ странствованій по этой почти необитаемой мѣстности, онъ остановился передъ небольшимъ домомъ, окруженнымъ невысокой красной стѣной на итальянскій манеръ. Надъ дверью видѣлся барельефъ. Очевидно, это было жилище богатаго артиста или знатнаго вельможи, любителя художественныхъ произведеній.

— Здѣсь, произнесъ Рамберъ и подошелъ къ двери.

Она была отворена, и, взойдя, онъ очутился въ саду. Въ концѣ аллея, въ какихъ-нибудь тридцати шагахъ отъ него, стоялъ домикъ довольно низенькій, съ терасами вмѣсто крыши и съ большимъ крыльцомъ, закрытымъ маркизой. Окна не были освѣщены, и въ этомъ домѣ, казалось, всѣ спали или вымерли.

— Я не войду, подумалъ Рамберъ:— а подожду здѣсь и, когда явится молодой человекъ, я постараюсь увести его отсюда.

Не долго простоялъ онъ тутъ на часахъ. Изъ мрачнаго дома вдругъ донеслись какіе-то смутные звуки. Рамберъ бросился на крыльцо и толкнулъ дверь, но она была заперта. Тогда онъ обѣжалъ вокругъ дома и въ одномъ окнѣ, хотя и завѣшанномъ тяжелыми занавѣсками, увидѣлъ свѣтъ. Изъ этой именно комнаты долетали звуки громкаго, крупнаго разговора. Окно было въ нижнемъ этажѣ и отстояло отъ земли на человѣческой ростъ. Нозль схватился за подоконникъ и, приподнявшись на рукахъ, прильнулъ лицомъ къ стеклу. Сквозь небольшія скважины, между складками занавѣсокъ, онъ увидалъ при свѣтѣ висячей лампы съ цвѣтнымъ стекломъ двухъ людей, въ которыхъ одинъ, высокаго роста, красивый, въ застегнутомъ доверху сюртукѣ и шляпѣ, машинально гладилъ свою окладистую, черную бороду; другой, блѣдуры, блѣдный, безъ шляпы, стоялъ скрестя руки, и облокотясь на дубовую этажерку, съ рѣшимостью человека, защищающаго что-нибудь для него дорогое. Между ними находился маленькій столъ съ различными художественными произведеніями, среди которыхъ какъ-то странно блестѣлъ при голубоватомъ свѣтѣ лампы открытый андалузскій ножъ, извѣстный подъ названіемъ *Навайи*.

Удивительно, что взглядъ Рамбера, остановился прежде всего на этомъ ножѣ, и онъ инстинктивно вздрогнулъ.

Оба эти человѣка находились въ томъ періодѣ глухой, безмолвной злобы, которая слѣдуетъ за яростной вспышкой гнѣва. Въ подобную минуту, у человѣка рассудокъ перестаетъ дѣйствовать, и животныя инстинкты берутъ верхъ. Тогда все можетъ случиться, всего можно ожидать.

Они смотрѣли другъ другу прямо въ глаза, и взоры ихъ метали огненные искры. Рамберу при голубоватомъ свѣтѣ лампы они казались привидѣніями.

— Вы мнѣ отдадите то, что мнѣ принадлежитъ, сказалъ твердымъ, жесткимъ, металлическимъ голосомъ старшій изъ незнакомецъ, поглаживая свою бороду.

Морозъ пробѣжалъ по тѣлу Рамбера; онъ замѣтилъ, что молниеносный взглядъ этого человѣка остановился на андалузскомъ ножѣ. Дѣйствительно, онъ понялъ этотъ дикій, жестокий взглядъ; въ ту-же минуту раздался отвѣтъ молодого человѣка: «Никогда», и господинъ съ черной бородой быстро схватилъ ножъ.

— Онъ его убьетъ! воскликнулъ Рамберъ и изо-всей силы толкнулъ окно, но рама не поддавалась. Тогда онъ кулакомъ разбилъ стекло, отворилъ задвижки и вскочилъ въ комнату, какъ безумный.

Молодой человѣкъ лежалъ на землѣ, а мужчина съ черной бородой, блѣдный, какъ полотно, и дрожа всѣмъ тѣломъ, шарилъ въ его карманахъ.

— Караулъ! убійца! закричалъ Рамберъ.

Неизвестный выпрямился во весь ростъ и взглянулъ прямо въ глаза Нозю; въ рукахъ у него былъ небольшой красный бумажникъ.

— Вы убили человѣка! воскликнулъ Рамберъ, чувствуя, что кровь приливаетъ къ его головѣ.

Неизвестный ничего не отвѣчалъ, быстро отступилъ шага два къ двери, завѣшанной тяжелой портьерой, и, выхвативъ изъ кармана револьверъ, прицѣлился въ Нозю.

— Меня не испугаешь! воскликнулъ работникъ и бросился на него.

Раздался выстрѣлъ. Нозь нагнулся, и пуля, пролетѣвъ надъ его лѣвымъ плечомъ, ударила въ стѣну. Но прежде, чѣмъ Рамберъ выпрямился, неизвестный успѣлъ скрыться за дверь, которую съ непостижимымъ хладнокровіемъ заперъ на ключъ.

Рамберъ хотѣлъ выпрыгнуть въ окно и перерѣзать дорогу убійцѣ,

но, въ эту минуту, несчастный юноша жалобно застоналъ. Надо было прежде подать помощь раненному, а потомъ уже думать о возмездіи за злодѣйство. Рамберъ нагнулся къ молодому человѣку, осторожно положилъ его голову себѣ на колѣни и растегнулъ ему рубашку.

Лицо юноши было блѣдно-синеватое, и большіе голубые глаза его безжизненно смотрѣли на Ноэль.

— Карауль! Гей! Ктонибудь! кричалъ Ноэль и потомъ прибавлялъ, обращаясь къ раненному, самъ не сознавая, что онъ говоритъ: — Онъ ушелъ, я все видѣлъ, я покажу противъ него. Вы очень страдаете?

Раненный ничего не отвѣчалъ и только машинально правой рукой искалъ чего-то.

— Вы ищете бумажникъ? спросилъ Рамберъ.

На лицѣ юноши выразилось безпокойство, отчаяніе.

— Онъ его взялъ, прибавилъ Ноэль.

Изъ груди несчастнаго вырвался глухой, страшный стонъ. Онъ хотѣлъ приподняться, но голова его унала на колѣни Рамбера, и онъ едва внятно промолвилъ:

— Матушка!.. Братъ!

На его губахъ показалась кровавая пѣна, и руки безжизненно ударились объ полъ.

Рамберъ быстро вскочилъ, сталъ громко звать на помощь и искать выхода изъ этой роковой комнаты. Онъ нашелъ дверь, но она выходила въ темный коридоръ. Онъ кричалъ изо всей силы, но никто не откликнулся. Тогда этотъ мужественный здоровенный рабочій почувствовалъ холодъ во всемъ тѣлѣ; ему стало жутко оставаться одному съ мертвымъ трупомъ въ этомъ пустомъ, мрачномъ домѣ.

— Надо-же позвать кого-нибудь... полицію... промолвилъ онъ сквозь зубы и, собравшись съ послѣдними силами, выскочилъ въ окно и побѣжалъ къ садовой двери, въ которую онъ вошелъ нѣсколько минутъ передъ тѣмъ. Дверь эта была затворена и извиѣ слышался какой-то смутный говоръ. Рамберъ остановился. Быть можетъ, это были сообщники убійцы, или онъ самъ возвращался съ товарищами?

— Посмотримъ! подумалъ Рамберъ и толкнулъ дверь.

Въ ту-же минуту онъ почувствовалъ, что нѣсколько человѣкъ схватили его за горло и локти. Другіе-же бросались къ дому; а вдали видѣлась толпа, и слышались возгласы: — убійца! воръ!

— Пустите меня, что вамъ нужно! кричалъ Ноэль: — я хочу видѣть полицейскаго комиссара, тутъ убили человѣка. Пустите, при-

бавлялъ онъ злобно:—зачѣмъ вы меня держите? Я вамъ говорю, мнѣ надо рассказать все, что я видѣлъ...

— Вы расскажете все, что хотите, промолвилъ одинъ изъ людей, которые еще крѣпче сжимали несчастнаго.

Рамберъ чувствовалъ, что голова у него кружится, онъ не понималъ, что дѣлалось вокругъ него; ему казалось, что онъ или сошелъ съ ума, или видитъ страшный сонъ. Онъ сознавалъ только, что его толкали со всѣхъ сторонъ, что онъ очутился на улицѣ среди большой толпы передъ фіакромъ, въ который его почти положили. Рядомъ съ нимъ и противъ него устланы какія-то неизвѣстныя ему личности.

— Куда вы меня везете? спросилъ онъ.

— Вѣдь вы требовали полицейскаго комиссара? сказалъ проищески человекъ, сидѣвшій противъ Ноэля, колѣна котораго сжимали его колѣни.

— Правда, промолвилъ онъ, и тихимъ, усталымъ голосомъ прибавилъ:—будьте такъ любезны, позвольте мнѣ протянуть ноги, я очень усталъ.

Силы рѣшительно измѣнялись несчастному; онъ опустился на подушки почти въ забытѣ.

Черезъ нѣсколько минутъ экипажъ вѣхалъ въ большія каменные ворота, освѣщенные краснымъ фонаремъ; Рамбера повели по темной скользкой лѣстницѣ во второй этажъ, гдѣ въ большой комнатѣ, раздѣленной деревянной балюстрадой и освѣщенной висячими лампами, нѣсколько человекъ писали за конторками, а другіе грѣлись около печи. Рамбера посадили на деревянную скамью, и около четверти часа онъ просидѣлъ неподвижно, безсознательно.

Наконецъ, за нимъ пришли какіе-то люди и провели его въ другую комнату, гдѣ передъ большой конторкой изъ краснаго дерева сидѣлъ толстый господинъ съ красноватымъ лицомъ. Передъ нимъ стояли двѣ свѣчи и лежали бумаги.

— Вы полицейскій комиссаръ? спросилъ Рамберъ.

Комиссаръ посмотрѣлъ на Ноэля съ удивленіемъ и неудовольствіемъ. Ему показалось оскорбительнымъ, что его спрашивалъ тотъ, котораго онъ самъ намѣревался допрашивать. Чиновникъ второй имперіи, какимъ былъ комиссаръ, скорѣе простилъ-бы преступленіе, чѣмъ такую ошибку, такое извращеніе ролей. Однако, онъ не сдѣлалъ Ноэлю выговора и, взглянувъ ему прямо въ лицо, отвѣчалъ:

— Да.

— Такъ вы выслушаете мое показаніе.

— Извините, сказалъ комиссаръ съ достоинствомъ, подобающимъ его званію, и самъ приступилъ къ допросу.

Нозль отвѣчалъ на предлагаемые ему вопросы просто, естественно. Комиссаръ позволялъ ему говорить, рассказывать и описывать съ возрастающимъ жаромъ, въ пламенныхъ выраженіяхъ и съ рѣзкими жестами, ту страшную сцену, которой онъ такъ неожиданно былъ свидѣтелемъ. Комиссаръ внимательно слушалъ, наклонивъ голову, и, смотря на Рамбера изъ подлѣбья, игралъ большими брелоками и печатами, болтавшимися у него на животѣ. Когда Рамберъ кончилъ свой рассказъ, онъ поднялъ голову, устремилъ взглядъ въ пространство и медленно произнесъ:

— Такъ вы не сознаетесь въ убійствѣ челоѣка, трупъ котораго найденъ?

Въ первое мгновеніе Рамберъ не понялъ смысла этихъ словъ; на его чистосердечный, грустный рассказъ, ему отвѣчали такой ужасной фразой: *вы не сознаетесь въ убійствѣ!* Тупо, безсознательно посмотрѣлъ онъ на комиссара, потомъ обернулся и увидалъ подлѣ себя тѣхъ самыхъ людей, которые его арестовали. Они хладнокровно крутили усы. Несчастный вскочилъ, какъ-бы приподнятый невѣдомой силой; сердце его сжалось болѣзненно, и онъ быстро, отрывисто произнесъ:

— Какъ! вы спрашиваете... Я сначала не понялъ... вы спрашиваете: убилъ-ли я этого челоѣка? Но позвольте, г. комиссаръ, вѣдь это ужъ слишкомъ! За кого вы меня принимаете? Я работникъ и умѣю дѣйствовать своими инструментами, а не ножомъ убійцы. Нѣтъ, я вѣрно не разслышалъ. Не можетъ быть, чтобъ вы считали меня убійцей бѣднаго юноши, котораго я, чортъ возьми, защитилъ-бы грудью, еслибъ успѣлъ явиться во-время.

— Такъ вы не сознаетесь? холодно повторилъ комиссаръ.

— Какъ-же вы хотите, чтобъ я сознался? Вѣдь это ужасно. Еслибъ кто нибудь мнѣ сказалъ, что я могу убить челоѣка, то я плюнулъ-бы ему въ лицо. А вы мнѣ это спокойно говорите, потому что вы полицейскій комиссаръ, и меня къ вамъ привели. Но вѣдь я васъ искалъ. Развѣ убійцы розыскиваютъ полицію? Если-бы я убилъ, я бы убѣжалъ... Вотъ я себя-же защищаю, дуракъ... Послушайте, г. комиссаръ, я живу на бульварѣ Опытая, домъ № 115. Меня зовутъ Нозль Рамберъ, я работалъ мѣсяцъ тому назадъ на фабрикѣ Потонье и К^о, я не бродяга, вы можете навести справки, товарищи скажутъ, что я честный челоѣкъ, и хотя хозяева мнѣ отакзали за неимѣніемъ

работы, но они всегда меня уважали. Всею виною эти пальцы, ихъ пришлось отрѣзать, я поцалъ рукой въ машину и не могъ работать. Еслибы не это, то, конечно, я не сталъ-бы гулять по ночамъ. Это не въ моихъ привычкахъ... Нѣтъ, мнѣ надо было остаться дома съ своимъ мальчикомъ. Онъ еще маленькій, но попробуйте ему сказать, что его отецъ убійца!.. Убійца! вѣдь это нелѣпо, г. комиссаръ. Я убилъ! вотъ вздоръ. Я часто голодалъ, но никогда мнѣ не приходила въ голову мысль украсть кусокъ хлѣба. Вотъ что я вамъ скажу. Меня могли найти мертвымъ отъ холода и голода на чердакѣ съ своимъ мальчуганомъ, но чтобъ я подумалъ протянуть руку въ чужой карманъ или ударить кого-нибудь ножомъ... Нѣтъ, это немыслимо!

Несчастный говорилъ, размахивая руками въ лихорадочномъ волненіи; повременамъ хриплый кашель прерывалъ его слова, и на глазахъ его наворачивались крупныя слезы. Комиссаръ молча слушалъ и смотрѣлъ на него, выбивая дробь по конторкѣ деревяннымъ ножомъ. Вдругъ онъ, обратясь къ одному изъ полицейскихъ, арестовавшихъ Неэля, спросилъ:

— Есть вещественныя доказательства?

Полицейскій подаль андалузскій ножъ, лезвее котораго было въ крови.

— Такъ это не вашъ ножъ? спросилъ комиссаръ.

— Я его видѣлъ на столѣ. Онъ его взялъ и имъ убилъ бѣднаго юношу.

— Хорошо, отвѣчалъ комиссаръ:—завтра все разъяснится.

И онъ приказалъ отвести Рамбера въ сосѣднюю залу, гдѣ одинъ изъ чиновниковъ записалъ его имя, фамилію и пр. Потомъ его обыскали и нашли въ карманѣ нѣсколько золотыхъ монетъ.

— У васъ триста шестьдесятъ франковъ? Гдѣ вы ихъ нашли или какъ заработали? спросилъ комиссаръ, которому тотчасъ донесли о важномъ открытіи.

— Триста шестьдесятъ франковъ! произнесъ Рамберъ съ удивленіемъ и подумалъ, сколько-бы игрушекъ можно купить Жаку.

Онъ совершенно забылъ объ этихъ деньгахъ, но теперь разсказалъ, все подробно, о своей встрѣчѣ въ Елисейскихъ Поляхъ съ неизвѣстной женщиной, которая просила его оказать ей услугу и, поблагодаривъ его отъ души, высыпала ему въ руку все золото, которое было у нея въ портмоне.

— А я объ этомъ и не сказалъ, прибавилъ Рамберъ, —но я вѣдь только для нея и пошелъ въ Божонъ... О! какъ у меня трещить

голова. Я забылъ это сказать... между-тѣмъ это обстоятельство нужно было объяснить прежде всего.

— Конечно, замѣтилъ комиссаръ и, съ улыбкой презрительнаго сомнѣнія, вышелъ изъ комнаты.

Въ эту минуту показались въ дверяхъ нѣсколько солдатъ, и Ноэля свели внизъ по темной лѣстницѣ въ арестантскую, гдѣ онъ въ изнеможеніи упалъ на полъ.

— Все равно, подумалъ онъ, — мнѣ надо отдохнуть гдѣ-бы то ни было. Какъ спать у привратника, а я... совсѣмъ умаялся.

Однѣ изъ солдатъ, видя его блѣдное, изнуренное лицо и забрызганныя грязью лохмотья, подалъ ему кусокъ хлѣба и кружку воды. Ноэль дошелъ до той степени изнуренія, за которой слѣдуетъ смерть. Онъ утолилъ жажду водой и, какъ звѣрь, набросился на хлѣбъ, потомъ на лицѣ его показалась та бессмысленно довольная улыбка, которую можно замѣтить у выздоравливающаго больного, только-что оставившаго строгую діету, или у несчастнаго, спасеннаго отъ голодной смерти. Потомъ, усталый, изнеможенный, не думая ни о чемъ, не отдавая себѣ отчета въ томъ, что произошло, онъ заснулъ тяжелымъ, болѣзненно-свинцовымъ сномъ, который смыкаетъ глаза солдата въ ночь послѣ сраженія.

Но иногда сонъ немилосерднѣе дѣйствительности. Бѣдный Рамберъ, метаясь въ лихорадкѣ на своемъ жесткомъ ложѣ, видѣлъ страшные сны: ему казалось, что Какъ лежалъ въ колыбели, въ припадкѣ крупа, и тщетно звалъ на помощь. Ноэль хотѣлъ бѣжать къ нему, но не могъ. И холодной потъ, какъ въ предсмертной агоніи, выступала на исхудаломъ тѣлѣ бѣдника.

II.

Человѣкъ, который въ глазахъ Ноэля Рамбера схватилъ андалузскій ножъ, вонзилъ его въ сердце несчастнаго юноши и бѣжалъ, выстрѣливъ изъ пистолета, былъ Давіэль Морталь. Это имя до сихъ поръ живетъ въ памяти жителей одного изъ пиренейскихъ департаментовъ, гдѣ, лѣтъ около двадцати тому назадъ, Морталь былъ администраторомъ и оставилъ послѣ себя страшные, неизгладимые слѣды. Это былъ одинъ изъ тѣхъ безпокойныхъ, честолюбивыхъ искателей приключеній, которые, побуждаемые жаждой богатства, матерьяльнымъ скептицизмомъ и поклоненіемъ успѣху и силѣ, часто захватываютъ власть, благодаря несчастнымъ обстоятельствамъ. И тогда неудивитель-

но, что честные люди отворачиваются отъ власти, сосредоточенной въ такихъ рукахъ.

Жизнь Даніэля Морталья была полна всевозможными тревоженіями, дни ведра смѣнялись днями непогоды и, вообще, это была жизнь грязная, если еще не хуже. Прежде, чѣмъ онъ занялъ видное и значительное мѣсто, онъ долго влачилъ свое существованіе въ неизвестности среди самыхъ разнообразныхъ и смѣлыхъ приключеній. Сынъ богатаго марсельскаго кораблестроителя, онъ съ ранней юности остался сиротой съ значительнымъ состояніемъ, которое онъ въ короткое время пропустилъ сквозь пальцы въ веселой, развратной жизни. Природа создала его желѣзнымъ или, лучше, каменнымъ, какъ физически, такъ и нравственно. Высокаго роста, дерзкой красоты, съ нѣжными и виѣстѣ энергичными глазами, съ черной, шелковистой бородой, онъ отличался необыкновенной граціей и страшной силой мускуловъ. Онъ былъ въ одно и то-же время челоѣкомъ дѣйствія и мысли. Подобные люди, посвятивъ себя добру, пересоздали-бы весь міръ; напротивъ, повинувъсь своимъ страстямъ, они только усиливаютъ хаосъ зла. Отличаясь вѣрностью взгляда и быстротою соображенія, Морталь много читалъ, но все-же предпочиталъ гимнастику мускуловъ гимнастикѣ ума. Онъ отлично ѣздилъ верхомъ, великолѣпно фехтовалъ и былъ однимъ изъ героевъ постыдной свѣтской молодежи того времени. Онъ славился дерзкими побѣдами надъ женщинами, безумными успѣхами въ игрѣ, кровавыми дуэлями, которыя дорого ему обходились и быстро вели его къ раззоренію.

Въ одинъ прекрасный день онъ узналъ отъ своего страпцаго, что все его состояніе было прожито, и въ тотъ-же вечеръ, возвращаясь домой, онъ былъ тяжело раненъ бѣднымъ лавочникомъ, дочь котораго онъ обезчестилъ. Во время долгой, тяжкой болѣзни, Морталь обдумалъ свое положеніе и пришелъ къ тому убѣжденію, что онъ рожденъ для болѣе широкой, великой дѣятельности, его мучили безумныя, честолюбивыя мечты Бонапарта, его, голоднаго, санкюлота. Его не пугала бѣдность, онъ зналъ, что скоро, безъ большого труда, онъ можетъ нажить себѣ состояніе, но онъ жаждалъ власти, а въ буржуазной монархіи Людовика-Филиппа онъ не видѣлъ для себя возможности составивъ блестящую карьеру. Потому, простясь съ старымъ свѣтомъ, онъ рѣшился попытать счастья въ новомъ.

Такимъ образомъ, двадцати четырехъ лѣтъ отъ роду, онъ отправился въ Америку добывать богатство и провелъ тамъ восемь лѣтъ среди всевозможныхъ трудностей, лишеній и ударовъ судьбы, которые сразили-бы всякаго другого, но только не его, они закаляли его желѣзную,

ничѣмъ непреодолимую натуру. Этотъ періодъ его дѣятельности нѣсколько туманенъ; здѣсь легенды примѣшиваются къ историческимъ фактамъ. Онъ былъ то пѣвцемъ въ Филадельфій, то учителемъ фехтованья въ Нью-Йоркѣ, то предводителемъ шайки въ Рио-Гранде; здѣсь несчастнымъ бѣднякомъ, тамъ знатнымъ вельможей, въ Калфорніи рудокопомъ на золотыхъ россыпяхъ, въ Бостонѣ редакторомъ газеты; и вездѣ веселый, привлекательный, съ иронической улыбкой, онъ смѣло, дерзко навязывалъ себя народу, котораго ничто не удивляетъ и который идетъ впередъ на всѣхъ парахъ, несмотря ни на что. Въ теченіи восьми лѣтъ, Морталь нажилъ почти честно и прожилъ десять состояній. Однако, принимаясь за созданіе однадцатаго, онъ чувствовалъ, что ему начинала надобѣдать эта жизнь подъ давленіемъ тридцати шести атмосферъ. Онъ собирался было жениться на богатой мексиканкѣ и спокойно поселиться на ея богатой родинѣ, какъ вдругъ получилъ извѣстіе о революціи 1848 года во Франціи. Всѣ его честолюбивыя мечты разомъ воскресли, онъ увидѣлъ возможность осуществить невозможное и полетѣлъ въ Европу, не подумавъ даже о бѣдной мексиканкѣ, которая съ горя задушила себя своими великолѣпными волосами. На подобныя мелочи, какъ онъ ихъ называлъ, Морталь, конечно, не обращалъ вниманія.

Возвратясь во Францію, онъ съ пламенной энергіей бросился въ политическій водоворотъ. Ему было рѣшительно все равно, какой партіи ни служить; онъ зналъ, что въ случаѣ надобности всѣмъ измѣнить; въ сущности ему нужна была только ступень для достиженія своихъ честолюбивыхъ цѣлей. Сначала онъ былъ крайнимъ радикаломъ, баббистомъ, а потомъ, видя, что вѣтеръ перемѣнился, ловко перешелъ на сторону людей порядка и сталъ распространять реакціонерную пропаганду въ гостиныхъ и газетахъ. Отличаясь тонкимъ знаніемъ жизни и презрѣніемъ къ людямъ, придававшимъ ему еще болѣе силы, онъ былъ тѣмъ опаснѣе, что скрывалъ свою страсть, свою жажду власти и богатства подъ личиной свѣтскаго изящества и увлекательнаго ума.

Однако, онъ еще не достигъ желанной цѣли. Ему предлагали, какъ и многимъ другимъ въ минуту реакціи, ту долю административной власти, которая удовлетворила-бы не столь великаго честолюбца. Но Даніель Морталь желалъ большаго и лучшаго; пока-же продолжалъ смотрѣть на политическія событія, какъ посторонній зритель, аплодируя, однакожъ, всѣмъ выходкамъ реакціи и всѣмъ клеветамъ, которыя распускали о побѣжденныхъ радикалахъ. Многіе изъ его друзей находились у кормила правленія, и время отъ времени онъ одобритель-

но говорилъ имъ: «браво!» У одного изъ подобныхъ друзей, товарища его бурной юности, а теперь префекта на югѣ Франціи, онъ гостилъ въ то время, когда тамъ получена была депеша о государственномъ переворотѣ 2-го декабря. Изумленіе и негодованіе всѣхъ честныхъ людей не знало границъ; за то многіе увидѣли, что теперь открывается для нихъ счастливый случай къ достиженію славы и богатства. Пока нерѣшительные люди колебались, смѣльчаки бросились головой въ пучину, обѣщавшую имъ все. Надо отдать справедливость Морталю, онъ былъ въ числѣ послѣднихъ. Онъ ни минуты не колебался, онъ сразу понялъ, какой неожиданный, блестящій путь открывался передъ нимъ. Однакожь, извѣстіе объ этомъ событіи застало его въ такую минуту, когда онъ могъ потерять всю вѣрность своего взгляда.

Наканунѣ, въ безумной борьбѣ на зеленомъ полѣ съ однимъ изъ блестящихъ представителей мѣстной аристократіи, Лавердакомъ, онъ проигралъ громадную сумму денегъ, двѣсти тысячъ франковъ. Не имѣя ни гроша и не зная, откуда ихъ добыть, Морталь возвратился домой въ самомъ мрачномъ расположеніи духа, какъ вдругъ ему подали письмо отъ его друга, префекта, который просилъ его немедленно пріѣхать по очень важному дѣлу. Не дожась спать, бѣдный, убитый своей неудачей Морталь отправился въ префектуру.

— Важныя новости, сказалъ префектъ, подавая ему депешу: — научи меня, что дѣлать? Государственный переворотъ совершенъ, національное собраніе распущено, въ Парижѣ дерутся, здѣсь вѣрно будетъ тоже. Что дѣлать, на что рѣшиться? Протестовать противъ переворота или поддержать его?

Прежде чѣмъ префектъ окончилъ свою отрывочную рѣчь, Морталь уже рѣшился; съ непостижимой быстротой онъ понялъ все и съ радостью почувствовалъ себя въ родной стихіи борьбы и смѣлыхъ приключеній.

— Ты понимаешь, продолжалъ префектъ, — дѣло идетъ о спасеніи порядка, собственности, семейства!

— Надо спасать все это, а ты еще сомнѣваешься! произнесъ съ иронической улыбкой Морталь. — Скотина ты, больше ничего. Нашъ часъ насталъ, а ты не видишь своего счастья. Позволь мнѣ распорядиться всѣмъ: это моя стихія. Я тебѣ не дамъ дурного совѣта.

И Морталь вернулся домой веселый, радостный. Онъ чувствовалъ, что первая, тревожная половина его жизни кончена, что наступаетъ новый періодъ — періодъ жатвы, что не только для него, но и для всей Франціи наступаетъ новый порядокъ вещей, и въ роковомъ раз-

ложеніи всего существующаго порядка на его долю выпадетъ хорошая пожива. На столѣ онъ нашелъ письмо отъ Лавердака, который очень любезно предлагалъ Морталю отыграться или отсрочить насколько-угодно его неблагоразумный проигрышъ, который онъ не могъ считать обыкновеннымъ картежнымъ долгомъ, платимымъ, по обычаю, въ двадцать четыре часа. Это благородное великодушіе, однако, не тронуло Морталья, — напротивъ, взбѣсило его. Онъ видѣлъ въ немъ только оскорбительное сожалѣніе соперника и, схвативъ перо, съ лихорадочнымъ волненіемъ отвѣчалъ Лавердаку, что, конечно, у него не было готовыхъ двухсотъ тысячъ, но картежный долгъ — долгъ чести, и Лавердакъ получить всѣ деньги сполна черезъ нѣсколько дней. Отправивъ это письмо, онъ поспѣшилъ въ префектуру, гдѣ его ждали съ нетерпѣніемъ, и забылъ все на свѣтѣ, кромѣ необходимости принять немедленно мѣры вмѣстѣ съ военными властями къ устрашенію пламеннаго пиренейскаго населенія.

Разсказъ о томъ, какъ устрашали, преслѣдовали, убивали, ссылали несчастный народъ въ эту мрачную эпоху, принадлежитъ не роману, а исторіи, которая достойно заклеитъ декабрьскіе ужасы. Здѣсь мы приведемъ только одинъ достовѣрный фактъ, переданный очевидцемъ, имя котораго принадлежитъ къ числу самыхъ чистыхъ, славныхъ именъ Франціи. Одна бѣдная поселянка, мужъ которой былъ признанъ мятежникомъ (въ то время всѣ защищавшіе законъ считались мятежниками), несмыслившая ничего въ политикѣ, была приведена къ префекту.

- Гдѣ вашъ мужъ, спросилъ онъ, — гдѣ онъ скрывается?
- Не знаю.
- Вы не хотите открыть тайны?
- У меня нѣтъ никакой тайны.
- Отведите ее въ тюрьму, она тамъ одумается.

Несчастливая женщина недавно родила и кормила ребенка. У нея вырываютъ ребенка изъ рукъ и забираютъ ее въ мрачную тюрьму. Среди ночи раздаются ужасные крики бѣдной жертвы; жена тюремщика вбѣгаетъ въ ужасъ и видитъ, что груди несчастной такъ переполнены молокомъ, что готовы лопнуть. Тронутая этимъ грустнымъ зрѣлищемъ, жена тюремщика бѣжитъ прямо къ префекту и умоляетъ его отдать ребенка бѣдной матери.

- Зачѣмъ?
- Она ужасно страдаетъ... у нея лопнуть груди.
- А-а! груди лопнуть! Тѣмъ лучше: *тайна выйдетъ хоть оттуда.*

Нигдѣ во Франціи въ эту тяжелую эпоху народъ не подвергался такимъ ужаснымъ преслѣдованіямъ, какъ въ этомъ пиринейскомъ уголкѣ, куда случай занесъ на нѣсколько дней Даніэля Морталья. Искатель приключеній воспользовался вполнѣ разыгрывавшейся передъ нимъ драмой; почти вся страна взялась за оружіе въ защиту попранныго закона; войска преслѣдовали мятежниковъ, какъ гоичіе звѣря, и вскорѣ вездѣ виднѣлись только раззоренныя селенія, слышались вопли вдовъ и сиротъ. Побѣжденный народъ плакалъ отъ злобы и горя. Даніэль Морталь, слѣдуя верхомъ за колонами войска, давалъ совѣты властямъ, какъ человѣкъ опытный, привыкшій къ большимъ охотамъ и подвигамъ американскихъ гверильсовъ въ южной Америкѣ. Послѣ пораженія мятежниковъ настали ссылки. Не только дѣйствительно возстававшіе, но и тѣ, которыхъ подозрѣвали, ссылались сотнями въ Гвіану, Африку, Ламбесу; цѣлыя толпы несчастныхъ, закованныхъ, какъ преступники, попадались на всѣхъ дорогахъ.

Устрашенное населеніе замолчало. Но какъ ни привыкли къ арестамъ и ссылкамъ, всѣхъ безъ исключенія поразило извѣстіе, что въ числѣ арестованныхъ гражданъ находится и Лавердакъ. Правда, онъ, какъ честный человѣкъ, громко выразилъ свое негодованіе при первомъ извѣстіи о государственномъ переворотѣ, но онъ никогда не считался радикаломъ или человѣкомъ дѣйствія. Благородный, либеральный на словахъ, Лавердакъ былъ довольно богатый аристократъ, предпочитавшій веселую, свѣтскую жизнь политической дѣятельности. Онъ игралъ въ карты, держалъ пари на скачкахъ, принималъ участіе во всѣхъ веселыхъ обѣдахъ и ужинахъ и вообще жилъ шумно, проѣдая приданое жены, которую онъ очень любилъ, также какъ и двоихъ сыновей, хотя совершенно безсознательно дѣлалъ жену вполнѣ несчастной. Подобное существованіе веселаго, свѣтскаго человѣка, очевидно, не могло подать повода къ обвиненію въ политическомъ преступленіи, и потому понятно, какъ удивилъ всѣхъ, въ особенности его самого, неожиданный арестъ Лавердака.

Тщетно старалась г-жа Лавердакъ узнать причину разразившагося надъ ея головою несчастья: префектъ ея не принялъ и ей пришлось терпѣливо дожидаться, пока ей возвратятъ дорогаго человѣка. Однажды вечеромъ къ ней въ домъ явилась полиція и стала обыскивать всѣ комнаты, забирая рѣшительно всѣ бумаги, точно Лавердакъ участвовалъ въ какомъ-нибудь политическомъ заговорѣ. Особенную энергію въ поискахъ выказывалъ какой-то неизвѣстный, сопровождавшій полицейскаго комиссара. Этого человѣка г-жа Лавердакъ никогда не видала, и онъ не принадлежалъ къ мѣстному обществу. Это былъ

Даніэль Морталь; при каждой бумагѣ, какую ему подавали полицейскіе, онъ произносилъ сквозь зубы: «это не то, это не то».

Послѣ ухода полиціи и Мортала, который, очевидно, не нашелъ того, чего искалъ, меньшей изъ сыновей г-жи Лавердакъ, шестилѣтній Жоржъ, подошелъ къ матери и подалъ ей красный бумажникъ, который всегда носилъ при себѣ его отецъ.

— Вотъ, мама, сказалъ онъ, — можетъ быть, они искали этотъ бумажникъ. Они его уронили, разбирая бумаги, а я поднялъ на полу, у самыхъ ногъ сердитаго господина.

Г-жа Лавердакъ открыла бумажникъ, и въ немъ оказались различныя записки отъ пріятелей ея мужа; одно только письмо было подписано неизвѣстнымъ ей именемъ Мортала, и въ немъ говорилось о картежномъ долгѣ. Конечно, она не обратила вниманія на это письмо и хотѣла бросить на столъ бумажникъ, какъ неожиданно увидѣла въ немъ какой-то счетъ, писанный ея мужемъ. Бѣдная женщина съ любовью поцѣловала дорогой почеркъ и спрятала бумажникъ, какъ святыню.

Между тѣмъ Лавердака заточили въ тюрьму вмѣстѣ съ мятежниками, которые взяли за оружіе при извѣстіи о государственномъ переворотѣ. Тутъ были люди всякихъ положеній: поселяне, сельскіе жэры, адвокаты, нотаріусы и редакторы газетъ, ибо буржуазія также платила свою дань новому правительству. Въ этой разнородной толпѣ, ожидавшей казни или ссылки, Лавердакъ увидѣлъ человѣка, къ которому онъ всегда питалъ самое глубокое, искреннее уваженіе. Это былъ медикъ, одинъ изъ тѣхъ врачей для бѣдныхъ, наука которыхъ всегда готова къ услугамъ несчастныхъ. Его звали Паскаль Артесть. Вся жизнь этого человѣка была длиннымъ рядомъ самопожертвованій и мужественныхъ подвиговъ, возбуждавшихъ уваженіе даже въ рядахъ его враговъ.

Двадцати лѣтъ Паскаль Артесть покинулъ родительскій домъ въ Провансѣ и явился въ Парижъ богатымъ красавцемъ, съ длинными волосами, окаймлявшими умное, энергичное лицо съ чудными, блестящими глазами. Онъ могъ вести въ Парижѣ жизнь веселую, спокойную, словомъ, жизнь свѣтскихъ молодыхъ людей, но онъ отказался отъ подобнаго существованія. На самыхъ балахъ, куда влекла его молодость, онъ задумывался надъ несчастіями страждущихъ и угнетенныхъ, и отдавалъ имъ все, что имѣлъ: юность, богатство; въ жертву своимъ идеаламъ онъ приносилъ жизнь съ улыбкой, безъ фразъ и дѣлилъ съ своими товарищами всѣ опасности и преслѣдованія.

Сидя въ тюрьмѣ, онъ сожалѣлъ не себя, а своихъ бѣдныхъ боль-

ныхъ. Хотя онъ пользовался уже большою извѣстностью, хотя уже тогда онъ предвидѣлъ открытія Клода Бернара и то движеніе, которое должно было связать французскія теоріи Ламарка съ англійской системою Дарвина и нѣмецкими идеями Бюхнера, Паскаль Артесть отдался всецѣло бзднякамъ, онъ сдѣлался врачомъ тѣхъ страждущихъ, которымъ не на что лечиться. Онъ обходился съ своими больными съ удивительной нѣжностью, покупалъ на свой счетъ для нихъ лекарства и, когда его благодарили, онъ съ улыбкой отвѣчалъ, пожимая плечами:

— Полноте, я вамъ обязанъ, а не вы мнѣ. Развѣ вы не видите, я дѣлаю опыты. Только, вмѣсто того, чтобъ убивать, я излечиваю, вотъ и все.

Во время своего тюремнаго заключенія, Артесть ухаживалъ за своими товарищами и даже въ тюремщикахъ возбуждалъ глубочайшее къ себѣ уваженіе. Такъ, однажды, въ крѣпости Бель-Иль, арестанты взбунтовались по причинѣ дурнаго качества отпускаемаго имъ хлѣба, комендантъ приказалъ разстрѣлять безжалостно каждого, кто предъявить претензію. Тогда Артесть вышелъ впередъ и обнажилъ грудь. Никто не посмѣлъ въ него стрѣлять, и на другой день стали выдавать хлѣбъ лучшаго достоинства.

— Этой перемѣной обязаны только вамъ, сказалъ Артесть одному изъ офицеровъ:—вы единственный человекъ, котораго наши солдаты никогда не рѣшатся разстрѣлять.

Увидавъ въ тюрьмѣ рядомъ съ собою Артеста, Лавердакъ спросилъ его:

— Вы здѣсь, Артесть? Вы арестантъ?

— Когда законъ погранъ, то всѣ уважающіе его непремѣнно подвергаются преслѣдованію, отвѣчалъ Артесть,—этого требуетъ логика.

— Я полагалъ, что вы въ Парижѣ.

— Я тамъ былъ, но, при первомъ извѣстіи о государственномъ переворотѣ, я пріѣхалъ сюда, такъ какъ здѣсь для меня было больше дѣла. Я вступилъ въ ряды защитниковъ закона. Насъ встрѣтили картечью, насъ разбили; меня арестовали вмѣстѣ съ другими, я виновенъ въ томъ, что защищалъ законъ, и жду возмездія за свои дѣла, которыя, конечно, считаются преступными въ глазахъ этихъ людей. Но вы какимъ образомъ сюда попали? Развѣ вы перешли на нашу сторону?

Лавердакъ разсказалъ исторію своего непонятнаго ареста, котораго онъ рѣшительно ничѣмъ не могъ себѣ объяснить.

— Въ этомъ-то и заключается наша сила или слабость, прибавилъ онъ: — мы никому ненужные, ни на что неспособные гуляки проходимъ мимо событій, не принимая въ нихъ никакого участія. Но все-же у насъ есть совѣсть, которая подсказываетъ намъ, что благородно, и что подло. Я всегда вамъ завидывалъ, Артесъ, и постоянно говорилъ, что не видывалъ человѣка, который ввухалъ-бы мнѣ своей прямой, честной жизнью такое уваженіе, какъ вы.

— Да, отвѣчалъ простодушно Паскаль Артесъ; — я, кажется, исполнилъ свой долгъ.

— По крайней мѣрѣ, прибавилъ со смѣхомъ Лавердакъ:—вы знаете, почему вы здѣсь.

Однако, постоянно размышляя объ одномъ и томъ-же предметѣ, сближая всѣ мелкія обстоятельства, предшествовавшія и сопровождавшія его арестъ, Лавердакъ мало по малу наткнулся на мысль, что виновникомъ его несчастья былъ никто иной, какъ Даніэль Морталь, проигравшій ему громадную сумму денегъ и, какъ извѣстно, принимавшій дѣятельное участіе во всѣхъ распоряженіяхъ префекта. Лавердакъ тотчасъ передалъ Артесу свои соображенія, но рыцарски благородный Артесъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы человѣческая низость могла дойти до того, чтобъ политическимъ преслѣдованіемъ избавляться отъ платежа частнаго долга.

— Подождемъ, говорилъ Лавердакъ,—насъ отдадутъ подъ судъ, тогда все откроется, и мы увидимъ, справедливы-ли мои подозрѣнія.

Эти подозрѣнія, однако, раздѣлялъ не одинъ Лавердакъ; многіе изъ его знакомыхъ также, сопоставляя событія, картежный долгъ Морталья, арестъ Лавердака, участіе Морталья во всѣхъ преслѣдованіяхъ мятежниковъ, обыскъ подъ его личнымъ руководствомъ въ домѣ Лавердака,—пришли къ убѣжденію, что подозрительный марселецъ игралъ коварную роль въ арестѣ Лавердака. Эти соображенія еще болѣе подтвердились, когда узнали отъ г-жи Лавердакъ, что, въ последнее время ея мужъ ни отъ кого не получалъ въ уплату большой суммы денегъ.

— Вотъ почему и схватили несчастнаго, говорили другъ другу шепотомъ его знакомые, и всѣ ждали съ нетерпѣніемъ суда надъ арестованными лицами.

Но никого изъ арестованныхъ не судили, а въ одинъ прекрасный день выстроили въ колову, сковавъ по двое тяжелыми оковами, и подъ конвоемъ отправили въ Тулонъ. Въ числѣ этихъ несчастныхъ находились Артесъ и Лавердакъ, которые случайно были скованы одной цѣпью и стояли во главѣ коловы человѣкъ въ четыреста.

При отправленіи въ путь, префектъ объявилъ полицейскому офицеру, начальнику конвоя, что каждый изъ арестантовъ, который вздумаетъ сдѣлать попытку бѣжать, долженъ быть немедленно расстрѣлянъ. Рядомъ съ префектомъ стоялъ изящно одѣтый Даніэль Морталь; какъ показалось Лавердаку, онъ указалъ пальцемъ полицейскому офицеру на двухъ арестантовъ: на него, Лавердака, и на Артеса.

Было холодное, декабрьское утро; тяжелые шаги узниковъ и подковы конвойныхъ лошадей звонко раздавались по мерзлой землѣ. Плохо одѣтые, дрожа отъ холода, несчастные шли машинально, почти безсознательно. Нѣкоторые вспоминали о своихъ женахъ, дѣтяхъ, жилищахъ, поляхъ, и горькія слезы навертывались у нихъ на глаза. Другіе, почти дѣти, съ героическою твердостью затыгивали отъ времени до времени веселую пѣсню. Тогда начальникъ конвоя подскакивалъ къ нимъ и, махая саблей, кричалъ:

— Молчать, скоты!

— Бѣдный человѣкъ, думалъ Артесъ;—онъ полагаетъ, что исполняетъ свой долгъ.

Около полудня несчастнымъ дали минутный отдыхъ и дозволили съѣсть по куску хлѣба и выпить воды изъ сосѣдняго ручья. Потомъ снова пустились въ путь. Какъ мы уже сказали, Паскаль Артесъ и Лавердакъ шли во главѣ колонны, и остальные соразиѣряли свои шаги съ ихъ шагами.

— Цивилизація идетъ впередъ, любезный Артесъ, говорилъ Лавердакъ съ ироническою улыбкой;—міръ вступаетъ въ новую эпоху.

— Ничего, отвѣчалъ задумчиво Артесъ;—право и истина вѣчны.

Спускаясь съ одной горы въ долину, Артесъ и Лавердакъ невольно принуждены были бѣжать отъ напора слѣдовавшей за ними массы.

— Это что такое! воскликнулъ начальникъ конвоя, перерѣзывая имъ дорогу;—вы хотите бѣжать?

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лавердакъ;—какъ-же мы можемъ бѣжать: мы скованы, какъ преступники.

— Вы вполне этого заслуживаете; но у васъ ноги свободны и вы хотите этимъ воспользоваться. Предупреждаю васъ, что, если вы еще разъ побѣжите, я исполню данное мнѣ приказаніе и убью васъ, какъ собакъ.

— Милостивый государь, сказалъ Артесъ, съ гордой ироніей,—мы бѣжимъ потому, что на насъ наираюгъ наши товарищи. Мы вовсе не намѣрены бѣжать; мы вамъ принадлежимъ, но надѣмся, что вы

дадите намъ, наконецъ, судей. Если-же вы желаете кончить дѣло скорѣе, то, сдѣлайте одолженіе, стрѣляйте: мы ваши.

— Ну! воскликнулъ начальникъ конвоя, — попробуйте еще разъ бѣжать и вы увидите.

Дорога становилась все круче и круче, и, несмотря на всѣ усилія Лавердака и Артеса, сотни людей, толкавшіе ихъ сзади, принуждали ихъ ускорить шагъ и, наконецъ, они снова побѣжали.

— Чортъ возьми, я васъ предупредилъ! воскликнулъ начальникъ конвоя и, выхвативъ пистолетъ, прицѣлился въ Лавердака.

Несчастный обернулся, и дуло пистолета почти прикоснулось къ его лбу. Раздался выстрѣлъ, и черепъ Лавердака разлетѣлся на мелкіе куски; крикъ ужаса и дикой злобы вырвался изъ сотни устъ, и колонна остановилась. Блѣдный, выпрямившись во весь ростъ, Паскаль Артесъ гордо смотрѣлъ на убійцу, пистолетъ котораго еще дымился. На щекахъ и на одеждѣ Артеса виднѣлись пятна крови и куски мозга; а трупъ Лавердака, истекая кровью, безжизненно висѣлъ на поддерживавшей его цѣпи.

Артесъ ждалъ смерти и съ презрительной улыбкой глядѣлъ на своего палача. Но одной жертвы, казалось, было не достаточно; начальникъ конвоя грозно взглянулъ на всю колону, оглашавшую воздухъ криками и сурово провознесъ:

— И съ вами будетъ тоже, если посмѣете роптать.

Солдаты, блѣдные, дрожали отъ стыда, а несчастные узники, потерявъ всю свою энергію въ долгомъ заточеніи, умолкли и мрачно смотрѣли, какъ тѣло Лавердака сняли съ цѣпи и положили въ фургонъ, слѣдовавшій за колонной.

— Держитесь крѣпче, провознесъ злобно офицеръ и обратился къ Артесу: — ниѣ бы слѣдовало стрѣлять и въ васъ.

— Отчего-же вы этого не сдѣлали? отвѣчалъ Артесъ, отирая кровь съ своего лица и одежды.

— Какъ! вы еще смѣете разговаривать?

— Да, и я требую вашего имени, чтобы убить васъ, когда меня выпустятъ на свободу.

Внѣ себя отъ злобы офицеръ выхватилъ саблю, но одинъ изъ солдатъ громко воскликнулъ:

— Нѣтъ, чортъ возьми! довольно, мы не палачи!

Офицеръ взглянулъ прямо въ глаза солдату, который, крутя свой сѣдой устъ, едва удерживалъ крупныя слезы, выступившія у него на глазахъ.

— Не вмѣшивайся не въ свое дѣло, старикъ, произнесъ начальникъ конвоя и, отвернувшись, скомандовалъ:—марш!

Паскаль Артесъ былъ спасенъ, но только отъ смерти. Втеченіи долгихъ лѣтъ онъ томился въ крѣпости Сен-Мишель, въ Ламбесѣ, въ Кортѣ. Но когда впоследствии онъ былъ выпущенъ на свободу и возвратился во Францію, то первымъ его дѣломъ было вызвать на дуэль начальника конвоя, застрѣливаго Лавердака.

— Къ чему намъ драться? спросилъ офицеръ у присланныхъ къ нему секундантовъ.

— Къ тому, чтобъ васъ убить, отвѣчалъ Артесъ въ тотъ-же день письмомъ.

Дуэль произошла въ Бельгіи, и противникъ Артеса получилъ тяжелую рану, отъ которой умеръ черезъ два года.

Это было въ 1861 году. Втеченіи послѣднихъ десяти лѣтъ, Даніэль Морталь добился значительнаго богатства. Онъ ясно предугадалъ свою будущность при новомъ правительствѣ, которое рѣшилось развить въ странѣ всѣ животныя страсти и инстинкты. Морталь бросился, со всею врожденной ему энергіей, въ водоворотъ биржевыхъ спекуляцій, которыя раззоряли столько семействъ и походили скорѣе на плутовскія продѣлки, чѣмъ на промышленныя предпріятія. Онъ жаждалъ богатства, и только богатства.

— Деньги—настоящій повелитель въ мірѣ, говорилъ онъ,—банкиры держатъ въ своихъ рукахъ все, ловкій спекуляторъ можетъ сдѣлаться кредиторомъ цѣлаго государства, и какой-нибудь франкфуртскій банкиръ иногда держитъ въ своихъ рукахъ судьбы мира и войны. Да здравствуютъ деньги! ничто на свѣтѣ не можетъ существовать безъ нихъ.

Такимъ образомъ Морталь предпочиталъ обогащаться въ то время, какъ другіе подобные ему искатели приключеній разыгрывали изъ себя государственныхъ людей и законодателей. Отличаясь жаждой къ богатству, онъ не останавливался ни передъ какими средствами и относился къ биржевымъ дѣламъ такъ-же, какъ къ дѣламъ чести или чувства, то есть какъ флибустьерь. Кромѣ различныхъ спекуляцій, онъ занимался изданіемъ большой политической газеты, которая служила органомъ реакціи, клеветы и скандала, такъ какъ, по его словамъ, газета должна быть не проводникомъ идей, а приманкой для акціонеровъ.

Морталь по-прежнему оставался блестящимъ, красивымъ франтовски одѣтымъ по послѣдней модѣ, въ бѣломъ галстухѣ, въ безукоризненныхъ перчаткахъ, съ брилліантовыми запонками на батистовой ру-

башкѣ; подъ руку съ какимъ-нибудь тузомъ биржевого міра, онъ обращалъ на себя вниманіе всѣхъ зѣвакъ въ театрахъ и на гуляньяхъ. Но въ этомъ блескѣ было что-то невольное вселявшее безпокойство и даже страхъ. Подъ чернымъ фракомъ свѣтскаго щеголя, онъ все-же оставался яримъ дуэлистомъ Марсели и предводителемъ шайки Рио-Гранде.

Итакъ, Морталь достигъ своей цѣли: онъ былъ богатъ, могущественъ, и его не только уважали, но боялись. Онъ вполне пользовался плодами своихъ трудовъ и наслаждался всѣми утѣхами парижской великосвѣтской жизни. Онъ былъ-бы совершенно счастливъ, если-бы женщина, на которой онъ женился по любви, отвѣчала ему тѣмъ-же. На водахъ въ Ангенѣ Морталь встрѣтилъ молодую дѣвушку поразительной красоты. До тѣхъ поръ онъ имѣлъ любовныя похождения и интриги, но никогда не любилъ, теперь-же онъ влюбился пламенно, искренно,—если подобное выраженіе можно отнести къ такому человѣку,—или, лучше сказать, онъ воспылакъ къ ней всей страстью ненасытнаго желанія. Онъ привыкъ къ легкимъ побѣдамъ, и потому его страсть только усилилась отъ очевиднаго нерасположенія къ нему молодой дѣвушки. Онъ рѣшилъ во что-бы то ни стало обладать ею и просилъ ея руки у старика отца, раззорившагося аристократа. Клара—такъ звали молодую дѣвушку—съ дѣтства привыкла жертвовать собою и посвятила себя совершенно ухаживанью за капризнымъ, эгоистичнымъ отцомъ, поэтому она безропотно исполнила его желаніе, вышла замужъ за Даніэля Мортала и, по крайней мѣрѣ, имѣла утѣшеніе видѣть, что ея отецъ умеръ, окруженный роскошью.

Нѣжное, любящее, идеальное созданіе, Клара надѣялась, что, узнавъ ближе Мортала, она перестанетъ его бояться и что исчезнетъ ея инстинктивное отвращеніе къ нему. Но, несмотря на всѣ усилія Мортала, который, надо ему отдать справедливость, старался всячески преклонить свою грубую, жестокою натуру передъ этой нѣжной женщиной, Клара не только не могла его полюбить, но питала къ нему какую-то инстинктивную ненависть. Она словно чутьемъ догадывалась о мрачномъ прошедшемъ Мортала и съ ужасомъ отъ него отворачивалась. Чувствуя себя совершенно несчастной, она дала ясно понять ему, какъ онъ ей ненавистенъ, и просила, какъ милости, дозволить ей не раздѣлять съ нимъ шумной, свѣтской жизни, а оставаться одной дома съ своими мечтами. Морталь приходилъ въ отчаянье, онъ любилъ эту женщину и страдалъ отъ тѣхъ страданій, которыя самъ ей невольно причинялъ. Онъ терялъ свою веселость,

становился мрачнымъ, нервнымъ, хотя чувствовалъ, что этимъ еще болѣе отталкивалъ ее отъ себя. Эти оба существа, столь противоположны другъ другу, дошли уже до того положенія, когда ничто не можетъ быть забыто, ничто не прощается. Видя, что всѣ ея мечты попораны, всѣ ея надежды сокрушены, оскорбленная, запуганная Клара сосредоточилась въ себѣ, съежилась, какъ мимоза.

Однако, Морталь не долго поддавался тому, что онъ считалъ женскими капризами, и вскорѣ выказалъ даже въ отношеніяхъ съ женою свой жестокій, повелительный нравъ. Онъ потребовалъ, чтобы она выѣзжала съ нимъ въ свѣтъ, и Клара должна была исполнить его непреклонную волю; она стала появляться на балахъ, и красота ея обратила на себя всеобщее вниманіе, къ великому удовольствію Морталья. Но сама Клара какъ-бы стыдилась своихъ успѣховъ въ свѣтѣ и предпочитала, если ужъ необходимо было выѣзжать, тѣ болѣе скромные вечера, на которыхъ можно было поговорить съ людьми умными, образованными. Особенно она любила бывать въ домѣ страпчаго своего мужа, Гордона, который собиралъ на своихъ вечерахъ литераторовъ и знаменитостей всякаго рода; въ этомъ избранномъ кружкѣ Клара какъ-бы забывалась, улыбка появлялась на ея лицѣ и хотя она чаще слушала, чѣмъ говорила, но иногда у нея вырывались такіа мѣткія, блестящія замѣчанія, что она, по общему приговору, была признана царицею этой маленько́й академіи.

Между обычными посѣтителями этого литературнаго кружка, Клара обратила особое вниманіе на одного молодого человѣка, блѣдураго, болѣзненнаго, который часто устремлялъ на нее странные взгляды. Въ этихъ взглядахъ видѣлись сожалѣніе, безпокойство, грустное сочувствіе и тревожное сомнѣніе, такъ что Клара, встрѣтивъ ихъ, невольно отворачивалась. Она никогда съ нимъ не разговаривала, и онъ какъ-бы нарочно ее избѣгалъ. Она знала только, что онъ былъ музыкантъ и недавно получилъ медаль музыкальной консерваторіи. Однажды она спросила у хозяйки дома, какъ зовутъ этого молодого человѣка.

— Какъ! воскликнула г-жа Гордонъ, — вамъ его не представляли? Это Поль Лавердакъ.

И, подойдя къ молодому человѣку, г-жа Гордонъ хотѣла тотчасъ же представить его Кларѣ, но онъ отказался, говоря:

— Вы меня извините, но я ношу имя, которое дурно звучитъ въ ушахъ Морталей.

Съ этими словами онъ быстро вышелъ изъ комнаты, а г-жа Гордонъ посѣщила передать Кларѣ его странныя слова. Они изумили

ее, такъ какъ она никогда не слыхала имени Лавердака; блѣдный молодой человѣкъ съ странными безпокойными взглядами заинтересовалъ ее еще болѣе. Очевидно, тутъ скрывалась какая-нибудь тайна, но какая? Вдругъ она вспомнила о Даніэлѣ Морталѣ. Вѣрно, онъ зналъ Лавердака, и сердце ея дрогнуло отъ тяжелаго предчувствія чего-то страшнаго, таинственнаго.

— Знаете вы Лавердака? спросила она Даніэля, возвращаясь съ нимъ домой въ каретѣ.

— Лавердака! воскликнулъ Даніэль, и на лицѣ его выразились гнѣвъ и страхъ;— что вы хотите сказать?

— Ничего, отвѣчала холодно Клара, устремивъ свои честные, пронизательные глаза на его встревоженное лицо;— мнѣ сегодня намѣревались представить молодого человѣка, котораго зовутъ Лавердакомъ.

Даніэль поспѣшно, съ какимъ-то лихорадочнымъ жаромъ сталъ спрашивать о наружности этого молодого человѣка, о его лѣтахъ и т. д., машинально повторяя при каждомъ вопросѣ:

— Лавердакъ! Лавердакъ!

— Такъ вы его знаете? рѣзко спросила Клара.

— Нѣтъ, но, можетъ быть, я знавалъ его отца.

— Онъ былъ вашъ врагъ?

— Нѣтъ.

— Другъ?

— Я его очень мало зналъ.

— Такъ отчего-же сынъ не хотѣлъ быть мнѣ представленнымъ?

— Я не знаю.

Клара теперь убѣдилась, что ея догадки справедливы. Ясно, что какая-то мрачная, роковая связь существовала между ея мужемъ и этимъ молодымъ человѣкомъ. Но какая? Долженъ-ли былъ Даніэль бояться Поля Лавердака, или Лавердакъ краситъ передъ Даніэлемъ? Она не знала и, конечно, не могла добиться никакого объясненія отъ Мортала. Его не стоило и спрашивать, онъ или промолчалъ-бы или сказалъ-бы ложь. Но она инстинктивно чувствовала, что эта тайна скрывала какое-то несчастье, позоръ, быть можетъ, преступленіе. Она всегда боялась Даніэля, всегда страшилась его прежней жизни, а теперь болѣе чѣмъ когда либо она смотрѣла на его прошедшее съ тѣмъ чувствомъ, съ которымъ смотрятъ съ крутого обрыва на зіяющую подъ ногами бездну. Однако, несмотря на всю женственную нѣжность ея натуры, она была способна на ту энергію, которую вызываетъ въ человѣкѣ оскорбленное чувство чести. Поэтому она рѣшилась просить у самого Поля Лавердака объясненія мучившей ее тайны.

Впрочемъ, желаніе ея не скоро исполнилось и, вирожденіи нѣсколькихъ недѣль, она не встрѣчала Лавердака у г-жи Гордонъ. Наконецъ, она спросила о причинѣ его исчезновенія. Хозяйка дома, смѣясь, сказала ей на ухо, что онъ пересталъ ходить, вѣроятно, потому, что влюбленъ въ Клару и боится съ нею встрѣтиться. Но не успѣла она произнести этихъ словъ, какъ въ комнату вошелъ Поль Лавердакъ и почтительно поклонился обѣимъ дамамъ. Въ ту-же минуту г-жу Гордонъ отозвали въ другую комнату, и Клара, блѣдная, взволнованная, осталась на-единѣ съ молодымъ человѣкомъ.

— Позвольте васъ спросить, сказала она быстро, рѣшительно, — почему вы не желали быть мнѣ представленнымъ?

— Сударыня...

— Почему? Вы сказали, что ваше имя должно дурно звучать въ моихъ ушахъ. Я этого не понимаю. Что вы хотѣли этимъ сказать?

— Я, ничего, отвѣчалъ Лавердакъ, — прошу васъ, извинить меня.

— Нѣтъ, нѣтъ, вы меня не понимаете. Я васъ не упрекаю, я на это не имѣю никакого права. Я прошу объясненія.

— Объясненія? повторилъ молодой человѣкъ, видимо смущенный.

— Да, объясненія. И вы должны мнѣ его дать. Я просила этого объясненія у моего мужа, но онъ мнѣ отказалъ. Я узнала только, что онъ знавалъ когда-то вашего отца. Если это воспоминаніе для васъ неприятно, то не отвѣчайте, и извините меня за мою навязчивость. Но если придется краснѣть только мнѣ, то умоляю васъ, скажите мнѣ всю правду. Отчего имя Лавердака должно неприятно звучать въ ушахъ Морталей?

Поль Лавердакъ стоялъ передъ нею блѣдный, какъ полотно, губы его дрожали, и едва сдержанная злоба видѣлась въ его сверкающихъ глазахъ. Онъ ничего не отвѣчалъ, какъ человѣкъ, который боится проронить слово, потому что это слово можетъ нанести смертельную рану.

— Г. Морталь зналъ вашего отца? повторила Клара.

— Онъ вамъ это сказалъ? спросилъ Лавердакъ.

— Да.

— А сказалъ-ли онъ вамъ также, какъ умеръ мой отецъ? про-
нически произнесъ молодой человѣкъ.

— Онъ мнѣ даже не говорилъ, что вашъ отецъ умеръ.

— Такъ вы ничего не знаете!

— Ничего, рѣшительно ничего! воскликнула Клара; — но я же-
лаю знать все! Тутъ есть какая-нибудь страшная тайна... Умоляю васъ, скажите мнѣ всю правду!

Въ ея словахъ слышалось столько твердой рѣшимости, столько грустнаго предчувствія, что ея мужъ игралъ позорную, быть можетъ, преступную роль въ драмѣ, которую скрывали отъ нея, такъ что молодому человѣку стало ее жаль. Г-жа Гордонъ отгадала вѣрно. Поль Лавердакъ, увидавъ Клару Морталь, почувствовалъ къ ней съ первой встрѣчи какое-то пламенное, невольное влеченіе, хотя ея имя и пробудило въ немъ затаенную ненависть къ Морталю, въ которомъ съ дѣтства онъ привыкъ видѣть убійцу своего отца. Сколько разъ онъ слышалъ роковой разсказъ о картежномъ долгѣ, о нечестномъ измѣнническомъ арестомъ и насильственной смерти, сколько разъ онъ видѣлъ красный бумажникъ съ письмомъ Мортала, которое могло служить лучшимъ орудіемъ мести; сколько разъ онъ слышалъ отъ своей любимой матери пламенные молебны не думать о мести, оставить преступника наслаждаться своимъ торжествомъ и заботиться только о томъ, чтобъ быть честнымъ труженникомъ. И несмотря на все отвращеніе къ пороку, который, такимъ образомъ, безнаказанно торжествовалъ, молодой человѣкъ исполнялъ желаніе матери, запералъ въ столъ красный бумажникъ и забывалъ о Даніэлѣ Морталѣ. Но встрѣча съ г-жею Морталь снова возбудила въ его сердцѣ накипѣвшую ненависть къ убійцѣ его отца. Однако, эта ненависть не переходила на его жену, и молодой человѣкъ, безіолвно всматриваясь въ ея честныя, благородныя черты, догадывался, что она была не сообщницей преступления, но мученицей, и онъ невольно питалъ къ ней самое горячее сочувствіе. Быть можетъ, Поль Лавердакъ еще не любилъ, въ полномъ смыслѣ этого слова, Клару Морталь, но это было то непреодолимое чувство, изъ котораго рождается любовь. Въ первоначальномъ періодѣ любви человѣкъ чувствуетъ потребность только сблизиться съ женщиной, которая ему нравится, а не обладать ею; она его болѣе привлекаетъ, чѣмъ соблазняетъ. Сначала возникаетъ невольное, почти необъяснимое сочувствіе душъ, а потомъ уже оно превращается въ пламенную страсть.

Смотря на взволнованную женщину, умолявшую его сказать ей всю правду, Поль Лавердакъ хотѣлъ въ первую минуту сообщить ей роковую повѣсть о смерти своего отца, но ему стало жаль бѣдной женщины, и онъ произнесъ почти б-зсознательно:

— Мой отецъ, кажется, былъ кредиторомъ г. Мортала.

— Кредиторомъ!

— Я нашелъ въ его бумагахъ какую-то записку... но она не имѣетъ никакой важности.

Онъ произнесъ эти слова развязно, съ улыбкой, но Клара поняла, что онъ ее обманываетъ.

— Эта тайна, вѣроятно, очень страшная, потому что вы не хотите мнѣ всего сказать! воскликнула Клара, увлекаемая страхомъ п какимъ-то непонятнымъ довѣріемъ къ незнакомому ей человѣку;—но подумайте, если во всемъ этомъ скрывается позоръ, то онъ падаетъ и на меня. Я ношу имя Морталя! Я хочу быть увѣрена, слышите, я хочу быть увѣрена, что это имя незапятнанное и что оно меня не позоритъ.

— Сударыня...

— Я васъ удивляю? Вы правы. Я съ вами говорю въ первый разъ и довѣряю вамъ свои затаенныя тревожныя мысли. Но я догадываюсь, что вамъ известна какая-то страшная тайна, и вы должны сообщить ее мнѣ.

Поль Лавердакъ колебался. Онъ могъ, долженъ былъ сказать все; открывая прошедшее ея мужа, онъ, можетъ быть, спасалъ ее; но своимъ открытіемъ онъ долженъ былъ нанести страшный ударъ несчастной, ничего неподозрѣвавшей женщинѣ. Онъ солгалъ еще разъ, или, лучше сказать, скрылъ половину роковой истины.

— Г. Морталь, сказалъ онъ тихо и медленно,—долженъ былъ моему отцу и не уплатилъ долга: вотъ все, что было между ними, вотъ все, что я знаю.

— Все... по истинѣ все? Не можете-ли вы мнѣ показать записку, найденную вами въ бумагахъ вашего отца?

— Вы мнѣ не вѣрите?

— Если эта записка существуетъ, то Морталь долженъ тотчасъ по ней уплатить.

— Долгъ г. Морталя принадлежитъ къ тому роду долговъ, которыхъ законъ не признаетъ.

— Картежный?

Молодой человѣкъ ничего не отвѣчалъ, но онъ уже сказалъ слишкомъ много. Клара взглянула ему прямо въ глаза и холодно сказала:

— Если я не ошибаюсь, такой долгъ называется долгомъ чести. Сдѣлайте мнѣ одолженіе, милостивый государь, отдайте мнѣ записку, и я сама представлю ее ко взысканію. Я хочу быть кредиторшей г. Морталя.

— Какъ? моей кредиторшей? спросилъ саркастически Даніэль Морталь, входя въ комнату и хладнокровно играя своимъ лорнетомъ.

Лавердакъ быстро обернулся и, увидавъ Морталя, поблѣднѣлъ;

сердце его дрогнуло, и жажда мести овладѣла имъ. Съ какою злобною радостью онъ ударилъ-бы презрѣннаго убійцу своего отца, но передъ нимъ стояла нѣжная, прелестная женщина, и онъ удержался. Морталь съ своей стороны догадался, что передъ нимъ былъ Пль Лавердакъ; онъ устремилъ на него взглядъ охотника, прицѣливающагося въ звѣря; въ одно мгновеніе онъ сообразилъ, чего надо ожидать или бояться отъ такого врага, и на губахъ его показалось презрительная улыбка. Что-же касается Клары, то она, безмолвная, блѣдная, пристально смотрѣла на нихъ обоихъ и ждала.

— Ваша академія требуетъ вашего присутствія, сказалъ Морталь, подавая руку Кларѣ, потомъ, обратясь къ Лавердаку, прибавилъ съ иронической любезностью: — извините меня, милостивый государь, что я похищаю мою жену.

И онъ вышелъ изъ комнаты подъ руку съ бѣдной женщиной, словно окаменѣвшей и передвигавшей ноги машинально, какъ автоматъ.

Не успѣли они переступить черезъ порогъ двери, какъ Морталь тихо, но повелительно сказалъ:

— Поѣдьте домой.

Клара повиновалась. Въ каретѣ Морталь молчалъ, а, приѣхавъ домой, безмолвно поцѣловалъ руку жены и ушелъ въ свой кабинетъ. Бѣдной женщинѣ стало жутко отъ этого ледяного спокойствія, и почти всю ночь она не могла закрыть глазъ отъ тревожныхъ мыслей и опасеній. Болѣе всего ее мучилъ вопросъ: сказали-ли ей всю правду Лавердакъ или скрылъ главное? Она рѣшилась во что-бы-то ни стало добиться истины отъ самого Мортала.

На слѣдующее утро Клара едва проснулась, какъ въ спальню вошелъ Морталь и тѣмъ-же холодно-учтивымъ тономъ, который ужасалъ ее наканунѣ, попросилъ жену написать записку по очень важному дѣлу. Клара безсознательно встала съ постели; онъ подалъ ей бюваръ и перо.

— Извините, что я васъ разбудилъ, но, пожалуйста, напишите нѣсколько строкъ вашимъ прелестнымъ почеркомъ.

— Что-же надо писать?

— Я вамъ все объясню. Я желаю такъ-же, какъ вы, имѣть свиданіе съ Лавердакомъ, но я убѣжденъ, что онъ не придетъ по моему приглашенію, а по вашей запискѣ онъ тотчасъ прилетитъ. Вы понимаете?

— Я понимаю и ничего не напишу. Я почти совсѣмъ не знаю Лавердака, и тутъ вѣрно скрывается какая-нибудь западня, какая-нибудь опасность для него.

— Не воображайте ничего трагическаго. Не будьте такъ романтичны. Повторяю, мнѣ нужно переговорить съ г. Лавердакомъ; неудовольствія, которыя произошли между мною и его отцемъ и о которыхъ слишкомъ долго рассказывать, отталкиваютъ его отъ меня. Чтобъ примирить насъ, необходимъ посредникъ, и этимъ посредникомъ будете вы, милая Клара. Возьмите же перо и пишите.

— Хорошо, сказала Клара машинально, — что нужно писать?

— «Я желаю, милостивый государь, диктовать Даниэль, — видѣть бумагу, по которой г. Морталь долженъ г. Лавердаку. Тутъ кроется тайна, и я хочу ее знать. Я явлюсь куда и когда вы назначите.»

— Откуда вы знаете, что у Лавердака находится эта бумага?

— Я подслушалъ вчера вашъ разговоръ, съ улыбкой отвѣчалъ Морталь, взявъ холодную, почти оледенѣлую руку бѣдной женщины; — ну теперь подпишите одно ваше имя, Клара.

Она сдѣлала движеніе, чтобъ встать, но онъ грубо, даже жестоко сжалъ ея пальцы и заставилъ подписать записку.

— Такъ это правда, произнесла Клара, съ безчувственнымъ изумленіемъ смотря на мужа, который свертывалъ записку; — вы пошлете эту записку къ г. Лавердаку?

До этой минуты она надѣялась, что это была злая шутка, тяжелое испытаніе; она писала почти машинально, безсознательно, увѣряя себя, что не отдастъ письма и разорветъ его хотя-бы зубами.

— Теперь напишите адресъ, сказалъ тѣмъ-же ~~серьезнымъ~~ тономъ Морталь.

— Никогда!

— Какъ вамъ угодно.

И, написавъ на запискѣ: «Г. Лавердаку, въ улицѣ Тотвилль № 20,» онъ почтительно поклонился и сказалъ ироническимъ тономъ:

— Вотъ и готово, милая Клара. Вы, вѣрно, не забыли, что нынче 31 декабря; прошу васъ, не принимайте никого ни сегодня, ни завтра. Вы останетесь здѣсь, вамъ сюда принесутъ все, что вы потребуете. Хотите новыхъ романовъ, чтобъ не соскучиться? Надѣюсь, что вы не вздумаете выѣзжать. Впрочемъ, прибавилъ онъ рѣзко, — предупреждаю васъ, изъ дома васъ не выпускать.

И онъ вышелъ изъ комнаты, оставивъ Клару въ самомъ ужасномъ положеніи. Она чувствовала, что попала въ сѣти; она прочла въ глазахъ Морталья твердую, непреодолимую рѣшимость, полускрытую подъ маской ироніи. Она видѣла ясно, что теперь напрасно будетъ всякое сопротивленіе, всякій протестъ. Этотъ человекъ исполнитъ то,

на что онъ рѣшился. Но въ чемъ состояла эта рѣшимость, она не смѣла даже предугадывать: такъ страшна она ей казалась. Во всякомъ случаѣ Полю Лавердаку грозила опасность. Ей оставалась только одна надежда, что молодой человекъ не вполнѣ пойметъ записку, напишетъ отвѣтъ, прося объясненія и, не получивъ его, сочтетъ себя жертвой кадаго нибудь обмана. Конечно, онъ не могъ предположить, чтобъ порядочная женщина изъ простого любопытства просила свиданія, а подозрѣвать въ ней другое чувство онъ, конечно, не осмѣлится. Она была увѣрена, что онъ благородный человекъ и не ошибется на счетъ намѣреній честной женщины.

Дѣйствительно, получивъ записку, Поль Лавердакъ очень изумился, но ему и въ голову не пришли мысли, которыя, конечно, прежде всего блеснули-бы въ пустой головѣ свѣтскаго фата. Онъ догадывался, что бѣдная женщина была несчастна и чувствовала какую-то болѣзненную потребность узнать прошлое своего мужа. Конечно, онъ былъ радъ случаю снова увидеть ее одну, поговорить съ нею на-единѣ. Кромѣ того, онъ могъ отомстить злѣйшему врагу своего отца. Открывъ все, онъ разомъ наносилъ ударъ счастливому мужу и низкому убійцѣ своего отца.

— Да! воскликнулъ онъ,—я пойду на это свиданіе. Я покажу ей письмо, въ которомъ этотъ злодѣй признаетъ долгъ, ушложенный имъ заточеніемъ и смертью. Я отомщу Даніэлю Морталю такъ, какъ онъ не ожидаетъ.

И онъ отвѣчалъ г-жѣ Морталь въ самыхъ почтительныхъ выраженіяхъ, что будетъ ожидать ее въ домѣ одного изъ своихъ друзей, живописца Гарнье, который, уѣзжая въ Римъ, поручилъ ему смотрѣть за своей мастерской. Письмо было написано самымъ приличнымъ тономъ, точно дѣло шло о какомъ нибудь дѣловомъ свиданіи; концѣ былъ приложенъ подробный адресъ дома въ Божонѣ, который легко было узнать по краснымъ стѣнамъ и барельефу надъ дверьми.

Получивъ этотъ отвѣтъ въ тотъ-же день вечеромъ, Даніэль Морталь прочелъ его, и, такъ какъ долго держать подъ замкомъ Клару было невозможно, онъ прямо пошелъ къ ней и, показавъ письмо, просилъ ее отвѣчать и назначить свиданіе на слѣдующій день вечеромъ. Но Клара, теперь уже собравшись съ силами, отказала на отрѣзъ, несмотря на всѣ увѣренія Морталья, что Лавердаку нечего опасаться, потому что это свиданіе назначается съ исключительной цѣлью погасить долгъ, который уже давно тяготилъ совѣсть его, Морталья. Убѣдившись, что сопротивленіе жены серьезно, онъ едва не вышелъ изъ

себя, но во время остановился, съ убійственнымъ хладнокровіемъ поцѣловалъ ея руку, промолвивъ: «какъ угодно», и вышелъ изъ комнаты.

Въ ту-же минуту онъ послалъ комиссіонера къ Лавердаку съ словеснымъ отвѣтомъ, что извѣстная ему дама будетъ въ назначенномъ мѣстѣ, въ 11 часовъ вечера 1-го января.

Бѣдная Клара провела ужасную ночь, ее била лихорадка и къ утру у нея сдѣлался такой сильный нервный припадокъ, что даже Морталь перепугался. Онъ все еще любилъ ее прежней, пламенной любовью, и необходима была вся твердая рѣшимость флибустьера, чтобы, для достиженія своей цѣли, заставить страдать даже и ее. Впрочемъ, принуждая ее заманивать въ его сѣти молодого человѣка, къ которому онъ начиналъ питать ревность, онъ мстилъ ей за недостаточную любовь ея къ нему. Конечно, онъ не подозрѣвалъ Клару въ любви къ Лавердаку, но догадывался, что въ ея сердцѣ возникало нѣжное сочувствіе къ молодому человѣку, а онъ питалъ къ нему не только старую ненависть побѣдителя къ побѣжденному, продолжавшуюся уже десять лѣтъ, но и новую, только-что зародившуюся ненависть влюбленнаго къ своему сопернику.

Однако, Морталь вскорѣ успокоился, припадокъ прошелъ, Клара уснула и на другой день проснулась здоровой, но съ тяжелой головой, какъ бываетъ послѣ кошмара. До самаго обѣда она не видала Морталья и, сидя у камина, придумывала, какъ-бы бѣжать изъ дома и предупредить бѣднаго молодого человѣка о грозившей ему опасности. Наконецъ, явился Морталь и, положивъ на каминъ футляръ съ дорогимъ подаркомъ, сказалъ любезно:

— Съ новымъ годомъ, милая Клара, какъ ты себя чувствуешь?

Вмѣсто отвѣта, она встала и, выпрямившись во весь ростъ, рѣзко спросила:

— Вы послали отвѣтъ г. Лавердаку, въ этомъ я вполне увѣрена. Пойдете вы сегодня на свиданіе съ нимъ?

— Невозможно отложить этого свиданія, отвѣчалъ Морталь, — но не беспокойтесь. Нѣтъ никакой опасности ни для Лавердака, ни для меня.

Не желая продолжать этого непріятнаго разговора, онъ быстро удалился, оставивъ Клару въ еще большемъ безпокойствѣ, чѣмъ прежде. Снова начала ее бить лихорадка, и къ девяти часамъ она дошла уже до такого изступленнаго страха, что рѣшилась на все. По ея наущенію, горничная уговорила швейцара отойти на минуту отъ двери, и несчастная женщина, одѣвшись кое-какъ второпяхъ,

выбѣжала на улицу. Тамъ она едва не упала въ обморокъ, но, собравшись съ силами, пошла на удачу, куда глаза глядѣли, потому что она не знала, гдѣ находится Божонской кварталъ; а попадавшіеся ей фіакры и дилижансы всѣ были заняты. Такимъ образомъ, она сама не знала, какъ, она очутилась въ Елисейскихъ Поляхъ. Странно сказать, чѣмъ далѣе она шла, тѣмъ становилась спокойнѣе. Она уже не боялась ничего, кромѣ встрѣчи съ мужемъ вмѣсто Лавердака, котораго она безумно искала.

— Если-бы я смѣла, то попросила-бы кого-нибудь бѣжать на помощь несчастному, бормотала она, и блуждающіе глаза ея искали поддержки неизвѣстнаго друга, который-бы помогъ ей спасти, быть можетъ, жизнь человѣка. Ей представлялись страшная дуэль, кровь, убійство...

Въ эту-то минуту она увидала Новля Рамбера.

Опасенія бѣдной женщины были справедливы. Даніэль Морталь положилъ пистолеть въ карманъ и отправился въ Божонъ. Къ назначенному часу, Лавердакъ отворилъ ему дверь и, увидавъ Даніэля, поблѣднѣлъ.

— Вы меня не ожидали! сказалъ Даніэль.

— Нѣтъ, отвѣчалъ Лавердакъ, приходя въ себя отъ минутнаго страха, при мысли, что Клара могла заманить его въ западню.

— Милостивый государь, сказалъ рѣзко Морталь, когда молодой человѣкъ ввелъ его въ небольшую комнату, освѣщенную висачей лампой,—у васъ находится письмо, которое я не желалъ-бы видѣть въ карманахъ чужихъ людей. Я самъ берегу свои автографы. Я вамъ буду очень благодаренъ, если вы мнѣ его возвратите.

— Неужели, отвѣчалъ Лавердакъ, скрестивъ руки и прислонясь къ этажеркѣ,—г-жа Морталь прислала васъ вмѣсто себя?

— Г-жа Морталь не при чемъ въ этомъ дѣлѣ. Если вы попались въ западню, то вѣрьте, что я сумѣлъ самъ все приготовить. Теперь мы съ вами одни, глазъ на глазъ, и я требую того, что мнѣ принадлежитъ.

— Извините, этотъ документъ принадлежитъ моему семейству, и, кажется, мы довольно дорого за него заплатили. Къ тому-же кто вамъ сказалъ, что онъ теперь у меня?

— Я увѣренъ, что онъ съ вами: вы обѣщали его принести, а вы честный человѣкъ и держите свое слово.

— Благодарю за комплиментъ, но онъ странно звучитъ въ вашихъ устахъ.

Говоря это, Лавердакъ инстинктивно взглянулъ на андалузскій

ножь, лежавшій на столѣ. Морталь поймалъ на лету этотъ взглядъ и улыбулся, какъ опытный боець.

— Повторяю, сказалъ онъ, возвышая голосъ,—что мнѣ необходимо письмо, которое у васъ въ карманѣ.

— А я вамъ повторяю, отвѣчалъ Лавердакъ такимъ-же громкимъ голосомъ,—вы его не получите. Съ вами должно быть оружіе, убейте меня. Вы будете вѣрны себѣ и своему ремеслу.

— Несчастный! воскликнулъ Морталь, поблѣднѣвъ.

— Развѣ я не все знаю! продолжалъ Лавердакъ,—развѣ я не могу написать на вашемъ подломъ лицѣ: «убійца!»

— Оскорбленія здѣсь неумѣстны, произнесъ Морталь.—Я хочу имѣть это письмо, и вы мнѣ его отдадите.

Лавердакъ взглянулъ прямо въ лицо Морталья и, рѣшившись на все, даже схватить ножъ со стола, громко воскликнулъ:

— Никогда! Никогда!

Въ эту самую минуту Ноэль Рамберъ увидалъ, какъ человѣкъ съ черной бородой быстро схватилъ ножъ, и, разбивъ окно, честный работникъ вскочилъ въ комнату, въ которой только что совершилось убійство.

(Окончаніе въ слѣд. книжкѣ).

ПОЛИТИЧЕСКАЯ И ОБЩЕСТВЕННАЯ ХРОНИКА.

Пророчество поэта Гейбеля.—Темныя пятна на свѣтломъ горизонтѣ германской имперіи. — Искренность увлеченія нѣмцевъ. — Оптимизмъ князя Бисмарка. — Мѣры, принятыя съ цѣлю германизаціи Эльзаса и Лотарингіи.— Оппозиція духовенства.—Страсбургскій епископъ Рэсъ.—Причины популярности іезуитовъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи. — Гоненіе на французскій языкъ.—Обязательное обученіе.—Уменьшеніе числа учениковъ въ гимназіяхъ и лицеехъ. — Преувеличенныя надежды, возлагаемыя нѣмцами на страсбургскій университетъ. — Торжественное открытіе этого университета. — Коммерсъ. — Смерть барона Ауфсеса и генерала Франзецакаго.— Появленіе феноменовъ въ Баденѣ, Виртембергѣ и Эльзасѣ. — Объясненіе ихъ мѣстными жителями. — Неудавшіеся опыты сближенія нѣмецкой администраціи съ населеніемъ завоеванныхъ провинцій. — Пассивная оппозиція эльзасцевъ и лотарингцевъ.—Новая система управленія Эльзасомъ и Лотарингіей.—Дѣло Абу.—Сильное впечатлѣніе, произведенное на завоеванныя провинціи успѣхомъ французскаго займа.—Эльзасская лига.—Дѣятельность эльзасскихъ и лотарингскихъ женщинъ въ подпискѣ на открытіе контрибуціи.—Переселеніе молодыхъ людей и дѣтей изъ Эльзаса и Лотарингіи.—Выборъ національности.

« Скоро наступитъ время, пророчествовалъ въ 1867 году поэтъ Гейбель, — когда германская имперія, такъ пламенно ожидаемая втеченіи столѣтій, явится передъ глазами изумленнаго міра. Съ ея появленіемъ процвѣтутъ старинныя нѣмецкія добродѣтели. Тогда подымутся къ небесамъ всѣ руки для славословія Господа Бога; тогда сердца нашихъ дѣвъ наполнятся сокровищами чести и невинности, и юные тевтоны прикроются своимъ цѣломудріемъ, какъ щитомъ, противъ безнравственныхъ искушеній легкой любви ».

Желанія нѣжнаго поэта осуществились. Его предсказанія относительно созданія германской имперіи сбылись. Счастливая война Пруссіи съ Даніей повлекла за собой счастливую войну Пруссіи съ Австріей, которая, въ свою очередь, породила войну противъ Франціи. Ненавистный для Пруссіи вельфизмъ палъ подъ ударами прусскихъ

штыковъ; король прусскій Вильгельмъ приобрѣлъ подъ Седаномъ императорскую корону, которую возложилъ на свою голову въ Версали, и съ того дня, при восклицаніяхъ гордости и энтузіазма тевтоновъ, былъ признанъ наслѣдникомъ Карла Великаго и Барбарусы.

Послѣ коронованія новаго императора, въ самомъ дѣлѣ началась новая эра, какъ для Германіи, такъ и для цѣлаго міра. Государство вельфовъ получило такой жестокой ударъ, отъ котораго ему трудно будетъ оправиться. Можно даже полагать, что этотъ ударъ смертельный, хотя нельзя не признать, что католицизмъ, составляющій подкладку вельфизма, крайне живучъ. Мы, конечно, не питаемъ никакихъ симпатій къ католицизму, но невольно должны задать себѣ вопросъ: настолько-ли сильно германское государство, чтобы побороть его? Германія отпала у Франціи Эльзась и Лотарингію и намѣрена совершенно ихъ германизировать, но является вопросъ: дѣйствительно-ли она въ состояніи сдѣлать это? Остается еще узнать, на самомъ-ли дѣлѣ германскія дѣвы стали цѣлочище и цѣломудреніе послѣ версальскаго мира? Прикрываются-ли юные тевтоны цѣломудріемъ, какъ щитомъ, противъ искушеній проституціи, пріютившейся въ Берлинѣ и размѣрами своими поражающей иностранцевъ? Уменьшился-ли страшный сифилисъ, заражающій не только развращенныхъ горожанъ, но и патріархальныхъ обитателей селъ и деревень? Чему приписать созданіе подлѣ Берлина новаго города изъ баракковъ, гдѣ пріютилась бѣдность и нищета, которую изгнала изъ столицы Германіи непомѣрная дороговизна квартиръ, явившаяся результатомъ наплыва населенія послѣ счастливо окончившейся войны? Еще интереснѣе узнать, что стало съ жителями этого новаго города послѣ того, какъ онъ былъ разрушенъ муниципальной полиціей, находившей, что существованіе его оскорбляетъ патріотическое чувство берлинцевъ, выставляя на показъ всему свѣту извы новой столицы міра, какъ называютъ свой городъ берлинцы?

Но не станемъ забѣгать впередъ, предоставимъ времени рѣшить предложенные нами вопросы. Моральныя, экономическія и социальныя перемѣны, о которыхъ мечтаетъ Гейбель, не могутъ являться результатомъ однихъ побѣдъ, какъ-бы ни были блистательны эти побѣды. Эти измѣненія зависятъ отъ совокупнаго дѣйствія многихъ причинъ, изъ которыхъ нѣкоторыя даже еще и не намѣтились въ новой Германіи. Пока-же для насъ достаточно знать, что Германія рѣшилась употребить чрезвычайныя усилія, чтобы выжать все, что только возможно, изъ своей побѣды надъ вельфскимъ государствомъ и надъ всѣми, что могло или можетъ вступить въ союзъ съ вель-

физомъ; она не остановится предъ самыми крайними мѣрами, чтобы довести до конца осуществленіе идеи германской имперіи. Вотъ что говорить съ самымъ пылкимъ энтузіазмомъ журналъ, представляющій собою убѣжденія мелкой буржуазіи, значительной части пролетаріата, вообще молодежи и преимущественно дѣвицъ всякихъ сословій и положеній, — журналъ «Gartenlaube» ¹⁾:

«Какъ солнце не можетъ не блистать и птица не можетъ не пѣть, такъ-же точно великая нація, подобная нашей, не можетъ не быть могущественной. Быть могущественной не только ея право, но также и обязанность, потому-что могущество составляетъ ея природу. Если, по несчастію, нація, имѣющая право и обязанность достигнуть преобладанія, встрѣчаетъ на своемъ пути къ этому преграды, она имѣетъ не только право, но и обязанность проложить путь къ своей цѣли силой, сдѣлать воззваніе къ оружію, къ войнѣ, какъ къ высшему трибуналу справедливости, какимъ война была всегда и будетъ, пока будутъ существовать люди и народы. Встрѣчаются затрудненія, которыя можно устранить только пушечными выстрѣлами. Нѣкоторые невѣжды съ плоскими мозгами, разумѣется, станутъ протестовать противъ нашихъ словъ и гримасничать, какъ они дѣлали это на конгрессѣ мира, но, несмотря на ихъ гримасы, наши слова исполнѣ истинны и останутся всегда истинной».

Другой писатель, Шубертъ, одержимый, можетъ быть, и не такимъ суровымъ энтузіазмомъ, но, тѣмъ не менѣе, рѣшительнымъ и трагическимъ, восклицаетъ въ своей брошюрѣ «Die Poesie in peuen Deutschland»:

«Отыгнѣ въ германскомъ умѣ твердо укрѣпилось сознаніе, что германская имперія учредилась на незыблемыхъ основаніяхъ и ее могутъ уничтожить только вмѣстѣ съ жизнью германской націи. И если германское правительство, въ его настоящемъ видѣ, не въ состояніи будетъ реализовать свободу мысли, освободительницы міра, это будетъ значить, что свобода въ нашемъ сознаніи только пустой, безсодержательный звукъ, что всѣ наши жертвы были бесполезны, что нѣтъ болѣе мѣста идеалу ни въ искусствѣ, ни въ поэзіи, и что грубый матеріализмъ овладѣлъ всѣми душами и покрылъ густымъ саваномъ мысль, исчезнувшую въ глубокомъ непроницаемомъ иракѣ».

Отсюда прямой выводъ, что если новая германская имперія не достигнетъ своихъ цѣлей, которыя, сколько можно судить по нѣмец-

¹⁾ См. Joh. Scherr, «Hammerschläge und Historien».

кимъ источникамъ, заключаются въ утверженіи всеобщаго мира посредствомъ всемірнаго господства; общей свободы посредствомъ верховнаго владычества,—этому виной будетъ матеріализмъ, въ который погрузится человечество и доведетъ свой интеллектъ до состоянія идиотизма. Такая странная и по истинѣ необычайная перспектива проназвала-бы въ насъ невольный трепетъ, если-бы мы не были увѣрены, что почтенные германскіе патриоты, въ порывѣ своего пылкаго патриотизма, склонны къ чрезмѣрнымъ преувеличеніямъ. Дѣло въ томъ, что германская имперія, необыкновенно быстро расширявшая свои предѣлы, встрѣчаетъ громадныя затрудненія для своего окончательнаго устройства; почти на каждомъ шагу ей приходится сталкиваться съ такими противорѣчіями, которыхъ она никакъ не могла предвидѣть и, для устраненія ихъ, пока не находитъ подходящихъ средствъ.

Изъ всѣхъ затрудненій, съ которыми приходится бороться новой имперіи, едва-ли не самыми серьезными надобно считать затрудненія, явившіяся результатомъ насильственнаго присоединенія Эльзаса и Лотарингіи. Втеченіи двухъ лѣтъ всѣ попытки ассимиляціи этой маленькой страны съ полуторамилліоннымъ населеніемъ разбивались объ рѣшительное сопротивленіе жителей. Мы намѣрены нѣсколько остановиться на этомъ фактѣ и рассмотреть дѣятельность въ краѣ германской администраціи, употреблявшей самыя энергическія усилія, чтобы насадить сѣмена германизма въ завоеванной провинціи. Дѣятельность эта весьма поучительна. Чрезвычайно интересно наблюдать, какъ искусный человекъ употребляетъ всѣ извороты своего ума, пускаетъ въ ходъ всѣ средства, чтобы заставить сдѣлать по своему людей, сознательно ставящихъ ему на каждомъ шагу препятствія.

Когда нѣмецкія арміи, послѣ побѣдъ при Вертѣ и Виссамбургѣ, заняли Эльзасъ и Лотарингію, по всей Германіи пронесся радостный крикъ торжества. Вся Германія ликовала, что давно желанная добыча находится, наконецъ, въ ея рукахъ. Каждый нѣмецъ уже въ первоначальной школѣ привыкалъ вѣрить, что объ эти провинціи были извѣной отторгнуты отъ нѣмецкаго отечества и переданы въ руки вѣчнаго, завистливаго врага Германіи. Въ патриотическихъ гимнахъ, въ пѣсняхъ, которыя распѣвались въ арміи, вездѣ изображенъ молодой тевтонъ, который маршируетъ къ границѣ и, призывая имя

Блюхера, этого « короля побѣдъ », поетъ: « мы возьмемъ Эльзасъ и Лотарингію и потомъ войдемъ въ Парижъ ».

Когда нѣмецкія войска подошли къ Страсбургу, обложили его, потомъ повели паралели, наконецъ, стали кидать въ осажденный городъ бомбы, во всей Германіи энтузіасты распѣвали пѣсню, въ которой Страсбургъ называется « невѣстой Германіи, пламенно любимой своимъ женихомъ » и утверждается, что « армія, стоявшая подъ стѣнами города, есть ничто иное, какъ свадебный кортежъ, присланный въ видахъ большей торжественности брачной церемоніи ».

Однакожъ, упрямая невѣста не внимала льстивымъ рѣчамъ жениха, и онъ, чтобы побѣдить ея робкую стыдливость и цѣломудренную нерѣшительность, посадилъ ее на голодную діету, посылалъ ей въ подарокъ каленые орѣхи, въ видѣ бомбъ, произвелъ опустошеніе въ ея имуществѣ слишкомъ на десятокъ милліоновъ рублей, не считая раненыхъ мужчинъ, женщинъ и дѣтей, погибшихъ подъ развалинами домовъ. Помѣстившись въ деревнѣ Келъ, одинъ изъ жениховъ Страсбурга, идилликъ Бертольдъ Ауэрбахъ, съ особеннымъ удовольствіемъ наблюдалъ въ зрительную трубу щели, продѣланныя бомбами въ знаменитомъ страсбургскомъ соборѣ, смотрѣлъ на пожаръ бібліотеки и писалъ своимъ соотечественникамъ: « все идетъ прекрасно! Страсбургъ долженъ понять, что мы вынуждены прибѣгать къ иѣрамъ насилія для его-же пользы. Несомнѣнно, что онъ съ нетерпѣніемъ ждетъ того момента, когда въ состояніи будутъ броситься въ объятія своему нѣмецкому брату ».

Эти слова можно было-бы принять за возмутительную насмѣшку, но ихъ авторъ вовсе не смѣялся: въ своемъ экстазѣ онъ искренно вѣрилъ тому, что писалъ. Всѣ нѣмцы были твердо убѣждены, что эльзасцы и лотарингцы желаютъ соединиться съ нѣмецкимъ отечествомъ, желаютъ преслѣдовать тѣ-же цѣли, какія оно преслѣдуетъ. При этомъ нѣмцы забыли объ одномъ, что бомбардированіе весьма плохое средство для завоеванія себѣ народныхъ симпатій, что бѣдствія, имъ причиненныя, долго не забываются и исправляются только по прошествіи многихъ лѣтъ мира и хорошаго управленія.

На первыхъ-же порахъ, когда нѣмцы стали укрѣплять свое господство въ провинціяхъ, отнятыхъ, по ихъ словамъ, отъ Франціи навсегда, они замѣтили, что эльзасцы и лотарингцы отвѣчаютъ на нѣмецкія ласки далеко не съ той нѣжностью и готовностью, какихъ ожидали отъ нихъ нѣмцы. Однакожъ, нѣмцы настолько еще находились подъ вліяніемъ энтузіазма, что даже самъ неувлекающійся князь Бисмаркъ видѣлъ все въ розовомъ свѣтѣ и въ своей большой рѣчи

въ рейхстагѣ, сказанной по поводу присоединенія Эльзаса и Лотарингіи, выражался такъимъ образомъ:

«Мнѣ кажется, вовсе не трудно объяснить, почему населеніе, вполне нѣмецкое, привязалось въ такой сильной степени къ Франціи. Населеніе Эльзаса и нѣмецкой Лотарингіи обладаетъ всѣми хорошими качествами нѣмецкаго народа. Эти качества до такой степени цѣнились французами, что они давали эльзасцамъ и лотарингцамъ такія должности, которыя могутъ занимать только люди способные, пользующіеся притомъ большимъ довѣріемъ страны. Начальствовавшіе въ арміи и въ жандармеріи крупныя чиновники въ администраціи были по большей части изъ уроженцевъ этихъ провинцій. Полтора милліона ихъ жителей входили въ составъ моральной аристократіи Франціи, въ средѣ которой они занимали привилегированное положеніе... Нельзя не сознаться, что въ этомъ населеніи существуетъ нѣкоторое недовѣріе къ намъ, но, съ помощію терпѣнія, намъ не трудно будетъ преодолѣть его. Наша администрація, по новости дѣла, вначалѣ, можетъ быть, станетъ дѣйствовать не совсѣмъ ловко; можетъ быть, она сдѣлаетъ нѣсколько промаховъ и ошибокъ, но, во всякомъ случаѣ, она всегда будетъ доброжелательной и гуманной. Мы дадимъ эльзасцамъ болѣе значительную общественную и личную свободу, чѣмъ та, какой они пользовались при французскомъ правительствѣ. Во всѣхъ французскихъ революціяхъ всегда замѣчалась частица разумныхъ требованій. Эта частица замѣчается и въ настоящемъ движеніи Парижа (дѣло происходило въ апрѣлѣ 1871 года); парижане страстно желаютъ получить прусскую муниципальную организацію... Мы дадимъ Эльзасу и Лотарингіи автономію, которая сравняетъ ихъ учрежденія съ нѣмецкими, и они въ своемъ муниципальномъ устройствѣ достигнутъ идеала, который былъ-бы для нихъ неосуществимъ при французскомъ правительствѣ. Нѣмецкія терпѣніе и доброжелательство помогутъ намъ въ короткое время завоевать себѣ симпатію населенія этихъ провинцій и, я смѣло утверждаю, это случится гораздо скорѣе, чѣмъ многіе изъ васъ разсчитываютъ... Чѣмъ болѣе жители Эльзаса станутъ чувствовать себя эльзасцами, тѣмъ скорѣе они освободятся отъ французскихъ симпатій. Какъ скоро они почувствуютъ себя вполне эльзасцами, они, по естественной логикѣ, сочтутъ себя нѣмцами. Въ качествѣ истинныхъ нѣмцевъ, эльзасцы сохранили значительную дозу партикуляризма, и на этомъ-то фундаментѣ мы должны строить. Встрѣчаясь здѣсь съ тѣмъ-же явленіемъ, съ какимъ, при подобныхъ обстоятельствахъ, мы встрѣтились въ сѣверной Германіи, мы должны прежде всего укрѣпить этотъ

партикуляризмъ... Ревностно заботясь о судьбѣ жителей новыхъ территорій, я являюсь предъ вами ихъ адвокатомъ и, желая окончить начатое уже мною дѣло, прошу у васъ двухъ лѣтъ диктатуры въ этихъ провинціяхъ... Правительство, чувствующее себя сильнымъ, не должно приступать къ дѣлу безъ опредѣленнаго плана. Наше правительство намѣрено примѣнить въ этихъ завоеванныхъ Германією провинціяхъ такую систему, чтобы его власть казалась легкой, чтобы населеніе видѣло съ его стороны доброжелательство и гуманность, которая гораздо скорѣе, чѣмъ грубая сила, заставятъ эльзасцевъ и лотарингцевъ сдѣлаться искренно нѣмцами».

Съ перваго взгляда планъ, предложенный канцлеромъ германской имперіи, кажется чрезвычайно искуснымъ и разумнымъ. Вскорѣ стали приводить его въ исполненіе. Правительство предполагало привлечь на свою сторону болѣе бѣдные классы эльзасскаго и лотарингскаго населенія улучшеніемъ его матеріальнаго быта. Цѣна за проѣздъ по желѣзнымъ дорогамъ въ третьемъ классѣ уменьшена съ 6 франковъ на 5. Введены нѣкоторыя льготы въ торговлю табакомъ и виномъ, что нѣсколько понизило цѣны на эти продукты. Приступлено къ проведенію новыхъ дорогъ не только въ видахъ стратегическихъ, но и коммерческихъ. Въ тоже время рѣшено расширить укрѣпленія Страсбурга, чтобы сдѣлать его такой-же сильной крѣпостью, какъ и Мацъ. Въ городѣ теперь 80,000 жителей; при составленіи плана новой крѣпости, принять въ соображеніе городъ, который можетъ вмѣстить въ себя двухсотъ-тысячное населеніе. Предположено перебросить черезъ Рейнъ пять новыхъ мостовъ въ Страсбургѣ и украсить городъ монументами, замками и виллами: въ первое время многіе богатые нѣмецкіе бюргеры намѣревались было переселиться изъ Германіи въ Страсбургъ, но потомъ почему-то раздумали и остались на родинѣ. Но самымъ главнымъ средствомъ для германизации края, прусское правительство считало обязательное обученіе въ первоначальныхъ школахъ, о чемъ поспѣшило издать декретъ. Заставляя родителей посылать дѣтей въ первоначальныя школы, правительство подчиняло юное поколѣніе влиянію школьныхъ учителей, конечно, дѣйствующихъ въ томъ духѣ, какъ выгодно правительству. Ни въ одной администраціи въ мірѣ нѣтъ такого единства, какъ въ прусской администраціи. Школьные учителя не составляютъ исключенія изъ общаго правила. Еслибы учителя въ эльзасскихъ школахъ вздумали умничать, то ничто не мѣшало удалить ихъ и замѣнить учителями, присланными изъ Пруссіи. Но ни одна изъ этихъ мѣръ не привела къ ожидаемымъ отъ нея результатамъ.

Прусское правительство не жалѣло денегъ на вспомошествованіи гражданамъ Эльзаса и Лотарингіи, потерпѣвшимъ отъ войны, если они обращались къ нему за помощью: пятимилліардная контрибуція давала возможность выказать щедрость въ такомъ щекотливомъ дѣлѣ. Въ видахъ-же германизации страны, правительство ввело въ Эльзасъ и Лотарингіи прусскій коммерческій уставъ, хотя введенію его сильно противились мѣстные комерсанты. Зная, что въ Эльзасѣ часто высказывалось неудовольствіе на французскіе суды, затруднявшіе разводъ, прусское правительство издало узаконенія, облегчающія его. Но и эта мѣра, несмотря на то, что она отвѣчала желаніямъ населенія, не встрѣтила въ немъ ожидаемаго сочувствія.

Скорѣе другихъ свыклись съ новымъ порядкомъ вещей въ Эльзасѣ и Лотарингіи бывшіе чиновники второй имперіи; изъ нихъ многіе охотно взялись за исполненіе предначертаній новаго правительства; они, еще за нѣсколько дней рьяные французы, внезапно превратилась въ завзятыхъ нѣмцевъ. Подобнымъ-же образомъ, какъ извѣстно, поступали ихъ предшественники въ 1814 и 1815 годахъ. И прусскіе чиновники послѣ іенскаго пораженія остались служить Наполеону I, занятому французскими войсками Пруссію, и притѣсняли своихъ соотечественниковъ такъ-же систематически, какъ и французскія военныя власти. Мы не остановимся здѣсь на причинахъ такого явленія—мы не разъ уже поясняли ихъ. Приведемъ только одинъ живой примѣръ необыкновенной эластичности бывшихъ вѣрныхъ слугъ второй имперіи. Цервь-де-Булакъ, камергеръ императрицы Евгеніи, былъ ревностнѣйшимъ бонапартистомъ. Во время объявленія войны Пруссіи, онъ съ замѣчательнѣйшей энергіей дѣйствовалъ для возбужденія парижанъ и громче другихъ кричалъ: «въ Берлинъ! въ Берлинъ!» Въ законодательномъ собраніи онъ произносилъ зажигательныя рѣчи противъ Пруссіи. И послѣ всего этого онъ совершенно спокойно перѣхалъ въ Берлинъ, и съ такимъ-же жаромъ кричить противъ Франціи, съ какимъ кричалъ прежде противъ Германіи. Такой примѣръ вовсе не исключительный: ихъ можно было-бы привести десятки. Замѣчательно, что тѣ эльзасцы, которые особенно желали войны съ Пруссіей,—а ее желали, какъ извѣстно, преимущественно чиновники и вообще бонапартисты—эти эльзасцы легко примирились съ новой участію; тѣ-же, кто считалъ войну съ Германіей безумной и несправедливой,—переселяются во Францію, хотя это переселеніе сопряжено для нихъ съ значительными матеріальными неудобствами.

Завоеватели Эльзаса сильно рассчитывали на помощь протестантскихъ пасторовъ, которые всѣмъ вліяніемъ на своихъ религіозныхъ

прихожанъ легко могли убѣдить ихъ, что нѣмецкое господство представляеть для нихъ однѣ только выгоды и должно быть имъ симпатично, какъ истиннымъ протестантамъ. Но дѣло въ томъ, что въ Эльзасѣ, и въ особенности въ Лотарингіи, католиковъ больше, чѣмъ протестантовъ, и хотя эльзасцы и лотарингцы религіозны, но мало подчиняются духовенству; пастеры пользуются большимъ вліяніемъ только въ нѣкоторыхъ глухихъ деревушкахъ, населенныхъ католиками; въ протестантскихъ-же деревняхъ, и въ особенности городахъ, духовенство не можетъ похвалиться своимъ господствомъ надъ прихожанами. Но и само духовенство, однаково какъ католическое, такъ и протестанское успѣшило заявить о своихъ симпатіяхъ къ Франціи; даже еврейскіе раввины потянули къ Франціи, а не къ Германіи. Очень немногіе священники, — католическихъ даже болѣе, чѣмъ протестантскихъ, — изъ честолюбія стали на сторону нѣмцевъ, но большинство заявило свою оппозицію германизации края, такъ что германское правительство сочло нужнымъ отнять у нѣкоторыхъ протестантскихъ настоявъ ихъ приходы, какъ, напримѣръ, у пастора Лихтенбергера или пастора Рифа. Въ одной изъ своихъ рѣчей въ конференціи эльзасскаго лютеранскаго духовенства, Рифъ сказалъ фразу, которую повторяютъ теперь во всемъ Эльзасѣ. Заявивъ свой протестъ противъ подчиненія эльзасской лютеранской церкви прусскому министру исповѣданій, Рифъ провелъ паралель между свободой, какую оставляли эльзасской протестантской церкви всѣ французскія правительства, и тѣмъ положеніемъ, въ которомъ находится лютеранская церковь въ Германіи, и заключилъ свою рѣчь слѣдующими словами: «О, мои друзья, прошли тѣ счастливыя времена, когда нашъ Эльзасъ былъ раемъ!» Вся страна съ энтузіазмомъ рукоплескала этимъ словамъ.

Принадлежность къ тому или другому исповѣданію не оказываетъ никакого вліянія на оппозицію германизации края. Въ оппозиціонномъ лагерѣ сходятся вмѣстѣ: іезуиты и свободные мыслители, протестанты и католики. Въ этотъ лагерь принимаютъ съ распростертыми объятіями даже такихъ людей, какъ страсбургскій католическій епископъ Рэсъ. Какъ всѣ ультрамонтане, епископъ Рэсъ ненавидѣлъ императора Наполеона III, по обстоятельствамъ вынужденнаго покровительствовать распространенію во Франціи галликанскихъ доктринъ. По примѣру папы, епископъ Рэсъ однимъ изъ первыхъ торжествовалъ побѣду короля Вильгельма подъ Седаномъ: Рэсъ, какъ и всѣ фанатичные католики, надѣялся, что однимъ изъ результатовъ этой побѣды будетъ униженіе врага папы, итальянскаго короля Виктора-Эмануила, бывшаго союзника Наполеона III. Впрочемъ, епископъ Рэсъ

никогда не был прозрливымъ человекомъ и постоянно кидался изъ одной крайности въ другую. Въ 1848 году онъ явился жаркимъ почитателемъ республики и на одномъ изъ апрѣльскихъ бакетовъ 1849 года провозгласилъ себя социалистомъ. Республиканскія чувства, однакожъ, не помѣшали ему, раньше другихъ епископовъ, признать законность и благотворность государственнаго переворота 2 декабря 1851 года, а это, въ свою очередь, не помѣшало ему явиться жаркимъ защитникомъ догмата непогрѣшимости папы. Тотчасъ-же по присоединеніи Эльзаса къ Германіи, епископъ Рэсъ поспѣшилъ въ Берлинъ. Онъ явился туда въ качествѣ ходатая за монашескіе ордена, которые утвердились въ Эльзасѣ при его содѣйствіи. Главная забота его, была, конечно, объ іезуитахъ, которыхъ онъ пріютилъ въ Страсбургѣ, Изенгеймѣ, Лигорьенѣ, Ландзерѣ и Ридисгеймѣ. Іезуиты, кармелиты и монахи многихъ другихъ орденовъ укрѣпили за собой значительныя и доходныя имѣнія въ Эльзасѣ и, въ качествѣ крупныхъ землевладѣльцевъ, пользовались значительнымъ вліяніемъ въ краѣ. Передъ поѣздкой въ Берлинъ епископъ Рэсъ запасся документомъ, подписаннымъ восьмьюстами священниками и монахами, уполномочивающими его ходатайствовать передъ побѣдителемъ о сохраненіи ихъ правъ и привилегій. Подписались не только эльзасцы и лотарингцы, но и многіе члены монашескихъ орденовъ, о которыхъ шла рѣчь, проживавшіе въ Германіи и даже во Франціи. Епископъ рассчитывалъ, что императоръ Вильгельмъ, какъ протестантъ, не захочетъ вмѣшиваться въ домашнее дѣло католическаго духовенства; что онъ разрѣшитъ католическимъ священникамъ давать клятву вѣрности только своему епископу и избавитъ ихъ отъ присяги германскому императору. Ничего не можетъ быть наивнѣе іезуита, когда онъ позволяетъ своимъ страстямъ овладѣть собою. Князь Бисмаркъ понималъ, какую выгоду онъ можетъ извлечь изъ легкомыслія епископа-іезуита. Канцлеръ германской имперіи подалъ ему отдаленную надежду, что его ходатайство можетъ быть уважено, а когда епископъ успѣлъ достаточно скомпрометировать въ глазахъ эльзасскихъ патриотовъ мѣстное католическое духовенство, князь Бисмаркъ замѣтилъ ему, что его просьба противорѣчитъ законамъ германской имперіи и пр. Тогда только епископъ замѣтилъ, что онъ запутался въ собственныхъ сѣтяхъ и его провели кругомъ. Поздній протестъ, составленный въ самомъ клерикальномъ духѣ, повлекъ за собой неудовольствіе всемогущаго канцлера, который вскорѣ объявлялъ войну іезуитамъ. Князь Бисмаркъ добился закона, изгонявшаго іезуитовъ изъ Германіи и Эльзаса и Лотарингіи. Послѣдовалъ новый протестъ

страсбургскаго епископа, который на этотъ разъ покрылся подписями не только католическихъ патеровъ и монаховъ, но также мирянъ, католиковъ и протестантовъ, протестантскихъ пасторовъ, евреевъ. Подписались даже свободные мыслители. «Католицизмъ и его духовенство, иезуиты и конгреганисты, говорили они,—враги, которыхъ страшится Пруссія, этого для насъ достаточно. Мы либералы, мы не должны защищать насильственной мѣры только потому, что она принимается противъ нашихъ вчерашнихъ враговъ. Берлинскіе піэтисты побѣдили, но побѣда не даетъ имъ никакого права стѣснять какъ насъ, протестантовъ, такъ равно и иезуитовъ.»

Только при сильномъ движеніи противъ иностраннаго владычества могло произойти такое странное явленіе, какъ соединеніе въ общемъ протестѣ конгреганистовъ съ либералами. 23 августа (4 сентября) когда нѣмецкія власти закрыли въ Страсбургѣ иезуитскій монастырь, толпы, состоявшія преимущественно изъ женщинъ, собрались на городскихъ улицахъ. Онѣ встрѣчали нѣмецкихъ агентовъ бранью и насмѣшками, и выказывали самое предупредительное вниманіе отцамъ иезуитамъ. Между тѣмъ толпы состояли почти на половину изъ протестантовъ.

Черныя иезуитскія рясы въ последнее время приобрѣли популярность потому еще, что въ ихъ школахъ преподаваніе шло на французскомъ языкѣ. Нѣмцы-же, какъ извѣстно, поспѣшили издать постановленіе, чтобы въ завоеванныхъ провинціяхъ преподаваніе въ первоначальныхъ школахъ велось непременно на нѣмецкомъ языкѣ. До сихъ поръ допускались нѣкоторыя исключенія, но съ 1 октября это постановленіе обязательно даже въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ населеніе не говоритъ ни слова на языкѣ побѣдителей. Благодаря этому постановленію въ школы католическихъ монаховъ поступали не только дѣти католиковъ, но протестантовъ и даже евреевъ. Родители съ такой-же охотой отдавали и своихъ дочерей въ школы, содержимыя монахинями.

Нѣмецкое правительство въ гоненіи французскаго языка пошло еще далѣе: оно постановило, что въ гимназіяхъ и лицеехъ французскому языку должно посвящаться не болѣе шести часовъ въ недѣлю, т. е. столько-же, сколько мертвымъ языкамъ, греческому и латинскому. Даже въ частныхъ школахъ предписано вести преподаваніе на нѣмецкомъ языкѣ. Во время французскаго владычества каждый имѣлъ право свободно открывать школу. Но бывший прусскій министръ народнаго просвѣщенія, Миллеръ издалъ распоряженіе, чтобы содержатели и содержательницы частныхъ школъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи

запаслись прусскими дипломами и на будущее время приняли-бы прусскій методъ преподаванія и программы, составленныя для нихъ въ министерствѣ народнаго просвѣщенія; ученики этихъ школъ въ тоже время не освобождались отъ посѣщенія официальныхъ школъ. Эти постановленія и предписанія, разумѣется, будутъ имѣть непосредственнымъ результатомъ совершенное закрытіе частныхъ школъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи.

Благодаря введенію обязательнаго обученія, а также стѣсненію школъ, содержимыхъ духовенствомъ и частныхъ, число учениковъ, посѣщающихъ общественныя первоначальныя школы, значительно увеличилось. Но въ лицеяхъ и гимназіяхъ, куда нельзя заставить родителей обязательно посылать учениковъ, число ихъ уменьшилось. Состоятельные буржуа посылаютъ своихъ дѣтей во французскія учебныя заведенія или въ швейцарскія гимназіи въ Базель, Бернъ, Цюрихъ, Женевъ и Невшателъ. Небольшая гимназія въ Бельфорѣ переполнена учениками, тогда какъ страбургскій лицей совершенно пустъ. Въ этомъ лицей въ 1869 году было 700 учениковъ, а въ 1871 всего 200. Уменьшеніе числа учениковъ въ небольшихъ гимназіяхъ еще поразительнѣе: въ виссамбургской съ 72 число ихъ упало до 7, въ обернейской съ 140 до 10. Вообще въ гимназіяхъ и лицеяхъ теперь осталась только четвертая часть учениковъ противъ цифры 1869 года. И въ числѣ этой четвертой не мало учениковъ нѣмцевъ, отцы которыхъ переселились въ завоеванныя провинціи по заключеніи міра.

Число учениковъ:

	изъ мѣстныхъ жителей.	изъ нѣмцевъ.
Въ гимназіяхъ: мэцкой	103	96
» » геввильерской	40	39
» » саррегеминой	25	23
» » альткирхской	5	4
» » сен-марійской	36	36

или изъ 407 учениковъ этихъ пяти гимназій—209 сыновья мѣстныхъ жителей и 198 сыновья нѣмцевъ, переселившихся въ Эльзасъ и Лотарингію.

Эти цифры взяты нами не изъ французскихъ источниковъ, которые можно, пожалуй, заподозрить въ преувеличеніи ради патриотизма,—нѣтъ, они взяты изъ „Zeitung für das höhere Unterrichtswesen Deutschland.“ «Трудно составить себѣ истинное понятіе, говорить эта газета,—о тѣхъ затрудненіяхъ, съ какими приходится бороться при введеніи правильной организаціи среднихъ учебныхъ заведеній въ

Эльзасъ и Лотарингія. Для примѣра возьмемъ городъ Шлештадтъ, жители котораго, по словамъ, «Leipziger Illustrirte», вполне нѣмцы и германскіе патриоты. И чтоже! муниципальныя власти отказываютъ въ уступкѣ мѣста, которымъ пользовалась старая гимназія, и уволили привратника. Нѣмецкая администрація въ гимназіи стала искать новаго привратника, — никто не хочетъ идти. Наконецъ, нашелся одинъ, но пробылъ въ должности всего два дня; замѣнилъ его другой — та же исторія. Наконецъ принуждены были взять трехъ женщинъ, и онѣ по очереди исполняютъ должность привратника...»

Къ этому мы можемъ прибавить одинъ анекдотъ, который, можетъ быть, неизвѣстенъ нѣмецкому журналисту. Мюльгаузенская гимназія во время французскаго владычества считалась одной изъ самыхъ лучшихъ гимназій; составъ ея учителей былъ образцовый. Когда Эльзасъ присоединили къ Германіи, всѣ учителя и ученики мюльгаузенской гимназіи вышли изъ нея. Изъ прежняго состава остался въ ней одинъ привратникъ, всему въ мірѣ предпочитавшій водку, и потому, конечно, вѣчно пьяный. Приѣхалъ новый директоръ изъ Германіи, понятно, кладезъ германской учености. Не найдя въ своей гимназіи ни учителей, ни учениковъ, онъ по необходимости сблизился съ привратникомъ и такъ полюбилъ его общество, что сталъ ежедневно заходить въ его каморку и, разумеется, дѣлать ему компанію по водочной части. Очень можетъ быть, что эта дружба ученаго педагога съ пьяницей отставнымъ солдатомъ продолжается и до сихъ поръ, такъ какъ извѣстно, что мюльгаузенская гимназія еще не наполнилась ни учителями, ни учениками: въ тѣхъ и другихъ ощущается еще большой недостатокъ.

Въ виду такого печальнаго положенія гимназій и лицеевъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, нѣмецкое правительство вознамѣрилось весь большой блескъ этихъ учебныхъ заведеній соединить въ страсбургскомъ университетѣ. Оно рѣшило, что этотъ университетъ будетъ *Glanz und Lichtpunkte* сіяющей Германіи. Опредѣливъ университету годовой бюджетъ въ 200,000 талеровъ, правительство открыло ему чрезвычайный кредитъ въ 500,000 талеровъ. Въ то же время оно открыло подписку по всей Германіи, приглашая публику жертвовать въ пользу недостаточныхъ студентовъ, германскихъ уроженцевъ, которые пожелаютъ слушать курсъ въ страсбургскомъ университетѣ. Изъ собраннаго такимъ образомъ капитала назначено выдавать стипендіи, названныя бисмарковскими. «Новому университету, говоритъ Эдуардъ фонъ-Гартманъ, — суждено увѣичать дѣло, совершенное германскими арміями, и сдѣлаться крѣпостію нѣмецкаго ума...

Студенты, изъ чувства патриотизма, должны спѣшить въ этотъ университетъ и работать здѣсь для моральнаго завоеванія.» Подобныя же мысли выражались въ рѣчахъ во время открытія университета и въ многочисленныхъ статьяхъ, появившихся въ нѣмецкой журналистикѣ. «Это—научное и моральное завоеваніе Эльзаса, дополняющее его военное и политическое завоеваніе... Мы посылаемъ сюда мирную армію, избранный отрядъ профессоровъ и студентовъ, и мы основываемъ въ нашей новой провинціи политическую коллективность на базисѣ свободы, права и нѣмецкой мысли... Здѣсь мы воздвигнемъ наше зданіе; здѣсь, въ этой счастливой странѣ, къ которой нѣмецкая нація всегда относилась съ любовью и благосклонностію... Мы принимаемъ въ свое общество братьевъ, прибывшихъ къ намъ изъ мѣста, гибельнаго для всего, что прекрасно и возвышенно; мы заживемъ съ ними вмѣстѣ общей идеальной и солидной жизнью нѣмецкой цивилизаціи...»

Какъ ни краснорѣчивъ цитированный нами ораторъ, но журналъ «Im Neuen Reich» превзошелъ его въ краснорѣчіи.

«Въ настоящую минуту, пишутъ въ этомъ журналѣ,—наши инженеры заняты созданіемъ сильной крѣпости противъ запада, чтобы она могла представить собой непреодолимую преграду, отбить штурмъ бѣшеной мести и сдѣлать ее вполне безсильной. Теперь мы вызываемъ къ другому корпусу инженеровъ—къ академической корпораціи теоретическаго свободомыслія, которая, опираясь на Германію, будетъ посылать свои аванпосты въ окружающую страну, имѣя въ виду главную цѣль, чтобы эта страна оставалась вѣрна германизму и чтобы вѣрность ея была непоколебима... Съ этихъ поръ Страсбургъ будетъ для германской цивилизаціи передовымъ пунктомъ противъ Франціи... Французскій языкъ исчезнетъ въ Эльзасѣ, залитый волнами просвѣщенія, которое мы распространимъ въ этой провинціи. Тогда мы можемъ открыть кафедру этого мертваго языка...» и т. д.

Новый германскій университетъ, на который возложено столько необыкновенныхъ надеждъ, открытъ съ большимъ торжествомъ и великолѣпіемъ. Болѣе 3,000 приглашеній было разослано, какъ въ Германіи, такъ и за границей, не считая студентовъ другихъ университетовъ, которыхъ перевозили и содержали даромъ. На этомъ праздникѣ присутствовали представители всей ученой Германіи; отсутствовали только эльзасцы, если не считать личностей, въ родѣ Булака, которые, впрочемъ, ни съ какой стороны не прикасаются къ ученому міру. Отсутствовалъ даже муниципалитетъ, однакожь, два его представителя были посланы губернаторомъ въ силу осаднаго положенія

края. Не было также представителей ни протестантского, ни католического духовенства Эльзаса.

«Праздникъ начался рано утромъ, вишетъ страсбургскій корреспондентъ одной французской газеты. — Его открыла процессія студентовъ въ оригинальныхъ костюмахъ, присвоенныхъ каждой отдѣльной корпораціи, впереди процессіи шелъ оркестръ музыки изъ цирка, наигрывавшій маршъ изъ «Волшебной флейты». Каждая студенческая корпорація имѣла свое собственное знамя... Когда музыка переставала играть, студенты пѣли: «Wacht am Rhein». Во главѣ каждой студенческой корпораціи шли профессора. — За студентами двигались депутаціи отъ дворянства, городовъ, духовенства и проч...

«Главный президентъ Эльзаса и Лотарингин Меллеръ встрѣтилъ процессію краткимъ привѣтствіемъ. За нимъ выступилъ ректоръ новаго университета Брукъ, и патетическимъ тономъ произнесъ рѣчь, составлявшую дифирамбъ великой Германіи. «Между нами нѣтъ ни одного человѣка, который-бы не понималъ великаго значенія настоящаго факта для Эльзаса, для Германіи, для цѣлаго міра»... Не сомнѣваясь, что страсбургцы и вообще эльзасцы смотрятъ на открытіе университета вовсе не съ той точки зрѣнія, какъ нѣмцы, онъ поблагодарилъ отъ своего имени славнаго императора и князя Бисмарка, и главнаго президента, и г. Рохенбаха, и президента департамента, и мэра, и муниципалитетъ. Если-бы онъ продолжалъ свою рѣчь далѣе, вѣроятно, онъ благодарилъ-бы и плотниковъ, строившихъ эстраду, и часовыхъ, надзиравшихъ за порядкомъ. Эта рѣчь напомнила намъ то официальное университетское краснорѣчіе, которое процвѣтало у насъ во время второй имперіи... Рѣчь, произнесенная профессоромъ Томачекомъ отъ имени австро-нѣмецкихъ университетовъ въ Прагѣ (славянскіе студенты пражскаго университета съ энергіей протестовали противъ рѣчи представителя ихъ университета), Грацѣ, Инсбрукѣ и Вѣнѣ, — рѣчь, встрѣченная горячими аплодисментами, вполне характеризовала пангерманскія стремленія и нѣмецкую политику...

«Чрезвычайно любопытно объявленіе, излагавшее студентамъ программу ихъ празднествъ. Вотъ ея краткое содержаніе: *понедѣльникъ*: собраніе въ пивоварнѣ Липса. *Вторникъ*: утромъ — Fröhlschorpen (въ переводѣ утренняя кружка); вечеромъ — Кнеіре (въ буквальный переводѣ, грязный кабачокъ). *Среда*: утромъ — собраніе въ брабантской пивоварнѣ. *Четвергъ*: утромъ — прогулка въ Сен-Одиль; вечеромъ — Sommers; подъ словомъ sommers подразумѣвается собраніе, гдѣ каждый собесѣдникъ, когда доходитъ до него очередь, обязанъ

выпить свою кружку залпомъ. Наконецъ, *пятница*: утромъ—Früh-schoppen, прощальный тостъ и отъездъ. Говорятъ, что студенты такъ точно выполняли программу праздника, что каждому изъ нихъ приходилось выпивать въ день чуть не по двадцати кружекъ пива...

«Вечеромъ въ первый день праздника городъ былъ иллюминированъ. Во время иллюминаціи случилось событіе, неприятно подѣйствовавшее на нѣмцевъ. Соборъ былъ иллюминированъ бенгальскимъ огнемъ и, къ радости страсбургцевъ, по неловкости распорядителя, зажжены были три огня: синій, бѣлый и красный; страсбургцы закричали: «браво» и «да здравствуетъ Франція!» Въ это-же время нѣмецкіе студенты устроили шествіе съ факелами и съ восклицаніями въ честь великаго нѣмецкаго отечества. Гдѣ они ни проходили, мѣстное населеніе встрѣчало ихъ криками: «да здравствуетъ Франція!» Недовольные студенты отправились въ эльзасскую таверну, въ которой въ то время находились студенты страсбургской медицинской и фармацевтической школы и нѣсколько горожанъ. Нѣмецкимъ студентамъ дали свободно пройти въ особую комнату, но каждый разъ, какъ который-нибудь изъ нихъ пытался пройти въ комнату эльзасцевъ, его встрѣчали свистками. Нѣмецкіе студенты и солдаты запѣли «Wacht am Rhein». Въ отвѣтъ имъ раздались свистки. Вслѣдъ за этимъ въ комнату эльзасцевъ ворвались полицейскіе агенты и солдаты, ломая стулья и нанося удары на право и на лѣво; пошли въ дѣло даже сабли, и нѣсколько человекъ было ранено...

«Во время комерса, «праздника интеллектуальнаго братства», какъ онъ названъ былъ въ программѣ, предсѣдательствовалъ главный президентъ Меллеръ; старикъ былъ одѣтъ въ костюмъ студента. Въ своей рѣчи онъ назвалъ основаніе университета бракосочетаніемъ Германіи съ Эльзасомъ. Онъ совѣтовалъ терпѣніе и снисхожденіе къ сепаратистскому духу провинціи, которая, во время своего долговременнаго отдѣленія отъ родной семьи, только смутно припоминаетъ свое происхожденіе. Затѣмъ одинъ изъ профессоровъ предложилъ тостъ «за армію, единственно которой нѣмцы обязаны сегодняшнимъ счастливымъ празднествомъ...»

«Величайшимъ моментомъ этого возвышеннаго праздника, рассказываетъ одинъ студентъ-энтузіастъ, — былъ гимнъ «Wacht am Rhein», пропѣтый тысячею-двумястами питомцами музъ... Наша радость была безпредѣльна, когда намъ сообщили поздравительную телеграмму, присланную намъ самимъ императоромъ и княземъ Бисмаркомъ... Страсбургскіе буржуа вели себя съ нами весьма двусмысленно. Но по всему было замѣтно, что эти презрѣнные кельты, эти маленькіе

французики и римлянички чувствовали, что надъ ними господствуетъ теперь непоколебимая высшая власть. Имъ, видимо, не нравился нашъ праздникъ, и свое неудовольствіе они выказывали тѣмъ, что мужчины прикололи себѣ букеты изъ иммортелей, а женщины расхаживали въ траурныхъ платьяхъ. Французская цивилизація испортила нравы города. За-то въ деревняхъ мы встрѣтили солидные качества, характеризующія германскую расу; здѣсь мы нашли сѣмена стараго германизма во всей чистотѣ и неприкосновенности.

Намъ, однакожь, привелось прочесть въ газетахъ письмо другого студента, также описывавшаго праздникъ. Этотъ студентъ и на эльзасскія деревни смотритъ также недověрчиво, какъ и на города, и находить, что сельскіе жители относятся къ нѣмцамъ нисколько не любезнѣе, чѣмъ городскіе, только они сдержаннѣе и, пожалуй, трусливѣе.

Въ началѣ праздника открытія страсбургскаго университета случилось печальное событіе, показывающее, какъ еще сильна ненависть между нѣмцами и французами. Мы говоримъ объ убійствѣ барона Ауфсеса.

Баронъ Ауфсесъ, одинъ изъ замѣчательнѣйшихъ ученыхъ Германіи, основатель нюрембергскаго Germania Musoeum, явился въ числѣ приглашенныхъ на страсбургскій праздникъ. Въ 10 часовъ вечера, почувствовавъ усталость, онъ удалился въ одну изъ комнатъ дворца, отданнаго въ его распоряженіе, и отпустилъ слугъ, которые увѣрили его, что они приготовили все, что нужно. Черезъ нѣсколько времени ему захотѣлось пить. Надобно сказать, что баронъ старикъ 70 лѣтъ, болѣзненный, слабый. Замѣтивъ, что въ комнатѣ нѣтъ воды, онъ въ открытое окно сталъ звать слугу, но его слабого голоса никто не услышалъ. Тогда онъ рѣшился самъ отыскать слугу.

Дворецъ, гдѣ расположился баронъ, стоитъ противъ собора. Соборъ былъ иллюминированъ и подлѣ него толпились массы народа. Съ трудомъ сойдя съ лѣстницы, баронъ вошелъ въ темный корридоръ, ведущій къ выходу во дворъ. Здѣсь онъ снова сталъ звать слугу, но не получилъ отвѣта. Баронъ сталъ свистѣть, совершенно вѣрно рассчитывая, что его свистъ скорѣе услышатъ.

И въ самомъ дѣлѣ свистъ векорѣ былъ услышанъ. Какихъ-то двое мужчинъ вбѣжали въ корридоръ и, кинувшись на несчастнаго старика, схватили его за горло. «Это вы свистѣли?» закричали они и, не

дождавшись отвѣта, повалили несчастнаго на землю и стали наносить ему удары, приговаривая: «собака французъ! каналья французъ!» Сбѣжались люди и освободили старика; несчастный былъ весь окровавленъ. Бившіе барона бѣжали, но онъ успѣлъ узнать въ нихъ двухъ профессоровъ университета. Барона перенесли въ его комнату; на другой день онъ отправился въ Констанцъ и черезъ четыре дня умеръ.

Несчастный баронъ имѣлъ силу даже наканунѣ своей смерти писать свой дневникъ. Извлекаемъ изъ этого дневника отрывокъ, въ которомъ выразилась меланхолическая скорбь умравшаго ученаго:

«Это нападеніе, которое будетъ имѣть для меня лично самыя пагубныя послѣдствія, служить дурнымъ презнаменованіемъ для новаго университета. Виновниками этого нападенія были нѣмцы и даже профессора новаго университета. Они совершили свое постыдное дѣло надъ нѣмцемъ, надъ приглашеннымъ на праздникъ, въ коридорѣ императорскаго замка!.. И я съ такой любовью относился къ идеѣ устройства новаго нѣмецкаго университета!»

Баронъ, однакожъ, ошибся: изъ его убійць только одинъ, г. Биндингъ,—профессоръ правъ въ страсбургскомъ университетѣ. Другой же, фон-дер-Гольцъ, родственникъ бывшаго прусскаго посланника въ Парижѣ,—судья.

Это печальное дѣло успѣшили замаять. Но оно произвело сильное впечатлѣніе въ Эльзасѣ. Извѣстно, что баронъ не любилъ французовъ; ему приписываютъ одну брошюру, сильно распространенную въ Германіи, которая много содѣйствовала развитію вражды нѣмцевъ къ французамъ. Въ Эльзасѣ тотчасъ заговорили, что баронъ, распалая ненависть къ французамъ, самъ себѣ приготовилъ погибель отъ руки своихъ-же соотечественниковъ, принявшихъ его за француза.

При этомъ вспомнилась другая смерть—смерть нѣмецкаго генерала Франзецкаго, военнаго начальника въ Страсбургѣ. Первымъ официальнымъ праздникомъ въ Страсбургѣ, послѣ завоеванія его нѣмцами, былъ праздникъ въ честь провозглашенія германской имперіи. Военный начальникъ приказалъ муниципалитету дать балъ въ честь этого событія. Самъ онъ прибылъ на балъ поздно, вошелъ торжественно и сталъ медленно прохаживаться по залѣ; предъ нимъ, конечно, всѣ разступались, открывая ему свободный проходъ. Вдругъ гербъ города Страсбурга, прибитый къ стѣнѣ, сорвался, упалъ на тяжелое зеркало, опрокинулъ его, а оно упало на генерала, причѣмъ голова его пошла

въ разбитое стекло; одинъ осколокъ стекла прорѣзалъ несчастному артерію. Черезъ нѣсколько дней генераль умеръ.

Этимъ двумъ смертямъ въ Эльзасѣ придается какое-то мистическое значеніе. Какъ-бы ни была развита народная масса, она всегда слишкомъ впечатлительна и склонна къ мистицизму, проще сказать, всегда заражена извѣстными предрасудками.

Предрасудокъ, впрочемъ, господствуетъ одинаково на обоихъ берегахъ Рейна, какъ въ Эльзасѣ, такъ и въ пограничныхъ съ нимъ земляхъ. Во всѣхъ газетахъ можно было прочесть рассказы о появлении въ этихъ странахъ на окнахъ домовъ какихъ-то необъяснимыхъ феноменовъ. Эти феномены прежде всего появились въ великомъ герцогствѣ Баденскомъ, потомъ въ Виртембергѣ, наконецъ, въ нижнемъ Эльзасѣ, въ окрестностяхъ Виссамбурга и Гагенау, и даже въ самомъ Страсбургѣ. Въ этихъ явленіяхъ народъ увидѣлъ презнаменованіе будущихъ бѣдствій. Рассказываются легенды, что, будто-бы, подобные-же феномены уже показывались въ давнія времена и всегда служили предвѣстниками кровавыхъ войнъ. Администрація встревожилась не на шутку. Желая остановить распространеніе тревожныхъ слуховъ, она отдала приказаніе газетамъ молчать объ этихъ слухахъ и предложила профессорамъ новаго университета издать какое-нибудь объясненіе этихъ явленій. Профессора поспѣшили объявить, что эти явленія происходятъ отъ встрѣчи солнечныхъ лучей на поверхности стекла и отраженій ихъ. Естественно, сельское населеніе не повѣрило этому скороспѣлому объясненію и еще болѣе увѣровало въ таинственный смыслъ непонятнаго явленія. Особенно часто феномены стали появляться въ Эльзасѣ, но эльзасцы давали имъ иное толкованіе, чѣмъ баденцы и швабы. Для эльзасцевъ эти явленія суть предзнаменованія ихъ скорого освобожденія отъ власти нѣмцевъ и возвращенія къ Франціи. Подъ вліяніемъ таинственныхъ явленій воображеніе распаялось, и скоро въ народѣ стали ходить новыя легенды: одинъ видѣлъ у себя на стеклѣ зуавовъ и тюркосовъ, другой человѣческія кости, третій пушки и т. под. Прямымъ послѣдствіемъ этихъ легендъ явились галлюцинаціи, какая-то эпидемія безумія, когда люди перестаютъ отличать дѣйствительность отъ изобрѣтеній своей разгоряченной фантазіи. Кто могъ думать, что даже въ XIX столѣтіи ужасы войны повлекутъ за собой развитіе предрасудковъ, которые приличны развѣ темнымъ эпохамъ среднихъ вѣковъ. И гдѣ-же развились эти предрасудки? Въ счастливомъ Эльзасѣ, который, по словамъ пастора Рифа, былъ нѣкогда земнымъ раемъ.

Какъ мы сказывыше, князь Бисмаркъ, по его словамъ, имѣя въ виду исключительно благо эльзасцевъ, настоялъ, чтобы палата вручила ему диктатуру въ этой провинции; по его-же словамъ, онъ явился передъ палатой адвокатомъ завоеванныхъ провинцій и заявилъ, что нѣтъ надобности требовать, чтобы жители ихъ немедленно превратились въ германцевъ; напротивъ, по его мнѣнію, будетъ гораздо лучше, если они останутся эльзасцами, и что только при этомъ условіи возможно завоевать ихъ сердца послѣ того, какъ оружіемъ завоевана ихъ территория...

Это заявленіе, обѣщавшее Эльзасу и Лотарингіи полную автономію, произвело совсѣмъ не то впечатлѣніе въ завоеванныхъ провинціяхъ, на какое рассчитывали завоеватели. Жители этихъ провинцій отнеслись къ нему недовѣрчиво не изъ одного только патріотизма, но еще и потому, что прусская администрація въ краѣ заявила себя весьма неблестящимъ образомъ и вовсе не съ тѣхъ сторонъ, которыя дали ей славу образцовой администраціи. Эльзасцы и лотарингцы были приучены къ злоупотребленіямъ, какими отличалась администрація второй французской имперіи. Несчастная война отдала ихъ подъ власть чужестранцевъ; въ своемъ грустномъ положеніи они утѣшали себя надеждою, что прусская администрація, имѣвшая репутацію образцовой по административной честности и исполнительности, по крайней мѣрѣ, не станетъ мѣшать матеріальнымъ интересамъ страны. Эльзасцы полагали, что судъ и полиція будутъ исполнять свое дѣло честно и съ необходимой быстротой; они полагали, что желѣзныя дороги, до сихъ поръ составлявшія собственность государства и имъ эксплуатируемыя, получатъ лучшее устройство, соображаясь съ торговыми и промышленными условіями края; они ожидали улучшеній въ почтовомъ и телеграфномъ дѣлѣ; они рассчитывали на преобразование гипотечной системы и вообще на реформы по всѣмъ отраслямъ администраціи. Они сильно разочаровались, когда убѣдились, что новая администрація слишкомъ мало отличается отъ прежней, что большая часть чиновниковъ по своимъ способностямъ не соответствуетъ занимаемымъ ими мѣстамъ. Многимъ невольно запало въ голову предположеніе, что прусское правительство послало въ Эльзасъ тѣхъ чиновниковъ, которые оказались негодны въ отечествѣ. Но съ этимъ предположеніемъ не вязались статьи нѣмецкихъ публицистовъ, гдѣ расточались похвалы чиновникамъ, назначеннымъ въ Эльзасъ, и возлагались на нихъ большія надежды, какъ на людей, которые должны просвѣтить, научить, реформировать и морализировать населеніе, испорченное французскимъ легкомысліемъ и распутствомъ. Къ тому-же

правительству не трудно было сдѣлать хорошей выборъ, такъ-какъ желающихъ ѣхать въ завоеванныя провинціи въ качествѣ администраторовъ, явилось великое множество. Эльзась представлялся для всѣхъ страной чудесъ, земнымъ раемъ, гдѣ рѣки текли медомъ и имѣли кисельные берега. Многимъ захотѣлось попробовать счастья въ этой богатой странѣ, гдѣ всего было вдоволь: и пива, и вина, меду, хлѣба, скота, плодовъ, гдѣ мѣстность такъ хороша и живописна. Каждому хотѣлось играть роль владыки въ этой «тучной Аттікѣ», какъ называлъ ее Абу. Правительству, слѣдовательно, было изъ чего выбирать, и оно, конечно, выбрало не самыхъ худшихъ.

Эти избранные ѣхали въ Эльзась съ самыми преувеличенными ожиданиями; они воображали, что мѣстные жители встрѣтятъ ихъ съ распростертыми объятіями, что въ мѣстахъ ихъ назначенія, для приѣма ихъ, будутъ устроены триумфальныя арки изъ зелени и цвѣтовъ. Положимъ, что на такія почести могли разсчитывать только высшіе администраторы, но и второстепенные агенты предполагали встрѣтить благосклонный приѣмъ со стороны тѣхъ, кого они пришли опекать, учить и исправлять. Большинство изъ нихъ изумлялось вполнѣ искренно, когда встрѣчало холодный или даже презрительный приѣмъ, въ особенности со стороны женщинъ. Многіе изъ этихъ администраторовъ пытались сблизиться съ мѣстными жителями, но всѣ ихъ попытки оканчивались неудачно. Встрѣтитъ-ли администраторъ на улицѣ женщину, къ которой намѣревается обратиться съ привѣтствіемъ, она непремѣнно перейдетъ на другую сторону улицы; удастся ему выговорить привѣтствіе, ему или ничего не отвѣтить, или дадутъ лаконическій отвѣтъ и поспѣшатъ уйти. Послѣ нѣсколькихъ такихъ неудачъ администраторъ, желавшій сближенія, приходилъ въ отчаяніе и отписывалъ о своихъ неудачахъ въ Германію. Но тамъ его жалобамъ вѣрить не хотѣли и считали всѣ разсказы о враждебныхъ отношеніяхъ эльзасцевъ и лотарингцевъ къ нѣмецкой администраціи слишкомъ преувеличенными, самихъ-же чиновниковъ, которые несъуждали поладить съ жителями, обвиняли въ неловкости и неспособности. «Жители Эльзаса и Лотарингіи все болѣе и болѣе свыкаются съ новымъ порядкомъ вещей», заявляло правительство въ рейхстагѣ. Затѣмъ правительство представило парламенту обширную записку, въ которой несравненно пространнѣе развивалась эта оптимистическая фраза. Всѣ партіи въ палатѣ въ отвѣтъ на эту записку, устами своихъ ораторовъ, выразили глубокую симпатію къ завоеванной странѣ, говорили объ обоюдныхъ выгодахъ сближенія ея съ Германіей и, наконецъ, напали на князя Бисмарка за то, что онъ

настаивалъ на продолженіи диктатуры. Но вскорѣ всѣмъ стало ясно, что чиновники правы, что о сближеніи, по крайней мѣрѣ теперь, нечего и думать. Каждая почта приносила изъ Эльзаса и Лотарингіи извѣстія о столкновеніяхъ жителей съ солдатами, — столкновеніяхъ, иногда сопровождавшихся ранами и даже смертью, какъ, напримеръ, въ деревнѣ Шервиллерѣ, подлѣ Шлештадта. И самые точные розыски свидѣтельствовали, что большая часть столкновеній произошла по винѣ нѣмцевъ, раздраженныхъ нежеланіемъ побѣжденной національности сближаться съ ними. Эльзасецъ вообще спокоенъ, разсудителенъ, терпѣливъ и его нелегко вызвать на ссору.

«Эльзасецъ серьезенъ, разсудителенъ, сдержанъ, говоритъ Эдмондъ Абу;— голова у него не распяляется такъ быстро, какъ у уроженца южной Франціи. Наше отдаленіе отъ побѣдителя не есть дѣло каприза; въ своемъ основаніи оно имѣетъ разумныя причины; мы дѣйствуемъ сознательно и считаемъ себя вправе дѣйствовать такъ, а не иначе. Нашу страну отняли у Франціи противъ ея желанія; мы должны доказать міру, что отдѣленіе это совершилось и противъ нашего желанія. Но мы никогда не согласимся поднять бесполезное и кровавое возмущеніе. Если всѣхъ усилій великаго народа было недостаточно, чтобы обезпечить за нами соединеніе наше съ Франціею, то возможно-ли двумъ небольшимъ, безоружнымъ провинціямъ, занятымъ нѣмецкими гарнизонами, рассчитывать освободиться собственными силами? Намъ должна освободить Франція и снова возвратитъ въ свою семью отторгнутыхъ братьевъ; мы рассчитываемъ на ея мужество, какъ она можетъ рассчитывать на наши къ ней симпатіи. Мы будемъ ждать 10, 20 лѣтъ, наконецъ, если нужно, полстолѣтія, пока она оправится отъ пораженія и снова соберетъ свои силы. Она найдетъ насъ тѣми-же, какими оставила. До тѣхъ поръ мы станемъ бороться съ нашими завоевателями только на легальной почвѣ. Этотъ печальный миръ, необходимый для спасенія Франціи отъ совершеннаго раззоренія и купленный цѣною нашей независимости, отдавъ во власть нѣмцевъ наши имущества и наши тѣла, но о нашихъ душахъ нельзя было договариваться; ими мы имѣемъ право распоряжаться по своему произволу. Необходимо акуратно платить налогъ завоевателямъ, необходимо признавать власть людей, къ которымъ мы не чувствуемъ никакой симпатіи; многое для насъ тяжело и непріятно въ нашемъ новомъ положеніи, но мы должны сносить все съ достоинствомъ... Однакожь, трактатъ не обязываетъ насъ вступать въ службу нашихъ завоевателей; нѣтъ такого закона, который-бы могъ требовать, чтобы мы сближались съ людьми, съ которыми не желаемъ сближаться,

чтобы мы открывали двери нашихъ домовъ для знакомства съ семьями, съ которыми не желаемъ вести знакомство; чтобы мы приглашали въ свой семейный кругъ тѣхъ, кого мы не имѣемъ охоты приглашать...»

Нѣмцы, зная, что эльзасцы большіе меломаны, рассчитывали по дѣйствовать на ихъ отчужденность музыкой. Но когда прусская полковая музыка проходила по улицамъ Мюльгаузена, Кольмара или Страсбурга, каждый изъ горожанъ спѣшилъ войти къ себѣ въ домъ и запереть окна и двери. Когда-же музыканты страсбургской пожарной команды, — всѣ страсбургскіе граждане, — проходили по городу, ихъ сопровождали толпы народа и выражали знаки своего удовольствія. Одинъ разъ вмѣшалась полиція и стала разгонять толпу; раздались крики: «да здравствуетъ Франція!», за которыми послѣдовали столкновенія съ полиціей и аресты.

Сами администраторы, испытавъ, каково управлять Эльзасомъ и Лотарингіей, такъ-же охотно уѣзжали обратно въ Германію, какъ прежде ѣхали въ Эльзасъ. Самъ начальникъ края, Бисмаркъ-Боленъ пробылъ недолго. Мѣсто его занялъ Меллеръ. Его назначеніе возбудило въ Германіи новыя надежды на слитіе завоеванныхъ провинцій съ Германіей. «Наконецъ, мы имѣемъ право надѣяться, писали въ «Kölnische Zeitung», — что, при управленіи г. Меллера, наша администрація въ Эльзасѣ станетъ проявлять необходимую твердость, какою до сихъ поръ не замѣчалось. Сильно ошибались тѣ, кто думалъ, что можно снисхожденіемъ и кротостью побороть огромныя затрудненія къ германизации края, представлявшіяся на каждомъ шагѣ...»

Дѣйствительно, вмѣстѣ съ новымъ начальникомъ вошла въ силу новая система управленія краемъ. Бисмаркъ-Боленъ, исполняя желаніе канцлера германской имперіи, требовалъ, чтобы нѣмецкіе чиновники добивались всевозможными средствами сближенія съ населеніемъ. Теперь же перестали думать о сближеніи и стали отдавать предпочтеніе болѣе крутымъ мѣрамъ. Однакожъ, и новая система оказалась уже несостоятельной. Моральное завоеваніе не подвигается нисколько впередъ. Администрація дѣйствуетъ вяло, непослѣдовательно и допускаетъ въ своей средѣ такіе безпорядки, какихъ никто не могъ ожидать отъ администраціи, считавшейся до сихъ поръ образцовой. Сама прусская журналистика не отвергаетъ этого факта.

«Къ несчастью, должно признаться, пишутъ въ журналѣ «Im neuen Reich», — что Эльзасъ управляется нѣмецкими чиновниками, совершенно незнакомыми съ страной и неимѣющими никакого соотношенія съ ея населеніемъ. Нельзя не признать, что постоянно усиливающаяся

ся разобщенность между администраторами и управляемымъ ими населеніемъ представляетъ извѣстную степень опасности. Эта опасность тѣмъ болѣе серьезна, что очень многіе изъ чиновниковъ ѣдутъ въ новую страну съ искреннимъ убѣжденіемъ, что они призваны явиться благодѣтелями упавшаго нравственно населенія. Они драпируются плащомъ высшихъ существъ, которыя берутъ на себя миссію спасти населеніе, погрязшее въ невѣжествѣ и безнравственности».

Нападки на систему управленія, принимаемую теперь въ Эльзасѣ и Лотарингіи, появляются нерѣдко въ органахъ періодической прессы, которые, подобно „Im neuen Reich“, принадлежать къ числу газетъ и журіаловъ, горячо защищающихъ германскую идею, приходящихъ въ восторгъ отъ нѣмецкихъ завоеваній и преклоняющихся предъ мудростью канцлера германской имперіи. Въ особенности они нападаютъ на дѣйствія почтовыхъ чиновниковъ, позволяющихъ себѣ вскрывать частныя письма; а также на стѣсненіе мѣстной прессы въ Эльзасѣ и Лотарингіи, гдѣ вся пресса находится теперь въ рукахъ переселенцевъ изъ Германіи, которые, по отношеніямъ своимъ къ администраціи, имѣютъ расчетъ скрывать истину и намѣренно распускать ложные слухи. Всякая, совершенно невинная статья, отзывающаяся безпристрастно о Франціи и французахъ, можетъ послужить достаточной уликой для обвиненія редактора и издателя газеты въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ иностраннымъ государствомъ. Всѣ эти стѣснительныя мѣры особенно странны въ виду легкости сношеній Эльзаса и Лотарингіи съ Франціей, противъ которыхъ нельзя ничего подѣлать.

Эльзасская администрація, въ своемъ преслѣдованіи всего французскаго въ завоеванныхъ провинціяхъ, зашла наконецъ такъ далеко, что въ одинъ прекрасный день появилось на сцену знаменитое дѣло Абу. Французскій подданный, постоянно проживавшій въ Парижѣ, Абу на короткое время пріѣхалъ въ свой замокъ, подлѣ Саверна, въ Эльзасѣ, и былъ внезапно арестованъ нѣмецкими властями за статью, напечатанную имъ 18 мѣсяцевъ тому назадъ во французскихъ газетахъ. Дѣло Абу поступило на разсмотрѣніе военного суда, но судьи имѣли настолько здраваго смысла, что успѣли освободить обвиняемаго, не дождавшись вмѣшательства дипломатіи и легистовъ международнаго права.

«Арестъ Абу кажется невѣроятнымъ, пишутъ въ англійской газетѣ „Examiner“, — а между-тѣмъ фактъ дѣйствительно существуетъ. Оказывается, что по нѣмецкимъ законамъ каждый иностранецъ мо-

жетъ быть обвиненъ въ измѣнѣ Германіи, — даже такой иностранецъ, нога котораго никогда не ступала по нѣмецкой землѣ».

Изумленіе англійской журналистики вывело изъ себя полуофіціальную „Gazette de l'Allemagne du Nord“, и она рѣшилась отвѣчать ей слѣдующей, весьма странной выходкой:

«Если англійская пресса, пишутъ въ этой газетѣ, — все рѣзче и рѣзче нападающая на Германію, имѣетъ намѣреніе возбудить насъ противъ Англии, то ей сдѣлать этого не удастся... У насъ, у нѣмцевъ, болѣе хладнокровія, чѣмъ у нашихъ кузеновъ, хотя въ нашихъ жилахъ течетъ не рыба кровь. У насъ — по крайней мѣрѣ, въ средѣ людей развитыхъ, — убѣждены, что неблаговидно ненавидѣть другой народъ... Бранчивый тонъ англійскихъ газетъ не производитъ на насъ никакого дѣйствія и мы проходимъ мимо, подобно здравомыслящему человѣку, который не ускоряетъ своего шага, услышавъ, что изъ подворотни дома его добраго сосѣда, мимо котораго онъ идетъ съ самыми мирными намѣреніями, раздаются извѣстные звуки, естественно производимые домашними животными; или если эти животныя показываютъ видъ, что намѣрены броситься на него и укусить. Чтобы показать до какой степени забывается англійская пресса, мы считаемъ нужнымъ сообщить здѣсь слѣдующій отрывокъ изъ статьи англійской газеты „Daily News“: «Къ несчастію, это произвольное дѣйствіе (арестъ Абу) вполне согласуется съ политикой, которой слѣдуетъ Германія въ отношеніи къ Франціи послѣ Седана. Успѣхъ, обыкновенно вызывающій великодушіе въ благородныхъ сердцахъ, побуждаетъ Германію къ мѣрамъ самой суровой строгости, къ самой чрезмѣрной требовательности, точно, послѣ того, что дала ей удача, она болѣе не вѣритъ въ свою блистательную судьбу. Только отъ націи, рассчитывающей исключительно на мечъ, невозможно требовать деликатнаго отношенія къ человѣческимъ чувствамъ и, еще менѣе, извѣстнаго снисхожденія къ патріотическимъ излишествамъ чуждыхъ національностей. Мѣры насилія, принимаемая среди глубокаго мира, подобныя аресту г. Абу, оскорбляютъ всѣхъ честныхъ людей».

Конечно, въ статьѣ „Daily News“ есть нѣкоторая рѣзкость, но, во всякомъ случаѣ, она изложена въ приличномъ тонѣ и отвѣчать на нее такой выходкой, на которую рѣшилась нѣмецкая газета, по меньшей мѣрѣ непозволительно.

Подобныя выходки могутъ быть объяснены только чрезмѣрной досадой на неудачу выполненія легкаго Германіей плана немедленной германизаціи завоеванныхъ провинцій.

«Нѣмцы, говоритъ „Examiner“, — убѣдились теперь, что эльзасы

не желают сближенія съ ними. Правительству остается теперь одно средство: устрашенія, а примѣненіе его не можетъ представлять особенныхъ трудностей во все время, пока эльзасцы будутъ питать надежду на то, что Франція укрѣпится и сдѣлается снова сильнымъ государствомъ».

«Отчужденіе эльзасцевъ отъ Германіи, пишутъ въ газетѣ „Elberfelder Zeitung“, — проявляется теперь даже въ большихъ размѣрахъ, чѣмъ прежде. Доказательства этому легко замѣтить въ томъ, что молодые люди, не желая попасть въ прусскую армію, совершенно исчезли изъ завоеванныхъ провинцій; одни удалились отсюда, имѣя на то право, другіе-же незаконно, но, во всякомъ случаѣ, уже невозможно ихъ воротить».

«Воротившіеся изъ Эльзаса или изъ Швейцаріи, сообщаетъ „Im Neuen Reich“, — въ одинъ голосъ говорятъ, что общественное мнѣніе въ новыхъ провинціяхъ враждебно Германіи»...

Успѣхъ французскаго займа, конечно, еще сильнѣе возбудилъ надежды эльзасцевъ и лотарингцевъ и укрѣпилъ ихъ въ пассивномъ сопротивленіи германизации края. Чрезвычайно интересны корреспонденціи, присланныя въ то время изъ Эльзаса и Лотарингіи во французскія газеты. Мы приведемъ здѣсь нѣкоторыя изъ нихъ, хотя нельзя не согласиться, что надежды эльзасцевъ, можетъ быть, нѣсколько преувеличены.

Страсбургъ 30-го іюля. «Вы знаете цифру нашей подписки: болѣе двухъ миллиардовъ! Можете судить о радости и счастья городского населенія, когда оно узнало о поразительныхъ результатахъ всей подписки. Разбитой, разоренной и потрясенной Франціи, которую Германія считала умирающей, — предлагаютъ сорокъ миллиардовъ! При встрѣчѣ на улицахъ всѣ цѣловались, поздравляли другъ друга! И все это совершалось на глазахъ нѣмецкой полиціи, которая сперва не могла понять, что все это значитъ. Въ одной пивной, молодой человекъ, заявивъ о результатахъ займа, вскричалъ: «да здравствуетъ Франція!» — его восклицаніе было подхвачено всѣми присутствующими. Всѣ съ энтузіазмомъ выпили за возрожденіе Франціи. Теперь мы съ большимъ терпѣніемъ переносимъ власть иноземца. Мы надѣмся!»

Шлештадтъ. «Разсказывать-ли вамъ о дѣйстви, произведенномъ на насъ успѣхомъ финансовой операціи? Послѣ безпредѣльной радости первыхъ дней, наступило зрѣлое, спокойное размышленіе. Мы стали читать и перечитывать статьи французскихъ и иностранныхъ газетъ, написанныя по поводу совершившагося факта. Въ нѣмецкихъ и въ нашихъ мѣстныхъ газетахъ просвѣчивали гнѣвъ, неудовольствіе и

досада. Все мы одинаково убеждены теперь, что дни нѣмецкаго господства уже сочтены... Самые недоверчивые изъ насъ, которые начали уже сомнѣваться въ возможности возрожденія Франціи,—теперь охотно сознаютъ свою ошибку и вѣрятъ, что Франціи предстоитъ еще блистательная будущность... Этотъ поворотъ въ средѣ людей сомнѣвавшихся очень неприятно поразилъ нѣмецкія власти, и многіе изъ чиновниковъ дошли до того, что стали обвинять князя Бисмарка въ непредусмотрительности, за то, что онъ, будто-бы, не умѣлъ предвидѣть успѣшнаго исхода французскаго займа, почему, конечно, не могъ во время помѣшать ему... Общественное мнѣніе въ пользу Франціи высказывается не только въ городахъ, но даже въ деревняхъ, какъ Эльзаса, такъ и Лотарингіи. Нельзя не сознаться, что здѣшніе крестьяне, пораженные изумительными побѣдами Пруссіи, стали какъ-то недоверчиво относиться къ Франціи. Они никакъ не могли объяснить себѣ, какимъ образомъ прусская армія могла въ такое короткое время уничтожить громадныя силы Франціи. Но какъ только имъ стали извѣстны результаты займа, они, какъ люди отлично понимающіе матеріальную сторону дѣла, поразились чрезвычайнымъ успѣхомъ Франціи и рѣшили, что Франція еще очень богата, гораздо богаче Германіи и Пруссіи; а богатство, по ихъ мнѣнію, синонимъ силы. Теперь, по ихъ соображенію, снова можно довѣрять Франціи и надѣяться на ея возрожденіе».

Но не вполне довѣряя Франціи, эльзасскіе крестьяне, и гораздо ранѣе французскаго займа, нисколько не желали сближаться съ нѣмцами. Когда нѣмецкое правительство принялось за исправленіе и расширеніе укрѣпленій Мэца и Страсбурга, оно, даже предлагая огромныя деньги, не могло найти ни въ Эльзасѣ, ни въ Лотарингіи достаточнаго числа необходимыхъ рабочихъ и обращалось за ними въ Германію. Точно также все нужные матеріалы оно покупало въ Германіи, хотя они въ достаточномъ количествѣ находились въ Эльзасѣ и Лотарингіи, но владѣльцы не хотѣли уступать ихъ нѣмцамъ ни за какія деньги. Нѣтъ, видно очень трудно Германіи увѣнчать зданіе, т. е. достигнуть моральнаго завоеванія, безъ чего никогда прочно не утвердится ихъ власть надъ завоеванными оружіемъ провинціями.

Эльзасцы, проживающіе въ Парижѣ, хорошо понимая силу товариществъ, обладающихъ значительными денежными средствами, вскорѣ послѣ завоеванія, учредили общество «*Лигу освобожденія*», кото-

рое, по настоянію нѣмецкаго правительства, закрыто г. Тьеромъ, точно такъ-же, какъ и «*Филантропическое, анти-прусское общество Эльзаса и Лотарингіи*». Оба эти общества возродились въ новомъ филантропическомъ обществѣ, «*Эльзасской лигѣ*», которое существуетъ и до сихъ поръ. Его спеціальная обязанность заключается въ отыскиваніи занятій тѣмъ тысячамъ эльзасцевъ, которые оставили родину и эмигрировали во Францію. Нѣмецкое правительство знаетъ, что огромное число эльзасцевъ, оставшихся на родинѣ, принадлежитъ къ этому обществу. Оно объявило, что на членовъ этого общества будетъ смотрѣть не иначе, какъ на лицъ, принадлежащихъ къ недозволеннымъ тайнымъ обществамъ и станеть ихъ преслѣдовать. Но если-бъ оно привело свою угрозу въ исполненіе, то ему пришлось-бы преслѣдовать почти все населеніе, что, конечно, не совсѣмъ удобно. Тамъ, гдѣ всѣ виновны, — виноватыхъ нѣтъ никого.

Въ этихъ провинціяхъ; которыя Германія называетъ чисто-нѣмецкими, началась подписка отъ «имени французскихъ женщинъ», съ цѣлью собрать сумму для покрытія остальныхъ трехъ миллиардовъ контрибуціи, наложенной Германіею на Францію. Подписка эта, какъ извѣстно, прекратилась, но достаточно заявить фактъ, что въ этихъ раззоренныхъ войною провинціяхъ было подписано 70 милліоновъ франковъ. Сколько серегъ, бросекъ, браслетъ и другихъ драгоценныхъ бездѣлушекъ вошло въ сумму этихъ 70 милліоновъ! Однѣ мюльгаузенскія женщины дали цѣлый милліонъ. Страсбургскія женщины съ подписнымъ листомъ ходили изъ дома въ домъ, несмотря на то, что полиція грозила имъ за это трехмѣсячнымъ заключеніемъ въ тюрьмѣ. Подписка шла вездѣ, даже въ небольшихъ деревняхъ; въ одной деревнѣ собрано было 1,315 франковъ, и женщина, собиравшая ихъ, отнесла ихъ въ Нанси на почту, за двадцать пять верстъ: она опасалась сдать ихъ въ ближайшую нѣмецкую почтовую контору. Стараніемъ эльзасскихъ женщинъ подписка была открыта въ Лондонѣ, Вѣнѣ, Петербургѣ, Нью-Йоркѣ, Новомъ Орлеанѣ, Сан-Франциско и другихъ мѣстахъ. Въ первый-же день подписки въ Сан-Франциско было собрано 100 тысячъ франковъ, тотчасъ-же отправленныхъ во Францію.

Натурально, эта подписка не нравилась нѣмецкому правительству, которое официально выразило свое неудовольствіе въ отвѣтъ на прошеніе мюльгаузенскаго муниципальнаго совѣта. По окончаніи войны, нѣмецкое правительство предложило муниципальнымъ совѣтамъ заявить объ убыткахъ, причиненныхъ краю нѣмецкими войсками, заявляя, что, по точномъ изслѣдованіи, эти убытки будутъ возмѣщены.

Въ октябрѣ 1870 года нѣмецкія военныя власти наложили на Мюльгаузенъ штрафъ въ 50 тысячъ франковъ за то, что горожане встрѣтили свистками реквизиціонный прусскій отрядъ. Мюльгаузенскій муниципалитетъ полагалъ, что этотъ штрафъ принадлежитъ къ убыткамъ, причиненнымъ войною, и просилъ объ обратной уплатѣ его городу. Ему отвѣчали, что Мюльгаузенъ, посылающій пособія Франціи, слишкомъ богатъ, чтобы нуждался въ 50 тысячахъ франкахъ.

Очень вѣроятно, что та-же подписка, открытая эльзасскими женщинами, послужила косвенной причиной суроваго отвѣта, полученнаго ими на ихъ просьбу. 47 тысячъ эльзасскихъ женщинъ обратились съ просьбой къ нѣмецкому правительству, чтобы оно на нѣсколько лѣтъ избавило ихъ дѣтей отъ военной службы. «Очень возможно, что вскорѣ снова начнется война съ Франціей, говорятъ онѣ; — сыновья принуждены будутъ сражаться противъ той страны, которую ихъ отцы защищали съ энергіей и самоотверженіемъ; младшему брату придется скрещать свой штыкъ съ штыкомъ старшаго, оставшагося на службѣ во французской арміи». Нѣмецкому правительству представлялся очень удобный случай выказать свое великодушіе и гуманность, но оно отвѣтило суровымъ отказомъ на просьбу эльзасскихъ женщинъ и издало распоряженіе, чтобы конскриптовъ, набранныхъ въ Эльзасѣ и Лотарингіи, немедленно отправляли внутрь Германіи и преимущественно въ восточныя провинціи.

Результатомъ этого распоряженія явилось переселеніе массами молодыхъ людей изъ Эльзаса и Лотарингіи. Эмигранты удаляются преимущественно во Францію и въ Соединенные штаты. Изъ молодежи на родинѣ остались только тѣ, которые не рѣшаются переселиться по слабости характера или по другимъ личнымъ причинамъ, или-же такіе, кто считаетъ себя избавленнымъ отъ военной службы или ради физическихъ недостатковъ, или-же по смыслу нѣмецкихъ законовъ. Правительство не признаетъ этого переселенія дозволеннымъ закономъ и пугаетъ тюремнымъ заключеніемъ и штрафами родственниковъ эмигрантовъ, которые будутъ признаны виновными въ способствованіи этому переселенію. Однакожь, эта угроза не разъ приводилась въ исполненіе, потому-что, на самомъ дѣлѣ, очень трудно доказать, что родственники дѣйствительно способствовали переселенію.

Несомнѣнно, что суровыя мѣры подобнаго характера еще сильнѣе раздражаютъ страсти и отдаляютъ примиреніе. Нѣмцамъ трудно разсчитывать даже на слѣдующее поколѣніе, такъ-какъ и дѣти, по при-

мѣру родителей, при всякомъ удобномъ случаѣ выражаютъ свои симпатіи къ Франціи и противятся сближенію съ нѣмцами. Приведемъ здѣсь два интересныхъ примѣра.

Одна молодая дама, эльзаска, проживавшая въ Бельфорѣ, ежедневно водила свою семилѣтнюю дочку въ школу и обратно, по улицѣ, въ которой квартировалъ нѣмецкій генераль. Какъ-то разъ вечеромъ, генераль, сидя у окна своей квартиры, остановилъ эту даму и сказалъ ей:

— Сударыня, я вдовъ; со мной живетъ дочка, однѣхъ лѣтъ съ вашимъ ребенкомъ; я боюсь, что тоска по родинѣ и одиночество гибельно подѣйствуютъ на мою малютку; позвольте вашей дочери играть съ моимъ ребенкомъ.

— Я не могу согласиться на ваше желаніе, генераль,—я французенка.

— Но я обращаюсь не къ французенкѣ, а къ матери!

Тронутая горестнымъ выраженіемъ лица генерала, опасавшагося за жизнь своего дитяти, дама отвѣтила ему довольно ласково:

— Спросите мою дочь, ея отвѣтъ будетъ моимъ.

— Согласитесь-ли вы, милое дитя, играть съ моей маленькой Лисбетой? спросилъ генераль.—У нея много куколъ и она недурно говорить по французски.

— Я не хочу, отвѣтилъ ребенокъ.

Послѣдовало ледяное молчаніе, и генераль поспѣшилъ закрыть свое окно.

Одинъ прусскій офицеръ сталъ ласкать девятилѣтняго ребенка, сына хозяина дома, въ которомъ онъ квартировалъ въ Мюльгаузенѣ.

— Не трогайте меня! сказалъ ребенокъ.

— Не бойтесь, мой другъ, у меня сынъ вашихъ лѣтъ.

— Я убью его и васъ, отвѣчалъ, нахмурившись, малютка и, вы-свободившись изъ рукъ офицера, убѣжалъ къ себѣ домой.

Или, еще примѣръ. Нѣсколько прусскихъ солдатъ заговорили съ пятнадцатилѣтней дѣвушкой Андрэ Кехлинъ. Въмѣсто отвѣта она бросила въ нихъ камнемъ. Ее потребовали въ полицейскій судъ. Она явилась туда въ костюмѣ, состоявшемъ изъ трехъ цвѣтовъ французскаго флага; на ней была надѣта символическая брошка, которую носятъ всѣ эльзасскія и лотарингскія дамы и на которой отчеканены соединенные вензеля Франціи и Эльзаса и Лотарингіи. Эта дѣвушка гордо и съ достоинствомъ выслушала приговоръ, осуждавшій ее на суточное тюремное заключеніе.

Эмигрируютъ изъ Эльзаса изъ страха военной службы не только

молодые люди, но даже и дѣти. По свѣденіямъ до іюля нынѣшняго года, изъ одного Страсбурга переселилось 1,100 дѣтей отъ 9 до 17 лѣтъ. Переселеніе дѣтей идетъ изъ всѣхъ мѣстъ Эльзаса и Лотарингіи. «Почти ежедневно, рассказываетъ корреспондентъ вѣнской газеты «Tages Presse», — я вижу, какъ группы дѣтей, отъ 13 до 16, 17 лѣтъ, проходятъ мимо оконъ моеї гостиницы. Впереди ихъ нерѣдко идетъ трубачъ, и они всегда прощаются съ родной восклицаніемъ: «да здравствуетъ Франція!» Остающіяся дома дѣти съ завистью смотрятъ на своихъ эмигрирующихъ товарищей... Нѣмецкія власти, разумѣется, съ неудовольствіемъ смотрятъ на это переселеніе и требуютъ, чтобы родители, отпускающіе своихъ дѣтей, записывали свое разрѣшеніе въ мѣріи, что, безъ сомнѣнія, они охотно исполняютъ. Каждому юному эмигранту выдается на дорогу по два франка отъ общества...»

Что станется съ этими бѣдными дѣтьми, которые, какъ во время крестовыхъ походовъ въ средніе вѣка, идутъ на удачу, не зная, гдѣ остановятся, что предпримутъ для добыванія себѣ насущнаго куска хлѣба! Они, по всей вѣроятности, остановятся въ обширныхъ центрахъ человѣческой дѣятельности, въ Парижѣ, Лионѣ, Марсели, гдѣ такъ много голода, холода, нищеты и болѣзней! Они ушли изъ своихъ домовъ беззаботные, веселые и счастливые! И сколько изъ нихъ не вынесетъ тяжелыхъ ударовъ дѣйствительной жизни! Сколько изъ нихъ, можетъ быть, уже погибло!

А между тѣмъ у нихъ есть отцы и матери, которые ихъ любятъ, которые не желали-бы разставаться съ ними. Но страхъ видѣть сына въ прусской военной службѣ побуждаетъ отца идти въ мѣрію и давать сыну позволеніе переселиться; этотъ страхъ заставляетъ мать сдерживать свои рыданія, когда она кладетъ въ дорожную сумку своего сына незатѣливую одежду и съѣстные припасы. И сколько страданій, сколько горя вынесутъ потомъ родители, долго не получая извѣстій о томъ, что стало съ ихъ милымъ ребенкомъ!

Трудно Германіи бороться съ такой оппозиціей. Теперь въ самой Германіи начинаютъ раздаваться голоса противъ присоединенія Эльзаса и Лотарингіи. Недавно одинъ профессоръ, говоря о трактатѣ, передающемъ въ вѣчное владѣніе Германіи Эльзасъ и Лотарингію, задумался надъ словомъ «въ вѣчное» и сказалъ съ горькою улыбкою: «приходило-ли въ голову лицамъ, подписавшимъ этотъ трактатъ (Дельбрюкъ, Бисмаркъ, Фавръ, Пульз-Кертъе), что изъ Эльзаса и Лотарингіи начнется переселеніе дѣтей, и слезы матерей, провожаю-

щих малютокъ, идущихъ неизвѣстно куда, незнающихъ, что они станутъ дѣлать, — я говорю, что слезы эти сотрутъ, какъ подписи на трактатѣ, такъ весь его текстъ, и слово «вѣчный» тогда будетъ имѣть весьма ограниченное значеніе».

Эмиграція дѣтей и молодыхъ людей послужила прелюдией къ выселенію изъ Эльзаса и Лотарингіи массы взрослыхъ людей, избравшихъ себѣ французскую національность. Слѣдовало-бы намъ разсказать подробности о томъ, какъ происходилъ этотъ выборъ національности, но у насъ подъ руками слишкомъ мало фактовъ, и этотъ разсказъ мы отлагаемъ до другого раза. Одно только можно сказать, что получились далеко не тѣ результаты, на какіе рассчитывали творцы трактата. Въмѣсто-же всякаго вывода, цитируемъ нѣсколько строкъ изъ статьи газеты «Evening Standard», написанной по поводу разрѣшенія вопроса о выборѣ національности гражданами Эльзаса и Лотарингіи:

«Нигдѣ не замѣчается явнаго возбужденія. Нигдѣ не раздаются пылкія, страстныя рѣчи, но вездѣ и на всемъ замѣчаются очевидные знаки печальной рѣшимости и горячаго патриотизма. Мнѣ-бы хотѣлось, чтобы нѣмецкая нація составила себѣ правильное понятіе о всѣхъ этихъ страданіяхъ... Территорія покоренныхъ провинцій теперь уже безспорно нѣмецкая; огромное количество населенія находится въ добровольной ссылкѣ, но и сердца тѣхъ, которые остались на родинѣ, по прежнему французскія... Никогда, можетъ быть, завоеваніе не влекло за собой такихъ печальныхъ результатовъ, такихъ плачевныхъ сценъ. Цивилизація смягчила формы, но не дѣйствія войны».

ОБЩЕСТВЕННЫЕ СКОМОРОХИ.

Драматическій фельетонъ въ стихахъ и прозѣ.

ВЪ ПЯТИ АКТАХЪ.

ДѢЙСТВУЮЩІЯ ЛИЦА:

Вуколь Валерьяновичъ Гермафродитовъ, редакторъ газеты «Сторожъ» и директоръ «клуба общественной нравственности и гигиены». Человѣкъ неопредѣленныхъ убѣждений и возраста. Въ разговорѣ путается и долго прискиваетъ слова.

Михаилъ Павловичъ Бурбоновъ, отставной маіоръ, новый секретарь редакціи.

Тряпичкинъ, фельетонистъ.

Тяпдалыкинъ, составитель передовыхъ статей.

Альбиносовъ, газетный отмѣтчикъ и виршеплетъ.

Антонъ Тумба, театральнй рецензентъ; пишетъ самъ для сцены.

Замогильный беллетристъ, старецъ ветхій деями.

Аяксъ 1-й { газетныя приживалки и соглядатаи.

Аяксъ 2-й {

Зюдереае, подпомощникъ помощника присяжнаго повѣреннаго.

Хоръ отмѣтчиковъ и котятъ.

СЦЕНА ПЕРВАЯ.

Редакторскій кабинетъ Гермафродитова. Нѣсколько столовъ и большихъ этажерокъ, заваленныхъ газетами и журналами. Редакторъ забавляется на качающемся желѣзномъ креслѣ съ четырьмя котятками. На немъ плюсовый халатъ и шитая серебромъ ермолка. На часахъ бьетъ полдень.

Гермафродитовъ (*торопливо вылезая изъ кресла*). Двѣнадцать часовъ уже, а я еще не прочелъ проклятой передовой статьи этого Тяпдалыкина! Просто каторга съ этими статьями!..

Ихъ читаю и читаю,

Приливаетъ въ черепъ кровь...

«Ничего не понимаю,

Перечитываю вновь».

И все-таки ничего не понимаю!.. Вот хоть, напр., эта статья «о легальности подушныхъ сборовъ», что за гиль такая: всякія ненужныя слова, какъ баранки на мочалу, напизаны. И за что этого Тяпдаляпкина умной головой всё называютъ? Рѣшительно не постигаю! А все-же для газеты онъ человѣкъ нужный: въ день хоть сто передовыхъ статей настрочить. Только читать ихъ тяжело мнѣ:

Поутру встанешь — свѣжій человѣкъ,
А къ вечеру глядишь: ну, сущая ты тряпка!
Ужель на то я осужденъ весь вѣкъ?..
О, тяжела редакторская шапка!..

(*Бросая корректуру въ сторону*). Не хочу я читать этихъ разглагольствованій! На то вѣдь у меня секретарь есть; на то я и редакторъ, чтобъ не имѣть собственныхъ мнѣній и этихъ принциповъ, тамъ, что-ли! (*Замыдывая въ дверь соседней конторы редакци.*) Михаилъ Павловичъ! (*Бурбоновъ входитъ.*) Несчастіе, батюшка, у меня!

Бурбоновъ. Насчетъ разносной продажи?

Гермафродитовъ. Не то, не то... Одинъ изъ моихъ котятъ въ колодезь вчера провалился; не успѣли вытащить — утонулъ.

Бурбоновъ. Событіе, достойное слезъ и печали!

Гермафродитовъ. Да вотъ что я васъ хотѣлъ спросить: читали вы послѣднюю статью Тяпдаляпкина?

Бурбоновъ. Читалъ; статья подходящая: ерунда отъ первой строчки до послѣдней.

Гермафродитовъ. Такъ какъ-же... она... подходящая?

Бурбоновъ. Да помилуйте: на подобныхъ статьяхъ держится вся ваша газета.

Чѣмъ больше ерунды, тѣмъ дальше отъ бѣды—

Принципъ газеты „Стороожъ“,

И если есть у насъ статей такихъ запасъ, —

Пропастъ уже не можешь.

Хотя я очень недавно сдѣлался секретаремъ вашей редакци, но мнѣ извѣстно, что „Стороожъ“ является рабскимъ подражателемъ академической газеты Корша и неуклонно слѣдуетъ этому образцовому консервативно-либерально-ретроградно-прогрессивному органу.

Гермафродитовъ. Да, да, я и забылъ! (*Поетъ на колосъ изъ «Прекрасной Елены»*)

Мы всё несчастны отъ рожденья.

Попавши въ русскую печать,

Мы, не имѣя убѣжденья,
 Должны чужимъ занимать.
 Моя газета — мпротворша;
 Въ ней дѣла нѣтъ, а есть слова;
 У насъ, какъ и въ газетѣ Корша,
 Идутъ, кто въ лѣсъ, кто по дрова.
 Вотъ почему газету эту
 Себѣ мы взяли въ образецъ,
 И расходиться сталь по свѣту
 Нашъ «Сторожъ» пзъ конца въ конецъ.

Да, могу сказать, что самое высокое убѣжденіе журналиста — это не имѣть никакихъ убѣжденій, потому что они, какъ въ жизни родственники, постоянно заводятъ между собой ссору. Сознвая такой взглядъ, я положительно начпшаю убѣждаться, что самъ я журналистъ по призванію, что мвѣ на-году написано быть имъ.

Тяпдаляпкинь (*входитъ съ волненіемъ*). Правда-ли, что она погибла?

Гермафродитовъ. Да, увы! спасти никакъ не могли.

Тяпдаляпкинь. Часъ отъ часу не легче! Да гдѣ-жъ она теперь?

Гермафродитовъ. Въ колодезь, бестія, провалилась. Ничего подѣлать нельзя было.

Тяпдаляпкинь (*изумляясь*). Въ колодезь?! Да вы о чемъ говорите?

Гермафродитовъ. Разумѣется, о кошкѣ своей.

Тяпдаляпкинь. А я о своей статьѣ...

Гермафродитовъ. Ахъ, пзвините, пожалуйста! Что касается вашей статьи—превосходная, обстоятельная и, такъ-сказать... пошпбающая. Я все это утро только ею одной и наслаждался. Вонъ и Михаилъ Павловичъ тоже...

Тяпдаляпкинь. Вотъ вамъ еще пятнадцать передовыхъ статей на двѣ недѣли по разнымъ вопросамъ...

Гермафродитовъ. Благодарю, благодарю, почтеннѣйшіи! Просто, золотыя у васъ руки, скажу это безъ лести вамъ, право!.. Черезъ мѣсяцъ такого вамъ котенка подарю, что сами спасибо скажете.

Тяпдаляпкинь. Затѣмъ я принесъ вамъ росписаніе нашихъ объѣдовъ за цѣлую недѣлю впередъ, дабы не было никакихъ недоразумѣній.

Гермафродитовъ. Какіе такіе объѣды? Ничего не знаю.

Тяпдаляпкинь. Какъ не знаете? Вѣдь вамъ пзвѣстно, что весь составъ сотрудниковъ «Сторожа» рѣшилъ строго подражать академической газетѣ, какъ въ ея характерѣ илц, вѣрше, безхарактерности, такъ и въ самомъ временипровожденіи ея почтенныхъ дѣятелей.

Гермафродитовъ. Совершенно вѣрно, пменно такъ!..

Тяпдаляпкинь. Поэтому и мы пожелаемъ, подобно имъ, устраивать «литературные обѣды». Позвольте мнѣ прочесть теперь, какъ програму этихъ обѣдовъ, такъ и распредѣленіе ихъ. (*Вынимаетъ листъ бумаги.*)

Гермафродитовъ. Читайте, пожалуйста! По-истинѣ, такіе обѣды есть вещь, а прочее все глы!.. Киссъ, киссъ! Васька!..

Тяпдаляпкинь (*читаетъ*). «Постоянные сотрудники газеты «Сторожъ», какъ общественные дѣятели и какъ члены новаго образовательнаго клуба, постановили: ежедневно устраивать «литературные обѣды», какъ для обмѣна мыслей, такъ и для постояннаго наблюденія другъ за другомъ, гдѣ, зорко наблюдая за поступками каждаго, они сохранять этимъ порядочность и прочность своего кружка. При такомъ взаимномъ соглядатайствѣ, не исключаемъ уваженія одного члена къ другому, мы тѣмъ скорѣе поставимъ нашъ журналъ на незыблемый пьедесталъ нравственности, а обѣдая постоянно въ публичныхъ мѣстахъ, въ то-же время послужимъ поучительнымъ примѣромъ для публики: пусть и къ ней прививаются наши строгіе нравы.

«Литературные обѣды» устраиваются на счетъ редактора...

Гермафродитовъ. Позвольте, какъ-же это?.. Вѣдь этакъ мы проѣдимъ, пожалуй, всѣ доходы съ нашего «Сторожа»!

Тяпдаляпкинь (*продолжалъ чтеніе*). «Но въ виду того, что наши обѣды имѣютъ общественное значеніе и, какъ реклама, полезны будутъ для самихъ содержателей трактировъ и ресторановъ, то редактору «Сторожа» предоставляется право войти въ соглашеніе съ трактирщиками, дабы послѣдніе кормили и попили насъ безвозмездно. Обѣды за цѣлую недѣлю впередъ распредѣляются въ слѣдующемъ порядкѣ:

Понедѣльникъ. Въ гостиницѣ Шухардина.

Вторникъ. Въ трактирѣ „Ягодка“, на Апраксиномъ дворѣ.

Среда (столь постный). У Балабина.

Четвертъ. Въ гостиницѣ „Рига“.

Пятница (столь постный). Въ коммерческой гостиницѣ „Фениксъ“.

Суббота. У кухмистра Чебаева.

Воскресенье. Въ клубѣ пзвощиковъ, т. е. въ „Ямкѣ“, что у Базанскаго собора.“

Вотъ и все. Что вы, господа, на это скажете?

Гермафродитовъ.

Планъ, поистинѣ, богатый!

Нашъ кружокъ весь, вмѣстѣ взятый,

Какъ тамъ противъ насъ не ратуй,
Будеть смыслъ имѣть и вѣсь.

Бурбоновъ.

Планъ, поистинѣ, богатый
Въ вѣкъ невѣріемъ объятый!
Гдѣ членъ каждый — соглядатай,
Тамъ и счастье, и прогрессъ!

Хоръ котятъ.

Да здравствуетъ „Сторожъ“! Себя завороживъ
Отъ всѣхъ ты невзгодъ...
Когда, другъ за другомъ, всѣ члены съ испугомъ
Слѣдятъ круглый годъ.
Въ такой дрессировкѣ они будутъ ловки,
Сплотятся въ кружокъ,
И явится скоро изъ новаго хора
Новѣйшій Видоѣ.

Гермафродитовъ. Господа! я умилень и растроганъ! Господа, когда я умилень и растроганъ, мнѣ хочется рассказать всю жизнь свою, прямо и откровенно, безъ всякой утайки. Хотите-ли, господа, чтобы я рассказалъ вамъ всю жизнь свою? (*Оглядывается, но въ кабинетъ, кромѣ котятъ, никого не видитъ.*) Куда-же они дѣлись оба? Ну, все равно. (*Снова, забравъ на колыни всѣхъ котятъ, начинаетъ качаться на креслѣ.*) Странно, однакожъ! Никто не замѣчаетъ, что у меня есть большое сходство съ кардиналомъ Ришелье! Во-первыхъ, лицо самое похоже, во-вторыхъ, та-же быстрота соображенія, а главное — любовь къ кошкѣмъ... И никто этого не замѣчаетъ!..

СЦЕНА ВТОРАЯ.

Въ гостинницѣ Шухардина. Дѣятели „Сторожа“ постепенно сходятся въ особую залу. На большомъ столѣ обѣденные приборы, на маленькомъ — закуска съ двумя графинами водки. Машина играетъ: «Не брани меня, родная»; хоръ со-трудниковъ поетъ подъ ея музыку:

Другъ за другомъ наблюдая,
Станемъ пить теперь и ѣсть...

Бурбоновъ.

Но напитокъ сиволдан
Отдадимъ сперва мы честь!..

Хорь.

Чтобъ никто не могъ быть пьянымъ,
Не сблѣтуль чего порой,
Больше рюмки пить нельзя намъ...

Бурбоновъ.

Я-же выпью по второй! (*Пьетъ. Встѣ съ ужасомъ
переглядываются.*)

Аяксъ 1-й (*2-му Аяксу, тихо*). Это нужно принять къ свѣденію.

Аяксъ 2-й. Еще-бы! Смотри за нимъ въ оба!

Гермафродитовъ (*съ двумя котятами*). Друзья мои! нашъ первый литературный обѣдъ меня волнуетъ и трогаетъ до глубины моего чувства, а когда я взволнованъ и растроганъ, мнѣ хочется рассказывать исторію всей моей жизни. Хотите-ли, я расскажу вамъ всю жизнь свою?

Замогильный беллетристъ. Зачѣмъ рассказывать? Вы изложите вашу исторію на бумагѣ, въ формѣ записокъ, а потомъ и печатайте въ «Сторожѣ». Предственно!

Гермафродитовъ. Хорошо вамъ говорить, когда вы ваши повѣсти печете, какъ алады, и онѣ у насъ за тургеневскія сходятъ въ газетѣ, а я съ чернилами не могу такъ-же свободно обращаться, какъ съ живыми словами... Вотъ и Пашню то-же говорить; краснорѣчія много, а писать мы съ нимъ — не того...

Тяпдаляпинъ. Нѣтъ, позвольте, Вуколь Валерьяновичъ. Намъ гораздо любопытнѣе знать не прошлую, а настоящую жизнь другъ друга. Чтобъ далеко не ходить, намъ было-бы очень интересно узнать, за что, напр., г. Тряпичкинъ возбудилъ въ настоящее время бурю почти во всѣхъ газетахъ?

Тряпичкинъ. За что? вы развѣ не знаете? Варіяція старой исторіи. Не нужно вамъ припоминать, что я лютейшій врагъ такъ-называемаго «женскаго вопроса», а слѣдовательно врагъ и его главной причины, т. е. женщинъ. Терпѣть я ихъ не могу, милостивые государи!..

Замогильный беллетристъ. Дивлюсь я вамъ въ этомъ случаѣ! А я вотъ еще до сихъ поръ увлекаюсь ими!..

Аяксъ 2-й (*1-му Аяксу*). Гмъ! прими тоже къ свѣденію: увлекается женщинами! Каково?

Хорь отиѣтчиковъ.

Мы дрожимъ за васъ, какъ листъ,
Замогильный беллетристъ!
Какъ возможно увлекаться

Въ ваши лѣта
И еще въ томъ признаваться!..
Стыдно это!..

(*Замочильный беллетристъ пуляется своей откровенности и стучивается*).

Альбиносовъ. Слово за Тряпичкинымъ!

Тряпичкинъ. Какъ врагъ женщинъ, по убѣжденію, и сплетникъ, по своей спеціальности, я при всякомъ удобномъ и неудобномъ случаѣ не даю имъ спуску. Клевета подвернется подъ руку и клеветой не побрезгаю.

Бурбоновъ (*тихо*). Господи, куда это я попалъ!..

Тряпичкинъ. Такимъ-же точно образомъ я пустилъ не совсѣмъ опрятную сплетню про одну нашу барыню, жившую одно время въ Берлинѣ; за это на меня всѣ и напустились. Пусть ихъ себѣ!.. Мой памятникъ я себѣ хоть и изъ грязи лѣплю, но все-же меня бранятъ всѣ, а читаютъ. Я человекъ скандала, а безъ скандаловъ господа, да безъ сплетенъ немыслима ни одна газета.

Хоръ отиѣтчиковъ.

Онъ правъ, онъ правъ! Безъ сплетенъ жизни нѣтъ.
Безъ нихъ фельетонистъ безслѣдно погибаетъ,
Тряпичкинъ-же, хоть сзади, грязный слѣдъ
А все-же оставляетъ!
Онъ правъ, онъ правъ,
И храбръ, какъ Ростиславъ!..

Бурбоновъ (*про себя*).

Попался въ ихъ среду, какъ тараканъ я въ супъ..
О, чтобъ подумала теперь моя маіорша?
Вѣдь это общество есть возведенный въ кубъ
Арендный органъ Корша!..

Альбиносовъ (*постоянно шуря глазки*). Позвольте, м. г., прочесть вамъ, какъ выражается стихотворецъ 40-хъ годовъ А. Майковъ, «импровизацію, написанную наканунѣ» нашего обѣда. Я начинаю.

Бъ задачѣ нашего журнала
Одинъ быть долженъ идеаль,
Что даже самый страхъ скандала
Самъ по себѣ большой скандалъ.
Принципъ Булгарина въ наслѣдство
Пусть перейдетъ въ нашъ новый клубъ:
Всѣ хороши въ печати средства,

За око око, зубъ за зубъ.
 Чтобъ поддержать свое изданье,
 Мы помнить правило должны:
 Какъ можно меньше дарованья,
 Какъ можно болѣе слюны.
 Я, напримѣръ, въ одномъ журналѣ
 Пока сотрудничкомъ я былъ,
 Чтобъ тамъ о немъ ни толковали,
 Его нигдѣ я не хулилъ.
 Когда-жь мнѣ драму возвратили
 И указали тамъ на дверь,
 Тогда во всей животной силѣ
 Во мнѣ проснулся лютый звѣрь.
 И вотъ теперь, поэтъ опальный,
 Я сталъ тотъ органъ бичевать...
 Пускай-же мой приѣмъ похвальный
 И всѣ вы вносите въ печать.
 Вотъ будетъ чѣмъ силенъ нашъ «Сторожъ»!..
 Неправда-ль?

Всѣ.

Вѣрно.

Бурбоновъ.

Ерунда!

Альбиносовъ.

Со мной согласны всѣ, маіора-жь
 Мы переучимъ, господа!

Хоть меня и называютъ «маленькимъ Бурбоновымъ», но я стараюсь доказать монимъ зопламъ, что не онъ на меня, а я на него могу имѣть вліяніе. Я самого Стасюлевича...

Оба Аякса. (*перебивая Альбиносова*). Остановитесь, почтенный!.. Позвольте: ваши литературныя заслуги достойны полнаго уваженія... Но противъ васъ есть одно обвиненіе... Да, и обвиненіе очень сильное, и вотъ мы отъ лица всего нашего новаго „кружка“, слѣдящаго другъ за другомъ,—протестуемъ... Именно протестуемъ!..

Всѣ. Говорите, гг. Аяксы, по порядку, а не вмѣстѣ. Очередь соблюдайте!..

Аякъ 1-й. Г. Альбиносовъ! Мы всѣ васъ называемъ «сыномъ свободаго искусства». Такъ-ли?

Альбиносовъ. И я горжусь подобнымъ названіемъ.

Аякъ 2-й. Хорошо-съ. Вы „сынъ свободаго искусства“. Но если

искусство васъ усыновило, то прилично-ли вамъ въ то-же самое время состоять управляющимъ домою купца Заусенцова? Вотъ, господа, въ чемъ вопросъ, который я повергаю на общее разсмотрѣніе.

Альбиносовъ. Но, м. г., я управляю домою безъ всякого жалованья!..

Хоръ отиѣтчиковъ.

Правъ, воскликнемъ не безъ чувства,
„Сынъ свободного искусства“
И достоинъ громкихъ арій.
Тутъ не можетъ быть вопросовъ,
Если служить Альбиносовъ,
Презирая гонорарій.

Тряпичкинъ. Другое дѣло, если-бы онъ получилъ за свое управление домою тысячи три-четыре, тогда-бы онъ могъ-бы вызвать и навѣрно заслужилъ бы наше порицаніе.

Аяксъ 2-й. Но я еще не досказалъ своего обвиненія. Хотя г. Альбиносовъ и не получаетъ жалованья отъ купца Заусенцева, но ходитъ слухъ, что онъ, т. е. „сынъ свободного искусства“, беретъ взятки съ поставщика дровъ, нѣкоторыхъ жильцовъ и даже съ мелочныхъ лавочекъ, находящихся въ томъ-же домѣ.

(Общее волненіе).

Зюдерзее. Господа, это обвиненіе на столько серьезно, какъ съ точки зрѣнія нравственной, такъ и съ юридической, что я предлагаю для его разъясненія назначить особое засѣданіе, а пока заняться наведеніемъ справокъ о справедливости подобнаго слуха. Контролируя, такимъ образомъ, другъ друга, мы, однако, не должны терять уваженія одного къ другому. А потому, г. Альбиносовъ, позвольте пожать вашу честную руку!..

Всѣ. Вашу руку, „сынъ свободного искусства“!..

Альбиносовъ (*тихо Тряпичкину*). И откуда эта бестія узнала, что у меня бываютъ дѣлишки съ полрядчикомъ?.. Ума не приложу!..

Хоръ котятъ.

Хотя взятки очень гадки,
Но на нихъ всѣ люди падки,
Если малы ихъ достатки,
Если плохи ихъ дѣла.
Люди сѣвера и юга,
Коль пришлось имъ очень туго,

Бьютъ и грабятъ всё другъ друга
 Прямо и изъ за угла.
 Отчего-же среди россозъ
 Взять не могъ и Альбинсозъ
 Кушъ съ поставщиковъ?
 Такъ молчали-бы Аяксы!
 Рады вѣчно эти плаксы
 Крикъ поднять изъ пустяковъ.

СЦЕНА ТРЕТЬЯ.

Тоже собраніе въ трактирѣ «Ягодка». Вся редакція въ сборѣ, кромѣ Бурбонова и двухъ Аяксовъ. Тряпичкинъ, вставъ на стулъ, ораторствуетъ, съ жаромъ жестикулируя.

Тряпичкинъ. Да, мм. гг., это святая правда! Это такая-же святая правда, какъ-то, что прошлымъ лѣтомъ, за одну мою сплетню, меня за обводнымъ каналомъ высѣкли крапивой. Съ тѣхъ самыхъ поръ, какъ маіоръ Бурбоновъ сдѣлался секретаремъ нашей редакціи, я его сильно невлюбилъ и началъ зорко наблюдать за нимъ. Побывавъ въ участкѣ, распрашивая его сосѣдей по квартирѣ и даже подкупивъ дворника, я собралъ о немъ самыя ужасныя свѣденія. Нечестный человекъ онъ, мм. гг. Во первыхъ, маіоръ ежедневно взбирается на крышу своего дома и гоняетъ голубей. Понимаете-ли вы: *гоняетъ голубей!*

Общій хоръ.

Гоняетъ голубей!!
 Проступка нѣтъ грубѣй!..

Тряпичкинъ.

А въ пятницу и въ среду
 Къ скоромному обѣду
 Привыкъ онъ съ давнихъ поръ.

Хоръ.

Погибъ, погибъ маіоръ!

Тряпичкинъ.

Жену изъ за булавы
 Разъ душой обозвалъ,
 Въ мясной-же ближней лавкѣ
 Цѣлковый задолжалъ.
 Грозилъ метлой хозяйкѣ

За тухлое лицо..
 О томъ я безъ утайки
 Скажу ему въ лицо.

*(М. Бурбоновъ входитъ; Тряпичкинъ теряется и бросается по-
 томъ къ маіору съ распростертыми объятіями).*

Тряпичкинъ. Дорогой Михаилъ Павловичъ! Наконецъ-то, вы по-
 жаловали. Объ васъ мы всё ужь очень соскучились.

„Отмытчики“ на ухо передаютъ Бурбонову все, что болталъ
 о немъ Тряпичкинъ).

Бурбоновъ (Тряпичкину).

Что обо мнѣ сейчасъ вы говорили?

Тряпичкинъ (блѣднѣя).

Вы сплетнямъ вѣрите! Да это, полно, вы-ли?

Бурбоновъ.

Сказали вы, что я нечестный человѣкъ...

Тряпичкинъ.

Помилуй-же! Сквозь землю провалиться:

Я этого не говорилъ во вѣкъ...

Въ горячности одной могъ я проговориться...

Бурбоновъ.

А знаете-ли вы, какъ я стрѣляю въ цѣль?

Я за сорокъ шаговъ сбиваю съ свѣчки фитель!

Тряпичкинъ (хорохорясь).

Ужъ на дуэль меня вы вызвать не хотите-ль?

Но я, какъ либераль, не признаю дуэль:

На мнѣ пиджакъ, а не солдатскій китѣль.

Бурбоновъ (ирозно).

А знаете-ли вы, что я подковы гну

И кочергу завязываю въ увель?

Тряпичкинъ (падая на колѣни).

Маіоръ! вашъ гнѣвъ меня переконфузилъ!

На первый разъ простите мнѣ вину.

Взгляните на меня: вы видите—и плачу! *(рыдаетъ).*

Такъ не рубите-же повинной головы...

Въ глазахъ такихъ людей, какъ вы,

Я ничего не значу!.. *(Быстро цѣлуетъ ему руку).*

*(Въ залу, съ шумомъ и перебраниваясь другъ съ другомъ, врываются
 два Аякса.)*

Аякъ 1-й.

Не прощу никогда!
Господа, всѣ сюда!
Доведу до суда
Непремѣнно такое я дѣло.

Аякъ 2-й.

Разберпте вы насъ,
А пначе, какъ разъ,
Ему носъ или глазъ
Я, не думая, вышнбу смѣло.

(Все общество бросается къ Аякамъ и начинаетъ ихъ распрашивать).

Аякъ 1-й. Позвольте... дайте опомниться... все расскажу. Пришелъ онъ ко мнѣ вчера обѣдать. Подавали борщъ, сосиски съ капустой и рѣпу фаршированную... Послѣ обѣда у него заболѣлъ животъ, и онъ ушелъ, а сегодня утромъ началъ распускать слухъ, что я съ своей кухаркой отравить его хотѣлъ...

Аякъ 2-й. Да, да, отравить хотѣли, чтобы послѣ жениться!..

Тумба. Чѣмъ-же вы имъ мѣшали? Они и безъ вашей смерти могли вступить въ законный бракъ.

Аякъ 2-й. Онъ изъ ревности хотѣлъ отравить, а она изъ боязни, что я буду отговаривать его отъ женитьбы..

Аякъ 1-й.

Клевета возмутительно-черная!

Аякъ 2-й.

Онъ совершилъ преступленье позорное!..

Аякъ 1-й.

Наказать его нужно давно!

Аякъ 2-й.

Онъ съ кухаркой своей за одно!

Зюдерзее (*глубокомысленно*). Скажу вамъ, м. г, какъ спеціалистъ, какъ младшій подпомощникъ помощника присяжнаго повѣреннаго,—что эта исторія — юридически-сложная и требуетъ тщательнаго изслѣдованія.

Гермафродитовъ. Гг. Аяксы! Не лучше-ли вамъ помириться и покончить взаимнымъ дружескимъ извиненіемъ. Хотите-ли, чтобы васъ умиротворить, я расскажу вамъ всю исторію своей собственной жизни? Мой папенька и маменька...

Оба Аякса. Нѣтъ, нѣтъ, не хотимъ мириться на пустякахъ!..
Честь моя страдаетъ!.. И моя тоже!..

Аякъ 1-й. Я хочу, чтобы онъ извинился передо мной письменно.

Шесть строчекъ только словъ
Пускай онъ мнѣ дастъ письменно.

Аякъ 2-й.

Изустно—я готовъ,
Но письменно—безмысленно!!

Его горчица, дѣйствительно, походила на отраву, я до сихъ поръ еще боль въ брюхѣ чувствую.

Зюдерзее. Не обвиняйте горчицу, м. г. Знаете-ли вы ее плодотворное свойство? Знаете-ли вы, что сказалъ одинъ знаменитый ташкентскій адвокатъ? Вотъ что онъ сказалъ: „Возьмите полторы ложки французской горчицы, заройте ее въ землю и на другой годъ на этомъ мѣстѣ выростетъ роскошная лилія“. Вотъ что значить горчица!..

Всѣ.

Сознаніе въ винѣ—есть высшая отвага,
Ничѣмъ не пострадаетъ ваша честь...
Пишите-же, Аякъ: вотъ перья и бумага.
Покончимъ все и станемъ пить и ѣсть.

Аякъ 2-й (*беретъ перо и бумагу*). Что-жъ такое я долженъ писать?

Аякъ 1-й.

Я вамъ продиктую.
Слушайте меня: (*диктуетъ*)
„Такъ-какъ зачастую
„Глупъ бываю я...“

Аякъ 2-й.

Что? что вы сказали?

Аякъ 1-й (*продолжая диктовать*).

„Почему не разъ
„Обо мнѣ кричали:
„Вреть, какъ дурандась...“

Аякъ 2-й (*вскакивая*).

Небу будетъ жарко,
Какъ я стану мстить...
Пусть твоя вухарка

Знаеть мою прыть.
 Пусть „Сторожа“ редакція
 Пойметъ, что сатисфакція
 Свершится непремѣнно!
 Я бѣшенъ, какъ гѣна!..

Аякъ 1-й.

Такъ пусть рѣшить картель,
 Кто правъ и кто виновень!
 Безъ страха мѣтя въ цѣль,
 Я буду хладнокровень.

(Не смотря на всь доводы, совѣты и внушенія своихъ друзей, Аяксы остаются непреклонны, и дуэль дѣлается неизбежной. Аяксы для храбрости выпиваютъ по бутылкѣ портувейна и выбираютъ для себя секундантовъ: Аякъ 1-й Альбиносова и М. Бурбонова, а Аякъ 2-й—Тумбу и Тяндаляткина).

Тряпичинъ *(тихонько беретъ шляпу)*. Какъ современный человекъ, я дуэли не признаю, и мнѣ здѣсь дѣлать нечего! Самъ едва отъ бѣды избавился *(подъ шумокъ исчезаетъ)*.

Общій хоръ.

Невозможно примиренье!
 Двухъ враговъ намъ не свести,
 И должно произойти
 Генеральное сраженье.

Бурбоновъ (Аяксамъ).

Такъ позвольте вамъ сказать:
 Не могли снести обидъ вы,
 То спѣшите, въ виду битвы,
 Завѣщанія писать.

(Аяксы невольюно вздрагиваютъ и опускаютъ головы.)

СЦЕНА ЧЕТВЕРТАЯ.

Дѣйствіе происходитъ вечеромъ въ Демидовомъ саду. Публики еще мало; играетъ оркестръ. Секунданты почти въ одно и то-же время сходятся въ саду для переговоровъ.

Тумба.

Всего пріятнѣе мѣшать веселье съ дѣломъ
 И зайцевъ двухъ убить однимъ прицѣломъ.

Переговоры наши такны,
 Что ихъ вести удобно на прогулкѣ.
 Что скажете, маіоръ Бурбоновъ, вы?

Бурбоновъ.

Да то скажу, что у меня въ шкатулкѣ
 Двѣ пары пистолетовъ ужъ лежать.
 Враги по прежнему мириться не хотятъ.

Тяпдаляпкинъ.

А вашъ Аякъ?

Альбиносовъ.

Письма или дуэли
 Все требуетъ, но трусить.

Тумба.

Неужели?

Бурбоновъ.

А вашъ не трусить развѣ?

Тумба.

Точно такъ-съ!

Отъ трусости всю ночь не спалъ вчера Аякъ.

Тяпдаляпкинъ.

Но мы покончимъ все мпролюбиво:
 На то мы секунданты, господа!
 Эй, человекъ! Подай-ка ты сюда
 Намъ чаю порцію да двѣ бутылки пива...

Альбиносовъ.

Завсептъ отъ условій вся дуэль,
 Но ихъ смягченіе—должны мы взять за дѣль.

Бурбоновъ.

И мы безъ предисловья
 Теперь означимъ главныя условия:
 За пятьдесятъ шаговъ стрѣляться, напримѣръ,
 Для безопасности ихъ жизни и здоровья.

Всѣ.

На пятьдесятъ шаговъ! Неслыханный примѣръ!..

Бурбоновъ.

Такъ мы примѣръ другимъ покажемъ.
 И будетъ нашъ примѣръ разуменъ и толковъ.
 Потомъ противниковъ обоихъ мы обяжемъ

Стрѣляться безъ рипсе-пез и безъ очковъ
И этимъ окончательно ихъ свяжемъ:
Какъ тотъ, такъ и другой ужасно близорукъ.

Всѣ.

Отлично разсудилъ, почтеннѣйшій нашъ другъ!..

Бурбоновъ.

Затѣмъ, у насъ вопросъ о пистолетахъ.
Имъ нужно пистолеты дать съ кремнемъ.

Всѣ.

Кремневый пистолеты! Да насъ во всѣхъ газетахъ
За это осмѣютъ.

Бурбоновъ.

И сами мы потомъ
Надъ всей дуэлью этой похочемъ...
Условиваться далѣе начнемъ:
Оружье зарядить мы похлопочемъ
Мельчайшей самой дробью, вмѣсто пуль...
Итакъ, вы видите, итогъ дуэли—нуль.
Дробь, даже въ нихъ попавъ, лишь обожжетъ немного,
Что даже хорошо, когда подумать строго:

Такой урокъ

Пойдетъ для нихъ, навѣрно, въ прокъ.
Итакъ, согласны-ль вы на всѣ мои условия?

Всѣ.

Мы подчиняемся имъ всѣ безъ прекословья!
Маіору насъ выручили! Да здравствуетъ маіору!..

Тумба.

Теперь, о дѣлѣ кончивъ разговоръ,
Я съ просьбой обращусь къ почтенному маіору.

Каждый (тихо).

Задумалъ, кажется, не въ пору,
Онъ, какъ всегда, читать свои стихи!..
Вотъ наказалъ Господь насъ за грѣхи.

Тумба (маіору).

Есть у меня, вы знаете, страстишка
Свои услуги музамъ посвящать.
Повѣрите-ль, еще я былъ мальчишка,
Какъ началъ посылать стихи свои въ печать.
Сперва не принимали, но, какъ видно,

Усердіе все можетъ превозмочь:
 Я сталъ печататься, сомнѣнье бросивъ прочь,
 Но вотъ, маіоръ, что очень мнѣ обидно:
 Съ цезурою не справлюсь я никакъ:
 То лишній слогъ, то вовсе нѣтъ размѣра,
 Хоть ночь грызи перо и бейся такъ и сякъ...
 Позвольте-же прочесть вамъ для примѣра
 Тетрадку вновь написанныхъ стиховъ (*вынимаетъ тол-
 стую тетрадь*).

Бурбоновъ.

Въ другое время я готовъ
 Прослушать васъ: вѣдь дѣло-то не къ спѣху!
 А мы теперь посмотримъ на потѣху:
 Смотрите— къ спенѣ ринулся весь садъ:
 Пѣть будетъ Альфонсина, говорить.

*(Секунданты слѣдуютъ примѣру публики и приближаются ближе
 къ сценѣ).*

СЦЕНА ПЯТАЯ.

Поле за охтенскимъ кладбищемъ. Пять часовъ утра. Аяксъ первый входитъ съ своими секундантами; черезъ минуту за ними является Аяксъ второй съ своими свидѣтелями. Противники блѣдны, какъ бумага, и дрожать.

Бурбоновъ (*тихо Аяксу первому*). Не дрожите такъ!

Аяксъ первый. Я дрожу отъ жалости: я его убью непремѣнно!

Альбиносовъ. Гг. Аяксы! Въ послѣдній разъ мы считаемъ нашею священнѣйшею обязанностью употребить всѣ ваши усилія для вашего примиренія. Примиритесь еще не поздно. Протяните лучше другъ другу руки, и отправимся пить чай.

Аяксъ первый.

Пусть просить прощенья,
 Тогда, безъ сомнѣнья,
 Не будетъ сраженья:

Я сжалюсь надъ нимъ.

Согнувшись, какъ арка,
 Пусть молитъ онъ жарко,
 То я и кузарка

Его извинимъ.

Аяксъ второй.

Чтобъ мнѣ унижаться,
 Предъ нимъ извиняться?!
 Нѣтъ, станемъ стрѣляться!
 Пускай я дрожу:
 Дрожу я... отъ злости.
 На этомъ погостѣ
 Противника кости
 Я въ гробъ уложу.

Тяпдаляпкинъ. Если такъ твердо ваше рѣшенье, то медлить, гг., нечего. Насъ могутъ захватить на мѣстѣ!..

Оба Аякса (про себя.)

Ахъ, если-бъ захватили!
 Молебень отслужили
 Сегодня-бы мы оба.

(шомко.)

Нѣтъ, толки всѣ ненужны!
 Когда мы безоружны,
 Насъ только душить злоба...

Бурбоновъ. Условія дуэли вамъ, вѣроятно, извѣстны. Стрѣляться вы будете на разстояніи пятидесяти шаговъ. Дуэль самая кровавая!

Аяксъ 1-й (тихо). Вѣдь недогадались-же на сто шаговъ поставить насъ!..

Аяксъ 2-й (тихо). Опасность большая, но теперь отступить уже поздно.

(Бурбоновъ шпантскими шагами отмахиваетъ пятьдесятъ шаговъ и устраиваетъ барьеръ.)

Альбиносовъ. Господа! снимите очки! Становитесь на мѣста; пистолеты заряжены безкасиинникомъ. Стрѣляйте послѣ третьяго удара. Разъ, два, три!..

(Раздаются въ одно и то-же время два выстрѣла и оба противника падаютъ отъ испуга. Пауза.)

Аяксъ 1-й.

Я умеръ!

Аяксъ 2-й.

Я скончался!

Аяксъ 1-й (*притоднимаясь*).

Куда-же я попался?

Здѣсь тотъ или этотъ свѣтъ?

Аяксъ 2-й (*тоже вставая*).

Убить онъ, или вѣтъ?

Бурбоновъ. Успокойтесь, гг. Аяксы! И жизнь ваша цѣлехонья
и честь спасена. Теперь обнимитесь.

(*Аяксы падаютъ въ объятія другъ друга.*)

Аяксъ 1-й.

Отъ души тому радъ,

Что тебя вижу, братъ,

Цѣлымъ.

Аяксъ 1-й.

Пусть тебя, какъ меня,

Кличутъ съ этого дня —

Смѣлымъ.

Бурбоновъ.

Такъ въ ненастные дни

Занимались они —

Дѣломъ.

(*Общее умиленіе. Картина.*)

Литературное домашнее.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.

Стремленіе къ наживѣ.—Активность общества въ этомъ дѣлѣ.—Реклама антрепренера.—Одесскіе нотаріусы, предназначенные на жертву.—Кулачество и мѣры, принятыя противъ него въ Одессѣ.—Какъ смотритъ общество на наживу и какія мнѣнія о ней проскальзываютъ въ литературѣ.—Мясниковское дѣло.—Интересныя стороны этого дѣла.—Медицинско-судебное изслѣдованіе отравленій.—Дѣло отравленія въ Англии.—Рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу объ убійствѣ въ г. Орлѣ.—Пассивность общества въ дѣлахъ, необъщающихъ быстрой наживы.—Народное образованіе.—Елизаветградское высшее реальное училище.—Земская медицина и дѣятельность фельдшеровъ.—Шотландскія надежды и ветеринары.—На комъ отвѣтается наша собственная пассивность.

Давно промчалось то время, когда Джонъ Ло говорилъ нѣсколькимъ осаждавшимъ его знатымъ барынямъ, что онъ долженъ оставить ихъ на нѣсколько минутъ, и когда эти важныя парижанки отвѣчали ему, что «онъ можетъ дѣлать при нихъ все, что ему угодно», только-бы не отказывался выслушать ихъ. Но не прошли, не исчезли тѣ чувства, которыя заставляли этихъ чопорныхъ маркизъ выносить циничскую выходку ловкаго выскочки, ворочавшаго финансовыми дѣлами тогдашней Франціи. Напротивъ того, съ развитіемъ торговли, промышленности, желѣзныхъ дорогъ, биржевой игры, эти чувства развивались все сильнѣе и сильнѣе и страсть къ наживѣ сдѣлалась одною изъ самыхъ сильныхъ страстей въ Европѣ. Чувство сословной гордости, пламенная любовь, долготѣнная вражда, все это блѣднѣетъ, когда вопросъ заходитъ о томъ, можно-ли нажиться или нельзя нажиться. Повидимому, на разрѣшеніе этого вопроса устремлены всѣ лучшія умственные силы людей, подталкиваемыхъ то нуждою, то алчностью. И ни въ чемъ не выразилась такъ ярко способность человѣчества къ изобрѣтательности, къ хитрости, какъ въ дѣлѣ наживы. Трудно или, лучше сказать, невозможно прослѣдить за всеми способами, которыми

болѣе или менѣе ловкіе люди стараются достигнуть на этомъ пути своей цѣли, т. е. захватить въ свои руки возможно большее количество матеріальныхъ средствъ. Вчера кончилась французско-прусская война, — сегодня французы уже продаютъ прусскія пули, дѣлаютъ изъ штыковъ, изъ ядеръ, изъ ружейныхъ стволовъ подсвѣчники, лампы, канделябры, столовые часы, прессъ-папье; вчера коммунисты сожгли лучшія зданія Парижа, — сегодня сотни фотографовъ уже снимаютъ новые виды «развалинъ» Парижа для продажи зѣвакамъ; вчера разстрѣляли нѣсколько коммунистовъ, — сегодня въ обращеніе пущены будто-бы ихъ зубы и толпа раскошелявается, платитъ деньги, а люди наживы набиваютъ свои карманы и потираютъ руки. Для нихъ нѣтъ такого несчастія, нѣтъ такого преступленія, которое не могло-бы быть источникомъ дохода. Люди наживы — это тѣ хищныя птицы, которыя стаями несутся къ каждому мѣсту, гдѣ слышится запахъ падали, гнили, крови. И какъ пестра ихъ разноплеменная, ихъ космополитическая толпа! Тутъ есть представители всевозможныхъ родовъ дѣятельности, начиная съ предѣлокъ мелкихъ воршиекъ или старыхъ крючкотворовъ и кончая крупными злоупотребленіями героевъ отжившей откупной системы, закулисными интригами преждевременно погибшей демутовской биржи или ловкими предпріятіями новѣйшихъ концессіонеровъ. Рука объ руку съ этими неизбѣжными спутниками современной промышленности и торговли, которыхъ дѣятельность стремилась или стремится къ полученію чего-то въ родѣ права гражданства, идутъ отдѣльные, ловкіе дѣятели, рассчитывающіе болѣе всего на человѣческую глупость и человѣческое невѣжество. Эти люди являются истинными сборщиками штрафовъ съ своихъ ближнихъ, — штрафовъ за то, что эти ближніе глупы или невѣжественны. Въ этомъ смыслѣ ихъ можно тоже назвать служителями прогресса, такъ какъ каждая ихъ новая продѣлка заставляетъ человѣчество дѣйствовать умнѣе и осмотрительнѣе и если человѣчество можетъ жаловаться на что-нибудь, такъ только развѣ на то, что штрафы за глупость и невѣжество иногда бываютъ чрезмѣрно велики.

Предвидѣть продѣлки этихъ господъ, а иногда и услѣдить за этими продѣлками — нѣтъ никакои возможности. Онѣ являются въ тысячи видахъ, изумляютъ своею неожиданностью, ловкостью и вѣрнымъ расчетомъ. Въ эти сѣти постоянно попадаютъ неопытные и недальновидные люди, которымъ остается одно утѣшеніе послѣ совершившагося обмана, что они будутъ впередъ умнѣе. На этой почвѣ можно найти сотни сюжетовъ какъ для водевилей съ переодѣваніемъ, такъ и для самыхъ кровавыхъ драмъ. Развѣ, напримѣръ, не

могла-бы послужить темой для водевиля реклама одного тифлисскаго антрепренера, объявляющаго, что на его театрѣ будутъ дебютировать балетмейстеръ г. Лецерфъ и балерина Марія Лецерфъ, прибывшіе въ Тифлисъ изъ парижской Grande Opéra? Конечно, тифлисскіе граждане понесутъ свои гроши, чтобы посмотреть на знаменитыхъ танцовщиковъ изъ Grande Opéra. Но если-бы тифлисскіе граждане побольше читали, то они узнали-бы, что и г. Лецерфъ и г-жа Лецерфъ долго подвизались въ убогомъ театрѣ г. Берга и изволили плясать въ балаганѣ на Адмиралтейской площади. Конечно, это обстоятельство значительно поубавило-бы значеніе этихъ знаменитостей и сборы тифлисскаго антрепренера были-бы меньше, такъ какъ его выходка очень напоминаетъ «Званный вечеръ съ итальянцами», гдѣ вмѣсто Тамбурины и Рубини поютъ самъ хозяинъ, вовсе неумѣющій пѣть, и какой-то жалкій музыкантъ, ненаписавшій еще ничего. Подобныхъ продѣлокъ, конечно, выдѣлывается на Руси множество, но онѣ слишкомъ безобидны, чтобы слѣдить за ними среди множества болѣе крупныхъ явленій.

Особенно интересна одна изъ неожиданныхъ и выходящихъ изъ ряду вонъ продѣлокъ, совершившаяся недавно въ Одессѣ, въ этомъ обширномъ центрѣ промышленной и торговой дѣятельности Россіи. Героями продѣлки явилось нѣсколько евреевъ; агнцами, обреченными на закланіе, предстали одесскіе нотаріусы. Дѣло происходило слѣдующимъ образомъ. Въ 1870 году одинъ елисаветградскій еврей далъ въ займы драгунскому юнкеру около 200 руб. Такъ какъ деньги не были возвращены, то мировой судья рѣшилъ взыскать ихъ. Но взысканіе было приостановлено въ виду рѣшенія кассационнаго департамента, въ которомъ разъяснено, что по воинскому уставу юнкера признаются состоящими въ нижнихъ чинахъ, а, значитъ, ихъ векселя и вообще долговыя обязательства считаются недействительными. Это обстоятельство и дало случай евреямъ выказать вполне всю свою ловкость и смѣтливость, достойныя болѣе великихъ цѣлей. Нѣсколько евреевъ, сговорившись между собою, пригласили этого юнкера въ Одессу и предложили ему денегъ. Конечно, кто-же откажется отъ подобнаго блага,—и вотъ, юнкеръ является съ евреями въ контору нотаріуса Половинскаго, гдѣ выдаетъ заемныхъ писемъ на 4,000 р. Каждое письмо не превышало 500 руб. Письма были заключены на мелкія суммы для того, чтобы можно было взыскивать деньги при посредствѣ мирового судьи. Потомъ компанія отправилась къ нотаріусу Навроцкому, затѣмъ къ Яковенкѣ и, такимъ образомъ, совершила заемныхъ писемъ всего на 14,000 руб. Юнкеръ получилъ всего

300 руб. и изъ этихъ денегъ ему пришлось расплатиться съ нотариусами. Сдѣлавъ дѣльце, евреи съ юнкеромъ возвратились въ Елисаветградъ, гдѣ довольно быстро распространилась молва о выгодной сдѣлкѣ. Это было причиною того, что еще два еврея рѣшились обдѣлать подобное-же дѣло и уговорили юнкера отиравиться съ ними въ Одессу. Юнкеръ поѣхалъ. Въ нѣсколько дней было совершено земныхъ писемъ еще на 23,000 руб. Нотариусы совершали обязательства, нисколько не подозрѣвая, что законъ не принимаетъ договорныхъ обязательствъ юнкеровъ и что имъ придется отвѣчать своими залогамъ.

Такимъ образомъ, за выучку, какъ видите, они должны были заплатить довольно дорого. Но въ этомъ случаѣ они могли утѣшать себя тѣмъ, что они являлись искѹпительными жертвами за своихъ собратьевъ, такъ какъ большинство нотариусовъ до этого событія поступило-бы точно также опрометчиво, какъ и они. По крайней мѣрѣ, мы слышали отъ двухъ петербургскихъ нотариусовъ, что они не на минуту не задумались-бы принять участіе въ подобной сдѣлкѣ. Ну, а за незнаніе законовъ слѣдуетъ платится особенно тѣмъ, кто по характеру своей дѣятельности долженъ знать лучше другихъ эти законы. Евреи, оставшіеся въ Елисаветградѣ, узнавъ о продѣлкѣ своихъ собратьевъ подражателей, сообразили, что имъ придется получить отъ нотариусовъ очень мало, если и всѣ остальные елисаветградскіе граждане вздумаютъ подражать имъ. Вслѣдствіе этого они написали нотариусамъ Новорочкому, Половицкому, Яковенкѣ письма, разъясняющія все дѣло и предлагающія мировую сдѣлку. Нотариусы должно быть сконфузились за совершеніе незаконныхъ сдѣлокъ и, не говоря ничего другъ другу, согласились на сдѣлки съ евреями. Съ этой минуты евреи начинаютъ высасывать изъ нихъ соки. Богъ знаетъ, сколько-бы они переплатили денегъ, если-бы нотариусъ Половинскій не рѣшился переговорить съ однимъ изъ своихъ собратьевъ. Послѣ этого объясненія дѣло приняло другой оборотъ и одесскій полиціймейстеръ принялъ участіе въ судьбѣ обреченныхъ на закланіе жертвъ. Съ помощью полиціи, жандармовъ и полицейскихъ сыщикововъ и юнкеръ и еврей были схвачены и теперь, конечно, всѣ эти лица явятся на скамьѣ подсудимыхъ.

Рядомъ съ подобными какъ-бы исключительными явленіями изъ міра наживы, основанными на человѣческомъ недомыслии или невѣжествѣ, идутъ сотни явленій, имѣющихъ болѣе постоянный характеръ, повторяющихся ежедневно въ нашей будничной жизни. Объ одномъ изъ подобныхъ явленій нельзя не сказать здѣсь по поводу

одного изъ распоряженій полиціймейстера Одессы. Одесса вообще, какъ всё большіе торговые центры, отличается множествомъ злоупотребленій, преслѣдуемыхъ законами. Такъ, напримѣръ, въ Одессѣ стали обнаруживаться въ послѣднее время очень частые случаи обвѣса и обмѣра. Противъ этого зла были приняты энергическія мѣры, и впродолженіи пяти дней, по словамъ одесскаго полиціймейстера, было составлено 72 протокола. Обманъ въ мѣрѣ и вѣсахъ заключается въ слѣдующемъ: въ вѣсахъ коромысло, стрѣлки и чашки не равновѣсны; обвѣсъ доходитъ до 8 золотниковъ и болѣе на каждый фунтъ. Въ обмѣрѣ немаловажную роль играетъ также неклеименная посуда. Рядомъ съ этимъ, конечно, идутъ мелкія плутни въ поддѣлкѣ такихъ жизненныхъ припасовъ, какъ мука, кофе, чай и т. д. Но самую страшную язву Одессы является преслѣдуемое законами кулачество. Кулачество — это одно изъ тѣхъ печальныхъ явленій въ нашей народной жизни, на которое постоянно указываютъ почти всё земскія собранія и официальные статистики. «Такъ, говорится въ сборникѣ «Россія», — въ западномъ льняномъ районѣ внутренняя торговля находится или въ рукахъ булыней и кулаковъ, или евреевъ и портовыхъ комиссіонеровъ. Булыни продаютъ крестьянамъ разный товаръ для ихъ домашняго обихода или даютъ деньги для уплаты податей подъ обезпеченіе будущаго льна. Вслѣдствіе этого, льны, засѣянные крестьянами, въ дѣйствительности очень часто бываютъ собственностью булыней, а крестьяне являются только работниками на своемъ полѣ. Право такой собственности до того вошло въ обычай, что если крестьяне продаютъ ленъ съ своего поля на сторону, а съ булынями расплачиваются вмѣсто льна деньгами, то булыни жалуются, что *крестьяне крадутъ ленъ*. Проценты, накладываемые булынями на крестьянъ, огромные, крестьянинъ не можетъ торговаться съ булынемъ, и ленъ, по его отдѣлкѣ, забирается булынемъ по цѣнѣ, имъ самимъ налагаемой. Набранныя партіи льна булыни передаютъ оптовымъ торговцамъ или, по заранѣе условленной цѣнѣ, или смотря по выручкѣ въ порту, что называется *правъ торгъ* или *торгъ на вѣру*. Въ послѣднее время слышатся частыя жалобы отъ купцовъ, булыней и сумарей, что *крестьяне шибко стали воровать льны*, то-есть продавать по вольной цѣнѣ помимо посредниковъ. Подобное-же явленіе встрѣчается и въ хлѣбной торговлѣ и служитъ доказательствомъ лучшаго обезпеченія крестьянъ послѣ освобожденія». Но дѣла въ этомъ отношеніи поправились въ очень незначительныхъ размѣрахъ. По словамъ той-же официальной статистики, «надъ всей Россіей господствуютъ пока только сне-

кулятивныя расчеты портовъ, которые и успѣваютъ всегда ее обыгрывать и на хлѣбѣ и на всѣхъ измѣненіяхъ курса. Недостатокъ путей сообщенія и неумѣнье ими пользоваться дѣлаютъ у насъ возможными подобныя явленія, что въ то время, когда въ портахъ или западныхъ губерніяхъ хлѣбъ поднимается до 11—12 и болѣе руб. — внутри Россіи находятся губерніи, гдѣ онъ остается на 3-хъ рубляхъ и даже на 2 руб. 70 коп. » Главнымъ притономъ хлѣбной спекуляціи можетъ считаться Одесса. «Здѣсь, говоритъ оффиціальная статистика, — почти каждый уѣздный городъ, каждое селеніе, окруженныя большими эксплоатаціями, служатъ пунктами болѣе или менѣе значительныхъ сдѣлокъ для одесскихъ промышленниковъ, имѣющихъ въ краѣ безчисленное множество комиссіонеровъ, агентовъ и маклеровъ изъ евреевъ, армянь, грековъ, а частію и русскихъ, которые скупаютъ хлѣбъ по мелочамъ, рѣшаютъ его и везутъ въ Одессу или перепродаютъ болѣе крупнымъ торговцамъ. Самую выгодную считается покупка съ возовъ у крестьянь, когда *торгуются съ мѣры, а принимаютъ на глазъ*, затѣмъ у мелкопомѣстныхъ или разоренныхъ владѣльцевъ, нуждающихся въ деньгахъ и неимѣющихъ средствъ для собственной доставки хлѣба въ порты». Противъ этихъ-то факторовъ-перекупщиковъ изданъ былъ недавно суточный приказъ одесскаго полиціймейстера, не мало заинтересовавшій Одессу. «Въ августѣ мѣсяцѣ, говоритъ г. полиціймейстеръ въ своемъ приказѣ, ко мнѣ обратились нѣкоторые домовладѣльцы и хлѣбные торговцы изъ Пересыпи, въ числѣ которыхъ находится нѣсколько представителей извѣстнѣйшихъ и солиднѣйшихъ торговыхъ фирмъ, съ прошеніемъ, въ которомъ объясняютъ, что коммерческой ихъ дѣятельности наносится значительный ущербъ неблаговидными и крайне стѣснительными дѣйствіями давно уже существующихъ на Пересыпи факторовъ, кулаковъ или перекупщиковъ, которые, дѣйствуя солидарно и отправляясь до разсвѣта за черту города, на разстояніе 10 верстъ и болѣе, встрѣчаютъ привозителей зерновыхъ продуктовъ на дорогѣ, распространяютъ между ними ложные слухи относительно существующихъ пѣнь, заставляютъ ихъ ссыпать хлѣбъ въ предназначенныхъ общникамъ и разбросанныхъ въ отдаленности отъ болѣе оживленныхъ пунктовъ помѣщеніяхъ, и въ концѣ-концовъ пользуются вопіющимъ обмѣромъ и обвѣсомъ, отчего, конечно, сильно страдаетъ правильная торговля.

«Въ то-же время поступила ко мнѣ жалоба отъ торговцевъ овощами и фруктами на привозной площади, въ александровскомъ участкѣ, по словамъ которыхъ, торговля ихъ совершенно парализируется

гибельною дѣятельностью такъ-называемыхъ митропасовъ, которые, подобно пересыпскимъ факторамъ, стремятся къ извлеченію чрезмѣрной выгоды посредствомъ стачки въ цѣнахъ, для чего они еще съ вечера обходятъ всѣ постоянные дворы, встрѣчаютъ привозителей рано утромъ по дорогамъ, туманятъ ихъ на счетъ цѣнъ, насильственно берутъ въ свое распоряженіе ихъ возы и, закабаливъ ихъ тѣмъ или другимъ способомъ, въѣзжаютъ съ продуктами на привозъ, гдѣ сбываютъ товаръ по установленной ими заранѣе цѣнѣ.

«Заявленія эти вызвали необходимость съ моей стороны лично провѣрить всѣ указанные въ нихъ факты. По дознанію оказалось: Пересыпскіе факторы, число которыхъ превышаетъ 200 человекъ, составляютъ осанкціонированную временемъ корпорацію, состоящую изъ смѣлыхъ, бывалыхъ и наглыхъ людей, управляющихъ почти всею привозною хлѣбною торговлей.

«Повышеніе или пониженіе цѣнъ зависитъ исключительно отъ этихъ факторовъ, отъ козней которыхъ нерѣдко терпятъ и крупные торговые дома. Трудясь всего два мѣсяца въ году, факторы эти вѣченіи августа и сентября составляютъ громадные капиталы. Атакуя мужика-привозителя еще за городомъ, вымогая у него хлѣбъ за дешевую цѣну и сунувъ ему въ руки ничтожный задатокъ, факторы привозятъ товаръ въ городъ и продаютъ его далеко дороже на глазахъ-же обманутаго и одураченнаго крестьянина. Не довольствуясь, впрочемъ, такими выгодными оборотами, факторы прибѣгаютъ къ болѣе ловкимъ и искусственнымъ аферамъ. Такъ, напримѣръ, посреди сдачи хлѣба они обмѣниваютъ мѣру, или при расчетѣ, увѣряютъ мужика, что товаръ купленъ у него гораздо дешевле, чѣмъ онъ требуетъ. Если продавецъ станетъ отстаивать свой интересъ, то покупатель предлагаетъ ему взять обратно *сыпанную* уже пшеницу, зная очень хорошо, что подобное предложеніе сопряжено и съ трудомъ, и съ потерей времени, и что продавецъ скорѣе согласится значительно сбавить цѣну, чѣмъ обратно брать сыпанный уже товаръ. Къ корпораціи митропасовъ можно причислить значительное количество опытныхъ старобазарныхъ торговцевъ, которые, при отличномъ знакомствѣ, какъ съ привозителями, такъ и съ потребителями, ловко надуютъ и первыхъ, и послѣднихъ, и пользуются громадною поживой. Митропасы эти въѣзжаютъ обыкновенно съ разсвѣтомъ на главные дороги, сообщаютъ привозителямъ ложныя свѣденія о минимомъ упадкѣ цѣнъ; затѣмъ, дѣлая выгодныя предложенія, садятся насильно на ихъ возы, при нихъ-же продаютъ на площади продукты по возвышеннымъ вдругъ цѣнамъ, и для увѣянчанія своего успѣха сры-

вають еще иногда съ уговоренной суммы подъ тѣмъ или другимъ предлогомъ.

«Рѣшившись для искорененія зла войти установленнымъ порядкомъ объ учрежденіи особой на Пересыпи привозной площади, я тѣмъ не менше нахожу необходимымъ принять въ настоящее время слѣдующія мѣры: 1) для большаго и тщательнаго наблюденія за возстановленіемъ закона, усилить средства пересыпскаго и александровскаго участковъ (гдѣ существуетъ это зло), а именно: перваго — тремя околоточными надзирателями, двумя стражниками, пятью городовыми и однимъ чиновникомъ, а втораго — двумя околоточными надзирателями, двумя стражниками, четырьмя городовыми и однимъ чиновникомъ; 2) гг. приставамъ пересыпскаго и александровскаго участковъ предписываю представить мнѣ, въ семидневный срокъ, списки лицъ, занимающихся противозаконною торговлей, факторовъ и митропасовъ, съ означеніемъ мѣста жительства каждаго, его семейнаго и общественнаго положенія и свѣденій о судимости; 3) г. приставъ михайловскаго участка обязывается строго наблюдать, чтобы за тираспольскою таможей не возобновилось устраненное только-что при усиленіяхъ полиціи зло; 4) вмѣняю въ обязанность участковой полиціи высылать стражниковъ на балтскую и николаевскую дороги для воспрепятствованія перехвата факторами привозимаго хлѣба и для наблюденія за свободнымъ пропускомъ привозителей во всѣхъ вѣздныхъ пунктахъ, и имѣть бдительный надзоръ, чтобы лица, изблеченныя въ факторствѣ и митропашствѣ, привлекались къ уголовной ответственности по слѣдъ 913 и 1,108 ст. улож. о наказ.»

Этотъ приказъ крайне интересенъ, потому-что въ немъ официальнымъ лицомъ вполне описывается одно изъ тѣхъ золъ, которыя тяготѣютъ надъ народною жизнью. Конечно, нечего и думать, что однѣ полицейскія мѣры, даже очень разумныя и энергичныя, могутъ искоренить это зло. Дѣло дѣлается не такъ легко. Только улучшение, которое и должно сдѣлаться послѣ освобожденія крестьянъ, экономическаго положенія продавцевъ, только большее умственное развитіе народа, только улучшение путей сообщеній, только болѣе правильная и разумная организація торговли могутъ со временемъ измѣнить порядки, существующіе теперь въ продажѣ производителями-крестьянами ихъ произведеній.

Кромѣ того, борьба съ злоупотребленіемъ героевъ изъ міра живы дѣлается съ каждымъ днемъ все труднѣе и труднѣе во-первыхъ потому, что наши благонамѣренныя люди все еще крайне непрактичны и, по большей части, думаютъ исправить каждое дѣло, по-

добно музыкантамъ въ крыловскомъ квартетѣ, а во-вторыхъ потому, что въ самомъ обществѣ, подѣ влияніемъ лихорадочно-развивающейся въ послѣднее время промышленной и торговой дѣятельности, — дѣятельности, свидѣтельствующей о томъ, что мы идемъ впередъ, — стремленія къ наживѣ охватываютъ все большее и большее число лицъ, видящихъ только одну сторону медали въ новой жизни — сторону быстрого обогащенія и потому измышляющихъ всевозможныя средства, какъ-бы нажиться. Какъ мало способны мы къ борьбѣ съ злоупотребленіями героевъ наживы даже изъ такого ежедневно встрѣчающагося сорта людей, какъ кулаки, это очень хорошо характеризуетъ недавно происшедшій случай въ одной провинціальной думѣ. Гласные подняли въ ней вопросъ о томъ, что нужно обуздать кулаковъ и въслѣдствіе этого предложили брать и представлять кулаковъ въ судъ за то, что они скупаютъ у крестьянъ товары, не имѣя никакихъ торговыхъ свидѣтельствъ. Разумѣется, имъ тотчасъ-же объяснили, что кулаки не нарушаютъ никакихъ законовъ, покупая товары безъ торговыхъ свидѣтельствъ, такъ-какъ покупать имѣетъ право каждый смертный. Гласные выслушали это и рѣшили, что, значить, съ кулаками ничего нельзя подѣлать — на томъ вопросѣ объ уничтоженіи кулачества и покончился. Конечно, это рѣшеніе вопроса было очень пріятно для тѣхъ крупныхъ торговцевъ, у которыхъ кулаки были простыми агентами. Но, по всей вѣроятности, этимъ гласнымъ было-бы трудно провести въ думѣ и болѣе разумныя предложенія на счетъ кулаковъ, потому-что, какъ мы сказали, извѣстная часть общества все снисходительнѣе и снисходительнѣе смотритъ на продѣлки героевъ наживы. Эта часть общества видитъ въ общественной жизни какую-то азартную игру, въ которой каждый долженъ рисковать всѣмъ, чтобы сорвать банкъ, не думая ни о томъ, какими способами достанется выигрышъ, ни о томъ, чьи деньги перейдутъ въ карманъ выигравшаго. Это направленіе извѣстной части умовъ такъ сильно высказывается въ обществѣ, что многія личности, во всѣхъ другихъ отношеніяхъ безупречныя и хорошія, не красѣются говорить о своихъ стремленіяхъ къ наживѣ. Намъ еще недавно пришлось встрѣтить жену одного ученаго математика. Эта барыня, развитая, образованная, честная по своимъ взглядамъ вообще, стала жаловаться на то, что ея мужъ по цѣлымъ днямъ даетъ всюду уроки и получаетъ только три-четыре тысячи въ годъ. — Онъ положительно испортилъ свою карьеру, говорила она. — Вѣдь всѣ его товарищи, которые остались инженерами, ѣздили на изысканія, работали на желѣзныхъ дорогахъ и имѣютъ теперь по 50, 70 и по

100 тысячъ, дома построили, имѣнія купили и это въ какіе-нибудь два-три года! Да вотъ недавно одинъ изъ бывшихъ товарищей мужа, возвратившись съ изыскавій, заплатилъ за одного изъ своихъ кутиль-пріятелей 15 тысячъ долгу! Можете-же себѣ представить, сколько онъ нажилъ.—Да, замѣтили мы,—но согласитесь, что онъ если и нажилъ, то ужъ никакъ не трудомъ; трудомъ не наживаются такъ быстро деньги и, кромѣ того, трудовыя деньги рѣдко бросаются на уплату долговъ какого-нибудь кутилы. Вашъ-же мужъ если и не наживетъ сотенъ тысячъ, то все-таки онъ будетъ спокоенъ, можетъ съ чистой совѣстью сказать, что каждая копейка пріобрѣтена имъ честнымъ трудомъ и что за каждый полученный имъ грошъ онъ принесъ извѣстную долю пользы. — Да, но вѣдь это положительно невыгодный и неблагодарный трудъ, отвѣтила она, и мы никакъ не могли объяснить ей, что пятьдесятъ тысячъ, полученныхъ въ полгода не фабрикантомъ, а работникомъ, никакъ не могутъ быть названы платою за одинъ трудъ, что онѣ никакъ не могутъ равняться той пользѣ, которую, при всемъ своемъ желаніи, могъ принести человекъ въ полгода, что эта сумма, полученная несоразмѣрно ни съ количествомъ, ни съ качествомъ труда, нанесла непремѣнно кому-нибудь ущербъ и вредъ. Наша собесѣдница понимала только одно то, что въ настоящее время люди, равные съ ея мужемъ во всемъ, могутъ въ годъ или въ два пріобрѣсти каменный домъ, а такъ-какъ ея мужъ и въ двадцать лѣтъ не пріобрѣтетъ себѣ каменнаго дома, то значитъ онъ выбралъ неблагодарный и невыгодный трудъ,—и далѣе этого не шла. Но если какъ-то дико и непріятно звучать подобныя рѣчи въ устахъ женщины, мало знакомой съ экономическими вопросами, то еще непозволительнѣе, еще неприличнѣе кажутся подобныя идеи въ устахъ тѣхъ людей, которые должны руководить обществомъ и развивать въ немъ здравые и честныя взгляды на жизнь. Примѣръ подобныхъ взглядовъ встрѣчается, напримѣръ, въ одной изъ передовыхъ статей коршевской газеты, трактующей о дѣятельности присяжныхъ повѣренныхъ. «Нерѣдко въ обществѣ нашемъ, говоритъ авторъ статьи,—слышатся горячіе споры о томъ, могъ-ли такой-то защитникъ взяться за такое-то дѣло, или-же ему слѣдовало съ негодованіемъ отъ него отказаться, предоставивъ защиту другимъ, менѣе брезгливымъ людямъ? Очевидно, что подобныя споры основаны всегда на недоразумѣніи. Ни одного защитника, принадлежащаго къ сословію присяжныхъ повѣренныхъ, никто не вправе упрекнуть за то, что онъ принялъ защиту въ томъ или другомъ возмутительномъ дѣлѣ: онъ только исполняетъ этимъ

обязанность свою, такъ-какъ, по закону, каждый изъ подсудимыхъ долженъ имѣть защитника, а присяжный повѣренный принявъ на себя это званіе для того, чтобы защищать людей, обвиняемыхъ передъ судомъ». Неизвѣстно, какихъ присяжныхъ повѣренныхъ беретъ подъ свою защиту авторъ этой статьи: присяжнаго повѣреннаго, взяшагося по доброй волѣ защищать какого-нибудь богача, обвиняемаго за преступленіе, или присяжнаго повѣреннаго, которому поручили защищать какого-нибудь трижды пойманнаго за воровство Ивана, немомнячаго родства. Если защищается послѣдній, т. е. присяжный повѣренный, которому поручено защищать этого ворюшку, то защита является совершенно напрасною. Никто и никогда въ нашемъ обществѣ, несмотря на всю сбивчивость его мнѣній, не нападалъ на присяжныхъ повѣренныхъ за то, что они по «обязанности» защищали того или другого мелкаго вора, убійцу, казнокрада. Общество очень хорошо понимало и понимаетъ, что присяжный повѣренный дѣйствуетъ въ этихъ случаяхъ по обязанности и никакъ не подозрѣвало, что присяжный повѣренный беретъ подъ свою защиту какого-нибудь злостнаго преступника потому, что онъ симпатизируетъ дѣйствіямъ этого преступника. Авторъ статьи долженъ былъ это очень хорошо знать и, значитъ, могъ оставить безъ защиты дѣйствія подобныхъ присяжныхъ повѣренныхъ, потому-что на эти дѣйствія никто и не нападалъ. Не нападалъ никто и на тѣхъ присяжныхъ повѣренныхъ, которые, помимо всякихъ корыстныхъ цѣлей и единственно по желанію облегчить своею защитою наказаніе подсудимаго, брались добровольно защищать того или другого преступника. Общество вообще очень снисходительно смотритъ на тѣхъ людей, которые по невѣжеству, по нищетѣ, по неразвитости доходятъ до преступленія, и никогда не ропщеть на то, что ловкость адвоката или снисходительность судей облегчаютъ на нѣсколько степеней наказаніе этимъ людямъ. Вслѣдствіе этого общество никогда не нападаетъ на присяжнаго повѣреннаго за то, что онъ беретъ по доброй волѣ защиту этихъ личностей; въ поступкѣ этихъ присяжныхъ повѣренныхъ общество видитъ только чисто-гуманныя побужденія и больше ничего, — гуманныя побужденія, присущія и самому обществу. Но горячіе споры о томъ, что такой-то присяжный повѣренный не долженъ былъ брать на себя защиту того или другого дѣла, дѣйствительно были въ нашемъ обществѣ. Когда-же они поднимались? Когда болѣе или менѣе талантливый присяжный повѣренный брался по доброй волѣ за защиту антипатичныхъ обществу личностей, имѣвшихъ средства щедро заплатить за защиту. Въ этихъ случаяхъ общество зна-

ло, что защита берется не по неизбежной обязанности и, не симпатизируя обвиняемымъ личностямъ, не могло себѣ представить, чтобы такой развитый человекъ, какъ какой-нибудь извѣстный присяжный повѣренный, могъ быть менѣе чуткимъ, чѣмъ оно, общество, и могъ-бы искренно симпатизировать тѣмъ людямъ, которымъ не симпатизируетъ все общество. Не допуская въ этомъ случаѣ искренней симпатіи къ личностямъ обвиненныхъ, зная, въ то-же время, что къ ихъ защитѣ не могутъ побуждать адвоката только простыя гуманныя чувства, заставляющія иногда защищать и грубаго убійцу, такъ какъ эти личности при своемъ богатствѣ могутъ найти сотни защитниковъ помимо того или другого талантливаго присяжнаго повѣреннаго, общество начинало подозрѣвать, что защитникъ берется за защиту единственно ради корыстныхъ расчетовъ. Оно видѣло, что тутъ человекъ добровольно берется защищать Тита Титыча, который самъ можетъ всякаго обидѣть, и не могло предположить тутъ ничего, кромѣ стремленія получить отъ этого Тита Титыча крупный кушъ. Ошибалось-ли оно или нѣтъ — это все равно, дѣло въ томъ, что иначе оно не могло объяснить себѣ этого поступка и потому оно было вправѣ негодовать на защитника и говорить, что онъ роняетъ себя этою защитою въ общественномъ мнѣніи. И въ этомъ случаѣ защитникъ поступитъ лучше всего, если молча будетъ сносить всѣ упреки общества и постарается объ одномъ, чтобы не раздражать еще болѣе этого общества своими оправданіями, которыя даже при всей адвокатской изворотливости и ловкости будутъ только налагать новыя тѣни на его личность. Грустно, когда человекъ дѣлаетъ крупную ошибку, но еще грустнѣе, когда у него нѣтъ даже настолько такта, чтобы молчать объ этой ошибкѣ и не стараться оправдываться въ ней разными софизмами. Эти оправданія—засасывающая тина, въ которой можетъ окончательно погрязнуть когда-то чистая репутація. И для чего, сдѣлавъ однажды ошибку, стараться извращать понятія общества, стараться притуплять ту чуткость, которая такъ дорога въ обществѣ, которую не могли совершенно убить даже во Франціи долгіе годы дѣятельности разныхъ адвокатовъ, биржевиковъ, спекуляторовъ и продажныхъ личностей второй имперіи? Далѣе авторъ той-же передовой статьи, — конечно, не имѣющій ничего общаго съ Плиніемъ младшимъ, находившимъ, что защита истины не требуетъ платы и защищавшимъ своихъ кліентовъ безъ всякой платы, — очень развязно толкуетъ о вознагражденіи защитника и говоритъ: «Есть еще одна болѣе щекотливая и весьма существенная сторона въ этомъ вопросѣ, которую нельзя пройти

молчаніемъ. Мы говоримъ о матеріальной выгодѣ, извлекаемой защитникомъ въ уголовномъ дѣлѣ, о количествѣ гонорарія, имъ получаемого. Но и здѣсь, при правильной постановкѣ вопроса, едва-ли встрѣтятся сомнѣнія. По нашему мнѣнію, если защитникъ взялъ то, что ему слѣдовало получить за трудъ свой, если онъ принялъ плату, которая взимается имъ вообще за дѣло извѣстнаго размѣра, извѣстной сложности (замѣтимъ при этомъ кстати, что *известные* адвокаты берутъ по преимуществу дѣла *большихъ* размѣровъ и большой сложности, отрещиваясь отъ *маленькихъ* дѣлъ, и взимая десять % съ *большого* дѣла, никогда не берутъ тѣхъ-же десяти % съ мелкаго дѣла: вѣдь не станутъ-же они хлопотать изъ за 10 — 15 руб. Мелкія дѣла берутся ими тогда, когда можно *отличиться*, а не тогда, когда можно защищать простого обыденнаго воришку), то онъ приобрѣлъ деньги честно, хотя-бы онѣ были вручены ему человѣкомъ, впадшимъ въ преступленіе. Но если онъ, такъ сказать, дѣлится съ виновнымъ плодомъ преступленія, если соразмѣряетъ плату свою съ выгодами, доставляемыми преступленіемъ, если онъ злоупотребляетъ свободой защиты, чтобъ какими-бы то ни было способами доставить безнаказанность преступнику, то, при подобномъ образѣ дѣйствій, защитникъ поступаетъ, конечно, безнравственно. Словомъ, вознагражденіе его должно быть *пропорционально труду, положенному на дѣло* (только въ адвокатурѣ признаютъ «Петербург. Вѣд.» этотъ принципъ или вездѣ? Или ужъ они становятся радикальнѣе радикаловъ, когда дѣло касается заработковъ адвокатовъ?) а не соразмѣряться лишь съ размѣрами преступленія и съ трудностью избѣгнуть наказанія для преступника. Всѣ заявленія о томъ, что такой-то присяжный повѣренный взялся за такое-то «грязное дѣло» намъ кажутся просто смѣшными». Конечно на вкусъ товарища нѣтъ: вотъ мичманъ Антонъ Ивановичъ Пѣтуховъ начиналъ смѣяться даже и тогда, когда ему просто одинъ палецъ покажутъ. Другой смѣется, когда ему говорятъ: «а вѣдь ты плутъ, братецъ!» Но не всегда можно смѣяться безотчетнымъ смѣхомъ публично. Можемъ увѣрить автора цитируемой статьи, что нисколько не смѣшны заявленія о томъ, что такой-то присяжный повѣренный взялся добровольно за защиту «грязнаго дѣла»; тѣмъ менѣе смѣшны эти заявленія, когда берутся за это дѣло ради большихъ матеріальныхъ выгодъ. Или авторъ статьи думаетъ, что кто-нибудь повѣритъ, что защитникъ взялся добровольно защищать «грязное дѣло», сулящее большой доходъ, не ради корыстныхъ расчетовъ, а ради какихъ-нибудь болѣе высокихъ цѣлей, ради выясненія истины? Или онъ думаетъ, что

«грязныхъ дѣлъ» собственно не существуетъ или, лучше сказать, что всѣ уголовныя дѣла «грязныя дѣла». Но въ такомъ случаѣ онъ смѣшиваетъ «грязное дѣло» съ преступнымъ дѣломъ. Правда, уголовныя дѣла всѣ преступны, но далеко не всѣ они грязны. Вѣдь даже во времена упадка римскаго общества адвокаты понимали, что есть «грязныя» и «не грязныя» уголовныя дѣла. Одинъ изъ извѣстныхъ русскихъ публицистовъ совершенно вѣрно замѣтилъ когда-то, что трудно рѣшить: госпожа-ли Лафаржъ отравила своего мужа или мужъ госпожи Лафаржъ сначала отравилъ ее жизнь. Ея преступленіе ужасно, но адвокатъ могъ взяться за него съ чистою совѣстью, и общество не бросило-бы въ него упрека: оно могло видѣть въ его поступкѣ желаніе при помощи своего таланта разъяснить всю предшествовавшую исторію жизни этой женщины, которую разныя обстоятельства довели до преступленія, и этимъ облегчить ея наказаніе. Это уголовное дѣло обществу казалось страшнымъ, преступнымъ, но никто не называлъ его «грязнымъ» дѣломъ. Напротивъ того, не было ни одного человѣка, который не считалъ-бы «грязнымъ дѣломъ» дѣло Пальмера—этого гнуснаго отравителя-доктора, который спроваживалъ на тотъ свѣтъ людей, чтобы воспользоваться ихъ деньгами для мотовства, конскихъ скачекъ и карточной игры. Защищать этого господина по доброй волѣ, защищать въ виду барышей—нѣтъ, этого нельзя было сдѣлать, не возбудивъ противъ себя протестовъ извѣстной части общества, и эти протесты были-бы далеко не смѣшны, особенно для того, противъ кого они были-бы направлены.

Заговоривъ объ этой статьѣ, появившейся какъ разъ во время судебного разбирательства дѣла гг. Мясниковыхъ, мы не можемъ не сказать нѣсколькихъ словъ объ этомъ дѣлѣ. Процессъ кончился оправданіемъ гг. Мясниковыхъ, но далеко не кончились и не скоро кончатся толки объ этомъ дѣлѣ. Оно долго еще будетъ интересовать юристовъ по сотнѣ различнымъ мотивовъ. Интересенъ въ немъ и тотъ промахъ, который сдѣлалъ г. Лохвицкій, промахъ, бросившійся ярко въ глаза всей присутствовавшей въ судѣ публикѣ. Дѣло было вотъ какое. Г-жа Караганова заявила, что г. Лохвицкій далъ ей денегъ. «Мнѣ угрожала голодная смерть: у меня не было приличнаго платья. Лохвицкій далъ мнѣ 200 руб., чтобъ я съѣздила въ Козмодемьянскъ и уговорила отца Караганова не являться въ судъ. Въ провозныя мнѣ далъ Лохвицкій какого-то человѣка, который и ѣхалъ все время со мною.—*Воп.* Лохвицкій вамъ поручалъ достать что-нибудь?—*Отв.* Онъ говорилъ, что если есть что нибудь важное, то чтобъ я привезла съ

собою; но главною цѣлью поѣздки было уговорить отца Караганова не являться въ судъ. Лохвицкій мнѣ совѣтовалъ также не являться сюда. — *Воп.* Какъ звали человѣка, который ѣхалъ съ вами? — *Отв.* Кажется, Иванъ Федоровичъ Петровъ. — *Г. Веселовскій* просилъ занести все это объясненіе Карагановой въ протоколъ и обращалъ вниманіе присяжныхъ засѣдателей на то, что передъ перерывомъ засѣданія Лохвицкій просилъ о прочтеніи показанія отца Караганова вслѣдствіе его неявки, между тѣмъ какъ свидѣтель этотъ явился. Въ этомъ обстоятельствѣ выразилась увѣренность Лохвицкаго, что отецъ Караганова не явится. — *Г. Лохвицкій.* Недѣли двѣ, три тому назадъ Караганова явилась ко мнѣ въ весьма жалкомъ видѣ и заявила, что ее вызываютъ въ судъ, а она не имѣетъ для этого средствъ. — «Что-же вы желаете, чтобы я далъ вамъ средство явиться въ судъ, чтобы вы отказались отъ дачи показанія и парализовали ходъ правосудія?» спросилъ я. — «Нѣтъ, я хочу сказать всю правду, тогда меня спутали», отвѣтила Караганова. — «Вы не можете показать больше того, что уже показали на предварительномъ слѣдствіи, поэтому лучше вамъ и вашему отцу вовсе не являться въ судъ и не мѣшать правосудію», совѣтовалъ я. — «Нѣтъ, я гораздо больше могу сказать», заявила Караганова; — въ Козмодемьянскѣ есть письма А. Мясникова, чрезвычайно важныя, которыя могутъ окончательно разъяснить дѣло. Мнѣ непременно нужно быть тамъ». Я возразилъ, что, сколько извѣстно изъ дѣла, А. Мясниковъ — человѣкъ весьма осторожный и умный и что едва-ли онъ могъ написать такія письма, которыя-бы могли его скомпрометировать. — «Я васъ увѣряю, что есть такія письма», отвѣтила Караганова. — «Я хочу разсказать всю правду, выяснитъ это несчастное дѣло и т. д., и т. д. «Хорошо, поѣзжайте, я вамъ дамъ на дорогу». Она взяла у меня до 40 руб., чтобы выкупить заложенное платье, и затѣмъ я далъ ей въ проводники человѣка, который-бы расплачивался за всѣ ея дорожныя расходы. Этому-то лицу она и говорила, что везетъ важныя письма, а пріѣхавъ въ Москву, исчезла, и вотъ я увидѣлъ ее только здѣсь въ судѣ. Вотъ вся исторія моихъ отношеній къ г-жѣ Карагановой». — Одинъ изъ присяжныхъ: «Это значитъ, она была на вашемъ иждевеніи?» *Предс.* замѣтилъ, что присяжные могутъ предлагать вопросы подсудимымъ и свидѣтелямъ, а не защитникамъ и гражданскимъ истцамъ. — *Г. Веселовскій.* Изъ собственныхъ словъ г. Лохвицкаго видно, что онъ принималъ мѣры къ тому, чтобы извѣстные свидѣтели, которыхъ онъ, вѣроятно, считалъ для себя вредными, не явились на судебное слѣд-

ствіе. Отсюда можно предположить, что онъ предпринималъ подобныя-же мѣры, чтобы другіе свидѣтели непременно явились. А принимать мѣры къ искусственной подготовкѣ слѣдствія не только противно закону, но и не соответствуетъ званію повѣреннаго, адвоката. — *Г. Арсеньевъ*. На основаніи 709 ст. уст. угол. судопр., никто не можетъ быть допрошенъ въ качествѣ свидѣтеля совмѣстно съ исполненіемъ по тому-же дѣлу обязанностей прокурора или защитника подсудимаго, или повѣреннаго частнаго обвинителя, или гражданского истца. Поэтому я прошу записать въ протоколъ тѣ объясненія, которыя давалъ г. Лохвицкій.

Интересно въ дѣлѣ гг. Мясниковыхъ и слѣдующее показаніе Карагановой: *Предс.* Изъ вашего показанія, написаннаго на нѣсколькихъ листахъ, видно, что во время дачи показанія, вамъ, между прочимъ, товарищъ прокурора предлагалъ вопросы, на которые вы отвѣчали согласно съ духомъ всего показанія. Какимъ образомъ объяснить это, если все показаніе, какъ вы утверждаете, было заучено вами со словъ агентовъ сыскной полиціи? — *Караганова*. Въ то время я была такъ настроена, что Богъ знаетъ, чего ни показала-бы подъ угрозами сыщиковъ. Меня увезли въ холодномъ платьѣ въ большой морозъ; я была больна, просила доктора, а сыщики говорили, что меня отпустить только тогда, когда я дамъ такое показаніе; я дала показаніе и меня черезъ два дня отпустили. — *Предс.* Почему вы не заявили судебному слѣдователю и товарищу прокурора, что васъ заставляютъ показывать противъ Мясниковыхъ? — *О.* Я боялась мщенія сыскной полиціи. — *В.* Кого-же вы боялись? Предъ вами былъ представитель судебной власти, лицо прокурорскаго надзора, обязанное слѣдить за правильностью допроса свидѣтелей, и вы не обратились къ нему. Это меня крайне удивляетъ. — *О.* Я положительно не знала, какъ мнѣ дѣйствовать. — Это уже не первый случай, когда призванные въ судъ личности отвергаютъ свои первоначальныя показанія, ссылаясь *будто-бы* на угрозы сыщиковъ. Дарья Соколова, героиня дѣла въ Гусевомъ переулкѣ, точно такъ-же прибѣгла къ этому способу отрицанія своихъ первоначальныхъ показаній. Эти факты должны навести на мысль о томъ, какъ-бы избѣжать въ будущемъ повторенія подобныхъ казусовъ, крайне вредящихъ выясненію дѣла и совершенно неожиданно путающихъ и защиту, и судей. Интересенъ въ дѣлѣ гг. Мясниковыхъ и вопросъ насчетъ судебно-медицинскаго изслѣдованія труповъ, такъ какъ дѣло шло объ отравленіяхъ. Можно-ли прибѣгать въ подобныхъ случаяхъ, несмотря на давность разсматриваемаго дѣла, къ судебно-медицинскому из-

слѣдованію труповъ или нѣтъ? Съ одной стороны, трудно надѣяться на вѣрный успѣхъ подобнаго изслѣдованія, такъ какъ прошло много лѣтъ со смерти тѣхъ лицъ, которыя умерли будто-бы отъ отравы. Съ другой — можетъ быть, можно-бы имѣть нѣкоторые шансы на успѣхъ, такъ, напр., Бѣлевъ, сколько намъ помнится, былъ похороненъ въ герметически-закушоренномъ гробу.

Судебно-медицинскія изслѣдованія въ дѣлахъ объ отравленіи, конечно, важнѣе всякихъ свидѣтельскихъ показаній, такъ какъ большая часть преступленій подобнаго рода совершается безъ свидѣтелей, и никогда никто не можетъ опредѣлить самымъ подробнымъ разсказомъ о ходѣ болѣзни умершаго, умеръ-ли послѣдній отъ отравы или просто отъ холеры, отъ воспаленія слизистой оболочки желудка и кишекъ, отъ кишечнаго кровотеченія, отъ неваренія желудка, однимъ словомъ, отъ одной изъ тѣхъ болѣзней, которыя по своимъ симптомамъ очень походятъ на болѣзни отъ отравленія. Рѣшить здѣсь насчетъ причины болѣзни можно только при помощи судебно-медицинскаго изслѣдованія трупа и открытія или неоткрытія въ немъ остатковъ яда. Въ западной Европѣ, гдѣ судебно-медицинская практика началась не со вчерашняго дня, давно поняли всю важность судебно-медицинскихъ изслѣдованій въ подобныхъ дѣлахъ и придаютъ этимъ изслѣдованіямъ гораздо больше значенія, чѣмъ простымъ свидѣтельскимъ показаніямъ, по большей части, необъясняющимъ ничего положительнаго и основаннымъ на догадкахъ и на предположеніяхъ. Подобныя изслѣдованія ядовъ въ трупахъ успѣли дойти до извѣстной степени совершенства и рѣдко бываютъ теперь ошибочны, такъ какъ судебно-медицинская практика западной Европы дала тысячи случаевъ, на которыхъ врачамъ-слѣдователямъ можно было усовершенствоваться способы изслѣдованій. Это легко понять, вспоминая, какъ богата цифрами статистика отравленій въ западной Европѣ. Въ Англіи, напр., въ 1837 и въ 1838 годахъ было изслѣдовано 330 случаевъ отравленій, причемъ было отравлено:

Опіумомъ	197 чел.
Мышьякомъ	185 »
Сѣрной кислотой	32 »
Синильной кислотой	27 »
Щавельной кислотой	19 »
Сулемею, ртутью	13 »
Сложными отравами	14 »
Масломъ горькихъ миндалей	4 »
Грибами	4 »

Цѣлибухой	3	»
Безвременнымъ цвѣтомъ	3	»
Аконитомъ	2	»
Селитрянной кислотой, стрихни- номъ, белладонной, каенскимъ перцемъ и т. д.	11	»
Неизвѣстно чѣмъ	14	»

Итого. . . 530 чел.

Въ 1840 году случаевъ отравленій въ Англіи было 349 и изъ нихъ 161 случай принадлежалъ къ числу самоубійствъ, а 188 случаевъ къ числу челоѣкоубійствъ. Далѣе въ 1848 г. было 569 случ.; въ 1849 году—526 случ.; въ 1850 году—553 случ.; въ 1851 году—528 случ.; въ 1852 году—553 случ.; въ 1853 году—489 случ. Во Франціи съ 1851 года по 1863 годъ было 617 случаевъ отравленій, засвидѣтельствованныхъ судебнымъ слѣдствіемъ. Въ числѣ обвиненныхъ за преступленія было 219 мужчинъ и 260 женщинъ. Это-то большое число подобнаго рода дѣлъ дало возможность западно-европейскимъ ученымъ довести до замѣчательнаго совершенства всевозможные способы изслѣдованія ядовъ въ трупахъ. На этомъ пути трудились самые разнородные ученые, здѣсь встрѣчаются имена Орфила, Тардѣ, Руссена, Грэма, Тайлора, Летеби, Бухнера, Штейнгейзера, Винклера, Фрезеніуса, Ридерера и т. д. Здѣсь не мѣсто указывать на тѣ или другіе способы, при помощи которыхъ эти люди старались сдѣлать свои изслѣдованія болѣе точными и безошибочными. Мы хотимъ только замѣтить о тѣхъ выводахъ насчетъ силы судебно-медицинскаго изслѣдованія отравленія, къ которымъ пришли эти ученые. «Нѣтъ такого яда, говорятъ они, слѣды котораго было-бы невозможно найти въ трупѣ сейчасъ послѣ смерти челоѣка». «Но важень вопросъ, замѣчаетъ Тардѣ, остается-ли ядовитое вещество въ трупѣ, измѣняется-ли оно, разрушается-ли оно, подвергается-ли оно или противится всѣмъ измѣненіямъ, происходящимъ послѣ смерти въ трупѣ, среди тѣхъ условій, при которыхъ обыкновенно находится прахъ челоѣка». «На этотъ вопросъ, продолжаетъ Тардѣ, — нельзя отвѣчать общими фразами, такъ какъ различныя яды оказываютъ различное сопротивленіе однимъ и тѣмъ-же вліаніямъ». Органическіе яды, правда, подвергаются измѣненіямъ быстрѣе, чѣмъ минеральныя, но даже и здѣсь очень нерѣдко можно отыскать слѣды отравленія черезъ много лѣтъ. Подобные случаи смѣсь и рядомъ встрѣчались въ судебно-медицинской практикѣ.

Что-же касается минеральных ядовъ, то они хотя и подвергаются различнымъ измѣненіямъ, но все-таки очень долго могутъ сопротивляться разнымъ вліяніямъ. Ихъ измѣненія происходятъ такъ медленно, что даже черезъ много лѣтъ, когда остается хотя нѣсколько частицъ отъ тѣла, химія можетъ съ полной увѣренностью отыскать слѣды минеральныхъ ядовъ, особенно въ томъ случаѣ, когда могила была выложена кирпичемъ или когда гробъ былъ сдѣланъ изъ дуба, герметически закупоренъ и т. п., то-есть когда внѣшнія вліянія, способствующія разложенію, не могли быть такъ сильны, какъ это бываетъ при погребеніи трупа въ гробу, легко поддающемся гніенію, и въ простой сырой могилѣ, сильно способствующей разложенію погребенныхъ труповъ. Какъ долго противятся минеральные яды враждебнымъ вліяніямъ видно изъ того, что, напримѣръ, Фрезениусъ нашелъ въ остаткахъ желудка, кишокъ, сердца и печени трупа одного мужчины, похороненнаго за 4 года, слѣды мышьяка; такъ-какъ земля около гроба и надъ гробомъ не заключала въ себѣ частицъ мышьяка, то Фрезениусъ и пришелъ къ заключенію, что покойникъ умеръ отъ отравы, что и было впоследствии подтверждено судебнымъ слѣдствіемъ. Еще поразительнѣе фактъ изъ практики Штейнгейзера. Штейнгейзеръ утверждаетъ, что онъ открылъ мышьякъ въ остаткахъ трупа черезъ 22 года послѣ погребенія тѣла. Его изслѣдованіе было сдѣлано такъ тщательно и осторожно, что нельзя заподозрить его во лжи. Подобные факты даютъ право западно-европейской судебной практикѣ ни на минуту не останавливаться передъ судебно-медицинскимъ изслѣдованіемъ труповъ, какъ-бы ни было отдаленно время ихъ погребенія. И это вполне разумно: судъ съ одной стороны долженъ сдѣлать все зависящее отъ него для того, чтобы съ точностью опредѣлить, было-ли совершено преступленіе или нѣтъ; съ другой—онъ не долженъ отступать ни передъ чѣмъ, чтобы дать возможность подозрѣваемымъ личностямъ оправдаться отъ вводимаго на нихъ преступленія. Западно-европейская судебная практика очень хорошо знаетъ, что только совокупность уликъ можетъ заставить присяжныхъ съ чистой совѣстью и полной увѣренностью сказать свое да или нѣтъ. Очень часто одни свидѣтельскія показанія безъ судебно-медицинскаго изслѣдованія и, на оборотъ, одно судебно-медицинское изслѣдованіе безъ свидѣтельскихъ показаній придаютъ процессу такой шаткій характеръ, что одно и тоже дѣло одни присяжные рѣшаютъ оправданіемъ, а другіе обвиненіемъ. Общественное мнѣніе при этомъ раздѣляется на двѣ партіи: одни обвиняютъ, другіе одобряютъ рѣшеніе присяжныхъ, но никто не хочетъ понять того, что въ сущности

и да и нѣтъ здѣсь говорится наугадъ и одинаково страдаетъ недостаткамъ твердыхъ основаній, что этихъ основаній нѣтъ потому, что судебное слѣдствіе не могло или не умѣло выяснитъ дѣло со всѣхъ сторонъ, во всей его полнотѣ. Именно такое темное дѣло было недавно въ Англій въ эссекской уголовной палатѣ. Елена Венденъ, двадцати-пяти-лѣтняя дочь эссекскаго фермера, жила съ отцомъ и съ матерью, на принадлежащей имъ небольшой мызѣ въ Гретъ Бромли, близъ Маннинтры. Работникомъ на мызѣ Вендена былъ нѣкто Кеттель, жившій съ женою и съ нѣсколькими дѣтьми въ небольшомъ домикѣ, въ полъ-мили оттуда. Кеттель жилъ съ женою очень дурно и безпрестанно укорялъ ее за лѣность, такъ—какъ она уже нѣсколько лѣтъ страдала печенью. Пользуясь возможностью бывать часто на фермѣ, онъ началъ ухаживать за дочерью хозяина и успѣлъ расположить ее къ себѣ. 5-го октября прошедшаго года, жена Кеттеля была съ дѣтьми въ полѣ; туда-же пришла и Елена и принесла имъ черносливу и нѣсколько бутылокъ пива. Они всѣ вмѣстѣ пили пиво и ѣли черносливъ и въ тотъ-же вечеръ всѣ захворали разстройствомъ желудка, не исключая и Елены, которая однако-же скоро поправилась. Дѣти также выздоровѣли; но жена Кеттеля захворала серьезно и на слѣдующіе дни ей дѣлалось все хуже и хуже. Наконецъ, 8 числа позвали доктора; онъ прописалъ ей лекарство и уходя сказалъ: «она больна отъ дурной пищи, ей нужно хорошаго супу». Въ одно время съ докторомъ пришла и Елена, которая всѣ эти дни вовсе не показывалась въ домѣ Кеттеля. Вскорѣ послѣ доктора ушла и она, но на другой день пришла опять и принесла теплаго супу, который больная съ жадностью съѣла. Къ вечеру этого дня ей сдѣлалось опять хуже, она въ бреду соскочила съ постели, упала, ударила голову о стоявшій вблизи постели кувшнъ, жестоко расшибла голову и впала въ безпамятство, изъ котораго уже не приходила въ себя до самой смерти, послѣдовавшей утромъ 10-го числа. Призванный докторъ объявилъ непосредственною причиною смерти истеченіе крови, происшедшее отъ ушиба.

Тотчасъ послѣ смерти г-жи Кеттель Елена вступила въ домъ Кеттеля въ роль хозяйки, распорядилась похоронами, начала ходить за дѣтьми, учить ихъ и т. д. Два мѣсяца спустя, она съ согласія родителей, вышла замужъ за Кеттеля. Такое поведеніе съ ея стороны возбудило подозрѣніе сосѣдей; въ деревнѣ начались толки; дошло дѣло до полиціи, и ея распоряженіями тѣло г-жи Кеттель, лежавшее въ землѣ уже нѣсколько мѣсяцевъ, было вырыто и вскрыто. Въ желудкѣ умершей найдено было пять грановъ мышьяку, количество

весьма достаточное для того, чтобы причинить смерть. Самъ Кеттель и Елена были арестованы. Начался допросъ. Елена была беременна на послѣднихъ числахъ; во время допроса наступили муки, и ее унесли изъ залы засѣданія, и въ тотъ-же день она родила сына. Врачи объявили, что младенцу уже девять мѣсяцевъ, фактъ доказывающій, что Кеттель и Елена были въ близкихъ отношеніяхъ еще до смерти г-жи Кеттель. Допросы были отложены и послѣ выздоровленія Елены возобновились. По строго произведенному слѣдствію оказалось, что не задолго передъ смертью г-жи Кеттель у Елены былъ мышьякъ, но не чистый, а съ примѣсью яри, мѣдянки и свиного жира, смѣсь до того отвратительная, что дать ее внутрь кому-нибудь обманомъ нѣтъ никакой возможности. У самого-же Кеттеля мышьяку, какъ оказалось, не было и достать ему его было неоткуда. Поэтому онъ былъ освобожденъ отъ суда, и всѣ подозрѣнія сосредоточились исключительно на Еленѣ. Противъ обвиняемой было много причинъ къ подозрѣнію; нѣкоторые свидѣтели показали, между прочимъ, что она при жизни Кеттель поносила ее заочно въ самыхъ грубыхъ выраженіяхъ и нѣсколько разъ говорила, что пора ей издохнуть; другіе, что, когда ее вели съ мужемъ въ тюрьму, она сказала ему: «помни, гдѣ ты, и я буду помнить, гдѣ я. Я знаю, что знаю, и ты знай, что знаешь!» Говорили также, что она въ самый день смерти при Кеттель искала въ домѣ бутылокъ, въ которыхъ принесла въ поле пиво, и, не находя ихъ, замѣтно тревожилась. Но такъ-какъ всѣ эти обстоятельства не составляютъ несомнѣнной улики и судъ не вправѣ былъ обвинить подсудимую, на основаніи того только, что кромѣ ея не кому было совершить преступленія, то она и была оправдана. Процессъ этотъ сильно интересовалъ публику, и въ день произнесенія приговора зала было биткомъ набита. Подсудимая красивая, молодая женщина, съ лицомъ очень симпатичнымъ, открытымъ и даже веселымъ. Во все время допросовъ она обнаруживала замѣчательное самообладаніе. Родственники ея, отецъ, мать и сестра, обнаруживали сильное волненіе, а она слѣдила за ходомъ дѣла, хотя съ величайшимъ вниманіемъ, но совершенно хладнокровно, какъ будто рѣчь шла не о ней. Спокойствіе это измѣнило ей только въ ту минуту, когда судьи произнесли многозначительное «не виновна»; она вспыхнула и радостно поблагодарила судей, потомъ, какъ-бы вдругъ сознавъ всю тяжесть обвиненія, на нее падавшего, упала на скамью и залилась слезами. Этотъ приговоръ присяжныхъ возбудилъ толки въ обществѣ: одни говорили, что присяжные покривили душою, другіе говорили, что присяжные поступили вполне справедливо. Но тутъ, очевидно, присяж-

ные были не приче́мъ, они могли рѣшить съ одинаковымъ спокойствіемъ и *за и противъ*, такъ-какъ слѣдствіе было, по зависящимъ или независящимъ отъ слѣдователей причинамъ, неудовлетворительно.

Заговоривъ объ интересныхъ уголовныхъ процессахъ, мы не можемъ не представить отчета объ одномъ дѣлѣ, разбиравшемся недавно въ Орлѣ. 25-го октября, въ орловскомъ окружномъ судѣ разбиралось уголовное дѣло о 20-ти лѣтней крестьянкѣ Василисѣ Мусатовой, удавившей своего мужа.

Дѣло это, привлекшее многочисленную публику, заслуживаетъ по крайнему интересу своему въ научномъ отношеніи серьезнаго вниманія литературы и спеціалистовъ-психіатровъ.

Судебное слѣдствіе, сложившееся изъ подробнаго сознанія самой подсудимой и показаній ближайшихъ родственниковъ убитаго, жившихъ вмѣстѣ съ нимъ и Василисой, выяснило слѣдующее: крестьянка Василиса Мусатова вышла добровольно замужъ за молодого крестьянина деревни Разбѣгаевки, который былъ старше ея годами тремя, парень крѣпкій, здоровый и не имѣвшій никакихъ органическихъ или эротическихъ недостатковъ.

Они любили другъ друга, никогда не ссорились; Василиса Мусатова была необыкновенно кротка, работяща и, какъ выразилась свидѣтельница — жена родного брата убитаго, — «они съ мужемъ любили на Василису, какъ на свое *дитѣ*.» Черезъ 1½ года послѣ бездѣтнаго супружества Мусатовыхъ, 28 февраля 1871 года, братъ убитаго, вмѣстѣ съ своей женой, отправились къ врачу, въ сосѣдную деревню, а Василиса, мужъ ея и 2-хъ-лѣтняя дѣвочка остались дома. Возвратившись отъ врача, братъ убитаго нашелъ Мусатова только черезъ нѣсколько часовъ, въ переулкѣ, удушеннаго двумя веревками. На слѣдующее утро Василиса Мусатова добровольно рассказала старшинѣ, что она удавила мужа, что, оставшись вдвоемъ, они стали играть на полу, и она въ шутку связала мужу руки кушакомъ, затѣмъ стала требовать, что-бы онъ назвалъ *ее по имени*, чего прежде, по ея словамъ, онъ никогда не дѣлалъ. Мужъ отвѣтилъ ей на это:

— Не могу назвать и рукъ не дамъ развязать.

Потомъ спросилъ ее: «Что ты со мной хочешь дѣлать?» она отвѣчала: «Если хочешь жить, такъ назови по имени». Мужъ сказалъ, что хочетъ умереть и прибавилъ: «души меня!» Тогда Василиса схватила лежавшую на лавкѣ бичевку и, стянувъ мужу горло, завязала двумя мертвыми узлами, а когда онъ умеръ, отрѣзала отъ зап-

тей новую веревку и еще разъ стянула ему горло, а затѣмъ вынесла его въ сѣни и закрыла соломой.

Когда-же пріѣхалъ братъ убитаго и пошелъ его искать, она вынесла тѣло мужа въ переулочъ. На судѣ обвиняемая повторила тоже самое и на вопросы врачей-экспертовъ добавила, что у нея часто болѣло подъ ложечкой, что она чувствовала тоску, что, совершивши убійство, она почувствовала легкость въ головѣ, а вполсѣдствіи раскаяніе и жалость къ мужу. Изъ показаній старшины и ближайшихъ родственниковъ убитаго, жившихъ въ одномъ домѣ съ нимъ, выяснилось вполнѣ, что она была безукоризненнаго поведенія, весела и добра. Врачи-эксперты признали ее здоровою, но дѣйствовавшюю подъ вліяніемъ раздраженія. Защитникъ подсудимой, Л. Е. Оболенскій, старался выяснитъ своими вопросами, обращенными къ врачамъ, слѣдующее: во 1-хъ, что мысль, преслѣдовавшая Мусатову и состоявшая въ томъ, что мужъ не называетъ ее по имени, была *idée fixe* меланхолическаго свойства, что слова, сказанныя Мусатовой мужемъ, были галлюцинаціей слуха и что самое убійство было совершено подъ вліяніемъ *raptus melancholicus*.

Врачи находили этотъ взглядъ ложнымъ по слѣдующимъ основаніямъ: въ гнетущей идеѣ Мусатовой они не находили признаковъ меланхоліи на томъ основаніи, что у народа считается признакомъ «нелюбви», если мужъ не называетъ жену по имени. Въ словахъ, сказанныхъ Мусатовымъ передъ смертью, они не хотѣли признать галлюцинацію потому, что «голоса» меланхоликовъ почти никогда не исходятъ отъ существа, на которое обрушивается «*raptus*».

Вообще, они не признавали въ данномъ случаѣ меланхоліи потому, что въ Мусатовой, бывшей черезъ 6 мѣсяцевъ послѣ убійства на испытаніи въ больницѣ, они не замѣтили ничего безумнаго, что меланхолія должна-бы была оставить въ ней слѣды нелѣпныхъ идей, что боль подъ ложечкой, головная боль и тоска должна-бы были въ ней остаться послѣ убійства, что до убійства она никому не жаловалась на эти припадки и что меланхолія влечетъ къ разрушительнымъ дѣйствіямъ въ томъ развитіи своемъ, когда ужъ болѣзни нельзя не замѣтить. На это Оболенскій возражалъ, ссылаясь на Гринингера, Модсли и Крафтъ-Эбинга, что меланхолія выражается, напротивъ, буйными дѣйствіями въ началѣ болѣзни (Гринингеръ), что необъявленіе никому изъ окружающихъ о тоскѣ, боли подъ ложечкой и головной боли, понятно въ крестьянскомъ быту, гдѣ люди не нѣжничаютъ. Что меланхолики скрываютъ болѣзнь свою. Что внѣшній голосъ, слышимый больными, можетъ исходить откуда угодно, и наука нигдѣ

не установила объ этомъ положительнаго правила и должна въ данномъ случаѣ признать подлежащій фактъ за галлюцинацію, безъ чего его нельзя никакъ объяснить рациональнымъ образомъ. Что, по мнѣнію Гривингера и Крафтъ-Эбинга, меланхолики освобождаются отъ безумной идеи, когда выразятъ ее разрушительнымъ дѣйствіемъ, что на удаленіи внѣшнихъ причинъ и среды, повліявшей на зарожденіе и развитіе болѣзни, основывается психическое леченіе больныхъ, и иногда, по свидѣтельству Гривингера, полное излеченіе. Что, такимъ образомъ, принимая во вниманіе почти двухгодичное пребываніе Мусатовой въ тюрьмѣ, удалившее ее отъ всѣхъ прежнихъ вліяній, принимая также во вниманіе, очевидно ранній періодъ болѣзни и потрясающее «критическое дѣйствіе», удалившее гнетущую идею, можно допустить, что болѣзнь ея совершенно прекратилась. Что, кромѣ того, признаки полного выздоровленія, указанные экспертами, не составляютъ дѣйствительнаго критериума, какъ свидѣтельствуешь Модсли. Что дальнѣйшія проявленія внутренней жизни Мусатовой, выразившіяся въ безпричинной жестокости (вторая веревка), въ облегченіи, въ небывалой силѣ при выносѣ трупа, наконецъ, въ раскаяніи и самоносѣ, совершенно совпадаютъ съ явленіями, описанными у Гривингера, Модсли и Крафтъ-Эбинга. Что ясное сознаніе и память о всемъ совершенномъ, на которыя указывали эксперты, не исключаютъ меланхоліи, а исключаютъ только такъ-называемую *mania transitoria*, при которой дѣйствительно теряются память и сознаніе совершеннаго послѣ, такъ-называемаго, критическаго сна.

Относительно того, что это убійство не совершено подъ вліяніемъ простаго раздраженія, подводившаго обвиняемую подъ 1455 ст. Улож. въ ея старой редакціи (ибо преступленіе было совершено до изданія 2-го примѣчанія къ этой статьѣ), г. Оболенскій высказалъ то соображеніе, что у здороваго человѣка не можетъ быть безъ причины такого страшнаго раздраженія, которое довело-бы его до убійства любимаго и дорогаго существа; что эксперты и прокуроръ, настаивая на простомъ раздраженіи, не указываютъ источника, откуда оно могло явиться. При этихъ-же условіяхъ, то-есть при его полной безпричинности, оно не можетъ быть признано простымъ раздраженіемъ здороваго человѣка, а должно быть признано умозаступленіемъ человѣка больнаго.

Присяжные признали Мусатову совершившею преступленіе въ припадкѣ умозаступленія, подъ вліяніемъ болѣзни, и судъ освободилъ ее отъ всякой ответственности. На публику приговоръ произвелъ самое пріятное впечатлѣніе и для Мусатовой собрали денегъ. Ска-

жемъ нѣсколько словъ о внѣшности подсудимой: она небольшого роста, довольно худощава и очень миловидна, говорить умно, правильнымъ языкомъ, рассказываетъ до малѣйшихъ подробностей обо всемъ, на вопросы отвѣчаетъ кротко и толково. Нельзя не порадоваться и за подсудимую и за ея даровитаго защитника.

Но, являясь, какъ мы говорили, активными въ дѣлахъ наживы, мы остаемся вполне пассивными тамъ, гдѣ дѣло не обѣщаетъ намъ прямыхъ денежныхъ барышей сейчасъ-же. Особенною пассивностью отличаемся мы въ дѣлѣ народнаго образованія. Число начальныхъ школъ и учащихся въ Россіи: въ 38 коренныхъ губерніяхъ населенія—48,820,000 душъ, число начальныхъ школъ въ нихъ 10,091, учащихся 285,425, учится грамотѣ *одинъ* изъ 540 человекъ. Въ 3-хъ остзейскихъ губерніяхъ населенія 1,800,000 душъ, число начальныхъ школъ въ нихъ—1,969, учащихся—93,254, учится грамотѣ *одинъ* изъ 19. Въ 10 привисленскихъ губерніяхъ населенія — 4,900,000 душъ, число школъ — 2,032, учащихся — 120,633 человекъ, — учится одинъ изъ 37 человекъ. Но что хуже всего, мы остаемся пассивными въ этомъ дѣлѣ даже и тогда, когда жертвуемъ на него немалыя деньги. Мы лучше готовы въ этомъ случаѣ раскошелиться, чѣмъ сбросить съ себя свою лѣнь, свою склонность сидѣть въ халатѣ и воображать, что дѣло пойдетъ само собою. Въ прошлой книжкѣ нашего журнала былъ показанъ такой примѣръ: подолянская школа, основанная московскимъ земствомъ, стояла земству большихъ денегъ, а между тѣмъ само земство очень мало заботится о ходѣ дѣлъ въ этой школѣ и отдало ее въ полное распоряженіе директора, который едва-ли употребитъ съ пользою земскія деньги. По крайней мѣрѣ, до сихъ поръ въ результатѣ оказывается очень мало утѣшительнаго. Эта пассивность въ дѣлѣ народнаго образованія приводитъ къ тому, что земства затрачиваютъ немалыя суммы на земскія школы, а между тѣмъ эти школы даютъ самые печальные плоды. Но этого мало. Не заботясь о своихъ школахъ, не наблюдая за ними, земство доводитъ себя до того, что вызываетъ сомнѣніе въ своей способности къ полной самодѣятельности по этому дѣлу. По положенію 1864 года управленіе народными училищами было устроено у насъ такимъ образомъ: правительство стоитъ какъ-бы въ сторонѣ отъ народныхъ училищъ во всѣхъ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, предоставивъ это столь важное дѣло общественной самодѣятельности. Все это дѣло ввѣрено и возложено на уѣздные и губернскіе училищные совѣты, изъ которыхъ первые состоятъ изъ членовъ по одному отъ министерства народнаго просвѣщенія, внутреннихъ дѣлъ, духовнаго

вѣдомства православнаго исповѣданія и отъ тѣхъ вѣдомствъ, которыя содержатъ у себя народныя начальныя училища, двухъ членовъ отъ уѣзднаго земскаго собранія и члена отъ городского общества въ тѣхъ городахъ, гдѣ есть начальныя народныя училища, содержимыя на счетъ городскихъ суммъ; губернскіе училищныя совѣты состоятъ изъ мѣстнаго архіерея, какъ первенствующаго члена, начальника губерніи, директора училищъ и двухъ членовъ отъ губернскаго земскаго собранія. Заручившись такою широкою властью, земству оставалось показать на практикѣ, что оно умѣетъ само заботиться о томъ дѣлѣ, на которое оно расходуетъ свои кровныя деньги. Ему приходилось доказывать, что оно стоитъ выше тѣхъ верхоглядовъ, тѣхъ болтуновъ, которые умѣютъ только говорить и отыскивать во всемъ недостатки, а не умѣютъ явиться истинными дѣятельными слугами общества. Но что-же дѣлало земство? Въ большой части уѣздовъ, по свидѣтельству «Московскихъ Вѣдомостей», вовсе не оказывалось ни земскихъ, ни городскихъ представителей, хотя сколько-нибудь способныхъ руководить ходомъ народнаго образованія. Нерѣдко черезъ губернскіе совѣты министерство народнаго просвѣщенія посылало книги и деньги въ народныя школы, но большая часть денегъ обращена была въ доходъ казны за невостребованіемъ ихъ во время совѣтаній, а книги оставались не разосланными по школамъ. Объ одномъ изъ подобныхъ фактовъ уже упоминалось однажды въ хроникѣ нашего журнала, гдѣ рассказывалось, что одна изъ сельскихъ школъ, не имѣя вовсе книгъ, ожидала, что ей «скоро выдадутъ книги, такъ-какъ носился слухъ, что гдѣ-то *уже давно лежитъ присланный тюкъ съ книгами*». Богъ знаетъ, дождалась-ли она выдачи этого тюка съ книгами! Но этого мало: различныя газетныя корреспонденты постоянно сообщали, что въ иныхъ мѣстахъ училищныя совѣты вовсе не собираются, а въ иныхъ, если и не забываютъ вовсе своей обязанности, то собираются рѣдко; въ иныхъ мѣстахъ они совѣтамъ не заглядываютъ въ училища для осмотра ихъ, а въ другихъ, если и осматриваютъ, то, видимо, не зная, какъ это дѣлать и не понимая своей задачи. Въ иныхъ мѣстахъ дѣло идетъ еще хуже. Не смотря на разныя реформы, совершившіяся въ Тульской губерніи въ 5, 7 и 9 лѣтъ тому назадъ, народъ остается тѣмъ-же темнымъ, какимъ былъ и до нихъ. Въ последнее время всѣ слѣды школъ исчезаютъ. *Можно села считать подъ рядъ цѣлыми десятками, въ которыхъ нѣтъ ни одной школы*. Съ переходомъ школъ въ вѣденіе земства, послѣднія стали быстро исчезать, а въ селахъ, гдѣ прежде духовенство обучало до

50—80 мальчиковъ, теперь учатся у какого-нибудь попоморя 3—4 человѣка.

Все это было болѣе, чѣмъ грустно, особенно потому, что именно въ этомъ случаѣ министерство народнаго просвѣщенія очень сильно полагалось на наше земство и ожидало, что земство честно исполнитъ возложенную на него обязанность и вполнѣ воспользуется своимъ правомъ. На это, конечно, можно было надѣяться: вѣдь земство состоитъ не изъ какихъ-нибудь недоучившихся мальчишекъ, оно состоитъ изъ людей солидныхъ, изъ людей серьезныхъ, свысока толкующихъ объ общественныхъ дѣлахъ.

Оно могло, конечно, ознакомиться съ ходомъ народнаго образованія въ другихъ странахъ и понять, что народное образованіе во всѣхъ этихъ странахъ шло дурно не столько потому, что на него отпускалось мало денегъ, сколько потому, что за нимъ мало наблюдало общество. Такъ въ Англіи дѣло народнаго образованія шло дурно или, лучше сказать, вовсе не существовало до тѣхъ поръ, пока различныя церкви господствовавшаго духовенства могли, избѣгая всякаго контроля, похищать въ свою пользу деньги, шедшія на школы. Такъ во Франціи дѣло народнаго образованія шло дурно потому, что общество совсѣмъ отстранилось отъ этого дѣла и полагалось во всемъ на то или другое правительственное учрежденіе. Такъ въ Швейцаріи дѣло народнаго образованія, которое располагаетъ далеко не большими суммами, идетъ отлично именно потому, что общество постоянно заботится о немъ, контролируетъ школы и учителей до такой степени, что каждый швейцарецъ дѣло школы считаетъ своимъ дѣломъ. Конечно, наши земскіе серьезные мужи все это читали, все это сообразили: вѣдь они не школьники, не вѣтрогоны, не мальчишки. Но все-таки они не стукнули пальца о палецъ, чтобы оказаться достойными того положенія, въ которое они были поставлены министерствомъ народнаго просвѣщенія. Теперь министерство увидало послѣ семилѣтняго опыта, что училищные совѣты не принесли той пользы, какой отъ нихъ ожидали и не двинули впередъ дѣла начальнаго народнаго образованія, напротивъ, по официальнымъ отчетамъ можно сказать, что эти совѣты тормозятъ дѣло народныхъ училищъ, ихъ надзору и попеченію ввѣренныхъ. И вотъ изъ помѣщенной въ сентябрьской книжкѣ «Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія» статьи «Объ устройствѣ управленія народными училищами», мы узнаемъ, что министерство рѣшилось измѣнить ту систему, какая утверждена положеніемъ 1864 года, и принять новую, основанную на иныхъ началахъ. Если, учреждая училищные совѣты, оно

становилось какъ-бы въ сторонѣ отъ управленія дѣлами народныхъ училищъ, возлагая главную заботу и руководство на городскихъ и земскихъ представителей, то теперь, напротивъ, убѣдившись, что безграничное управленіе училищнымъ дѣломъ со стороны этихъ представителей ведетъ къ ущербу училищнаго дѣла, рѣшается обратиться къ принципу правительственнаго наблюденія и руководства въ упомянутомъ дѣлѣ. Въ этомъ смыслѣ министерствомъ внесено въ государственный совѣтъ представленіе о новомъ устройствѣ училищныхъ совѣтовъ. Новый проектъ направленъ къ тому, чтобы придать болѣе дѣйствительнаго значенія инспекціи народныхъ училищъ въ тѣхъ губерніяхъ, гдѣ введены земскія учрежденія, чтобы открыть, однимъ словомъ, болѣе мѣста и простора вліянію министерства и его руководству. Съ этой цѣлью училищные губернскіе совѣты предпологается подчинить попечителямъ учебныхъ округовъ и дать имъ организацію нѣсколько сходную съ существующею въ сѣверо-западномъ краѣ, гдѣ начальными училищами завѣдываютъ особые директора, съ состоящими при нихъ совѣтами изъ инспекторовъ народныхъ училищъ и членовъ отъ православнаго духовенства и отъ вѣдомствъ, содержащихъ училища. Всѣхъ дирекцій шесть и при нихъ 24 инспектора, которые имѣютъ полную возможность ежегодно производить осмотръ училищамъ и заправлять дѣломъ обученія въ нихъ. Такъ точно и по новому проекту предполагается въ каждой губерніи учредить дирекцію училищъ съ состоящимъ при ней совѣтомъ. Председателемъ въ этомъ совѣтѣ явится директоръ народныхъ училищъ. Стремленіе министерства при этомъ направляется къ тому, чтобы самый составъ совѣтовъ сдѣлать такимъ, чтобы они дѣйствительно привносили и могли приносить пользу училищному дѣлу. Поэтому въ составъ губернскихъ училищныхъ совѣтовъ войдутъ два, а въ составъ уѣздныхъ одинъ членъ отъ министерства народнаго просвѣщенія, да еще члены отъ министерства внутреннихъ дѣлъ, по выбору губернатора, членъ православнаго духовенства по выбору епархіальнаго съѣзда въ губернскій совѣтъ и училищнаго окружнаго съѣзда въ уѣздный и, наконецъ, два члена отъ земства. Кроме того, въ уѣздный училищный совѣтъ полагается и представитель города въ томъ случаѣ, если городское общество жертвуетъ на школы. Что касается председательства въ уѣздномъ училищномъ совѣтѣ, то его предполагается возложить на инспектора народныхъ училищъ; впрочемъ, это не неизбѣжно: если въ числѣ членовъ найдется лицо, опытное въ педагогическомъ дѣлѣ, то министръ народнаго просвѣщенія можетъ назначить его и председателемъ.

Итакъ, хотя училищныя совѣты и будутъ существовать, но уже ими будетъ руководить министерство, такъ какъ они сами оказываются неспособными ни къ какой самодѣятельности. Сначала эти училищныя совѣты были настолько самостоятельны, что жалобы на нихъ могли быть приносимы только правительствующему сенату, теперь они будутъ вполне подчинены министерству. Что-жъ, tu l'as voulu, George Dandin!

Пассивную роль земства въ настоящемъ дѣлѣ, пожалуй, можно-бы еще было объяснить тѣми причинами, которыми объясняется и въ другихъ странахъ холодность общества къ народному образованію. Но ужь холодность земства ко-всѣмъ другимъ сторонамъ общественной жизни, касающимся именно тѣхъ людей, которые стоятъ во главѣ его, конечно, нельзя ничѣмъ объяснить, кромѣ привычки думать и заботиться только о томъ, что сразу можетъ дать хорошіе барыши, или привычки вездѣ и всегда смотрѣть на все сложа руки, хотя каждый земець очень хорошо знаетъ, что подъ лежащей камень и вода не течетъ. Такъ высшія училища, находящіяся въ рукахъ земства, основанныя и поддерживаемыя на его деньги, дающія воспитаніе дѣтямъ его представителей, должны-бы были, повидимому, поглощать все его вниманіе. Но что-же мы видимъ? Передъ нами лежатъ письма къ елисаветградскому земству, напечатанныя отдельной брошюрой г. Деркачевымъ и касающіяся вышлага земскаго реального училища, основаннаго елисаветградскимъ земствомъ. Читая эти письма, просто не вѣришь своимъ глазамъ. Изъ этихъ писемъ оказывается, что члены правленія училища и земскій директоръ почти никогда не посѣщали втеченіи двухъ лѣтъ классовъ во время классныхъ запятій; деньги, отпущенныя земствомъ на приготовительный классъ, израсходовались непроизводительно, а класса все-таки нѣтъ; протоколы педагогическаго совѣта, несмотря на предложеніе печатать ихъ бесплатно въ «Сборникѣ Херсонскаго Земства», не печатались, земскій директоръ дѣлныхъ полтора года подвергалъ протоколы совѣта предварительному исправленію, дѣлая въ нихъ измѣненія и дополненія, согласно своему усмотрѣнію; онъ терялъ эти протоколы или предлагалъ ихъ къ поднеси черезъ значительный промежутокъ времени, иногда черезъ годъ послѣ засѣданія; земскій директоръ держалъ пансіонеровъ, хотя директорамъ, напримѣръ, правительственныхъ гимназій запрещается держать пансіонеровъ и хотя самъ земскій директоръ признаетъ, что «держатъ пансіонеровъ можно не иначе, какъ съ разрѣшенія начальства»; преподаватели ни въ домахъ членовъ правленія училища, ни въ самомъ правленіи не

бываютъ и потому не имѣютъ возможности заявлять свои требованія и мысли о дѣлахъ училища; все, что знаютъ члены правленія о дѣлахъ училища, они знаютъ со словъ земскаго директора и пр. и пр. При такихъ порядкахъ, при полной несамостоятельности педагоговъ, при полномъ произволѣ земскаго директора, при полномъ бездѣйствіи членовъ правленія и при полномъ равнодушіи земства, конечно, дѣло не можетъ идти хорошо, и въ протоколѣ 13 ноября 1871 года директоръ увидаль, что *«ученики реального училища учатся по всемъ предметамъ очень дурно»*, о чемъ и пришлось заявить въ педагогическомъ совѣтѣ. Этого-ли ждало земство отъ своего училища? Для такихъ-ли результатовъ оно основало рядомъ съ правительственными учебными заведениями и земское училище? Послѣ такихъ результатовъ г. Деркачевъ имѣетъ полное право прийти къ тому выводу, къ которому онъ и приходитъ въ концѣ своей брошюры. «Если, говоритъ онъ, елисаветградское земское собраніе внимательно отнесется только къ поставленнымъ мною вопросамъ, то оно увидитъ, что большинство членовъ правленія училища состоитъ изъ людей вовсе неумѣлыхъ, пристрастныхъ и вполне холодно относящихся къ дѣлу народнаго образованія. Взнявшись за управленіе школой, они до сихъ поръ не разсмотрѣли всѣхъ тѣхъ условій, среди которыхъ должна развиваться земская школа: строить они эту реальную школу по стародавнимъ образцамъ, при помощи директора-филолога (вовсе незнакомаго съ естественными науками). Правленіе училища до сихъ поръ не видитъ тѣхъ печальныхъ послѣдствій, которыя будутъ результатомъ ихъ пристрастныхъ дѣйствій... «Стѣснять дѣятельность педагогическаго совѣта (если эта дѣятельность не противурѣчить духу администраціи)—значитъ обращать ее въ извѣстныя формы и приемы,—а это значить губить школу и воспитаніе.» Отношеніе правленія училища къ педагогическому совѣту именно таково, что и въ земской школѣ не отыскивается мѣста для развитія педагогическихъ способностей. И мы можемъ увѣрить Е. Я. Эрдели, писавшаго за здоровье земскихъ учителей, что земскимъ учителямъ не поздоровится отъ распоряжковъ г. Дикова и К°; что скоро, скоро педагогическая дѣятельность земскихъ учителей будетъ пригнетена «до точки замерзанія...»

Очень мало вниманія обращаютъ земства и на устройство медицинской части, хотя при частыхъ эпидеміяхъ было-бы очень и очень нужно позаботиться о лучшемъ устройствѣ медицинской части въ провинціяхъ. Свѣденія о холерѣ, о тифѣ и тому подобныхъ болѣзняхъ доходятъ ежедневно, свѣденіи-же о предпринимаемыхъ земствомъ

мѣрахъ почти не появляются никогда, а если и появляются, то далеко неутѣшительныя. Такъ въ «Московскія Вѣдомости» пишутъ, что въ селѣ Купавнѣ (Московской губерніи, Богородскаго уѣзда) появилась очень сильная холера. Дѣло началось такъ: изъ села на заводъ бр. Малыгиныхъ подрядчикъ велъ дорогу; рабочіе этого подрядчика (въ числѣ девяти человекъ) жили въ одномъ изъ домовъ села Купавны на харчахъ этого подрядчика, который, какъ говорятъ, кормилъ рабочихъ весьма плохо, и зачастую давалъ имъ на ужинъ разведенную водицей похлебку, такъ что рабочіе уже давно жаловались на боль въ животѣ и пр. Одинъ изъ этихъ рабочихъ, напившись пьянымъ, пролежалъ всю ночь съ субботы на воскресенье, на землѣ и проснулся утромъ 1 октября, съ признаками сильнѣйшей холеры. На другой день заболѣлъ другой рабочій, затѣмъ третій и въ то-же время захворала почти вся семья того дома, въ которомъ помещались рабочіе; далѣе холера перешла въ сосѣдній домъ, а къ 4 октября было уже 12 человекъ больныхъ, изъ которыхъ шестеро умерли до среды, 4 октября. Конечно, дали знать въ Богородскъ, пріѣзжалъ уѣздный врачъ, приказалъ фельдшеру, живущему въ Купавнѣ, давать капельки, растирать больныхъ, поить горячимъ и проч., но, чтобы обратить вниманіе на пищу, приказать принять мѣры гигиеническія, объ этомъ, какъ слѣдуетъ, не подумали.

Мы могли бы привести цѣлую массу подобныхъ извѣстій, если-бы это было нужно. Но сущность этихъ извѣстій одна и та-же: вездѣ чувствуется недостатокъ земскихъ врачей и слышатся жалобы на замѣну ихъ фельдшерами. Какъ дѣйствуютъ эти фельдшера — это просто невѣроятно. Мы недавно слышали отъ одного землевладѣльца, возвратившагося изъ своего имѣнія на югѣ, что въ его имѣніи сильно свирѣствовала холера, когда онъ пріѣхалъ туда. Люди умирали, какъ мухи, а между тѣмъ леченіемъ занимался только фельдшеръ, дававшій больнымъ по большой рюмкѣ смирта пополамъ съ хлороформомъ. Этотъ способъ леченія, конечно, приводилъ къ самымъ плачевнымъ результатамъ. На сѣздѣ пермскихъ врачей особенно ярко высказалось, какъ дѣйствуютъ у насъ на Русѣ фельдшера. Докторъ Моллесонъ рассказывалъ на сѣздѣ, что онъ знаетъ случаи ампутацій рукъ и ногъ, произведенныхъ фельдшерами простой столярной пилой и деревенскимъ косаремъ безъ хлороформа. Въ одномъ изъ упомянутыхъ случаевъ во время рѣзки пила сломалась, другой въ этой деревнѣ не было, такъ что нужно было сѣздить въ сосѣднюю деревню, а полу-пьяный фельдшеръ хладнокровно дожидаяся инстру-

мента. Былъ случай, что фельдшеръ переломилъ серебряный катетръ, вводя его въ пузырь. Докторъ Длугошевскій разсказалъ случай, когда фельдшеръ Прозоровскій, призванный къ кухаркѣ въ известной пермской гостинницѣ, принявъ сильно выразившійся сифилисъ за скарлатину и поставилъ больной пивки на шею. Хотя этотъ случай былъ напечатанъ въ пермскихъ вѣдомостяхъ, но фельдшеръ продолжаетъ лечить по прежнему. «Но всего курьезнѣе, продолжаетъ г. Моллесонъ, замѣтки въ книгахъ, сколько времени пролежалъ больной и съ какимиъ результатомъ. Больные ревматизмомъ проводятъ 4-5 дней и потомъ слѣдуетъ отиѣтка: sanus est—выздоровѣлъ; большие воспаленіемъ глазъ;—2-4 дня—выздоровѣлъ; костоѣда—6 дней—выздоровѣлъ и т. д. Именно, какъ нарочно, подобраны самыя упорныя болѣзни, требующія чрезвычайно долгаго времени для излеченія, между-тѣмъ какъ въ рукахъ земскихъ фельдшеровъ, оказывается, проходить въ 2 или 3 дня»... «Непониманіе болѣзни, назначеніе бессмысленныхъ лекарствъ, проводочка времени, злоупотребленіе кровопусканіями, ртутнымъ леченіемъ, слабительными лекарствами и прочими «словами», которыя, незамѣтно для глазъ большинства, одного за другимъ укладываютъ въ могилу тѣхъ, которые имѣли несчастіе обращаться за пособіемъ къ фельдшеру»,—вотъ зло приносимое фельдшерами, свободно практикующими не подъ непосредственнымъ контролемъ врачей. Эти люди мало отличаются отъ знахарей. «Отличіе это чисто виѣшнее: одинъ—это неразвитой мужикъ въ армякѣ, другой—въ сущности такой-же ограниченный недоросль, но завѣдомо безиравственный плутъ, прикрывающійся не армякомъ, но дипломомъ». «И именно потому, говоритъ г. Моллесонъ, онъ несравненно вреднѣе армяка. Перелечивши или, лучше сказать, пересмотрѣвши тысячи крестьянъ, переходившихъ ко мнѣ изъ рукъ фельдшеровъ и знахарей, я не знаю ни одного больного, исцрбченнаго до такой степени послѣдними, какъ первыми. Знахарь, большею частію, осторожнѣе, челолюбивѣе, гуманнѣе фельдшера, который, благодаря диплому и официально признаной земствомъ самостоятельной практической дѣятельности, всегда отваженъ, рѣшителенъ и изумительно безчеловѣченъ». Но ограничить это вредное вліяніе фельдшеровъ можно только при помощи увеличенія личнаго состава земскихъ врачей. Въ настоящее-же время, когда «врачъ, наиримѣръ, втеченіи какихъ-нибудь 10—15 дней получаетъ извѣстія изъ 10—12 деревень о появленіи всевозможныхъ эпидемій: осы, кори, тифа»,—немыслимо, чтобы врачи успѣли что-нибудь сдѣлать, какъ-нибудь помочь. Они не могутъ быть разомъ во всѣхъ мѣстахъ и поневогѣ

приходится разсылать повсюду фельдшеровъ, приносящихъ болѣе вреда, чѣмъ пользы. Рядомъ съ увеличеніемъ числа земскихъ врачей слѣдуетъ подумать и о лучшемъ устройствѣ фельдшерскихъ школъ, и земство въ этомъ случаѣ не должно скупиться: пусть лучше въ его средѣ не будетъ ни одной артельной сыроварни, ни одной школы въ родѣ подолянской, но пусть у него будетъ побольше врачей и побольше хорошихъ фельдшерскихъ школъ. Принесутъ-ли какую-нибудь пользу артельныя сыроварни хотя кому-нибудь, кромѣ ихъ учредителя, — это еще вопросъ. Вознаградить-ли земство за сдѣланныя имъ затраты подолянская школа — это тоже вопросъ. Но не вопросъ то, что земства сильно попятятся за недостатокъ врачей и хорошихъ фельдшерскихъ школъ. Но — и это главное — пусть земство не только окажется щедрымъ въ этомъ дѣлѣ, но пусть оно къ щедрости прибавитъ и энергію, умѣнье наблюдать, контролировать; въ противномъ-же случаѣ щедрость не поведетъ ни къ чему — вѣдь, бывали и такіе случаи, что земства откладывали извѣстныя суммы на экстренные расходы во время эпидемій, а когда наставало это время, то оказывалось, что этихъ суммъ не существуетъ, такъ-какъ онѣ выданы на разныя награды. Да, если мы въ чемъ-нибудь нуждаемся, такъ это не въ одной выдачѣ денегъ, а прежде всего въ умѣнии честно распорядиться общественными деньгами и въ стремленіи провѣрять каждый грошъ, выданный нами на общественныя нужды. Безъ этого-же, по русской пословицѣ, на пошойную яму не напасешься хламу.

Рядомъ съ устройствомъ земской медицины должно-бы идти и устройство ветеринарной части. Скотоводство — вообще важная часть народнаго хозяйства, и особенно у насъ, при плохомъ развитіи путей сообщенія, при отсутствіи машинъ въ дѣлѣ сельскаго хозяйства. Но мы менѣе всего заботимся о томъ, чтобы нашъ скотъ не погибалъ отъ повальныхъ болѣзней. Въ Россіи, по статистическимъ свѣденіямъ за 1864 годъ, имѣлось:

Лошадей	20,207	тысячь	головъ.
Крупнаго рогатаго скота.	28,544	»	»
Овецъ	65,018	»	»
Свиней	11,649	»	»

Тогда какъ въ другихъ странахъ имѣлось:

	Лошадей.	Рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.
Въ Австріи	3,298,934	13,660,332	16,566,459	7,914,855
Въ Великобританіи и Ирландіи	2,650,000	9,083,416	34,250,272	3,189,167
Въ Швейцаріи	400,325	992,895	445,400	304,191

И т. д.

Но при этомъ, по словамъ Гауснера, въ Швейцаріи имѣлось два высшихъ ветеринарныхъ учебныхъ заведенія, въ Великобританіи три, въ Австріи три, въ Германіи десять, а у насъ только пять. Кроме того, такъ-какъ наши ветеринары получаютъ незначительныя жалованья, такъ-какъ они не пользуются въ глазахъ населенія особеннымъ значеніемъ, то въ ветеринарныя учебныя заведенія поступаютъ обыкновенно самыя неспособныя, самыя лѣнныя люди, — люди, которые не надѣются окончить благополучно свое образованіе въ другомъ мѣстѣ. Мы очень хорошо знаемъ, какимъ тономъ говорятъ про человѣка: «онъ на ветеринарное отдѣленіе поступилъ!». Но, при такомъ странномъ взглядѣ на дѣло, при такомъ скверномъ положеніи ветеринаровъ, при такой малочисленности ихъ, наше скотоводство не можетъ идти хорошо даже при хорошемъ развитіи земледѣлія, при хорошихъ кормахъ. Скотъ никогда не будетъ застрахованъ отъ повальныхъ болѣзней, и это прежде всего отзовется на земствѣ. Крестьяне безъ домашняго скота — нищія; нищія-же едва-ли могутъ платить что-нибудь, и потому земство можетъ остаться безъ всякихъ средствъ на устройство школъ, больницъ, на поддержаніе мировыхъ учреждений и т. д. Какъ сильно дѣйствуютъ у насъ повальныя болѣзни, это видно изъ того, что предполагавшаяся нынѣшнимъ лѣтомъ всероссійская выставка рогатаго скота въ Москвѣ не могла состояться по причинѣ развитія на скотѣ, какъ въ Москвѣ, такъ и въ окрестностяхъ, чумы. Въ настоящее время, какъ сообщаютъ въ «Московскія Вѣдомости», по распоряженію московскаго генераль-губернатора, открытъ при тамошней медицинско-конторѣ особый комитетъ ветеринаровъ для обсужденія мѣръ противу распространенія на будущее время чумы рогатаго скота въ московской губерніи. Комитетъ этотъ имѣлъ нѣсколько засѣданій, пришелъ, повидимому, къ нѣкоторымъ выводамъ и вообще опредѣлилъ путь своей дѣятельности. Желательно было-бы очень, чтобы эти совѣщанія специалистовъ привели къ практическимъ рѣшеніямъ и чтобы предполагаемая въ слѣдующемъ году выставка скота, наконецъ, состоялась. О чумѣ рогатаго скота въ газетѣ помѣщена особая статья, въ которой приведены, между прочимъ, слѣдующія данныя: распространеніе чумы и падежъ скота отъ этой эпидеміи бываетъ, большею частію, такъ силенъ, что не можетъ идти ни въ какое сравненіе со смертностью отъ людскихъ эпидемій и можетъ быть только сравниваемъ съ когда-то свирѣпствовавшей въ Европѣ моровою язвой. Отъ чумы рогатаго скота умираетъ обыкновенно отъ 65% до 94% изъ 100 заболѣвшихъ. Последняя цифра преимущественно относится къ западной Галліи. Въ Россіи, по официальнымъ даннымъ, пало въ 1854 г. изъ числа

172,687 зачумленныхъ животныхъ 118,316 головъ. (Вотъ-бы «обществу покровительства животнымъ» позаботиться объ устройствѣ ветеринарной части вмѣсто того, чтобы слѣдить за мужиками, бьющими лошадей!) Но это число выражаетъ, конечно, только *minimum* изъ того, что у насъ гибнетъ рабочей силы отъ одной небрежности и неумѣнія предотвратить повальные болѣзни скота. «Статистическія данныя о дѣйствіяхъ эпизоотій обыкновенно далеко отстаютъ отъ печальной истины,» говорится въ одномъ изъ отчетовъ нижегородской врачебной управы. И дѣйствительно, у насъ зачастую бываютъ такіе случаи чумныхъ эпидемій, что инныя села совсѣмъ остаются безъ скота. Самыя благоустроенныя хозяйства приходятъ въ упадокъ. Не менѣе также страдаетъ отъ этой заразы и наша торговля скотомъ, которая, при болѣе благопріятныхъ обстоятельствахъ, могла-бы служить источникомъ значительныхъ доходовъ. Убытокъ, причиненный государству чумою, доходитъ вообще до 2.000,000 р. въ годъ. Но, конечно, самые крупные убытки въ этомъ случаѣ несетъ земство и несетъ оно не по чьей-нибудь чужой винѣ, а по своей собственной, потому что оно больше мечтаетъ о концессіяхъ, о банкахъ, чѣмъ о дѣлахъ первой необходимости, совершенно забывая пословицу: «тутъ не до поживы—были-бы живы». И что-же можетъ выйти въ результатъ того направленія, которое все болѣе и болѣе охватываетъ умы: концессионеры, учредители банковъ, акціонерныхъ компаній и тому подобныя отдѣльныя личности, конечно, наживутся; но само земство, крестьяне, духовенство, мелкіе торговцы, небогатыя дворяне положительно приведутъ въ упадокъ свое хозяйство. Объ этомъ имъ стоитъ подумать.

Н. Ч.

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРЪ ЖУРНАЛА

ДЪЛО

(Адресоваться въ Главную контору журнала «ДЪЛО», въ С.-Петербургъ,
уголь Надеждинской ул. и Манежнаго пер., д. № 39/5.)

Вышелъ и продается третій и послѣдній выпускъ
сочиненія

Ч. ДАРВИНА

ПРОИСХОЖДЕНІЕ ЧЕЛОВѢКА И ПОЛОВОЙ ПОДБОРЪ.

Съ рисунками. Перев. съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благо-
свѣтлова. Изд. Редакціи журнала „ДЪЛО“.

Цѣна всѣмъ тремъ выпускамъ, составляющимъ около 80-ти печатныхъ
листовъ, съ рисунками, 5 р. безъ перес.; съ перес. 5 р. 50 к. Цѣна третье-
му выпуску отдѣльно 2 р. безъ перес.; съ перес. 2 р. 30 к.

НВ. Въмѣсто ст. Т. Гексли: «Критики Дарвина», обѣщанной, какъ прило-
женіе къ 3-му выпуску, редакция нашла возможнымъ издать отдѣльную книжку
съ портретомъ Ч. Дарвина и съ общимъ обзоромъ его дѣятельности. Книжка
эта будетъ выпущена въ непродолжительномъ времени.

Городскимъ покупателямъ будетъ выдаваться эта книжка бесплатно, а ино-
городнихъ, желающихъ получить ее, просить выслать 50 к. на пересылку, изъ
какой-бы то ни было мѣстности—деньгами или почтовыми марками.

Тамъ-же продаются слѣдующія изданія Редакц. журнала „Дѣло“:

О подчиненіи женщины. Соч. Дж. Ст. Милля. Перев.
съ англійскаго подъ редакціей Г. Е. Благосвѣтлова. Изд. 2-е. Ц.
1 р. безъ перес. На пересылку—за 1 фунтъ.

Уроки элементарной физиологии, Томаса Гексли. Изда-
ніе второе. Перев. съ англійскаго; съ предисловіемъ Д. И. Писа-
рева. Около 100 рисунковъ. Ц. безъ пересылки 1 р. На пересылку—
за 1 фунтъ.

Исторія Крестьянской войны въ Германіи. Д-ра
В. Циммермана, составл. по лѣтописямъ и рассказамъ очевидцевъ.
Переводъ съ нѣмецкаго. Три тома, составл. болѣе 70-ти печ. ли-

ствоъ. Изданіе второе. Ц. тремъ томамъ безъ перес. 2 р. На пересылку—за 3 фунта.

Одинъ въ полѣ—не воинъ. Романъ Фр. Шпильгагена, Съ портретомъ автора и съ предисловіемъ: *Люди будущаго*—Г. Е. Благосвѣтлова. Два тома. Ц. 2 р. безъ перес. На пересылку — за 3 фунта.

Популярная гигиѣна. Настольная книга для сохраненія здоровья и рабочей силы въ средѣ народа. Соч. Карла Реклама. Изданіе третье. Съ приложеніемъ *Дѣтской гигиѣны*, д-ра М. С. Зеленскаго и вступительной ст. В. О. Португалова „Безпредѣльность гигиѣны“. Съ рисунками. Ц. 2 руб. На пересылку прилагается за 2 фунта.

Комедія всемірной исторіи, Иог. Шерра. Историческій обзоръ событій съ 1848 по 1851 годъ. Перев. съ нѣм. Въ 2-хъ томахъ. 1-й томъ вышелъ вторымъ изданіемъ. Цѣна обоимъ томамъ 3 р. безъ перес. На пересылку — за 2 фунта. Огдѣльно первый выпускъ продается за 2 р. безъ перес.

Отъ Земли до Луны — 97 часовъ прямого пути. Жюли Верна. Перев. съ франц. Ц. безъ переплета 50 к.; а въ переплетѣ 1 р. На пересылку—за 1 фунтъ.

Сочиненія Э. М. Толстаго. Съ предисловіемъ. Д. И. Писарева. Ц. двумъ томамъ 1 р. 50 к. безъ перес. На пересылку—за 2 фунта.

Усовершенствованіе и вырожденіе человѣч. рода. В. М. Флоранскаго. Ц. 50 коп. безъ перес.; съ перес. 80 к.

Печатаются и въ скоромъ времени выйдутъ слѣдующія книги:

Избранныя рѣчи Дж. Брайта, Перев. съ англ. подъ редакцію Г. Е. Благосвѣтлова. Цѣна 2 р.; съ перес. 2 р. 30 к.

Политическіе этюды Жака Лефрена. (Исторія Франціи. Политическіе портреты. Очерки политическихъ событій въ различныхъ странахъ). Въ 2 хъ томахъ, около 40 печат. листовъ. Цѣна 3 р. безъ перес.

Подписчикамъ на журналъ „Дѣло“, какъ и книгопродавцамъ, дается уступка 20% съ вышеозначеннаго цѣны. Пересылка считается особо.

ВЪ МУЗЫКАЛЬНОМЪ МАГАЗИНѢ

I. ЮРГЕНСОНА,

КОМИССИОНЕРА РУССКАГО МУЗЫКАЛЬНАГО ОБЩЕСТВА,

Спб., Большая Морская, № 9 (на углу Невскаго пр.),

ПОСТУПИЛО ВЪ ПРОДАЖУ

НОВОЕ ДЕШЕВОЕ ИЗДАНИЕ КЛАССИЧЕСКОЙ МУЗЫКИ И ОПЕРЪ.

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО: Норма, Пуритане, Сомнамбула, Волшебный стрѣлокъ, Оберонъ, Цампа, Лючія, Любовный напитокъ, Донъ-Жуанъ, Реквиемъ, Отелло, Севильскій цирюльникъ, Фенелла и др., всего 40 оперъ (каждая 50 к.).

ПОЛНЫЯ ОПЕРЫ ВЪ ЧЕТЫРЕ РУКИ: Волшебный стрѣлокъ (90 к.), Севильскій цирюльникъ (1 р.), Донъ-Жуанъ (1 р. 25 к.), Норма (1 р.), Лючія (1 р.), Сомнамбула (1 р.), Оберонъ (1 р.), Фенелла (1 р. 50 к.) и др.

ДЛЯ ФОРТЕПИАНО СО СКРИПКОЮ: *Бетховенъ*, Всѣ сонаты (2 р.), Концертъ и два романса (75 к.), Всѣ варьяціи (75 к.). *Веберъ*, Всѣ сонаты (60 к.). *Гайднъ*, Всѣ сонаты (1 р. 25 к.). *Моцартъ*, Всѣ сонаты (2 р. 25 к.). *Шубертъ*, Сонаты (90 к.).

ТРІО для фортепиано, скрипки и виолончели: *Бетховенъ*, Всѣ тріо (3 р. 25 к.). *Гайднъ*, Всѣ 31 тріо (8 р.), 6 избранныхъ тріо (1 р. 25 к.). *Гуммельъ*, Всѣ тріо (2 р.). *Моцартъ*, Всѣ тріо (2 р. 25 к.). *Шубертъ*, Всѣ тріо (1 р. 50 к.).

КВАРТЕТЫ для двухъ скрипокъ, альты и виолончели: *Бетховенъ*, Всѣ 17 квартетовъ (5 р. 60 к.). *Гайднъ*, Всѣ 83 квартета (12 р.). 20 избранныхъ квартетовъ (2 р. 25 к.). *Моцартъ*, Всѣ 27 квартетовъ (5 р. 25 к.). *Шубертъ*, 4 квартета (1 р. 75 к.).

ЭТЮДЫ ДЛЯ СКРИПКИ: *Крейцеръ*, 40 этюдовъ (50 к.). *Роде*, 24 этюда (50 к.). *Фиорилло*, 36 этюдовъ (50 к.). *Цинкейзенъ*, 26 маленькихъ дуэтовъ для двухъ скрипокъ (50 к.).

ДЛЯ ОДНОГО ФОРТЕПИАНО: «*Perles de salon*». Сборникъ избранныхъ пьесъ для фортепиано Спиндлера, Юнгмана, Кеттерера, Воленгаупта, Ричардса, Литольфа и др. Томъ I, 17 пьесъ (1 р.). Томы II до VII, въ каждомъ отъ 8 до 10 пьесъ (за томъ 75 к.). *Жёлерь*, Народныя мелодіи всѣхъ націй земного шара, въ двѣ руки (1 р.), въ 4 руки (1 р.). Народныя танцы всѣхъ націй земного шара въ 2 руки (1 р.), въ 4 руки (1 р.).

РАЗНЫЯ ШКОЛЫ.

ГЮНТЕНЪ. Полная школа для фортепиано. 13-е изданіе (1872 года), пересмотрѣнное, исправленное и дополненное А. И. Дюбюкомъ, профессоромъ московской консерваторіи, съ прибавленіемъ 20 новыхъ пьесъ, составленныхъ изъ любимыхъ оперъ и русскихъ пѣсень, съ приложеніемъ изображенія клавиатуры и жизненныхъ правилъ для молодыхъ музыкантовъ Р. Шумана (3 р. 50 к.).

ЮТТИ и БРАССЕРЪ. «Сокровище для матерей семействъ». Элементарная школа для фортепиано, одобренная гг. Гензельтомъ, Герке, Лешетницкимъ, Рубинштейномъ и др. Посвященная Ея Величеству Государынѣ Императрицѣ Маріи Александровнѣ. 5-е изданіе (5 р., съ перес. 6 р.). «Приложеніе къ сокровищу». Необходимое дополненіе или часть 2-я къ элементарной школѣ, содержащее въ себѣ множество упражненій и избранныхъ пьесъ для дѣтей (4 р., съ перес. 5 р.).

БЕЙЕРЪ. Первоначальная дѣтская фортепианная школа (3 р.).

БУРГМИЛЛЕРЪ. Первоначальная школа для маленькихъ дѣтей (2 р.).

БЕНДА. Школа для фисгармонки или гармоніума (1 р. 80 к.).

МАЙЕРЪ-МАРИКСЪ. Школа для гармонифлейты (1 р.).

БЕРЮ. Новѣйшая школа для скрипки (4 р.).

МАЗАСЪ. Лучшій скрипичный учитель (3 р.).

РОДЕ, КРИЦЕРЪ и БАЛЬЮ. Скрипичный самоучитель (3 р.).

БРУНИ. Школа для альты (1 р. 80 к.).

ЛИ. Школа для віолончели (4 р.).

ХВАТАЛЪ. Школа для аккордеона или ручной гармоникки (75 к.).

ЛАБЛАШЪ. Полная школа для пѣнія (5 р.).

МАРКОВЪ. Новѣйшая школа для семпструнной гитары (3 р.).

БРЯНСКІЙ. Метода обученія хорошему пѣнію. Книга I (1 р. 50 к.). Книга II (1 р.).

ЧАЙКОВСКІЙ. Руководство къ практическому изученію гармоніи (2 р., съ перес. 2 р. 25 к.).

ЛОБЕ. Музыкальный катехизисъ (60 к., съ перес. 75 к.).

ГАРРАСЪ. Карманный музыкальный словарь (терминологія) (50 к., съ перес. 60 к.).

РИХТЕРЪ. Учебникъ гармоніи (1 р. 50 к., съ перес. 1 р. 75 к.).

ГЕВАЕРТЪ. Руководство къ инструментовкѣ. Переводъ профессора Чайковского, съ прибавленіемъ партитурныхъ примѣровъ изъ русскихъ сочиненій (4 р., съ перес. 4 р. 50 к.).

ПОЛНЫЯ РУССКІЯ ОПЕРЫ ДЛЯ ФОРТЕШАНО.

ГЛИНКА. Жизнь за Царя (6 р., вѣс. 6 фунт.). Русланъ и Людмила (6 р., вѣс. 6 фунт.).

ДАРГОМЫЖСКИЙ. Русалка (6 р., вѣс. 4 фунт.).

ВЕРСТОВСКИЙ. Аскольдова могила (4 р., вѣс. 4 фунт.).

СѢРОВЪ. Рогвѣда (6 р., вѣс. 4 фунт.).

Цѣны дешевымъ изданіямъ крайнія и за пересылку оныхъ предлагается особо. Каталогъ онымъ высылается бесплатно. Требования гг. иногородныхъ исполняются съ первоотходящею почтою.

Магазинъ г. Юргенсона снабженъ полнымъ ассортиментомъ всѣхъ вообще музыкальныхъ сочиненій для всѣхъ инструментовъ и голосовъ, кѣмъ-бы они ни были изданы и объявлены. Магазинъ дѣлаетъ значительную уступку на нотахъ и въ обыкновенныхъ изданіяхъ, за исключеніемъ изданій духовно-музыкальныхъ сочиненій, дешевыхъ изданій классической музыки и оперъ, и сочиненій изданныхъ самими авторами, цѣны которымъ крайнія и за пересылку конхъ предлагается особо.

Въ магазинѣ г. Юргенсона принимается подписка на *новый дешевый музыкальный журналъ* для фортепіано „DIE MUSIKALISCHE WELT“ (Музыкальный Свѣтъ), издаваемый г. Литольфомъ въ Брауншвейгѣ и содержащій ежемѣсячно отъ 5 до 6 избранныхъ пьесъ любимыхъ современныхъ композиторовъ. Всѣ эти пьесы совершенно новыя, нигдѣ еще неизданныя, появляются впервые въ этомъ журналѣ, имѣющемъ огромный успѣхъ какъ по прекрасному содержанію, такъ и по дешевизнѣ. Годовая цѣна подписки 2 р. 70 к., съ пересылкою 4 р. Желающіе подписаться получаютъ всѣ вышедшія тетради съ начала года. Принимается также подписка на 1873 годъ.

У книгопродавца **Н. А. ШИГИНА**. Въ С.-Петербургѣ, по Большой Садовой ул., домъ Пажескаго корпуса, № 2.

ПОСТУПИЛА ВЪ ПРОДАЖУ СЛѢДУЮЩАЯ КНИГА:

РУССКАЯ ОБЩИНА

ВЪ

ТЮРЬМЪ И ССЫЛКЪ.

Исслѣдованія и наблюденія надъ жизнью тюремныхъ, ссыльныхъ и бродяжескихъ общинъ.—Историческій очеркъ сибирской ссылки.—Сравненіе разныхъ системъ наказанія у насъ и въ западной Европѣ.—Основы новой рациональной системы исправленія согласно выводамъ пенитенціарной науки и опыта русскоя тюремной общины.

М. Н. Ядринцева. Спб. 1872 г. Ц. 2 р. 50 к. съ перес. 3 р.

О Г Л А В Л Е Н І Е:

Одинокое заключеніе (подъ слѣдствіемъ).

I. Первые минуты неволи. — II. Послѣдственное заключеніе у насъ и за границей.

Община и ея жизнь въ русскомъ острогѣ.

I. Общія камеры.—II. Секретные.—III. Тюремное времяпровожденіе.—IV. Недуги острога.—V. Любовь въ неволѣ.—VI. Преступники острога.—VII. Осторожная поэзія, музыка и тюремное творчество. — VIII. Исторія тюремной общины, ея общинныя учрежденія.—IX. Борьба общины и бунты стараго острога.—Лучшія стороны русской тюремной общины.

Тюремные жители.

I. Изъ падшихъ чиновниковъ.—II. Фармазонскій купецъ.—III. Фельткультетный человѣкъ.—IV. Первый человѣкъ въ Сибири.—V. Дѣдушка Абрамовъ.—VI. Жиганъ.—VII. Французъ.—VIII. Тюремный сказочникъ.—IX. Осторожный Врутъ.—X. Ищущіе спасенія и свѣта.—Исторія этапнаго странствія обыкновеннаго смертнаго.—Объ изученіи характеровъ въ новой исправительной тюрьмѣ.

Ссылное бродячее населеніе.

I. Исторія бродячества.—II. Причины побѣговъ ссыльныхъ.—III. Путь бродягъ.—IV. Бродяжеская корпорація и самосудъ.—V. Бродяжескіе браки.—VI. Бродяжеское пристанище.—VII. Бродяжескій процессъ.—VIII. Профессіи бродягъ.—IX. Борьба съ бродяжествомъ и законъ Линча въ Сибири.

Историческіе очерки русской ссылки.

I. Ссылка, какъ мѣра наказанія въ связи съ развитіемъ преступленій.—II. Колонизаціонное значеніе русской ссылки.—III. Исправительное значеніе русской ссылки.—IV. Преступленія ссыльныхъ въ Россіи и Сибири.

Историческій опытъ разныхъ системъ наказанія.

I. Сравнительно-историческій очеркъ уголовного наказанія въ Европѣ.—II. Очерки европейскихъ пенитенціарныхъ системъ.—III. Задачи новой рациональной системы исправленія.

ПОСТУПИЛЪ ВЪ ПРОДАЖУ

ВСЕОБЩІЙ КАЛЕНДАРЬ

НА 1873 ГОДЪ

для православныхъ, протестантовъ, католиковъ, грузинъ, евреевъ-раввинистовъ, евреевъ-караимовъ и магометанъ.

(Въ красной оберткѣ съ таблицей часовъ).

ИЗДАНИЕ ГЕРМАНА ГОППЕ.

Спб., на Большой Садовой улицѣ, домъ Коровина, № 16.

СОКРАЩЕННОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

I. Церковный отдѣлъ (Мѣсяцесловъ и проч.). — II. Астрономическія и метеорологическія свѣденія. — III. Историческій отдѣлъ. — IV. Педагогическій отдѣлъ. — V. Военный отдѣлъ. — VI. Морской отдѣлъ. — VII. Судебныя свѣденія. — VIII. Метрологическій отдѣлъ. — IX. Коммерческій и финансовый отдѣлъ. — X. Желѣзно-дорожный отдѣлъ. — XI. Пароходный отдѣлъ. — XII. Телеграфный отдѣлъ. — XIII. Почтовый отдѣлъ. — XIV. Географо-статистическій отдѣлъ. — XV. Разныя свѣденія. — XVI. Адресъ-календарь. — XVII. Подробное описаніе московской политехнической выставки. — XVIII. Объявленія.

ПРИЛОЖЕНІЯ КЪ ВСЕОБЩЕМУ КАЛЕНДАРЮ 1873 г.

1) Карта желѣзныхъ дорогъ Россійской Имперіи, въ форматѣ большого двойного листа, съ показаніемъ телеграфныхъ линій, пароходныхъ сообщений и шоссейныхъ дорогъ, составленная по послѣднимъ официальнымъ свѣденіямъ, исправленнымъ по 1-е августа 1872 г. и отпечатанная двумя красками.

2) Карта Азіатской Россіи, составленная по послѣднимъ официальнымъ источникамъ.

ЦѢНА ВСЕОБЩЕМУ КАЛЕНДАРЮ:

Въ каленкор. пер. 1 руб. 50 коп., съ перес. 2 руб. — коп.

» папѣ . . . 1	» 30	»	» 1	» 60	»
» бумажѣ . . . 1	» —	»	» 1	» 30	»

XVII. ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ. Н. Ч.

Стремленіе къ наживѣ.—Активность общества въ этомъ дѣлѣ.—Реклама антрепренера.—Одесскіе нотариусы, обреченные на жертву.—Булачество и мѣры, принятыя противъ него въ Одессѣ.—Какъ смотритъ общество на наживу и какія мнѣнія о ней проскальзываютъ въ литературѣ.—Мясниковское дѣло.—Интересныя стороны этого дѣла.—Медицинско-судебныя изслѣдованія отравленій.—Дѣло отравленія въ Англии.—Рѣшеніе присяжныхъ по дѣлу объ убійствѣ въ г. Орлѣ.—Пассивность общества въ дѣлахъ, необъщдающихъ быстрой наживы.—Народное образованіе.—Елисаветградское высшее реальное училище.—Земская медицина и дѣятельность фельдшеровъ.—Скотскіе падежи и ветеринары.—На комъ отвѣтается наша собственная пассивность?

ПРИ ГЛАВНОЙ КОНТОРѢ ЖУРНАЛА

„ДѢЛО“

въ С.-Петербурѣ, на углу Надеждиной улицы и Манежнаго пер., д. № 39—5)

ВЫШЛА И ПРОДАЕТСЯ НОВАЯ КНИГА:

О ПИТАНІИ

**ВЪ ФИЗИОЛОГИЧЕСКОМЪ, ПАТОЛОГИЧЕСКОМЪ и ТЕРАПЕВТИЧЕСКОМЪ
ОТНОШЕНІЯХЪ.**

СОЧИНЕНІЕ Д-РА ЭЖЮЛЯ СИРА.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО ПОДЪ РЕДАКЦІЮ А. Н. МОРИГЕРОВСКАГО.

Цѣна 2 р., съ перес. 2 р. 30 к.

При этой книгѣ помѣщены слѣдующія объявленія: 1) объ изданіи журнала *Дѣло* въ 1873 году; 2) объ изданіяхъ редакціи журнала *Дѣло*; 3) отъ книгопродавца Н. А. Шигина; 4) отъ музыкальнаго магазина І. Юргенсона и 5) о календарѣ Г. Гоппе.

При этомъ № предлагается объявленіе отъ книжнаго магазина гг. Колесова и Михина.

ПОДПИСКА НА ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛЪ

„Д Ъ Л О“

въ 1873 году

принимается въ С.-Петербургѣ, въ Главной конторѣ редакціи (по Надеждинской улицѣ, д. № 39), и у книгопродавцевъ:

ВЪ С.-ПЕТЕРБУРГѢ:

ВЪ МОСКВѢ:

Въ книжномъ магазинѣ М. О. Вольфа, на Невскомъ проспектѣ, по Гостиному двору, №№ 18, 19 и 20, и въ Книжномъ Магазинѣ для Иногороднихъ, на Невскомъ, противъ Думы, въ д. № 36.

Въ книжномъ магазинѣ П. Г. Соловьева, на Страстномъ бульварѣ, въ д. Алексѣева; а также въ книжномъ магазинѣ М. М. Черенина, на Рождественѣ, въ д. Торлецкаго.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

годовому изданію журнала „ДЪЛО“:

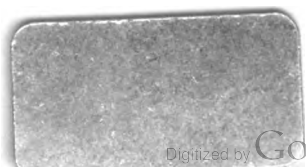
Безъ пересылки и доставки	14 р. 50 к.
Съ пересылкою иногородн	16 >
Съ доставкою въ С.-Петербургѣ	15 > 50 к.

Подписная цѣна для заграничныхъ абонентовъ:

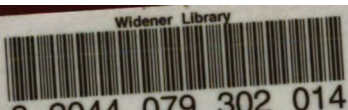
Пруссія и Германія—18 р.; Бельгія, Нидерланды и Придунайскія княжества—19 р.; Франція и Данія—20 р.; Англія, Швеція, Испанія, Португалія, Турція и Греція—21 р.; Швейцарія—22 р.; Италія—23 рубля.

Для служащихъ дѣлается разсрочна, но не иначе какъ за поручительство г. назначеевъ.

Редакторъ-издатель Н. ШУЛЬГИНЪ.

Widener Library

3 2044 079 302 014